This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1889.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
703412 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1934 L

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

ЧАСТЬ 1.

стр.

I. Вооруженныя силы Россіи. Вступленіе 5
II. Расчисленіе силъ для большой войны 41
III. Народное ополченіе 60
IV. Пѣхота 72
V. Численность пѣхоты и военно-земское устройство . . 103
VI. Конница 113
VII. Военные чины 152
VIII. Общія соображенія 176
IX. Заключеніе 196
Приложеніе 1. Панцырныя войска 216
2. Кирасиры 228
3. Пластуны 233
4. Вооруженіе и обмундированіе 236

ЧАСТЬ 2.

Нашъ военный вопросъ. Слово къ читателямъ I
Разъясненіе дѣла 1
Разборъ проектовъ главнаго штаба 1872 г. 31
Крѣпостныя войска 46
Запасные батальоны 48
Маршевые батальоны 53
Рекрутскій запасъ и государственное ополченіе 59
Резервные батальоны 63
Срокъ переустройства 67
Окружная система въ военномъ отношеніи 86
Разборъ положенія о полевомъ командованіи арміями . . 98
Новый разборъ о полевомъ командованіи 131
Крымская война и окружная система 151
Театръ войны на черноморскомъ прибрежьѣ 178
Новый панцырь 209
Разборъ брошюры ген. Пистолькорса «О значеніи русской кавалеріи» 228
Мнѣніе о восточномъ вопросѣ 243
Приложеніе къ «Мнѣнію о вост. вопросѣ» 304

Digitized by Google

Digitized by Google

Собраніе Сочиненій Р. А. Фадѣева.

Томъ II.

Часть I.

Вооруженныя силы Россіи.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Вступленіе.

Въ настоящую минуту Европа приняла болѣе воинственный видъ, чѣмъ было когда-нибудь со времени окончанія великихъ наполеоновскихъ войнъ. Главная, по крайней мѣрѣ наиболѣе бросающаяся въ глаза, забота большихъ европейскихъ государствъ состоитъ теперь въ пересмотрѣ своихъ военныхъ учрежденій, въ расширеніи кадровъ арміи, чтобы вмѣстить въ нихъ наибольшую силу при переходѣ на военное положеніе, въ усовершенствованіи вооруженія. Каждое государство боится остаться позади другихъ. Забота эта всеобщая. Она достаточно объясняется нынѣшнимъ состояніемъ міра. На нашихъ глазахъ перевершаются почти всѣ прежнія, установленныя отношенія между народами, замѣняются новыми, изъ которыхъ ни одно не окрѣпло еще достаточно, чтобы считаться рѣшеннымъ дѣломъ; чѣмъ слабѣе привычныя связи, тѣмъ больше мѣста произволу и силѣ. Въ такую минуту каждому самостоятельному народу приходится оглянуться на себя, сравнить свои силы, естественныя и выработанныя, съ силами сосѣдей, внимательно разсмотрѣть, не остается ли что-нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи, и въ то же время безпристрастно взвѣсить собственное заключеніе о себѣ и сравнить его съ дѣйствительностію. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ провѣрка сужденій, сдѣлавшихся болѣе или менѣе общепринятыми, становится необходимымъ возмужалому обществу.

Въ сущности, каждый международный вопросъ есть вопросъ о силѣ; мирное и военное разрѣшеніе его составляютъ двѣ степени напряженія одного и того же дѣйствія. Когда неравенство силы очевидно, тогда уступаютъ безъ боя, если возможно

20 JAN 9 JAN '34

Digitized by Google

приличнымъ образомъ; иначе вступаютъ въ бой. Въ международныхъ отношеніяхъ желать чего-нибудь значитъ сознавать въ себѣ силу добиться желаемаго. Дипломатія составляетъ въ сущности не иное что̀, какъ безсрочные переговоры между народными силами, между арміями, во главѣ которыхъ стоятъ ихъ правительства. Дипломатія—это форма, часто искуство пользоваться своею дѣйствительною силой, не напрягая ея; безъ силы дипломатія будетъ празднымъ разговоромъ—краснорѣчіемъ ганноверскихъ уполномоченныхъ передъ графомъ Бисмаркомъ. Разумѣется, сила человѣческихъ обществъ не измѣряется однимъ перечисленіемъ штыковъ и пушекъ, или что̀ то же, населеній и доходовъ. Тѣмъ не менѣе, сумма нравственнаго, политическаго и матеріяльнаго могущества народовъ не только должна опредѣлять мѣру ихъ желаній, но на дѣлѣ всегда опредѣляетъ ее. Невозможнаго нечего и желать.

Часто однакожъ общество имѣетъ смутное понятіе о своемъ народномъ могуществѣ, понятіе, основанное на случайныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ поторопились вывести обманчивыя заключенія; а между тѣмъ общественное настроеніе, даже въ абсолютныхъ государствахъ, имѣетъ великое вліяніе на рѣшенія политики. Пруссія вышла на войну въ 1806 году и чуть не погибла, вслѣдствіе того, что была ложно увѣрена въ превосходствѣ своей арміи, на основаніи давно минувшихъ побѣдъ Фридриха Великаго, когда все уже измѣнилось кругомъ. Въ 1866 году совершилось совсѣмъ обратное. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство прусскаго общества боялось послѣдствій затѣй Бисмарка, что Пруссія не вѣрила въ себя и была вовлечена въ войну вопреки своему желанію, только отчаянно рѣшительнымъ характеромъ своего министра. Хотя прусская армія выказалась въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ отъ нея ждали, тѣмъ не менѣе успѣхъ ея въ домашней нѣмецкой войнѣ объясняется на половину такими случайными и мѣстными обстоятельствами, что выводить изъ него заключеніе относительно внѣшней войны было бы слишкомъ преждевременно. Не теперь новый оборотъ медали. Послѣ побѣды прусское общество черезчуръ возмнило о себѣ, готово натолкнуть свое правительство на самыя рискованныя предпріятія, и можетъ жестоко за то поплатиться. Мы также видѣли на своемъ вѣку, у себя дома, и притомъ два раза, ошибочное настроеніе, основанное на невѣрной оцѣнкѣ своихъ средствъ, и настроеніе это, каждый

Digitized by Google

разъ приводило къ послѣдствіямъ очевидно невыгоднымъ. Въ первый разъ, когда передъ восточною войной мы собирались закидать в аг въ шапками, не принимая въ соображеніе того, что каковы бы ни были народныя силы Россіи, на эти силы можно было полагаться только при должной организаціи ихъ; военная же организація того времени отличалась тѣмъ свойствомъ, что обременяла государство въ мирное время непомѣрнымъ количествомъ войскъ, оказывавшимся недостаточнымъ для военнаго; вновь формируемыя части не годились для открытаго боя, а дѣйствующихъ войскъ не могло достать для того, чтобы сдерживать союзниковъ съ моря и серіозно грозить имъ съ сухопутной границы—единственное средство достигнуть успѣха. Конечно, общественное мнѣніе тогда мало значило, но еслибы русское общество понимало, до какой степени наше военное (надо прибавить и гражданское) устройство того времени было недостаточно для такого громаднаго предпріятія, какъ восточная война, мнѣніе его произвело бы нѣкоторое дѣйствіе. Другой примѣръ еще болѣе поучителенъ. Неудача восточной войны вселила въ русское общество полнѣйшее недовѣріе къ собственной силѣ, длившееся много лѣтъ, слышное по временамъ даже теперь; конечно, нынѣшніе австрійцы, дѣйствительно разбитые на-голову, болѣе увѣрены въ себѣ, чѣмъ были увѣрены мы послѣ 1856 года. Послушавъ что тогда говорилось въ публикѣ почти поголовно, можно было выдумать, что мы представляемъ собой Китай послѣ перваго его столкновенія съ англичанами, разоблачившаго внезапно безсиліе Небесной Имперіи. Между тѣмъ, странное дѣло, восточная война произвела совершенно обратное впочатлѣніе въ Европѣ; понимающіе люди стали думать о насъ выше послѣ Севастополя, чѣмъ думали прежде, они увидѣли Россію ближе и поняли громадность ея естественныхъ силъ.

Вліяніе этого легкомысленнаго разочарованія, хотя неуловимое, было, къ сожалѣнію, слишкомъ дѣйствительно и десять лѣтъ тяготѣло надъ внѣшнимъ положеніемъ Россіи, надъ самыми существенными ея международными интересами. Было бы ребячествомъ надѣяться успѣховъ отъ дипломатіи, не поддержанной достаточною увѣренностію общества въ народной силѣ. Дипломатія всегда можетъ сказать: дайте мнѣ увѣренность въ силѣ, я разовью ее въ дипломатическіе успѣхи. Въ подобныхъ вещахъ нельзя ссылаться на правительство. Въ

Digitized by Google

томъ и состоитъ безконечное превосходство законнаго, установленнаго, вѣковаго правительства надъ случайнымъ и революціоннымъ, что оно составляетъ не партію и всегда проникнуто духомъ среды, надъ которою стоитъ; если ему случается по нѣкоторымъ вопросамъ разно съ ней думать, то оно всегда и безъ исключенія одинаково съ ней чувствуетъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно вывести заключенія по крайней мѣрѣ относительно вѣрныя: 1) мнѣніе народа о своемъ могуществѣ имѣетъ великое вліяніе на ходъ его политическихъ дѣлъ; 2) мнѣніе это нерѣдко бываетъ чрезвычайно легкомысленнымъ и неосновательнымъ, а послѣдствія заблужденія тяжко ложатся на судьбу государства.

Между тѣмъ вообще принимается, что даже основные военные вопросы составляютъ спеціяльность, что они могутъ оставаться чуждыми обществу. А когда приходитъ минута выразить свое мнѣніе о войнѣ и мирѣ, взвѣсить средства для успѣха, будьте увѣрены, что изъ десяти военныхъ, считаемыхъ лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ, девять повторятъ мнѣніе общественной среды, въ которой живутъ. Такимъ образомъ общество, обыкновенно чуждое военныхъ вопросовъ, не знающее основательно ни состоянія вооруженныхъ государственныхъ силъ, ни отношенія ихъ къ задумываемой борьбѣ, въ важныхъ случаяхъ становится въ значительной степени судьей и рѣшителемъ этихъ самыхъ вопросовъ.

Освободиться отъ вліянія общественнаго мнѣнія въ подобныхъ вещахъ дѣло невозможное и вовсе не желательное. Если мнѣніе вліяетъ въ вещахъ второстепенныхъ, какъ же обойдти его въ вопросѣ быть или не быть, возникающемъ съ каждою серіозною войной. Является дилемма по наружности безвыходная: исторія доказываетъ, что общественное мнѣніе бываетъ часто крайне легкомысленно въ вопросахъ войны и мира, а между тѣмъ вліяніе его по необходимости сильно, иногда неотразимо. Очевидно, тутъ кроется какое-нибудь громадное недоразумѣніе. По моему понятію, это недоразумѣніе заключается въ слѣдующемъ. Безъ сомнѣнія, военное дѣло составляетъ спеціяльность, но въ такомъ же смыслѣ какъ спеціяльность инженеровъ, строющихъ желѣзныя дороги. Люди, наилучше понимающіе нужды страны въ распредѣленіи желѣзныхъ путей, часто не имѣютъ никакого понятія объ инженерномъ искуствѣ. Что было бы, еслибъ единственными судьями въ этомъ

Digitized by Google

дѣлѣ оставались инженеры-техники? Они занялись бы искуствомъ для искуства, настроили бы множество дорогъ замѣчательныхъ по исполненію, по преодолѣннымъ трудностямъ, но безполезныхъ для страны. То же самое оказывается и въ военномъ устройствѣ государства. Образованіе арміи есть, конечно, дѣло военной спеціяльности, какъ постройка желѣзной дороги есть дѣло спеціяльности инженерной. Техникъ имѣетъ полное право представить свои возраженія противъ направленія предполагаемаго пути, вслѣдствіе мѣстныхъ затрудненій, которыя онъ можетъ оцѣнить лучше другаго; но возраженія его могутъ имѣть предметомъ только то, чтобы дать другое очертаніе дорогѣ, обойдти препятствія изгибами, а не то, чтобы перекинуть ее въ другую сторону, строить ее не на Кіевъ, а на Воронежъ. Отъ системы, положенной въ основаніе военнаго устройства, зависитъ прямо степень могущества государства, а вслѣдствіе того и международная политика, сквозь которую это могущество сквозитъ во всемъ, какъ цвѣтная подкладка черезъ кисею. Между тѣмъ превосходство военнаго устройства происходитъ главнѣйше отъ его соотвѣтственности съ общественнымъ складомъ, можно сказать, отъ его безискуственности, ненатянутости, отъ того на сколько вѣрно вооруженныя силы націи представляютъ ея дѣйствительныя, живыя силы и ея общественныя отношенія, во всей ихъ естественности. Съ перваго взгляда видно, на сколько легче дать окончательное устройство силамъ, которыя сами складываются въ готовую форму, чѣмъ биться надъ устройствомъ искуственнымъ, которое требуетъ столько труда и времени и потому уже не можетъ расширяться по произволу. Если же правда, что вооруженныя силы націи должны быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ ея самой, то правда и то, что вопросъ объ основаніи военной системы становится вопросомъ о самой націи, о ея духовныхъ и матеріальныхъ основахъ, то-есть обращается въ вопросъ политическій и входитъ въ область общественнаго сознанія, какъ его неотъемлемое право и потребность. Вездѣ и всегда общество чувствовало, если не вполнѣ ясно сознавало, эту истину, и никогда не считало чуждыми себѣ вопросовъ такой коренной важности, хотя мало было подготовлено къ ихъ правильному обсужденію. Выходило то, что оно чаще рѣшало ихъ страстію, чѣмъ разумомъ.

Digitized by Google

Нынѣшній вѣкъ, передѣлавшій столько людскихъ понятій, распространившій въ народномъ сознаніи столько прежнихъ спеціяльностей, оказалъ свое вліяніе и въ этомъ отношеніи. Въ Англіи, Германіи и Франціи, особенно во Франціи, основныя понятія о военномъ дѣлѣ и о военной статистикѣ стали общимъ достояніемъ. Теперь рѣдко уже можно встрѣтить француза, который не имѣлъ бы о военномъ дѣлѣ (конечно не въ его спеціяльностяхъ) столь же опредѣленнаго понятія, какъ о другихъ популярныхъ предметахъ жизни и науки. Во Франціи былъ бы смѣшонъ статскій (по русскому выраженію), наивно не понимающій самыхъ простыхъ вещей, относящихся къ арміи и войнѣ. Не даромъ нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей, писанныхъ въ новой Франціи по частямъ военно-сухопутной и военно-морской, писаны двумя статскими, Тьеромъ и Луи Рейбо. Эта вульгаризація военныхъ понятій въ обществѣ составляетъ одну изъ великихъ силъ Франціи, даетъ ей замѣтное превосходство въ Европѣ. Франція смотритъ на военныя событія и на политику, подготовляющую войну, не слѣпыми глазами, какъ многіе другіе; она совершенно хорошо понимаетъ свои шансы, и слова «популярность или непопулярность» какого-нибудь предпріятія означаютъ тамъ не одно увлеченіе страсти или предразсудка (хоть безъ страстей въ такомъ случаѣ конечно не обходится), но оцѣнку, до извѣстной степени вѣрную, силъ, препятствій и цѣлей. Военные люди не имѣютъ во Франціи характера жрецовъ Изиды, они не могутъ слишкомъ увлекаться самомнѣніемъ, принадлежностію всякаго не контролируемаго спеціялиста; они, конечно, первые и главные судьи, но которыхъ въ свою очередь судитъ общество. Одобреніе его придаетъ мѣрамъ военнаго министерства, иногда невыгоднымъ для финансовъ, нравственную силу, сопровождающую общественныя реформы, необходимость которыхъ сознана. Могущество государства отъ того не проигрываетъ.

Хотя пониманіе военнаго дѣла менѣе развито въ обществахъ Англіи и Германіи, но и тамъ оно распространено несравненно болѣе, чѣмъ у насъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что общественное мнѣніе этихъ странъ не разочаровалось бы въ силахъ націи по поводу войны подобной восточной, не приняло бы оплошности, выкупленной такимъ развитіемъ могущества, за безсиліе и не напустило бы на себя скромности побѣжденныхъ китайцевъ, отличавшей наши рѣчи

Digitized by Google

въ продолженіи десяти лѣтъ. Такое странное явленіе было возможно только въ обществѣ, въ которомъ не считается до сихъ поръ невѣжествомъ для образованнаго человѣка не знать, изъ какого числа полковъ состоитъ армія его отечества, какія производятся въ ней преобразованія, каково отношеніе ея силъ къ силамъ другихъ народовъ и такъ далѣе. И за границей этимъ вещамъ не учатъ въ гражданскихъ школахъ, но всѣ ихъ знаютъ и тѣмъ уже обезпечиваются отъ слишкомъ несообразныхъ заключеній. Если не каждый гражданинъ тамъ Тьеръ или Рейбо, за то общество въ массѣ достаточно понимаетъ вещи, необходимыя для уразумѣнія національнаго могущества, чтобы не принимать бѣлаго за черное.

Русское общество должно перевоспитать себя въ этомъ отношеніи, иначе оно никогда не будетъ судьею своихъ собственныхъ дѣлъ, останется чуждымъ своей современной исторіи. Средства къ тому открыты, занавѣсь, за которою совершались всѣ распоряженія военнаго вѣдомства, поднята. Попиманіе условій, на которыхъ основано могущество отечества, теперь прямо уже зависитъ отъ степени вниманія русскаго общества къ своимъ собственнымъ дѣламъ.

Всѣми признано, что въ жизни человѣческихъ обществъ не бываетъ крупныхъ явленій совершенно случайныхъ, такихъ явленій, которыя не исходили бы изъ главнаго источника—народнаго духа и исторической судьбы государства. Но не всѣ еще, кажется, пришли къ заключенію, что подъ это общее правило подходятъ также различные виды устройства военныхъ силъ, существующіе въ томъ или другомъ государствѣ; что это устройство вовсе не произвольное, что оно необходимо обусловлено какъ общественнымъ складомъ, такъ и географическимъ положеніемъ государства. Между тѣмъ существующія въ разныхъ государствахъ системы военной организаціи выражаютъ до такой степени вѣрно настоящую минуту ихъ жизни, что ее можно было бы возстановить въ исторіи по однимъ даннымъ военной статистики; вездѣ основанія, на которыхъ зиждется военная система, лежатъ глубже, чѣмъ въ личной волѣ правительства. Объемъ вооруженій опредѣляется не какимъ-либо государствомъ, взятымъ одиночно, но всею суммой государствъ, составляющихъ образованный міръ, то-есть духомъ проживаемой эпохи,—также и общественнымъ складомъ народа, который правители не могутъ передѣлать по произволу. Самая

Digitized by Google

организація и духъ войскъ почти всегда еще менѣе зависятъ отъ правительства, чѣмъ даже объемъ вооруженій; въ нихъ выражаются съ математическою вѣрностью, установленныя исторіей отношенія общественныхъ классовъ, степень полноправности, усвоенной гражданамъ различныхъ состояній, и всѣ обычаи страны, особенно отношеніе взрослыхъ сыновей къ семьѣ, которое вездѣ вліяетъ сильнѣйшимъ образомъ на установленіе той или другой системы рекрутскаго набора. Изъ этихъ двухъ условій, вовсе не произвольныхъ, — количества войскъ и ихъ внутренней національной организаціи, истекаетъ все остальное—пропорція силъ мирнаго времени къ военному, отношеніе разныхъ оружій между собою, система производства и распредѣленія командованій, даже, въ значительной степени, боевой уставъ, котораго придерживается войско. Примѣровъ нечего искать, каждое европейское государство будетъ подходящимъ примѣромъ.

Вотъ Англія, немного уступающая населеніемъ Франціи и много превосходящая ее богатствомъ. Въ настоящее время это государство отличается крайне мирнымъ настроеніемъ. Но въ началѣ столѣтія, когда ея общественное устройство еще не выказывало своихъ крайнихъ послѣдствій, Англія вовсе не была миролюбива и вела гигантскую борьбу противъ Франціи и всей подчиненной ей Европы. Правительство и общество были за одно и напрягали всѣ средства, чтобы выставить противъ Наполеона возможно значительныя силы. Кажется, при такомъ населеніи и такомъ богатствѣ, Англія могла бы вооружить огромную армію; однакожь нѣтъ, гражданское устройство ея не позволяло ей того; дѣйствующая англійская армія, безъ союзниковъ, никогда не превышала пятидесяти тысячъ солдатъ. Несмотря на все желаніе, роль Англіи въ континентальныхъ войнахъ была всегда лишь второстепенная. Всякій знаетъ, какимъ образомъ неприкосновенность личности, воспитанная аристократическими учрежденіями Англіи, распространенная понемногу на каждаго англичанина, заставляетъ это государство набирать свое войско исключительно, вольною вербовкой, въ самой низкой черни. Эта система набора, краеугольный камень военнаго могущества Англіи, обусловливаетъ все остальное. Переходъ съ мирнаго положенія на военное, удваивающій и устраивающій европейскія арміи, не можетъ имѣть тамъ такого значенія, какъ на материкѣ; тамъ, напротивъ того, люди,

Digitized by Google

охотно вербующіеся въ мирное время, не идутъ въ службу въ виду предстоящихъ опасностей и лишеній, и такимъ образомъ источникъ пополненія не возрастаетъ, но изсякаетъ для англійской арміи съ приближеніемъ войны. Та же самая причина заставляетъ удерживать англійскаго солдата, сколь можно долѣе, подъ знаменемъ. Прежде онъ служилъ всю жизнь; теперь срокъ сокращенъ, но его вербуютъ почти всегда на дальнѣйшіе сроки. Составъ англійской арміи, набранной изъ бездомной черни, преимущественно изъ пропащихъ людей, налагаетъ на нее, ей только свойственный характеръ. Англійскій солдатъ — *илотъ*, котораго никакое отличіе не можетъ вывести въ люди; между нимъ и офицеромъ лежитъ та же непереходимая грань, какъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ. Понятно, какимъ образомъ изъ этихъ отношеній истекаетъ духъ англійскаго устава, его исключительное предпочтеніе развернутаго строя. Англійскій солдатъ, котораго всегда держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ, хотя и одаренъ отъ природы энергическимъ характеромъ, но вслѣдствіе своего общественнаго положенія и военнаго воспитанія становится пасивнымъ до механичности; энергія его обращается исключительно въ устойчивость! Какой стремительности, необходимой для рвущейся впередъ колонны, ждать отъ этихъ людей? Они несамостоятельны, потому что складъ англійской общественной жизни не допускаетъ ихъ самостоятельности, а вслѣдствіе того могутъ дѣйствовать удовлетворительно лишь какъ неодушевленный механизмъ въ рукахъ офицера; для нихъ пригоднѣе всего тотъ строй, въ которомъ энергія ихъ можетъ выражаться пасивно и въ которомъ они всегда на глазахъ и въ волѣ своихъ офицеровъ. Отъ того же происходитъ, что англійское войско не умѣетъ жить на походѣ средствами страны, а обременено нескончаемыми обозами, требуетъ самыхъ мелочныхъ попеченій, какъ кадетскій лагерь: весь разумъ его въ начальствѣ. Со всѣмъ тѣмъ англійская армія — армія превосходная, она постоянно побѣждала лучшія войска, какія только могутъ быть—войска первой французской имперіи. Высшая развитость. нравственная и физическая, передовыхъ англійскихъ классовъ, составляющихъ ея душу; грубая твердость толпы, образующей ея тѣло; превосходное снаряженіе, дѣлаютъ изъ этой арміи военное орудіе, во многихъ отношеніяхъ одностороннее и слишкомъ тяжелое, но страшное. Малочисленность англійской арміи

Digitized by Google

не позволяетъ ей играть самостоятельную роль въ европейскихъ войнахъ; но для Англіи она совершенно достаточна. Морское могущество страны удесятеряетъ силу ея сухопутнаго войска давая возможность угрожать имъ всякому прибрежному пункту непріятельскихъ владѣній и развлекать такимъ образомъ силы, часто огромныя, что̀ мы достаточно испытали во время восточной войны. Для внутренней обороны противъ вторженія Англія имѣетъ милицію изъ зажиточныхъ, полноправныхъ классовъ, но черни ни подъ какимъ видомъ не даетъ оружія въ руки; въ этомъ отношеніи она такъ же вѣрна себѣ, какъ и въ остальномъ. Достаточно видно, до какой степени отчетливо англійская армія выражаетъ историческій складъ народа и географическое положеніе страны. Еслибы во время Карла II, когда учреждены были въ Англіи первыя постоянныя войска, существовалъ человѣкъ, одаренный нечеловѣческою способностью выводить изъ даннаго положенія всѣ его логическія послѣдствія, онъ съ точностью предсказалъ бы нынѣшнюю организацію англійской арміи; до такой степени военная система государства непроизвольна; до такой степени сила вещей представляетъ военному министерству только техническую работу— группировать элементы, какіе выдаются ему готовыми соціальнымъ и политическимъ бытомъ народа.

То же самое и на материкѣ. Какъ ни различна французская военная организація отъ англійской, она также непроизвольна и такъ же мало зависима въ своихъ основаніяхъ отъ правительства, какъ и тамъ. Франція составляетъ сплошное, однородное тѣло, расположенное въ самомъ сердцѣ Европы, и по тому самому уже рѣдко можетъ избѣжать участія во всякомъ международномъ замѣшательствѣ. Несмотря на революцію, французы, въ своемъ частномъ быту, и теперь еще воспитываются въ тѣхъ же преданіяхъ войнолюбія и народной славы, развившихся въ давнія времена подъ вліяніемъ, господствовавшаго дворянства, утратившаго давно всякій политическій характеръ и ставшаго чисто-военною кастой, европейскими кшатріями. Двадцатипятилѣтняя борьба на жизнь и смерть революціи и имперіи еще болѣе развила это расположеніе, превративъ всю націю въ военный станъ. Войнолюбіе французовъ понятно, по крайней мѣрѣ, исторически, тѣмъ болѣе, что оно поддерживается еще многими особенностями. Война бываетъ полна угрозами для самаго существованія большинства евро-

Digitized by Google

пейскихъ государствъ, но не для Франціи. Вслѣдствіе сильнаго пораженія Австрія можетъ разсыпаться, Италія—быть вновь раздроблена и порабощена, изъ Пруссіи, даже послѣ ея кенигграцкой побѣды, можно еще накроить десятокъ Саксоній; но кто станетъ надѣяться, при совершенной однородности такого сплошнаго государственнаго тѣла какъ Франція, отхватить отъ нея провинцію и долго удерживать завоеванія. Въ случаѣ пораженія, Франція рискуетъ только матеріяльными жертвами и своимъ вліяніемъ на извѣстный срокъ, но вовсе не рискуетъ своимъ дѣйствительнымъ могуществомъ. Очень естественно, что французское славолюбіе можетъ развертываться на просторѣ, вслѣдствіе чего Франція всегда была зачинщицей почти всѣхъ европейскихъ войнъ. У другихъ народовъ національная гордость, славолюбіе, составляетъ одну изъ страстей, во Франціи оно составляетъ главную, господствующую страсть, удовлетвореніе которой успокоиваетъ до извѣстной степени всѣ другія. Покойный герцогъ Орлеанскій понималъ это дѣло очень хорошо, когда наталкивалъ своего отца на войну, предсказывая, что иначе имъ придется погибнуть въ одной изъ парижскихъ водосточныхъ канавъ. Кромѣ того, на силѣ арміи преимущественно основано существованіе всякаго французскаго правительства, каково бы оно ни было, такъ какъ со времени революціи правительство тамъ ничто иное какъ одна изъ партій, захватившая въ свою очередь власть въ руки. Дисциплиной штыковъ держатся французскія власти, славой штыковъ онѣ увлекаютъ страну. Понятно, что при такомъ положеніи вещей первая забота правительства—располагать арміей, сколь возможно, многочисленною. Но тутъ сила вещей вступаетъ въ свои права. Франція богаче Пруссіи, но несмотря на то, далеко не можетъ выставить пропорціонально населенію такой массы вооруженныхъ силъ, какъ эта послѣдняя. То же самое наслѣдственное настроеніе народа, заставляющее правительство всѣми возможными средствами усиливать армію, полагаетъ предѣлъ этому усиленію. Чисто народная сила невозможна во Франціи. На сколько французъ вѣренъ правительству какъ солдатъ, на столько же онъ опасенъ для него какъ вооруженный гражданинъ; пока онъ не обратился всецѣло въ солдата, ему нельзя дать ружья въ руки. Еще въ 1866 г., когда это сочиненіе было писано для «Русскаго Вѣстника» тамъ говорилось: «неизвѣстно на сколько увеличатся силы французовъ ожидаемымъ

Digitized by Google

преобразованіемъ военнаго положенія; но принимая въ расчетъ историческій, сложившійся въ силу необходимости духъ ихъ военныхъ учрежденій, надо думать, что эти силы не выйдутъ изъ системы постоянной долгосрочной арміи». Такъ и случилось. Соревнованіе съ прусскими положеніями разрѣшилось продолженіемъ срока службы съ 7-ми лѣтъ на 9, что̀ позволяетъ зачислять большее число людей въ резервъ и привести когда нужно всю дѣйствующую армію въ боевой комплектъ. Что же касается до національной гвардіи, остающейся безъ организаціи, то она вовсе не соотвѣтствуетъ ландверу. Она можетъ въ военное время занимать гарнизоны пограничныхъ крѣпостей, что̀ конечно значительно способствуетъ приращенію силы; но главный смыслъ этого учрежденія въ мысли правительства—за это можно поручиться—состоитъ въ томъ, что̀ съ первою войной въ его распоряженіи окажется полмилліона лишнихъ людей для пополненія дѣйствующихъ войскъ или для чего бы ему ни вздумалось; положенія закона не остановятъ; во Франціи le salut public примѣнимъ ко всему и все оправдываетъ. Но одни постоянныя войска, хотя бы содержимыя въ мирное время въ кадрахъ, значительно ограниченныхъ, никогда не могутъ выставить очень высокаго итога силъ относительно, къ населенію страны. Съ переходомъ на военное положеніе французская армія возвышалась на двѣ трети, теперь будетъ возвышаться вдвое, кромѣ національной гвардіи, которая никогда не считалась тамъ самостоятельной силой, вѣроятно и теперь не будетъ считаться такою; между тѣмъ какъ прусская армія увеличивается втрое. По духу военныхъ учрежденій иначе быть не можетъ. Если кадры слишкомъ понизить, изъ арміи выйдетъ народная сила, что̀ не для всѣхъ годится; если содержать ихъ въ такой численности, какая нужна, чтобы не ослабить сословный духъ арміи, никакой бюджетъ не вынесетъ ихъ тягости. Надо имѣть въ виду, кромѣ того, что во Франціи почти половина дѣйствующихъ войскъ употребляется на занятіе гарнизонами городовъ (для Парижа цѣлая армія, для Ліона корпусъ), безъ чего правительство не будетъ обезпечено въ своемъ существованіи двадцать четыре часа. Вооруженные граждане не могутъ исполнять этого назначенія, такъ какъ противъ нихъ-то именно оставляются войска. Алжирія, колоніи требуютъ также войскъ. Изъ 115 пѣхотныхъ полковъ для европейской кампаніи остается только половина. Дѣйствующія силы,

Digitized by Google

которыми располагала Франція при сильномъ напряженіи въ 1859 году, составляли 180 тыс. въ Италіи и 50 тыс. на Рейнѣ, всего 230 тысячъ: третью меньше, чѣмъ выставила Пруссія въ послѣднюю войну. Изъ такого же положенія возникаетъ духъ, въ которомъ воспитывается французская армія. Недостатокъ численности обращается въ усиленіе ея внутренняго качества. Правительство желаетъ обособить ее какъ можно болѣе, поддерживая въ ней духъ касты, чему съ своей стороны много способствуютъ военныя преданія полковъ. Обособить, дѣйствительно, можно только старыя банды; но со времени революціи гражданскія, если не политическія, права французовъ ограждены ненарушимо; срокъ службы опредѣленъ, годовое количество рекрутъ также. Оставалось одно средство—вербовать отставныхъ солдатъ на второй и на третій сроки; такимъ образомъ полки составляются изъ старыхъ, преданныхъ власти и надежныхъ въ бою кадровъ; а въ нѣхотѣ была бы голова, хвостъ всегда можно придѣлать. Экономическій бытъ Франціи позволяетъ широко пользоваться этимъ средствомъ. Извѣстно, что въ этой странѣ большинство сельскаго населенія состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ; сыновья ихъ охотно поступаютъ въ службу и живутъ на счетъ казны, въ ожиданіи наслѣдства. Правительство не обращаетъ никакого вниманія на декламацію противъ права выкупа отъ военной службы, ослабляющаго, какъ говорятъ, патріотическое настроеніе націи; ему вовсе не нужна патріотическая Франція, ему нужна боевая армія. Очевидно также, что при господствѣ принциповъ 1789 года, французское офицерство, демократическое въ основаніи, можетъ быть передъ солдатами только чиномъ, а не классомъ; между тѣмъ, безпокойный духъ народа и политическое положеніе страны заставляютъ поддерживать во французской арміи чинопочитаніе еще гораздо болѣе строгое, чѣмъ во всякой другой, правительство достигаетъ этой цѣли, раздѣляя военные чины (солдатъ, унтеръ, оберъ-и штабъ-офицеровъ) по группамъ, между которыми проведена искуственная стѣна. Такъ какъ подъ руками нѣтъ натуральнаго класса офицеровъ, то пришлось создать искуственную офицерскую корпорацію. При желѣзной внутренней дисциплинѣ, военнымъ дается по отношенію къ обществу такая воля, такая степень безнаказанности, какъ нигдѣ въ Европѣ; корпоративный духъ арміи заставляетъ всю роту вступаться за своего солдата, а наказывать всю роту, говорятъ-

Digitized by Google

дѣло слишкомъ серіозное. Воспитаніе въ такомъ духѣ, заодно съ народнымъ характеромъ, придаетъ французскимъ солдатамъ свойства наемныхъ бойцовъ, ландскнехтовъ XVI вѣка, дерзость, отвагу, славолюбіе, фанатизмъ къ своему знамени, презрѣніе ко всему не военному. Очевидно, къ Франціи не примѣнимы ни англійскія, ни прусскія военныя учрежденія; первыя лишили бы ее внѣшней силы, вторыя—внутренней опоры. Она должна имѣть свою самостоятельную организацію, сущность которой дана силой вещей, независимо отъ всякой военной теоріи.

Возьмемъ третій примѣръ, Пруссію. Историческій складъ этого государства сказывается въ его военной системѣ еще рѣзче, чѣмъ мы видѣли на примѣрахъ Англіи и Франціи. Пруссія была не національность, даже теперь, еще не совсѣмъ національность; она государство, то-есть, историческая случайность, представляемая династіей и арміей. Національность Пруссіи не въ ней, а внѣ ея, въ большомъ этнографическомъ отдѣлѣ, котораго она составляетъ урывокъ. Однородность огромнаго большинства населенія и хорошія гражданскія учрежденія дали ей, правда, нѣкоторый устой. Но все-таки, относительно исторической крѣпости, Пруссія отличается отъ Австріи только тѣмъ, что та распалась бы безъ всякой боли, между тѣмъ какъ первая чувствовала бы боль въ минуту разрыва, но только въ эту минуту, не долѣе. Еслибы въ послѣднюю войну австрійцамъ удалось рѣшительно взять верхъ, Силезія, прусская Саксонія, рейнскія провинціи стали бы кричать, вѣроятно, ощутили бы какъ ихъ отдираютъ отъ бранденбургской монархіи; но черезъ три года онѣ были бы спокойны, чувствовали бы себя дома подъ другими нѣмецкими правительствами. Гогенцоллернской династіи нужно еще много счастливыхъ годовъ, чтобы сдѣлать изъ своей державы націю. До тѣхъ поръ она остается историческою случайностію, всякая война заставляетъ ее испытывать всѣ шансы, которымъ подлежитъ случайное, политически сколоченное государство, шансы не имѣющіе значенія для государствъ-націй. Съ другой стороны, вокругъ Пруссіи не было до сихъ поръ открытаго политическаго горизонта морей съ хорошими гаванями и полугражданскихъ странъ, вызывающихъ вмѣшательство, а вслѣдствіе того частное столкновеніе съ другими первоклассными державами изъ соперничества. Со времени вѣнскаго конгресса Пруссія въ

Digitized by Google

первый разъ серіозно вооружилась въ 1866 году, между тѣмъ, какъ Россія, Англія, Франція и даже отчасти Австрія, вели въ это время каждая, нѣсколько серіозныхъ войнъ въ Европѣ и внѣ ея. До сихъ поръ Пруссія могла быть вызвана на войну только вопросомъ о существованіи, какъ это и случилось недавно. Война за существованіе, очевидно, дѣло не одного правительства, а всего народа; если между частями государства существуетъ какая-нибудь внутренняя связь, народъ долженъ вставать поголовно при вопросѣ быть или не быть. Войска чисто военныя, каково бы ни было ихъ преимущество, нужны только тому государству, которое, по своему положенію, можетъ быть часто вовлекаемо въ сепаратныя войны, которое вынуждено совершать дальнія экспедиціи. Іенская кампанія открыла Пруссіи глаза. Съ тѣхъ поръ прусская военная система была основана исключительно на поголовномъ ополченіи. Такимъ образомъ государство, составлявшее половину Франціи или Австріи, могло располагать первоклассною по многочисленности арміей, дѣйствующія силы которой дошли въ послѣднее время, черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія войны, до 360.000, то-есть третью болѣе, чѣмъ могла выставить императорская Франція въ 1859 году. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, даже послѣ богемскаго похода, что въ устройствѣ прусской арміи качество пожертвовано количеству; но за то Пруссія съ 1806 года и не предпринимала войнъ иначе, какъ за независимость; а это дѣло исключительное, извращающее во многомъ обыкновенные шансы.

Эти три условія: шаткость государственнаго бытія, не обезпеченнаго явными племенными границами, замкнутое географическое положеніе, обрѣзывающее свободу дѣйствій, и необходимость удержать нечаянно пріобрѣтенный политическій рангъ, заставили Пруссію обратиться въ военный лагерь, основать народную армію. Собственно говоря, народная армія, состоящая не изъ искуственно обособленнаго класса людей, а изъ правильно организованныхъ и обученныхъ земскихъ силъ, можетъ стать безъ труда, при нормальномъ срокѣ службы, очень хорошимъ постояннымъ войскомъ; но Пруссія должна была, по своей исторической задачѣ, располагать первоклассною арміей, стало-быть несоразмѣрно многочисленною въ пропорціи къ населенію. Для этого пришлось проводить черезъ военную школу всѣхъ молодыхъ людей и держать ихъ въ рядахъ не болѣе того, сколько оказывалось необходимо нужнымъ,

Digitized by Google

чтобъ обучить новобранца употребленію оружія и фронту. При такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы слить полкъ въ одно органическое цѣлое,—первое условіе для качества войска; вся сила арміи заключается только въ томъ, что въ ней остается постояннымъ, то-есть въ офицерахъ и фельдфебеляхъ, масса солдатъ, полученныхъ лишь наружно, вставляется въ эти кадры какъ сырой матеріялъ. Надобно, чтобы въ кадрахъ было военнаго духа столько, чтобъ его стало на всѣхъ. Офицеры обыкновенно воспитываются самою арміей; но тутъ, когда арміи въ мирное время, можно сказать, не было налицо, приходилось образовать такой корпусъ офицеровъ, который самъ по себѣ, съ колыбели, былъ бы исполненъ воинскаго духа въ полномъ смыслѣ слова. Пруссія имѣла для того готовый элементъ въ своемъ мелкопомѣстномъ дворянствѣ, юнкерствѣ, сословіи военномъ и рыцарскомъ испоконъ-вѣку, составляющемъ основу и всю силу ея арміи. Этими людьми, прирожденными солдатами, безусловно преданными династіи, держится все прусское войско *).

Прусскую армію можно опредѣлить такъ: хорошо полученное ополченіе, предводительствуемое наслѣдственно военнымъ и воинственнымъ дворянствомъ. Качество ея не поддается опредѣленію, такъ какъ оно, можно сказать, рождается только съ войной, и духъ ея складывается не въ мирное время, а на самомъ театрѣ войны; какъ хамелеонъ она станетъ и такою, и иною при разныхъ обстоятельствахъ; она будетъ хороша послѣ первыхъ, ничего не рѣшающихъ, еще удачъ, очень слаба послѣ первыхъ неудачъ. Ненормальность качества прусской арміи оказывается уже изъ того, что въ ней, навыворотъ всеобщихъ понятій, лучшими, дѣйствующими войсками бываютъ самыя молодыя, которыя въ другомъ мѣстѣ считались бы почти что рекрутами; чѣмъ прусскій солдатъ старѣе, тѣмъ онъ хуже и тѣмъ болѣе отодвигается въ резервъ, какъ человѣкъ достаточно уже позабывшій ремесло.

Чтобы подобная система, обращающая весь народъ въ войско, была благонадежною системой, не довольно юнкерства: нужны полное довѣріе правительства къ низшимъ классамъ, ограниченная территорія, густое населеніе, хорошія сообщенія,

*) Кромѣ техническихъ частей—артиллеріи и инженеровъ, ничего не значащихъ въ государственномъ строѣ по своей малочисленности.

Digitized by Google

а еще болѣе того, справедливое, опредѣленное и неуклонное въ своемъ дѣйствіи общественное устройство, позволяющее расписать впередъ мѣсто каждому человѣку и поставить его въ ряды въ короткое время. Ясно, что подобное напряженіе не можетъ продолжаться долго. Призывая въ армію сразу почти все населеніе, способное носить оружіе, Пруссія уподобляется человѣку, выходящему на бой съ однимъ зарядомъ; если онъ не свалитъ противника первымъ выстрѣломъ, онъ останется передъ нимъ безоружнымъ. Очевидно, противъ государства, котораго нельзя свалить разомъ, какъ Франція, не говоря уже о Россіи, прусскій натискъ составляетъ не больше какъ лѣтній ливень, конца котораго можно дождаться подъ первымъ навѣсомъ. Существенно, прусское устройство есть чисто оборонительное; въ одиночку, безъ союзовъ, пруссаки, даже нынѣшніе, могутъ дѣйствовать наступательно только у себя дома, въ малой и великой Германіи. Военная организація, основанная на системѣ ландверовъ, подходила исторически только къ Пруссіи и въ одной Пруссіи осуществилась.

Въ устройствѣ австрійской арміи не можетъ выражаться никакой общественный типъ, за несуществованіемъ такого, но въ немъ выражаются всѣ печальныя условія, которыми обставлено существованіе этой противоестественной монархіи. Австрійское правительство употребило нечеловѣческія усилія, чтобы создать армію, безъ которой оно не могло бы существовать; надо отдать ему справедливость, ни одна военная администрація въ Европѣ не дѣйствовала съ такою неусыпною заботливостію, съ такою послѣдовательностію и съ такимъ пониманіемъ дѣла; ни одна также не достигала такого блестящаго, очевиднаго результата, сравнительно съ трудностями, которыя ей предстояло преодолѣть. *Австрійская* армія, въ полномъ значеніи слова, дѣйствительно существуетъ. Три четверти, если не девять десятыхъ этой арміи, принадлежатъ къ національности императорской портупеи и готовы биться хоть противъ своихъ отцовъ и братьевъ, полковой духъ почти совсѣмъ заглушилъ въ нихъ духъ народный, и это тѣмъ удивительнѣе, что нижніе чины каждаго полка не сбродные (во избѣжаніе вавилонскаго столпотворенія, которое сдѣлало бы невозможнымъ всякое внутреннее управленіе), но одноземцы, набираемые въ особомъ рекрутскомъ округѣ, присвоенномъ каждому полку. Казалось бы, возбужденіе племеннаго духа въ австрійскихъ

Digitized by Google

народахъ, столь сильное въ нашъ вѣкъ, должно представляться опаснѣе, чѣмъ духъ партій во Франціи и развлекать австрійскія силы еще болѣе, чѣмъ развлекаются французскія; однакожь нѣтъ. Вѣнское правительство знаетъ, что тутъ идетъ борьба глухая, затяжная, которая не вспыхнетъ разомъ какъ революціонная страсть, борьба опасная во времени, а не въ минутѣ, требующая болѣе полицейскихъ, чѣмъ военныхъ средствъ, и когда приходитъ надобность сосредоточивать войска, смѣло обнажаетъ самыя безпокойныя провинціи. Изъ этого выходитъ, что Австрія изо всѣхъ европейскихъ державъ (кромѣ Россіи, и то Россіи такой, какою она можетъ быть) располагала самою громадною массой дѣйствующихъ силъ, доходившихъ въ послѣднее время почти до 400.000. Конечно, для того, чтобъ имѣть такую армію, она должна довольствоваться очень молодыми войсками, однородными по качеству съ прусскими, такъ какъ солдатъ, вмѣсто узаконеннаго десятилѣтняго срока, въ дѣйствительности служитъ только два года. Тѣмъ не менѣе, съ четырьмя стами тысячъ преданныхъ правительству и дисциплированныхъ дѣйствующихъ войскъ, чего бы нельзя было сдѣлать? Но тутъ выступаетъ наружу вся несостоятельность искуственныхъ комбинацій. Безопасность имперіи не позволяетъ формировать полковъ вполнѣ національныхъ, по офицерамъ и солдатамъ; офицеры набираются изъ всего дворянства Австріи и Германіи; они не понимаютъ своихъ солдатъ и объясняются съ ними черезъ унтеръ офицеровъ, которые должны быть, для производства въ это званіе, онѣмечены до извѣстной степени. Австрійская армія состоитъ такимъ образомъ изъ трехъ разнородныхъ пластовъ, связанныхъ между собою только механически. Неутомимыми стараніями правительство совершило чудо: вселило въ эту пеструю массу такое чувство военнаго долга, что армія составляетъ для нихъ второе, или скорѣе первое отечество. Пока умы въ спокойномъ состояніи и существуетъ порядокъ, австрійская армія ведетъ себя превосходно. Но представьте себѣ первый безпорядокъ отъ частной неудачи, а частныя неудачи сопровождаютъ на войнѣ даже побѣдителя,—въ полку происходитъ вавилонское смѣшеніе, всякая нравственная связь между совершенно чуждыми одни другимъ начальниками и подчиненными уничтожается или, лучше сказать, внезапно обнаруживается всегдашнее отсутствіе ея, и армія, не смотря на свои солидныя качества, терпитъ като-

Digitized by Google

строфу. Военная закваска габсбургскихъ полковъ такъ хороша, что ихъ скоро можно переустроить и вновь вести въ дѣло, но все-таки не на полѣ сраженія, а участь дня уже рѣшена. Въ австрійской арміи вполнѣ выражаются свойства слишкомъ сложныхъ химическихъ соединеній; красивыя на видъ и прочныя въ благопріятныхъ условіяхъ, они разлагаются при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія.

Изъ этого бѣглаго очерка военнаго устройства четырехъ главныхъ государствъ Европы видно, что ни одно изъ нихъ не руководствовалось, и не могло руководствоваться въ этомъ дѣлѣ теоріей; организація арміи вездѣ истекала изъ самого положенія вещей, была вопросомъ преимущественно политическимъ и соціяльнымъ. Но затѣмъ военному министерству оставалась еще роль чрезвычайно важная, распредѣлить ввѣренныя ему силы по ихъ свойствамъ, вѣрно понятымъ, и подготовить ихъ наилучшимъ образомъ въ виду современныхъ потребностей военнаго дѣла. Могущество государства зависитъ по крайней мѣрѣ на половину отъ этихъ послѣднихъ условій.

Со времени Петра Великаго до нынѣшняго царствованія, наша Россія, одна въ цѣломъ свѣтѣ, не имѣла своей собственной, выработанной жизнію военной системы и жила подражаніемъ. Конечно, и наши военныя учрежденія не были совсѣмъ произвольны; они зависѣли, и зависѣли довольно тѣсно, отъ мѣстныхъ условій, напримѣръ, отъ крѣпостнаго права; но вліяніе этихъ условій выражалось только отрицательно, тѣмъ что не стѣсняли кругъ дѣйствій военной администраціи, не давали ей развернуться свободно. Положительнаго вліянія они не имѣли. Гдѣ только военное управленіе располагало свободой дѣйствій, оно не обращало вниманія на самыя существенныя черты народной личности. Идеалы нашихъ организаторовъ были постоянно нерусскіе, заимствованные, и притомъ по большей части заимствованные изъ сомнительныхъ источниковъ, напримѣръ старопрусскаго; оттуда пришла къ намъ фридриховская школа, бившаяся столько лѣтъ, чтобъ обратить русскихъ солдатъ—въ кого? въ пруссаковъ іенской компаніи, такъ какъ у насъ именно подражали не пруссакамъ новѣйшимъ, а старымъ пруссакамъ, такъ блистательно покончившимъ свои дѣла. И не только воспитаніе войскъ, вся наша военная организація была взята цѣликомъ съ чужаго образца, почти безъ всякаго примѣненія къ средѣ, въ которую переносилась. Отсутствіе

Digitized by Google

установленныхъ началъ въ управленіи военною частію доходило до того, что не дальше какъ полвѣка тому назадъ, Аракчеевъ могъ предпринять—устроить русское войско наперекоръ двумъ и болѣе тысячамъ лѣтъ исторіи, по образцу древнихъ египтянъ и мидянъ и основать наслѣдственную военную касту.

Такая странность объясняется двумя причинами. Вопервыхъ, то же самое у насъ дѣлалось во всемъ. Чтобъ указать на одинъ примѣръ изъ тысячи, возьмемъ городовое положеніе съ его думами и магистратами; оно было дано какъ право, почти какъ привилегія, но въ такой мѣрѣ прилажено къ жизни, что одаренные имъ граждане, отлично понимавшіе практическій ходъ этого дѣла, откупались отъ своей привилегіи какъ отъ рекрутскаго набора. Это городовое положеніе было совершенно тѣмъ же въ гражданскомъ строѣ русской жизни, чѣмъ фридриховская школа, напримѣръ, въ военномъ. Въ продолженіи полутораста лѣтъ продолжалось перевоспитаніе русскаго народа; можно сказать, продолжалась сама петровская реформа. Недавнее время, когда окончился этотъ воспитательный періодъ, отрѣзано какъ ножемъ въ нашей исторіи, всякій это видитъ; съ тѣмъ вмѣстѣ пришелъ конецъ и магистратамъ, и фридриховской школѣ. Вторая причина, почему Россія могла такъ долго жить съ произвольною, не руководимою никакимъ принципомъ военною администраціей, заключается въ томъ, что при малой пропорціи вооруженныхъ силъ государства къ итогу населенія, стоявшей до 1812 года гораздо ниже, чѣмъ въ остальной Европѣ, *) этой администраціи былъ просторъ; не требуя отъ государства, съ переходомъ на военное положеніе всего что государство можетъ дать, она не была вынуждена необходимостію управлять со статистикой и этнографіей въ рукахъ. Съ 1812 года наша армія разрослась, но не собственно армія, понимая подъ этимъ названіемъ силы дѣйствительно противопоставляемыя врагу, а недѣйствующая, мертвая часть арміи, относящаяся къ ея живой части, какъ зарытый въ землѣ фундаментъ дома относится къ его жилымъ комнатамъ. Тогда отсутствіе твердыхъ началъ, произвольность воен-

*) Пусть читатели вспомнятъ, какъ недостаточны и несоотвѣтственны распространенному о насъ въ Европѣ мнѣнію были силы, выставленныя Россіей противъ Наполеона въ 1805—1807 годахъ, такъ же какъ и въ тогдашней турецкой войнѣ.

Digitized by Google

ныхъ учрежденій и подражаніе неподходящимъ образцамъ стали живо чувствоваться въ государственномъ строѣ и въ народной экономіи. Постоянная милліонная армія съ 25-тилѣтнимъ срокомъ службы, въ которой подвижныхъ войскъ было не болѣе какъ на половину, которая, забирая цѣлыя поколѣнія, никогда не возвращала ихъ назадъ, обращая въ военно-потомственное сословіе всякаго человѣка, котораго прикасалась, стала дѣйствительно бременемъ. Она истощала народъ гораздо въ высшей степени, чѣмъ могла защищать его. Это ненормальное положеніе дѣла разрѣшилось всѣмъ памятною катострофой: на второй годъ восточной войны у насъ состояло 2.230.000 людей на казенномъ пайкѣ, а подъ Севастополемъ, гдѣ рѣшалась участь гигантской борьбы, едва ли было на лицо въ рядахъ болѣе ста тысячъ штыковъ. Половина вины въ этомъ случаѣ можетъ пасть на бездорожье и спѣшность вооруженій, потребность которыхъ не предвидѣли заранѣе; другая половина падаетъ на тогдашнюю систему, или, лучше сказать, безсистемность военныхъ учрежденій.

Не надо, впрочемъ, смѣшивать вещей. До 19-го февраля 1861 года русская военная администрація не была свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. При крѣпостномъ правѣ не могло быть хорошей военной организаціи, Когда уже вся Европа, кромѣ Англіи, приняла въ томъ или другомъ видѣ систему запасныхъ войскъ, давшую ей средство быть одинаково экономною въ мирное время и грозно вооруженною въ военное, это учрежденіе, коренная черта новѣйшаго времени, не могло ни широко развиться, ни оказаться столь же благонадежнымъ въ Россіи; тѣмъ самымъ уже мы сильно отставали въ своемъ могуществѣ. При крѣпостномъ правѣ, всякій поступающій въ солдаты становился вольнымъ, а потому нельзя было безъ потрясенія всего общественнаго склада, пропускать слишкомъ много людей черезъ военную службу, имѣть въ спискахъ мирнаго времени все количество солдатъ нужныхъ для войны; только въ виду государственной опасности правительство могло прибѣгать къ чрезвычайной мѣрѣ—неограниченнымъ рекрутскимъ наборамъ. Но тогда, чтобъ унотребить въ дѣло эту массу людей, приходилось формировать новыя части, для которыхъ не было на лицо ни кадровъ, ни офицеровъ, ни матеріяльныхъ запасовъ; требовался длинный рядъ самыхъ сложныхъ мѣръ, приводившій неизмѣнно къ величайшей суматохѣ въ арміи, съ невозна-

Digitized by Google

градимой потерей времени, а результатъ выходилъ только тотъ, что на содержаніе казны поступало нѣсколько сотъ тысячъ полуобученныхъ солдатъ, способныхъ занимать внутренніе гарнизоны, но не способныхъ вести войну, особенно наступательную. Въ итогѣ силы государства состояли изъ одной массы постоянныхъ войскъ, которую никакимъ средствомъ нельзя было довести до того, чтобъ она соотвѣтствовала потребностямъ военнаго времени, въ виду новаго устройства европейскихъ силъ. Покойный государь сдѣлалъ все что могъ, чтобъ исправить этотъ неисправимый недостатокъ тогдашняго общественнаго устройства,—онъ учредилъ безсрочно-отпускныхъ, хотя всѣ тогда были противъ этой мѣры, но не могъ преодолѣть препятствій, заключавшихся въ самой природѣ вещей. Во первыхъ, все-таки нельзя было много увеличить число военныхъ частей, значительно въ то же время сокративъ ихъ численность по мирному положенію; пришлось бы призывать ежегодно слишкомъ много рекрутъ, то-есть освобождать слишкомъ много крѣпостныхъ. Во-вторыхъ, при порядкѣ тогдашней службы, поглощавшей человѣка на вѣкъ, съ перспективой весьма незавидной участи, солдатъ оставался солдатомъ только подъ вліяніемъ привычки и сейчасъ же переставалъ быть имъ, по крайней мѣрѣ нравственно, какъ только выходилъ на волю; вновь призываемые на службу безсрочные оказывались во всѣхъ отношеніяхъ хуже рекрутъ и не исправлялись уже никогда, а потому были весьма плохимъ военнымъ подспорьемъ. Пока продолжалось крѣпостное право, можно было разсчитывать вѣрно только на дѣйствующія войска.

Вліяніе крѣпостнаго права не ограничивалось однимъ этимъ. Подчиняя неволѣ слишкомъ двадцать милліоновъ людей, разбросанныхъ по всему пространству Россіи, оно заставляло въ то же время держать во внутреннихъ губерніяхъ грозную силу для предупрежденія всякаго движенія и такимъ образомъ ослабляло боевую силу государства массой людей, хотя вооруженныхъ, но вооруженныхъ не противъ внѣшняго врага. До крымской войны численность всей внутренней стражи, подъ разными наименованіями, простиралась до 180 тысячъ. Если вспомнить при томъ, что у насъ почти все нужное для арміи дѣлалось тогда арміей же, людьми подъ военнымъ мундиромъ; что всякій солдатскій сынъ поступалъ съ дѣтскаго возраста на казенное содержаніе; если исчислить всю массу резервовъ,

Digitized by Google

всевозможныхъ нестроевыхъ командъ, военныя поселенія, то не кажется удивительнымъ, что изъ милліона людей, находившихся подъ названіемъ войска на казенныхъ пайкахъ, Россія могла выставить дѣйствительно военныхъ, дѣйствующихъ войскъ, не болѣе, если не менѣе, всякой первоклассной державы. При несоразмѣрномъ протяженіи нашихъ предѣловъ, сколько же оставалось ихъ для дѣйствующихъ армій, по которымъ исчисляется внѣшняя сила государствъ? Наша военная организація оставалась въ сущности организаціей XVIII вѣка, не измѣнившись въ своихъ основныхъ чертахъ, между тѣмъ какъ вся Европа жила уже давно въ полномъ XIX столѣтіи. Въ этомъ положеніи дѣла застала насъ восточная война.

Общее преобразованіе нашихъ военныхъ учрежденій, начавшееся съ 1861 года, справедливо можетъ быть названо *девятнадцатымъ февраля* русской арміи.

Во-первыхъ, она дѣйствительно была во многомъ послѣдствіемъ 19-го февраля. Нельзя оставаться при крѣпостной арміи посреди освобожденнаго народа. Когда разъ воля состоялась, надобно было немедленно провести въ армію новыя права русскаго человѣка. Нынѣшнее военное министерство руководилось мыслію Освободителя и исполнило эту задачу, съ твердостію и послѣдовательностію, увѣковѣчивающими его имя; тѣмъ болѣе, что военная реформа служитъ у насъ не только дополненіемъ, но обезпеченіемъ гражданской. Если разныя подробности новыхъ положеній, на счетъ которыхъ только опытъ произнесетъ окончательный приговоръ, могутъ вызывать возраженія, то самый духъ положеній не подлежитъ никакому спору. Во-вторыхъ, съ чисто военной точки зрѣнія, значеніе послѣднихъ преобразованій также велико. Главное сдѣлано — наша военная система содвинута съ прежнихъ основаній. Вмѣсто постоянной, всегда содержимой въ комплектѣ дѣйствующей арміи, и резервовъ, создаваемыхъ на время войны изъ безсрочныхъ и рекрутъ, у насъ существуетъ теперь, какъ вездѣ армія съ подвижнымъ, произвольно растяжимымъ наличнымъ составомъ, которую можно низводить по мѣрѣ надобности до однихъ кадровъ и постепенно повышать до комплекта. Безсрочно-отпускные, вмѣсто того, чтобъ формироваться въ новыя части, служатъ только для пополненія арміи. Когда принято такое основаніе, то дальнѣйшее развитіе военной организаціи, сообразно съ потребностями времени, составляетъ уже вопросъ

Digitized by Google

подробностей, а не сущности дѣла, какъ было прежде. Главная заслуга совершеннаго преобразованія состоитъ въ томъ, что оно одинаково раскрываетъ дверь будущимъ какъ и насущнымъ потребностямъ, равно облегчая удовлетвореніе ихъ.

Нынѣшніе размѣры вооруженія главныхъ европейскихъ государствъ стали таковы, что прежняя система постоянныхъ войскъ пополняемыхъ съ переходомъ на военное положеніе рекрутами, оказалась совершенно недостаточною. А потому каждому пришлось сообразоваться съ общею системой и располагать такою же относительною силой, какъ непріятель, по разсчету населенія. Ясно, что въ каждую строевую единицу, особенно пѣхотную, можно разомъ ввести большое число новыхъ солдатъ, не разрушая тѣмъ сложившагося въ ней характера и не понижая ея боевыхъ качествъ. Характеръ каждаго человѣческаго общества, большаго и маленькаго, выражается преимущественно въ личностяхъ, за которыми признается нѣкоторая доля авторитета; а такъ какъ хозяевами въ военной части бываютъ натурально люди, составляющіе ея кадры, и такъ какъ всякій новичокъ невольно преклоняется предъ ихъ авторитетомъ, то закалъ ихъ сейчасъ же распространяется на вновь поступившихъ; надобно только, чтобъ эти вновь поступающіе были уже предварительно подучены строю и владѣнію оружіемъ, такъ какъ самой арміи, переходящей на военное положеніе, некогда ихъ учить. Опытъ доказалъ, что части можно расширять и сокращать по произволу, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, безъ вреда ихъ качеству. Но совсѣмъ другое дѣло формировать новыя части, особенно передъ войной, когда приходится вдругъ и спѣшно образовать множество частей: тутъ что ни шагъ, то затрудненіе. Изъ всѣхъ подобныхъ импровизацій удалось только одна, созданіе французской арміи весной 1813 года. Для успѣха ея нуженъ былъ геній Наполеона и чрезвычайное обиліе военныхъ элементовъ въ тогдашней Франціи, столько лѣтъ уже обращенной въ военный станъ; результатомъ же ея были все-таки весьма посредственныя войска. Прочія попытки этого рода кончались всегда тѣмъ, что на иждивеніе государства поступало безчисленное множество людей, а настоящаго войска не было. Мы достаточно испытали подобный примѣръ надъ собой во время восточной войны.

На основаніи этихъ безспорныхъ истинъ совершено было

Digitized by Google

преобразованіе нашей арміи въ 1863 году. Въ основаніе его положены два правила: 1) съ переходомъ изъ мирнаго положенія въ военное, никакой части дѣйствующихъ войскъ не формировать вновь, а только приводить въ комплектъ существующія части; 2) пополнять войска не иначе какъ обученными людьми, и для того имѣть въ запасѣ полное количество безсрочно-отпускныхъ, составляющее разницу между мирнымъ и военнымъ положеніемъ. Пополненіе производить постепенно, переводя отъ низшей, узаконенной численности частей, къ высшей. Даже въ мирное время не ставить въ дѣйствующія войска неприготовленныхъ рекрутъ, а предварительно обучать ихъ въ резервныхъ батальонахъ. Матеріальные запасы по боевому итогу войскъ должны, разумѣется, всегда находиться въ наличности.

Имѣя подъ рукой полное количество безсрочно-отпускныхъ для укомплектованія арміи, можно было значительно сократить численность людей въ каждой строевой единицѣ, а вслѣдствіе того, оставляя тотъ же итогъ людей въ арміи по мирному положенію, раздѣлить ее на значительно большое число этихъ строевыхъ единицъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 28-ми пѣхотныхъ дивизій, наши дѣйствующія силы возвысились до 47-ми дивизій, то-есть къ нимъ прибавилось 19 новыхъ дивизій, равныхъ численностью всей прусской арміи (безъ ландвера), очевидно, это приращеніе усилило могущество Россіи въ наступательной войнѣ, нисколько не обременяя ея финансовъ. Для постепенности перехода съ мирнаго положенія на военное, а также и для внутреннихъ потребностей, которыя всегда надо имѣть въ виду въ такомъ обширномъ государствѣ, установлены для батальона, имѣющаго около тысячи человѣкъ комплекта, три степени численности въ 220, 500 и 680 человѣкъ. Вслѣдствіе того, съ водвореніемъ полнаго спокойствія извнѣ и внутри русская пѣхота можетъ быть сокращена въ одну треть своего боеваго комплекта; передъ войной же она будетъ пополняться не вдругъ, какъ бывало прежде, а постепенно, возводя части отъ низшаго состава къ высшему, отчетливо устраивая ихъ на каждой ступени, чтобъ избѣжать суматохи, неразлучной съ внезапнымъ приливомъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей. Въ нынешнемъ вѣкѣ намъ приходилось уже нѣсколько разъ готовиться къ войнѣ, до которой въ дѣйствительности не доходило; въ такомъ случаѣ наши вооруженія будутъ теперь

Digitized by Google

подвигаться постепенно, сообразуясь съ мѣрой опасности; мы можемъ быть готовы къ столкновенію, когда оно станетъ неизбѣжнымъ, не доводя безвременно напряженіе силъ и расходовъ до конца. Для пополненія убыли въ войскахъ приготовленными людьми, а не сырымъ матеріаломъ, составляющимъ силу только на бумагѣ, сформированы резервные баталіоны, эскадроны и батареи, въ которыхъ рекруты должны подучаться предварительно до поступленія въ дѣйствующія части. Очевидно мы сдѣлали большой шагъ впередъ въ развитіи національнаго могущества. Еслибъ нынѣшняя организація существовала у насъ во время восточной войны, мы стояли бы на одной ногѣ съ противниками; но съ тѣхъ поръ Европа снова далеко ушла впередъ.

Со времени восточной войны, въ десять лѣтъ, пока Россія напряженно трудилась надъ своимъ внутреннимъ преобразованіемъ, Европа приняла совершенно новый видъ. На нашихъ глазахъ рушилось не только положеніе дѣлъ, созданное вѣнкимъ конгрессомъ, но и вся политическая система, установленная вестфальскимъ миромъ; кончилась Европа, какою знали ее не только мы, но наши прадѣды и прапрадѣды. Сумма европейскихъ силъ чрезвычайно возросла, распредѣленіе ихъ стало совсѣмъ инымъ. Вмѣсто трехъ первоклассныхъ и одной полупервоклассной державы (Пруссіи), составлявшихъ такъ долго вмѣстѣ съ Россіей всю политическую систему міра, возникли шесть въ полномъ смыслѣ слова первостепенныхъ государстъ: Англія, Франція, Германія, Австрія, Италія и Соединенные Штаты. Силы Германіи и Италіи, прежде все равно какъ бы не существовавшія въ общемъ итогѣ, вносятъ теперь въ политическое равновѣсіе міра полмилліона никогда не слыханнымъ доселѣ дѣйствующихъ войскъ, а съ Соединенными Штатами этого приращенія нельзя даже исчислить.

Новое распредѣленіе силъ ставитъ насъ совсѣмъ въ другое положеніе чѣмъ то было прежде.

Въ разсчетѣ войны надобно принимать въ соображеніе только арміи первоклассныхъ державъ; остальныя, многочисленныя въ итогѣ, въ дѣйствительности очень мало значитъ, еще недавно всѣ видѣли, на сколько силы германскаго союза, дѣйствовавшаго, казалось, единодушно, помогли Австріи. Полевыя находящіяся на лицо въ предѣлахъ Европы арміи первоклас-

Digitized by Google

сныхъ государствъ, составляли въ 1853 году по военному положенію приблизительно: *)

Англійская армія	50.000
Французская армія	330.000
Австрійская армія	380.000
Прусская армія	280.000
	1.040.000
Русская армія (безъ кавказской и казаковъ)	470.000

Русская армія относилась къ итогу прочихъ первоклассныхъ армій, какъ 1:2¹/₄.

Нынѣ эта пропорція слѣдующая:

Армія англійская	72.000
» французская	480.000
» итальянская	300.000
» сѣверо-германскаго союза	507.000
» австрійская	485.000
	1.844.000
Армія русская (не считая 6 дивизій на Кавказѣ)	650.000

Но этотъ расчетъ еще не даетъ точнаго понятія объ относительномъ могуществѣ державъ, если не принять въ соображеніе массы внутреннихъ войскъ, состоящихъ за дѣйствующею арміею, такъ какъ изъ этой массы значительныя силы могутъ въ случаѣ крайности принять прямо или косвенно участіе въ дѣйствіяхъ. Кромѣ тѣхъ внутреннихъ войскъ, которыя могутъ быть обращены въ подвижныя, надобно также приложить къ дѣйствующей силѣ по крайней мѣрѣ резервы, занимающіе крѣпости, нѣкоторыя границы и проч. иначе пришлось бы отдѣлить на этотъ предметъ часть дѣйствующей арміи. Съ этими вспомогательными средствами могущество государстъ выражается слѣдующимъ образомъ (мы не принимаемъ въ разсчетъ запасныхъ войскъ, служащихъ единственно для обученія рекрутъ, т. е. для комплектованія арміи).

*) Исчислены всѣ полевыя войска, снабженныя обозомъ, а не тѣ только, которыя государство могло вывести за границу, и притомъ по списочному состоянію.

Digitized by Google

Дѣйст. войск. Резервъ.

Англія	72.000	120.000	милиціи и кромѣ того волонтеры.
Франція	480.000	400.000	національной гвардіи положимъ дѣйствительно хоть 200.000
Италія	300.000	—	
Сѣверо-Германскій союзъ	507.000	200.000	ландвера, кромѣ запасныхъ войскъ.
Австрія	485.000	150.000	5-хъ и 6-хъ батальіоновъ, пограничныхъ войскъ волонтеровъ; кромѣ 4-хъ бат. запас.
Россія	650.000	—	кромѣ 13 крѣпостныхъ баталіоновъ ничего

Десять лѣтъ тому назадъ дѣйствующія русскія силы составляли почти половину суммы первокласныхъ европейскихъ армій, теперь онѣ составляютъ треть ихъ; считая же резервы (имѣющіе свое назначеніе на войнѣ), которыхъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, наши силы составляютъ лишь пятую часть противъ суммы пяти главныхъ державъ. Такая разница произошла сколько отъ политическихъ перемѣнъ, столько и отъ преобразованія военной организаціи на западѣ.

Умаленіе одиночной силы, сравнительно съ суммой европейскихъ силъ, отзывается, конечно, на всякомъ другомъ государствѣ; но значеніе это тамъ иное. Во-первыхъ, каждая изъ старыхъ державъ Европы, кромѣ одной Австріи, пріобрѣла какія-нибудь значительныя выгоды въ этомъ вихрѣ событій. Сплоченіе Германіи, уединяя въ нѣкоторомъ отношеніи латинскую расу, можетъ тѣснѣе сплотить ее около Франціи, къ приращенію могущества этой націи, захватившей уже заблаговременно Ниццу и Савоію, простирающей, можетъ быть, свои виды на Бельгію. Пруссія стала великою державой. Англія пріобрѣтаетъ въ новой нѣмецкой имперіи такой устой для своей политики, который въ высшей степени развязываетъ ей руки, разъединяя опасныхъ для нея противниковъ. Даже Австрія утратила однѣ мечты, конечно очень розовыя, но потерпѣла мало ущерба въ дѣйствительности. Только Россія несетъ на себѣ невыгодныя послѣдствія европейскаго переворота. Въ

Digitized by Google

освобожденіи Италіи мы проиграли тѣмъ, что къ лагерю, конечно не дружественному, прибавилась двухъ-сотъ-тысячная армія; въ объединеніи Германіи потеряли ненарушимый прусскій союзъ, прикрывавшій половину нашей западной границы, потеряли обезпеченность будущаго съ этой стороны и утратили свое исключительное положеніе на Балтійскомъ морѣ; пораженіе Австріи, задвинутой теперь етѣной отъ остальной Европы, оставленной съ нами съ глазу на глазъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что сдѣлаетъ любезныя отношенія 1854 года съ этою державой постоянными. Далѣе, кромѣ неблагопріятнаго для насъ передѣла, западная Европа еще подвинулась къ намъ такъ близко, какъ никогда прежде не бывало, забирая въ свои руки дѣла, остававшіяся чуждыми ей до послѣдняго времени. Не говоря уже о дипломатическомъ походѣ за Польшу, во время восточной войны была рѣчь о Финляндіи. Румынскія княжества и христіанскія населенія Турціи приняты подъ европейскую опеку, а въ интимныхъ дипломатическихъ кружкахъ былъ возбужденъ даже вопросъ о Кавказѣ; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ фантазіи нѣкоторыхъ дипломатовъ этотъ уголъ русскихъ владѣній до сихъ поръ еще представляется средствомъ вознагражденія Турціи, въ случаѣ какихъ-либо комбинацій. Наконецъ, на сколько бы не измѣнилось отношеніе силы того или другаго государства западной Европы къ общей суммѣ ея силъ, для нихъ это дѣло совсѣмъ иное чѣмъ для насъ. У нихъ идетъ споръ между своими, у насъ онъ идетъ съ чужими. Наше положеніе совершенно исключительное. Хотя великія западныя державы обрѣзываютъ, не церемонясь, когда смогутъ, одна другую, но существованіе каждой изъ нихъ, даже существованіе въ нормальной силѣ, за нею признанной, обезпечено всею Европой. Это обезпеченіе нисколько не простирается на насъ. Если бы можно было лишить Россію ея европейскаго положенія, отрѣзать ее отъ морей, забросить ее даже за Москву, многіе были бы рады содѣйствовать такому счастливому событію, а изъ прочихъ никто бы о насъ не потужилъ, не написалъ бы ни одной дипломатической ноты въ нашу пользу. Сочувствуя намъ въ 1812 году, Европа сочувствовала только себѣ, своему безпомощному положенію передъ Наполеономъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ, въ общественномъ настроеніи, независимо отъ дипломатическихъ интересовъ, западная Европа

Digitized by Google

въ общей массѣ намъ враждебна. Эта враждебность происходитъ не отъ той или другой политической системы русскаго правительства, но отъ самой сущности вещей, отъ недовѣрія къ новому, чуждому, слишкомъ многочисленному, внезапно появившемуся на ея рубежѣ народу, съ его безпредѣльнымъ государствомъ, чуждымъ ея преданіямъ, гдѣ многіе основные общественные вопросы понимаются иначе, чѣмъ въ ней, гдѣ вся масса народа надѣлена землей, гдѣ исповѣдуется религія, сто разъ опаснѣйшая для папства, чѣмъ само протестантство, религія, отрицающая вмѣстѣ то и другое. Оказалось въ добавокъ, что это нежданное-негаданное государство окружено родственными ему стихіями, славянскими и православными, которыя западная Европа считала уже своею добычей, которыя она бы непремѣнно съ теченіемъ времени покорила до послѣдней деревни, сростила бы съ собою и совратила изъ вѣры отцовъ, еслибъ ихъ усыпавшее сознаніе не было вдругъ пробуждено выросшею будто изъ-подъ земли православно-славянскою имперіей. Что бы мы ни дѣлали, мы никогда не заставимъ полуфеодальную и полуреволюціонную Европу искренно признать своими людей чуждыхъ ей отъ самой колыбели. Что бы мы ни дѣлали мы никогда не разувѣримъ ее на счетъ пугающаго ее призрака, не разувѣримъ по той простой причинѣ, что мы сильно растемъ каждый день и сами себя еще не знаемъ, что мы никакимъ образомъ не можемъ ручаться ни за себя, какъ будемъ мы думать о православныхъ и славянскихъ дѣлахъ черезъ нѣсколько лѣтъ, ни тѣмъ болѣе за дѣтей своихъ. Естественныя влеченія сказались и уясняются съ каждымъ годомъ. Съ того часа какъ передъ глазами не совсѣмъ еще задавленныхъ славянъ и православныхъ поднялась на горизонтѣ Европы могущественная Россія, исчезла всякая надежда окончательно онѣмечить первыхъ и окатоличить вторыхъ. Теперь уже никакія человѣческія усилія не упразднятъ великаго вопроса, онъ будетъ стоять въ этомъ видѣ хотя бы цѣлое столѣтіе, дожидаясь естественнаго разрѣшенія. Заинтересованные никогда не добьются этого разрѣшенія собственными силами. Оно зависитъ прямо отъ единственнаго сочувствующаго имъ народа, населеніе котораго ежегодно возрастаетъ на милліонъ. Западныя державы считаютъ насъ всѣхъ русскихъ и нерусскихъ славянъ и православныхъ, чужими людьми, не прощаютъ намъ смущенія, внесеннаго внезапно въ исторію

Digitized by Google

Европы и никогда не встрѣтятъ дружелюбно никакого успѣха съ нашей стороны, ни внѣшняго, ни внутренняго. Кажется, изъ всего совершившагося въ послѣднія двадцать лѣтъ видно достаточно ясно, что онѣ берегутъ для себя свои завѣтные принципы права, свободы и національности и не считаютъ нужнымъ распространять ихъ на насъ, славянъ и православныхъ; Греція для нихъ не то, что Италія, и славяне не то, что нѣмцы или даже мадъяры.

Послѣ того какъ Россія разрушила Польшу и побѣдила Турцію, со дня вступленія на престолъ Павла до дня вступленія Александра II, мы отсрочивали открытое соперничество съ Европой только тѣмъ, что, можно сказать, пошли къ ней въ службу, оградили себя союзомъ, принявшимъ впослѣдствіи имя священнаго, стушевались за нимъ, пожертвовали всѣми національными интересами, едва не перестали быть политически русскими. Но съ тѣхъ поръ какъ Россія вновь стала Россіей подъ державой Александра II, она скинула, нечувствительно для самой себя, эту обременительную маску и потому должна быть готова ко всѣмъ послѣдствіямъ признанія своей исторической личности. Конечно, мы можемъ и теперь какъ прежде, имѣть на западѣ Европы союзниковъ, но должны знать заранѣе, что эти союзники, сошедшіеся съ нами на одинъ данный случай, будутъ во всемъ остальномъ смотрѣть на насъ тѣми же глазами какъ и враги. Намъ приходится полагаться только на себя несравненно болѣе, чѣмъ всякому европейскому народу, всегда находящему сочувственную себѣ группу. Сочувственныя намъ группы существуютъ въ Европѣ, но не располагаютъ своими силами; силы ихъ находятся въ распоряженіи у недруговъ. Нужны большіе перевороты для того, чтобы мы, русскіе, могли выйдти изъ нашего одиночества и жить не особнякомъ, но посреди сочувственной свободной семьи. Безъ сомнѣнія, современное положеніе Россіи, стоящей въ одиночествѣ, болѣе богато будущимъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе достойно, чѣмъ лицемѣрное сотоварищество Священнаго Союза, но нѣтъ сомнѣнія также, что оно полно угрозъ и требуетъ сознательной увѣренности въ себѣ отъ общества какъ и отъ власти. Русскіе люди, искренно желающіе отечеству мира и процвѣтанія, должны или закрыть глаза передъ дѣйствительностью, или сознать, что благодѣяніе прочнаго мира мо-

Digitized by Google

жетъ быть куплено только непоколебимостью народнаго характера.

Несмотря на возможность всякихъ политическихъ сочетаній, каждое государство знаетъ приблизительно силы, съ которыми оно можетъ встрѣтиться. Всякій знаетъ своихъ возможныхъ враговъ и разсчитываетъ свои силы въ этой пропорціи. Не будучи пророкомъ, можно сказать навѣрное, на много лѣтъ впередъ, съ кѣмъ каждое первоклассное европейское государство можетъ завести войну и съ кѣмъ оно не будетъ ея имѣть. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, наше положеніе опредѣлено гораздо менѣе другихъ. У насъ нѣтъ друзей, хотя могутъ быть компаніоны въ выгодномъ предпріятіи; врагами нашими могутъ очутиться по очереди всѣ европейскіе народы. Единственная опредѣленность въ нашемъ международномъ положеніи состоитъ только въ увѣренности, что мы никогда не будемъ имѣть сепаратной войны, одиночнаго поединка — какой былъ у Австріи съ Франціей, у Австріи съ Пруссіей и т. д. Россія слишкомъ сильна, и послѣдствія пораженія съ нашей и съ противной стороны слишкомъ не равны, чтобы кто-нибудь вышелъ на насъ одинъ на одинъ. Мы знаемъ съ точностью лишь то, что когда намъ придется мѣряться съ кѣмъ-либо силами, противникомъ нашимъ будетъ не нація, а большой союзъ. Три года тому назадъ, на насъ чуть не обрушилась вся Европа, безъ всякаго вызова съ нашей стороны; волей или неволей мы бы должны были ее встрѣтить. Съ тѣхъ поръ какъ Россія стала становиться русскою, мы всегда должны быть готовы къ такому обороту дѣлъ, полагаясь только на себя.

Государство въ восемьдесятъ милліоновъ жителей, изъ которыхъ четыре пятыхъ составляютъ одно племя и живутъ однимъ сердцемъ, никогда не можетъ быть побѣждено безвозвратно. Завтрашній день всегда ему принадлежитъ. Чѣмъ бы не разыгралось нынѣшнее, дѣйствительно смутное и неблагопріятное для насъ положеніе европейскихъ дѣлъ, мы можемъ спокойно ждать событій. Несмотря на временныя затрудненія, нравственныя и матеріяльныя силы нынѣшней Россіи неизмѣримо велики, не то что въ 1853 году. Надобно только, чтобы силы эти не оставались силами стихійными, чтобы къ нимъ прибѣгали не въ самую минуту крайности, когда изъ нѣдръ народа можно почерпнуть только сырой матеріялъ,

Digitized by Google

чтобъ онѣ были признаны и распредѣлены заранѣе, были бы организованы постоянно. Россія слишкомъ сильна, чтобы кто-нибудь вышелъ на одиночную борьбу съ ней; на насъ можетъ подняться, намъ можетъ заступить дорогу только большой европейскій союзъ; русскія силы на военномъ положеніи должны быть расчитаны по этой мѣркѣ, иначе онѣ опять окажутся недостаточными. Притомъ, раньше ли, позже ли наступитъ рѣшительная минута, но когда она наступитъ, дѣйствующія войска, какъ и въ восточную войну, будутъ имѣть свое особое назначеніе, далеко не обнимающее всѣхъ потребностей обороны нашихъ безконечныхъ предѣловъ и подержанія великанской борьбы; какъ и въ тотъ разъ, придется встать самой Россіи съ ея народными силами, придется вызвать итогъ ея военныхъ элементовъ во всемъ ихъ разнообразіи. Гораздо вѣрнѣе распредѣлить ихъ своевременно. Государство, какъ и отдѣльный человѣкъ, можетъ выказать только ту степень своей природной силы, какую развило въ немъ упражненіе; оно должно сознательно овладѣть ею. Нынѣшнія военныя учрежденія поставили дѣло именно такимъ образомъ, но далеко еще не дали всѣхъ своихъ послѣдствій. Особенности Россіи, условія ея боеваго могущества такъ отличны отъ всего, что представляетъ Западъ Европы, а наше военное устройство было недавно еще до такой степени слѣпымъ подражаніемъ, что мы отвыкли судить о себѣ самостоятельно, а этого нельзя было передѣлать сразу; слѣдствіе то, что многіе самостоятельные источники русской силы остались до сихъ поръ непочатыми.

Бросимъ бѣглый взглядъ на эти своеобразности Россіи въ военномъ отношеніи, не выходя покуда изъ предѣловъ короткаго перечня. Первая изъ нихъ заключается въ чрезвычайномъ перевѣсѣ нашего населенія надъ неселеніемъ каждаго европейскаго государства. Въ 1868 году въ Россіи надобно считать отнюдь не менѣе 80 милліоновъ жителей, стало-быть, она нѣсколько превосходитъ сумму Австріи, Франціи, Бельгіи и Голландіи вмѣстѣ взятыхъ — 78.630.000; или Австріи, Пруссіи, всего бывшаго германскаго Союза, Бельгіи и Голландіи— 78.210.000. Обстоятельство это не можетъ не имѣть большого вліянія на счетъ нужныхъ государству военныхъ силъ. Если бы мы вооружились такъ, какъ Пруссія (720 тысячъ солдатъ на 18½ милліоновъ населенія), у насъ было бы 3.200.000 людей подъ ружьемъ,—размѣры очевидно несообразные, превос-

Digitized by Google

ходящіе всякую потребность, даже въ случаѣ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языкъ. Громадность числа людей, состоявшихъ у насъ на казенномъ пайкѣ въ концѣ восточной войны, происходила отъ тогдашней системы, несоразмѣрно развивавшей не дѣйствующую, мертвую часть арміи, въ ущербъ ея живой силы. Теперь, когда отношеніе между этими двумя частями установлено правильно, вооруженія Россіи могутъ быть чрезвычайно могущественны, не доходя даже до пропорціи, установленной военнымъ положеніемъ во Франціи (800.000 на 37½ милліоновъ, у насъ выходило бы 2.000.000 регулярнаго сухопутнаго войска). Надобно сказать и то, что сумма союзныхъ силъ, равная матеріяльно силѣ одиночнаго государства, никогда не можетъ быть равна ей нравственно по разногласію цѣлей и даже пріемовъ, по трудности своевременнаго сосредоточенія арміи, по неодинаковой устойчивости въ случаѣ неудачъ. Не имѣя надобности поддерживать такую высокую пропорцію арміи къ населенію, какая принята въ западныхъ державахъ, Россія, очевидно, можетъ пользоваться гораздо большимъ просторомъ въ устройствѣ своихъ силъ, можетъ тщательнѣе и разнообразнѣе сортировать ихъ, не подвергая въ то же время свои населенія, если не финансы, такому истощенію, какъ за границей. Содержаніе русскаго солдата также стоитъ значительно дешевле, чѣмъ на западѣ и не отъ скудости (можно сказать навѣрное, что нашъ солдатъ умеръ бы съ голоду на пищѣ французскаго); только матеріяльная часть за границей, и то кромѣ лошадей, въ общемъ итогѣ обильнѣе нашей. Стоимость военной части по мирному положенію, разложенная на наличность людей, составляетъ: въ Англіи 2.737 франковъ на человѣка, во Франціи—923, въ Австріи—657, въ Пруссіи—734, въ Россіи, по курсу рубль въ 340 сантимовъ, приблизительно 560 франковъ въ годъ. Хотя нашъ государственный бюджетъ, относительно къ населенію, самый низкій въ Европѣ, но дешевизна въ содержаніи войскъ, вмѣстѣ съ меньшею пропорціей количества ихъ, потребнаго въ военное время, уравниваетъ для насъ тягости войны въ сравненіи съ Франціей и даетъ намъ значительный перевѣсъ въ сравненіи съ Пруссіей.

Великая своеобразность Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ великое преимущество ея состоятъ въ томъ, что она не можетъ быть побѣждена въ такой степени, даже въ такомъ смыслѣ, какъ

Digitized by Google

всякое другое континентальное государство, которое можно не только побѣдить, но занять, лишить возможности продолжать сопротивленіе. Всѣ европейскія великія державы, кромѣ Россіи и Англіи, подвергались не разъ такому полному пораженію, что были подъ ногами противника и должны были сдаться безусловно: Франція въ 1814 и 1815, Пруссія въ 1806, Австрія въ 1805, 1809 и прошломъ 1866 годахъ. Понятно, что ничего подобнаго не случится съ Россіей, никто ея не займетъ и даже не дойдетъ до ея столицы, развѣ для того, чтобы сложить тамъ голову. Она можетъ сама рѣшиться, во избѣжаніе напраснаго истощенія, прекратить невыгодную борьбу, не представляющую болѣе шансовъ къ успѣху, какъ случилось въ 1856 году, но не можетъ быть вынуждена къ тому; еслибъ оказалось нужнымъ, ничто бы не помѣшало намъ продолжать восточную войну еще много лѣтъ. Преимущество это, очевидно, громадное. При равныхъ шансахъ на побѣду, шансы войны выходятъ совсѣмъ не равные. Одинъ противникъ можетъ быть только отраженъ, другой же можетъ быть уничтоженъ. Положеніе Англіи однородно съ нашимъ, но съ тою разницей, что она, хотя неуязвима для врага, но сама также не въ состояніи нанести ему смертельнаго удара. Она истомляла Наполеона I борьбой безъ конца, но болѣе ничего не могла сдѣлать, между тѣмъ какъ Россія, отпарировавъ ударъ, сама перешла въ наступленіе и сломила противника. Въ цѣломъ тѣлѣ Россіи нѣтъ ни одной точки, въ которой она была бы уязвима смертельно, между тѣмъ какъ такія точки существуютъ, и очень опредѣленно, въ политическомъ тѣлѣ каждаго изъ ея противниковъ.

Военныя средства Россіи гораздо разнообразнѣе не только каждаго европейскаго государства отдѣльно, но цѣлой западной Европы вмѣстѣ взятой. На Западѣ нѣтъ великой державы, которая не была бы вынуждена всею суммой своихъ историческихъ условій держаться односторонне той или другой исключительной системы военнаго устройства: Англія—наемныхъ войскъ, Франція—одной постоянной арміи, Пруссія—регулированнаго ополченія и т. д. Наше отечество не только не осуждено своею исторіей усвоить себѣ какой-либо однообразный способъ военнаго развитія, напротивъ того, никакая исключительная система не въ состояніи обнять его потребностей; сочтиники нашихъ народныхъ силъ такъ разнообразны, что

Digitized by Google

каждый изъ нихъ требуетъ иныхъ пріемовъ для своего развитія; только соединеніе многихъ самостоятельныхъ учрежденій и вѣрное ихъ примѣненіе могутъ ввести Россію въ обладаніе всею силой, данною ей Богомъ. Россія есть единое цѣлое и живетъ въ одну душу съ своею династіей. Строй русской жизни стоитъ на общей довѣренности и не нуждается въ поддержкѣ силой, наши армія не имѣетъ теперь никакого полицейскаго значенія, а потому военное устройство не подлежитъ у насъ, и только у насъ однихъ, никакимъ постороннимъ соображеніямъ, политическимъ и сословнымъ; въ этомъ заключается неизмѣримое наше преимущество. Послѣ освобожденія крѣпостныхъ, количество, составъ и іерархическій порядокъ постоянныхъ войскъ обусловлены только духомъ русскаго народа, взятаго въ массѣ, и статистикой; никакія искуственныя сочетанія, для предосторожности, намъ не нужны. Вся внутренность имперіи, четыре пятыхъ государства, можетъ быть, въ случаѣ войны, совершенно обнажена отъ войскъ, кромѣ карауловъ при тюрьмахъ, что позволяетъ сосредоточивать боевыя массы, въ несравненно высшей пропорціи къ итогу вооруженныхъ силъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; кто не помнитъ предложенія московскаго городскаго общества въ 1863 году организовать обывательскую стражу, чтобы предоставить правительству возможность вывесть къ границѣ всѣ войска? Кромѣ постоянныхъ войскъ, Россія располагаетъ для обороны своихъ предѣловъ громадною земскою силой, извѣстною, кромѣ насъ, только Англіи, (волонтеры), Швейцаріи и Америкѣ, и вовсе неизвѣстною остальной Европѣ, которая не смѣетъ дать оружія въ руки своимъ гражданамъ, не обративъ ихъ предварительно въ солдатъ. Всѣ видѣли, какими глазами итальянское правительство, одно изъ самыхъ популярныхъ, смотрѣло на своихъ волонтеровъ. Только еще Пруссія прибѣгаетъ отчасти къ ополченію, но и то уже осолдатченному; но прусское ополченіе включается въ составъ арміи, которая безъ него не была бы довольно многочисленна, и потому не есть въ собственномъ смыслѣ ополченіе. Въ наше столѣтіе, въ Россіи, ополченіе сзывалось уже три раза: въ 1807, 1812 и 1855 годахъ, и ни въ какой значительной войнѣ мы безъ него не обойдемся. Наконецъ, затрудненіе, почти неодолимое для европейскихъ государствъ, при большомъ напряженіи силъ,—формированіе кавалеріи, соотвѣтствующей по численности массѣ

Digitized by Google

пѣхоты, для насъ не существуетъ. Въ Россіи есть цѣлыя области исключительно кавалерійскихъ населеній. Казаки принесли уже достаточно пользы русской арміи, но они не принесли еще десятой части той пользы, какой можно отъ нихъ ждать теперь, когда начинаетъ основываться самостоятельное устройство русскихъ силъ. Слѣпое подражаніе чужимъ образцамъ, руководившее полторасто лѣтъ русскими военными учрежденіями, не допускало нашихъ организаторовъ видѣть что-либо внѣ этихъ образцовъ; наша природная кавалерія осталась до сихъ поръ безъ развитія, ибо ни Франція, ни Пруссія, не представляютъ ничего подобнаго ей къ подражанію; но сама въ себѣ она составляетъ громадную силу, которой надобно только сказаться.

Съ такими средствами Россія, конечно, можетъ не бояться борьбы противъ какихъ бы то ни было силъ: но средства эти должны быть заранѣе опредѣлены и развиты, должны стать изъ стихійныхъ государственными. Россія не можетъ быть побѣждена, но она можетъ понести рядъ временныхъ, очень чувствительныхъ пораженій, можетъ быть вынуждена нѣсколько разъ возобновлять борьбу съ крайнимъ для себя истощеніемъ пока научится опытомъ и войдетъ въ полное обладаніе своихъ богатырскихъ силъ.

Мы разсмотримъ съ должнымъ вниманіемъ, одно за другимъ, эти особенныя условія русскаго могущества, представленныя здѣсь въ краткомъ перечнѣ.

II.

Разчисленіе силъ для большой войны.

Война приняла теперь нравственно болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ прежде. Накопленіе богатства и кредитъ позволяютъ государству осуществлять важныя мѣры насчетъ будущаго, не стѣсняясь размѣрами текущихъ доходовъ; а какъ изъ всѣхъ вещей на свѣтѣ война, когда она становится необходимою, есть самая важная, потому что ставитъ на карту не только богатства, но существованіе того, кто ими владѣетъ, то

Digitized by Google

естественно, государства стали выставлять въ минуту спора всѣ свои силы разомъ, можно сказать, стали опорожняться до дна; они сосредоточиваютъ теперь въ одномъ моментѣ силы нѣсколькихъ лѣтъ. Очевидно, военный расходъ должно выкупать экономіей мирнаго времени, такъ что всякая лишняя растрата на войска въ продолженіе мира отнимаетъ соразмѣрную часть средствъ у будущей войны. Въ этомъ отношеніи понятія круто измѣнились. Теперь страшенъ не тотъ, кто бережетъ свои средства для того, чтобъ имѣть возможность сильно и скоро вооружиться, когда придетъ надобность. Конечно, этимъ опредѣляется только *количество*, за которымъ остается исключительное значеніе въ одной оборонительной войнѣ. Государства, принявшія такую систему до крайности, доказываютъ тѣмъ свое миролюбіе, такъ какъ для нихъ назначать войну, значитъ поднимать поголовно свой народъ, чего нельзя дѣлать ежедневно. Въ наступательной же войнѣ, сила народа можетъ быть выражена формулой, количество войскъ, помноженное на ихъ качество, какъ сила удара опредѣляется массой, помноженною на скорость. Качество же получается на условіяхъ діаметрально противуположныхъ количеству. Но если за качествомъ остается еще большое значеніе, то при нынѣшнемъ состояніи европейскихъ армій, оно все-таки не можетъ замѣнить количества, скорѣе наоборотъ. Даже дѣйствующія войска приходится теперь устраивать такъ, чтобы при возможно большей численности, они были наилучшаго качества, а не въ противоположномъ смыслѣ, то-есть, чтобы, при высшемъ качествѣ, они были какъ можно болѣе многочисленны. Можно сказать, конечно, довольно произвольно, но все-таки приблизительно вѣрно, что теперь пропорція, въ которой лучшія европейскія войска могутъ идти на худшія европейскія же, должна быть не менѣе какъ въ три четверти противъ послѣднихъ; въ отдѣльной сшибкѣ можетъ быть иначе, но въ большомъ сраженіи иного отношенія допустить нельзя. Недавно произошла кустоцкая битва, въ которой итальянская армія, сформированная не болѣе пяти лѣтъ передъ тѣмъ, изъ послѣднихъ элементовъ въ Европѣ, и та, хотя была подъ конецъ побита, могла однакожъ продержаться цѣлый день на полѣ сраженія при равныхъ силахъ. Даже въ отношеніи къ дѣйствующимъ войскамъ, численность ихъ на театрѣ войны должна быть покупаема всевозможнымъ сокращеніемъ мертвой части вѣдомства.

Digitized by Google

нестроевыхъ людей всякихъ чиновъ. Отношеніе между боевымъ комплектомъ войскъ и кадрами мирнаго времени не можетъ быть опредѣлено теоретическски: оно зависитъ отъ народнаго духа, отъ склада самой арміи, утвержденнаго долгою практикой, отъ того, какого именно рода войска преимущественно нужны государству по его относильному положенію и т. д. Въ дѣйствительности, каждая нація держится въ этомъ случаѣ своей особенной системы, данной ей историческими условіями; но въ то же время всѣ признаютъ истину: «чѣмъ значительнѣе разница между мирнымъ и военнымъ положеніемъ, тѣмъ армія можетъ быть могущественнѣе», и всѣ стараются примѣнить ее къ своей организаціи, тѣмъ или другимъ способомъ.

Когда пропорція арміи къ населенію разъ установлена, вся система формированія войскъ, характеръ рекрутскаго набора, срокъ приготовленія и службы солдата, отношеніе мирнаго положенія къ военному и пр., становятся въ значительной степени уже не произвольными. Очевидно, нельзя дать одинаковыхъ учрежденій двумъ арміямъ, которыя, при одномъ и томъ же годовомъ комплектѣ рекрутъ, должны быть доведены до разной степени численности. Опредѣленіе пропорціи арміи къ населенію обусловливаетъ очень тѣсно послѣдующія учрежденія; но и самая эта пропорція не можетъ быть установлена совершенно произвольно. Качество войскъ тѣсно зависитъ отъ степени ихъ численности; дойдя до извѣстнаго предѣла, численность арміи можно увеличивать только на счетъ ея качества, уменьшая сроки дѣйствительной службы, опрѣсняя, можно сказать, боевой духъ полковъ большимъ и большимъ количествомъ новобранцевъ, далеко еще не обратившихся въ настоящихъ солдатъ, выдвигая въ офицеры множество людей не обладающихъ нужными ихъ званію качествами. При данномъ народномъ складѣ есть, безъ сомнѣнія, степень, далѣе которой нельзя идти, или войско, считающееся боевымъ, обратится въ то же ополченіе, Однако же хорошія военныя учрежденія, вѣрно примѣненныя къ національному духу, могутъ отодвинуть эту степень довольно далеко, позволятъ дать арміи упругую организацію, сильно расширять ее въ военное время, безъ замѣтнаго пониженіа качества войскъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ установить не произвольно, а на основаніи опыта, предѣлъ, до кото-

Digitized by Google

раго можно увеличивать наличный составъ полковъ съ переходомъ на военное положеніе, не разрушая ихъ духа.

Въ этомъ отношеніи у насъ мнѣніе еще не установилось. Большинство практическихъ офицеровъ, сжившихся съ русскимъ солдатомъ въ бою и въ походѣ, несовсѣмъ довѣряютъ новымъ учрежденіямъ, не сочувствуютъ молодымъ полкамъ, пополняемымъ безсрочно-отпускными. Надобно вспомнить, что всѣ эти офицеры начали службу въ войскахъ двадцати-пятилѣтняго срока, а первыя впечатлѣнія сильны; тогда рекрутъ считался настоящимъ солдатомъ развѣ на пятомъ году службы. Кромѣ того, понятно, что сердце влечетъ боеваго офицера преимущественно къ старымъ солдатамъ; только съ этими людьми можно, что называется, чисто разыграть дѣло передъ непріятелемъ, не боясь случайностей *). Неудивительно поэтому, что старые офицеры, по большей части, требуютъ старыхъ войскъ, плохо довѣряя народнымъ арміямъ, какія теперь почти повсемѣстно стали заводиться въ Европѣ. Съ своей точки зрѣнія они совершенно правы: никакими искуственными мѣрами нельзя довести полкъ народной арміи, состоящій изъ краткосрочныхъ людей, до того, чтобъ онъ сравнялся по качеству съ старыми бандами. Но также вѣрно и то, что теперь, если только молодое войско сформировано и воспитано толково, никакой суворовскій полкъ не справится съ двумя молодыми, даже съ трудомъ и большимъ рискомъ будетъ бороться противъ полуторныхъ силъ. Прежде было не то, и причина перемѣны очевидна. Въ дѣйствительности огня французскіе или турецкіе, молодые или старые батальоны мало чѣмъ отличаются между собою, то-есть отличіе есть, но оно не такъ за-

*) Недавно французскій писатель, генералъ Трюмо доказывалъ очень остроумно, что высокое боевое достоинство, признаваемое мнѣніемъ за ветеранами, есть не болѣе какъ предразсудокъ, что внѣ дѣла ветерны служатъ плохо, что солдаты пятилѣтняго срока вообще гораздо надежнѣе. Мнѣніе довольно странное для бывалаго офицера. Никто не видалъ войска, составленнаго изъ однихъ ветерановъ, объ немъ нечего и говорить; рѣчь можетъ идти только о томъ, въ какой степени ветераны полезны между молодыми солдатами—а это вещь ясная. Полкъ становится вполнѣ боевымъ тогда лишь, когда онъ нравственно обособляется когда въ немъ складывается опредѣленный типъ, развивается общественный духъ, въ силу постоянно поддерживающихся преданій и укоренившихся понятій, чего никогда не произойдетъ безъ старыхъ солдатъ, хранителей этого духа и этихъ преданій.

Digitized by Google

мѣтно. Несравненное превосходство старыхъ бандъ оказывается главнѣйше лицомъ къ лицу, въ ударѣ, до котораго теперь гораздо труднѣе добраться, чѣмъ прежде, при перевѣсѣ непріятеля въ силѣ даже очень трудно. Вслѣдствіе того, качество войскъ составляетъ нынѣ несомнѣнное преимущество только при равныхъ силахъ. Теперь уже не побьешь съ десятью тысячами тридцать или двадцать тысячъ европейскихъ войскъ, какъ сплошь и рядомъ случалось прежде. Переворотъ, произведенный новымъ оружіемъ, сказался въ организаціи армій. Въ то же время народное богатство увеличилось на столько, что въ наше время легче вооружить и содержать на войнѣ одного бойца на счетъ 50 душъ населенія, чѣмъ прежде вывести одного на счетѣ ста душъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ европейскія государства, даже Франція, стали рѣшительно жертвовать качествомъ количеству, поддерживая первое однѣми искуственными мѣрами, на сколько возможно. Силы, рѣшившія судьбу Италіи въ 1859 году, оказались бы ничтожными въ Богеміи въ 1866 году. И движеніе въ этомъ направленіи продолжаетъ усиливаться. Въ такомъ положеніи дѣлъ самыя законныя предпочтенія должны уступить мѣсто необходимости. При равномъ населеніи двухъ государствъ, изъ которыхъ одно будетъ держать войско шестилѣтняго срока дѣйствительной службы, увеличивающееся вдвое съ переходомъ на военное положеніе, а другое—войско трехлѣтняго срока, увеличивающееся втрое, послѣднее выставитъ полуторную силу противъ перваго; пусть солдаты этого перваго государства, старые служивые, будутъ въ состояніи биться три противъ четырехъ, то-есть, 1 противъ $1^1/_3$, но имъ придется имѣть дѣло 1 на $1^1/_3$, и вся выгода окажется на сторонѣ непріятеля. Этотъ цифирный примѣръ ничего не значитъ въ сущности, но онъ показываетъ наглядно то, что было бы долго объяснять словами.

Конечно, есть предѣлъ, далѣе котораго упругость военной организаціи не можетъ идти. Этотъ предѣлъ зависитъ отчасти отъ народнаго склада, отъ того какъ скоро человѣкъ извѣстной національности обращается въ солдата, а еще гораздо болѣе отъ политическаго склада самого государства. Понятно, что императорская Франція, постоянно ведущая гдѣ нибудь войну, не могла бы держаться ландверной системы, еслибы даже внутренняя безопасность допускала это учрежденіе. Оно не пригодно и намъ, отчасти по той же причинѣ, отчасти по от-

Digitized by Google

сутствію строгой точности въ гражданскомъ порядкѣ и быстроты сообщеній, нужныхъ для него. Но если предѣлъ упругости боевой арміи и существуетъ для каждой національности, то тѣмъ не менѣе, въ виду постоянно усиливающагося вооруженія у сосѣдей, каждому стало необходимо довести размѣры своего вооруженія по крайней мѣрѣ до этого естественнаго предѣла. Тутъ дѣло не въ напряженіи государственнаго бюджета,—совсѣмъ напротивъ, а въ расширеніи пропорціи военнаго вооруженія къ мирному. Для каждаго сказалась необходимость располагать силами, которыя не уступали бы силамъ вѣроятныхъ противниковъ.

Но кромѣ дѣйствующихъ армій, сосредоточиваемыхъ на пунктахъ, гдѣ рѣшается участь войны, всякому государству необходима огромная масса войскъ для другихъ назначеній: для огражденія своихъ предѣловъ, лежащихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ театра войны, если они подвержены нападенію, для занятія непріятельскаго края и блокады его крѣпостей въ тылу своей арміи, когда та значительно продвинется впередъ; для гарнизона своихъ собственныхъ крѣпостей; для резервовъ, пополняющихъ убыль въ боевыхъ частяхъ, для занятія внутренности государства караулами. Очевидно, тутъ не нужны войска боевыя, приготовленныя исподволь, надобно только, чтобы въ нихъ былъ хорошій народный духъ; поэтому, если правительство довѣряетъ населенію, ихъ можно вовсе не держать въ мирное время, даже въ кадрахъ, а собирать только передъ войной. Къ этой массѣ бездѣйствующихъ, но необходимыхъ войскъ, надобно прибавить еще множество нестроевыхъ командъ, безъ которыхъ не только боевыя силы, но даже внутреннія не могутъ обойдтись, фурштатовъ перевозящихъ тяжести, военномастеровыхъ, провіянтскихъ и коммиссаріятскихъ служителей, лазаретную прислугу и всѣ полувоенныя-полугражданскія спеціяльности арміи, которыхъ набирается много. Весь итогъ этихъ полубоевыхъ или вовсе небоевыхъ частей бываетъ такъ великъ, что даже въ Пруссіи, гдѣ ихъ относительно менѣе, онъ составлялъ въ послѣднюю войну—$^2/_5$ вооруженныхъ силъ. Между тѣмъ Пруссія не была вынуждена защищать другія границы, кромѣ тѣхъ, гдѣ были сосредоточены ея боевыя арміи, резервы находились тамъ только по крѣпостямъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ они обучали рекрутъ; берега ея также были безопасны. Совсѣмъ другое дѣло у насъ.

Digitized by Google

Кто бы ни были наши враги, сосредоточеніе русскихъ дѣйствующихъ армій можетъ быть совершено съ сознательною цѣлію только въ трехъ пунктахъ: въ Царствѣ Польскомъ, по берегамъ Прута и на турецко-азіятской границѣ. Будемъ ли мы дѣйствовать наступательно или оборонительно, когда дѣло дойдетъ до войны, по самому географическому очертанію первое столкновеніе можетъ произойдти только въ одномъ изъ этихъ трехъ стратегическихъ пунктовъ или на всѣхъ трехъ вмѣстѣ; тамъ будутъ и арміи. Но между Царствомъ Польскимъ, Прутомъ и турецко-азіятскою границей, и по сторонамъ ихъ, лежатъ сотни верстъ открытой сухопутной границы и два морскіе бассейна—Балтійскій и Черноморскій: все это пространство надобно оградить отъ всякаго покушенія. Союзъ противъ Россіи безъ участія морскихъ державъ, или хоть одной морской державы, почти немыслимъ; а при этомъ участіи, намъ приходится, какъ уже приходилось однажды, разрѣшать задачу почти небывалую: не имѣя морской силы, которая могла бы идти въ сравненіе съ непріятельскою, защищать длинную линію береговъ отъ всегда готовыхъ дессантовъ*), надобно прибавить, что въ числѣ этихъ береговъ есть не русскіе, хотя и принадлежащіе Россіи: Финляндія, Самогитія, Кавказъ; на одномъ изъ этихъ береговъ стоитъ столица. Очевидно, подобную, задачу можно разрѣшить только тѣмъ, чтобы всегда быть готовымъ стянуть къ каждому приморскому пункту значительное число войскъ, то-есть занять прибрежный край громадною силой, которая въ то же время вовсе не будетъ силой, будетъ только расходомъ и простоитъ все время войны неподвижно, ружье у ноги. Такимъ образомъ намъ приходится занимать берега бѣломорскіе, балтійскіе и черноморскіе, кромѣ того 14 первоклассныхъ и нѣсколько меньшихъ крѣпостей, лежащихъ вдоль нашей западной и южной границъ, отъ Свеаборга до Керчи, четыре такихъ города какъ Петербургъ, Рига, Варшава и Одесса, и наконецъ, кромѣ всего это-

*) Въ такомъ положеніи, кромѣ насъ, никто не находился Пруссія никогда не была угрожаема съ моря. Австрія почти не имѣетъ береговъ. Франція, при Наполеонѣ I, вела морскую войну съ государствомъ, располагающимъ, сравнительно, слишкомъ небольшою сухопутною силой; но даже при этомъ условіи, надо вспомнить, въ какое затруднительное положеніе ставило Наполеона опасеніе англійскихъ дессантовъ.

Digitized by Google

го, удерживать въ спокойствіи достаточными силами Царство Польское, западныя губерніи (всего 19 губерній) и Кавказъ (7 губерній и областей, не считая Ставропольской); очевидно, какія громадныя мертвыя силы нужны Россіи, для того чтобъ ея живыя силы могли дѣйствовать! Такой колоссальной постоянной арміи, которая могла бы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ и остаться достаточно сильною на главномъ театрѣ войны, не было ни у Чингисхана, ни у Наполеона въ то время, когда онъ распоряжался Европой, ни у кого не было. Ее невозможно собрать изъ однихъ постоянныхъ войскъ, для которыхъ въ мирное время содержатся кадры, такъ какъ эти кадры, даже при относительно короткомъ срокѣ службы людей, задавили бы бюджетъ въ ожиданіи войны.

Въ этой мертвой половинѣ государственныхъ силъ заключаются части непосредственно принадлежащія постоянной арміи—резервы приготовляющіе рекрутъ (то, что Французы называютъ полковыми депо), существующіе какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Кромѣ того, на открытыхъ границахъ, особенно морскихъ, подверженныхъ случайнымъ покушеніямъ непріятеля, приходится располагать въ нѣкоторой пропорціи настоящіе боевые полки, какъ надежный резервъ на всякій случай. Но затѣмъ нѣтъ надобности, какъ нѣтъ возможности, чтобы вся масса силъ, занимающая берега, крѣпости, сомнительныя области, внутренніе караулы, состояла изъ опытныхъ войскъ. Чисто оборонительная война какъ восточная, предоставлявшая непріятелю возможность устремлять массу своихъ силъ куда онъ хотѣлъ, была явленіемъ случайнымъ, происшедшимъ вслѣдствіе небывалой политической ошибки; исключительно морская война, разумѣется, для насъ невозможна. При войнѣ же сухопутной, непріятель будетъ слишкомъ развлеченъ, чтобъ отдѣлять цѣлыя арміи въ дессантъ къ нашимъ берегамъ; а противъ покушеній второстепеннаго характера, для обороны береговъ, крѣпостей и подавленія случайныхъ внутреннихъ движеній, напримѣръ въ польскихъ областяхъ, также какъ для занятія непріятельскихъ провинцій, оставшихся въ тылу за дѣйствующею арміей, годятся самыя молодыя войска, если они многочисленны, хорошо вооружены и одушевлены любовью къ отечеству. По особенностямъ нашего географическаго положенія, мы нуждаемся въ большей массѣ этихъ временныхъ войскъ, вызываемыхъ къ бытію только войной, чѣмъ какое бы

Digitized by Google

то ни было европейское государство. Для наглядности я постараюсь исчислить приблизительно эту массу, основываясь на распредѣленіи оборонительныхъ силъ во время восточной войны не упуская изъ вида и послѣдовавшихъ затѣмъ измѣненій во многихъ обстоятельствахъ. Разумѣется, подобное исчисленіе можетъ дать только самое общее понятіе о дѣлѣ, такъ какъ не бываетъ двухъ войнъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Наше положеніе, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, наиболѣе опредѣленное. Всякая возможная для Россіи европейская война, сопровождаясь въ то же время войной морскою, ставитъ намъ одни и тѣ же условія для обороны границъ; каково бы ни было назначеніе русскихъ дѣйствующихъ силъ, наши оборонительныя средства будутъ сосредоточены исключительно въ четырехъ мѣстностяхъ: 1) на берегахъ балтійскихъ, 2) въ западныхъ губерніяхъ, 3) на берегахъ черноморскихъ, 4) на Кавказѣ. Политическія случайности не могутъ имѣть большаго вліянія на распредѣленіе собственно оборонительныхъ силъ: опасность разрыва съ Швеціей во время войны, напримѣръ, заставила бы только усилить боевой резервъ дѣйствующихъ войскъ Балтійскаго бассейна, какъ опасность разрыва съ Турціей заставила бы усилить боевой резервъ черноморскій; размѣщеніе мѣстныхъ войскъ осталось бы тѣмъ же самымъ, какое нужно для отраженія покушеній морскихъ державъ.

Главнѣйшее, что надобно имѣть въ виду при исчисленіи временныхъ войскъ, состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить ими вездѣ, гдѣ возможно, войска постоянныя, дѣйствующія, которыя должны сосредоточиваться массами на театрѣ войны, развлекаясь какъ можно менѣе оборонительными назначеніями. Размѣръ вооруженій принятъ нормальный, то-есть самый высшій. съ уменьшеніемъ опасности онъ будетъ самъ собою сокращаться.

Считая по дивизіямъ въ 12 батальйоновъ (хотя изъ этихъ войскъ, конечно, могутъ и не формироваться дивизіи) выходитъ:

Въ балтійскомъ бассейнѣ приблизительно:

Въ Финляндіи, для занятія гарнизонами крѣпостей, прибрежныхъ батарей и въ резервъ за ними	3	дивизіи.
Въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и окрестностяхъ	4	«
Въ Остзейскомъ краѣ	2	»
	9	
		4

Digitized by Google

Въ Западномъ краѣ.

Въ гарнизонъ восьми западныхъ крѣпостей (считая тутъ же и варшавскую цитадель)	4½	дивизіи.
Въ 14 губерній Царства Польскаго и западнаго края (по прежнему счету), полагая кругомъ въ каждую по бригадѣ . . .	7	»
Кромѣ того, на занятіе Варшавы.	1	»
Въ приморскую часть Литвы, на которую непріятель легко можетъ задумать пробную попытку.	1	»
	13½	

Въ черноморскомъ бассейнѣ.

Въ гарнизонъ крѣпостей и приморскихъ городовъ отъ Бендеръ до Керчи, нынѣ совершенно обезпечивающей Азовское море.	3	дивизіи.
Для прикрытія Бессарабіи со стороны Дуная	1	»
Въ резервъ Новороссійскаго края съ Крымомъ, противъ значительнаго покушенія	2	»
	6	

На Кавказѣ.

Заселеніе черкесскихъ горъ станицами обратило эту страну въ крѣпость, которая сама себя защищаетъ; но въ случаѣ войны придется занять просто войсками главные перевалы, рѣчныя переправы и нѣкоторые прибрежные пункты Кубанской области и Кутаисскаго края, для облегченія движеній дѣйствующихъ войскъ, на что, кромѣ казаковъ втораго сбора, надобно положить приблизительно.	1	дивизію.
На замѣщаніе въ Терской и Дагестанской областяхъ большей части войскъ выведенныхъ въ поле	2	»
На гарнизонъ пограничныхъ крѣпостей нѣкоторыхъ городовъ и мусульманскихъ областей Закавказскаго края	2	»
На занятіе бѣломорскаго прибрежья	½	»
	5½	»
Итого	34	дивизіи.

Списочная численность 34 дивизій, въ 12 батальіоновъ каждая, составляетъ съ небольшимъ 400.000.

Полагая также въ пособіе дѣйствующимъ арміямъ, для назначеній. которыя могутъ исполнять и временныя войска, занятіе края въ ихъ тылу, блокаду крѣпостей и прочее—шесть дивизій, вся масса не дѣйствующихъ войскъ, создаваемыхъ только на время войны, можетъ дойти при сильной борьбѣ до 40 дивизій, то-есть до 480 тысячъ. Послѣдній изъ показанныхъ

Digitized by Google

разрядовъ не составляетъ необходимости, но можетъ составить весьма важное подспорье; а такъ какъ начинать войну можно только съ тѣмъ, чтобы побѣдить во что бы то ни стало, то каждая полезная вещь, могущая способствовать успѣху, по тому самому становится необходимою. Шесть дивизій временныхъ войскъ въ тылу дѣйствующей арміи составляютъ пропорцію, выше которой потребность, вѣроятно, никогда не пойдетъ.

Еслибъ Австрія приняла участіе въ восточной войнѣ, какъ она грозила, то силы союзниковъ (за исключеніемъ, можетъ-быть, англичанъ) были бы переведены изъ Крыма къ западной границѣ, извнѣ или извнутри, и размѣщеніе нашихъ резервныхъ войскъ было бы приблизительно таково какъ оно здѣсь показано въ силу необходимости.

Это только силы оборонительныя, не вліяющія на исходъ войны, необходимыя для того, чтобы можно было, не оглядываясь, сосредоточить дѣйствующія арміи, гдѣ окажется нужнымъ. Теперь мы постараемся опредѣлить на сколько это возможно, съ какою массой силъ мы можемъ встрѣтиться,—что̀ значитъ въ то же время, какую силу мы должны были бы противопоставить врагамъ, чтобы сдѣлать борьбу возможною. Тутъ дѣло идетъ еще не о томъ, сколько Россія можетъ выставить дѣйствующихъ войскъ, но о томъ, сколько было бы желательно, чтобъ она могла выставить для уравненія шансовъ. Я прошу читателей не забывать, что пока рѣчь идетъ только объ этомъ.

Возьмемъ для сравненія прошлую войну и сосчитаемъ, какія силы могли бы мы имѣть на рукахъ, еслибы захотѣли продолжать ее. Обстоятельства 1853—56 годовъ—чисто морская оборона противъ ничѣмъ не развлекаемыхъ непріятельскихъ дессантовъ, конечно, не повторятся больше. Употребляя тривіальное сравненіе, можно сказать, что мы были тогда въ положеніи круто привязаннаго къ столбу, на живодерномъ дворѣ, медвѣдя, который долженъ отбиваться отъ собакъ, не имѣя возможности сдѣлать шага навстрѣчу имъ. Это странное положеніе произошло отъ одной причины: мы не имѣли достаточно дѣйствующихъ войскъ, чтобы заставить союзниковъ измѣнить морскую войну на сухопутную. Наступленіе на Австрію въ 1854 году было бы, конечно, слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ тогда можно было опасаться, что эта держава будетъ

Digitized by Google

поддержана Пруссіей, но въ 1855, сколько теперь извѣстно, этой опасности, уже не существовало *). Еслибы въ тотъ годъ у насъ было достаточно силъ, мы могли бы избавиться отъ морской войны и обратить ее въ сухопутную. Французы перенесли бы свои силы на материкъ, въ помощь союзникамъ; англичане остались бы защищать, на всякій случай, Турцію, или сдѣлали бы попытку на Закавказье. Мы имѣли бы противъ себя на Карпатахъ французовъ, австрійцевъ и вспомогательный сардинскій корпусъ, при тогдашнихъ итогахъ 400 тысячъ солдатъ; на Дунаѣ Турокъ и, можетъ-быть, Англичанъ, тысячъ около ста; въ Азіи турокъ и также можетъ-быть, англичанъ (которыхъ въ этомъ случаѣ не было бы уже на Дунаѣ), тысячъ семьдесятъ. При нынѣшней европейской военной организаціи эти силы въ томъ же положеніи вещей, были бы слѣдующія: австрійцевъ 350 тысячъ, французовъ 150 тысячъ (въ войнѣ на такомъ разстояніи нельзя выставить того же количества войскъ, какъ у своихъ предѣловъ); наконецъ, вѣроятно, тысячъ сто италіянцевъ, всего 650 тысячъ солдатъ—наполеоновская армія 1812 года. На Дунаѣ или на Днѣстрѣ и въ Азіи общій итогъ и теперь остался бы тотъ же, такъ какъ силы Турціи не возрасли съ тѣхъ поръ, а силы Англіи, хоть и возрасли, но еще болѣе раздѣлились, увеличившись въ Индіи и въ Канадѣ. Еслибы прошлая война происходила въ 1868 году, намъ нужно было бы выставить, для сохраненія равенства въ силахъ, 600 тысячъ дѣйствующихъ войскъ въ западную армію, 100 тысячъ въ южную и около 70 на Кавказѣ, со стороны черноморскаго прибрежья и турецкой границы,—всего 770 тысячъ. Кромѣ того, и кромѣ всѣхъ резервовъ, ограждающихъ берега Балтійскаго, Чернаго и Бѣлаго морей, занимающихъ западныя области и крѣпости, дѣйствующія войска нужны были бы въ нѣкоторой пропорціи и на другихъ мѣстахъ. Противъ мало вѣроятнаго при сухопутной войнѣ, но все-таки сбыточнаго покушенія на балтійскіе берега въ союзѣ съ Швеціей, въ этомъ бассейнѣ пришлось бы оставить центральный боевой резервъ въ двѣ, если не въ три дивизіи: на черноморскихъ берегахъ, сзади южной арміи, также двѣ или полторы въ полѣ, иначе непріятель могъ бы занять Крымъ; при выступленіи впередъ западной арміи

*) Переговоры съ Пруссіей за то время не опубликованы.

Digitized by Google

оказалось бы нужнымъ, можетъ-статься, расположить въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ резервовъ, хоть одну дивизію; наконецъ, на Кавказѣ, даже при нынѣшнемъ его состояніи, нельзя свести всѣ дѣйствующія войска съ горъ къ границѣ—какія бы ополченія ни были введены въ Дагестанъ и Чечню; тамъ все пришлось бы удержать нѣсколько привычныхъ войскъ, кромѣ линейныхъ баталіоновъ, по крайней мѣрѣ одну дивизію. Сумма этихъ дѣйствующихъ, хотя и не бьющихся войскъ, вмѣстѣ съ оренбургскими и сибирскими, также постоянными, была бы около девяти пѣхотныхъ дивизій, то-есть, со всѣми родами регулярнаго оружія, 130 тысячъ, а всего съ арміями 900. Присоединяя сюда 480 тысячъ ополченія, по нашему вычисленію, выходитъ 1.380.000 подъ ружьемъ, кромѣ полковыхъ депо и нестроевыхъ. Въ 1856 году у насъ числилось по спискамъ гораздо болѣе этого, но три четверти тогдашнихъ войскъ были совсѣмъ не войска, а скоро набранныя, полуустроенныя толпы людей на казенномъ провіантѣ, стоившія еще больше постоянныхъ солдатъ, вслѣдствіе чрезвычайной спѣшности формированія, но которыхъ нельзя было вывести въ поле по недостатку ничѣмъ незамѣнимой предварительной организаціи.

Замѣчательно, что расположеніе дѣйствующихъ войскъ въ приведенномъ примѣрѣ составляетъ не частный случай, не картину только тогдашнихъ обстоятельствъ, но, можно сказать, нормальное распредѣленіе русскихъ силъ при всякой борьбѣ противъ европейскаго союза. Еслибы мы хотѣли добиться побѣды въ восточной войнѣ (надо прибавить: и было бы съ чѣмъ), намъ пришлось бы сосредоточить четыре пятыхъ боевыхъ силъ въ западной арміи. Такъ будетъ и впредь. Въ 1855 году обозначилось положеніе дѣлъ, которое съ тѣхъ поръ продолжается и будетъ еще продолжаться неопредѣленное время. Какъ только обнаружилась солидарность европейскихъ стремленій по интересующимъ насъ вопросамъ, стало ясно, что гордіевъ узелъ перенесенъ на другую почву, что отнынѣ румянцовскіе походы не могутъ болѣе приносить плодовъ, и судьба всѣхъ вопросовъ, сталкивающихъ насъ съ Западомъ, не только по турецкимъ, но даже по азіятскимъ дѣламъ (если они доростутъ до такихъ размѣровъ), должна рѣшаться на европейскихъ поляхъ, однимъ словомъ, стало очевидно, что отнынѣ вся боевая сила Россіи заключается въ ея западной арміи, стоящей на своемъ натуральномъ базисѣ, на Вислѣ, остальнымъ же арміямъ предстоитъ

Digitized by Google

только роль—сдерживать второстепенныя попытки непріятеля, пока продолжается борьба главныхъ силъ на западной границѣ и потомъ, если счастіе окажется на нашей сторонѣ, приводить въ исполненіе, но уже безъ большихъ усилій, приговоръ судьбы, произнесенный на той же западной границѣ—enregister la victoire. Русское общество до сихъ поръ еще не уяснило себѣ этого оборота дѣла; оно полагаетъ, что въ случаѣ борьбы, напримѣръ по восточному вопросу, успѣхъ можетъ зависѣть отъ южной, или, какъ ее называли прежде, дунайской арміи, но это вовсе не такъ. Воротимся для наглядности къ прошлой войнѣ и положимъ, что Россія въ 1853 году, располагала всѣми своими силами. Въ чемъ заключался узелъ вопроса? Большинство думаетъ, что онъ заключался въ быстромъ захватѣ Константинополя. Я думаю, съ своей стороны, что никакіе успѣхи нашего оружія въ предѣлахъ Турецкой имперіи не могли рѣшить этого дѣла. Взятіе Константинополя вызвало бы рѣшительный союзъ Англіи, Франціи и Австріи. Имѣя открытый доступъ къ намъ, союзники не стали бы перевозить съ такими затрудненіями свои арміи черезъ море, они сосредоточились бы на среднемъ Дунаѣ, и восточный вопросъ сталъ бы рѣшаться на Карпатахъ. Еслибы мы были побиты въ средней Европѣ, захватъ Константинополя не послужилъ бы ни къ чему, мы бы его возвратили, только, можетъ-быть, не въ руки турокъ, а въ другія, гораздо опаснѣйшія; еслибы мы остались побѣдителями, участь Константинополя была бы тоже рѣшена, имъ можно было бы распорядиться безъ большихъ затрудненій. Такъ будетъ и впредь, не только по восточному вопросу, но по всѣмъ большимъ вопросамъ, какіе только могутъ возникнуть. Прежде успѣхи второстепенныхъ армій имѣли гораздо больше значенія, потому что главная армія не заключала въ себѣ суммы всѣхъ силъ государства, ее можно было много разъ подновлять и длить такимъ образомъ борьбу, упрочивая свои успѣхи на побочныхъ военныхъ театрахъ. Но уже со временъ Наполеона I дѣло приняло иной видъ, а теперь оно дошло до того, что столкновеніе главныхъ массъ рѣшаетъ участь войны безъ аппелляціи. Какую выгоду извлекли бы австрійцы изъ побѣды баварцевъ? Еслибы въ той же прошлой восточной войнѣ намъ выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатоліи, но мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему повели бы насъ эти успѣхи? Если же, напротивъ союзники одержали

Digitized by Google

бы верхъ надъ нами на Днѣстрѣ, овладѣли Крымомъ, Закавказьемъ, Финляндіей и даже Петербургомъ, но въ то же время ихъ силы были бы на голову разбиты на поляхъ средней Европы, кто диктовалъ бы условія мира?

Нельзя себѣ представить такого сочетанія дѣлъ на войнѣ, въ которомъ не только главная, но исключительно рѣшительная роль не принадлежала бы западной арміи. Другія арміи могутъ получить важное значеніе только въ случаѣ успѣха западной,—имъ предстоитъ пожинать то, что первая посѣетъ. Россія сильна на столько, на сколько можетъ быть сильною ея западная армія.

Мы видѣли уже съ какими силами пришлось бы мѣриться нашей западной арміи, еслибъ она перешла въ наступленіе во время восточной войны. По тогдашнимъ размѣрамъ европейскихъ вооруженій, онѣ составляли бы около 400 тысячъ, по теперешнимъ около 650. Въ случаѣ войны противъ союза англо-австро-прусскаго онѣ были бы еще выше, около 700 (не считая второстепенныхъ военныхъ театровъ). Этими двумя сочетаніями,—западныя державы съ одною изъ нѣмецкихъ, или обѣ нѣмецкія съ Англіей,—исчерпывается вѣроятность европейскихъ союзовъ и самыхъ большихъ силъ, которыя когда-либо могли бы обрушиться на насъ. Всякая другая комбинація была бы уже благопріятнѣе. Въ каждомъ случаѣ, Россія не можетъ пошевелиться, что бы ни случилось, если не будетъ въ состояніи выставить на Вислу дѣйствующихъ, вполнѣ подвижныхъ силъ, равныхъ возможнымъ вражескимъ. При этомъ, кто бы ни были наши противники, численность другихъ дѣйствующихъ армій (говоря только о первоначальномъ расположеніи) могла бы быть очень ограниченная, даже еслибы пришлось одновременно имѣть дѣло съ Турціей: 80 тысячъ въ южной арміи, 60 тысячъ на Кавказѣ (35 на границѣ и 25 въ горахъ черноморскаго прибрежья, чего совершенно достаточно для огражденія доступа на Кавказъ и съ сѣверной и съ южной стороны) и до 130 тысячъ на разныхъ пунктахъ въ видѣ резервовъ. Эта масса до 900 тысячъ (870), за исключеніемъ спеціальныхъ оружій, требуетъ 60 пѣхотныхъ дивизій 13 батальоннаго состава. Располагая такими силами, наше отечество можетъ безопасно оставаться въ своемъ уединенномъ, самостоятельномъ, полномъ великихъ надеждъ положеніи, какія бы бури не разыгрались въ Европѣ.

Digitized by Google

Но покуда русскія силы не доведены до выше показаннаго итога, самыя напряженныя усилія нашей дипломатіи могутъ имѣть только ораторскій, но не политическій успѣхъ. Располагая лишь 47-ю пѣхотными дивизіями, за которыми не существуетъ даже одного батальіона подвижнаго резерва, мы не только не могли бы выступить на борьбу противъ коалиціи 1854 г., но даже въ сепаратной войнѣ, въ одиночномъ поединкѣ противъ одной изъ великихъ сосѣднихъ державъ шансы, особенно въ началѣ, были бы не на нашей сторонѣ. Безъ сомнѣнія, въ послѣднемъ случаѣ, громадныя *естественныя* силы Россіи взяли бы свое подъ конецъ, но не говоря уже о томъ, что неудача въ западной границѣ въ началѣ войны вещь слишкомъ опасная, для того, чтобъ получить перевѣсъ хоть подъ конецъ, намъ пришлось бы организовать внезапно новыя силы во время войны, т.-е. признать нынѣшнюю пропорцію ихъ несостоятельною, именно въ то время, когда нужно дѣйствовать, а не устраиваться.

Для ясности представимъ сравненіе дѣйствующихъ силъ нашихъ и вражескихъ въ ихъ нынѣшнемъ размѣрѣ, въ случаѣ одиночной войны съ Австріей или Пруссіей, предполагая остальную Европу нейтральною.

Война австрійская. Въ 1866 г. Австрія, по окончаніи своихъ приготовленій, должна была выставить 250.000 солдатъ въ Богеміи и 140.000 въ Италіи, кромѣ того, у нея было до 20 т. въ Германіи—всего 400 т. дѣйствующихъ войскъ. Для избѣжанія всякаго преувеличенія положимъ, что при войнѣ съ нами она оставитъ внутри имперіи для вящей безопасности славянскихъ областей, 60 т. лишняго войска противъ 1866 г.; для дѣйствующей арміи у нея останется 350 т.

Мы предполагаемъ всеобщій нейтралитетъ, но только въ предѣлахъ дѣйствительно возможнаго. Напримѣръ, совершенно невозможно, чтобы въ случаѣ австрійской войны мы не приняли никакихъ предосторожностей противъ Турціи, которая неизбѣжно будетъ сочувствовать Австріи и при первомъ успѣхѣ австрійцевъ можетъ внезапно примкнуть къ нимъ. При этомъ же условіи, наши оборонительныя силы должны быть распредѣлены приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Ни Петербургъ съ Кронштадтомъ, ни Финляндія, ни даже Москва не останутся безъ гарнизонъ въ, тѣмъ болѣе, что съ началомъ европейской войны нельзя предвидѣть въ точности,

Digitized by Google

какими политическими сочетаніями она можетъ кончиться. Положимъ на эти пункты только 3 дивизіи. Въ западномъ краѣ, по приведенному выше исчисленію—4½ дивизіи въ гарнизонъ крѣпостей, 7 дивизій для подавленія или предупрежденія возстанія въ краѣ и дивизію въ Варшаву—12½ дивизій. Въ черноморскомъ бассейнѣ: въ гарнизонъ крѣпостей и портовъ -Бендеры, Одесса, Николаевъ, Перекопъ, Севастополь, Керчь) 2½, въ полѣ: въ Крыму 1, обсерваціонный корпусъ въ Бессарабіи 4, всего 7½ дивизій *), на Кавказѣ 6—итого 29 дивизій, Для дѣйствующей арміи остается 18 дивизій, т.-е. по высшему расчету, за исключеніемъ 15% со списковъ, бойцевъ всѣхъ оружій на лицо 230 т. противъ 350 т. австрійцевъ.

Война прусская. Хотя мы предполагаемъ всеобщій нейтралитетъ, однакожь не можетъ случиться, чтобъ сѣверо-германскій союзъ свелъ всѣ свои дѣйствующія войска къ русской границѣ. Политическія отношенія къ сосѣдямъ этого новосозданнаго государства долго еще не представятъ такой обезпеченности, чтобъ оно обнажилось добровольно отъ Вислы до Рейна. Мы возьмемъ самый умѣренный итогъ. Кромѣ запасныхъ войскъ и половины ландвера: 165+100—265 т. на гарнизоны и полковые депо, мы не будемъ считать также силъ мелкихъ государствъ—92 т., которыя съ другою половиною ландвера, мобилизованнаго въ случаѣ надобности, составятъ 190 т.; положимъ, что изъ этихъ войскъ будутъ собраны обсерваціонныя арміи на Рейнѣ и австрійской границѣ и къ нашимъ предѣламъ двинется только дѣйствующая армія собственно прусскаго королевства—415 т.; будемъ считать налицо только 85%—350 т.

Распредѣленіе нашихъ оборонительныхъ силъ приблизительно должно быть слѣдующее:

Хотя балтійскимъ берегамъ не можетъ въ этомъ случаѣ угрожать серіозный дессантъ, но ихъ нельзя будетъ считать также совершенно безопасными, тѣмъ болѣе, что тутъ явится опасность и со стороны Швеціи; потому, кажется, не будетъ преувеличеннымъ положить на Петербургъ, Финляндію (и гарнизонъ Москвы)—4 дивизіи, въ остзейскія губерніи 2 див.; въ западномъ краѣ, столько же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, 12½ дивизій.

При войнѣ прусской разрывъ съ Турціей не былъ бы въ

*) Такія силы нужны какъ предосторожность. Разумѣется въ случаѣ новаго разрыва съ Турціей онѣ должны быть гораздо значительнѣе.

Digitized by Google

такой степени вѣроятнымъ, какъ въ войнѣ австрійской, но черноморскихъ береговъ все-таки нельзя было бы совершенно обнажить, чтобъ не ввести сосѣда въ искушеніе; на дружелюбіе гогенцоллоровскихъ румынъ также нельзя было бы при этомъ полагаться. На гарнизоны крѣпостей и въ полѣ—въ Крыму и Бессарабіи,—пришлось бы оставить по крайней мѣрѣ 3½ дивизіи, на Кавказѣ 6 див.—итого 28 дивизій.

Для дѣйствующей арміи осталось бы 19 дивизій—240 т. регулярныхъ бойцевъ всѣхъ оружій, противъ 350 т. непріятеля,—почти тоже самое что и при войнѣ австрійской.

Мы полагаемъ 12½ дивизій на западную окраину, и недаромъ. Несмотря на громадныя силы, введенныя въ этотъ край въ 1863—64 г., польское возстаніе было подавлено не ранѣе, какъ послѣ объявленія Галиціи въ осадномъ положеніи. Достаточно было келейнаго потворства австрійскаго правительства инсургентамъ, чтобы длить возстаніе неопредѣленное время. Чего же можно ждать, когда сильный врагъ станетъ рѣшительно поддерживать бунтъ арміями и деньгами, когда онъ откроетъ всесвѣтной революціи путь въ Польшу? Чтобъ не очутиться на своей собственной почвѣ въ положеніи, созданномъ народною войною французамъ въ Россіи, чтобъ не остаться безъ сообщеній и продовольствія, намъ пришлось бы независимо отъ дѣйствующихъ армій, занять обширный край отъ Днѣпра до прусской границы такими силами, чтобъ онъ не могъ пошевелиться. Для этого 12½ дивизій, изъ которыхъ 4½ въ гарнизонахъ крѣпостей, можетъ быть не со всѣмъ достаточно; поэтому мы отчислили на охрану заднѣпровскаго края по крайней мѣрѣ самое необходимое. Но за исключеніемъ этого необходимаго, наша дѣйствующая армія будетъ третью слабѣе непріятельской, даже въ случаѣ одиночной войны; потому она можетъ быть вынуждена къ отступленію, вслѣдствіе чего придется отступать и мѣстнымъ войскамъ, охраняющимъ край; еще хорошо когда это окажется для нихъ возможнымъ. Если же страну не занимать и сосредоточить всѣ силы въ дѣйствующей арміи, то еще до перваго выстрѣла, при сборахъ къ войнѣ, возстаніе можетъ разлиться далеко въ тылу и мы очутимся, стоя въ своихъ предѣлахъ, какъ бы на чужой землѣ, гдѣ все станетъ помогать непріятелю. Кругъ по видимому безвыходный, но въ сущности доказывающій только одну несомнѣнную истину, а именно—что при нынѣшнемъ устройствѣ военныхъ силъ по всей Европѣ,

Digitized by Google

одна дѣйствующая армія, безъ многочисленнаго, заранѣе устроеннаго и, по крайней мѣрѣ, на половину подвижнаго резерва, не можетъ вести не только наступательной, но даже оборонительной войны. Ясно почему. Если съ одной стороны будутъ возлагать на дѣйствующую армію обязанности, которыя у непріятеля исполняетъ резервъ, то бывши даже гораздо многочисленнѣе вражеской по спискамъ мирнаго времени, она окажется въ полѣ гораздо слабѣе послѣдней. У насъ же покуда не только нѣтъ за арміей никакихъ резервовъ, но даже самая армія не довольно многочисленна сравнительно, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, она до сихъ поръ еще слишкомъ долгосрочная, недостаточно растяжимая съ переходомъ на военное положеніе; вовторыхъ, и это главное, даже послѣ сокращеній, произведенныхъ послѣднею реформою, у насъ остается еще внѣ арміи слишкомъ много мертвыхъ частей: мѣстныхъ войскъ, линейныхъ, крѣпостныхъ и гарнизонныхъ батальіоновъ, которые, какъ постоянные, числятся въ итогѣ арміи, но не составляютъ внѣшней силы; чего почти нѣтъ въ Европѣ, гдѣ въ мирное время внѣ дѣйствующей арміи существуютъ только полковые депо и техническія части.

Встрѣчаются у насъ люди, даже опытные (я зналъ такихъ), не берущіе въ соображеніе необходимости быть готовымъ къ оборонѣ, прежде чѣмъ думать о наступленіи. Они хотѣли бы сразу сосредоточить всѣ силы въ дѣйствующей арміи на томъ основаніи, что врагъ, побѣжденный на главномъ пунктѣ побѣжденъ уже вездѣ. Рѣшительность хорошая вещь, но далѣе извѣстныхъ предѣловъ не только опасна, но просто невозможна. Положимъ у насъ было бы съ чѣмъ вести войну съ Австріею въ 1855 г. Развѣ было статочнымъ дѣломъ начать это наступленіе съ того, чтобъ отдать непріятелю Крымъ, черноморское прибрежье, Бессарабію, Финляндію, наконецъ Петербургъ покуда наши силы сосредоточивались бы на западной границѣ,—все въ ожиданіи успѣха противъ австрійцевъ. Вѣроятно, впечатлѣніе, произведенное такимъ началомъ, сдѣлало бы самый успѣхъ наступленія несбыточнымъ. А еслибы при томъ успѣха не вышло, или успѣхъ вышелъ бы не полновѣсный—къ чему всегда надо быть готовымъ—тогда что? миръ ute possidetis, т. е. Финляндія, Крымъ и проч. остающіеся въ рукахъ непріятеля? Никто на свѣтѣ не дѣйствовалъ рѣшительнѣе Наполеона I-го, никто не былъ въ такой степени обезпеченъ въ

Digitized by Google

успѣхѣ какъ онъ, благодаря личному генію и качеству его арміи, и однакожъ, дѣйствующія силы его никогда не превосходили половины вооруженныхъ силъ Франціи.

Оба вышеприведенные примѣра основаны на предположеніи несбыточномъ—одиночной войны съ сосѣднею державою. Въ одиночку на насъ никто не пойдетъ. Мы, можетъ быть, вынуждены къ войнѣ не какимъ-либо отдѣльнымъ противникомъ, а коалиціею и должны расчитывать степень военнаго напряженія по этой пропорціи. Даже еслибъ мы вышли на войну, имѣя союзниковъ, то не можемъ навѣрное расчитывать на нихъ до конца, по самой сущности нашихъ кровныхъ интересовъ, съ которыми ни одинъ европейскій союзникъ не помирится искренно.

III.

Народное ополченіе.

Займемся сначала чисто оборонительными, внутренними войсками, соотвѣтствующими ландверамъ, національной гвардіи или милиціи другихъ государствъ. Мы видѣли что намъ нужно, кромѣ запасныхъ частей, приготовляющихъ рекрутъ, 480 или, на меньшій конецъ, 400 тысячъ такихъ войскъ, для того, чтобъ дѣйствующая армія не отвлекалась отъ своего прямаго назначенія.

Создать разомъ изъ ничего 480.000 или хоть 400.000 регулярнаго войска дѣло конечно затруднительное. Это то же, что „да будетъ свѣтъ“ только не изъ божественныхъ устъ. Съ объявленіемъ войны приходится формировать не одни войска, болѣе или менѣе подвижныя; надобно въ то же время сотнями тысячъ созывать и обучать рекрутъ, безъ которыхъ армія растаетъ въ одинъ походъ, учетверять матеріяльную часть и пр. Потребность въ офицерахъ, не только въ хорошихъ, а въ какихъ-нибудь, которымъ можно дать это званіе по какому бы то ни было предлогу, становится въ это время до крайности жгучею, а между тѣмъ ихъ не достаетъ даже для дѣйствующихъ войскъ; вновь формируемыя части, стоившія такихъ трудовъ, внезапно поглощаются нежданными, вдругъ открывающимися потребностями, не удовлетворивъ тѣмъ, для которыхъ онѣ были первоначально назначаемы. Вездѣ въ Европѣ, даже

Digitized by Google

во Франціи, гдѣ устройство арміи такъ совершенно, переходъ на военное положеніе сопровождается чрезвычайною путаницей, съ огромною растратой силъ и проволочкой времени. Одна Пруссія совершаетъ этотъ переходъ безъ затрудненія. Расписавъ напередъ мѣсто каждому человѣку,—офицеру и солдату, въ своей народной арміи, она безъ малѣйшей суматохи созываетъ одинъ за другимъ свой резервъ и ландверы разныхъ призывовъ, выставляя ихъ стройною массой, не для того, чтобы затыкать прорѣхи, когда онѣ уже оказались (что никогда не проходитъ даромъ), а для того, чтобы предупреждать потребности. У насъ, въ виду и въ первое время войны, всегда начинали съ того, что формировали ріервы чисто военнымъ способомъ, прибавляя къ пѣхотнымъ полкамъ батальіонъ за батальіономъ. Батальіоны формировались медленно, а между тѣмъ событія не ждали, и мы постоянно опаздывали по крайней мѣрѣ полугодомъ; восточная война еще у всѣхъ въ памяти. Потомъ несмотря на всѣ усилія, резервы оказывались недостаточными. Кончали постоянно тѣмъ, что обращались къ народу и вызывали ополченіе. Такъ было при крѣпостномъ правѣ въ 1807, 1812 и 1855 годахъ, такъ было бы и въ 1863, если бы дошло до войны. По крайней мѣрѣ офиціяльный *Инвалидъ* говорилъ о 125.000 ополченія, которыми бы дѣло, конечно, не ограничилось. И ополченіе, даже крѣпостное, никогда не обманывало ожиданій правительства. Въ 1855 году оно было не обучено, но, безъ сомнѣнія, стоило больше резервовъ разныхъ наименованій, было болѣе проникнуто сознаніемъ долга, болѣе одушевлено и рѣшительно. Безъ ополченія не обойдется у насъ ни одна серіозная война, опытъ доказалъ, что оно необходимо. Съ другой стороны, присущая Россіи способность располагать земскою силой наравнѣ съ Швейцаріей и Соединенными Штатами, также наравнѣ съ Пруссіей, хотя въ другомъ видѣ, составляетъ такое громадное, неоцѣненное преимущество, что обходить его, не ввести въ расчетъ своихъ постоянныхъ силъ, значило бы отказаться отъ половины своего могущества. При крѣпостномъ правѣ ополченіе могло быть только случайностію, вызываемою тяжкими обстоятельствами; въ свободной Россіи оно можетъ и должно быть основною постоянною силой, содѣлывающею ее непобѣдимою, хотя бы весь свѣтъ обрушился на нее. Устроенное ополченіе 80-милліонаго народа не ограждаетъ государства отъ возможности пораженія въ наступатель-

Digitized by Google

ной войнѣ, но ограждаетъ его отъ всѣхъ послѣдствій этого пораженія.

Въ государствѣ, обладющемъ возможнвстію выставить вооруженную земскую силу, очевидно, нечего искать другихъ источниковъ для массы внутреннихъ войскъ по военному положенію, о которыхъ идетъ рѣчь. Формировать искуственно резервныя войска, никогда не подоспѣвающія вовремя, когда есть въ народѣ готовая сила, которую можно двинуть разомъ, въ тѣхъ размѣрахъ какъ это оказывается нужнымъ, значило бы составлять химически воду, стоя у колодца. Съ переходомъ на военное положеніе, ополченіе можетъ замѣнить всѣ не прямо боевыя части, какихъ бы то ни было наименованій, кромѣ однихъ полковыхъ депо, приготовляющихъ рекрутъ; не только прибавочные батальіоны полковъ, назначаемые для охраненія границъ, но крѣпостные полки, внутреннюю стражу; въ значительной степени артиллерійскіе гарнизоны и нестроевыхъ всѣхъ видовъ, которыхъ при этомъ подспорьи можно вовсе не держать въ мирное время.

Государство какъ Россія, которому приходится при войнѣ ограждать достаточными силами свои безконечные предѣлы отъ Архангельска до Каспійскаго моря, выставляя въ то же время огрумную дѣйствующую армію, можетъ-быть могущественно только при земской силѣ; безъ нея оно утомилось бы въ борьбѣ тяжестію собственнаго тѣла, во всѣхъ частяхъ требующаго опоры. Еслибы Россія, при обширности своего пространства, политически была похожа на Францію, она не могла бы выйдти на большую европейскую войну; въ этой соотвѣтственности средствъ и потребностей отчетливо сказывается мудрость исторіи. Ополченіе не составляетъ боевой силы Россіи, но составляетъ то подспорье, безъ котораго она не выставитъ въ поле боевыхъ силъ соотвѣтствующихъ ея задачамъ.

Земская сила существующая безъ кадровъ мирнаго времени есть торжественное осуществленіе военнаго принципа: „чѣмъ меньше тѣмъ больше“, между тѣмъ какъ всѣ усилія европейскихъ государствъ создать для войны силы наименѣе обременяющія бюджетъ, какимъ бы успѣхомъ они не увѣнчались, составляютъ только приближеніе къ нему.

Несмотря на все разнорѣчіе нашего общества и нашей печати, у насъ еще не высказывалось мнѣнія, даже со стороны людей, которые больше всего боятся вѣянія русскаго

Digitized by Google

духа, чтобы въ борьбѣ съ чужеземцами, напримѣръ въ обстоятельствахъ 1863 года, Русскій Царь не могъ ввѣриться своему свободному народу даже народу крѣпостному. Вѣроятно, такого мнѣнія когда онъ ввѣрялся и впредь не появится.

Но земская сила существуетъ до сихъ поръ въ Русскомъ государствѣ только какъ возможность, какъ стихійная сила, какъ статуя существуетъ въ глыбѣ мрамора для глаза художника. Внезапное формированіе ея во время войны сопряжено съ чрезвычайными усиліями и дастъ опять самые посредственные результаты. Для того чтобы принять ополченіе въ постоянный разчетъ русскихъ силъ, надобно не только разчитывать на него, но заранѣе и положительно знать, на что и къ какому сроку можно разчитывать; надобно, чтобъ ополченіе, какъ государственная сила, было утверждено закономъ и росписано впередъ,—чтобъ ополченцы знали себя какъ ополченцевъ и понимали бы хоть сколько-нибудь свое дѣло.

Если принять разъ, что внутреннія силы (за исключеніемъ постоянныхъ дѣйствующихъ войскъ), вызываемыя у насъ въ такомъ огромномъ количествѣ каждою войной, всего удобнѣе почерпать въ народномъ ополченіи: то надобно принять и то, что ополченіемъ же можно замѣнить все, что носитъ военный мундиръ, не принадлежа къ дѣйствующимъ боевымъ войскамъ, за исключеніемъ техническихъ частей, нуждающихся въ долгомъ обученіи. Даже въ нѣкоторыхъ спеціяльныхъ оружіяхъ, кромѣ знающихъ людей, нужно много простой рабочей силы, требующей очень мало, а иногда не требующей никакого приготовленія. Численность всѣхъ этихъ людей огромна: сюда принадлежатъ почти всѣ нестроевые, фурштаты, усиленныя по военнымъ штатамъ команды провіянтскія и коммиссаріятскія, лазаретная прислуга, деньщики; въ гарнизонной артиллеріи—за исключеніемъ первыхъ четыревъ нумеровъ—вся остальная масса людей: въ артиллерійскихъ и саперныхъ паркахъ—всѣ ѣздовыя и фурщики. Армія не можетъ существовать безъ этихъ невоенныхъ солдатъ, а потому у насъ, какъ въ цѣлой Европѣ, они числятся въ ея спискахъ, хотя не всѣ находятся на лицо въ мирное время. Численность поименованныхъ разрядовъ составляетъ при переходѣ на военное положеніе не менѣе 60-ти тысячъ. Они всѣ поступили бы въ ряды, не увеличивая списочнаго состоянія арміи въ мирное время, но усиливая ее въ военное, еслибъ эти потребности удовлетворялись прямо

Digitized by Google

земскою силой. Все количество нестроевыхъ, какъ при боевыхъ частяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ командахъ, можетъ быть разчислено въ уставѣ ополченія, отдѣльно въ каждой мѣстности и составлять особый, всегда готовый разрядъ. Назначеніе въ нестроевую службу нисколько не задѣнетъ самолюбія нашего простолюдина,—въ мундирѣ и съ тесакомъ онъ будетъ считать себя тѣмъ же ополченцемъ. При такомъ устройствѣ, существующемъ покуда въ одной Пруссіи, сформированіе нестроевыхъ частей, съ объявленіемъ военнаго положенія, не требуетъ ряда сложныхъ мѣръ и сбивчивыхъ перечисленій; по первому приказу эти части налицо; остается только устроить матеріяльную часть.

Масса составляющая рабочую силу арміи не требуетъ никакого особеннаго подготовленія, она удовлетворяетъ своему назначенію какъ сырой матеріалъ; но строевому ополченію нужно подготовленіе, хотя бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Нравственно, русскій простолюдинъ становится воиномъ скорѣе всякаго европейца, кромѣ француза; въ его природѣ заключаются въ зародышѣ всѣ военныя качества: онъ смѣлъ какъ никто, устойчивъ, покоренъ; но къ техникѣ ратнаго дѣла онъ не легко привыкаетъ. Причиной тому, во-первыхъ, закрѣплость народнаго бытоваго характера, съ трудомъ поддающагося вліянію новой сферы, въ которой, надо сказать, много еще не-русскаго, по крайней мѣрѣ по наружности, и во-вторыхъ, непривычка къ огнестрѣльному оружію, употребленіе котораго гораздо менѣе развито въ русскомъ народѣ чѣмъ вездѣ въ Европѣ. Европейскій рекрутъ беретъ въ руки ружье какъ вещь знакомую; русскій рекрутъ въ первое время боится своего ружья, хотя не боится направленной въ него пули. Полезно было бы пріучить его заблаговременно къ тремъ вещамъ: къ чуждой ему обстановкѣ военной подневоли и гуртоваго житья; къ тому чтобъ онъ зналъ и признавалъ свое начальство, отъ урядника до начальника дружины; къ употребленію оружія—послѣднее совершенно необходимо. Когда люди, въ своей обыденной жизни, сознаютъ себя ратными товарищами, знаютъ строевое начальство и потому не боятся неизвѣстности, и притомъ знакомы сколько-нибудь съ своимъ оружіемъ, они пойдутъ въ походъ смѣло и съ готовностью; при такомъ расположеніи духа всякое дѣло спорится. На походѣ и въ стоянкѣ, куда они придутъ, можно довершить ихъ военное образованіе

Digitized by Google

до удовлетворительной степени; одушевленіе, всегда присущее русскому человѣку въ важныя для отечества минуты, сдѣлаетъ остальное.

Ополченіе, конечно, должно быть сформировано не изъ однолѣтковъ, а изъ нѣсколькихъ классовъ постепеннаго возраста, положимъ изъ 20, 21 и 22-лѣтнихъ. Каждый классъ однолѣтковъ на дружину составитъ по этому разсчету 333 человѣка, или полагая 2 проц. на убыль, классъ 20-ти лѣтковъ 340. Съ тѣмъ вмѣстѣ можно будетъ призывать эти классы къ оружію или разомъ, или по-одиночкѣ, одинъ за другимъ, по мѣрѣ надобности, начиная со старшаго. Размѣры государственнаго вооруженія не могутъ быть одинаковы въ каждой войнѣ; иногда будетъ достаточна треть земской силы, иногда двѣ трети ея. Для правильнаго веденія списковъ и сборовъ земскаго войска нужно, безъ сомнѣнія, раздѣлить его на дружинные участки, изъ которыхъ ополченцы не выходили бы иначе какъ при военномъ призывѣ. Не считая области, къ которымъ учрежденіе ополченія не подходитъ: Финляндію, имѣющую свое особенное устройство, Царство Польское, Закавказскій край, казачьи войска и кочевыя племена, остальное населеніе составляетъ нынѣ приблизительно до 64 милліоновъ. При дѣленіи на 480 участковъ, каждый участокъ будетъ заключать 133 тысячи душъ обоего пола, то-есть большой уѣздъ, какихъ много въ Россіи. Отношеніе количества строевыхъ ополченцевъ къ населенію будетъ 15½ душъ на тысячу мужскихъ, вмѣсто 23, какъ было положено въ 1855 году; съ нестроевыми до 18 душъ. На 64 милліона населенія, классъ 20-ти лѣтковъ мужскаго пола можно считать около 614 тысячъ; стало быть, ополченіе, требуя изъ этого числа ежегодно 160 тысячъ, не можетъ стѣснять рекрутскаго набора.

Чтобъ ополченіе было всегда готово къ походу, оно должно имѣть своихъ постоянныхъ офицеровъ. Сформированіе корпуса офицеровъ составляло самую трудную часть задачи въ 1855 году; нечего и говорить, что большинство этихъ офицеровъ, спѣшно набранныхъ, не стоило своихъ ратниковъ. Между тѣмъ эта задача—найдти офицеровъ для ополченія—и тогда была разрѣшена правильно; существенный недостатокъ, котораго нельзя было избѣжать, состоялъ въ самой внезапности призыва ополченія. И теперь, какъ тогда, при постоянномъ устройствѣ, какъ и при невзапномъ созывѣ, только само земство мо-

Digitized by Google

жетъ дать офицеровъ земской силѣ. Регулярной арміи нельзя снабдить офицерами такую массу войскъ; правительственная власть не можетъ также расцѣнивать людей, живущихъ по своимъ глухимъ околодкамъ, безъ всякихъ сношеній съ нею. Но слѣдуетъ постановить правиломъ, какъ это и было сдѣлано, чтобы ротными командирами избирались исключительно люди, служившіе уже въ войскахъ; на эти мѣста можно допустить не только офицеровъ, но также отставныхъ фельдфебелей и шевронныхъ унтеръ-офицеровъ, пользующихся хорошею славой въ своей мѣстности. Но званіе начальниковъ дружинъ и выше, при соединеніи нѣсколькихъ дружинъ вмѣстѣ, нельзя уже предоставлять выборамъ; командовать отдѣльною частію невозможно безъ достаточнаго знанія военнаго дѣла. При нынѣшнемъ недостаткѣ въ офицерахъ было бы затруднительно постоянно держать часть ихъ при ополченіи. Но эта мѣра возможна съ началомъ военныхъ приготовленій, при сборѣ ополченія. Передъ открытіемъ войны выгодно избавить дѣйствующія войска отъ многихъ генераловъ и офицеровъ, полезныхъ въ мирное время, но ненадежныхъ для боя; тѣмъ болѣе что такая мѣра даетъ возможность выдвинуть способныхъ людей на открывшіяся вакансіи—условіе очень важное въ началѣ кампаніи *). Въ этомъ случаѣ нечего строго держаться іерархіи чиновъ; регулярный ротный командиръ можетъ командовать дружиной, баталіонный командиръ ополченскимъ полкомъ. Такое распредѣленіе было бы даже правильнымъ, такъ какъ одинаковая численность людей въ ополченіи и въ постоянномъ войскѣ вовсе не представляетъ равной боевой силы.

Говоря о такомъ учрежденіи какъ ополченіе, надобно особенно имѣть въ виду, чтобъ оно не было, сколько возможно, отягощеніемъ для народа въ мирное время. Я увѣренъ, что при хорошемъ соображеніи мѣстныхъ условій, оно даже вовсе не будетъ отягощеніемъ, напротивъ, займетъ молодыхъ людей, привлечетъ ихъ, и въ то же время подниметъ народный духъ.

---

*) Дѣлая эту уступку мнѣнію слишкомъ у насъ распространенному, я долженъ оговориться, что въ своемъ личномъ убѣжденіи, я считаю способными толково учить войска только тѣхъ людей, которые хорошо знаютъ чего можно требовать отъ нихъ въ бою. Но затѣмъ остается еще въ военной іерархіи много мѣстъ чисто техническихъ.

Digitized by Google

Надобно только, чтобы срокъ ополченской службы былъ короткъ; я полагаю три года.

Области, въ которыхъ учрежденіе земскихъ войскъ не можетъ быть введено по ихъ политическому состоянію, конечно, не должны пользоваться привиллегіей за то только, что на нихъ нельзя вполнѣ положиться. Въ замѣнъ ополченія, онѣ могутъ быть обложены прибавочнымъ, соотвѣтственно тягости этой повинности, рекрутскимъ наборомъ.

Основной вопросъ состоитъ въ томъ: подготовлять-ли ополченіе и какъ подготовлять его?

Разсчитывать на земскую силу, не подготовленную заранѣе —не поведетъ ни къ чему. Для меня это аксіома, истекающая изъ самаго ея назначенія. Ополченіе никогда не будетъ настоящимъ войскомъ, годнымъ для открытаго боя; оно можетъ быть распредѣлено небольшими частями,—дружинами, при постоянныхъ полкахъ—конечно; можетъ встрѣтить въ превосходныхъ силахъ второстепенные дессанты, всегда робѣющіе на чужой землѣ какъ дитя въ потемкахъ; можетъ сдерживать сомнительныя области, занимать крѣпости—такое назначеніе ему по силамъ, но не больше. По этому собирать ополченіе въ самый разгаръ войны для усиленія дѣйствующихъ массъ, когда непріятель взялъ уже верхъ,—значитъ добровольно морочить себя, тратить деньги и отрывать народъ отъ работы безъ особенной пользы, ополченіе не возстановитъ дѣла, проиграннаго постоянною арміею. Естественное назначеніе ополченія, какъ всякихъ ландверовъ и милицій,—замѣнить внутри государства дѣйствующія войска, гдѣ только возможно, чтобы не отвлекать этихъ войскъ отъ ихъ прямаго назначенія—боя съ непріятелемъ. Война же теперь разыгрывается скоро и начало едва ли не самый важный моментъ ея. Слѣдовательно надобно быть сильнымъ къ началу, т.-е. замѣнить къ первому выстрѣлу дѣйствующія войска гдѣ можно. Я не считаю нужнымъ доказывать, что къ первому выстрѣлу нельзя создать ополченіе изъ ничего, развѣ растянуть приготовленія къ войнѣ на цѣлый годъ, чего никакой противникъ не допуститъ.

Стало быть, не говоря еще о качествѣ ополченія, первая наша потребность состоитъ въ томъ, чтобъ ополченіе стало постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, чтобъ оно было заранѣе росписано, имѣло своихъ офицеровъ и урядниковъ, чтобъ для него были готовы мѣстные, по крайней мѣрѣ губерн-

скіе, склады оружія и аммуниціи, тогда только его можно будетъ въ пору собрать и двинуть куда слѣдуетъ.

Затѣмъ является вопросъ: должно-ли подготовлять ополченцевъ въ мирное время? Нѣкоторые говорятъ «нѣтъ», основываясь на томъ, что дружины 1855 г. оказывались удовлетворительными безъ подготовленія. Но удовлетворительность вещь относительная и притомъ, надобно замѣтить, что озлобленіе народа противъ врага, громившаго Севастополь, много способствовавшее ретивости дружинъ, не подогрѣвало бы ихъ нисколько въ 1853 году, т.-е. именно въ то время когда слѣдовало созвать ополченіе, чтобы начинать войну по военному; потомъ еще надо замѣтить, что у ополченія 1855 г. были не нынѣшнія ружья, требующія умѣнья обращаться съ ними, а старыя кремневыя. Я думаю, что все способствующее успѣху войны должно считаться необходимымъ; если только оно возможно, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о быть или не быть. Предѣломъ возможности въ этомъ отношеніи, я считаю форму нынѣшняго военнаго бюджета. Все нужное для побѣды въ первой войнѣ и укладывающееся въ нынѣшній бюджетъ должно быть сдѣлано. Далѣе будетъ показано какими экономіями по разнымъ статьямъ могутъ возмѣститься издержки на ополченіе.

Установить систему организаціи и подготовленія ополченія составляетъ конечно дѣло сложное, требующее множества разнородныхъ соображеній и потому сподручное только собранію опытныхъ военныхъ и земскихъ людей. Но отлагая въ сторону подробности, у насъ, можетъ быть принята только одна изъ четырехъ слѣдующихъ формъ:

1. Обучать ежегодно всѣ три (или сколько бы ихъ ни было) разряда ополченія дружины въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ военнаго участка (о чемъ будетъ рѣчь впереди), въ теченіи короткаго срока, напр. трехъ недѣль.

2. Обучать только первый, младшій разрядъ, но болѣе продолжительное время—напр. полтора мѣсяца.

3. Собирать людей поротно (т. е. въ районѣ не болѣе 30—40 верстъ поперечника) на время долгихъ праздниковъ на нѣсколько дней, раза два три въ годъ.

4. Наконецъ не собирать людей вовсе въ мирное время, но только вести имъ списки.

Что касается до меня, то эту послѣднюю систему я считаю за отсутствіе всякой системы. Конечно все-таки лучше имѣть

Digitized by Google

ополченіе расписанное впередъ, хоть и не собираемое, чѣмъ не имѣть никакого. Тѣмъ не менѣе, чтобы ополченіе было готово къ началу войны, надобно чтобъ ратникъ умѣлъ уже къ этой минутѣ обращаться съ своимъ ружьемъ, иначе ружье будетъ испорчено прежде чѣмъ имъ придется дѣйствовать; обращеніе же съ оружіемъ именно составляетъ камень преткновенія для русскаго простолюдина. Хотя учить этому дѣлу не долго, но учить будетъ нѣкогда въ минуты сбора, по необходимости спѣшнаго, къ началу войны. Выдать скорострѣльныя ружья людямъ, не знающимъ какою рукою взять ихъ, и сейчасъ же вести этихъ людей на другой конецъ Россіи—что же выйдетъ изъ ружей? Затѣмъ, хотя на стоянкѣ, куда придутъ дружины, ихъ можно обучать правильно,—но еще до того, чтобъ только замѣнить ими дѣйствующія войска на многихъ пунктахъ, надобно, чтобъ онѣ представляли уже нѣкоторую боевую силу, чего нельзя ждать отъ ратниковъ, не умѣющихъ зарядить ружья. Поэтому, кажется, нельзя оставить ратниковъ, записанныхъ въ дружину вовсе безъ обученія; остается лишь выборъ между тремя предыдущими системами.

Лучшею я считаю первую—ежегодный сборъ всѣхъ трехъ разрядовъ ополченія дружины въ одномъ мѣстѣ, на три недѣли. Люди привыкнутъ къ оружію, узнаютъ другъ друга, узнаютъ и свое начальство; соревнованія будетъ больше.

Возможна также и вторая—сборъ одного младшаго разряда на 5 или на 6 недѣль. Такой сборъ будетъ стоить дешевле и казнѣ и рабочимъ людямъ, но вліяніе его окажется несомнѣнно слабѣе.

Наконецъ сборъ людей по околоткамъ на праздники былъ бы весьма достаточенъ, еслибъ у нашего народа стрѣльба въ цѣль составляла такую же забаву, какъ напримѣръ кулачный бой; тогда въ одинъ день ратникъ узналъ бы какъ обращаться съ новымъ ружьемъ. Но въ настоящемъ положеніи вещей пришлось бы развозить ружья по околоткамъ нѣсколько разъ въ годъ или оставить ихъ на порчу въ рукахъ ратниковъ. То и другое дѣло не подходящее. Надобно остановиться на первой или на второй формѣ сбора.

Стоимость годоваго сбора трехъ разрядовъ ополченія на три недѣли—всего 480,000 человѣкъ—будетъ слѣдующая.

Расходъ на содержаніе (людей я считаю на 21 день) безъ кормовыхъ въ пути, такъ какъ по пространству дружиннаго

Digitized by Google

участка ратникъ придетъ на сборный пунктъ въ день или два (на такое разстояніе полиція безпрестанно вызываетъ людей безо всякаго вознагражденія).

Трехъ недѣльное содержаніе человѣка станетъ въ 2 руб.—960.000 руб., жалованье офицерамъ 360,000 руб., инструкторы изъ нижнихъ чиновъ ничего не стоятъ, такъ какъ эту обязанность (что будетъ видно далѣе) можно возложить на резервныя части. Матеріалы для практической стрѣльбы 260,000. Полагая на ремонтъ для ружья, ранца и патронтажа, находящихся въ рукахъ только 3 недѣли въ году, по 1 руб. 20 коп. на человѣка—576,000 руб., солома, освѣщеніе, дрова (въ нехолодное время года) по 50 коп. на человѣка 240,000 руб., леченіе больныхъ (для молодыхъ парней, собравшихся на три недѣли, нужны не лазареты, а то, что на военномъ языкѣ называется околотками) положимъ 25 коп.—120,000 руб. всего 2.456,000 руб. *), будемъ считать $2^1/_2$ милліона. Никакого склада обмундированія не нужно. Полезно даже, чтобъ при выводѣ ополченія къ границѣ отъ него не требовали строгаго однообразія въ формѣ, довольствуясь лишь какой-нибудь общей отмѣткой по дружинамъ.

Сборъ одного младшаго разряда на полтора мѣсяца обойдется приблизительно въ 2 милліона.

Остается отвлеченіе народа отъ производительнаго труда. Но, во-первыхъ, самое непроизводительное отвлеченіе есть то, которое не достигаетъ своей цѣли, а потому гораздо лучше держать лишнихъ 30 тыс. человѣкъ подъ ружьемъ (мѣсячный сборъ ополченія по годовому разсчету) и быть сильнымъ, чѣмъ оставаться безъ нихъ недостаточно сильнымъ, отвлекая все-таки отъ труда 800 тыс. человѣкъ ежегодно. Во-вторыхъ, располагая полу-милліоннымъ ополченіемъ можно упразднить многія мѣстныя войска, какъ будетъ показано ниже, и получить въ результатѣ не убытокъ, а чистую прибыль для казны и народной производительности. Въ-третьихъ, наконецъ, сборъ ополченія по разнымъ полосамъ Россіи долженъ быть соображенъ съ

*) Военныя изданія наши, возражавшія противъ постояннаго ополченія, возводили стоимость его до ужасающей цифры. Но тутъ была полемика, а не оцѣнка. Ополченіе, созданное безъ связи съ общимъ военнымъ устройствомъ стоило бы конечно дорого; при этой же связи стоимость его не превыситъ показанной цифры.

Digitized by Google

мѣстными условіями, а у насъ въ каждой мѣстности выпадаетъ время, когда работа почти ничего не приноситъ.

Кромѣ собственно русскаго ополченія слѣдуетъ также устроить ополченіе за Кавказомъ, на основаніяхъ нѣсколько отличныхъ.

Въ этомъ перечнѣ главныхъ основаній, на которыхъ, по моему пониманію, можетъ быть устроено у насъ народное ополченіе, не договорены многія вещи, хотя и существенно относящіяся къ предмету, но изложеніе которыхъ, можетъ стать яснымъ только въ связи съ организаціей дѣйствующихъ силъ. Объ этомъ впослѣдствіи.

Повторяю въ заключеніе: земская сила Россіи не есть чье-либо личное изобрѣтеніе. Въ полвѣка обстоятельства три раза уже вызывали ее изъ нѣдръ народа, чуть было не вызвали въ четвертый и непремѣнно снова будутъ вызывать каждый разъ, какъ только Россія будетъ вовлечена въ серьезную борьбу. Возможность пользоваться земскою силой составляетъ великое и исключительное преимущество нашего отечества передъ остальною Европой; потребность въ этой силѣ у насъ настоятельнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь при относительной слабости нашего флота и непосильной задачѣ защищать безконечное протяженіе русскихъ предѣловъ одною постоянною арміей, имѣющей совсѣмъ другое назначеніе. Возможность и потребность, существующія въ одинаковой степени, составляютъ въ результатѣ необходимость. Но чтобы разсчитывать на ополченіе, надобно организовать его правильно и постоянно; иначе оно останется стихійною силой, никогда не будетъ готово во-время и не принесетъ пользы соотвѣтствующей издержкамъ, нужнымъ на его внезапное устройство. Скажу еще разъ: народное ополченіе не можетъ составить боевой силы Россіи, но составляетъ то подспорье, безъ котораго Россія никогда не выставитъ боевой силы соотвѣтствующей ея задачамъ и ея положенію въ мірѣ.

Digitized by Google

IV.

Пѣхота.

Во II главѣ было замѣчено, что даже при устроенномъ народномъ ополченіи наша дѣйствующая армія, состоящая изъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій, все еще не достаточно многочисленна, т. е. не соотвѣтствуетъ политическимъ задачамъ Россіи.

Ополченіе необходимо для того, чтобъ можно было сосредоточить дѣйствующую армію на театрѣ войны, но само по себѣ оно не составляетъ силы въ международномъ спорѣ, оно—щитъ, но не мечъ государства. Международная сила Россіи, какъ и всякой другой державы, заключается въ постоянной арміи.

Мы находимся въ исключительномъ положеніи; мы слишкомъ сильны, чтобъ кто нибудь пошелъ на насъ одинъ на одинъ и потому не можемъ расчитывать наши вооруженія по размѣрамъ одиночной войны, какъ всякое другое государство; когда у насъ будетъ война, она будетъ войной противъ коалиціи. Въ 1863 г. достаточно было одного слова «да» со стороны австрійскаго правительства, чтобы противъ насъ состоялся союзъ изъ Франціи, Австріи, Италіи, Турціи и Швеціи. Тогда буря пронеслась мимо, но она можетъ разразиться вновь. Возьмемъ эту, несбывшуюся коалицію за основаніе и посмотримъ какія организованныя силы мы могли бы ей противупоставить, располагая, кромѣ нынѣшней, дѣйствующей арміи, еще устроеннымъ народнымъ ополченіемъ.

Въ этомъ случаѣ, имѣя кромѣ сухопутной еще морскую войну, намъ пришлось бы занять окраины государства также сильно, какъ въ 1855 году. Мы видѣли изъ вышеприведеннаго расчисленія, что для охраны окраинъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, кромѣ ополченія нужно еще 6 постоянныхъ дивизій, какъ резервъ за нимъ. Отчисляя изъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій 6 на окраины, 6 на Кавказѣ, и по крайней мѣрѣ 7 на Дунаѣ, для большой дѣйствующей арміи на Вислѣ, рѣшающей судьбу войны, осталось бы 28 дивизій,—за вычетомъ 15% со списковъ около 340.000 бойцевъ всѣхъ оружій, именно столько сколько нужно для уравновѣшиванія силъ въ одиночной войнѣ

Digitized by Google

противъ Австріи или Пруссіи, но совершенно недостаточныхъ для борьбы противъ коалиціи.

При одиночной войнѣ намъ не пришлось бы занимать окраинъ такъ сильно, весь остатокъ оборонительныхъ войскъ пошелъ бы на усиленіе большей дѣйствующей арміи, которую можно было бы такимъ образомъ довести до значительнаго превосходства надъ непріятельской. Это значитъ, что образованіе народнаго ополченія, безъ приращенія постоянной арміи, удовлетворяетъ потребности только въ случаѣ одиночной войны, почти несбыточной.

Въ обстоятельствахъ, которыми могъ разыграться 1863 годъ, мы имѣли бы противъ себя на Вислѣ не менѣе 600 т. солдатъ. Располагая даже устроеннымъ народнымъ ополченіемъ, котораго покуда у насъ нѣтъ, при нынѣшнемъ итогѣ постоянной арміи, мы могли бы противупоставить этимъ силамъ не много болѣе половины—благоразумнѣе было бы сдаться безъ войны. Для того, чтобъ отстоять себя во всякомъ случаѣ, русская имперія должна располагать постоянною арміею по крайней мѣрѣ въ 60 дивизій. Тогда большая западная армія состояла бы, въ вышеприведенномъ итогѣ силъ, не изъ 28, а изъ 41 пѣхотной дивизіи; что предполагаетъ, за исключеніемъ 15% со списковъ, не менѣе полумилліона бойцевъ всѣхъ оружій—сила достаточная для уравновѣшенія вражеской, особенно при томъ условіи, что тутъ однородная, послушная единой волѣ масса будетъ дѣйствовать противъ разноязычныхъ, не сосредоточенныхъ вначалѣ, союзниковъ.

Возможность довести нашу дѣйствующую пѣхоту до такой цифры, безъ приращенія военнаго бюджета въ мирное время и безъ пониженія боеваго качества войска, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Прежде всего слѣдуетъ всѣ мѣстныя пѣхотныя войска переформировать въ дѣйствующія; въ настоящее время, наряду съ новыми учрежденіями, отвѣчающими современной дѣйствительности, остается еще много старины, идущей въ разрѣзъ съ признанными потребностями. Она продолжаетъ существовать отъ того что расчетъ военныхъ средствъ Россіи основанъ исключительно на одномъ постоянномъ войскѣ, хотя опытъ дѣлаетъ очевиднымъ, что безъ земской силы наше отечество не обойдется въ серіозной войнѣ. Не имѣя правильнымъ образомъ въ виду, въ мирное время, этого подспорья, приходится содержать на

Digitized by Google

случай войны разныя части, безъ которыхъ иначе можно было бы обойтись. Большую часть изъ нихъ можно было бы упразднить, еслибы не останавливалъ вопросъ: чѣмъ замѣнить ихъ, когда война отзоветъ наличныя силы?—вопросъ, котораго бы не существовало при укаконенномъ ополченіи. Къ такимъ воинскимъ частямъ и разрядамъ служивыхъ людей принадлежатъ: крѣпостные полки, кавказскіе линейные батальіоны, внутренняя стража, часть артиллерійскихъ гарнизоновъ (кромѣ первыхъ нумеровъ), фурштаты, парковые фурщики и ѣздовые и почти всѣ нестроевыя команды и лица, въ томъ числѣ и деньщики. Очевидно, какого огромнаго сбереженія въ мирное время можно достигнуть, имѣя подъ рукой, чѣмъ замѣстить всѣ эти разряды съ переходомъ на военное положеніе.

Прежде всего надобно замѣтить, что всѣ не дѣйствующія мѣстныя войска бываютъ всегда войсками низшаго качества, во первыхъ потому, что лучшіе элементы, особенно въ отношеніи офицеровъ, приберегаются для боевыхъ войскъ, во вторыхъ потому, что на мѣстныя части всегда меньше обращено вниманія, отъ нихъ не столько требуется; въ третьихъ оттого, что онѣ сами считаютъ себя послѣднимъ разрядомъ; а какъ человѣкъ прежде всего нравственное существо, то онъ никакъ не можетъ подняться въ дѣйствительности выше собственнаго мнѣнія о себѣ. Дѣйствующія войска годятся для всего; мѣстныя же войска могутъ годиться только для одного своего назначенія. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они плохи. Прежде они стоили дешевле другихъ, такъ какъ содержаніе ихъ было ниже; въ этомъ заключалась единственная причина ихъ существованія,—иначе, зачѣмъ же было преднамѣренно формировать войска низшаго качества, годныя для одного только назначенія, когда на тѣ же деньги можно было содержать хорошія войска, пригодныя для всякихъ назначеній? Теперь мѣстныя войска сравнены содержаніемъ съ дѣйствующими; остается только та экономія, что при нихъ не содержатъ обоза.

Произвольное, необусловленное необходимостью дѣленіе одного оружія, какъ линейная пѣхота, на разные виды, только раздробляетъ безъ нужды армію. Можно предвидѣть въ общихъ чертахъ, сколько потребуется силъ при войнѣ, на томъ или другомъ военномъ театрѣ; но никогда нельзя предвидѣть заранѣе мѣстное ихъ расположеніе; гораздо лучше, чтобы каждый батальіонъ, находящійся на театрѣ войны, могъ быть

Digitized by Google

употребленъ вездѣ, гдѣ окажется нужнымъ. Конечно, въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, является иногда исключительно мѣстная потребность въ войскахъ; на пустынныхъ окраинахъ имперіи приходится формировать отдѣльные батальіоны, для занятія далеко раскиданныхъ одинъ отъ другого пунктовъ. Въ Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ дѣленіе пѣхоты на линейные батальіоны отвѣчаетъ потребности. Но никакой не можетъ быть цѣли держать посреди массы дѣйствующихъ войскъ другую, совершенно отдѣльную массу войскъ мѣстныхъ, каковы кавказскіе линейные батальіоны. *) 37 этихъ батальіоновъ, то-есть три пѣхотныя дивизіи, обращены въ мѣстное, гарнизонное войско, не существующее въ итогѣ боевыхъ силъ арміи, не только потому, что оно не можетъ быть сдвинуто съ мѣста за неимѣніемъ обоза, но еще болѣе потому, что по низшему своему качеству, оно мало годится для войны, хотя стоитъ столько же, какъ и самые лучшіе полки. Отдѣльное существованіе въ кавказской арміи такой массы чисто мѣстныхъ войскъ не только не нужно теперь, но оно никогда не было нужно; сформированіе его съ перваго же дня было ошибкой. Въ послѣднюю турецкую войну, въ то время, когда намъ приходилось идти въ числѣ семи тысячъ на пятьдесятъ, несмотря на жгучую потребность въ войскахъ, многіе линейные батальіоны, совершенно безполезные на своемъ мѣстѣ, такъ и оставались тамъ. Давно пора переформировать 37 кавказскихъ линейныхъ батальіоновъ въ три дѣйствующія дивизіи. Тогда, съ началомъ войны, ихъ можно двинуть куда окажется нужнымъ, замѣняя гарнизоны внутреннимъ войскомъ-ополченіемъ, что теперь невозможно, сколько бы ни было ополченія подъ рукой, такъ какъ эти батальіоны, по своему устройству, неподвижны, а по качеству, не слишкомъ надежны для войны. Считая нужныя Россіи силы въ 60 пѣхотныхъ дивизій, сформированіе трехъ боевыхъ дивизій изъ кавказскихъ линейныхъ войскъ пойдетъ въ этотъ счетъ, не прибавляя ни одного лишняго человѣка къ итогу военнаго положенія.

Нынѣшнее военное министерство уже сдѣлало рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Финляндскіе линейные батальіоны

---

*) Число этихъ батальіоновъ нынѣ сокращено, но я принимаю въ расчетъ итогъ силъ, какъ онъ былъ къ 1 января 1868 г

Digitized by Google

переформированы въ дѣйствующіе полки; но весьма желательно, чтобъ это преобразованіе было распространено и на Кавказъ. Тогда, съ началомъ дѣйствій, можно будетъ размѣстить войска, смотря по потребностямъ минуты, чего заранѣе нельзя предвидѣть.

Очевидно также, что съ устройствомъ ополченія и крѣпостные полки станутъ не нужны, кромѣ небольшихъ мѣстныхъ командъ. Въ мирное время крѣпости могутъ быть заняты полевыми войсками, какъ вездѣ въ Европѣ; въ военное—мѣсто ихъ займетъ ополченіе. Приготовленія къ большой войнѣ не совершаются въ одинъ день; заранѣе устроенное ополченіе можетъ быть вызвано и размѣщено по своимъ мѣстамъ въ то же время, пока къ дѣйствующимъ полкамъ станутъ собираться безсрочные. Снаряженіе его можно дополнить уже на мѣстѣ. Вотъ еще одна дивизія.

Большая часть нынѣшнихъ губернскихъ батальіоновъ содержится только на тотъ случай, чтобы было кому заступить караулы съ отбытіемъ къ границѣ полевыхъ полковъ. При узаконенномъ ополченіи, существованіе ихъ для этой цѣли окажется излишнимъ. Отдѣляя по сту человѣкъ (одинъ взводъ) отъ каждой земской дружины, получимъ 48.000 (численность нынѣшнихъ губернскихъ батальіоновъ) для занятія внутреннихъ карауловъ. При организованномъ ополченіи можно будетъ упразднить всѣ эти внутренніе батальіоны въ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно бываютъ расположены полевыя войска.

Но и самое устройство нашей внутренней стражи, хотя значительно улучшенной въ послѣднее время, вызываетъ многія замѣчанія. Назначеніе этой стражи охранять внутреннее спокойствіе. На ней лежитъ четыре рода обязанностей: 1) подавлять волненія, 2) преслѣдовать людей, нарушающихъ силою общественную безопасность, 3) стеречь тюрьмы и препровождать арестантовъ и 4) занимать городскіе караулы. Три первыя обязанности во всей Европѣ возложены на жандармовъ. Кто не знаетъ, что наша внутренняя стража, состоящая изъ солдатъ втораго разряда, то-есть приблизительно, изъ плохихъ солдатъ, почти радикально не способна къ нимъ. Неспособность эту восполняли до сихъ поръ только тѣмъ, что замѣщали качество количествомъ, то-есть ставили трехъ, если не четырехъ гарнизонныхъ солдатъ тамъ, гдѣ можно было бы обойтись однимъ хорошимъ жандармомъ.

Digitized by Google

Въ главныхъ европейскихъ государствахъ число жандармовъ и вооруженныхъ полицейскихъ, замѣняющихъ нашу внутреннюю стражу, слѣдующее:

Во Франціи	24.791
Въ Австріи	12.432
Въ Италіи	21.236

Внутренняя стража еще недавно составляла у насъ 140 тысячъ. Теперь, хотя она въ значительной степени замѣщена дѣйствующими войсками, въ ней заключаются еще 53 батальіона и 606 разныхъ командъ, численность которыхъ составляла въ 1864 г. (по послѣднему публикованному отчету, въ которомъ показана численность внутренней стражи) 94.000, а съ жандармами 100 т. Приведеніе 34 губернскихъ батальіоновъ изъ полнаго въ кадровый составъ, низводитъ эту цифру въ настоящее время вѣроятно до 80 т.

Въ настоящее время улеглось уже броженіе, вызванное въ началѣ освобожденіемъ крестьянъ; вѣроятно, не придется часто совершать вооруженныя экзекуціи противъ вольнаго русскаго народа. Но и въ прежнее время, когда такія экзекуціи случались чаще, какъ только бозпорядки принимали нѣсколько обширные размѣры, напримѣръ, распространялись на большое село или волость, внутренняя стража, столь многочисленная тогда, оказывалась недостаточною для подавленія ихъ; приходилось вызвать полевыя войска. Люди зрѣлаго возраста должны помнить довольно подобныхъ случаевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ обстоятельствахъ 25 хорошихъ жандармовъ сдѣлаютъ гораздо больше ста инвалидовъ. При ополченіи, всегда можно будетъ созвать на такой конецъ достаточную земскую силу изъ другихъ участковъ, чуждыхъ мѣстности, гдѣ происходятъ безпорядки.

Всѣмъ извѣстно, что, несмотря на присутствіе внутри имперіи ста тысячъ вооруженныхъ людей, которымъ исключительно ввѣрено охраненіе общественной безопасности (и кромѣ того еще столькихъ полицейскихъ служителей), преслѣдованіе злоумышленниковъ, способныхъ къ сопротивленію — обязанность, возлагаемая въ Европѣ на жандармовъ—исполняется у насъ безоружными понятыми. Сто тысячъ гарнизонныхъ солдатъ не принимаютъ въ ней никакого участія. Для охраны тюремъ и конвоированія арестантовъ наша внутренняя стража совсѣмъ не годится. Частыя преступленія въ нашихъ тюрьмахъ, частые

Digitized by Google

примѣры злодѣевъ, такъ легко убѣгающихъ отъ преслѣдованія, достаточно доказываютъ эту истину. *) Для подобныхъ обязанностей, поимки и караулы арестантовъ, нужны люди расторопные, опытные, посвященные въ это дѣло, настоящіе жандармы, вооруженные вдобавокъ не ружьемъ, а револьверомъ. Какъ требовать отъ караульнаго унтеръ-офицера, не только солдата, чтобъ онъ зналъ всѣ уловки заматорѣлыхъ арестантовъ. Кто разъ посѣтилъ европейскую тюрьму, съ перваго взгляда увидитъ, что въ нашихъ острогахъ надзоръ за преступниками производится только нируженно и совершенно механически: то же самое и при конвоированіи ихъ; не говоря уже о томъ, что сами часовые, по врожденной русскому человѣку добротѣ, а иногда и изъ интереса, служатъ проводниками въ сообщеніи арестантовъ съ ихъ товарищами, оставшимися на волѣ. Въ такомъ положеніи дѣла, остается только одно средство—замѣнять качество количествомъ, не удвоивать, а удесятерять количество приставниковъ; но не смотря на то, десять часовыхъ, требующихъ 30 человѣкъ въ караулѣ и 90 для смѣны карауловъ, не могутъ замѣнить нѣсколькихъ постоянныхъ, а потому опытныхъ жандармовъ. Оттого у насъ внутренняя стража, которая никогда не ловитъ, а только стережетъ преступниковъ, не вдвое (какъ слѣдовало бы по расчету населенія), а вчетверо многочисленнѣе французской, которая и ловитъ, и стережетъ, и исполняетъ политическія обязанности, вовсе чуждыя нашей.

Затѣмъ на внутренней стражѣ лежитъ еще содержаніе карауловъ при особыхъ учрежденіяхъ, какъ казначейства и пр. Но тутъ можно спросить, кто видалъ часовыхъ при англійскихъ не военныхъ казначействахъ? Охраненіе ихъ ввѣрено нѣсколькимъ надежнымъ сторожамъ и полиціи, однакожь воры залѣзаютъ въ нихъ гораздо рѣже, чѣмъ въ наши.

Нашу внутреннюю стражу нельзя преобразовать, въ ней нѣтъ вовсе элементовъ, изъ которыхъ могло бы что-нибудь выйдти; ее нужно замѣнить новымъ учрежденіемъ, одинаково экономическимъ и приспособленнымъ къ дѣлу, жандармами, какъ во всей Европѣ.

---

*) Когда за Кавказомъ формировѣлась конная милиція для турецкой войны, я сказалъ одному сотенному начальнику, татарину, что люди его на войнѣ ничего не будутъ стоить. «Можетъ- быть у другихъ, отвѣчалъ онъ, а не у меня; я набралъ свою сотню изъ молодцовъ; все бѣглые изъ Сибири; да изъ острогов.

Digitized by Google

Для караула при небольшомъ острогѣ, въ которомъ стоитъ только 10 часовыхъ, нужно 90 человѣкъ комплекта, кромѣ унтеръ-офицеровъ; между тѣмъ какъ 30 и даже меньше опытныхъ жандармовъ, съ револьверомъ въ карманѣ, могутъ исполнять эту обязанность, не обременяя себя. Такъ и во всемъ остальномъ. Можно смѣло сказать, что въ большомъ губернскомъ городѣ, для охраненія тюремъ, казначействъ, преслѣдованія злоумышленниковъ, достаточно сотни или полуторы сотни исправныхъ, опытныхъ и вооруженныхъ людей, употребляемыхъ какъ слѣдуетъ; ихъ не замѣнитъ цѣлый батальіонъ внутренней стражи. Такихъ людей достаточно кругомъ по 25 на уѣздъ, считая больше въ уѣздахъ, черезъ которые проходитъ этапная дорога, и меньше въ такихъ, гдѣ ея нѣтъ. На среднюю губернію въ 10 уѣздовъ, милліонъ жителей и съ ея губернскимъ городомъ, жандармовъ придется не болѣе 355—375 человѣкъ. Прибавляя излишекъ на столицы и другіе важные пункты, положимъ 450. За исключеніемъ Финляндіи, Кавказа, казачьихъ войскъ и кочевыхъ народовъ, гдѣ внутренней стражи нѣтъ, жандармовъ понадобится на всю Россію не больше 30 тысячъ; и можно поручиться, что эти жандармы будутъ охранять общественное спокойствіе гораздо лучше, чѣмъ нынѣшнія гарнизонныя войска. Жандармовъ можно сформировать и изъ служащихъ, и изъ отставныхъ солдатъ на содержаніи, которое получаютъ вольнонаемные полицейскіе служители, но съ тѣмъ, чтобъ эти отставные знали, что пока они остаются въ добровольно принятомъ званіи, они несутъ государственную службу и вполнѣ отвѣчаютъ за нее. Жандармскій корпусъ также естественно включить въ это число. Наконецъ, сюда же могутъ быть присоединены, нынѣшніе городовые и полицейскіе; вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ гарнизонныхъ офицеровъ, приходящихся на губернію, тогда будетъ достаточно 10; въ этомъ числѣ жандармскіе офицеры, выбранные какъ слѣдуетъ, могутъ оказаться чрезвычайно полезными сотрудниками уголовной полиціи, столь еще слабой у насъ. Чтобы жандармы были хороши, надобно приманивать въ эту службу достаточнымъ содержаніемъ. Кромѣ нынѣшнихъ полицейскихъ, уже обезпеченныхъ, содержаніе 30 тысячъ жандармовъ, еслибъ оно было даже двойное въ стоимости противъ полевыхъ войскъ, составило бы расходъ на 60 тысячъ, а не на 100, какъ теперь (считая съ жандармскимъ корпусомъ). Это единственное оружіе, въ которое можно при-

Digitized by Google

зывать охотниковъ, такъ какъ высокое содержаніе привлечетъ естественно людей благонадежныхъ. Такимъ образомъ наша дѣйствующая армія можетъ быть усилена 37 линейными кавказскими, 13 крѣпостными и 53 губернскими батальіонами — всего 103-мя батальіонами, т.-е. 8-ю дивизіями 13-ти батальіоннаго состава, готовымъ, совсѣмъ сформированнымъ войскомъ, для качества котораго нужно только перемѣшать корпусъ офицеровъ переводами. Численность 53-хъ новыхъ дѣйствующихъ батальіоновъ въ кадровомъ составѣ, образованныхъ изъ нынѣшнихъ губернскихъ, не превышаетъ 20 тыс. солдатъ, т.-е. экономіи въ людяхъ, остающейся отъ замѣщенія нынѣшней внутренней стражи жандармами (считая даже что 30 тыс. жандармовъ будутъ стоить вдвое, противъ 60). Обращеніе этихъ 8 дивизій въ дѣйствующія не увеличитъ ни однимъ солдатомъ наличные списки военнаго министерства; эти люди и безъ того уже на лицо (напротивъ того расходъ въ людяхъ, если не въ деньгахъ, сократится на 30 тыс. человѣкъ). Денежная прибавка потребуется только на содержаніе лишнихъ дивизіонныхъ штабовъ и 8-ми артиллерійскихъ бригадъ.

Преобразованіе это можетъ быть совершено въ годъ времени; тогда, вмѣсто нынѣшнихъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій у насъ будетъ 55. Но намъ нужно по крайней мѣрѣ 60. Упраздненіе большей части нестроевыхъ, замѣняемыхъ въ военное время ополченіемъ, можетъ покрыть значительную часть нужнаго на это расхода. Но положимъ, во избѣжаніе спора, что тутъ нужна новая ассигновка. Содержать въ мирное время пять лишнихъ дивизій безъ возвышенія военнаго бюджета, можно только на счетъ пониженія наличнаго состава дѣйствующихъ частей. Чтобы восполнить въ бюджетѣ расходъ на содержаніе этихъ 5-ти дивизій (въ кадровомъ составѣ) достаточно привести въ этотъ же составъ изъ мирнаго и усиленнаго мирнаго нѣсколько другихъ дивизій, что не представляетъ никакого затрудненія. Войска, стоящія внутри имперіи находятся всѣ въ одинаковыхъ условіяхъ. Кромѣ гвардіи (нынѣ въ мирномъ составѣ) 4-хъ кавказскихъ дивизій и 4-хъ на западной границѣ (которыя слѣдуетъ держать, по обстоятельствамъ, на военномъ или на усиленномъ мирномъ положеніи) большая часть остальной пѣхоты, если не вся, можетъ быть приведена въ кадровый составъ, распространенный и теперь уже на значительное число войскъ безъ всякаго неудобства. Не возвышая

Digitized by Google

расходовъ и сохраняя неприкосновенно нынѣшнюю наличность арміи (еслибъ это оказалось нужнымъ, чего однако я не думаю) надобно только подѣлить ее на большее число полковъ, какъ это было сдѣлано въ 1863 г., т.-е. провести преобразованіе 1863 г. нѣсколько далѣе—на 5 дивизій, такъ какъ 8 остальныхъ составляютъ не приращеніе, а лишь переименованіе мертвыхъ силъ въ живыя.

Особенныя обстоятельства, постоянно возникающія въ такой обширной имперіи какъ русская, заставляютъ то здѣсь, то тамъ усиливать войска и держать батальіоны въ высшихъ комплектахъ; съ умноженіемъ числа строевыхъ частей, потребность въ такомъ возвышеніи по большей части прекратится, потому что можно будетъ вездѣ, гдѣ окажется надобность, вмѣсто одного кадроваго батальіона поставить два. Увеличится нѣсколько расходъ на новые полковые и дивизіонные штабы и лишнія артиллерійскія части, но этотъ расходъ покроется экономіей отъ упраздненія многихъ частей, ненужныхъ при такой силѣ—постоянной и земской, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ государства, заранѣе опредѣленнымъ.

Но возможно ли сохранить высокія боевыя качества войска при томъ условіи, чтобы большую часть людей распускать по домамъ. Въ сущности, этотъ вопросъ относится не только къ мѣрамъ, предлагаемымъ въ этомъ сочиненіи, но ко всему, установившемуся у насъ порядку вещей, такъ какъ нѣсколько лѣтъ уже болѣе, чѣмъ въ половинѣ, дѣйствующихъ дивизій и во всѣхъ внутреннихъ войскахъ большая часть людей распускается по домамъ. Но во всякомъ случаѣ на такое сомнѣніе нельзя отвѣчать прямо. Утвердительный или отрицательный отвѣтъ зависитъ отъ нѣсколькихъ условій: во-первыхъ, отъ продолжительности срока первоначальной дѣйствительной службы (человѣкъ, который не втянется настоящимъ образомъ въ свое дѣло въ полтора или два года какъ въ Пруссіи, можетъ втянуться въ него очень хорошо въ три или четыре, какъ во Франціи); во-вторыхъ, отъ чувствъ, питаемыхъ солдатами къ общему дѣлу, также и отъ однородности состава арміи, напримѣръ, въ Австріи или въ Пруссіи. Въ-третьихъ, отъ того, какъ распредѣляются безсрочно-отпускные при сборѣ: въ свои ли прежніе полки или въ другіе, имъ незнакомые; въ-четвертыхъ, отъ того, остается ли въ полкахъ достаточное число старослуживыхъ для хорошей закваски всей массы; въ-пя-

Digitized by Google

тыхъ, наконецъ, отъ духа и степени приготовленности офицеровъ. Смотря по этимъ условіямъ, треть всего числа людей подъ знаменемъ въ мирное время можетъ быть или совершенно достаточною, или вовсе недостаточною.

При введенной теперь системѣ дисциплины и воспитанія войскъ, при нынѣшнемъ настроеніи русскаго народа, рѣзко отразившемся на рекрутахъ, у насъ, безъ сомнѣнія, стала возможною упругая военная организація. При прежней системѣ нашъ рекрутъ былъ человѣкъ на всегда оторванный отъ семейства и родной деревни, приведенный въ рекрутское присутствіе иногда въ колодкахъ и всегда подъ стражей, отмѣченный какъ арестантъ бритьемъ половины головы; на службѣ его учили не военному дѣлу, а выправкѣ, маршировкѣ, требовали отъ него жизни въ носкѣ, граціи. Эти вещи не имѣли для него никакого смысла; начальники сами не сознавали для чего они это дѣлаютъ, а потому, конечно, не пускались въ объясненія съ солдатомъ, а вбивали въ него науку насиліемъ. Сбитый съ толку, доведенный до одурѣнія, русскій человѣкъ, поступившій во фронтъ, долженъ былъ всему научиться не разумѣніемъ, а механическою привычкой; онъ умѣлъ дѣлать только то, что было глубоко вдолблено въ него и выходило само собою, какъ оно выходитъ у полусоннаго человѣка, безсознательно повторяющаго свои обыденныя привычки. Очень натурально, что рекрутъ, при такой обстановкѣ, становился не вполнѣ солдатомъ даже въ пять лѣтъ; становился имъ развѣ только къ десяти годамъ; даже между десятью и пятнадцатилѣтними солдатами замѣчалась значительная разница, такъ трудно давалась имъ наука. Еще въ ту пору кавказскій солдатъ, отъ котораго требовали службы болѣе практической, понятной, съ которымъ лучше обращались (вслѣдствіе болѣе тѣснаго сближенія между чинами, созданнаго войной), выучивался всему несравненно скорѣе; потомъ, если ему случалось переходить во внутреннія войска, онъ понималъ легче другаго даже мелочныя требованія условной красоты, потому что былъ болѣе развитъ. Срокъ, въ который рекрутъ становился солдатомъ, былъ гораздо болѣе коротокъ на Кавказѣ, чѣмъ внутри Россіи; но начальство судило о солдатѣ не по Кавказу. Было признано аксіомой (и надо сказать, при тогдашнихъ условіяхъ справедливо), что русскій рекрутъ становится надежнымъ солдатомъ развѣ въ пять лѣтъ: Разумѣется, при такомъ убѣжде-

Digitized by Google

ніи не могло быть вопроса о краткосрочныхъ солдатахъ. Рекруты не годились для быстраго укомплектованія частей; безсрочно-отпускные, тянувшіе безконечный срокъ, знавшіе, что ихъ ожидаетъ во фронтѣ суровое обращеніе изъ-за бездѣлицы, что ихъ тамъ будутъ расцѣнивать по граціи, для которой они устарѣли, возвращались въ ряды чрезвычайно не охотно, и какъ довольно доказалъ опытъ, оказывались много хуже рекрутъ. Оставалось разчитывать на однихъ служащихъ, вытянувшихся солдатъ и держать строевыя части въ мирное время по крайней мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ комплкета. Въ этихъ понятіяхъ воспитались почти всѣ высшіе чины нашей арміи. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось,—крѣпостное состояніе уничтожено не только въ земствѣ, но и въ войскѣ, и народъ это знаетъ; рекрута не возятъ больше въ колодкахъ и не клеймятъ бритьемъ головы; срокъ службы уменьшился, а дѣйствительное нахожденіе въ рядахъ сократилось и того болѣе; тѣлесное наказаніе отмѣнено, содержаніе сдѣлалось лучше, обращеніе перемѣнилось; отъ солдата стали требовать на службѣ вещей осмысленныхъ, возбуждающихъ въ немъ не тяготу, а соревнованіе. Если не всѣ эти улучшенія, особливо послѣднее, доведены до конца, то всѣ подвинулись такъ далеко, что разница между нынѣшнимъ и прежнимъ бросается въ глаза. Послѣдствія вышли такія, что въ 1863 году, когда наша армія была вдругъ увеличена на двѣ пятыхъ, для чего потребовалось разомъ большая масса рекрутъ, эти рекруты шли на службу, весело и, у толковыхъ начальниковъ, въ два мѣсяца, не только могли заступать почетный караулъ, но были уже недурными застрѣльщиками. Несмотря на свою молодость, эти люди легко совершали усиленные переходы. Между ними оказалось большое соревнованіе; особенно тамъ, гдѣ одноземцы изъ разныхъ губерній были введены въ полки группами; эти группы лѣзли изъ кожи, чтобы перещеголять на службѣ одна другую: Воронежцы выбивались изъ силъ, чтобъ не показаться хуже тамбовцевъ. Совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло на нашу армію. Когда на Кавказѣ были сформированы три новыя дивизіи, тамошніе офицеры, вообще живущіе ближе съ солдатамъ и лучше понимающіе серіозную сторону службы, чѣмъ въ Россіи,—были изумлены быстротой развитія новыхъ рекрутъ. Въ этомъ отношеніи всякій, истекающій годъ облегчаетъ задачу, глубже и глубже, увореняя въ войскахъ новыя нравственныя понятія,

Digitized by Google

внесенныя въ нашу армію преобразованіемъ дисциплинарной системы и столькихъ другихъ вещей. Прежде русскій солдатъ былъ крѣпостнымъ начальства, теперь онъ вольный человѣкъ, призванный на защиту своего отечества. Съ вольными людьми задача стала совсѣмъ иною; то что прежде нужно было вдалбливать въ солдата, теперь надобно только объяснить ему. Затѣмъ вмѣстѣ стало возможнымъ развить солдата довольно скоро, въ небольшое число годовъ, и затѣмъ отпустить его домой на остальной срокъ службы.

Рекруты развиваются теперь въ хорошихъ рукахъ несравненно быстрѣе, чѣмъ прежде. Черезъ годъ послѣ поступленія въ полкъ изъ резервнаго батальіона, они нисколько не уступаютъ старымъ солдатамъ въ наружномъ знаніи службы; чрезъ два года они становятся вполнѣ хорошими застрѣльщиками. Но качества солдата далеко не заключаются въ одномъ знаніи службы, боевая часть не есть только собраніе обученныхъ военному дѣлу людей. Солдатъ, кромѣ совершеннаго знанія своего дѣла на ученьѣ, въ походѣ и въ караулѣ, долженъ быть на столько проникнутъ военнымъ духомъ, чтобъ этотъ духъ руководилъ его взглядами и чувствами, чтобъ онъ привыкъ разцѣнивать людей и вещи именно съ этой точки зрѣнія; напримѣръ, чтобы понятіе о святынѣ знамени, о безчестіи потерять его, не только для части, но для каждаго человѣка этой части, вросло въ его душу: чтобы воинская заслуга имѣла въ его глазахъ неоцѣненное, ни съ чѣмъ несравнимое достоинство; чтобы часовой, заснувшій на своемъ постѣ становился въ его глазахъ не только виновнымъ, но презрѣннымъ человѣкомъ и такъ далѣе. Потомъ нужно, чтобы солдатъ сросся съ своимъ полкомъ, величался его заслугами, даже смотрѣлъ свысока на другой мундиръ; однимъ словомъ, чтобы полкъ сталъ для него чѣмъ-то въ родѣ особой національности, маленькой родины. Всѣ эти требованія сводятся къ одному: чтобы новобранецъ успѣлъ достаточно проникнуться общественнымъ мнѣніемъ своей среды. Разумѣется, надобно чтобъ эта среда существовала, нужно вести войско такимъ образомъ, чтобъ общественный духъ могъ сложиться и укорениться въ полкахъ. Если подобный идеалъ доступенъ хоть съ внѣшней стороны молодому солдату, то въ минуту воодушевленія онъ можетъ такъ полно возникнуть въ его душѣ, что тотъ, хоть на часъ, станетъ самъ какъ будто ветераномъ; а главное, военная служба

Digitized by Google

будетъ уже имѣть для человѣка нѣкоторое нравственное значеніе, помимо техники ремесла; безсрочно-отпускной будетъ и въ домашнемъ быту понимать себя, какъ воина. Я убѣжденъ, и многіе раздѣляютъ это убѣжденіе, что при исполненіи нынѣшнихъ военныхъ руководствъ въ ихъ истинномъ духѣ (чего надо требовать неукоснительно), солдата можно довести до такой степени сознанія въ три года полевой службы, кромѣ времени приготовленія въ резервахъ. Въ годъ онъ будетъ знать свое дѣло, въ два обычныя занятія войдутъ ему въ привычку, черезъ три года, онъ можетъ быть солдатомъ по духу. При системѣ народныхъ войскъ, эти войска должны набираться изъ молодыхъ людей узаконеннаго возраста (двадцати лѣтъ); въ эту пору впечатлѣнія бываютъ живы и вліяютъ на всю жизнь. Для высшихъ классовъ это возрастъ университета или другой высшей школы; всякій помнитъ по себѣ какъ глубоко охватывала его товарищеская среда этой переходной эпохи и какъ долго сохранялось ея вліяніе. Да не покажется такое сравненіе страннымъ—оно совершенно вѣрно. Для двадцатилѣтняго простолюдина полковое общество, не говоря объ открываемой ему грамотности, вѣетъ совсѣмъ новою жизнію, расширяетъ его понятія, дѣйствуетъ воспитательно. Три года полковой жизни выдѣлываютъ на столько же духовный складъ простолюдина, на сколько три окончательные года школы выдѣлываютъ складъ молодаго человѣка высшихъ сословій,—а каждый знаетъ, что нѣсколько лѣтъ потомъ вліяніе школы еще продолжается. При нынѣшней системѣ воспитанія войскъ (или лучше сказать при духѣ этой системы, потому что приложеніе ея къ дѣлу требуетъ еще дальнѣйшаго развитія) можно считать трехлѣтній срокъ дѣйствительной службы достаточнымъ въ нашей пѣхотѣ для полнаго приготовленія солдата.

Установленіе полнаго срока службы зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ времени нужнаго для серіознаго обученія рекрута и 2) отъ того, во сколько разъ армія должна усиливаться съ переходомъ на военное положеніе. Помноживъ первую цифру на вторую получимъ раціональный срокъ военной службы, на который государство имѣетъ поводъ обязывать гражданина. Полгода въ рекрутскомъ депо (резервномъ батальіонѣ) и три года въ полку—$3^1/_2$ года, втрое—$10^1/_2$ лѣтъ. Но такъ какъ годовые классы людей убываютъ постоянно вслѣдствіе смертности (въ этомъ цвѣтущемъ возрастѣ убыль рѣдко превышаетъ

Digitized by Google

2%), то для сохраненія комплекта можно положить двѣнадцать лѣтъ. Вотъ раціональный срокъ службы при такихъ учрежденіяхъ.

Утверждая, что послѣ полугода, проведеннаго въ резервахъ, трехъ-лѣтній срокъ совершенно достаточенъ для образованія надежнаго русскаго солдата, я вовсе не упускаю изъ вида многихъ вѣнскихъ возраженій, которыя можно выставить противъ такого утвержденія. Во-первыхъ, трехлѣтній срокъ достаточенъ въ томъ лишь случаѣ, когда солдатъ будетъ учиться, или скорѣе воспитываться, точно три года. Для войскъ разбросанныхъ по мелкимъ поселкамъ, которыя не могутъ собираться ежедневно даже по-ротно, эти три года обратятся въ полтора, что уже недостаточно. Для войскъ расположенныхъ по дальнимъ окраинамъ, куда рекрутъ путешествуетъ по нѣскольку мѣсяцевъ, такой срокъ также не годится. Но въ виду такого разнообразія обстоятельствъ у насъ и принятъ различный численный составъ батальіоновъ, то-есть различный срокъ дѣйствительной службы подъ знаменемъ. Во-вторыхъ, трехъ-лѣтній срокъ удовлетворяетъ потребности только при хорошемъ составѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, твердо знающихъ и совѣстливо исполняющихъ свою обязанность, чѣмъ мы еще не можемъ похвалиться съ полной увѣренностію. Въ третьихъ, наконецъ, даже при осуществленіи всѣхъ этихъ условій, нѣтъ сомнѣнія, что пяти-лѣтній солдатъ лучше трехъ-лѣтняго, а пятнадцати-лѣтній лучше обоихъ. Я выставляю 3-хъ лѣтній срокъ какъ минимумъ и высказался за систему сформированія пѣхоты, стоящей дома, въ европейской Россіи, изъ трехъ-лѣтнихъ солдатъ, не какъ за единственно возможную для уравненія нашихъ силъ съ вѣроятными силами вражескими, а какъ за предѣлъ, который можно принять безъ опасенія обратить армію въ ополченіе, и въ то же время какъ за самую упругую систему, наименѣе обременительную для гражданина и наиболѣе расширяющую силу арміи съ переходомъ на военное положеніе. Однообразное устройство войскъ, гдѣ бы они ни были расположены, какъ это существуетъ въ Европѣ, у насъ еще непримѣнимо; всякая система организаціи потребуетъ исключеній; по этому же дѣйствительная служба во фронтѣ, за которою слѣдуетъ безсрочный отпускъ, у насъ не узаконена и составляетъ домашнее распоряженіе военнаго министерства. Въ различныхъ обстоятельствахъ эта мѣра и прилагается различно. Развѣ

Digitized by Google

кадровый составъ 320 человѣкъ въ батальіонѣ, распространенный теперь на значительное число войскъ, предполагаетъ долгую службу?

Я убѣжденъ, что при нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣрахъ въ устройствѣ полковъ и корпуса офицеровъ (которыя будутъ означены ниже) показанные мною сроки могутъ быть постановлены для войскъ, расположенныхъ внутри государства и достаточны для образованія отличной арміи. Но я вовсе не стою за немедленное введеніе ихъ, во-первыхъ потому именно, что для этого нужны еще нѣкоторыя дополнительныя мѣры; а во-вторыхъ потому, что теперь главная забота должна состоять не въ окончательномъ установленіи системы, а въ доведеніи русской арміи, безъ обремененія государства, до той степени матеріяльнаго и нравственнаго могущества, при которомъ каждое слово русскаго правительства передъ Европой было бы не словомъ только, но совершившимся дѣломъ.

Не отказываясь отъ срока въ 3½ года какъ отъ желательной нормы въ будущемъ, я думаю, что можно безъ всякаго опасенія, теперь же установить срокъ службы въ рядахъ въ пять лѣтъ. Онъ будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности уже осуществившейся. Срокъ этотъ станетъ нормальнымъ, конечно, только для войскъ, приведенныхъ въ кадровый составъ; всякое возвышеніе комплекта заставитъ удерживать солдата болѣе продолжительное время подъ знаменемъ. Годовое число рекрутъ увеличится при этомъ, но тягость, сопряженная съ рекрутчиной, значительно уменьшится для каждаго лица, что гораздо важнѣе. Нынѣшняя служба не страшна; рекрутъ боится не службы, онъ боится быть оторваннымъ отъ дома и навѣки остаться бобылемъ, чего никогда не случится при такой относительно короткой отлучкѣ. Разумѣется, чтобъ пяти-лѣтній срокъ сталъ дѣйствительностію, надобно строго держаться нормы и безъ крайней надобности не возвышать состава частей. Прослуживши пять лѣтъ во фронтѣ, при разумномъ направленіи сверху, подъ руководствомъ опытныхъ начальниковъ, солдатъ можетъ достаточно изучить свое дѣло и проникнуться духомъ своего званія, чтобы не было надобности послѣ роспуска призывать его ежегодно для повторенія службы. Это главное преимущество пяти-лѣтняго срока надъ срокомъ въ 3½ года, достаточнымъ также, чтобы обучить солдата матеріяльно всему.

Digitized by Google

что онъ долженъ знать, но, можетъ быть, недовольно долгомъ для того, чтобы знаніе вполнѣ вошло въ привычку человѣку.

Въ вопросѣ о срокѣ заключается больше общественнаго, чѣмъ чисто военнаго значенія. Для народа не все равно, приходится ли считаясь на службѣ 15 лѣтъ, служить ли въ рядахъ 5 или 8; но для устройства арміи, если только срокъ обученія достаточенъ для того, чтобы молодой солдатъ понялъ, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, это почти одно и тоже. Въ военномъ смыслѣ важность заключается не столько въ продолжительности этихъ двухъ сроковъ, сколько во взаимномъ отношеніи ихъ между собою. Если съ приведеніемъ части въ комплектъ безсрочные или рекруты будутъ только пополнять недочетъ въ кадрахъ—армія должна считаться долгосрочною, когда бы даже все продолженіе службы солдата было не велико; если же часть состоитъ въ кадрахъ и съ приведеніемъ въ комплектъ пришлые люди составляютъ большинство, то армія будетъ народною, почерпаемою изъ самой націи на время войны, сколько бы времени солдатъ не стоялъ въ рядахъ прежде. До послѣдняго времени, напримѣръ, полный срокъ службы былъ одинъ и тотъ же во Франціи и Пруссіи—7 лѣтъ; разница была только въ отношеніи числа служащихъ подъ знаменемъ къ числу отпускныхъ; но эта разница составляетъ такое коренное отличіе, что французская армія была несомнѣнно арміей долгосрочной, прусская же народной. Эти двѣ нормы военной организаціи требуютъ совсѣмъ разныхъ мѣръ для хорошаго боеваго воспитанія войскъ. Въ долгосрочномъ полку, то-есть въ такомъ, гдѣ большинство нижнихъ чиновъ постоянно находится подъ знаменемъ, воинскій духъ возникаетъ самъ собою, изъ какихъ бы элементовъ ни составляли полкъ, отъ того, что всѣ служащіе, какъ товарищи, проникаются общимъ настроеніемъ. Въ арміи народной не то; между сборными, незнакомыми между собою людьми нѣтъ ничего общаго. Въ такой арміи нужны искуственныя мѣры, особенное группированіе элементовъ, чтобы слить полкъ въ одно цѣлое, безъ чего онъ никогда не станетъ надежною боевою частію.

Въ нашей арміи въ одномъ 1865 г. 24 дивизіи были приведены въ мирный, то-есть половинный составъ и 10 въ кадровый, то-есть въ треть полнаго состава. Такая армія должна считаться арміей народной, недолгосрочной, несмотря на 15-лѣтній срокъ обязательной службы, между тѣмъ какъ англій-

Digitized by Google

ская армія, въ которой солдата вербуютъ лишь на 10 лѣтъ,— преимущественно постоянная, а не народная. Что нынѣшняя наша армія не долгосрочная, не смотря на положеніе, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ начальники частей, жалующіеся, что имъ не изъ кого выбирать унтеръ-офицеровъ, такъ какъ производство въ это званіе предоставлено лишь людямъ, прослужившимъ три года, а такихъ слишкомъ мало въ рядахъ. Остается ли солдатъ въ кадрахъ полка 8 лѣтъ или 5, или даже того меньше, это еще не особенно измѣняетъ характеръ арміи; дѣло въ томъ, что часть, съ поставленіемъ на военное положеніе, пополняется на двѣ трети новыми людьми, ничѣмъ съ нею несвязанными. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ и тѣмъ, которое мы обсуждали выше. Оба требуетъ совершенно одинаковыхъ мѣръ для того, чтобъ укомплектованный полкъ оказался не сбродной, безъ всякаго духа, частію, а цѣльной, одинаково настроенной боевой единицей.

Пока у насъ солдатъ служилъ безсмѣнно двадцать пять лѣтъ, распредѣленіе людей въ полки не представляло никакого вопроса; брали въ соображеніе только дальность разстояній; затѣмъ люди, сведенные вмѣстѣ почти на всю жизнь, должны были слиться воедино, и для нихъ образовывалась новая родина—часть, въ которой они служили. Но какъ только были учреждены безсрочные, этотъ вопросъ возникъ, если не въ правительственной сферѣ, то по крайней мѣрѣ въ общественномъ мнѣніи военныхъ. Оказался слѣдующій фактъ: когда безсрочные попадали случайно въ свою прежнюю часть, старыя воспоминанія брали верхъ, они вступали въ прежнюю колею и по большей части оказывались тѣми же людьми, какими ихъ знали до выпуска. Но когда эти безсрочные причислялись къ другой, новой для нихъ части, какъ почти всегда случалось, они оказывались не только плохими солдатами, но ядомъ, положительно отравлявшимъ всю часть. Въ этомъ отношеніи очень рѣдко бывали исключенія; въ пользу подобнаго резерва не было ни одного голоса во всей русской арміи. Безсрочные вездѣ являлись людьми буйными, дурнаго поведенія, развращающими молодыхъ солдатъ, вселяющими въ нихъ презрѣніе къ самымъ священнымъ обязанностямъ службы; подъ огнемъ они всегда умѣли очутиться позади; а какъ они были при томъ старыми солдатами, съ нашивками и медалями, иногда съ крестами.

Digitized by Google

а потому наружностію своею вселяли въ молодыхъ солдатахъ нѣкоторое подобострастіе, то примѣръ ихъ дѣйствовалъ губительно. Не было начальника, который не предпочиталъ бы для пополненія рядовъ рекрутъ, боявшихся въ началѣ собственнаго выстрѣла, этимъ старымъ слугамъ государевымъ, какъ ихъ называли оффиціяльно. По общему голосу, каждый безсрочный ослаблялъ войско двумя людьми, — во-первыхъ, самъ онъ никуда не годился; во-вторыхъ надобно было отдѣлять еще одного служащаго солдата, чтобы караулить его.

При нынѣшнихъ порядкахъ солдатъ выходитъ въ отпускъ уже не съ тѣми воспоминаніями о службѣ какъ прежде, потому и возвращается къ ней не съ прежнимъ чувствомъ; но разница выходитъ только въ мѣрѣ, а не въ сущности. Всякій крестьянскій парень ведетъ себя иначе въ своей деревнѣ на глазахъ родныхъ и старшихъ, почтеніе къ которымъ онъ всосалъ съ молокомъ матери, чѣмъ въ чужихъ людяхъ. Полкъ, въ которомъ впервые сложилась душа рекрута, въ которомъ произошло преобразованіе его изъ крестьянина въ солдата, составляетъ для него ту же родную деревню, тамъ только существуетъ товарищество, мнѣніе котораго онъ считаетъ обязательнымъ для себя. Всякій знаетъ до какой степени русскій простолюдинъ рабъ міра, но лишь того міра, съ которымъ онъ сжился, который онъ считаетъ своимъ міромъ. Чтобы стать въ такія же отношенія къ новому товариществу, онъ долженъ вновь сростись съ нимъ душой, а это дѣло не одного дня, даже не одного года; тѣмъ болѣе, что рекрутъ, какъ впервые вступающій на службу, самъ лѣпится въ готовую форму, безсрочный же, призываемый въ ряды, уже человѣкъ разбитной, съ готовыми понятіями, и привыкать къ инымъ ему трудно; онъ будетъ долго жить въ новой части отрѣзаннымъ ломтемъ, не подчиняясь вовсе ея нравственному вліянію. Между тѣмъ надобно вести на войну полкъ, въ которомъ двѣ трети людей остаются чуждыми и полку, и другъ другу. Эти люди могутъ по-одиночкѣ биться храбро, но развѣ можно ожидать отъ такого полка какого-нибудь духа, какого-нибудь общаго настроенія; а въ регулярномъ войскѣ сила вовсе не въ томъ, чтобы каждый человѣкъ былъ храбрецъ — это несбыточно, нужно чтобы полкъ былъ храбръ, все дѣло въ сборной душѣ части. Если въ полку есть много людей, не подчиняющихся его духу,

Digitized by Google

то самое существованіе этой сборной души становится невозможнымъ.

Надо вспомнить великій примѣръ Ватерлоо. Французская армія, сформированная передъ самымъ походомъ, состояла почти поголовно изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, возвратившихся изъ плѣна и дальнихъ гарнизоновъ по всѣмъ концамъ европы; но люди эти были сведены въ новые полки, они не знали ни своихъ начальниковъ, ни другъ друга. Наполеонъ говорилъ «la terre qui porte cette armée en est fière», и онъ былъ правъ относительно одиночныхъ людей. Но вотъ что случилось; эти старые солдаты бились какъ львы, но эти молодые полки, составленные изъ людей ничѣмъ между собою не связанныхъ, лишенные поэтому общей души, какъ только счастіе не повезло имъ, закричали «измѣна» и разсыпались по-одиночкѣ, какъ испуганный табунъ, чего никогда не случалось въ такой степени даже съ полками рекрутъ, выведенныхъ на убой въ 1813 году.

Для всякаго войска, а тѣмъ болѣе для народной арміи, состоящей преимущественно изъ молодыхъ солдатъ, должна быть принята аксіома: «военная часть надежна въ бою тогда только, когда она состоитъ изъ людей проникнутыхъ нравственною связью, образующихъ товарищество»; лишь при такой связи явится въ ней круговая порука, увѣренность во взаимной поддержкѣ, и часть станетъ слитною, цѣльною единицей; а на войнѣ вся сила именно въ этомъ. Чтобы расчитывать въ бою на полкъ, состоящій въ мирное время изъ трети, даже изъ половины полнаго комплекта, надобно, чтобы онъ пополнялся своими отпускными, а не какими-либо другими; безъ этого хорошей арміи никогда не будетъ. Но сводить въ полкъ исключительно его безсрочныхъ, разбросанныхъ по обширной имперіи, рѣшительно невозможно. Для этого пришлось бы обратить цѣлыя дивизіи въ писарей и употребить годъ на укомплектованіе войскъ. Есть только одно средство достигнуть этой цѣли легко, безъ замѣшательства; опредѣлить каждому пѣхотному полку особенный рекрутскій участокъ, изъ котораго бы онъ исключительно формировался. Отпускные пойдутъ на родину. Съ постановленіемъ полка на военное положеніе, къ нему будутъ призваны безсрочно-отпускные его участка. Если къ нимъ примѣшается нѣсколько постороннихъ, если нѣкоторые изъ отпускныхъ полка разбредутся въ другіе участки, въ этомъ нѣтъ ни-

Digitized by Google

какой важности; масса будетъ своя; полкъ останется однимъ товариществомъ, а только это и нужно. Исключеніе можетъ быть допущено только временно, на войнѣ, когда полкъ понесетъ несоразмѣрныя потери; тогда его, для спѣшности, разумѣется, необходимо комплектовать первыми прибывшими рекрутскими партіями. Въ обыкновенное время также можетъ быть разница въ убыли полковъ, стоящихъ не въ одинаковыхъ санитарныхъ условіяхъ по всѣмъ концамъ имперіи, но для того остается все количество рекрутъ изъ областей не допускающихъ раздѣленія на полковые округа; его можно распредѣлить между полками по усмотрѣнію.

Постоянныя войска долгаго срока могутъ быть сформированы изъ какихъ угодно элементовъ, но народная армія, кадры пополняемые отпускными, не могутъ быть хороши иначе, какъ на этомъ условіи. Государства, принявшія систему народныхъ армій, основали ее на полковыхъ рекрутскихъ округахъ,—всѣ, даже разноплеменная Австрія.

Можно поручиться въ томъ, что полкъ, составленный изъ одноземцевъ, изъ сосѣдей, разовьется такимъ органическимъ цѣлымъ, будетъ такъ воодушевленъ, какъ не былъ еще никогда ни одинъ полкъ нашей арміи. Я говорилъ уже какое соревнованіе было возбуждено въ дивизіяхъ, сформированныхъ въ 1863 году частнымъ размѣщеніемъ людей въ полки группами, хотя еще въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Для качества полка чрезвычайно важно, чтобъ онъ составлялъ нѣчто въ родѣ маленькой національности, естественной или выдѣланной, все равно; надобно непремѣнно, чтобы полкъ имѣлъ свой нравственный оттѣнокъ, свою оригинальность, свои обычаи: чтобы солдату, забредшему въ чужую часть, говорили: „ну, съ перваго слова видѣнъ Куринецъ,“ „вотъ за версту признали Эриванца“ и чтобы дѣйствительно Куринца можно было признать съ перваго слова, а Эриванца отличить за версту. Надобно, чтобы всѣ чины считали свой полкъ первымъ въ свѣтѣ, свято хранили его преданія, готовы были идти на ножи со всякимъ чужимъ за его славу; это возможно лишь тогда, когда полкъ имѣетъ личность. Только при такомъ развитіи часть будетъ составлять одно боевое цѣлое, *несокрушимое до изнеможенія силъ*, такое цѣлое, въ которомъ ни одиночный человѣкъ не выдаетъ товарища, ни рота не выдаетъ роту, ни полкъ во всемъ составѣ не допуститъ кого-либо превзойдти себя. Грузинскіе гре-

Digitized by Google

надеры, обиженные тѣмъ, что сосѣди ихъ по штабъ квартирѣ, Эриванцы, не поддерживали ихъ будто бы въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкларомъ (претензія, надобно сказать, совершенно не справедливая), нѣсколько лѣтъ потомъ поголовно не говорили съ ними, даже встрѣчаясь одинъ на одинъ. Вотъ полкъ съ личностію! Надобно знать до какой степени напоминаніе славнаго имени полка дѣйствуетъ на кавказскихъ солдатъ. „Помните, что вы кабардинцы", это слово всегда равнялось нѣсколькимъ тысячамъ подкрѣпленія. Но изъ всей нашей арміи только на Кавказѣ и были полки съ личностію, даже тамъ она начинаетъ блѣднѣть. Еще въ письмахъ изъ Тифлиса, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, я объяснялъ развитость этихъ войскъ не только боевою жизнію, но тѣмъ, что онѣ остались войсками суворовскими, какими пришли сюда въ первый годъ нынѣшняго столѣтія; до нихъ почти не коснулась плацъ-парадная фридриховская школа, и полки развились дѣйствительно самобытными, одушевленными единицами. За исключеніемъ же Кавказа, надо сказать, полки наши не имѣютъ никакой физіономіи, разница между ними только въ цвѣтѣ воротника; полковыя преданія лежатъ въ архивахъ и никому не извѣстны; имя полка не звучитъ солдату ничѣмъ близкимъ сердцу. На практикѣ это значитъ, что полкъ далеко не представляетъ той боевой силы, какая могла бы въ немъ заключаться. Въ природѣ одинъ законъ: каждый новый шагъ къ развитію знаменуется большимъ обособленіемъ сначала единичности, потомъ личности; изъ безразличной массы силъ выдѣляется понемногу живая душа. Это такъ же вѣрно въ исторіи политической, какъ и въ естественной. Полкъ съ выработанною личностію относится къ полку безличному, какъ высшій организмъ къ студню полипа; всѣ недозрѣлые плоды одного вкуса. Можно сказать положительно, пока каждый изъ русскихъ полковъ не разовьется до самобытности, русская армія не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть.

Шестидесятилѣтнее вліяніе фридриховской школы подѣйствовало неблагопріятно на наши войска: не на солдатъ, а на начальниковъ, на штабы, на весь итогъ военныхъ обычаевъ и пріемовъ. Съ рутиной, видной на глазъ, можно скоро покончить что уже и сдѣлано въ значительной степени; но рутину, засѣвшую въ душу, въ понятія людей, трудно искоренить даже въ долгіе годы. Въ срокъ одного поколѣнія невозможно влить

Digitized by Google

въ наши полки, остающіеся на прежнемъ основаніи, тотъ просторъ жизни, который даетъ каждой военной части самобытный характеръ. Этой самобытности не изъ чего развиться, для нея покуда не существуетъ даже зародыша. Надо положить новыя дрожжи въ русскую армію. Распредѣленіе рекрутскихъ участковъ по полкамъ, сформированіе полковъ изъ одноземцевъ, станетъ жизненнымъ обновленіемъ для нашей арміи. Можно даже не придавать частямъ никакого имени, уничтожить нынѣшнія названія, оставивъ одни нумера; онѣ сами будутъ знать кто онѣ такія. Укрѣпленіе за полками опредѣленныхъ рекрутскихъ участковъ необходимо, по двумъ причинамъ чрезвычайной важности: для того, чтобы съ переходомъ на военное положеніе пополнять часть ея собственными, а не чужими безсрочно-отпускными, безъ чего она никогда не будетъ единодушною, связною боевою частію; для того, чтобы зародить въ полкахъ соревнованіе, вложить въ нихъ нравственную цѣльность. Одно и то же учежденіе оказывается нужнымъ и для того, чтобы прочно устроить многочисленную, легко подвижную народную армію, и для того чтобы разомъ ввести ее въ возрастъ зрѣлости. Полкъ, состоящій изъ одноземцевъ, представляетъ всѣ залоги военныхъ качествъ; въ немъ быстро разовьется круговая порука, обязанность взаимной поддержки, соревнованіе съ чужими, сотоварищество—явится личность. Всѣ наши полки въ короткое время станутъ въ извѣстной мѣрѣ кабардинскими. Кромѣ того, между арміей и земствомъ возникнетъ тѣснѣйшее сочувствіе. Каждый полкъ будетъ для своего рекрутскаго участка какъ сынъ родной семьи, въ случаѣ надобности получитъ отъ него возможныя пособія; люди все утратившіе силы отъ ранъ или болѣзни встрѣтятъ на родинѣ общее содѣйствіе. Рекруты пойдутъ съ величайшею охотой, зная что они идутъ къ своимъ. Солдатъ на службѣ будетъ вдвое дорожить хорошею славой, зная, что она воротится съ нимъ въ родную деревню. При такомъ учрежденіи вся Русская Земля станетъ за русскою арміей, не аллегорически, но уже буквально, какъ мать за своимъ сыномъ.

Военная слава полка, выставляемаго участкомъ, непремѣнно отзовется и на его ополченіи. Между полкомъ и участкомъ завяжется глубочайшая душевная связь; участокъ будетъ знать въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію своего полка, станетъ гордиться имъ и за нимъ тянуться. Ополченцы, взявъ ружье

Digitized by Google

въ руки, скажутъ: „вѣдь мы тѣ же!“ и подъ командой хорошаго начальника совершатъ чудеса; подъ вліяніемъ этой увѣренности въ полковой славѣ никогда не будетъ недостатка; каждый участокъ станетъ считать свой полкъ первымъ—этого довольно. Взаимная связь также сильно отзовется на полку, какъ и на мѣстности; солдатъ будетъ знать, что его хорошая слава, память о его заслугахъ, не исчезнетъ съ выходомъ въ отставку; она воротится съ нимъ подъ отеческій кровъ, его встрѣтятъ въ родномъ селѣ съ тою степенью уваженія, какую онъ заслужилъ въ строю. Однимъ великимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ нравственнымъ побужденіемъ къ отличію будетъ больше для русскаго солдата.

Нѣтъ сомнѣнія, что рекрутъ разовьется несравненно скорѣе между одноземцами, чѣмъ между чужими. Онъ пойдетъ изъ деревни въ полкъ какъ ѣздятъ въ гости отъ отца къ дядѣ. Военная служба окончательно перестанетъ пугать русскаго человѣка. Нравственность людей въ полкахъ улучшится; отъ дурныхъ поступковъ солдата будутъ удерживать уже не старшіе по службѣ, но старшіе по родству и обычаю, которыхъ съ измала онъ привыкъ почитать. Люди станутъ за свой полкъ, какъ стоятъ за свой домъ. Кто же выдаетъ роднаго, кто отстанетъ отъ сосѣда, чтобъ тотъ осрамилъ потомъ передъ братьями и невѣстой? Сравните съ полкомъ такого закала одинъ изъ нынѣшнихъ, приведенный изъ кадровъ на военное положеніе, когда къ 60-ти солдатамъ (изъ которыхъ 30 штрафованныхъ) составляющимъ его основаніе, присоединится на короткое время еще 120, не видавшихъ въ глаза ни этихъ кадровыхъ, ни другъ друга, совершенно равнодушныхъ къ мнѣнію своихъ случайныхъ сотоварищей; возможно ли будетъ увѣрить этихъ людей, что они напримѣръ азовцы и должны стоять за честь полка и его знамени?

Противъ образованія полковъ по участкамъ было выставлено одно, съ виду дѣйствительно полновѣсное, возраженіе. «Полки, составленные изъ инородческихъ населеній будутъ аномаліей въ нашей арміи, въ нихъ возникнутъ всѣ недостатки австрійскаго войска; какъ учить ихъ и командовать ими? притомъ русское войско служитъ главнымъ проводникомъ народности; черезъ нее понемногу русѣютъ иноязычныя племена». Эти возраженія имѣли бы силу, еслибъ русское племя было только главнымъ въ государствѣ, какъ нѣмецкое въ Швейца-

Digitized by Google

ріи; но русское племя не главное только, оно есть *суть* имперіи; все не русское растворяется въ немъ. Съ самаго начала мы оговорили страны, составляющія завоеванія внѣ русской почвы — Финляндію, Царство Польское, Кавказъ. Къ этимъ окраинамъ не применимы ни ополченіе, ни дѣлѣніе на полковые участки. Затѣмъ можно еще назвать два нерусскіе угла— остзейскія губерніи и жмудскіе уѣзды. Но стремленія простаго народа въ этихъ странахъ таковы, что за духъ туземнаго солдата нечего опасаться; стоя въ русской губерніи, подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ, онъ научится по-русски. Наконецъ эти углы, населенные не болѣе какъ двумя съ половиной милліонами жителей, можно исключить изъ общаго положенія и распредѣлять ихъ рекрутъ по полкамъ. Останется еще 62 милліона изъ 64-хъ, къ которымъ это учрежденіе совершенно подходитъ; нечего тормозить столь полезную мѣру изъ за Лифляндской и Ковенской губерній. Въ остальной Россіи, хотя инородцы и разсыпаны клочками, но нигдѣ не составляютъ сплошнаго населенія, нѣтъ ни одного уѣзда, гдѣ бы русское племя не составляло большинства; стало быть не будетъ полка, въ которомъ большинство не состояло бы изъ русскихъ. Меньшинство же, при ничтожномъ племенномъ устоѣ какихъ-нибудь Мордвинъ или Тептярей, на половину уже обрусѣвшихъ, не составляетъ конечно серіознаго препятствія.

Разстоянія также не представляютъ особеннаго затрудненія. Полки, постоянно занимающіе окраину, какъ кавказскіе, пополняются и теперь преимущественно изъ ближайшихъ губерній; въ этихъ же губерніяхъ слѣдуетъ отвести имъ участки. Въ мирное время нѣтъ надобности ставить прочіе; передвижные полки слишкомъ далеко отъ ихъ участковъ. Въ настоящее время очень благоразумно не даютъ полкамъ застаиваться; но для этого достаточно перемѣщать ихъ въ сосѣдній округъ. Еслибъ нужно было переслать людей съ Волги на Вислу, что случается и теперь, то при желѣзныхъ дорогахъ это не трудно. Надо вообще замѣтить: нельзя провести никакого преобразованія, даже самаго настоятельно нужнаго, безъ того, чтобъ при этомъ не возникло многихъ затрудненій; установившаяся вещь всегда кричитъ когда ее ломаютъ. Вопросъ въ томъ, на какой сторонѣ перевѣсъ,—на сторонѣ выгодъ или затрудненій?

Я не думаю, чтобы нужно было доказывать безопасность для общественнаго порядка соединенія одноземцевъ по груп-

Digitized by Google

пам. Этого учрежденія не боится даже разношерстная Австрія, въ которой каждый полкъ имѣетъ свой особенный рекрутскій округъ. Распредѣленіе войскъ по національностямъ даже тамъ не ведетъ за собой не только вредныхъ, но даже сколько-нибудь сомнительныхъ политическихъ послѣдствій. Какія же послѣдствія можетъ оно имѣть при распредѣленіи рекрутъ по уѣздамъ. Развѣ не всѣ русскіе люди въ одинаковой степени слуги Царю и матери Россіи?

На вышеприведенныхъ основаніяхъ переходъ къ военному положенію будетъ совершаться легко, съ соблюденіемъ условій, нужныхъ для хорошаго качества войска. Въ частяхъ возникнетъ тѣсное товарищество, между ними возбудится соревнованіе, обнаружится личность каждой. Это еще не все. Съ какимъ бы то ни было духомъ, масса молодыхъ солдатъ слишкомъ подвержена внезапнымъ впечатлѣніямъ, чтобы быть вполнѣ надежною, если ей не придать болѣе твердый остовъ, если ею не руководятъ зрѣлые, опытные люди, не одни только офицеры; въ офицерахъ заключается умъ части, а не ея нравственная душа; они голова ея, а не сердце. Во всякой арміи, а въ нашей еще несравненно болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, между офицерами и толпой нужны звенья, посредники, пользующіеся ея довѣріемъ. Необходимо поставить опытныхъ руководителей въ головѣ самыхъ мелкихъ подраздѣленій, даже десятковъ. Обучить пѣхоту не долго, была бы голова, къ ней всегда можно придѣлать новый хвостъ, но эта голова не можетъ быть сосредоточена въ маленькомъ кружкѣ начальствующихъ, всѣ плечи въ части должны чувствовать ее на себѣ. Молодой солдатъ не можетъ стать такою головой даже для самой маленькой кучки товарищей, въ немъ нѣтъ обаянія, онъ можетъ только дѣйствовать, а не показывать другимъ что дѣлать. Во фронтѣ необходимы старые унтеръ-офицеры и ефрейторы, пользующіеся авторитетомъ опытности и знанія дѣла.

Объ унтеръ-офицерахъ нечего и говорить; въ нашей арміи въ нихъ заключается вся нравственная основа части. Унтеръ-офицеры, кромѣ своего значенія въ жизни полка и во фронтѣ, должны еще быть инструкторами, обучающими одиночныхъ рядовыхъ, они должны знать свое дѣло въ совершенствѣ, чего нельзя требовать отъ людей, которые сами еще продолжаютъ учиться; а трехъ-лѣтнимъ солдатамъ надо учиться до послѣдняго дня, чтобы быть вполнѣ приготовленными ко времени

Digitized by Google

роспуска. Унтеръ-офицеровъ приходится меньше чѣмъ по одному на десять рядовыхъ, въ этой пропорціи трудно обучать людей скоро и правильно, трудно и присмотрѣть за ними; имъ нужны въ помощники старые солдаты-ефрейторы. Для доброкачественности молодаго войска надобно, чтобы на нѣсколькихъ солдатъ приходился руководитель, всегда стоящій передъ ихъ глазами. Тогда войско представитъ полное соединеніе боевыхъ качествъ: съ одной стороны твердость и хладнокровіе зрѣлости, съ другой—пылкость молодости.

При томъ, чтобъ унтеръ-офицеры и ефрейторы были хороши на сколько возможно, надобно чтобъ они не помышляли объ отставкѣ, какъ о счастливой минутѣ освобожденія отъ тяжелой обязанности, что свойственно всякому солдату; они должны быть воинами не по обязанности только, какъ большинство рядовыхъ, но по духу, по складкѣ вошедшей имъ въ кровь; солдатъ долженъ видѣть въ нихъ образецъ, по которому ему надобно стараться выдѣлать себя. Но человѣкъ тогда только вырабатывается вполнѣ въ духѣ своего званія, когда онъ ничего не ищетъ внѣ его, посвящаетъ ему жизнь; а для этого требуется, чтобъ унтеръ-офицеры и ефрейторы находили въ службѣ удовлетвореніе, необходимое человѣку какъ нравственному существу и знали, что старость ихъ будетъ обезпечена; тогда они останутся на службѣ добровольно, пока позволятъ силы и придадутъ молодымъ полкамъ устой старыхъ дружинъ.

Для пріобрѣтенія этихъ опытныхъ людей есть только одно средство, но вѣрное и легкое—французская система вербовки солдатъ, отслужившихъ свое время. Никто не откажетъ французской арміи въ высокой степени зрѣлости, хотя солдата держутъ тамъ въ рядахъ въ мирное время не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ; несмотря на такую кратковременность дѣйствительной службы, установленіе вербовки солдатъ на второй срокъ придаетъ французскимъ войскамъ несомнѣнный характеръ старыхъ бандъ, ставитъ эту армію такъ высоко. Пруссія не обладаетъ этимъ рессурсомъ, ея вооруженная сила поглощаетъ все населеніе, способное носить оружіе; добыть ветерановъ ей неоткуда. Но въ государствѣ, не вынужденномъ напрягать свои средства до такой степени, имѣющемъ просторъ въ устройствѣ своихъ вооруженій, вербовка солдатъ на вторичную службу, дополняющая нравственно все то, чего не достаетъ молодому войску, должна стать однимъ изъ существеннѣйшихъ основаній

Digitized by Google

военной организаціи. Она принята во Франціи, гдѣ отношеніе вооруженной силы къ населенію составляетъ $^1/_{43}$; у насъ, гдѣ это отношеніе никогда не перейдетъ $^1/_{80}$, существуетъ для нея еще гораздо болѣе простора.

Покуда, при пятнадцатилѣтнемъ срокѣ службы, вербовка рядовыхъ на вторичный срокъ не составляетъ еще у насъ необходимости, хотя во всякомъ случаѣ выгодно замѣнить рекрута обученымъ, обтерпѣвшимся и проникнутымъ духомъ своего званія человѣкомъ, если такой обмѣнъ ничего не стоитъ; но вербовать унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ совершенно необходимо теперь же; каковъ бы ни былъ срокъ дѣйсгвительной службы—3$^1/_2$ года, или 9 лѣтъ, но если только введены въ войскахъ безсрочные отпуски и солдатъ не стоитъ въ рядахъ всю жизнь, какъ было у насъ прежде, нужны мѣры для удержанія въ рядахъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Въ кавказской арміи хорошо извѣстно, до какой степени внезапный выпускъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, объявленный съ окончаніемъ войны, разстроилъ полки нравственно; все что составляло душу полка, внутреннюю основу его, разомъ выбыло вонъ; многихъ полковъ теперь нельзя узнать. Между тѣмъ эта мѣра требовалась справедливостію: нельзя отказать человѣку въ его правѣ за то только, что онъ хорошъ въ своемъ званіи и потому полезенъ. Еслибъ у насъ въ то время были узаконены мѣры для привлеченія къ добровольной службѣ нужныхъ войску людей, можно было бы выпустить не только 15-ти лѣтнихъ, но даже всѣхъ 8 лѣтнихъ, нисколько, не разстраивая полковъ. Рядовые въ пѣхотѣ что волосы на головѣ, ихъ всегда можно отростить вновь; но унтеръ-офицеры и ефрейторы представляютъ тотъ источникъ жизни въ организмѣ, безъ котораго волосы можно только наклеивать, а не отращать.

Пополненіе рядовъ старослуживыми есть не только существенное условіе для качества войскъ, но оно одинаково нужно и для того, чтобъ избавить армію отъ нынѣшнихъ охотниковъ изъ вольнаемныхъ, и для того, чтобы дать каждому гражданину, имѣющему средства, возможность откупиться. Нынѣшнихъ наемниковъ нельзя терпѣть въ войскѣ, на этотъ счетъ всѣ согласны. Кто только видѣлъ какъ въ нашемъ народѣ ставятъ охотника, не можетъ этому удивляться. Въ охотники идутъ безъ исключенія одни пропащіе люди. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ поступленіемъ на службу, эти люди, распоряжаясь по-

703412 A

чти неограниченно кошелькомъ и семействомъ нанимающаго, справляютъ безумную оргію, въ которой они развращается окончательно. Не мудрено, что изъ нихъ выходятъ потомъ не защитники родной земли, а колодники арестантскихъ ротъ, которыя наполняются ими преимущественно. Нанимающій же часто раззоряется до тла и всегда разтраивается. Надо ввести въ эти отношенія законный порядокъ, чтобы всякій гражданинъ могъ откупиться отъ обязательной военной службы безъ затрудненій, внеся опредѣленную закономъ сумму въ рекрутскую кассу. Абсолютно обязательная военная служба можетъ имѣть смыслъ въ Пруссіи, а не у насъ, гдѣ отношеніе служащихъ къ населенію, при величайшемъ развитіи силъ, составитъ не болѣе какъ 1 къ 80. Во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе государственной рекрутской кассы стало необходимымъ и для арміи, и для общества. Русскій простолюдинъ не боится труда да и труда ему на службѣ едвали не меньше, чѣмъ на вольной работѣ; но для него важна цѣна, которую онъ получаетъ за трудъ. Если ему предоставленъ выборъ, то онъ не согласится взять за службу меньше, чѣмъ сколько можетъ получить въ другомъ занятіи. Вышедши на волю унтеръ-офицеру возможно нанятся приблизительно за 8 руб. въ мѣсяцъ, солдату за 5; за эту плату, даже за 6 и 4 руб. они охотно останутся на службѣ, не пользуясь правомъ отпуска. И безъ того съ обращенія нашей арміи изъ крѣпостной въ вольную, стало необходимымъ возвысить служебное положеніе и содержаніе унтеръ-офицеровъ; на счетъ этого всѣ согласны *) на второй срокъ или, по мѣрѣ силъ, хоть на полъ-срока, они могутъ быть завербованы за цѣнность рекрутской квитанціи, въ настоящее время 500 руб., проценты которой зачтутся имъ въ жалованье,

*) Эта вопіющая потребность должна быть покрыта какими бы то ни было средствами. Было бы выгоднѣе даже сократить нѣсколько составъ частей и обратить сбереженіе на добавленіе унтеръ-офицерскаго жалованья. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что батальонъ въ 900 штыковъ съ хорошими унтеръ-офицерами представляетъ большую силу, чѣмъ батальонъ въ 1000 штыковъ съ дурными. На первыхъ порахъ нѣсколько лѣтъ еще унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ можно будетъ удержать на службѣ вѣроятно за меньшее вознагражденіе чѣмъ то, которое показано выше, имѣя въ виду 500 р. капитала обезпечивающаго ихъ старость—(цѣнность рекрутской квитанціи, полученной за вторичную службу) они откажутся отъ безсрочнаго отпуска, замѣняемаго нѣсколькими срочными (унтеръ-офицеры за 60, ефрейторы за 40 р. годоваго содержанія).

Digitized by Google

въ облегченіе казеннаго расхода, а капиталъ пойдетъ за пенсію при отставкѣ. Достаточно вознаграждаемые пока служатъ и обезпеченные подъ старость, наши высшіе нижніе чины посвятятъ жизнь службѣ и станутъ источникомъ военнаго духа для всей арміи. Съ пониженіемъ сроковъ необходимость этой мѣры станетъ чувствоваться еще живѣе.

Нѣтъ надобности удерживать на службѣ полное число этихъ старшихъ людей при части, сокращенной въ одну треть комплекта. Безсрочный отпускъ можетъ быть замѣненъ для желающихъ временными годовыми отпусками, черезъ 2 года на третій. При этомъ будетъ еще та выгода, что армія избавится отъ элементовъ, изъ которыхъ, по неблагонадежности или неспособности, рѣдко выходятъ хорошіе солдаты; напримѣръ, отъ польскихъ горожанъ, отъ евреевъ и пр., которые станутъ откупаться массой, когда имъ предоставятъ возможность необременительнаго выкупа; они понесутъ ту же государственную повинность, только въ другомъ видѣ. Когда этотъ порядокъ выкупа и вербовки старослуживыхъ установится закономъ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ общественной рекрутской кассы и съ безусловнымъ запрещеніемъ ставить вмѣсто себя вольнонаемныхъ охотниковъ, то безъ всякаго сомнѣнія запросъ и предложеніе, съ двухъ сторонъ, примутъ обширные размѣры; не будетъ недостатка ни въ охотникахъ служить вторичный срокъ, ни въ средствахъ къ привлеченію ихъ.

При такомъ порядкѣ вещей, вербовка выслуживающихъ свое время людей на вторичный срокъ должна производиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нужно открыть продажу зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій по опредѣленной цѣнѣ во всѣхъ казначействахъ, а право выкупа предоставить безъ изъятія всѣмъ лицамъ и сословіямъ, чтобы не только отдѣльный человѣкъ, но и общество, городское или сельское, могло пользоваться имъ собирательно, если пожелаетъ. Кромѣ отдѣльныхъ семействъ, найдутся цѣлые классы людей, которые станутъ широко пользоваться этимъ правомъ, напримѣръ евреи. Со втораго года можно будетъ видѣть съ достаточною точностію какіе размѣры приметъ военный выкупъ и опредѣлить количество, въ которомъ должно вербовать отставныхъ. При этой мѣрѣ можно будетъ распространить рекрутскій наборъ на всѣ окраины имперіи и исключительныя населенія, каковы мусульманскія области (кромѣ горцевъ, состоящихъ подъ военнымъ управле-

Digitized by Google

ніемъ), Бессарабія, иностранные колонисты и пр. Если политическія соображенія, болѣе или менѣе основательныя, заставляютъ отказываться въ нѣкорыхъ мѣстностяхъ отъ рекрутскаго набора въ натурѣ, то эти соображенія теряютъ силу съ открытіемъ возможности для каждаго лица и сословія купить по умѣренной цѣнѣ рекрутскую квитанцію. Дарованіе льготы нѣкоторымъ инородцамъ въ несеніи натуральной военной повинности, можетъ-быть, имѣло свои причины; избавленіе ихъ отъ повинности денежной, которую несетъ на себѣ господствующій народъ, не можетъ имѣть никакого основанія.

Нечего говорить о боевомъ и административномъ раздѣленіи войскъ: оно почти тождественно во всей Европѣ. Можно сдѣлать одно только замѣчаніе. Желательно, чтобъ у насъ былъ сформированъ при всѣхъ дивизіяхъ 13-й стрѣлковый батальіонъ, какъ это существуетъ при нѣкоторыхъ. Полковыя стрѣлковыя роты прикрываютъ фронтъ своихъ частей: для этого назначенія онѣ совершенно достаточны, какъ бы ни былъ продолжителенъ бой. Но на войнѣ безпрестанно встрѣчаются случаи, когда стрѣлки нужны спеціяльно, особо, для занятія мѣстности слишкомъ пересѣченной. Оборона такой мѣстности пѣхотнымъ батальіономъ не даетъ достаточнаго числа стрѣлковъ, такъ какъ ихъ приходится 160 на тысячу списочныхъ людей; посылать туда стрѣлковыя роты изъ резерва, значитъ заранѣе отнимать застрѣльщиковъ у батальіона, которому еще придется, можетъ-быть, выдерживать упорный бой; приводить стрѣлковый батальіонъ изъ другой дивизіи, значитъ перепутывать командованіе: корпусный командиръ не долженъ заниматься отдѣльными строевыми единицами. Для подобныхъ назначеній, столь часто требуемыхъ обстоятельствами, нуженъ при дивизіи особый стрѣлковый батальіонъ. Кромѣ того, при обыкновенномъ ходѣ войны, стрѣлки выбываютъ изъ фронта въ большемъ числѣ, нежели люди линейныхъ ротъ, а замѣнить ихъ трудно, такъ какъ эти послѣдніе не учатся стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій. Стрѣлковый батальіонъ при дивизіи довододитъ численное отношеніе застрѣльщиковъ къ массѣ линейной пѣхоты съ одной пятой до одной четвертой, что само по себѣ уже весьма важно.

Digitized by Google

V.

Численность пѣхоты и военно-земское устройство.

Принимая пятилѣтній срокъ службы подъ знаменемъ за нормальный для всѣхъ пѣхотныхъ частей по внутреннему приложенію, при 15-ти годахъ полной обязательной службы, 15 годовыхъ разрядовъ, каждый въ 80 рекрутъ, дадутъ въ совокупности 1200 человѣкъ на батальіонъ; но исключая ежегодно 2% естественной убыли итогъ этотъ составитъ около 1000 челов. Батальіонъ на кадровомъ положеніи будетъ состоять изъ 5-ти младшихъ разрядовъ—400 челов.; самый младшій изъ нихъ—рекруты (80 чел.) будетъ находиться первый годъ въ резервномъ батальіонѣ и на пути, такъ что комплектъ кадроваго батальіона останется какъ и теперь 320 челов., съ убылью 300.

По послѣднему публикованному отчету (за 1865 годъ) численность всей нашей пѣхоты составляла 626.000, въ томъ числѣ пѣхоты дѣйствующей 466.000.

Съ увеличеніемъ нашей арміи до 60 пѣхот. дивизій, численность всей пѣхоты съ мѣстными войсками въ европейской Россіи въ мирное время можетъ быть слѣдующая:

3 гвардейскія дивизіи по мирному положенію какъ и теперь . . .	14.000
4 дивизіи на западной границѣ и 4 кавказскія по военному положенію	104.000
49 дивизій въ кадровомъ составѣ	255.000
Резервы пѣхотные	41.000
Жандармы	30.000
Итого	444.000

Считая на восточной окраинѣ (Сибирь, Оренбургъ, Туркестанъ) 40 т., менѣе противъ нынѣшняго на 142.000. При такомъ сокращеніи въ мирное время наша дѣйствующая пѣхота по военному положенію выставитъ 768.000 штыковъ (по спискамъ) вмѣсто 580.000, которые она выставляетъ теперь.

Сокращеніе на 140 тыс. количества постоянно содержимыхъ войскъ, считая стоимость солдата въ 50 р., составляетъ сбереженіе въ 7 милліоновъ.

На ополченіе нужно 2½ милліона. Полагая также что 30 тыс. жандармовъ будутъ стоить вдвое противъ пѣхоты, это составитъ 1½ мил. лишняго расхода. 10 новыхъ дивизіонныхъ штабовъ

Digitized by Google

(кавказскіе линейные батальіоны имѣютъ уже свое управленіе) и вновь сформированныхъ артиллерійскихъ бригадъ по мирному положенію будутъ стоить ежегодно приблизительно $1^1/_2$ мил. Затѣмъ $1^1/_2$ мил. останутся еще въ экономіи на самыя вопіющія потребности.

Если 480 тыс. ополченцевъ будутъ отвлекаемы на мѣсяцъ отъ производительнаго труда, что по годовому расчету составляетъ 40 т. челов., то 140.000 лишнихъ безсрочныхъ останутся дома; такъ что отвлеченіе отъ труда, не смотря на созваніе ополченія, уменьшится ежегодно на сто тысячъ человѣкъ.

Мы не вводимъ въ этотъ разчетъ многихъ весьма значительныхъ сбережій, которыя окажутся сами собою, какъ только ополченіе станетъ у насъ государственнымъ учрежденіемъ; надобно было бы выставлять гадательныя цифры, такъ какъ военные отчеты у насъ еще не пишутся съ такою подробностію, чтобы можно было видѣть опредѣленно расходъ по каждой статьѣ. Можно однакоже указать два главныя источника сбереженій, которые не замедлятъ оказаться при такомъ порядкѣ вещей.

Очевидно, что съ учрежденіемъ ополченія можно будетъ сильно сократить число нестроевыхъ людей, состоящихъ теперь при арміи. Полагая при каждой дружинѣ по разчету должное количество нестроевыхъ съ переходомъ на военное положеніе всю массу ихъ будемъ имѣть подъ рукой. Нечего сомнѣваться, что съ тесакомъ и въ мундирѣ русскій простолюдинъ будетъ одинаково считать себя ополченцемъ и въ строю и внѣ его. Этими людьми, не требующими приготовленія, а потому и не подлежащими ежегодному сбору, можно будетъ замѣнить: 1) госпитальныя, провіантскія и коммиссаріатскія команды (при огромномъ количествѣ первыхъ, потребномъ на войнѣ, ихъ невозможно составлять исключительно изъ привычныхъ служителей, довольно чтобы главные между ними были подготовлены); 2) рабочую силу крѣпостныхъ артиллерійскихъ гарнизоновъ; 3) фурштатовъ при полкахъ; 4) всѣхъ фурщиковъ (одни артиллерійскіе парки требуютъ большаго числа этихъ людей; съ передѣлкой запасныхъ ящиковъ въ четырехколесные каждый крестьянскій парень можетъ быть фурщикомъ); 5) деньщиковъ. Имѣя полное число нестроевыхъ для военнаго времени, можно вовсе не держать ихъ при полкахъ въ мирное; для исполненія же необходимыхъ нестроевыхъ обязанностей могутъ

Digitized by Google

быть наряжаемы, поочередно, люди изъ фронта, только на-времѣнно поочереди, чтобы солдатъ не отрывался надолго отъ своего прямаго дѣла.

Содержаніе полнаго числа офицеровъ на треть комплекта людей не нужно въ служебныхъ видахъ. Но при этомъ надобно имѣть въ виду двѣ вещи: 1) офицеръ, свободно отдавшійся правительству, долженъ быть обезпеченъ отъ всякихъ случайностей, несмотря ни на какія сокращенія штатовъ. Требуя отъ человѣка, чтобъ онъ выработалъ себя для спеціяльности, необходимой обществу, но отвлекающей его отъ всякаго другаго рода знаній, нельзя сказать ему, пока онъ достойно носитъ свое званіе,—ты больше не нуженъ. Подобный насильственный роспускъ офицеровъ можетъ убить нравственно армію. Стоитъ обратить вниманіе на образъ дѣйствій французскаго правительства въ 1865 году: уменьшая численность ротъ, а потому и офицеровъ въ своей арміи, оно ни одного изъ нихъ не бросило на произволъ судьбы, обезпечило участь каждаго. 2) Если безсрочные солдаты, достаточно обученные, могутъ быть вполнѣ удовлетворительными послѣ продолжительнаго отпуска, то объ офицерахъ нельзя сказать того же: они должны знать гораздо больше, должны слѣдить за развитіемъ военнаго дѣла въ своемъ оружіи; а потому офицеръ, возвратившійся изъ долгаго отпуска, часто окажется много перезабывшимъ и сильно отставшимъ. Для офицеровъ безсрочные отпуски непригодны, но они могутъ быть замѣнены срочными отпусками. Чтобы не содержать напрасно полнаго числа офицеровъ въ кадровой части, лучше всего предоставить трети наличнаго числа ихъ право годоваго, невысчитываемаго изъ службы отпуска, съ половиннымъ содержаніемъ. Подобное установленіе будетъ значительною льготой для высшихъ классовъ и вообще для людей, имѣющихъ какое-нибудь состояніе. Дѣйствительность такой мѣры можетъ оказаться только на практикѣ; но, вѣроятно, найдется значительное число охотниковъ; если оно дойдетъ до предѣла, то содержаніе офицеровъ въ мирное время сократится на одну шестую. Эти отпускные офицеры, призываемые на три недѣли изъ мѣста жительства въ центръ военнаго участка, могутъ служить также важнымъ подспорьемъ для обученія ополченцевъ.

Устанавливая армію на новыхъ основаніяхъ, безъ чего она не будетъ въ состояніи соперничать съ европейскими силами,

Digitized by Google

приходится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только передѣлывать старину, но и совсѣмъ отказаться отъ нея. Не только при дальнѣйшемъ сокращеніи сроковъ службы, но уже теперь, въ настоящую минуту, многое въ нашихъ военныхъ учрежденіяхъ идетъ въ разрѣзъ съ современными потребностями, признанными и закономъ и единогласнымъ мнѣніемъ военныхъ. Таково существующее до сихъ поръ еще въ арміи войсковое хозяйство. Оно состоитъ въ томъ, что, по недостаточности многихъ отпусковъ и излишку другихъ, начальнику части предоставляется въ нѣкоторомъ отношеніи быть ея арендаторомъ, взять на себя ея содержаніе и сводить концы съ концами, посредствомъ солдатскаго труда, какъ онъ знаетъ. Въ подобномъ порядкѣ вещей продолжается старое время, когда солдатъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ правительства и служилъ всю жизнь. Тогда это казалось естественнымъ; при двадцатипятилѣтней службѣ солдата, было возможно много такого, что теперь становится уже затруднительнымъ, а съ окончательнымъ сокращеніемъ сроковъ станетъ невозможнымъ. Въ двадцать пять лѣтъ солдатъ имѣлъ время выучиться всякому ремеслу для казенной потребности и въ то же время могъ основательно узнать службу; еслибы, вмѣсто выправки, его учили тогда прицѣльной стрѣльбѣ, онъ могъ быть и хорошимъ сапожникомъ и отличнымъ стрѣлкомъ. Но теперь, когда приходится выставлять въ поле гораздо большую силу и для того обратить дѣйствующія части въ кадры, черезъ которыя люди только проходятъ; когда эти люди въ срокъ, относительно короткій, должны не только основательно изучить военное дѣло, но проникнуться духомъ его, чтобы потомъ, съ призывомъ къ войнѣ, стать въ ряды настоящими солдатами,—они не могутъ уже быть вмѣстѣ и воинами и полковыми мастеровыми, стрѣлками и портными. Кромѣ того, военное хозяйство отзывается еще множествомъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Изъ-за него выходитъ, что наличность людей въ части, кромѣ дней инспекторскихъ смотровъ, почти невозможно учесть: Богъ знаетъ гдѣ они; что солдаты въ массѣ, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ, обучены весьма недостаточно; что они утрачиваютъ сознаніе своего чисто военнаго призванія и считаютъ себя солдатами только между прочимъ, въ нѣкоторые дни и часы. Я имѣлъ случаи убѣдиться изъ личнаго опыта, повѣряя численность людей въ частяхъ, что вызывая внезапно изъ казармы комплектную роту, показываемую и дѣйствительно

Digitized by Google

находящуюся налицо, дома, иногда нельзя собрать десяти человѣкъ. Люди эти не въ отлучкѣ, къ вечеру ихъ можно всѣхъ поставить въ ряды; они занимаются внѣ казармы какимъ-нибудь хозяйственнымъ дѣломъ. Это значитъ однакоже, что въ этотъ день только 10 человѣкъ могли явиться на военное обученіе; если такой порядокъ продолжается круглый годъ, то солдату въ 12 мѣсяцевъ придется сходить на ученье разъ 20; тутъ не только пятилѣтній, но и десятилѣтній срокъ обученія покажется недостаточнымъ. Конечно, я привелъ крайній случай, но тѣмъ не менѣе очевидно, до какой степени войсковое хозяйство, особенно во многихъ полкахъ, расположенныхъ по окраинамъ, гдѣ оно такъ развито, отвлекаетъ людей отъ прямаго дѣла. Въ 1842 году, кажется, было постановлено французскими палатами, что солдатъ не можетъ быть обязательно употребленъ ни на какую работу, кромѣ обусловливаемой боевыми потребностями, и то лишь тогда, когда часть приведена на военное положеніе. Это рѣшеніе доказываетъ фактъ и безъ того впрочемъ извѣстный, что во Франціи всѣ понимаютъ военное дѣло. У насъ часто выставляютъ противъ совершеннаго уничтоженія войсковаго хозяйства, какъ аргументъ, что иногда оказалось бы затруднительнымъ удовлетворить потребностямъ войска съ подряда. Но въ дѣйствительности мнѣ нигдѣ не случилось видѣть такого затрудненія, даже на окраинахъ. Видѣлъ же я постоянно, что солдата употребляли на работу изъ за воображаемой дешевизны, считая, что такъ какъ онъ уже и безъ того содержится казною, то выгодно произвести его руками за 5 руб. то, что иначе стоило бы 10; выходило, что солдатъ, содержаніе котораго обходится ежегодно въ 50 р., а въ общемъ итогѣ военнаго бюджета въ 150 р., былъ оторванъ отъ семьи и стоилъ правительству такихъ денегъ, не для того, чтобы быть воиномъ (онъ не существовалъ, какъ воинъ), но для того, чтобы выгадать экономію въ 5 руб. Не лучше ли было бы оставить этого человѣка дома, не тратить на его содержаніе 50 руб. и купивъ нужную вещь за 10, сберечь остальные 40. Этотъ примѣръ вовсе не шутка. Положительно *вся* цѣнность солдатской работы находится *всегда* въ такомъ же отношеніи къ казенному расходу на человѣка. Защитники хозяйства (теперь, впрочемъ, ихъ осталось не много) утверждаютъ, что этотъ работающій солдатъ все же состоитъ налицо, и когда нужно, станетъ въ ряды. Но если для обу-

Digitized by Google

ченія солдата нуженъ извѣстный срокъ, то къ этому сроку надобно приложить еще все время, когда онъ работаетъ, а не учится, время, въ продолженіе котораго казна содержитъ его съ тѣмъ выгоднымъ экономическимъ разчетомъ, какъ показано выше. Какъ только хозяйство существуетъ, то происходитъ непремѣнно одно изъ двухъ: или солдата держутъ для работы лишнее время въ рядахъ, или отпускаютъ его домой недостаточно обученымъ (оттого такъ трудно сговариваться съ защитниками нынѣшнихъ сроковъ; утверждая, что въ болѣе короткое время нельзя приготовить солдата, они подразумѣваютъ—и шорника).

Передача распоряженія хозяйствомъ изъ рукъ начальника части въ руки комитета составляетъ весьма незначительную перемѣну. У насъ зло происходитъ не отъ хозяина, а отъ хозяйства. Чтобъ у насъ была истинно боевая армія при относительно короткихъ срокахъ службы, непремѣнно нужно уничтожить даже слѣды военнаго хозяйства, не только пильщиковъ и угольщиковъ, которые понынѣ водятся въ нѣкоторыхъ полкахъ, но всякихъ портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ и проч; надобно кормить, одѣвать и снабжать войско всѣмъ нужнымъ съ подряда, какъ въ другихъ странахъ. Было бы несравненно выгоднѣе, если ужь нельзя сдѣлать иначе, исключить изъ комплекта всѣхъ нынѣшнихъ полковыхъ мастеровыхъ и приложить расходуемыя на нихъ деньги къ содержанію полка. Въ войскѣ хозяйственная работа вредна не сама по себѣ; работа въ мѣру не помѣшала бы солдату заниматься военнымъ дѣломъ какъ слѣдуетъ, при нынѣшнемъ и даже пятилѣтнемъ срокѣ службы; но нельзя допустить ее въ принципѣ. Какъ только работа допущена, она разростается незамѣтно и ее уже невозможно учесть.

При изложенномъ устройствѣ арміи изъ 768 тыс. дѣйствующей пѣхоты (кромѣ инженерныхъ войскъ) въ мирное время 373 тыс. будутъ находиться на службѣ, а около 400 тыс. (395), не многимъ больше половины, у себя дома на родинѣ; какъ только обстоятельства позволятъ сократить число дивизій, находящихся на военномъ положеніи, то эта цифра еще увеличится *). Прилагая къ ней 480 тыс. ополченія выходитъ, что

*) Я не высчитывалъ трехъ гвардейскихъ дивизій особо, принимая ихъ въ общемъ счетѣ 60-ти дѣйствующихъ.

Digitized by Google

изъ 1.248,000 штыковъ, которые Россія можетъ выставить противъ непріятеля, на родинѣ оставалось бы 875 тысячъ, т.-е. $^7/_{10}$. Очевидно, въ такомъ положеніи дѣла попеченіе о людяхъ, распущенныхъ по домамъ, становится столько же важнымъ, какъ и попеченіе о строевыхъ частяхъ; въ мирное время главная часть арміи будетъ жить не подъ знаменемъ, а на родинѣ, въ своихъ рекрутскихъ участкахъ, а потому мѣстное военное управленіе участками потребуетъ большой заботливости. Нужно будетъ не только держать въ совершенномъ порядкѣ списки безсрочнымъ и ополченцамъ, но постоянно исправлять и пополнять ихъ; ополченцевъ надобно ежегодно сортировать, ставить каждаго на свое мѣсто, отдѣлять строевыхъ отъ нестроевыхъ, и наконецъ, ежегодно обучать ихъ.

Комплектованіе всѣхъ частей арміи—инженерныхъ, артиллерійскихъ и всѣхъ необходимыхъ въ мирное время командъ, должно быть включено въ число рекрутъ, выставляемыхъ полковымъ участкомъ. Учрежденіе этихъ участковъ можетъ быть распространено только на части Имперіи совершенно благонадежныя по духу массы (каковы бы ни были шляхетскія сословія), на тѣ части, изъ которыхъ можно безопасно вызывать ополченіе; населеніе таковыхъ областей мы исчислили приблизительно въ 64 милліона. Рекруты неблагонадежныхъ мѣстностей, не подѣленныхъ на участки, должны быть распредѣлены по полкамъ сообразно съ разною пропорціею убыли. Мы исчислили нужныя нашему отечеству силы въ 240 пѣхотныхъ полковъ (кромѣ стрѣлковыхъ батальйоновъ) и 480 земскихъ дружинъ. Такимъ образомъ, на каждый полковой рекрутскій участокъ придется двѣ дружины ополченія, стало-быть населеніе его будетъ 266—267 тысячъ душъ обоего пола: смотря по губерніи два, три или четыре уѣзда. Шестьдесятъ четыре милліона русскаго населенія (за исключеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа, казачьихъ войскъ и кочевыхъ народовъ) подѣлится на 240 полковыхъ рекрутскихъ участковъ. Участку придется выставлять ежегодно рекрутъ и ополченцевъ.

На 3-мъ батальонный полкъ	240
На стрѣлковый батальонъ	20
На прочія части, основываясь на отношеніи численности разныхъ родовъ оружія по отчету 1864 г. (безъ кавалеріи)	80
	340
Ежегодно выставляемый разрядъ ополченцевъ	680
Добавочное число нестроевыхъ къ этому разряду, фурщики, денщики,	

Digitized by Google

рабочая сила разныхъ вѣдомствъ, госпитальныя и другія команды, и нестроевые всѣхъ видовъ, считая приблизительно общее количество, кромѣ содержимаго въ мирное время, въ 80 тыс. 110

Итого 792

Для избѣжанія излишней сложности мы не вычли изъ каждаго разряда соотвѣтственный процентъ рекрутъ, падающій на окраины, которыя не могутъ быть подѣлены на мѣстные участки. Процентъ этотъ составляетъ, приблизительно $^1/_{12}$, а потому ежегодно число рекрутъ съ участка надобно считать только 315.

На 133,000 душъ мужескаго пола, считая тутъ всѣ классы общества, ежегодно будетъ вызываться 315 рекрутъ, т.е. $2^2/_5$ на тысячу душъ, а ополченцевъ, свободно располагающихъ своею жизнію въ мирное время, безъ малаго 6 на тысячу. Численность солдатъ на участокъ 4,850 (немного менѣе 28 на 1,000 душъ м. п.) изъ нихъ въ отсутствіи около половины (считая гвардію, 8 пѣхотныхъ дивизій и войска восточной окраины въ высшихъ комплектахъ) ополченцевъ строевыхъ 2,000, а нестроевыхъ 330. Все количество людей въ участкѣ, служащихъ или подлежащихъ призыву 7,180, а на тысячу душъ м. п. не много менѣе 54-хъ.

Обученіе рекрутъ и ополченцевъ должно быть ввѣрено резервнымъ войскамъ. Съ раздѣленіемъ государства на рекрутскіе участки и образованіемъ земскаго войска резервныя войска нельзя будетъ группировать батальіонами. Не слѣдуетъ на долго отзывать изъ дома людей, которымъ предоставлено содержать себя собственнымъ трудомъ. Въ мѣстахъ, рѣдко населенныхъ, гдѣ поэтому участокъ растянется на обширное пространство, будетъ даже трудно собирать людей въ одинъ центральный пунктъ, придется назначить два сборныя мѣста. Такихъ участковъ, впрочемъ, будетъ немного. Сзывать же ополченіе къ батальіону изъ цѣлой губерніи, или хоть изъ значительной части ея пространства, оказалось бы невозможнымъ. При такомъ устройствѣ резервныя войска надобно разставить по-ротно, по одной ротѣ въ каждомъ участкѣ, что дастъ 240 ротъ.

Управленіе полковымъ участкомъ должно быть сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Начальники участковъ замѣнятъ въ этомъ случаѣ нынѣшнихъ губернскихъ военныхъ начальниковъ. Обязанность ихъ будетъ очень важная, такъ какъ на нихъ ля-

Digitized by Google

жетъ, кромѣ всѣхъ заботъ этихъ послѣднихъ, еще сортированіе и устройство ополченія. При однородномъ составѣ полковъ изъ одноземцевъ, между полкомъ и его рекрутскимъ участкомъ, не только безсрочными участка, но и ополченіемъ его, возникнетъ тѣсная связь; распоряженія, совершаемыя въ одномъ, будутъ отзываться на другомъ; качества начальника участка получатъ такимъ образомъ новое, весьма важное нравственное значеніе, котораго не имѣютъ теперь губернскіе начальники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военно-административная децентрализація будетъ доведена до своего естественнаго предѣла. Лучшимъ, относительно, начальникомъ участка можетъ быть, безъ сомнѣнія, хорошій штабъ-офицеръ изъ полка, выставляемаго участкомъ; полкъ, сформированный изъ одноземцевъ, будетъ имѣть свой оттѣнокъ; сжившись съ этими людьми въ полку, начальникъ пойметъ ихъ и на родинѣ.

Нельзя устроить ополченіе не раздѣливъ землю на дружинные участки. Для качества полковъ, пополняемыхъ при комплектованіи массою новыхъ людей, по моему крайнему убѣжденію, необходимо присвоить каждому полку постоянный рекрутскій участокъ. Обѣ эти потребности сливаются въ одну. Кто нибудь долженъ въ мирное время завѣдывать ополченіемъ, вести ему списки, распредѣлять людей, обучать ихъ; для ополченія надобно устроить какое-нибудь управленіе по дружинамъ. Содержаніе этого управленія потребуетъ расходовъ, независимо отъ нынѣшнихъ военныхъ губернскихъ управленій. Гораздо удобнѣе соединить то и другое въ однѣхъ рукахъ, раздѣлить землю на участки, изъ которыхъ каждый будетъ выставлять пѣхотный полкъ, двѣ дружины ополченія и все пропорціональное число рекрутъ нужныхъ для другихъ оружій. При распредѣленіи въ эти участки пѣхотныхъ резервовъ, по-ротно, всѣ средства для сформированія, снаряженія и обученія войскъ на мѣстѣ окажутся подъ рукою. Наборъ въ одномъ участкѣ свяжетъ нравственно ополченіе съ войскомъ, безъ чего послѣднее осталось бы отрѣзаннымъ ломтемъ; преданіе, духъ и современные военные взгляды не имѣли бы доступа къ нему; набираемое же въ одномъ участкѣ съ полкомъ, изъ одноземцевъ, принимая въ себя многіе элементы своего полка, какъ напр. отставныхъ унтеръ-офицеровъ, ополченіе станетъ его отраженіемъ. Главное затрудненіе съ ополченіемъ—не ограничиваясь одной доброй волей, влить въ него военный духъ, будетъ устранено

Digitized by Google

въ зародышѣ. Если понадобится усилить составъ полковъ, то при такомъ устройствѣ можно придать полку одну или обѣ его дружины, съ полною увѣренностію, что черезъ самое короткое время онѣ будутъ не хуже постоянныхъ батальіоновъ, съ которыми сведены; чего вовсе нельзя ждать, если между полкомъ и дружиной нѣтъ нравственной связи. Одна эта возможность, создавать для дѣйствующей арміи четвертые и пятые батальіоны, съ достаточною надеждою, что они окажутся хорошаго качества, заслуживаетъ, чтобъ на нее было обращено вниманіе.

240 мѣстныхъ управленій будутъ стоить дороже нынѣшнихъ губерніяхъ, но не слишкомъ, потому что, при маломъ протяженіи районъ, имъ можно дать самые ограниченные штаты. За то военное управленіе будетъ дѣйствительно децентрализовано: каждый начальникъ военнаго участка станетъ завѣдывать дѣломъ вполнѣ опредѣленнымъ и однороднымъ, а въ этомъ главное. Полкъ и дружины его составятъ въ сущности одно цѣлое; въ большей части участковъ не окажется много пересылочныхъ людей. Человѣкъ тогда только занимается дѣломъ основательно, когда можетъ на немъ сосредоточиться; между тѣмъ у нынѣшняго губернскаго начальника сто дѣлъ на рукахъ, и какое главное изъ нихъ, онъ самъ не знаетъ. Мѣста начальниковъ военныхъ участковъ будутъ хорошею наградою штабъ-офицерамъ не боевымъ, которымъ по этому никакъ не слѣдуетъ давать полковъ, но тѣмъ не менѣе знающимъ службу и полезнымъ,—такихъ много, также раненымъ. Если когда-нибудь русскія военныя силы станутъ слагаться правильно въ самомъ своемъ зародышѣ, въ народѣ, изъ котораго онѣ почерпаются, то онѣ сложатся такимъ образомъ только въ ограниченныхъ, однородныхъ, даже въ военномъ отношеніи, участкахъ.

Digitized by Google

VI.

Конница.

До сихъ поръ я не упоминалъ о кавалеріи и не исчислялъ рекрутъ, потребныхъ для этого рода оружія, наравнѣ съ другими. Еслибы дѣло шло о западно-европейскихъ арміяхъ, такое обособленіе было бы неумѣстнымъ; тамъ нѣтъ для кавалеріи другаго источника, кромѣ одного общаго рекрутскаго набора. Но когда дѣло идетъ о Россіи, вопросъ о кавалеріи, полагаю, можетъ быть поставленъ отдѣльно.

Въ настоящее время вѣковѣчное понятіе о боевомъ значеніи кавалеріи нѣсколько расшаталось. Въ послѣднихъ войнахъ она дѣйствительно не играла большой роли; ей не было мѣста на изрытыхъ оврагами окрестностяхъ Севастополя и на затопленныхъ равнинахъ Италіи; въ прусско-австрійской войнѣ произошла всего только одна значительная кавалерійская атака,— въ послѣдній часъ Кенихгрецкаго сраженія, доставившая пруссакамъ сто непріятельскихъ пушекъ и множество плѣнныхъ. Всѣ другія атаки не достигали цѣли; мѣткій огонь нарѣзныхъ ружей постоянно отбивалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что безъ кавалеріи армія была бы парализована, олицетворила собой басню льва побѣжденнаго комаромъ. Безъ кавалеріи нельзя ничего знать о непріятелѣ, стало-быть нельзя правильно распоряжаться дѣйствіями; невозможно жить на счетъ страны, такъ какъ пѣхота слишкомъ утомляется переходомъ, чтобъ ее можно было посылать далеко въ сторону для фуражировки—пришлось бы возить съ собой нескончаемые обозы, какъ въ семилѣтней войнѣ, то-есть обратить армію въ черепаху; безъ кавалеріи невозможно разбить непріятеля, можно только овладѣть полемъ сраженія, предоставляя противнику перейдти на другую удобную для него позицію; только кавалерія способна воспользоваться неожиданностію, накрыть врага, когда онъ почему-нибудь не готовъ насъ встрѣтить; наконецъ, лишь съ помощію кавалеріи можно маскировать свою игру, задержать на нѣкоторое время превосходныя силы непріятеля и развлечь его вниманіе. Хорошая пѣхота въ силахъ только осуществить раз-

Digitized by Google

четы полководца, хорошая же кавалерія можетъ внезапно совершить то, на что полководецъ не смѣлъ и разчитывать.

Вотъ, между прочимъ, примѣръ того, что значитъ побѣда, довершенная кавалеріей и побѣда не довершенная ею. Въ сраженіяхъ послѣдней турецко-азіатской войны, при смѣшной несоразмѣрности силъ, имѣя дѣло съ хорошо-вооруженнымъ и устроеннымъ противникомъ, мы должны были биться безъ резервовъ; войскъ едва доставало на первую линію; всѣ они рѣзались въ рукопашную, а потому, къ концу дня, бывали такъ истомлены, что еле двигались, кавалерія же болѣе всѣхъ. Преслѣдовать непріятеля было не съ чѣмъ. Оттого въ сраженіи при Вашъ-Кадыкларѣ мы взяли только девять плѣнныхъ; непріятель, выйдя изъ подъ огня, могъ спокойно отступить. Но въ сраженіи при Кюрукъ-Дара, въ которомъ войска были истомлены еще сильнѣе, такъ какъ бой продолжался долѣе, къ концу дня нашлось нѣсколько свѣжихъ сотенъ мѣстной татарской милиціи, свѣжихъ оттого, что ихъ держали внѣ огня, по негодности; эта, ни къ чему не способная конница, устремленная въ минуту отступленія турокъ на ихъ лѣвое крыло, привела $2^1/_2$ тысячи плѣнныхъ и довела преслѣдуемое крыло до того, что оно разсыпалось куда глаза глядятъ, между тѣмъ какъ центръ и правое крыло турокъ, понесшіе гораздо большую потерю въ сраженіи, отступили въ порядкѣ.

Безъ конницы нигдѣ нельзя воевать, даже въ самой пересѣченной мѣстности: доказательство—наши кавказскія экспедиціи; на открытыхъ же поляхъ средней Европы, отъ Вислы до Рейна, составляющихъ историческій военный театръ міра, нужна многочисленная конница. Но конница отличается отъ другихъ родовъ оружія тѣмъ, что она не терпитъ посредственности. Въ пѣхотѣ хорошее вооруженіе и воодушевленіе замѣняютъ въ значительной мѣрѣ опытность; въ артиллеріи усовершенствованныя орудія и на каждое четыре знающіе свое дѣло нумера, даютъ уже удовлетворительное войско; но конница, пока человѣкъ не сросся съ лошадью до такой степени, что четыре конскія ноги обращаются для него въ свои собственныя, принесетъ мало пользы въ дѣлѣ; самая отчаянная храбрость кавалериста, который, сѣвъ въ сѣдло, не чувствуетъ себя четвероногимъ центавромъ, то же что храбрость тронутаго параличомъ пѣхотинца. Даже этого мало сказать. У кавалериста должна выдѣлаться кавалерійская душа; разсудокъ у него дол-

Digitized by Google

женъ быть въ глазѣ: метнулъ взоромъ и рѣшилъ, вспыхнулъ какъ порохъ и уже расшибъ или самъ расшибся; совсѣмъ не то что пѣхотинецъ, котораго дѣло долбить камень какъ дождевая капля и все таки продолбитъ. Но откуда взять такихъ людей или, лучше сказать, какъ узнать ихъ? ибо въ дѣйствительности такія личности бываютъ.

Не имѣя для того нравственной мѣрки, всего удобнѣе группировать людей по породамъ. Наслѣдственность запечатлѣвается въ людяхъ и душевно, и тѣлесно. Какая-нибудь особенность въ жизни извѣстной расы или группы людей въѣдается даже въ духовный складъ человѣка, и хотя не каждая личность вполнѣ олицетворяетъ ее въ себѣ, но вся группа, въ массѣ, дастъ гораздо больше процентовъ этого особеннаго качества, чѣмъ другая группа. Такимъ образомъ, наша кавалерія формировалась преимущественно изъ Малороссіянъ, которые у себя держатъ мало лошадей, ѣздятъ всегда на волахъ; а между тѣмъ, въ массѣ, изъ нихъ выходитъ больше хорошихъ кавалеристовъ, чѣмъ изъ другихъ русскихъ породъ. Чему это приписать, какъ не тому, что если нынѣшніе малороссіяне давно уже не казаки, и въ домашнемъ быту мало обращаются съ лошадьми, то все же они потомки казаковъ, все же осталась въ нихъ казачья жилка и часть отцовской закваски.

Съ тѣхъ поръ какъ европейская конница не состоитъ уже исключительно изъ дворянъ, ее пришлось волей-неволей набирать изъ мужиковъ, формировать искуственно. Но въ Европѣ этотъ недостатокъ восполняется отчасти качествомъ кавалерійскихъ офицеровъ: кромѣ французскихъ, они вездѣ, почти поголовно, изъ дворянъ хорошихъ родовъ; европейское же дворянство, не только по происхожденію, но и по воспитанію, составляетъ до сихъ поръ природную кавалерію; она сызмала пріучается къ тонкой верховой ѣздѣ и къ владѣнію оружіемъ, и вноситъ въ конницу, въ возможной мѣрѣ, коренной духъ этого оружія. У французовъ врожденная запальчивость характера способствуетъ качеству кавалеріи, хотя, вообще, они не отличные ѣздоки. Совсѣмъ тѣмъ искуственная европейская конница всегда пассовала передъ природною конницей, когда та была хорошо воспитана. Какъ только показались по сю сторону Балкановъ турецкіе спаги (всадники прирожденные), знаменитая австрійская кавалерія приняла въ обычай встрѣчать ихъ не атакой, а оглемъ: до такой степени опытъ научилъ ее

Digitized by Google

не полагаться на коня и на саблю, имѣя дѣло съ турками; съ другой стороны, венгерскіе гусары, не смѣвшіе сходиться со старинною турецкою конницей, но все-таки превосходившіе наѣздничествомъ мужиковъ другихъ армій, насильно посаженныхъ на коней, считались первою кавалеріей въ Европѣ и относительно, заслуживали свою славу. Но венгерцы давно уже обратились изъ полу-варварскаго коннаго народа въ обыкновенныхъ бюргеровъ и земледѣльцевъ. Во время египетскаго похода, французская кавалерія, несмотря на преимущества регулярнаго строя, никогда не могла устоять противъ мамелюковъ; тѣ подавались передъ ея атакой, но сейчасъ же обхватывали ее съ фланговъ и уничтожали въ одиночномъ бою. Нѣтъ сомнѣнія, что при равныхъ условіяхъ, прирожденный всадникъ на конѣ, всегда побьетъ всадника случайнаго. Но надобно, чтобъ условія были равны, чтобы лошади были также сильны, оружіе одинаково хорошо, и чтобы фронту не противопоставлялась безпорядочная толпа; а главное, нужно, чтобы были равны нравственныя понятія; если съ одной стороны строгая дисциплина и духъ военной чести заставляетъ каждаго человѣка лѣзть прямо на все, куда его ни поведутъ, а съ другой отдѣльному всаднику не будетъ вмѣняться въ безчестіе, если онъ ускачетъ съ поля, или станетъ отстрѣливаться издали, то, разумѣется, первая сторона возьметъ верхъ, хотя бы на первыхъ порахъ; тутъ надо сравнивать не блестящій строй съ оборванною и вольною толпой, а людей съ людьми. Мюратъ могъ говорить „je charge les cosaques à coups de cravache; таково же было отношеніе нашихъ драгунъ,—впрочемъ только нижегородцевъ и сѣверцевъ,—къ горцамъ; но въ одиночку никогда французскій кавалеристъ не стоилъ казака. Когда же эти казаки были дисциплинированы, они врѣзывались въ мюратовскую кавалерію, какъ ножъ въ масло, какъ доказала лейпцигская атака Орлова-Денисова.

Въ Россіи конская порода разнообразнѣе и отчасти пригоднѣе для кавалерійской службы, чѣмъ гдѣ нибудь въ Европѣ, кромѣ Англіи, а главное, гораздо дешевле. При такомъ обиліи, у насъ легче формировать конницу, по крайней мѣрѣ легче снабжать ее лошадьми. Несмотря на то существуетъ фактъ, который я долженъ высказать, независимо отъ своего личнаго сужденія: въ Европѣ наша кавалерія не пользуется репутаціей. Европейскіе офицеры отдаютъ полную справедливость нашей

Digitized by Google

пѣхотѣ и артиллеріи, хотя, при послѣдней встрѣчѣ, русская пѣхота была далеко не тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть; но они низко цѣнятъ нашу кавалерію. Еслибы въ такомъ мнѣніи и была тѣнь правды, оно бы не было обидно для русской націи, во-первыхъ, потому что и у римлянъ, перваго войска въ исторіи, покорившаго міръ, была также плохая конница; во вторыхъ, потому что наша военная организація составляла до послѣдняго времени только подражаніе, пересадку чужихъ образцовъ, часто къ намъ не подходившихъ, и даже теперь только-что выходитъ изъ колыбели; качество конницы, скопированной съ пруссаковъ, ничего не доказываетъ относительно того, чѣмъ можетъ быть настоящая русская конница, сама по себѣ. Подобное мнѣніе не можетъ быть обиднымъ и потому, что оно нисколько не касается храбрости людей. Самый храбрый человѣкъ можетъ оказаться на конѣ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ въ водѣ храбрецъ, не умѣющій плавать. Самый же фактъ, что подобное мнѣніе о нашей кавалеріи распространено въ Европѣ, и распространено безъ исключеній, не подлежитъ сомнѣнію.

Въ нашей военной исторіи есть примѣры, въ нашей арміи есть полки, опровергающіе подобное сужденіе; но тѣхъ и другихъ не много. Мало было кавалерійскихъ атакъ, которыя могли бы сравниться съ атакой кирасирскаго принца Алберта, полка на Гроховомъ полѣ; можетъ-быть, въ свѣтѣ нѣтъ конницы равной Нижегородскому драгунскому полку и выдѣлившемуся изъ него Сѣверскому; по крайней мѣрѣ можно сказать вѣрно то, что нижегородцы никогда не были отбиты въ атакѣ ни на пѣхоту, ни на конницу, что полкъ этотъ никогда не считалъ непріятеля, что взводъ нижегородцевъ бросался одинаково и на сто, и на тысячу враговъ, какъ только ихъ видѣлъ,—далѣе этого кавалерія не можетъ идти. Но для такой выдѣлки людей имъ нужно было проводить жизнь верхомъ и на войнѣ. Вопросъ не въ томъ, до какой степени совершенства можетъ дойти русскій кавалеристъ—онъ можетъ дойти до всякой степени—а въ томъ, чѣмъ онъ становится обыкновенно, каковъ бываетъ средній продуктъ элементовъ, изъ которыхъ составляется наша кавалерія, и укоренившейся у насъ системы ея воспитанія. Въ этомъ отношеніи едва ли можно опровергнуть фактами европейское мнѣніе объ ней.

Примѣръ двухъ или нѣсколькихъ отличныхъ полковъ, развившихся въ особенныхъ обстоятельствахъ, примѣры нѣсколь-

Digitized by Google

кихъ блестящихъ атакъ не могутъ установить репутацію цѣлаго рода оружія. Относительно же нашей кавалеріи надобно замѣтить слѣдующее. Въ исторіи другихъ армій, пѣхота и кавалерія постоянно соперничаютъ между собой; на долю той и другой выпадаетъ одинаковое число подвиговъ, которыми потомъ гордится народъ. У насъ это не такъ. Невозможно перечесть подвиговъ нашей пѣхоты, каждое сраженіе представляетъ величайшіе примѣры и ея стойкости, и сокрушительности ея удара; между тѣмъ подвиги нашей кавалеріи можно перечесть по пальцамъ. Съ Петра Великаго и до настоящей поры не появилось ни одного русскаго кавалерійскаго генерала съ европейскимъ именемъ, подобнаго Мюрату, Зейдлицу, и другимъ. То же самое было у римлянъ: ни одного славнаго кавалерійскаго генерала на сотни именъ генераловъ пѣхотныхъ. Между тѣмъ исторія нашей кавалеріи изобилуетъ эпизодами, не говорящими въ пользу ея качествъ или ея воспитанія. Несмотря на то, что въ Россіи можно найдти лучшія породы лошадей, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, изъ турецкой войны 1828—1829 годовъ цѣлыя дивизіи возвращались пѣшкомъ, такъ какъ кони ихъ не выдержали похода; конно-егерскія дивизіи были расформированы за слишкомъ неудачныя дѣла противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году; въ Крыму наша кавалерія также не блистала. Не мудрено, что въ Европѣ составилось не совсѣмъ выгодное понятіе о ней.

Во время владычества фридриховской школы качество всей нашей арміи стояло ниже ея дѣйствительной способности. Пѣхота послѣ того сильно поправилась; тѣ же усилія были приложены и къ кавалеріи. Но, надобно замѣтить, чѣмъ родъ оружія сложнѣе, тѣмъ труднѣе его исправленіе, особенно если недостатки его застарѣлые. Кавалерія же наша испоконъ-вѣку, по крайней мѣрѣ во мнѣніи Европы, стояла ниже пѣхоты. Во время италіянскаго суворовскаго похода, когда кастильіонскіе и риволійскіе полки французовъ постоянно подавались передъ натискомъ очаковскихъ гренадеръ, кавалерія, съ такимъ стараніемъ обучаемая Суворовымъ, далеко не стяжала той же славы. Историки той войны, единогласно признавая тогдашнюю нашу пѣхоту несокрушимою, легко отзываются о нашей кавалеріи. Невѣрная вѣковая система воспитанія, односторонній и условный взглядъ на дѣло, застарѣвшіе въ такомъ сложномъ родѣ оружія, какъ кавалерія, мало позволяютъ надѣяться на

Digitized by Google

скорое исправленіе. Десять лѣтъ тому назадъ фальшивость взгляда на военное дѣло, истекавшая изъ того, что на войско смотрѣли постоянно съ плацъ-парадной точки зрѣнія, была у насъ также сильна въ пѣхотѣ какъ и въ конницѣ; но въ первой послѣдовавшія реформы значительно вытравили ее; въ кавалеріи она еще крѣпко держится. Въ то время, когда у насъ подпиливали на ружьяхъ гайки, для звучности пріемовъ, въ глазахъ начальниковъ, что бы они ни говорили, ружье было не оружіе, а машина издающая пріятное бряцанье при пріемѣ. Въ нашей пѣхотѣ найдутся еще люди, которымъ въ глубинѣ души, пріятно подобное опредѣленіе ружья; но нѣтъ ни одного, который бы рѣшился выговорить вслухъ свою старозавѣтную мысль; въ кавалеріи же до сихъ поръ нипочемъ и думать, и говорить, что лошадь нужна солдату не только для атаки непріятеля, но и для показа передъ начальствомъ на смотру, что ее должно расцѣнивать съ этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія. У насъ еще тьма кавалеристовъ, для которыхъ качества лошади имѣютъ совершенно условное значеніе, точно какія-нибудь модныя серги, цѣнимыя по фасону; чистокровный англійскій или арабскій конь имъ не по вкусу, имъ нравится искуственная лошадь, какъ прежде нравился искуственный пѣхотинецъ. Но произвольно-искусственной кавалеріи не бываетъ на свѣтѣ, качество всадника развивается по качеству лошади. Извѣстенъ афоризмъ: скажите мнѣ какихъ лошадей вы мнѣ дадите, я вамъ скажу какую я могу образовать кавалерію. На пряничномъ конькѣ формируется пряничный всадникъ. Фридриховская школа сидитъ въ нашей кавалеріи такъ глубоко, что ее не вытравишь и въ двадцать лѣтъ.

Разъ я встрѣтился съ однимъ англійскимъ офицеромъ, заѣзжавшимъ когда-то въ Петербургъ, кавалеристомъ, какими бываютъ только англичане, и глубочайшимъ знатокомъ лошадей. Онъ видалъ наши ученія и говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ: „ахъ, какая у васъ есть кавалерія!“ Какъ подобаетъ русскому, я тоже возгордился нашею кавалеріей и сталъ ему пересчитывать лучшіе гвардейскіе полки. Мой англичанинъ съ нетерпѣніемъ пожималъ плечами и наконецъ сказалъ: „ну что вы говорите о мужикахъ, съ трудомъ обученныхъ верховой ѣздѣ! Развѣ у насъ такъ ѣздятъ? И чѣмъ бы я сталъ тутъ восхищаться? Нѣтъ, у васъ есть дѣйствительно несравненная кавалерія, только не эта; но ваши лейбъ-казаки, вашъ атаман-

Digitized by Google

скій полкъ, линейцы и черкесы! Это не люди верхомъ, а центавры. До чего бы мы довели такіе кавалерійскіе элементы, еслибъ они у насъ были.

Англичанинъ правъ. Разница между естественнымъ и обученнымъ кавалеристомъ бросается въ глаза. Въ искуственномъ кавалеристѣ сейчасъ видно, что между имъ и его конемъ нѣтъ ничего общаго, что они сведены случайно и не пригнаны одинъ къ другому. Между тѣмъ какъ естественный кавалеристъ не есть только всадникъ; онъ всадникъ выработанный извѣстною породою лошадей. Въ этомъ отношеніи донской казакъ, линеецъ и кудръ—три совсѣмъ разные типа ѣзды; они ѣздятъ совсѣмъ инымъ образомъ, хотя одинаково превосходно въ томъ смыслѣ, что не только совершенно владѣютъ конемъ, но даютъ своею ѣздой развиться всѣмъ его природнымъ качествамъ; прочее у нихъ все различно. Такой ѣздокъ, сидя на конѣ, не думаетъ о немъ, конь составляетъ продолженіе его собственнаго тѣла; съ другой стороны, лошадь его служитъ больше и лучше, чѣмъ служила бы подъ другимъ всадникомъ, ни одно качество ея не пропадаетъ даромъ. Въ кавалеріи быстрота удара составляетъ три четверти дѣла. Взгляните на любую европейскую кавалерію (кромѣ англійской), и сравните самую быструю ея скачку не съ одиночкой, а съ такою же строевою скачкой, напримѣръ, казаковъ; вы увидите настоящій разлетъ только у вторыхъ; скачка искуственной кавалеріи покажется вамъ сравнительно лишь ускореннымъ галопомъ. Посмотрите также на снаряженіе тѣхъ и другихъ: казакъ имѣетъ при себѣ все нужное, какъ и регулярный кавалеристъ, но во сколько его сбруя и сѣдловка легче, и главное, во сколько онѣ лучше прилажены къ лошади, хотя за пригонкой ихъ не сидѣлъ цѣлый ученый комитетъ. Но если вы хотите видѣть разницу между тою и другою кавалеріей во всемъ ея объемѣ, возьмите ихъ въ походѣ, послѣ усиленныхъ переходовъ и многихъ лишеній; казачьи лошади, несущія двойную службу, будутъ во всей своей силѣ, онѣ втянутся въ трудъ, къ тому времени, когда часть европейской кавалеріи пойдетъ уже пѣшкомъ, а другая часть потеряетъ половину своей быстроты и силы отъ утомленія коней. Самая обыкновенная вещь въ европейской войнѣ,—бездѣйствіе на полѣ сраженія части кавалеріи, утомленной передъ тѣмъ усиленными переходами, состояніе, до котораго никогда не доходили наши казаки. Въ военной наукѣ образова-

Digitized by Google

лась даже присказка, что задача состоитъ не въ томъ, какъ употребить кавалерію противъ непріятеля,—занятіе для нея всегда найдется,—а какъ довести ее до поля сраженія. Выносчивость же кавалиріи зависитъ сколько отъ качества лошади, столько же и отъ качества всадника. Соединеніе того и другаго даетъ конницу, насчетъ которой не возникаетъ уже вопроса, какъ довести ее до непріятеля.

Есть факты самые положительные, о которыхъ нельзя говорить нашимъ кавалеристамъ: они сочтутъ ихъ за шутку; въ этомъ я убѣдился личнымъ опытомъ. Сюда принадлежатъ стоверстные переходы, совершенные много разъ нижегородскими эскадронами на ихъ донскихъ коняхъ, въ то время когда они гонялись за шайками Гаджи Мурата; набѣги скопищъ хоть Шуаибъ Муллы, или того же Гаджи-Мурата, пробѣгавшихъ, съ тысячью и болѣе всадниковъ, по полтораста и до двухъ сотъ верстъ въ сутки; ежедневныя посылки казачьихъ конныхъ гонцовъ, за многія сотни верстъ, на перемѣнныхъ почтовыхъ лошадяхъ. совершаемыя съ быстротой фельдъ-егеря (эти скачки, подобныя скачкамъ черной охоты, совершаетъ не какой нибудь наѣздникъ, а первый встрѣчный казакъ). Понятно, что этимъ вещамъ не вѣрится въ регулярной, не-кавказской кавалеріи; онѣ не подъ силу обученнымъ манежной ѣздѣ крестьянамъ. Но въ этомъ случаѣ добросовѣстность заставляетъ признать истину, что послѣдній казакъ, какъ ѣздокъ, далеко превосходитъ перваго регулярно кавалерійскаго ординарца.

Европейскія государства не имѣютъ и никогда не имѣли особой породы людей, которую бы они могли назначать исключительно въ кавалерію; они были вынуждены необходимостію формировать своихъ всадниковъ искуственно. Такая порода людей существовала только въ Австріи, въ лицѣ мадьяровъ, шеклеровъ и сербовъ, и Австрія пользовалась своимъ преимуществомъ сколько было возможно; вся ея легкая кавалерія состояла изъ природныхъ всадниковъ и вслѣдствіе того справедливо слыла первою европейскою конницей, пока, съ теченіемъ времени, эти прирожденные кавалеристы не обратились въ обыкновенныхъ горожанъ и крестьянъ. Австрійское военное управленіе не собирало своихъ всадниковъ нестройною толпой, не оставляло ихъ въ видѣ иррегулярной конницы, вслѣдствіе того только, что эти люди ѣздили не поманежному; оно отлично пони-

Digitized by Google

мало, что въ бою сомкнутый строй придаетъ кавалеріи чрезвычайную силу; оставляя неприкосновеннымъ то, что наѣздники эти знали лучше всякаго берейтора, верховую ѣзду, оно учило ихъ тому, чего они не знали—сомкнутому строю. Пока австрійское военное министерство имѣло подъ рукой природные кавалерійскіе элементы, ему и въ голову не приходила мысль формировать, рядомъ съ ними другую, искуственную легкую кавалерію изъ крестьянъ кой-какъ обученныхъ верховой ѣздѣ.

Относительно богатства, разнообразія и качества военныхъ элементовъ, Россія составляетъ цѣлый міръ. Нѣтъ, кажется, въ свѣтѣ такого источника военнаго могущества, даже такого оттѣнка его, которыми бы наше отечество не было одарено: въ нашихъ предѣлахъ сосредоточены въ громадныхъ размѣрахъ всѣ боевыя спеціальности, разсѣянныя по разнымъ государствамъ; но только всѣ эти природные матеріалы у насъ еще недовольно разработаны и примѣнены къ дѣлу. Подчиненныя Россіи кавалерійскія населенія составляютъ нѣсколько милліоновъ душъ не то, что австрійскія. Кромѣ организованныхъ войскъ: донскаго, кубанскаго, терскаго, уральскаго, оренбургскаго и сибирскаго, въ этотъ счетъ входятъ — половина Кавказа и всѣ кочевые и полукочевые народы. У насъ никогда не могло бы возникнуть вопроса: изъ кого формировать кавалерію? — еслибы въ продолженіе полутора вѣка Россія не жила такою подражательною жизнію. Было бы понятно, еслибы съ рожденіемъ русской регулярной арміи у насъ была сформирована искуственно тяжелая конница — кирасиры, единственный видъ кавалеріи, насчетъ котораго могъ возникнуть вопросъ, такъ какъ вполнѣ готовыхъ элементовъ для него не было. Но образованіе искуственно легкой кавалеріи изъ мужиковъ, рядомъ съ нашею безчисленною иррегулярною конницей, доказываетъ только отсутствіе всякой самостоятельной идеи въ военномъ управленіи прошлаго столѣтія; потомъ, когда эта аномалія утвердилась и къ ней привыкли, она естественно уже никого не удивляла, она продолжала существовать, какъ всякій заведенный порядокъ. Конечно въ ту пору образованіе изъ казаковъ регулярной кавалеріи не обошлось бы безъ затрудненій, вслѣдствіе особыхъ привилегій и замкнутаго быта казачьихъ войскъ; но эти затрудненія не были неодолимы, не были даже очень крупны. Когда Петръ Великій могъ пригнать двадцать тысячъ казаковъ для того, чтобы рыть Ладожскій

Digitized by Google

каналъ, онъ могъ привести въ правильную систему народъ казачьихъ полковъ и заставить ихъ учиться строю, подъ руководствомъ европейскихъ конструкторовъ. Систему сформированія кавалеріи изъ рекрутъ надобно приписать не затрудненію—учить регулярному строю казаковъ, а нѣмецкому вліянію. Почти всѣ инструкторы первоначальной русской арміи были нѣмцы, потомъ половина военачальниковъ ея и значительная часть кавалерійскихъ генераловъ были также изъ нѣмцевъ, и притомъ не австрійскихъ, а сѣверныхъ, прусскихъ, до пріѣзда въ Россію не видавшихъ въ глаза человѣка, который умѣлъ бы ѣздить верхомъ, не выучившись предварительно этому дѣлу въ манежѣ. Эти господа могли учить только тому, что сами знали; кромѣ того, при узкой рутинѣ и вошедшемъ въ пословицу педантствѣ нѣмецкой военной школы, они даже знать не хотѣли вещей, къ которымъ не были пріучены на родинѣ. Глядя съ высока на все имъ чуждое, понимая только свои, чрезвычайно сложные и педантскіе кавалерійскіе пріемы, они переносили ихъ цѣликомъ въ русскую армію, формировали нашу конницу такъ, какъ еслибъ это дѣло происходило въ Пруссіи или Гановерѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ магдебургскимъ городовымъ правомъ, завелась въ Россіи и магдебургская кавалерія. Подобные типы даже теперь встрѣчаются у насъ; можно себѣ представить, какова была ихъ самоувѣренность въ прошломъ вѣкѣ. Одинъ англійскій критикъ, разбиравшій мемуары прусскаго генерала Мюфлинга, имѣвшаго вліяніе на первоначальный планъ кампаніи 1812 года, выражаетъ по этому поводу свое удивленіе такъ наивно и такъ естественно, что русскому человѣку и смѣшно, и досадно читать. «Какъ это могло случиться, говоритъ критикъ, что народъ, считающійся въ такой степени воинственнымъ, питающій о себѣ такое высокое мнѣніе, какъ русскій, могъ руководствоваться мнѣніями офицеровъ прусской арміи, оказавшейся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ неспособнѣйшею въ свѣтѣ? Наставленія тогдашнихъ прусскихъ офицеровъ были бы приняты войсками Веллингтона, наравнѣ съ наставленіями офицеровъ персидскихъ. Должно быть, прибавляетъ критикъ, въ русской арміи есть что-то, чего мы, англичане, не совсѣмъ понимаемъ».

Нынѣшняя система набора нашей кавалеріи совершенно похожа на то, какъ еслибъ Англія, имѣющая въ своемъ распоряженіи семьсотъ тысячъ душъ морскаго населенія, стала

Digitized by Google

набирать своихъ матросовъ изъ рабочихъ внутреннихъ графствъ, изъ манчестерскихъ бумагопрядильщиковъ или бирмингамскихъ кузнецовъ.

Казаки никогда не были иррегулярною конницей, въ собственномъ значеніи этого слова; они не были только кавалеріей манежною! Иррегулярная конница,—это, напримѣръ; курды или чеченцы, не только не знающіе строя, но никогда не дѣйствующіе массой. У этихъ послѣднихъ каждый человѣкъ дѣлаетъ что хочетъ, общаго направленія и команды нѣтъ, находчивость каждаго замѣняетъ волю начальника, отчего они такъ хороши въ партизанской войнѣ, но не годятся для открытаго боя въ полѣ, развѣ только въ преслѣдованіи. Казаки же, хотя также могутъ дѣйствовать въ разсыпную, но въ битвѣ всегда строились, и теперь строятся, лавою. Ихъ движенія не такъ стройны, а атака не такъ сомкнута какъ въ регулярной кавалеріи, но это происходитъ не отъ качества людей или лошадей, которое, напротивъ, гораздо выше, а отъ того, что съ нихъ этого не требуется, что ихъ этому если и учатъ, то очень мало.

Разныя казачьи войска у насъ не одинаковы, по своимъ свойствамъ и привычкамъ. Линейскіе казаки, напримѣръ, сравнительно съ другими, гораздо больше иррегулярная конница—по выѣздкѣ лошадей, приноровленной больше къ одиночной джигитовкѣ, по легкости вооруженія, по своей привычкѣ къ винтовкѣ, неудобной для строя, и по духу. Но донскіе казаки, напротивъ, прирожденная регулярная кавалерія. У первыхъ выѣздка коня черкесская, у вторыхъ монгольская, общая калмыкамъ и киргизамъ, то-есть степная, прямолинейная, пріучающая лошадь не къ особенной поворотливости, а къ сильнѣйшему, неудержимому разскоку—первое качество коня въ строю. Донской казакъ носитъ ружье потому только, что оно введено въ его форму, но ружье не составляетъ у него первой надежды какъ у линейца; главное оружіе его пика, то-есть оружіе вмѣстѣ холодное и строевое, такъ какъ пика страшна не въ одиночку, а въ массѣ. Это различіе самое характеристическое. Для наѣздника-одиночки винтовка и шашка гораздо удобнѣе; если масса вооружается пикой, то значитъ, она хочетъ дѣйствовать сомкнутою силой, значитъ, сомкнутый регулярный строй у нея въ крови. Такъ и дѣйствовали донцы, пока ихъ не обратили почти насильно въ иррегулярное войско. Коренные

Digitized by Google

донскіе кони не жидкіе, какъ кабардинскіе, служащіе линейцамъ, но по большей части рослые и дубоватые, кони для разлета и удара; главное достоинство ихъ въ силѣ и выносчивости, опять достоинство регулярно-кавалерійское. Вотъ еще разница. Донцы, опрокинувъ непріятеля, преслѣдуютъ его массой, до послѣдней возможности, не развлекаясь ничѣмъ, пока противникъ въ виду; линейцевъ же почти невозможно удержать, чтобъ они не останавливались по нѣскольку надъ каждымъ свалившимся—своимъ и непріятельскимъ, для оказанія помощи при первомъ, для добычи при второмъ. На Кавказѣ, гдѣ тѣ и другіе служили рядомъ по многу лѣтъ, это различіе замѣчалось постоянно. Тутъ въ донцахъ сказывается даже нравственно духъ регулярной кавалеріи.

Въ нашей арміи существуетъ насчетъ боеваго качества донцовъ неправильное, можно сказать легкомысленное мнѣніе. Большинство не цѣнитъ ихъ въ настоящую мѣру. Причина тому и въ самомъ формированіи донскихъ полковъ. и въ способѣ какимъ употребляли ихъ въ европейской войнѣ. На Кавказѣ же, гдѣ донцы часто исполняли назначеніе строевой конницы, и гдѣ опытныхъ цѣнителей всегда было достаточно, мнѣніе о донскихъ казакахъ вообще очень высоко. Всякій видитъ чего имъ недостаетъ, вслѣдствіе состава, устройства и обученія; но всякій могъ видѣть также несравненныя качества, составляющія основу ихъ натуры. Когда донской полкъ попадаетъ въ руки хорошему командиру (что, правду сказать, случается не часто) его нельзя узнать. Не говоря о выносчивости, о способности къ усиленнымъ переходамъ, форсированной скачкѣ и ко всякимъ стоянкамъ (качества, которыхъ никто не отрицаетъ), мы видѣли нѣсколько наметавшихся донскихъ полковъ, которые рѣшительностію атаки и силой удара олицетворяли идеалъ кавалеріи. Конечно, не многіе регулярные кавалерійскіе полки сравнялись бы съ этими, всѣмъ памятными на Кавказѣ, донцами. Чего недостаетъ донскимъ полкамъ, того недостаетъ имъ только вслѣдствіе укоренившагося взгляда на нихъ военной администраціи и происходящей изъ этого системы приготовленія ихъ. Чѣмъ могутъ быть донцы, доказываетъ лейбъ-казачій полкъ. Въ немъ люди отборные по росту и наружности, а не по качествамъ; нѣтъ причины, чтобы всякій другой донской полкъ былъ хуже его, развѣ люди покажутся не такъ казисты. Но даже и въ этомъ отно-

Digitized by Google

шеніи, послѣдняя донская сотня можетъ считаться отборною по виду, въ сравненіи съ массой рекрутъ, пополняющихъ нашу кавалерію. Нынѣшняго лейбъ-казачьяго полка никто не видалъ въ дѣлѣ, какъ и другой гвардейской конницы, но какъ всадниковъ, этихъ людей нельзя сравнивать съ ихъ товарищами по оружію. Англичанинъ, о которомъ я разсказывалъ, восхищаясь казаками и черкесами, никакъ не хотѣлъ называть ихъ лучшею конницей; онъ постоянно называлъ ихъ единственною конницей, какую онъ у насъ видѣлъ.

Дѣло не въ томъ, каковы часто или даже обыкновенно бываютъ донскіе полки: это происходитъ отъ причинъ отъ нихъ не зависящихъ; а въ томъ, чѣмъ становятся донцы, какъ только попадаютъ въ благопріятныя условія: вотъ мѣрка для расцѣнки ихъ. Много есть причинъ почему они не всегда хороши. Причины эти надо перебрать по порядку; онѣ относятся отчасти ко всѣмъ нашимъ казачьимъ войскамъ.

Первая причина заключается въ самомъ составѣ донскихъ полковъ. Говоря о пѣхотѣ, я узказывалъ на необходимость сзывать къ полку его собственныхъ, а не какихъ-нибудь чужихъ безсрочныхъ; товарищество, вполнѣ сложившееся, составляетъ душу всякой строевой части. Но если это правило настоятельно нужно для качества регулярнаго войска, то во сколько оно еще нужнѣе для войска иррегулярнаго и земскаго, какъ казаки, въ которомъ люди не сростаются между собой искуственно, вслѣдствіе долгаго сожительства подъ знаменемъ, а приносятъ цѣликомъ въ строй отношенія, сложившіяся на родинѣ, и вслѣдствіе этого обстоятельства упорно сохраняютъ ихъ въ продолженіе строевой службы. Еще въ *Кавказскихъ Письмахъ* я говорилъ: «общая связь линейскаго войска выражается только въ администраціи, но не въ народной жизни; на дѣлѣ каждый отдѣльный полкъ или бригада составляетъ особенное общество, имѣющее по большей части значительные видовые оттѣнки. Дѣйствующій линейскій полкъ не состоитъ, какъ донской или уральскій, изъ случайно соединенныхъ между собою людей, собранныхъ какъ попало съ цѣлаго округа, перемѣняющихся каждый срокъ, не имѣющихъ внѣ службы никакой связи ни между собой ни съ своими офицерами. Линейскій полкъ есть извѣстный поземельный участокъ. Служащіе въ немъ казаки и офицеры всѣ дѣти одной семьи, всѣ сосѣди и односельцы, мѣняющіеся только очередью, но никогда не перемѣняющіе знамени. Эта осо-

Digitized by Google

бенность проводитъ глубокое различіе между линейцами и другими полками. У линейцевъ глубоко вкорененъ полковой духъ, безъ котораго нѣтъ настоящаго войска. Полкъ для нихъ вмѣстѣ—знамя и родина; полковая слава дорога имъ какъ воинамъ и какъ гражданамъ». Этой необходимой связи вовсе нѣтъ въ донскихъ полкахъ; они набираются съ цѣлаго округа изъ казаковъ и офицеровъ чуждымъ другъ другу; не только имя полка ничего не говоритъ казаку, но даже репутація, заслуженная имъ въ строю, пропадаетъ безслѣдно съ роспускомъ полка, рѣдко возвращается съ человѣкомъ на родину. У линейцевъ офицеръ чрезвычайно дорожитъ хорошими отношеніями къ подчиненнымъ—ему придется потомъ жить съ ними какъ съ односельцами, какъ съ равными согражданами, для донскаго и всякаго другаго казачьяго офицера этихъ отношеній не существуетъ; онъ прослужитъ съ ввѣренными ему казаками три года и потомъ не увидитъ ихъ въ глаза; онъ съ ними связанъ гораздо меньше даже, чѣмъ регулярный офицеръ съ солдатами; послѣдній, по крайней мѣрѣ, сближается съ людьми долгою служебною привычкой. Главное нравственное основаніе, придающее полку цѣльность и характеръ, обращающее его въ связанное круговою порукой товарищество, упущено у донцовъ. Не знаю, такъ ли было у нихъ всегда, но если даже всегда такъ было, то этотъ недостатокъ до такой степени недостатокъ капитальный, что онъ необходимо долженъ быть исправленъ. Пока Донское Войско не раздѣлено на полковые округи, пока донскія сотни не состоятъ изъ одностаничниковъ, въ самомъ устройствѣ ихъ лежитъ причина, почему нравственно они должны стоять ниже линейцевъ. Различіе въ числѣ казаковъ, вызываемыхъ на службу въ томъ или другомъ году, нисколько не препятствуетъ такому дѣленію на Дону, какъ не препятствуетъ ему на Кавказѣ; смотря по надобности, изъ полковаго округа можно вывести одну или нѣсколько сотенъ и формировать ихъ въ сводные полки; строевыя части все-таки будутъ проникнуты нравственною связью.

Вторая причина, почему донцы не всегда поддерживали свою репутацію, заключается въ ихъ офицерахъ. Я нисколько не хочу сказать этимъ, чтобъ изъ донскихъ офицеровъ не выходили отличные, образцовые кавалеристы и примѣрные начальники, или даже, чтобы такихъ выходило мало. Но само-

Digitized by Google

устройство войска донскаго таково, что оно не даетъ развиться корпусу настоящихъ строевыхъ и боевыхъ офицеровъ. Этотъ недостатокъ у него общій съ другими казачьими войсками, но у линейскихъ казаковъ, напримѣръ, особыя мѣстныя причины ослабляютъ его вліяніе. Донское войско составляетъ не только замкнутый классъ людей, но цѣлую область, замкнутую въ самой себѣ; внутреннее управленіе этою областію, даже гражданское, находится исключительно въ рукахъ казаковъ, принадлежитъ имъ по привилегіи. Донское управленіе, гражданское и внутреннее, очень обширно, а многочисленный классъ войсковыхъ чиновниковъ, вращающійся всегда въ предѣлахъ Донской Земли, стоитъ ближе къ начальству, чѣмъ строевые офицеры, постоянно разсѣянные по всѣмъ угламъ Имперіи, и потому можетъ скорѣе обратить на себя вниманіе и выслужиться. Между тѣмъ, по войсковому положенію, всѣ чины войска, одинаково казаки, всѣ считаются военными, носятъ эполеты и имѣютъ право переходить, когда захотятъ, съ гражданской должности на военную. Въ то же время постоянная цѣль, pium desiderium каждаго казака по рожденію, состоитъ въ томъ, чтобы добиться командованія полкомъ, потому что оно выгодно, и часто, при извѣстной продолжительности, на всю жизнь обезпечиваетъ человѣка. Очень натурально, что войсковые чиновники исключительно стремятся къ этой цѣли, и получивъ штабъ-офицерскій чинъ, употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ вліянія, чтобы поскорѣе стать кандидатомъ въ полковые командиры. Въ ихъ распоряженіи больше этихъ вліяній, чѣмъ у строевыхъ; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ такое же право на очередь какъ и послѣдніе. Но эти чиновники такіе же точно чиновники, какъ во всей Россіи; донской стряпчій или секретарь ничѣмъ не отличается отъ такого же стряпчаго или секретаря сосѣдней губерніи. Изъ этого выходитъ, что донскими полками и даже сотнями, если только стоянка полка выгодна, командуютъ болѣе стряпчіе, чѣмъ военные офицеры, по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось встрѣчать между ними больше стряпчихъ и секретарей чѣмъ военныхъ. Эта характеристика можетъ быть распространена не только на многихъ полковыхъ командировъ, но на значительное число штабъ-офицеровъ. А въ то время какъ высшія мѣста въ донскихъ полкахъ наполняются чиновниками, низшія, но все-таки начальственныя мѣста, отдаются

Digitized by Google

чаще писарямъ, чѣмъ наѣздникамъ; я думаю, можно сказать, не преувеличивая, что едва ли не половина донскихъ урядниковъ вышла изъ писарей и тому подобныхъ мелкихъ агентовъ власти. Вещь ясная. Войсковой чиновникъ, получая военное начальство, беретъ съ собой людей, служившихъ ему за канцелярскимъ столомъ или въ другихъ послугахъ (они такіе же казаки по праву, хотя, можетъ-быть, въ жизни не держали въ рукахъ пики); онъ и производитъ ихъ въ урядники преимущественно. Почти каждый регулярный штабный офицеръ имѣетъ при себѣ въ походѣ вѣстоваго казака; въ награду за личную послугу, онъ выпрашиваетъ ему галуны. Потомъ эти урядники выходятъ въ офицеры и камандуютъ сотнями по писарски. Подобное смѣшеніе гражданской и военной службы, облеченной въ одну форму, производитъ въ казачьихъ войскахъ тѣ жѣ послѣдствія, какія бы оно произвело вездѣ. Представьте себѣ, что чиновникамъ нашихъ нижнеземскихъ судовъ и казенныхъ палатъ открыто переименованіе тѣмъ же чиномъ въ гусары и саперы, и писцамъ ихъ въ фельдфебели этихъ войскъ съ перспективой дальнѣйшаго производства, и притомъ, всѣмъ имъ, съ приманкой нѣкоторыхъ выгодъ въ новой службѣ, и представьте себѣ, что̀ произошло бы при этомъ въ войскахъ; вотъ то, что̀ вы представили, и происходитъ именно у казаковъ, особенно у донскихъ, имѣющихъ болѣе обширное внутреннее управленіе, чѣмъ другіе. Надобно удивляться крѣпости закала донской натуры, видя ихъ даже тѣмъ, что̀ они есть; другіе, на ихъ мѣстѣ, стали бы хуже китайцевъ. Вотъ и разгадка, почему донцы могутъ быть, но рѣдко бываютъ отличною кавалеріей: это съ ними случается тогда лишь, когда они попадаютъ въ руки хорошаго строеваго командира. Я не могу распространяться здѣсь о средствахъ, какимъ образомъ положить конецъ такому состоянію вещей. Средство само по себѣ ясно—радикальное отдѣленіе гражданской части отъ военной; кто былъ разъ чиновникомъ, тотъ не можетъ больше воротиться въ строй, кто былъ писаремъ, тотъ не долженъ уже быть ни строевымъ урядникомъ, ни полковымъ офицеромъ; съ гражданскихъ чиновниковъ, даже съ военныхъ чиновъ нестроевыхъ, надобно снять военную форму *). Приведеніе этого сред-

*) О писаряхъ надо сказать то же и въ отношеніи къ дѣйствующимъ войскамъ. Достаточно видалъ я на своемъ вѣку, какъ передъ дѣломъ, изъ всѣхъ

Digitized by Google

ства въ дѣйствіе вызоветъ обширную реформу въ донскомъ войскѣ давно необходимую, но довольно сложную и многимъ непріятную (никакъ, впрочемъ, не казакамъ, а чиновничеству); оно потребуетъ формальнаго отдѣленія войска, настоящихъ казаковъ, и ихъ земель отъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ и владѣній Донской области; также одного управленія отъ другаго, которому нѣтъ причины оставаться военнымъ. Славное донское войско, которому при должныхъ реформахъ можетъ предстоять еще такая великая будущность, должно само понять, что ему нельзя устоять на одной точкѣ, когда вся имперія стремится впередъ. Россіи еще надолго будутъ нужны казаки, но только казаки, удовлетворяющіе современнымъ потребностямъ. Мои слова не больше, какъ слова частнаго человѣка, но ими говоритъ сила неотразимая—духъ вѣка.

Реформа въ войскѣ нужна еще для того, чтобы ввести въ донскіе полки должное число регулярныхъ кавалерійскихъ офицеровъ. Обстоятельная рѣчь объ этомъ впереди; замѣтимъ только, что, вопервыхъ, исключеніе изъ списковъ донскихъ офицеровъ всѣхъ чиновниковъ, безспорно необходимое, образуетъ пробѣлъ, который нужно будетъ наполнить; а вовторыхъ, что несмотря на природныя качества донцовъ, у нихъ далеко недостаточно еще развиты понятія и знанія, нужныя настоящей строевой кавалеріи; только регулярные офицеры могутъ принести имъ эти понятія и знанія.

Третья причина, наконецъ, часто недопускающая донцовъ развернуться во всемъ блескѣ врожденныхъ имъ качествъ,— это обычное, вошедшее въ привычку въ нашей арміи, обращеніе съ ними. Выговоримъ горькое, но совершенно справедливое слово: ихъ держатъ, по большей части, въ черномъ тѣлѣ. Какъ иррегулярное войско, Донцы несутъ и въ походѣ, и по окраинамъ имперіи, гдѣ расположены ихъ полки, самую тяжелую, но вмѣстѣ и самую невидную службу. Надобно видѣть большую часть донскихъ стоянокъ, хоть на Кавказѣ, откуда они уже выступили совсѣмъ, чтобы понять мѣру лишеній и неудобствъ, которую эти люди могутъ выносить. Въ настоящихъ

штабовъ высылались въ строй писаря за полученіемъ георгіевскихъ крестовъ, которые они отнимали такимъ образомъ у людей, составляющихъ нравственную основу части. Писаря также, конечно, заслуживаютъ поощренія; но ни награды, выдаваемыя имъ, ни вообще ихъ служба, не должны считаться военными.

Digitized by Google

походахъ, на войнѣ, донцамъ выпадалъ обыкновенно главный трудъ, но весьма мало блеску. Большинство нашихъ кавалерійскихъ начальниковъ, подъ руку которымъ попадали казаки, были пріучены цѣнить конницу съ манежной точки зрѣнія, а потому смотрѣли на нихъ свысока. Случаи отличія донскимъ казакамъ представлялись рѣдко. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ нашихъ арміяхъ, при столькихъ войнахъ, попадались донскіе полки не хуже знаменитыхъ полковъ казачьихъ, слава которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ; ихъ не умѣли только поставить на свое мѣсто, вслѣдствіе предвзятыхъ идей. Усиленный трудъ, безъ должнаго вниманія къ нему, мало можетъ поощрить человѣка.

Сложите послѣдствія этихъ трехъ обстоятельствъ случайнаго состава донскихъ полковъ, чиновничьяго характера значительной части ихъ офицеровъ и приниженнаго ихъ положенія въ арміи, и отвѣтьте: если при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ выдаются по временамъ изъ общаго числа полки, о которыхъ мало сказать, что они не хуже лучшихъ регулярныхъ, то каковы же должны быть донцы, устроенные какъ слѣдуетъ во всѣхъ отношеніяхъ?

Въ настоящемъ состояніи военнаго дѣла отъ кавалеріи приходится требовать новой способности, безъ которой прежде она очень хорошо обходилась, драгунской способности—спѣшиваться. Въ наше время кавалерія, не приспособленная къ тому, чтобы въ случаѣ надобности сойти съ коня и отстрѣливаться, не можетъ имѣть никакой самостоятельности; придется постоянно держать при ней пѣхоту, а это значитъ: ее придется всегда держать при пѣхотѣ, такъ какъ послѣдняя не можетъ сбѣжаться съ лошадью. Съ тѣхъ поръ какъ разросшееся населеніе обратило европейскія поля въ подобіе огородовъ, а ружья стали хватать втрое далѣе прежняго, кавалерія въ отдѣлѣ не можетъ уже полагаться всегда и вездѣ только на коня и на саблю. Исключительнымъ ея назначеніемъ осталось, какъ и всегда, атаковать верхомъ; но чтобы сохранить какую-нибудь степень самостоятельности, чтобы не держаться постоянно за пѣхоту какъ ребенокъ за подолъ няньки, кавалерія должна умѣть сама защищаться огнемъ и преодолѣвать безъ пѣхоты второстепенныя мѣстныя препятствія, противъ случайнаго непріятеля; иначе она не будетъ въ состояніи ступить шагу въ сторону, такъ какъ въ западной Европѣ едва ли найдется теперь от-

Digitized by Google

крытое пространство на дальность ружейнаго выстрѣла, безъ какого-нибудь забора или препятствія, за которымъ могутъ усѣсться стрѣлки; ружье же бьетъ на 1.200 шаговъ. Можно сказать увѣренно, что не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ вторая шеренга будетъ составляться изъ драгунъ во всѣхъ родахъ кавалеріи. Но образованіе изъ рекрутъ хорошихъ драгунъ, одинаково способныхъ къ обоимъ родамъ службы, дѣло очень трудное; лучшіе европейскіе кавалеристы сомнѣвались и сомнѣваются въ успѣшности такого результата, приписывая способность дѣйствовать одинаково хорошо пѣшкомъ и верхомъ только природнымъ наѣздникамъ: мамелюкамъ, арабамъ, казакамъ и т. д. Наша иррегулярная кавалерія обладаетъ въ высшей степени этою двойною способностію, потому она такъ же способна къ малой войнѣ на пересѣченной мѣстности, какъ и въ степи. Если регулярная кавалерія должна сохраниться въ нынѣшней пропорціи (а это необходимо по многимъ причинамъ), то и она должна быть способна къ тому же: иначе какую же роль станутъ играть въ арміи нѣсколько десятковъ тысячъ самаго дорогаго войска, которое нельзя выдвинуть далѣе ружейнаго выстрѣла отъ массы пѣхоты? Для такого дѣла, очевидно, недостаточно нѣсколькихъ карабинеровъ въ эскадронѣ; обучать же пѣхотной службѣ всю массу кавалеріи дѣло затруднительное. Когда верховая ѣзда дается человѣку только въ силу настойчиваго и долгаго упражненія, развлекать его другимъ занятіемъ значитъ ослаблять въ главномъ. Изъ нашего кавалериста, какъ изъ всякаго русскаго человѣка, не мудрено сдѣлать хорошаго пѣхотинца, но мудрено сдѣлать такъ, чтобъ онъ остался при этомъ хорошимъ ѣздокомъ. Подобнаго вопроса не можетъ возникнуть, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, который ѣздитъ верхомъ такъ же какъ ходитъ пѣшкомъ, отъ природы; при какомъ бы то ни было развлеченіи онъ будетъ все такъ же ѣздить, какъ всякій другой будетъ ходить. Донскіе казаки не такъ привычны къ спѣшиванію какъ линейскіе, но все же привычны; придя въ первый разъ на Кавказъ, не учившись никогда этому дѣлу особенно, они точно такъ же садились въ залоги и по временамъ несли пѣшую службу, какъ и линейскіе. Драгунскіе батальіоны, въ томъ видѣ какъ ихъ формировали въ прошлое царствованіе, очевидно фантазія; въ десять лѣтъ войны можетъ не выпасть одного случая примѣнить ихъ. Въ дѣлѣ нужны не спѣшанныя стройныя массы кавалеріи, а

Digitized by Google

стрѣлки, самое большое кучки. Регулярную кавалерію, сформированную изъ казаковъ, почти нечего учить спѣшиванью. Достаточно нѣсколькихъ элементарныхъ застрѣльщичьихъ ученій и по временамъ упражненія въ прицѣльной стрѣльбѣ, чтобы люди знали свое дѣло на сколько это потребно.

Нужно ли говорить, во сколько казаки расторопнѣе рекрутъ и даже солдатъ, кромѣ самыхъ старыхъ? Всякій сближавшійся съ ними на походѣ или въ дѣлѣ хорошо это знаетъ.

Кадры русской арміи должны расшириться: это необходимо для управленія нашихъ силъ съ возможными вражескими; по всей Европѣ арміи усиливаются; не можемъ мы одни остаться въ прежнемъ положеніи. Но уже теперь раздаются голоса о несоразмѣрно малой численности нашей регулярной въ отношеніи къ пѣхотѣ (въ нынѣшнее царствованіе кавалерія дѣйствительно сокращена на половину, съ 458 дѣйствующихъ эскадроновъ на 220). Я не раздѣляю мнѣнія, чтобы теперешнее количество регулярной кавалеріи было недостаточно, при огромномъ числѣ иррегулярной, всегда готовой къ походу. За границей относительная численность линейной конницы, соотвѣтствующей по назначенію нашей регулярной, еще меньше; легкая конница исполняетъ тамъ преимущественно обязанности нашихъ казаковъ—аванпостную службу, рекогносцировки и фуражировки. Но не подлежитъ сомнѣнію, что съ расширеніемъ кадровъ арміи, нынѣшнее количество регулярной кавалеріи будетъ уже недостаточно. Какъ пополнить его? Сформированіемъ новыхъ полковъ. Но кавалерія не пѣхота. Выучить рекрута верховой ѣздѣ не то, что научить его стрѣлять и маршировать. Тутъ трудность состоитъ не въ пріученіи къ строевой службѣ и владѣнію оружіемъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать изъ человѣка всадника, чтобъ онъ чувствовалъ себя на лошади, какъ на своихъ ногахъ, что̀ и при долгомъ срокѣ достигается только на половину. Искуственную кавалерію нельзя распускать въ мирное время по домамъ, оставляя подъ знаменемъ одни кадры; ее приходится держать весь срокъ на службѣ, увольняя развѣ небольшое число людей во временные отпуски. Пѣхоту можно усилить по военному положенію безъ обремененія бюджета въ мирное время, однимъ сокращеніемъ сроковъ; относительно кавалеріи эта мѣра невозможна. Тутъ что новый человѣкъ въ спискахъ, то новый постоянный расходъ, втрое превышающій расходъ на пѣхотинца. Усиленіе кавалеріи, набранной изъ ре-

Digitized by Google

крутъ, которую надо держать всегда на лицо, повело бы къ сильному приращенію военнаго бюджета. Увеличить число нашей кавалеріи, безъ истощенія казны, можно только тѣмъ способомъ, чтобы формировать новые кавалерійскіе полки изъ природныхъ всадниковъ, которыхъ нужно учить только правильной строевой службѣ, а не верховой ѣздѣ; съ такими людьми можно подвести кавалерію подъ общую организацію, держать въ мирное время треть людей въ строю и двѣ трети въ отпуску; на 6-ти-эскадронный полкъ—дивизіонъ подъ знаменемъ и два дивизіона по домамъ. Но если нужда вынудитъ къ такой мѣрѣ, и у насъ будутъ регулярные казачьи полки, что же станетъ дѣлать рядомъ съ ними кавалерія изъ рекрутъ? Рѣшившись разъ брать въ одну половину конницы людей, которыхъ нечего учить верховой ѣздѣ, такъ какъ они знаютъ это дѣло лучше всякихъ учителей; располагая неограниченнымъ числомъ такихъ людей, неужели все-таки, покуда стоитъ Россія, будутъ набирать другую половину конницы изъ крестьянъ, которые только къ концу срока пріучаются ѣздить весьма посредственно? Неужели, вслѣдствіе иностранныхъ понятій петровскихъ и аннинскихъ выписныхъ инструкторовъ, у насъ навсегда сохранятся рядомъ съ линейцами гусары, заведенные въ Европѣ, какъ подражаніе гусарамъ венгерскимъ, никогда не стоившимъ нашихъ линейцевъ; а на ряду съ донцами—уланы, перенятые западомъ у поляковъ съ нашихъ же казаковъ и татаръ? Да вѣдь это выходитъ исторія норманскихъ яицъ, которыя истые англичане, живя въ Парижѣ, выписываютъ изъ Лондона. Искуственная кавалерія никогда не можетъ достигнуть качества натуральной, правильно обученной; а цѣна ея содержанія ровно тройная, такъ какъ она должна быть всегда налицо, между тѣмъ какъ природная кавалерія можетъ быть подчинена пѣхотной организаціи, состоять въ мирное время на иждивеніи казны въ количествѣ одной трети.

Скажутъ, можетъ быть, что донскіе казаки необходимы какъ иррегулярная кавалерія, что ихъ некѣмъ замѣнить въ этомъ родѣ службы. Мнѣ уже привелось читать, не помню гдѣ, именно такое возраженіе. Признаюсь чистосердечно, я считаю его за шутку. Наше отечество обладаетъ не только элементами нестроевой конницы, но готовою нестроевою конницей, въ про-

Digitized by Google

порціи въ десять разъ превышающей всякую потребность. Мы разсмотримъ этотъ предметъ на своемъ мѣстѣ.

Донцы, безъ сомнѣнія, и теперь должны считаться регулярною кавалеріей, только недостаточно обученною. Донской полкъ учится строевой службѣ недѣли двѣ во время сформированія; потомъ онъ идетъ въ походъ, а прибывъ къ мѣсту назначенія, разбивается отдѣльными постами, которые почти не видятъ другъ друга. Еслибъ онъ могъ пробыть въ сборѣ хоть три мѣсяца въ году, подъ рукой исправнаго командира, онъ былъ бы вполнѣ регулярнымъ. Но, чтобы можно было замѣнять донцами строевые кавалерійскіе полки, такого домашняго преобразованія недостаточно. Строевая кавалерія—оружіе очень сложное; оно можетъ достигнуть совершенства тогда только, когда всѣ служебныя понятія и привычки сложились долговременною практикой, образовали стройную систему, руководствующую людей одинаково и въ важныхъ вещахъ, и въ мелочахъ службы. Въ духѣ каждаго оружія, если оно хорошо сформировано, выражется самая сущность дѣла, вліяющая на весь ходъ службы и въ крупныхъ и въ мелкихъ вещахъ; душа его не въ обученіи только, а въ непрерывномъ преданіи, усвоенномъ всѣми составляющими его людьми. Вотъ этого регулярно кавалерійскаго преданія не достаетъ въ казакахъ; изъ ихъ собственной закваски оно не разовьется скоро въ удовлетворительной полнотѣ, безъ урока и примѣра, безъ совмѣстной службы съ строевою конницей на той же ногѣ, безъ руководства регулярныхъ офицеровъ. Есть донскіе офицеры, которые могли бы отлично командовать линейскимъ кавалерійскимъ полкомъ; но развѣ такихъ много? Достоинство казаковъ состоитъ въ томъ, что они молодцы въ душѣ, одиночно гораздо болѣе развиты, чѣмъ рекруты и притомъ природные ѣздоки; но они могутъ стать вполнѣ регулярною кавалеріей лишь въ рядахъ кавалеріи уже существующей при совмѣстной службѣ съ нею. Будущность нашей кавалеріи и будущность воннаго бюджета зависятъ не отъ прибавленія новыхъ сотенъ къ линейнымъ полкамъ, но отъ постепеннаго замѣщенія эскадроновъ регулярными донскими сотнями.

Чтобы ввести донцовъ въ регулярную кавалерію, прежде всего надобно раздѣлить донское войско на мѣстные полки и сотни на подобіе кавказскаго линейнаго: иначе всѣ старанія ни къ чему не приведутъ. Казаки служатъ посрочно, а за тѣмъ

Digitized by Google

возвращаются на льготу; объ обученіи казачьей сотни стоитъ хлопотать лишь въ такомъ случаѣ, когда она составляетъ постоянную часть: тогда будетъ извѣстно, что сотня № такой-то, выходящая изъ такой-то станицы, обучена регулярно. Собирать со всей Донской Земли всѣхъ регулярныхъ казаковъ и соединять ихъ вновь въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находились на предыдущемъ срокѣ—дѣло слишкомъ хлопотливое и ненадежное; притомъ же, въ земскомъ войскѣ хороша только часть, проникнутая еще на мѣстѣ духомъ товарищества. Если же войско донское было бы подѣлено на постоянные полки и сотни, превращеніе его въ регулярную кавалерію обратилось бы въ простой разчетъ времени. Чтобы говорить о замѣщеніи нынѣшнихъ эскадроновъ донскими сотнями, надобно прежде всего принять раздѣленіе Донскаго Войска на полковые и сотенные участки за совершившійся фактъ. Такъ я и сдѣлаю.

Можно разомъ ввести по одной постоянной сотнѣ въ составъ каждаго изъ легкихъ кавалерійскихъ полковъ, то-есть во всѣ, за исключеніемъ четырехъ кирасирскихъ, съ общимъ расформированіемъ, въ то же время, четвертыхъ эскадроновъ. Расходъ на кавалерію не прибавится такимъ образомъ ни копѣйкой. Сотня останется нераздѣльною, въ своемъ полномъ составѣ, но офицеровъ надобно перемѣшать, иначе ни регулярные не ознакомятся съ казаками, ни казачьи не проникнутся достаточно духомъ строеваго войска. Половина послѣднихъ можетъ быть перемѣщена въ другіе эскадроны и замѣнена офицерами эскадрона расформированнаго. Черезъ два года она станетъ превосходнымъ эскадрономъ и будетъ отпущена на льготу, съ замѣной ея второю сотней того же полка. Въ шесть лѣтъ три сотни каждаго донскаго полка станутъ такимъ образомъ вполнѣ приготовленными. На седьмой годъ, вмѣстѣ съ четвертою сотней того же полка, придетъ и первая, окончившая свою четырехлѣтнюю льготу. Имѣя при всякомъ кавалерійскомъ полку донской дивизіонъ, можно сейчасъ же расформировать третьи эскадроны; на девятый годъ, когда придетъ вторая сотня со льготы и пятая новая—второй эскадронъ; а на одиннадцатый, съ прибытіемъ третьей льготной и шестой, послѣдней, новой—остальной эскадронъ. Въ десять лѣтъ всѣ наши четырехъэскадронные кавалерійскіе полки изъ рекрутъ замѣнятся шестисотенными регулярными донскими. Число строевой кавалеріи увеличится на половину, соразмѣрно съ возрастаніемъ пѣхоты,

Digitized by Google

а налицо въ мирное время будетъ ея находиться только $^2/_3$ противъ нынѣшняго—два эскадрона въ каждомъ полку, вмѣсто четырехъ, съ упраздненіемъ въ то же время всѣхъ резервныхъ эскадроновъ. Вмѣстѣ съ экономіей на обмундированіе всей кавалеріи (такъ какъ казаки выходятъ въ своемъ платьѣ), выгода для казны будетъ очень большая.

Казачьи офицеры никогда вполнѣ не замѣнятъ регулярныхъ кавалерійскихъ, по крайней мѣрѣ этого слишкомъ долго пришлось бы ждать, такъ какъ кавалерійское офицерство, въ массѣ, состоитъ изъ людей довольно образованныхъ, на Дону же образованіе стоитъ еще низко; кромѣ того, за исключеніемъ донскихъ чиновниковъ, носящихъ мундиръ, количество строевыхъ казачьихъ офицеровъ не слишкомъ велико. Въ обученныхъ донскихъ полкахъ надобно сохранить по крайней мѣрѣ на половину нынѣшнихъ регулярныхъ офицеровъ. Въ десять лѣтъ, если пополнять вакансіи сообразно съ этимъ предположеннымъ числомъ, оно само собой дойдетъ до нормы. Съ отдѣленіемъ отъ войска поземельнаго дворянства Донской Земли (которому, такимъ образомъ, предоставится всякая карьера) половинное число нынѣшнихъ офицерскихъ вакансій будетъ достаточно для строевыхъ казаковъ. На неоднократно выраженное мнѣніе вводить въ донское войско регулярныхъ офицеровъ, какъ они вводятся въ линейное, постоянно слышался отвѣтъ: „казакамъ это будетъ обидно". Какимъ казакамъ? Чиновничеству, особенно стряпчимъ, получающимъ полки—конечно! Но въ странѣ гдѣ, пять лѣтъ тому назадъ, освобождены двадцать милліоновъ крѣпостныхъ, такой отвѣтъ не годится. Строевымъ же казакамъ и офицерамъ это далеко не будетъ обидно; черезъ мѣсяцъ службы они оцѣнятъ всю разницу между старымъ и новымъ порядкомъ вещей; даже свои офицеры-земляки станутъ совсѣмъ другими въ новомъ сообществѣ.

Очередную службу достаточно положить въ два года, за которыми послѣдуетъ четырехлѣтняя льгота. Если донскому войску придется выставлять только нынѣшнее число регулярно-кавалерійскихъ полковъ шестисотеннаго состава, изъ которыхъ въ мирное время лишь двѣ сотни будутъ въ строю за предѣлами войска, то служба его станетъ весьма легкою. Къ шести дѣйствующимъ сотнямъ можно прибавить двѣ резервныя, остающіяся постоянно дома, но изъ которыхъ полкъ будетъ пополняться въ военное время, въ которыхъ будутъ обучаться

Digitized by Google

также всѣ малолѣтки. Развитый съ молодости и потомъ хорошо обученный на службѣ казакъ, не забудетъ на льготѣ своего дѣла, именно потому, что онъ казакъ, а не рекрутъ; онъ явится изъ своей станицы на призывъ такимъ же исправнымъ воиномъ, какъ пѣхотный отпускной изъ своей деревни. Природная способность казака изгладитъ органическое различіе требованій между двумя родами службы. Но, тѣмъ не менѣе, ему нужны и серіозныя упражненія, по крайней мѣрѣ трехнедѣльный сборъ, для поддержанія регулярной стройности и привычки къ оружію. Для этой цѣли желательно, чтобы къ каждой льготной сотнѣ, кромѣ казачьихъ офицеровъ, было прикомандировано еще по одному регулярному. Полагая, какъ мы сдѣлали, половинное число регулярныхъ офицеровъ въ полку, то-есть на три сотни, при трети или четверти отпускныхъ, обезпеченныхъ половиннымъ содержаніемъ (какъ въ пѣхотѣ), остальные будутъ достаточно заняты при двухъ дѣйствующихъ и четырехъ льготныхъ сотняхъ. На содержаніи людей и лошадей получится большая экономія въ мирное время. Но ее нельзя распространять на ремонтъ коней и вооруженія. Въ этомъ отношеніи регулярные казаки должны получать все, что теперь идетъ на регулярную кавалерію. Порода донскихъ лошадей лучшая, какая есть въ Россіи и въ Европѣ для конницы. Но конь коню рознь, даже въ одной породѣ. Теперь казаки, сообразно съ своими средствами, выѣзжаютъ на дешевыхъ лошадяхъ, изъ которыхъ немногія годны для сильнаго строя. Наша же строевая конница, поддержанная такою тучей иррегулярной, на которой будутъ лежать всѣ обязанности аванпостной службы и малой войны, должна быть не преимущественно, а исключительно конницей линейною, способною къ атакѣ на пѣхоту. Ей нужны сильныя, рослыя и вмѣстѣ пылкія лошади. Такихъ лошадей будетъ сколько угодно на Дону, въ новороссійскихъ и ставропольскихъ степяхъ, когда явится запросъ. Но онѣ не дешевы. Казакъ не имѣетъ средствъ пріобрѣсти такого коня на свой счетъ. Ему должно выдавать сполна ремонтныя деньги, по нынѣшнему положенію регулярной кавалеріи, то-есть 120 рублей, и затѣмъ требовать неуклонно, чтобы подъ нимъ былъ конь должныхъ качествъ, не менѣе $2^3/_4$ верш. Лошади ниже этой мѣры не годятся въ линейной кавалеріи; ударъ ихъ, особенно на пѣхоту, слишкомъ слабъ: это хорошо знаетъ всякій, видавшій атаку на каре. Значительное преи-

Digitized by Google

мущество нижегородскаго полка въ турецкой войнѣ состояло въ томъ, что лошади его, пріобрѣтаемыя исключительно на Дону, были выше обыкновенной драгунской мѣры, а потому и сильнѣе, но все еще не довольно сильны. На такихъ коняхъ донцы будутъ регулярною кавалеріей, какой Европа еще не видала, развѣ только у англичанъ,—въ этомъ можно поручиться. Также точно регулярнымъ донскимъ полкамъ слѣдуетъ выдавать положенныя деньги на сѣдло и сбрую, и затѣмъ требовать совершенной ихъ исправности. Нынѣшнее донское оружіе должно быть, конечно, сохранено въ своемъ видѣ, но улучшено въ качествѣ. Нечего говорить также, что офицеры изъ казаковъ должны быть сравнены съ прочими во всѣхъ отношеніяхъ. Желательно, чтобъ они, по общему примѣру, были обезпечены и на льготѣ половиннымъ жалованьемъ. Съ обращеніемъ донцовъ въ регулярные полки произойдетъ такая экономія, не только въ содержаніи кавалеріи, но и въ жалованьи офицерамъ, въ сравненіи съ которою подобный расходъ, справедливый и необходимый, составитъ лишь нѣсколько процентовъ.

Я не касаюсь въ этомъ очеркѣ никакихъ чисто тактическихъ вопросовъ. Но тутъ нельзя не спросить—должны ли регулярные казаки строиться лавой, по своему обычаю; или въ двѣ шеренги? Я никогда не слыхалъ и не читалъ осмысленнаго отвѣта на то, почему кавалерія должна дѣйствовать двумя шеренгами, когда первое боевое условіе въ этомъ войскѣ—возможно большая смѣнность частей—уменьшается такимъ построеніемъ на половину. Какъ бы то ни было, вкорененный обычай, великое дѣло. Оставляя его неприкосновеннымъ въ кавалеріи, составленной изъ рекрутъ, которая привыкла такъ дѣйствовать, которая иначе дѣйствовать не умѣетъ, можно выставить тотъ же аргументъ въ защиту стародавняго обычая другой кавалеріи, которая привыкла дѣйствовать иначе. Конечно, никто не рѣшится сказать, чтобы лейбъ-казачій полкъ былъ хуже какого-нибудь другаго, потому что обычное его построеніе лава,—а не двухъ-шереножный строй.

По поводу привычекъ можно сказать то же самое о всѣхъ коренныхъ обычаяхъ донцовъ.

Изъ донскихъ казаковъ должно сформировать регулярную кавалерію. Но регулярность эта должна состоять только въ стройности и въ сомкнутости, а не въ измѣненіи ихъ внутрен-

Digitized by Google

нихъ распорядковъ, ихъ обращенія съ конемъ и такъ далѣе. Родовой обычай людей, формирующихся для службы еще дома: по отцовскимъ преданіямъ, святое и неприкосновенное дѣло, на немъ основывается вся сила увѣренности въ себѣ какъ части, такъ и отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ отношеніи регулярный офицеръ можетъ научить казака только тому, чему львенокъ, воспитанный орломъ, хотѣлъ учить звѣрей—вить гнѣзда.

Перейдемъ къ нестроевой конницѣ.

Названіе это неправильное, такъ какъ всѣ казаки у насъ, болѣе или менѣе, строевое войско; оно прилагается вѣрно только въ полкахъ кавказскихъ туземныхъ наѣздниковъ. Весь этотъ отдѣлъ нашей конницы слѣдовало бы называть конницей натуральною, въ отличіе отъ искуственной.

Нестроевую конницу нельзя смѣшивать въ одинъ видъ. По качеству людей, какъ дѣйствительность даетъ ихъ у насъ, она должна дѣлиться на два рѣзко отличныя подраздѣленія, на боевую и аванпостную. Къ первой должны быть причислены всѣ кавказскія конноиррегулярные войска и, можетъ-быть, уральскіе казаки; (послѣднихъ я не знаю),—къ другой, остальные казаки и кочевые инородцы.

Несмотря на огромное количество нестроевой конницы, находившейся при нашихъ арміяхъ во всѣхъ войнахъ, можно сказать, ее очень мало употребляли для самостоятельныхъ партизанскихъ дѣйствій: до сихъ поръ мы не умѣли пользоваться настоящимъ образомъ своимъ преимуществомъ. Кромѣ 1812 и начала 1813 года, казаки не дѣйствовали отдѣльными отрядами. Я отношу это бездѣйствіе къ двумъ причинамъ: вопервыхъ, къ односторонности взгляда, существовавшаго у насъ насчетъ иррегулярной конницы; и вовторыхъ, къ дѣйствительно меньшей, относительно, способности донцовъ къ партизанской войнѣ, чѣмъ напримѣръ кавказской конницы. Донцы по духу—регулярная кавалерія. Хотя они обладаютъ гораздо большею смѣткой въ аванпостной службѣ, чѣмъ строевые кавалеристы, но они не совсѣмъ одиночные наѣздники; они создались степью, въ которой число, связность и строевое вооруженіе копьемъ сохраняютъ несомнѣнное преимущество надъ одиночною удалью; только со времени предпослѣдняго царствованія они стали носить ружье. Очевидно, что на пересѣченныхъ поляхъ Европы эта степная кавалерія безъ ружей не

Digitized by Google

была достаточно самостоятельною; а между тѣмъ наша нестроевая конница состояла почти исключительно изъ донцовъ и по нимъ расцѣнивалась тактически, даже въ теоріи. Слѣдствіемъ вышло то, что нестроевую конницу стали употреблять исключительно для аванпостной службы и рекогносцировокъ; какъ самостоятельное оружіе, она оставалась въ бездѣйствіи. Однакоже военная исторія доказываетъ, до какой степени многочисленная нестроевая конница можетъ быть самостоятельнымъ оружіемъ, не только у себя дома, при оборонѣ, но и въ наступательной войнѣ. Пока турки сохраняли воинственный духъ, ихъ делибаши образовали какъ бы атмосферу вокругъ твердаго ядра арміи, чрезвычайно расширяли кругъ ея дѣйствія, держали непріятельское войско, въ его собственной землѣ, въ постоянной блокадѣ. Можно видѣть изъ записокъ современниковъ, до какой степени австрійцы, у себя дома, въ своемъ лагерѣ, были осаждены этою докучливою кавалеріей. Въ этомъ отношеніи наше время ничѣмъ не отличается отъ прошлаго. И теперь, какъ тогда, боевая иррегулярная конница, хорошо направляемая и достаточно многочисленная, можетъ поставить противника въ самое затруднительное положеніе, даже на его собственной почвѣ. Хорошая нестроевая конница, какъ кавказская, снабженная надежными проводниками, никогда не можетъ быть отрѣзана, какъ по качеству своихъ лошадей, которые загонятъ три смѣны обыкновенныхъ кавалерійскихъ, такъ и по своему умѣнію пользоваться мѣстностію. Пѣхота не догонитъ ея, кавалерія ничего ей не сдѣлаетъ. Наши кавказцы, казаки и туземцы, считающіе первымъ своимъ оружіемъ винтовку, одинаково опасны верхомъ и пѣшкомъ. Въ большомъ сраженіи, при тѣснотѣ, высокое качество этихъ людей, выказывающееся въ полномъ свѣтѣ преимущественно въ разсыпную, не на своемъ мѣстѣ; но въ преслѣдованіи и въ партизанской войнѣ оно даетъ имъ рѣшительный перевѣсъ надъ всякимъ европейскимъ врагомъ. На конѣ, они окружатъ непріятельскую кавалерію, какъ рой пчелъ, заставятъ ее истощиться въ безплодныхъ атакахъ и разстрѣляютъ по одиночкѣ; спѣшившись за первымъ прикрытіемъ, они разомъ остановятъ ее. Эта летучая конница проникнетъ какъ вода во всякій интервалъ, образовавшійся между отрядами непріятеля, разорветъ ихъ, заставитъ противника содержать сообщеніе между своими массами не иначе, какъ посредствомъ сильныхъ колоннъ, под-

Digitized by Google

вергнетъ опасности его парки и обозы, поставитъ его въ положеніе французовъ въ Испаніи. Съ этою конницей мы будемъ знать все что дѣлаетъ непріятель, между тѣмъ какъ онъ ничего не будетъ знать о насъ; рекогносцировки станутъ для него невозможными, развѣ посредствомъ цѣлыхъ отрядовъ, и то на близкихъ разстояніяхъ; между нами и противною стороной повиснетъ завѣса, прозрачная для насъ и темная для него.

Для достиженія такого результата недостаточно, конечно, нѣсколькихъ полковъ; нужна масса летучей конницы, употребляемая только для этого назначенія,—при большой дѣйствующей арміи не менѣе двадцати полковъ, во второстепенныхъ арміяхъ—около десятка. Конница эта должна быть въ однихъ рукахъ, подъ управленіемъ отличнаго атамана окруженнаго нѣсколькими надежнѣйшими начальниками летучихъ отрядовъ.

Кавказъ можетъ выставить большое число несравненной боевой иррегулярной кавалеріи. Кубанской войско выставитъ 28 конныхъ полковъ, терское войско 10. Это все линейцы, качество которыхъ, по крайней мѣрѣ большей части изъ нихъ, довольно извѣстно. Затѣмъ, изъ туземнаго кавказскаго населенія можно вызвать еще много полковъ, такого же высокаго достоинства.

Въ прежнее время попытки собирать подъ наше знамя горскихъ охотниковъ на продолжительную службу, оказывались иногда (какъ въ турецкую войну) мало успѣшными. Но съ тѣхъ поръ все перемѣнилось. Лучшіе шамилевскіе воины и нѣсколько тысячъ абрековъ остались безъ дѣла, а потому почти безъ хлѣба, горская молодежь, слушая разсказы старшихъ братьевъ, горитъ желаніемъ попробовать свои силы. Этому воинскому пылу надо дать исходъ при первомъ удобномъ случаѣ, чтобъ онъ не обратился противъ насъ.

На Кавказѣ нѣтъ ни одного толковаго мѣстнаго начальника, который бы не ручался, что вызоветъ изъ ввѣреннаго ему племени сколько угодно наѣздниковъ, при первомъ призывѣ къ войнѣ. Силы горскаго населенія, постановленныя подъ русское знамя и въ первый разъ побратавшіяся съ нами на ратномъ полѣ будутъ тѣмъ самымъ изъяты изъ-подъ власти враждебныхъ внушеній. Количество иррегулярной конницы, которую Кавказъ можетъ выставить, при должныхъ мѣрахъ со стороны мѣстнаго начальства, почти неограниченно. Въ та-

Digitized by Google

кой массѣ нѣтъ и надобности. Я буду считать только полки, которые можно сейчасъ же, безъ напряженія, вызвать изъ каждой мѣстности. Такихъ полковъ легко сформировать: въ Карачаѣ, съ прикубанскими племенами, 1, въ Кабардѣ 1, въ Осетіи 1, въ Чечнѣ съ нагорными округами 3, на Кумыкской плоскости 1, въ Шамхальствѣ 1, въ Акушѣ и Мехтулинскомъ ханствѣ 1, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ и Кюринскомъ ханствѣ 1, въ Казикумухскомъ ханствѣ и Самурскомъ округѣ 1, въ нагорномъ Дагестанѣ 4, въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ 1, въ Тушино-Хевсурскомъ 1; и одинъ Куртинскій, всего 18 полковъ.

Съ линейцами число боевыхъ иррегулярныхъ полковъ, удовлетворяющихъ самымъ взыскательнымъ условіямъ партизанской войны и вмѣстѣ аванпостной службы, доходитъ до 56; но еслибъ была нужда, мы можемъ имѣть ихъ и больше.

Кромѣ боевой иррегулярной кавалеріи для партизанской войны, намъ нужно еще нѣкоторое число иррегулярныхъ полковъ для аванпостной службы. Желательно, чтобы не было большаго различія между тѣми и другими полками, чтобы всѣ они были боевыми. Я не считаю невозможнымъ достиженіе такой цѣли при заботливомъ воспитаніи иррегулярныхъ войскъ. Но покуда надо брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Мы насчитали 56 боевыхъ полковъ, даже изъ нихъ не всѣ заслуживаютъ вполнѣ это названіе; найдется между ними десятокъ полковъ, стоящихъ гораздо ниже другихъ по упадку воинственности въ нѣкоторыхъ племенахъ; но все же они могутъ быть если не отличными партизанами, то хорошею аванпостною стражей. Тоже можно сказать и о другихъ нашихъ иррегулярныхъ войскахъ. Какъ передовая караульная стража, онѣ далеко превосходятъ войска регулярныя самыми существенными качествами: неутомимостію людей и лошадей, чуткостію и зоркостію, находчивостію, привычкой къ одиночному дѣйствію,—особенностями всегда отличающими людей кочевыхъ или полукочевыхъ, живущихъ на окраинахъ, посреди неразработанной природы. Притомъ эти люди, хотя не первоклассные бойцы, какъ линейцы, или кавказскіе горцы, все же довольно воинственны, чтобы каждый могъ лично постоять за себя, дать первый отпоръ. Совокупнаго дѣйствія отъ нихъ не требуется. Они казаки, какъ представляетъ себѣ казаковъ большинство нашего общества; къ нимъ это понятіе, невѣрное

Digitized by Google

относительно донцовъ, прилагается вполнѣ. Они не войско, главное назначеніе котораго схватываться грудь съ грудью съ непріятелемъ, а дозорщики арміи. Ихъ дѣло составлять передовую стражу, разъѣзды, летучія колонны въ тылу главныхъ силъ, препровождать плѣнныхъ и т. д. Ихъ дѣло также замѣнять кавалерію въ мѣстностяхъ, гдѣ кавалерія нужна для быстроты, а не для рѣшительнаго боя съ устроеннымъ противникомъ, напримѣръ, въ безпокойныхъ областяхъ, каковы польскія, при оборонительныхъ войскахъ, охраняющихъ протяженіе береговъ и границъ и пр. Для такого дѣла наши иррегулярные войска, не говоря о тѣхъ, которыя мы назвали боевыми и которымъ принадлежитъ высшее назначеніе, не только вполнѣ пригодны, но даже незамѣнимы. Въ европейскихъ арміяхъ всѣ вышеуказанные виды службы возложены на легкую регулярную кавалерію и въ значительной степени парализуютъ ее, утомляя и развлекая; утомленная же конница не годится для боя. Кромѣ того, иррегулярныя войска, даже не слишкомъ боевыя, драгоцѣнны тѣмъ, что въ мирное время ихъ не содержатъ, или содержатъ только отчасти; съ первымъ же призывомъ они готовы въ полномъ комплектѣ. Безъ нихъ пришлось бы постоянно держать налицо массу регулярной кавалеріи для тѣхъ же самыхъ назначеній, такъ какъ искуственная кавалерія изъ рекрутъ требуетъ тщательнаго и непрерывнаго обученія. Располагая должнымъ количествомъ нестроевой конницы, стоящей относительно немного въ мирное время, мы замѣняемъ ею постоянныя силы (чѣмъ значительно облегчается бюджетъ), придаемъ арміи отличную передовую стражу, самую бдительную, какая только можетъ быть, и сохраняемъ въ свѣжести свою регулярную кавалерію. Изъ этого достаточно видна важность военнаго назначенія иррегулярныхъ войскъ, даже втораго разряда. Тутъ нужны люди неутомимые, находчивые, прирожденные всадники, на коняхъ столь же выносчивыхъ, какъ они сами. Такихъ людей сколько угодно по окраинамъ Россіи; одни изъ нихъ устроены по-военному, другіе нѣтъ, но устроить ихъ очень легко и не дорого.

Можно исчислить приблизительно сколько нужно иррегулярныхъ полковъ по окружности европейской Россіи (считая тутъ же и Кавказъ) при высшемъ военномъ напряженіи. Не будемъ брать въ счетъ собственно азіятскую окраину государства на востокѣ отъ Каспійскаго моря. Затѣмъ, держась распредѣленія

Digitized by Google

массъ, предположеннаго нами при разчисленіи пѣхотныхъ дивизій, число и размѣщеніе нестроевыхъ конныхъ полковъ; можно положить примѣрно такимъ образомъ.

Для партизанскихъ дѣйствій:

При большой дѣйствующей арміи	20
При южной арміи (на Днѣстрѣ)	8
При дѣйствующемъ корпусѣ на турецко-азіятской границѣ	8
Итого .	36

Изъ 55-ти остается еще 19 для сторожевой, конвойной и внутренней службы при дѣйствующихъ арміяхъ и при войскахъ, расположенныхъ по границамъ.

Для сторожевыхъ силъ:

При большомъ скопленіи силъ въ арміи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ солдатъ, окружность которой будетъ относительно уменьшаться съ возрастаніемъ численности, аванпостной стражи достаточно положить по полку на корпусъ въ три дивизіи, особенно когда фронтъ ея прикрытъ летучими отрядами. Въ арміяхъ меньшей численности надобно положить больше. По этому разсчету выйдетъ:

полковъ для аванпостной службы:

При большой дѣйствующей арміи, которую мы полагали въ 40 пѣхотныхъ дивизій (кромѣ стборныхъ), сторожевыхъ полковъ	13
Для службы въ тылу арміи въ занятомъ непріятельскомъ краѣ . .	6
	19
При южной арміи, которую мы полагали въ 7 дивизій	4
При войскахъ обороняющихъ кавказско-черноморское прибрежье, кромѣ казаковъ 2-го сбора въ Кубанской области	2
Кромѣ того:	
Въ Балтійскомъ басейнѣ	3
Въ Черноморскомъ	3
Въ Царствѣ и западныхъ губерніяхъ, въ началѣ дѣйствій, полагая по три сотни на губернію и полкъ на Варшаву	8
Итого .	39 *

*) Въ мирное время внутреннюю кордонную службу на Кавказѣ несутъ линейцы; съ началомъ войны эта несравненная конница должна, конечно, поступить въ дѣйствующія арміи. Для замѣны ея на кордонѣ всегда можно выставить достаточное число чапаръ изъ мѣстныхъ жителей. Учрежденіе это существуетъ и теперь, но, чтобы соотвѣтствовать своей цѣли, требуетъ полнаго преобразованія.

Digitized by Google

Всѣхъ боевыхъ и караульныхъ иррегулярныхъ полковъ 73 (кромѣ азіятской Закаспійской украйны).

До сихъ поръ наибольшая часть нестроевой конницы выставлялась донскимъ войскомъ. Съ обращеніемъ донцовъ въ регулярную кавалерію, ихъ надобно замѣнить другими людьми. Кавказъ можетъ выставить 56 конно-иррегулярныхъ полковъ, въ случаѣ надобности и больше. Положимъ, что изъ Оренбургской украйны могутъ быть двинуты на западъ 8 полковъ; ихъ останется еще достаточно для службы въ Зауральскомъ краѣ. Вотъ уже 64 полка. Остается набрать еще 11. Для нихъ существуютъ готовые элементы во внутреннихъ кочевникахъ юго-восточной полосы европейской Россіи.

Имѣвъ давно уже случай познакомиться съ этими кочевниками калмыками, букеевскими (внутренними) киргизами, ногайцами и трухменами, я всегда искренно удивлялся, отчего не извлекутъ хоть какую-нибудь пользу для государства изъ этихъ людей, не платящихъ почти никакихъ податей, но занимающихъ, всѣ вмѣстѣ, слишкомъ 25 милліоновъ десятинъ земли—пространство равное Пруссіи, какъ она была до нынѣшняго года. Обращеніе въ гражданское населеніе башкировъ и мещеряковъ, мѣра совершенно правильная. Значеніе военной повинности, которую несло это многочисленное населеніе, раскиданное по плодороднымъ землямъ, нисколько не соотвѣтствовало ущербу, причиняемому такимъ порядкомъ вещей общей производительности государства. Совсѣмъ другое дѣло калмыки, ногайцы и пр. Племена эти не велики, всего ихъ наберется до 60-ти тысячъ кибитокъ, то-есть семей. Живутъ они въ степи, по большей части безплодной, которая можетъ доставлять пропитаніе только однимъ кочевникамъ. Жизнь ихъ проходитъ въ совершенной праздности. Есть между ними много людей обнищавшихъ, нанимающихся для прокормленія по окраинамъ жилыхъ мѣстъ; но всѣ остальные, кочующіе, живутъ доходомъ отъ своихъ стадъ и положительно ничего не дѣлаютъ; нѣсколько пастуховъ единственные занятые люди между ними. Прочіе во всю жизнь свою не приращаютъ народнаго богатства ни на полушку. Находятся ли они дома или на краю свѣта, это не составляетъ никакой разницы ни для государственной экономіи, ни для нихъ самихъ. Такихъ кочевниковъ полтора милліона, если не больше, подъ властію Россіи; но я не говорю о дальнихъ, еще дикихъ киргизахъ, а

Digitized by Google

о кочевникахъ внутреннихъ, заключенныхъ въ предѣлахъ европейской Россіи, можно сказать свойскихъ, замѣтно уже обрусѣвшихъ. Пользы отъ нихъ нѣтъ рѣшительно никакой. Единственная подать, которую они платятъ, идетъ на содержаніе ихъ же управленія. Между тѣмъ всѣ эти кочевники—всадники прирожденные, неутомимые, люди зоркіе, чуткіе и находчивые, какъ всѣ полудикари, взросшіе подъ открытымъ небомъ, и въ то же время смѣлые, если только въ головѣ ихъ поставленъ смѣлый руководитель. На Кавказѣ было много знаменитыхъ абрековъ изъ бѣглыхъ ногайцевъ. Суточные переѣзды, совершаемые нашими кочевниками, показались бы европейцу баснословными. Люди эти родятся казаками, имъ нужны только руководители-офицеры и на первое время урядники. Можно въ одинъ день посадить ихъ всѣхъ на коня, безъ всякаго растройства въ хозяйствѣ, такъ какъ хозяйства у нихъ не существуетъ. Для военнаго устройства племена эти можно присоединить къ ближайшимъ казачьимъ войскамъ—кавказскихъ кочевыхъ къ линейному, калмыковъ къ донскому, букеевскихъ киргизовъ къ уральскому. Въ каждомъ изъ этихъ войскъ найдется достаточное количество запасныхъ офицеровъ и урядниковъ для вновь формируемыхъ сотенъ, тѣмъ болѣе, что въ войскѣ иррегулярномъ эти люди нужны для того, чтобы командовать, а не для того чтобъ учить, такъ какъ учить его почти нечему; а потому число ихъ можетъ быть сокращено до крайняго предѣла. По привычкамъ, по характеру ѣзды и по вооруженію, на сколько у нихъ есть вооруженіе, кочевые инородцы вездѣ близко подходятъ къ сосѣднимъ казакамъ, такъ какъ послѣдніе развивались сначала по ихъ образцу. Безъ малѣйшаго затрудненія можно вывести, хоть завтра 8 полковъ калмыцкихъ, 6 киргизскихъ и 6 ногайскихъ и трухменскихъ. Полки эти, какъ войско, конечно, не будутъ равняться съ чеченскими, или дагестанскими; но они будутъ не хуже многихъ полковъ казачьихъ, особенно съ оренбургской окраины, несшихъ исправно свою стражевую и разсыльную службу при нашихъ арміяхъ.

Всякое новое дѣло требуетъ постепенности. Хотя кавказскіе горцы лично всѣ готовые воины, а кочевники готовые всадники, но для благоустройства будущихъ полковъ, ихъ надо формировать методически, начиная съ низшей строевой единицы, сотни. Новые иррегулярные полки нужны для замѣщенія донцовъ; стало быть достаточно, чтобъ они зрѣли по мѣрѣ

Digitized by Google

того какъ донскія въ сотни будутъ обращаться въ регулярную кавалерію; взамѣнъ каждой донской сотни, прикомандированной къ строевой конницѣ, должна создаваться новая сотня нестроевая. При этомъ, пріемы для образованія иррегулярныхъ полковъ изъ кочевниковъ и кавказскихъ горцевъ не могутъ быть одинаковы. Однихъ можно формировать какъ намъ удобно, съ другими надо поступать осторожно.

Устройство полковъ изъ кочевниковъ дѣло очень простое. Раздѣливъ ихъ уравнительно на полковые участки, можно въ первый годъ сформировать по одной сотнѣ на каждый полкъ, оставляя ее на внутренней службѣ; на второй годъ удвоить ее, образуя такимъ образомъ дивизіонъ, и вести на службу куда потребуется. Новые люди, становясь между старыми, прослужившими уже годъ, будутъ сейчасъ же годны для нехитрой нестроевой службы. Затѣмъ черезъ каждые два года смѣнять людей постепенно, чтобы вновь пришлые становились въ ряды служилыхъ. Въ десять лѣтъ очередь обойдетъ весь составъ полка. Больше не нужно; большаго ничего не происходитъ и въ организованныхъ иррегулярныхъ войскахъ. Отъ кочевниковъ можно требовать для однообразія, напримѣръ, шапокъ одного цвѣта, по полкамъ, но, разумѣется, экипировка стала бы для нихъ затруднительною, еслибы вмѣсто ихъ обыкновеннато платья имъ навязали какой-нибудь мудреный мундиръ.

Кавказцевъ можно привлечь къ службѣ незамѣтно, не насилуя ихъ вольности и понятій. На первое время надобно сдѣлать имъ службу легкою и не отдалять ихъ отъ домовъ. Достаточно сформировать сначала по одной сотнѣ на полкъ и оставить ее въ своемъ округѣ, для исполненія полицейскихъ обязанностей; потомъ уже присоединить къ ней другую. На 17 полковъ составится 34 сотни; такое количество горцевъ на казенномъ содержаніи наберется и теперь на Кавказѣ, подъ видомъ разныхъ милицій. Для того, чтобъ имѣть въ готовности цѣлый полкъ съ округа, этихъ двухъ сотенъ довольно. Охотниковъ на остальныя четыре сотни достаточно приписать къ двумъ первымъ, вызывая ихъ на службу по очереди и постепенно. Льготнымъ людямъ нужно, конечно, обезпечить какія-нибудь преимущества, но, я полагаю, преимущества эти могутъ быть весьма не обременительныя. Денежное содержаніе, напримѣръ 2 рубля въ мѣсяцъ, офицерамъ и урядникамъ треть оклада,

Digitized by Google

что составитъ кругомъ 30 руб. на всадника, на 68 льготныхъ сотенъ 250 тысячъ въ годъ. Эта сумма не составитъ новаго расхода, онъ только переносится съ содержанія нынѣшнихъ иррегулярныхъ войскъ на другія, и потому не можетъ считаться новымъ. Для льготныхъ всадниковъ къ содержанію должно присоединить какое-нибудь замѣтное внѣшнее отличіе. На Кавказѣ уже поднятъ фактически вопросъ о постепенномъ запрещеніи горцамъ права носить публично огнестрѣльное оружіе. Къ нѣкоторымъ племенамъ это уже примѣнено; черезъ нѣсколько времени, безъ сомнѣнія, будетъ примѣнено ко всѣмъ. Можно предоставить льготнымъ охотникамъ право ходить въ полномъ вооруженіи. Для такихъ честолюбивыхъ людей какъ горцы, это отличіе будетъ большою приманкой. Вмѣстѣ съ содержаніемъ, хотя такимъ скуднымъ какъ мы предположили, оно привлечетъ весьма достаточное число охотниковъ. Надобно только, чтобъ эти охотники были настоящими охотниками, чтобъ они не видѣли надъ собой тѣни принужденія. Хочешь служи, хочешь ступай, на мѣсто тебя мы найдемъ другаго. Иначе сейчасъ же зайдетъ между ними рѣчь, что ихъ берутъ въ казаки.

Приписывать къ полку охотниковъ придетъ время тогда лишь, когда двѣ сотни на каждый полкъ будутъ уже сформированы. Надобно постепенно пріучать горцевъ къ службѣ внѣ ихъ края. Они и теперь охотно пойдутъ на войну, но не на внутреннюю, или пограничную службу. Надобно исподоволь пріучать ихъ къ ней. Когда списки всему полку будутъ уже составлены, и вторая очередь, прослуживъ годъ дома, привыкнетъ нѣсколько къ порядку, одну изъ сотенъ можно будетъ выдвинуть за предѣлы племеннаго участка, но недалеко, расположивъ ее на кордонахъ; во всякомъ случаѣ безъ принужденія; пусть не желающіе остаются дома: на ихъ мѣсто найдутся иные. На слѣдующій годъ другую сотню, также прослужившую годъ дома, можно расположить нѣсколько далѣе; въ короткое, относительно, время легко будетъ замѣнять горцами сборные линейные полки, хотя отчасти, на внутренней кавказской службѣ; эти послѣдніе станутъ на мѣсто донцовъ, по другимъ границамъ. Со временемъ же и горскіе полки пойдутъ куда ихъ пошлютъ. Самое важное дѣло при формированіи горскихъ полковъ, хорошій выборъ офицеровъ. Въ жизни горцевъ фамильныя и личныя отношенія играютъ такую роль, что отъ этого выбора можетъ зависѣть весь успѣхъ дѣла; за однимъ лицомъ

Digitized by Google

пойдутъ сотни, за другимъ не пойдетъ никто. Мѣстные начальники военныхъ районовъ Кавказа, съумѣютъ, конечно, дать вѣрное направленіе подобной мѣрѣ, еслибъ она была принята. Постепенное пріученіе горцевъ къ службѣ не устраняетъ однакоже возможности внезапнаго сформированія полковъ, еслибы представилась надобность. На войну ихъ можно вызвать и безъ постепенности. Противъ внѣшняго врага, даже въ настоящую минуту, правительство можетъ расчитывать на многія тысячи отчаянныхъ кавказскихъ наѣздниковъ.

Въ учрежденіи иррегулярныхъ конныхъ войскъ надобно имѣть въ виду одну важную вещь, которую у насъ постоянно забывали. Въ военное время часто является надобность увеличить, въ томъ или другомъ мѣстѣ, число казачьихъ полковъ, и для того вызываютъ на службу большее число людей, чѣмъ какое опредѣлено обыкновенными штатами: мѣра очень натуральная, такъ какъ иррегулярное войско самое удобное подспорье; оно всегда готово, между тѣмъ какъ другое войско пришлось бы формировать вновь. Сравнительно со штатнымъ числомъ строевыхъ, въ районѣ казачьихъ войскъ остается еще гораздо большее число людей способныхъ носить оружіе, также служившихъ и опытныхъ. Но въ этомъ случаѣ къ службѣ готовы только люди лично, а не всадники. Казаки держатъ у себя обыкновенно не болѣе строевыхъ лошадей, чѣмъ сколько полагается штатами. Когда война была нормальнымъ состояніемъ Кавказа, линейные полки состояли изъ шести сотенъ и строевыхъ людей было на шесть сотенъ, развѣ немногимъ больше. Теперь линейные полки, терскаго войска напримѣръ, въ четырехъ-сотенномъ составѣ, и верховыхъ лошадей у нихъ на четыре сотни. Естественно, что казакъ, какъ домохозяинъ, держитъ для службы только то, чего служба требуетъ; остальное онъ кладетъ на свое хозяйство; въ южной же полосѣ Россіи, въ которой группируются казачьи населенія, всѣ сельскохозяйственныя работы производятся волами, а не лошадьми, потому казакъ замѣняетъ первыми всякую лишнюю лошадь. Когда внезапно призывается къ службѣ большое число людей, чѣмъ обыкновенно, имъ приходится вдругъ обзаводиться лошадьми, цѣна которыхъ немедленно возвышается. Это затрудненіе до такой степени вліяетъ на сборъ добавочныхъ частей, что сформированіе ихъ часто можетъ состояться только на половину, а иногда и вовсе не можетъ состояться, хотя людей

Digitized by Google

больше чѣмъ нужно, и съ ихъ стороны нѣтъ недостатка въ доброй волѣ. Можно сказать навѣрное, что въ настоящее время было бы чрезвычайно затруднительно выставить безъ денежнаго вспоможенія со всего кавказскаго линейнаго войска полные шестисотенные полки; то же самое оказывается и въ другихъ казачьихъ войскахъ. Между тѣмъ, въ исчисленіи иррегулярной конницы мы предполагали полки именно въ этомъ составѣ; такъ полагается и въ государственномъ расчисленіи, иначе нестроевой конницы окажется недостаточно. Сформированіе не только шести-сотенныхъ полковъ, но, въ случаѣ надобности, даже прибавочныхъ къ нимъ частей, дѣло вовсе незатруднительное по количеству и приготовленности людей, по духу учрежденій иррегулярныхъ войскъ; но оно не можетъ быть даровымъ для государственнаго казначейства, не можетъ быть отнесено исключительно на счетъ казаковъ. Чтобы количество и качество иррегулярной кавалеріи соотвѣтствовали ожиданію, надобно положить правиломъ—всякому нестроевому всаднику, не сидящему верхомъ по штатамъ мирнаго времени, съ призывомъ на службу выдавать пособіе на заведеніе коня, примѣрно 50 руб.,—цѣна доброй степной или горской лошади. Къ этой категоріи принадлежатъ въ казачьихъ полкахъ—сотни свыше числа, положеннаго штатомъ, въ горскихъ полкахъ сотни призываемыя на службу внѣ очереди, и т. д. Безъ такого отпуска нельзя поставить легкую конницу на ноги въ должномъ видѣ. Тутъ дѣло идетъ о расходѣ военнаго, а не мирнаго времени, Невозможно вести войну экономно; она ведется для обезпеченія будущаго, а потому и на счетъ будущаго.

Digitized by Google

VII.

Военные чины.

Въ настоящее время корпусъ офицеровъ русской арміи не складывается уже самъ собою, его нужно создавать искуственными мѣрами. Прежде, русскому человѣку высшаго сословія приходилось выбирать только одно изъ двухъ: служить или ничего не дѣлать. Естественно, что дворянство служило поголовно и начальствовало надъ своими бывшими крѣпостными въ мундирѣ какъ начальствовало надъ ними, когда тѣ ходили еще въ зипунѣ. Тутъ выражалось цѣликомъ общественное устройство. Офицерство составляло сословіе, оно было военнымъ дворянствомъ, въ отличіе отъ военнаго крестьянства. Теперь это отличіе существуетъ только искуственно, какъ не успѣвшая еще изчезнуть форма, но не какъ сущность дѣла. Наши лучшія молодыя силы отвлечены въ другую сторону; собственно русское дворянство перестало поступать въ военную службу не только исключительно, но даже преимущественно. Съ тѣмъ вмѣстѣ пресѣклась возможность формировать корпусъ офицеровъ почти поголовно изъ дворянъ, какъ было прежде, т. е. кончилось офицерство какъ сословіе, какъ общественный пластъ, однородный въ своемъ составѣ отъ прапорщика до фельдмаршала, лежащій на другомъ общественномъ пластѣ. *Русскіе* офицеры уже не рождаются; армія должна ихъ выростить.

Съ другой стороны, пока дѣйствіе привилегіи продолжается, ею пользуются элементы, изъ которыхъ вовсе не желательно образовать большинство нашего офицерства. «*Московскія Вѣдомости*» разсчитали, что собственно русское дворянство составляетъ не болѣе четверти дворянства русской Имперіи остальныя три четверти приходятся на иноязычныхъ, по большей части новосозданныхъ и политически далеко не совсѣмъ надежныхъ людей *). Это значитъ, въ короткихъ словахъ, что

*) Нечего говорить, что мы не подразумѣваемъ здѣсь ни остзейскаго ни грузинскаго дворянства и не дѣлаемъ никакой разницы въ военномъ отношеніи между ними и кровными русскими.

Digitized by Google

русское царство отравлено своимъ не русскимъ высшимъ сословіемъ; слѣды отравы сказались ясно въ судорогахъ, непонятныхъ въ нашемъ обществѣ и народѣ, отъ нигилизма до пожаровъ и подметныхъ грамотъ. Но это чужеядное высшее сословіе становится понемногу, подъ покровомъ привилегіи, въ головѣ арміи: именно подъ покровомъ привилегіи, потому что по личнову развитію, девять десятыхъ этихъ людей не достигли бы такого положенія. Къ подобному дворянству надобно присоединить еще много другихъ элементовъ; кто не знаетъ, что старыя узаконенія присвоили всякому не русскому въ Россіи хоть какія-нибудь права, сверхъ общаго права; всякій иностранецъ или полуиностранецъ, не подлежащій рекрутской повинности, вступаетъ въ военную службу вольноопредѣляющимся и этимъ самымъ становится ближе къ офицерству, чѣмъ природный русскій человѣкъ. Неужели мы будемъ дожидаться чтобъ эти сбродные элементы, при малой охотѣ къ военной службѣ собственно русскаго дворянства, стали рѣшительно въ головѣ нашей арміи? При этомъ условіи становится затруднительнымъ набирать офицеровъ *по праву*. Это вторая причина почему армія должна возвращать изъ себя большинство офицеровъ, а не принимать ихъ извнѣ. По обѣимъ причинамъ, уничтоженіе сословной привилегіи въ военной службѣ стало въ настоящее время дѣломъ настоятельной необходимости. Надобно вычеркнуть изъ закона сроки для производства въ офицеры, различные для каждаго сословія, и положить одинъ общій срокъ для лицъ удовлетворяющихъ требованіямъ экзамена.

Воспитанниковъ военныхъ училищъ достанетъ развѣ на четверть такой арміи какъ наша; образованное дворянство не идетъ больше въ армію въ достаточномъ числѣ. Съ переходомъ на военное положеніе у насъ опять окажется крайній недостатокъ въ годныхъ офицерахъ, такой недостатокъ, что онъ можетъ парализовать лучшія военныя учрежденія, если не будетъ предупрежденъ кореннымъ измѣненіемъ военнаго права. А не забудемъ что въ первой войнѣ, какая у насъ вспыхнетъ, будетъ несомнѣнно рѣшаться вопросъ о мѣстѣ Россіи въ свѣтѣ и будущности нашей на долгое время; нельзя жертвовать участью такихъ вещей старымъ воспоминаніямъ.

Есть и еще причины, требующія, чтобы въ нашей арміи заслугѣ были настежь открыты двери. Нашъ солдатъ сталъ

Digitized by Google

теперь вольнымъ человѣкомъ. Прежній крѣпостной думалъ только о томъ, какъ бы отбыть свой срокъ. Нынѣшній австріецъ или пруссакъ служитъ въ рядахъ такъ мало, что его желанія остаются гражданскими, не переносятся на военную службу,—военное честолюбіе его не возбуждено. Нашъ же солдатъ, особенно унтеръ-офицеръ, будетъ служить довольно долго и станетъ дѣйствительно военнымъ, — это условіе необходимо для качества арміи. Но въ такомъ случаѣ, сознавая себя вольнымъ человѣкомъ, которому на родинѣ могло бы предстоять значительное положеніе между своими, и въ то же время ставъ надолго военнымъ безъ всякихъ видовъ на будущее, онъ можетъ или утратить всякую энергію, или возмутиться душой; если мы хотимъ имѣть хорошую армію, этому чувству надо дать исходъ. Отчасти эта мѣра воспитанія офицеровъ армій уже осуществлена; остается довершить ее съ другой стороны. Но съ тѣмъ вмѣстѣ распадается понятіе объ офицерствѣ какъ о чемъ-то цѣльномъ; какъ только эполеты утратятъ совсѣмъ свое сословное значеніе, каждый прапорщикъ будетъ уже не кандидатомъ въ фельдмаршалы, какъ бывало, но унтеръ-офицеромъ, произведеннымъ въ слѣдующій классъ. До сихъ поръ у насъ оно еще *не такъ*, но по ходу дѣла, ни отъ кого лично не зависящему, будетъ *такъ*. При этомъ станетъ уже невозможнымъ и ненужнымъ требовать отъ офицера (понимая подъ этимъ именемъ весь военный людъ носящій эполеты) чего нибудь общаго. Какъ теперь отъ солдата требуютъ одного, а отъ унтеръ-офицера другаго, такъ придется требовать отъ субалтернъ-офицеровъ третьяго, отъ ротныхъ командировъ четвертаго, отъ штабъ-офицеровъ пятаго и т. д. Каждый чинъ составитъ особую группу, отъ которой понадобятся не знанія отвлеченнаго офицера, а именно то, что для нея нужно. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ офицерскомъ экзаменѣ долженъ быть поставленъ иначе чѣмъ теперь.

Въ послѣднее время большинство мнѣній, высказанныхъ въ нашей печати объ устройствѣ корпуса офицеровъ, требовало главнѣйше одного—образованія, не опредѣляя въ точности, какое образованіе тутъ нужно. Между тѣмъ именно въ этомъ опредѣленіи вся сила.

Какъ ни желательно чтобы всякій челотѣкъ зналъ какъ можно больше, но общее образованіе не можетъ быть предметомъ попеченій или требованій со стороны военнаго управле-

Digitized by Google

нія, которое обязано считать образованнымъ офицеромъ только офицера образованнаго въ своемъ дѣлѣ, не заботясь о томъ, каковы его энциклопедическія познанія. Общій уровень образованія долженъ составлять заботу общества въ массѣ, но онъ не касается до спеціальныхъ вѣдомствъ. У насъ долго забывали эту непреложную истину, что и теперь еще отзывается на офицерскихъ экзаменахъ; требованіе отъ людей, безъ особенной надобности, высшаго уровня образованія, чѣмъ тотъ, который существуетъ дѣйствительно, ведетъ только къ фальши, а фальшъ къ тому, что не спрашиваютъ въ достаточной степени и дѣйствительно нужнаго. Какъ ни мало въ нашей арміи хорошо образованныхъ людей, но ихъ все-таки гораздо больше, чѣмъ образованныхъ офицеровъ; а для качества войска пропорція должна бы быть обратною.

Кромѣ спеціальныхъ знаній, потребныхъ въ дѣлѣ, которому человѣкъ себя посвящаетъ (даже въ этомъ отношеніи программа должна ограничиваться только необходимымъ), офиціально нельзя спрашивать отъ него ничего болѣе; но за то этого необходимаго надобно требовать по всей строгости, безъ малѣйшаго снисхожденія: человѣкъ не знающій того, что нужно знать для его дѣла, никуда не годится. Полезное можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда не останется никакого сомнѣнія, что необходимое удовлетворено вполнѣ. Сумма познаній, нужная офицеру не спеціальныхъ оружій для отличнѣйшаго исполненія его обязанностей, весьма ограничена. Въ то же время военное дѣло составляетъ такую спеціальность, въ которой характеръ человѣка, его инстинктивныя способности, смѣтка, быстрая рѣшимость, умѣнье заслужить довѣренность толпы, играютъ первую роль и могутъ поставить его очень высоко въ своемъ ремеслѣ. Отталкивать такихъ людей изъ-за алгебры и французской исторіи было бы китайскимъ педантствомъ. На Кавказѣ дознано опытомъ, что весьма часто отличнѣйшіе ротные командиры выходили изъ юнкеровъ, долго протянувшихъ лямку, бѣдныхъ, мало образованныхъ дворянъ; сжившись съ солдатомъ, эти люди знали его и могли имъ командовать безъ затѣй, но разумно.

Открытіе доступа къ спеціяльному образованію въ войсковыхъ школахъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ на всѣхъ общаго права, вызоветъ много кандидатовъ, достойныхъ эполетъ. Степень приготовленности этихъ людей будетъ, конечно далеко не

Digitized by Google

равная; найдутся такіе, которые пойдутъ далеко, но большая часть будетъ годиться только для скромныхъ оберъ-офицерскихъ мѣстъ, представляя притомъ всѣ качества, нужныя для такого званія. Разумѣется, нельзя мѣрить однихъ другими. Можно установить двѣ степени экзамена: одинъ окончательный, другой только для оберъ-офицерскихъ чиновъ, и въ то же время раздѣлить военные чины на три группы: оберъ-офицеровъ и генераловъ, разорвавъ между ними всякое производство по старшинству, предоставляя его лишь достойнымъ. Теперь уже можно, кажется, надѣяться, что у насъ сыщется и безъ искуственныхъ мѣръ достаточно образованныхъ людей для мѣстъ, на которыхъ необходимо нужны образованные люди; масса же мелкихъ офицеровъ, которую такъ трудно теперь подобрать, будетъ, кромѣ прилива высшихъ классовъ, воспитываться самою арміей. Качество простаго офицера станетъ измѣряться тогда не его *гражданскими познаніями*, составляющими весьма ненадежный критеріумъ, а его *военными познаніями и качествами*, что будетъ гораздо лучше для развитія войска.

Жизнь высшаго слоя арміи, офицерства, даже въ нашъ вѣкъ равенства, имѣетъ въ основѣ своей дворянскія преданія. Коренныя понятія и обычаи военнаго ремесла не поддаются напору времени и сохраняются почти цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они выработались въ эпоху, когда войско значило—дворянство. Очень понятно почему. Преимущественное развитіе военныхъ качествъ въ человѣкѣ приводитъ, наконецъ, къ особому исключительному типу; тогда только войско хорошо, когда этотъ типъ значительно въ немъ распространенъ. Старинное же дворянство, военная каста былаго времени, по всему свѣту, состоявшее изъ прирожденныхъ и наслѣдственныхъ воиновъ, осуществляло въ себѣ этотъ ратный идеалъ отъ древне-индійскихъ кшатріевъ до нынѣшняго прусскаго юнкертума. Гдѣ только дворянство существуетъ, оно составляетъ первый военный элементъ страны. Въ отношеніи военнаго долга, какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, наше дворянство не можетъ оставаться дворянствомъ XVIII вѣка, къ чему оно такъ привыкло; оно станетъ нечувствительно, всякій годъ терять болѣе и болѣе свое общественное положеніе, но оно можетъ быть дворянствомъ XIX вѣка, стать еще выше прежняго, замѣнивъ привилегію высшимъ сознаніемъ долга и своимъ при-

Digitized by Google

рожденнымъ нравственнымъ превосходствомъ. Устраняясь въ большинствѣ отъ военной службы какъ отъ ремесла, дворянство, для сохраненія своего общественнаго положенія, должно принять ее на себя, какъ обязанность. Конечно, желательно, чтобы передъ тѣмъ преобразованіе нашей арміи подвинулось нѣсколько далѣе, чтобы сроки дѣйствительной службы были сокращены, чтобы рекрутскій выкупъ былъ правильно установленъ. При прежнихъ порядкахъ, когда солдатъ былъ крѣпостной человѣкъ правительства, высшія сословія натурально не призывались въ ряды; но тогда все русское дворянство поголовно служило въ арміи офицерами. Теперь солдатъ сталъ вольнымъ человѣкомъ, гражданиномъ; въ настоящее время быть солдатомъ значитъ быть воиномъ своего отечества. Какое дворянство, имѣющее хоть тѣнь политическаго чувства, позволитъ себѣ оставить другимъ сословіямъ службу, которой оно обязано происхожденіемъ и существованіемъ? Послѣ кореннаго измѣненія, происшедшаго въ послѣднее время въ духѣ нашихъ военныхъ учрежденій, дворянство должно просить правительство снять съ него льготу, ставшую несовсѣмъ благовидною— не считаться въ числѣ защитниковъ отечества. Для людей, серіозно предавшихся какому-либо исключительному занятію, всегда останется средство выкупа посредствомъ зачетной квитанціи, прочіе должны показать народу какъ нести высшій общественный долгъ. Желательно, чтобы русское дворянство не только отклонило отъ себя привилегію, которую оно раздѣляетъ теперь съ нѣмецкими колонистами—не проливать обязательно крови за Россію, но чтобъ оно, какъ можно менѣе, пользовалось общимъ правомъ выкупа. Съ уменьшеніемъ сроковъ, отбыть нѣсколько времени подъ роднымъ знаменемъ не можетъ испортить ничьей жизни. Для будущности нашей арміи необходимо, чтобы русское дворянство не уклонялось отъ военной службы, по крайней мѣрѣ, какъ отъ общенародной обязанности. Уменьшеніе образованнаго, возросшаго на твердыхъ преданіяхъ элемента, стало живо чувствоваться въ русскихъ войскахъ; затрудненіе набирать хорошихъ офицеровъ удвоилось противъ прежняго. Отреченіе дворянства отъ неприличной ему льготы, разомъ поставитъ русскую армію на ноги. Молодые дворяне будутъ лучшими проводниками понятій долга и права въ массу солдатъ; нравственное перевоспитаніе войскъ, къ которому правительство стремится съ такими чрезвычайными

Digitized by Google

усиліями, съ трудомъ проникающее сквозь гущу застарѣлыхъ понятій, совершится тогда въ одинъ день. Кто осмѣлится нарушать неприкосновенность солдата, когда между солдатами будутъ стоять Рюриковичи? Кто найдетъ военную службу не по себѣ, тотъ оставитъ ее по окончаніи срока; кто полюбитъ, тотъ останется. Такихъ будетъ множество изъ людей, которые теперь, не по примѣру отцовъ, отстраняются отъ ратнаго дѣла. Молодые люди съ нѣкоторымъ образованіемъ не засидятся въ толпѣ; сдавъ экзаменъ, они будутъ офицерами. Еще до этого, при нынѣшнихъ правахъ рядоваго, положеніе ихъ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ положенія юнкеровъ. Нравственное единеніе высшаго сословія съ народомъ, порвавшееся полтораста лѣтъ тому назадъ, возстановится всего скорѣе въ рядахъ русской арміи; оба они поймутъ другъ друга. Пройдя черезъ ряды арміи, дворяне въ массѣ станутъ уже не чужды военному дѣлу и потому будутъ въ состояніи толково занять офицерскія мѣста въ необходимомъ для насъ земскомъ ополченіи, изъ чего произойдутъ два важныя послѣдствія: вопервыхъ, хорошее устройство ополченія сдѣлается легкимъ, вовторыхъ, дворянство и въ этомъ отношеніи станетъ въ головѣ народа, займетъ у себя дома, въ своемъ уѣздѣ и околоткѣ, руководящее положеніе не въ силу привилегіи, а въ силу высшей способности.

Съ тѣмъ вмѣстѣ военная служба по жребію станетъ обязательною для всякаго гражданина. Какъ только дворянство приметъ на себя этотъ долгъ—его историческій долгъ—то онъ естественно будетъ распространенъ на милліоны людей, живущихъ русскимъ достояніемъ и не несущихъ первой изо всѣхъ общественныхъ повинностей.

Сформированіе корпуса офицеровъ, воспитываемаго самою арміей, а не привносимаго въ нее извнѣ высшимъ общественнымъ классомъ, требуетъ многихъ особенныхъ мѣръ и усиленнаго попеченія, безъ которыхъ можно было обойтись при военномъ дворянствѣ. Но какъ возобновить былое положеніе вещей ни отъ кого не зависитъ, то надобно озаботиться новымъ. Въ этомъ отношеніи наши военныя учрежденія, вытекшія изъ другихъ взглядовъ, требуютъ многихъ преобразованій.

Вслѣдствіе старыхъ порядковъ, число офицеровъ, служащихъ подъ разными наименованіями внѣ фронта, составляетъ у насъ слишкомъ высокій процентъ, неизвѣстный другимъ арміямъ.

Digitized by Google

Неопредѣленность и произволъ въ этомъ отношеніи такъ еще значительны, что у насъ всякій начальникъ можетъ изобрѣтать прямо или косвенно импровизованныя должности внѣ фронта для покровительствуемыхъ имъ лицъ. Благодаря этой неопредѣленности, многочисленности вѣдомствъ вовсе не военныхъ, наполненныхъ однакожь людьми въ военномъ мундирѣ, и отсутствію разграниченія между боевыми и не боевыми офицерами, возникъ такой духъ, что всякій небогатый офицеръ считаетъ службу во фронтѣ за худшее, ищетъ и находитъ, если имѣетъ малѣйшее покровительство или случай, какое-нибудь хозяйственное мѣсто и продолжаетъ носить эполеты, переставъ въ сущности быть военнымъ. Какъ ни велико зло, происходящее отъ столь излишняго обремененія казначейства, но тутъ есть зло еще значительнѣйшее: оно состоитъ въ томъ, что прямая военная служба, съ ея трудами и славой, перестаетъ быть цѣлью военныхъ людей; они пользуются и бо̀льшимъ спокойствіемъ, и лучшимъ содержаніемъ, и выгодами, часто сопряженными съ мѣстами внѣ фронта, тогда лишь, когда оставляютъ ряды, такъ что всякій офицеръ, имѣющій сколько-нибудь ловкости, наровитъ выйти изъ строя, въ которомъ остаются за тѣмъ только неодаренные этимъ искуствомъ. Пока не будетъ положенъ конецъ такому порядку вещей, наши офицеры не будутъ истинно-военными людьми-руководителями, образцами для солдатъ. Нравственное отношеніе, существующее покуда между нашимъ офицерствомъ, взятымъ въ массѣ, и нижними чинами—вовсе не нормальное; нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша армія держится преимущественно качествомъ своихъ солдатъ, которые, относительно, несравненно превосходятъ офицеровъ. За исключеніемъ гвардіи, нѣсколькихъ кавказскихъ и, можетъ-быть, нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, нашъ корпусъ офицеровъ вовсе не составляетъ военнаго сословія, проникнутаго военнымъ духомъ, не имѣетъ никакого выраженія, столь рѣзко отличающаго за границей офицеровъ отъ прочихъ гражданъ. Иначе и быть не можетъ, потому что этотъ корпусъ вовсе не обособленъ, не замкнутъ въ себѣ. Онъ не былъ обособленъ и прежде, но тогда онъ состоялъ поголовно изъ дворянъ, исключительно служившихъ въ войскѣ, вносившихъ въ него болѣе гордый, смѣлый и самостоятельный духъ. Теперь же, когда большинство армейскихъ офецеровъ выходитъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, и вольноопредѣляющихся разныхъ

Digitized by Google

званій, характеръ ихъ можно поднять только рѣзкимъ, отграниченіемъ отъ всего остальнаго и систематическимъ воспитаніемъ въ особомъ, имъ однимъ свойственномъ духѣ. Даже потомъ, когда наше офицерство будетъ воспитываться самою арміей, условіе это останется необходимымъ. Храбрость русскаго человѣка всякаго сословія стоитъ внѣ вопроса; однакожь никто не удивится, если чиновники какого-нибудь губернскаго правленія не окажутся въ данномъ случаѣ храбрецами. Теперь нѣтъ больше сословной разницы между большинствомъ нашихъ офицеровъ и чиновниками губернскихъ правленій; если первые не будутъ сведены въ замкнутую корпорацію, воспитываемую въ особомъ духѣ, то не будетъ и причины, чтобъ отличіе ихъ отъ родныхъ братьевъ, взявшихъ перо, сказалось слишкомъ рѣзко. Но какой же можетъ быть общій духъ, какая можетъ образоваться корпорація между людьми, мундиръ которыхъ покрываетъ одинаково и строеваго офицера, и смотрителя провіантскаго магазина, высчитывающаго мышеѣдъ, и всякаго надсмотрщика надъ казенными дровами, госпитальнаго эконома, квартальнаго надзирателя, участковаго засѣдателя, — да кто пересчитаетъ всѣ метаморфозы, подъ которыми является въ нашемъ отечествѣ военный мундиръ? Какой положительный цвѣтъ можетъ принять этотъ хамелеонъ, называемый корпусомъ нашихъ офицеровъ? И какой духъ можетъ образоваться въ корпораціи, способнѣйшіе члены которой, если только они люди безъ состоянія, стремятся всею душой отъ лавроваго вѣнка къ мышеѣду, думаютъ только о томъ, какъ бы, не скидая своего мундира, утизнуть изъ фронта на какое-нибудь тепленькое хозяйство мѣстечко. Прежде всего у насъ нуженъ абсолютный разрывъ между военною службой и военно-хозяйственными вѣдомостями, всякими не прямо военными должностями какихъ бы то ни было наименованій, такъ чтобъ офицеръ, носящій эполеты, пока онъ ихъ носитъ, не могъ имѣть въ виду ничего кромѣ фронтовой службы и немногихъ дѣйствительно военныхъ штабныхъ мѣстъ, требующихъ военной спеціяльности. Внѣ этихъ званій, не должно быть военнаго мундира. Тогда только онъ пріобрѣтетъ цѣну, тогда только подъ нимъ разовьется цѣльная, одушевленная свойственными ей чувствами корпорація. Большая разница—искать легко достающихся занятій внѣ фронта, или выходить въ отставку, чтобъ искать мѣста въ постороннемъ вѣдомствѣ.

Digitized by Google

Единственное средство покончить съ этимъ смѣшеніемъ языковъ—исчислить точно, по военному положенію, всѣ дѣйствительно необходимыя военныя должности внѣ фронта, опредѣлить по нимъ до послѣдней единицы число нужныхъ нестроевыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ каждаго чина отдѣльно, упразднить толпу людей, состоящихъ при арміи безъ опредѣленнаго дѣла, кромѣ безсрочно-отпускныхъ, и затѣмъ свято держаться закона—не допускать ни одного человѣка носить военный мундиръ внѣ установленныхъ должностей, не производить никого въ слѣдующій чинъ сверхъ комплекта. Когда въ нашей арміи, какъ нынѣ во французской, будетъ опредѣлено закономъ число людей для каждаго чина, тогда нельзя будетъ получить чинъ, не получая въ то же время означеннаго въ спискахъ (и, стало-быть, нужнаго въ арміи) мѣста. Тогда только можетъ у насъ образоваться корпусъ офицеровъ; съ тѣмъ вмѣстѣ сократятся издержки на содержаніе массы безполезныхъ людей, при скудномъ содержаніи людей необходимыхъ.

Тутъ идетъ дѣло о вещахъ первостепенной важности. Можетъ ли Россія обойтись безъ постоянной арміи? Если нѣтъ, то надо имѣть въ виду, что постоянная армія есть учрежденіе совершенно исключительное, идущее въ разрѣзъ со всѣми прочими явленіями образованнаго общества, подчиненное законамъ желѣзной необходимости—однимъ и тѣмъ же со времени македонской фаланги и римскихъ легіоновъ. Солдатъ, какого бы чина ни былъ, не есть гражданинъ, вставшій за родную землю—это совсѣмъ иной типъ—онъ человѣкъ, сдѣлавшій изъ войны ремесло и средство къ существованію, что несогласно съ человѣческою природою и потому можетъ поддерживаться только искуственными мѣрами. Идеи и чувства, которыми живетъ постоянная армія, не заключаютъ въ себѣ никакой доли истины—онѣ фикція и потому требуютъ исключительнаго, принаровленнаго къ этому дѣлу воспитанія человѣка. Отказаться на вѣки отъ своей воли, какъ въ монастырѣ; составить себѣ идеалъ чести изъ слѣпаго повиновенія; идти на неизбѣжную смерть по первому слову старшаго, къ которому не питаешь иногда ни уваженія, ни довѣренности; считать самымъ священнымъ предметомъ въ свѣтѣ лоскутъ шелковой матеріи на концѣ палки, называемый знаменемъ, посвятить жизнь на изученіе и преподаваніе прицѣльной стрѣльбы и бѣглаго шага за столько

Digitized by Google

то рублей въ годъ, и въ то же время считать себя не наемнымъ учителемъ гимнастики, но цвѣтомъ и украшеніемъ своего отечества—всѣ эти и множество другихъ вещей, безъ которыхъ нѣтъ постоянной арміи,—ничто иное какъ громаднѣйшія фикціи, прививающіяся къ людямъ только при извѣстной обстановкѣ вещей, вовсе не произвольной. Между тѣмъ опытъ двухъ тысячъ лѣтъ доказываетъ, что вооруженные граждане, при какомъ бы то ни было напряженіи благороднѣйшихъ чувствъ естественныхъ, не могутъ, устоять противъ такого искуственнаго сочетанія—арміи. Изъ этого истекаетъ уже не фикція, а явная истина—нельзя мѣрить военныя потребности обыкновеннымъ аршиномъ, надобно подчиняться кажущимся несообразностямъ ихъ собственной логики.

Первая потребность арміи—высокое мнѣніе военныхъ о своемъ званіи, находящее сочувственный отзывъ въ обществѣ. Если общество вполнѣ сознаетъ себя какъ націю, то (въ продолжающемся еще покуда положеніи свѣта) оно должно высоко цѣнить свою армію, въ которой осуществляется національное могущество; цѣнить-же армію, значитъ цѣнить людей, ее составляющихъ. Посмотрите, какъ относятся къ офицеру общество, народъ, всѣ классы населенія въ европейскихъ странахъ наименѣе проникнутыхъ духомъ солдатчины, наиболѣе гражданскихъ, какъ Англія и Голландія. Вы сейчасъ видите, что всѣ уважаютъ въ офицерѣ свое національное величіе, смотрятъ на него съ тѣмъ же чувствомъ, въ маломъ размѣрѣ, какъ на памятники славныхъ побѣдъ, которыми тамъ заставлены площади. Можно судить по преданіямъ, что таково же было положеніе русскаго офицера не далѣе какъ при Александрѣ I-мъ. Недавно одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ генераловъ писалъ мнѣ: „грустно, а нельзя не видѣть—военное званіе у насъ въ упадкѣ; съ каждымъ днемъ оно теряетъ свое обаяніе, приманку и сочувствіе общества. На юношу юнкера смотрятъ съ пренебреженіемъ, и барышни перестали заглядываться на молодаго корнета.... Если во Франціи или Германіи ребенокъ скажетъ, что онъ хочетъ быть генераломъ; мать поцѣлуетъ его съ гордостію и гости обласкаютъ; если то же скажетъ русскій мальчикъ, то это сочтутъ противной пошлостью и будутъ правы и т. д.“ Очень естественно, что въ Европѣ и у насъ смотрятъ на офицера различно. Тамъ онъ представляетъ опредѣленный типъ—народнаго бойца, рѣзко отграниченный отъ

Digitized by Google

всего прочаго; у насъ ничего не представляетъ. Глядя на русскаго офицера нельзя знать, военный онъ, или столоначальникъ, или чапаръ, произведенный за послуги при уѣздномъ начальникѣ. Я не думаю, чтобъ число офицеровъ, дѣйствительно потребное для арміи, было больше теперь, относительно къ населенію имперіи, чѣмъ при Александрѣ I-мъ, но ихъ слишкомъ много внѣ арміи, изъ чего выходятъ два послѣдствія: эполеты не означаютъ военнаго и содержаніе, подѣляемое на столько рукъ, оказывается скуднымъ, не позволяетъ поддерживать себя сообразно званію, особенно въ высшихъ чинахъ. Военное сословіе, не замкнутое въ самомъ себѣ, не можетъ проникнуться никакимъ общественнымъ, ему только свойственнымъ духомъ и заставить каждаго члена корпораціи достойно носить свое званіе; нація также не можетъ видѣть въ такомъ сословіи что либо типическое и относиться къ нему опредѣленнымъ образомъ.

Кромѣ того, офицерское сословіе не сложится у насъ достойнымъ его образомъ, покуда войско будетъ дѣлиться на разряды съ разными привилегіями. Такихъ разрядовъ у насъ нѣсколько. Съ одной стороны, приливъ значительной части молодыхъ людей въ гвардіи заставляетъ смотрѣть на армейскаго офицера, въ которомъ однакожь вся сила, какъ на офицера втораго разряда, не заслуживающаго особеннаго вниманія; нашъ гвардейскій офицеръ не отборный, какъ наполеоновскій, а потому привилегія его, бросая тѣнь на армію, не можетъ возбуждать въ ней никакого соревнованія; въ то же время всѣмъ извѣстно, что въ гвардіи меньше всего можно научиться настоящей службѣ. Съ другой стороны у насъ существуютъ войска совсѣмъ уже нисшаго разряда, какъ гарнизонныя, доставившія Тургеневу такіе забавные и такіе вѣрные, къ сожалѣнію, типы начальника инвалидной команды и его подпоручика; этихъ людей дѣлаетъ забавными только ихъ обстановка. Гдѣ же обществу разбирать въ незнакомомъ человѣкѣ, принадлежитъ ли онъ къ смѣшнымъ, или къ плохимъ, или къ порядочнымъ? Французская литература не допускаетъ типа смѣшнаго офицера, такъ какъ армія такихъ типовъ не производитъ; французскій мундиръ вещь священная для общества; какъ риза.

Наша армія окружена сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ, полу-военной атмосферой не принадлежащей къ ней прямо. Высшая часть военнаго сословія—большинство генераловъ и

Digitized by Google

полковыхъ командировъ—выходятъ не изъ арміи, но изъ особаго пласта, лежащаго надъ арміей и не имѣющаго съ нею почти никакого соприкосновенія (сюда же надо причислить генеральный штабъ) *). Личный составъ этого пласта хорошъ, въ томъ отношеніи; что большинство людей представляетъ, по своему личному положенію и образованію, многіе задатки къ тому, чтобъ стать надежными офицерами; но зародышъ можетъ дать плодъ только будучи пересаженъ вовремя въ почву, а не залежавшись въ запасномъ магазинѣ. Важнѣйшая сторона службы не въ ученьяхъ и маневрахъ, а въ нравственныхъ отношеніяхъ между людьми, въ пониманіи условій, на которыхъ зиждется армія—чему нельзя научиться иначе, какъ въ самой арміи. Невозможно начинать учиться съ должности полковаго командира, когда тутъ же приходится всѣмъ распоряжаться. Между тѣмъ изъ такого положенія дѣлъ выходитъ, что полками въ дѣйствительности командуютъ, но не управляютъ; а въ то же время производство задерживается въ арміи, что поперечитъ первымъ основаніямъ боеваго развитія войска. У военнаго человѣка, вслѣдствіе условій его положенія, отнято, столько побужденій обыкновенной гражданской дѣятельности, что онъ болѣзненно дорожитъ тѣми, которыя ему оставлены. Изъ этихъ остающихся побужденій главное—честолюбіе, надежда на повышеніе, безъ котораго не существуетъ никакого соревнованія, развѣ для немногихъ, которые любятъ военное дѣло для него самого. Этотъ четвертый, высшій пластъ слѣдуетъ присовокупить къ тремъ поименованнымъ. Вотъ уже четыре разряда офицеровъ по привиллегіямъ (узаконеннымъ или нѣтъ, это все равно). Такого произвольнаго наслоенія, такой, можно сказать, разрозненности въ корпусѣ офицеровъ,

*) Несмотря на важность такого предмета какъ относительное положеніе генеральнаго штаба въ арміи, я не хочу заводить о немъ пространной рѣчи, именно потому, что она вышла бы слишкомъ пространна, а между тѣмъ мнѣніе арміи въ этомъ отношеніи до такой степени единогласно, что выводъ изъ моихъ словъ былъ бы тотъ, что я думаю какъ всѣ. Каждая живая душа знаетъ, что главный недостатокъ этого учрежденія у насъ состоитъ въ томъ, что оно выдѣлено въ особое сословіе. Чужой примѣръ намъ не указъ, тамъ, у другихъ сильный духъ арміи исправляетъ самъ собою многія учрежденія; у насъ же, одинъ Кавказъ только обладалъ этимъ уменьемъ; въ прочей арміи, если только въ учрежденіи была допущена какая-нибудь рѣзкость; то она сейчасъ же разросталась до чудовищныхъ размѣровъ.

Digitized by Google

который по самому назначенію своему долженъ быть однороднымъ, нѣтъ и не можетъ быть нигдѣ.

Въ дѣлѣ воспитанія арміи, органическаго ея развитія, важнѣйшая должность, безъ сомнѣнія, есть должность полковаго командира; въ лицѣ его верхъ связывается съ низомъ, управляющіе съ управляемыми; такъ какъ самъ онъ въ одно время и самостоятельный начальникъ и строевой офицеръ. Вся нравственная основа части зиждится на личности, если не одного какого-либо командира, то по крайней мѣрѣ ряда ихъ; съ другой стороны, высшему военному управленію извѣстно объ арміи (кромѣ наружной стороны) лишь то, что полковые командиры доведутъ до его свѣдѣнія. Высшіе начальники—генералы командуютъ войсками, но не воспитываютъ ихъ; вліяніе опытнѣйшаго начальника дивизіи на духъ полка не обнаруживается прямо, но проходитъ черезъ личность непосредственно начальника. Дайте хорошему командиру самый плохой полкъ (т. е. плохой нравственно, тутъ дѣло идетъ, разумѣется, не о церемоніяльномъ маршѣ) на довольно продолжительное время и не стѣсняйте его распоряженій,—онъ найдетъ средство поправить полкъ. Неудовлетворительные генералы плохо распорядятся войсками въ бою; но съ неудовлетворительными полковыми командирами самое войско станетъ неблагонадежнымъ для боя, хоть бы въ головѣ его сталъ Суворовъ. Въ надежныхъ полковыхъ командирахъ заключается вся внутренняя, органическая сторона дѣла; безъ нихъ самыя лучшія учрежденія—пустыя слова.

Невозможно надѣяться на безошибочный выборъ личный, развѣ только при главнокомандующемъ сросшемся душой съ своей арміей; но можно установить порядокъ, въ которомъ заключалось бы обезпеченіе, что въ большинствѣ, по крайнѣй мѣрѣ, на эти мѣста станутъ самые благонадежные офицеры. Каковъ долженъ быть полковой командиръ, чтобъ считаться благонадежнымъ? Въ отвѣтѣ никто не усомнится. Такимъ можетъ быть преимущественно офицеръ близко знакомый съ ввѣряемымъ ему дѣломъ, прошедшій полевую службу снизу до верху въ рядахъ людей, находившихся въ одинаковыхъ условіяхъ съ тѣми, которые ему поручаются, и заслужившій хорошую славу на каждомъ изъ постепенно занимаемыхъ имъ мѣстъ. Удовлетворительныхъ полковыхъ командировъ слѣдуетъ оставлять на мѣстахъ какъ можно долѣе, чтобъ не прерывать

Digitized by Google

въ части единства направленія, и выдвигать въ генералы, безъ задержки, только людей съ предполагаемымъ военнымъ дарованіемъ,—что составляетъ новое условіе. Между тѣмъ, мало вѣроятно, чтобъ офицеръ, незнакомый съ обстановкою вещей, прибывшій изъ сферы совершенно чуждой полку—командовать имъ два, три года, сумѣлъ не только придать части, но даже сохранить въ ней должное направленіе. Объ исключеніяхъ не говоримъ. Результатъ подобныхъ назначеній тотъ, что армія остается безъ направленія или, что еще хуже, съ зачатками направленій спутывающихся и противурѣчивыхъ, никогда не доводимыхъ до конца. Но въ этомъ высшемъ, чуждомъ арміи слоѣ офицеровъ, безъ всякаго сомнѣнія много людей, представляющихъ хорошіе задатки будущаго. Зачѣмъ же они не находятся въ рядахъ арміи, гдѣ при своемъ личномъ развитіи, они скорѣе другихъ выработались бы для настоящаго дѣла?

Однимъ словомъ, армія не можетъ сростись въ цѣльную, благонадежную для войны силу, если она не воспитываетъ, не вынашиваетъ въ своихъ нѣдрахъ не только офицеровъ, о чемъ была рѣчь выше, но и своихъ высшихъ начальниковъ, всѣхъ до единаго. Полъ-вѣка тому назадъ, разбираемое нами положеніе дѣлъ было возможно, потому, во первыхъ, что оно существовало тогда въ зародышѣ, не разрослось еще въ такой степени. Много ли было людей въ свитѣ и колонновожатыхъ, велика ли была гвардія въ первую половину царствованія государя Александра Павловича? вовторыхъ, все у насъ жило тогда патріархальнымъ обычаемъ; дворянство считало фракъ за обликъ подъячаго, вещи складывались сами собою. Теперь же, когда общественная жизнь развилась такою сложностію отношеній, все, что не обновлено сообразно съ потребностію времени и носитъ еще на себѣ слѣды патріархальности, положительно портитъ дѣло.

Армія должна быть живымъ организмомъ, въ которомъ голова мгновенно чувствуетъ хоть бы булавочный уколъ въ пяткѣ, а не наслоеніемъ разнородныхъ матеріяловъ, положенныхъ одинъ на другой, но не сращенныхъ между собою. Въ арміи не должно быть никакихъ прибавочныхъ, не входящихъ прямо въ составъ ея званій, никакихъ помощниковъ и никакихъ чуждыхъ, одно другому, подраздѣленій; «начиная отъ унтеръ-офицера каждый начальникъ долженъ имѣть свою часть, своихъ подчиненныхъ. за которыхъ онъ отвѣчаетъ и

Digitized by Google

которые смотрятъ ему въ глаза — и каждый начальникъ, до фельдмаршала включительно, долженъ имѣть своего прямаго непосредственнаго, исключительнаго начальника; послѣднее верховное звѣно этой священной цѣпи, ограждающей государство, есть Государь, отвѣтственный Богу. Тогда будетъ извѣстно каждую минуту, чего нужно арміи». Офицерство, съ одного конца Россіи до другаго, должно быть братскимъ, рыцарскимъ сословіемъ. Офицеръ долженъ значить—офицеръ; если при этомъ приходится спрашивать—какой? То уже ни самъ онъ не знаетъ какими глазами на себя смотрѣть, ни общество этого не знаетъ. Къ офицерскому сословію нашей арміи можно буквально примѣнить то, что генералъ Тромю говоритъ о линейной пѣхотѣ. Въ ней вся сила, а между тѣмъ изъ нея извлекаютъ столько отборныхъ элементовъ, что остается наконецъ лишь то, что считаютъ не достаточно хорошимъ, для всего прочаго качества арміи распадаются; высшая приготовленность людей остается съ одной стороны, опытность съ другой—не сливаясь. Повторимъ еще разъ: постоянная армія можетъ держаться твердо только на опредѣленныхъ основахъ, однихъ и тѣхъ же со временъ Филиппа Македонскаго, создавшаго ее впервые.

Кромѣ обособленія всего офицерства въ массѣ, какъ военнаго сословія, надобно еще обособить его по спеціяльностямъ, замкнуть каждый родъ оружія въ самомъ себѣ; такъ существуютъ въ цѣломъ ствѣтѣ. Практическія познанія и способности офицера не составляютъ чего-либо абсолютно-относящагося къ военному дѣлу во всемъ его объемѣ: каждый знаетъ только свою спеціяльность, рѣзко отличную отъ другой. Пѣхотный офицеръ долженъ изучить въ подробности обращеніе съ ружьемъ въ мастерской, знать тонкости стрѣлковаго дѣла, фехтованія на штыкахъ, пригонку пѣхотной аммуниціи; онъ долженъ привыкнуть все разсчитывать по пѣхотному: разстояніе, съ котораго можно открыть огонь и разстояніе, съ котораго надо бросаться въ штыки, быстроту перехода пѣшаго человѣка, удобство разныхъ построеній на данной мѣстности и т. д. Кавалеристу надобно все это знать иначе, можно сказать навыворотъ; онъ долженъ выдѣлать свою человѣческую натуру по натурѣ конской, слить ихъ въ одно: оружіе его другое, разстояніе имѣетъ для него совсѣмъ иное значеніе, онъ другимъ образомъ разцѣниваетъ достоинства и недостатки солдата, чѣмъ пѣхотинецъ.

Digitized by Google

Даже врожденныя душевныя качества нужны разныя въ томъ и другомъ оружіи, въ чемъ согласны всѣ тактики въ свѣтѣ; затрудненіе состоитъ только въ томъ, какъ расцѣнивать неиспытанныхъ людей при распредѣленіи по родамъ оружія. Но нѣтъ сомнѣнія, что долгая привычка къ своей спеціяльности выдѣлываетъ до нѣкоторой степени складъ человѣка; такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи получается результатъ до извѣстной степени, замѣняющій невозможную предварительную расцѣнку: въ человѣкѣ воплощается извѣстный типъ. Поэтому въ цѣломъ свѣтѣ каждый родъ оружія составляетъ особую замкнутую корпорацію, которую надо проходить съ начала. Во франціи пѣхотный офицеръ можетъ поступить въ кавалерію, а кавалерійскій въ пѣхоту,—только солдатомъ. У насъ же не только молодой офицеръ, но ротный командиръ, штабъ-офицеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, переходитъ изъ пѣхоты въ конницу, и въ первый разъ въ жизни, сѣвъ на лошадь, становится въ головѣ эскадрона, тоже и обратно. Военныя положенія до сихъ поръ вѣрятъ у насъ философскому камню и почитаютъ таковымъ пару эполетъ, превращающихъ въ боеваго офицера всякаго до кого они коснутся.

Также точно нужны самыя строгія о опредѣленныя узаконенія насчетъ брака военныхъ чиновъ. Строевымъ нижнимъ чинамъ, по моему мнѣнію, они должны быть формально воспрещены; для офицеровъ же допущены только при трехъ условіяхъ: 1) высшемъ чинѣ, напримѣръ полковнику, 2) при обезпеченномъ состояніи, 3) при назначеніи въ какую-нибудь положительно нестроевую должность, напримѣръ, воинскаго начальника. Женатые офицеры не только бремя для своей части, но они рѣдко даже остаются боевыми людьми. Изъ одного только своего опыта я бы могъ привести десятки примѣровъ храбрецовъ, которые, женившись, становились людьми очень осторожными.

Чтобы въ какомъ-нибудь собраніи людей, составлящихъ общественную группу, выработался опредѣленный характеръ, надобно, чтобъ эти люди жили въ тѣсной связи между собою, чего до сихъ поръ почти вовсе не существуетъ въ нашихъ полковыхъ обществахъ. Офицеры живутъ въ разбродъ, кружками, сходятся между собою только на ученьѣ; въ каждомъ кружкѣ выдѣлываются свои особенные взгляды, не подпадающіе подъ контроль всего товарищества; при такой разобщенности нѣтъ

Digitized by Google

мѣста цѣльному общественному характеру, который служилъ бы школой каждому вновь-поступающему, налагалъ бы на всѣхъ печать одной корпораціи съ ея основными понятіями. Это одна изъ главныхъ причинъ почему наши офицеры такъ мало проникнуты духомъ своей профессіи. Въ иностранныхъ арміяхъ полковымъ офицерскимъ обществамъ давно уже дано правильное устройство; въ каждомъ полку заведенъ клубъ съ общимъ столомъ, библіотекой, и проч., соединяющій всѣхъ не занятыхъ офицеровъ; тутъ складывается мнѣніе, каждый отдѣльный человѣкъ обхватывается по-немногу духомъ корпораціи. Чтобы дать толчокъ, нужно регламентировать это учрежденіе закономъ, потомъ оно пойдетъ само собою. Надобно отпустить во всѣ полки сумму на первоначальное обзаведеніе. Правда, большая часть войскъ у насъ не живетъ еще въ казармахъ, а стоитъ разсѣянно по деревнямъ, что очень затрудняетъ сосредоточеніе офицеровъ. Но когда разъ дѣло будетъ устроено, то хотя бы полку случилось временно разсѣяться на стоянкѣ, оно все-таки окажетъ свою пользу и возникнетъ вполнѣ съ первыми благопріятными обстоятельствами. Будетъ по крайней мѣрѣ положено основаніе офицерскому обществу, которое иначе никогда не станетъ обществомъ, не охватитъ однимъ духомъ всѣхъ своихъ членовъ.

Вызывая общественный духъ въ нашемъ корпусѣ офицеровъ, надо принять всевозможныя мѣры, чтобы дать ему должное направленіе, чтобы люди воспитывались воинами, а не только строевыми офицерами. Кромѣ кавказской арміи, гдѣ боевая жизнь развивала офицеровъ, у насъ это слишкомъ долго было наоборотъ, и будничная жизнь офицера обыкновенно ничѣмъ не разнилась отъ жизни чиновника. Наши офицеры по большей части не знали и не любили никакихъ военныхъ упражненій, въ нихъ рѣдко появлялась какая-нибудь черта природной удали, столь ствойственной всякому молодому человѣку, даже не изъ военнаго сословія. Съ тѣхъ поръ они занялись этими предметами какъ службой, но только на ученьи. Въ своемъ кружку между ними почти никогда не было рѣчи о военномъ дѣлѣ, выходящемъ изъ предѣловъ вседневнаго ученья; война мало интересовала ихъ, они посвящали себя не войнѣ, а военной службѣ, что совсѣмъ не одно и то же. Въ начальникѣ и товарищѣ они мало цѣнили военныя качества, уважали его не по боевой заслугѣ, если такая и была за нимъ,

Digitized by Google

а скорѣе по другимъ, общежительнымъ качествамъ. У насъ до сихъ поръ еще бываетъ,—я бы могъ привести примѣры,—что трусъ, явно опозорившійся, терпится въ полку, иногда даже считается добрымъ малымъ. Никогда такой вещи не случается въ другой арміи, гдѣ осрамившійся въ бою прапорщикъ, не только генералъ, разглашается стоустою молвой, и если не будетъ разстрѣлянъ, то нигдѣ уже, по крайней мѣрѣ не найдетъ себѣ мѣста.

Сведемъ въ одинъ итогъ наши заключенія объ офицерскомъ сословіи: 1) въ настоящее время оно не привносится въ армію въ достаточномъ количествѣ извнѣ, высшимъ общественнымъ классомъ *русскихъ*, а потому армія должна сама воспитывать своихъ офицеровъ; для этого нужно полное упраздненіе въ арміи сословныхъ привилегій; 2) при этомъ нельзя уже требовать отъ оберъ-офицера всего что нужно генералу, какъ было при однородномъ составѣ военной іерархіи; вслѣдствіе того, чтобы не стѣснять производство обременительными условіями, его можно было бы разорвать на извѣстномъ, чинѣ, предоставивъ повышеніе только отличію; т. е. мнѣнію высшаго начальства. 3) Было бы желательно, чтобы обязательность военной службы (съ правомъ выкупа) была распространена на каждаго русскаго, безъ чего самый надежный элементъ для комплектованія корпуса офицеровъ будетъ въ значительной степени устраненъ изъ арміи. 4) Сосредоточить армію въ самой себѣ, исключить изъ военнаго званія все не прямо военное, чтобы эполеты были знакомъ настоящей боевой службы. Для этого слѣдуетъ опредѣлить съ точностію итогъ офицеровъ каждаго чина и не выходить изъ него иначе какъ новымъ положеніемъ закона, ни въ какомъ случаѣ не производить въ чинъ сверхъ общаго комплекта, сократить до послѣдняго предѣла число нестроевыхъ генераловъ и офицеровъ съ возвышеніемъ, по возможности, содержанія остающимся. 5) Упразднить дѣленіе войскъ на высшія, среднія и нисшія, сложить одну русскую армію, равную во всѣхъ подраздѣленіяхъ честію, правомъ и обязанностію; разница можетъ быть допущена въ содержаніи, но не въ привилегіи. 6) Возвратить въ армію, въ офицерское сословіе, всѣ разряды, извлеченные изъ него подъ предлогомъ отборнаго качества, отличія, или даже спеціяльности. Особенная развитость въ военномъ приготовленіи (полагая даже, что ее можно получить въ школѣ) составляетъ уже сама по себѣ

Digitized by Google

награду офицеру; во многихъ случаяхъ начальство будетъ имѣть его въ виду исключительно; но тутъ должно быть свободное, а не обязательное предпочтеніе, такъ какъ одно приготовленіе еще не доказываетъ превосходства. Между тѣмъ эти приготовленные люди, также какъ люди, удостоиваемые высшихъ отличій, служа въ рядахъ, подымутъ уровень массы и сами не утратятъ своихъ хорошихъ залоговъ отъ односторонности. 7) Затѣмъ уже не трудно будетъ соединить полковое общество и дать его воспитанію чисто военное направленіе. Надо собрать наши разбросанные, военные элементы и сосредоточить ихъ въ арміи, ввести ихъ въ настоящее русло.

Для качества войска, послѣ состава офицеровъ, важнѣе всего хорошій составъ унтеръ-офицеровъ. Есть арміи, въ которыхъ онъ столь же важенъ какъ и первый. Гдѣ только офицеры не выходятъ изъ самой арміи, а набираются по закону въ высшихъ классахъ, какъ покуда у насъ, тамъ между ними и солдатами становятся необходимы промежуточныя звенья. Духовныя функціи войска распадаются: умъ его переходитъ въ офицеровъ, нравственное чувство толпы остается въ унтеръ-офицерахъ и старыхъ солдатахъ. Покуда у насъ войскомъ поголовно командовали дворяне, званіе унтеръ-офицера, былъ десятскимъ, не было чиномъ, утеръ-офицеръ какъ во всякомъ господскомъ селѣ, такимъ же человѣкомъ толпы, но пользующимся лично нѣкоторымъ довѣріемъ. Въ войскахъ, стоявшихъ по мирному положенію, то-есть въ огромномъ большинствѣ арміи, въ унтеръ-офицеры выбирали преимущественно по качествамъ ординарца; надежнѣйшаго человѣка оставляли рядовымъ за желтизну лица или невзрачную фигуру. Все равно было кто бы ни становился десятскимъ въ части, нравственная сторона которой не имѣла ни какого случая выказаться. Но какъ только войску случалось стать на постоянное боевое положеніе, напримѣръ, перейдти на Кавказъ, выборъ унтеръ-офицеровъ получалъ сейчасъ же совсѣмъ другое значеніе. Еще въ «Кавказскихъ Письмахъ» я говорилъ: «вліяніе общественнаго мнѣнія простиралось здѣсь не на однихъ офицеровъ, но на всю массу полка. Ротный командиръ имѣлъ причину не дѣлать произвольныхъ выборовъ, такъ какъ съ унтеръ-офицерами, не имѣющими нравственнаго вліянія на людей, онъ былъ бы наказанъ первою перестрѣлкой. Во всякомъ собраніи людей сильнѣйшія лич-

Digitized by Google

ности сейчасъ же выдвигаются впередъ и становятся руководителями толпы, въ критическія минуты, особенно въ бою, такія личности незамѣнимы, потому что въ эти минуты толпа, привыкшая довѣряться имъ, слушаетъ ихъ безъ разсужденія. Если офиціяльную власть передаютъ не этимъ вліятельнымъ людямъ, а другимъ, отличаемымъ по какой-нибудь произвольной оцѣнкѣ, то нравственная связь между начальниками и солдатами разрывается, потому что исчезаетъ посредствующее звено; остается только одна дисциплина, то-есть одно внѣшнее командованіе. Такимъ войскомъ начальникъ уже не владѣетъ и не можетъ за него поручиться. Кавказская армія всегда была сильна именно тѣмъ, что въ ней отношенія между людьми слагались естественно, безъ посторонней натяжки. При значительномъ вліяніи общественнаго мнѣнія на всякой ступени каждый бралъ по большей части то что ему принадлежало, и потому старшихъ слушались безъ принужденія, какъ признанныхъ руководителей. Оттого войско было проникнуто серіозною дисциплиной, тою основною дисциплиной, которая состоитъ въ сознательномъ и совѣстливомъ исполненіи существенныхъ обязанностей военнаго званія».

Теперь, когда гласно признается необходимость дать войску воспитаніе преимущественно боевое, очевидно, надо выбирать унтеръ офицеровъ по мѣркѣ кавказской, а не внутренней русской, до сихъ поръ еще не совсѣмъ брошенной.

Кромѣ того, съ постепеннымъ измѣненіемъ основаній, на которыхъ зиждется наша армія, званіе унтеръ-офицера получаетъ новое значеніе. Солдатъ, служившій почти всю жизнь съ кремневымъ ружьемъ, долженъ былъ научиться своему дѣлу безъ всякой методы, по одной только рутинѣ; но въ арміи краткосрочной (какова уже нынѣшняя при уменьшенномъ составѣ полковъ), вооруженной вдобавокъ гораздо сложнѣе, стало необходимымъ обучать людей методически. Унтеръ-офицеръ изъ десятника по необходимости превращается въ инструктора; въ бою ему также нужно болѣе развитія, чѣмъ прежде, когда все дѣло состояло въ томъ, чтобъ кричать ура и лѣзть впередъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ офицерство утрачиваетъ у насъ свой сословный характеръ, унтеръ-офицеръ, бывшій до сихъ поръ только старшимъ солдатомъ, будетъ проводникомъ мыслей и чувствъ сверху внизъ, чего не было прежде, пока одно сословіе лежало подъ другимъ, какъ вода подъ масломъ, не

Digitized by Google

сливаясь: наконецъ, онъ же станетъ кандидатомъ въ офицеры, изъ этихъ людей будетъ набираться большинство высшаго военнаго класса; съ упраздненіемъ привилегій въ ряду унтеръ-офицеровъ станетъ довольно много образованныхъ людей. По всѣмъ этимъ причинамъ, обойдти которыя ни отъ кого не зависитъ, званіе унтеръ-офицера необходимо должно стать чиномъ, промежуточнымъ чиномъ между рядовымъ и офицеромъ. Мѣры, принимаемыя для удержанія на службѣ офицеровъ, должны простираться и на унтеръ-офицеровъ; жалованье этимъ людямъ должно быть поднято до такой степени, чтобъ они находили въ службѣ обезпеченіе не ниже того, какое представляется имъ на сторонѣ, такъ чтобы унтеръ-офицеры, не удовлетворяющіе условіямъ дальнѣйшаго производства, все-таки посвящали жизнь службѣ. Пока унтеръ-офицеры не будутъ добровольно оставаться въ рядахъ, нельзя дать арміи должнаго воспитанія. Это такая вопіющая потребность, что удовлетворить ей надо во что бы ни стало.

Какъ бы ни было возвышено унтеръ офицерское званіе противъ нынѣшняго, путь къ нему не долженъ быть заставленъ никакими трудными для простолюдина условіями, особенно надобыть осторожными съ экзаменомъ. Въ этомъ отношеніи опасность у насъ велика. Вслѣдствіе закоренѣлой привычки облегчать себѣ исполненіе дѣла тѣмъ, чтобы руководиться не духомъ, а буквой положенія, всякое новое направленіе у насъ сейчасъ же обращается на практикѣ въ крайность. Тѣ же люди, которые старались прежде обратить солдата въ фигуранта, станутъ стараться обратить его въ ученаго. Между тѣмъ въ военномъ дѣлѣ, особенно не въ спеціяльныхъ оружіяхъ, первая, исключительно важная вещь характеръ; изъ ста качествъ, нужныхъ военному человѣку не высшихъ чиновъ, 99 состоятъ въ характерѣ. Если при нынѣшнемъ состояніи образованія въ русскомъ народѣ, для полученія галуновъ постановятъ неизмѣннымъ условіемъ хоть только основательное знаніе грамоты, прощай русскіе унтеръ-офицеры! Къ такому результату надо стремиться, но нельзя еще изъ него сдѣлать закона. Можно, конечно, постановить норму, ограничить напримѣръ производство въ унтеръ-офицеры неграмотныхъ только третью, но оттолкнуть совсѣмъ этихъ людей нельзя; боецъ не школьникъ, которому можно ставить баллы по успѣхамъ въ классѣ. Кромѣ людей, сдающихъ офицерскій экзаменъ, имѣющихъ право при должномъ званіи

Digitized by Google

службы на производство въ унтеръ офицеры; самое лучшее выборъ всѣхъ остальныхъ предоставить *безъ повѣрки* полковому командиру; повѣрка высшимъ начальникомъ будетъ непремѣнно наружная, стало-быть вредная, такъ какъ онъ объ этихъ людяхъ, какъ о людяхъ судить не можетъ.

Затѣмъ, чего нужно, чтобъ унтеръ-офицеры выбирались правильно по нравственнымъ качествамъ? Я долго думалъ—что въ этомъ отношеніи возможны какія-либо искуственныя мѣры, но долженъ былъ отказаться отъ такого убѣжденія. Ни въ какомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ сложномъ обществѣ какъ постоянная армія, формы не могутъ замѣнить духа, царствующаго между людьми. Для того, чтобъ армія складывалась правильно въ отношеніи какъ унтеръ-офицеровъ, такъ и офицеровъ и всего прочаго надобно, чтобы требованія сверху были безъ изъятія правильны, чтобы на войско смотрѣли военными глазами, видѣли въ немъ исключительно *боевую* силу и ничего болѣе. Въ этомъ отношеніи могутъ быть установлены мѣры, чтобы производить оцѣнку войскъ наиболѣе правильнымъ образомъ, выраженія удовольствія и неудовольствія; расточаемыя теперь довольно неопредѣленнымъ образомъ, наградныя деньги выдаваемыя иногда за смотры, и проч., получатъ тогда характеръ преміи, законно заслуженной. Степень совершенства частей можно мѣрить результатомъ прицѣльной стрѣльбы, быстротой и выносчивостью перехода, умѣньемъ стрѣлковъ пользоваться мѣстностію и т. д., составляя этимъ предметамъ экзамена таблицы и публикуя ихъ. Тогда и начальникъ будетъ знать почему именно онъ доволенъ частію, и часть будетъ это знать. Какой духъ, какое соревнованіе обнаружится въ войскахъ, когда окажется вдругъ и объявится, что первый № въ общемъ итогѣ получила такая-то рота, какого-нибудь глухаго армейскаго полка. Безъ всякаго сомнѣнія входить въ разсчетъ тутъ должны лишь чисто военныя требованія, напримѣръ ни какъ не грамотность, такъ какъ грамотность полезна въ войскѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она развиваетъ солдата для его прямаго, военнаго дѣла; объ успѣшности вспомогательныхъ средствъ надобно судить по *практическимъ* результатамъ. Можно думать, что при такой разцѣнкѣ начальники частей будутъ стараться о правильномъ распредѣленіи людей по ихъ нравственнымъ качествамъ; зная, что никто не обратитъ вниманія на то, скрашиваютъ ли унтеръ-офицеры фронтъ своею фигурою, они будутъ

Digitized by Google

тщательно выбирать въ это званіе людей, которые могутъ повести солдатъ наилучшимъ образомъ. Въ сущности это значитъ: перенести щегольство своею частію со внѣшней стороны на внутреннюю, что и требуется.

Другая потребность нашего войска, и потребность несомнѣнная, состоитъ въ возобновленіи существовавшаго прежде разряда отборныхъ людей, упраздненнаго вмѣстѣ съ расформированіемъ гренадерскихъ и карабинерныхъ ротъ при батальіонахъ. Человѣкъ не можетъ жить одними отвлеченными чувствами безъ личныхъ цѣлей и надеждъ, возбуждающихъ его дѣятельность; онъ заснетъ безъ нихъ, станетъ вялымъ автоматомъ. Изъ всѣхъ личныхъ эгоистическихъ побужденій, способныхъ подстрекать дѣятельность, у военнаго человѣка остается только одно, быть отличеннымъ въ глазахъ товарищей; стать на высшую ступень въ своей средѣ. Въ солдатѣ это чувство дѣйствуетъ столько же какъ и во всякомъ другомъ. Бывали арміи автоматическія, отрицавшія у солдата душу, старавшіяся обратить его въ машину, но онѣ никогда не могли выстоять противъ живыхъ армій, противъ армій съ душой. Солдату необходима должна быть открыта перспектива къ отличію,—не къ отличію, зависящему только отъ случая выпадающаго немногимъ, какъ крестъ, но къ такому, котораго каждый человѣкъ могъ бы добиться навѣрное при должномъ стараніи, которое падало бы не на нѣсколькихъ счастливцевъ,—возбужденіе еще недостаточное,—но на массу людей, на четверть по крайней мѣрѣ всего числа служащихъ. Люди, доказавшіе опытомъ свое пониманіе военнаго дѣла, всѣ безъ исключенія считали подобную приманку, вызывающую соревнованіе, первымъ условіемъ для качества войска. Наполеонъ I говорилъ: „еслибы въ моей арміи служили великаны и карлики, я бы составилъ отборныя части для великановъ и карликовъ, чтобы не было никакой группы солдатъ, въ которой человѣкъ не имѣлъ бы въ виду возможности подняться надъ товарищами.“ Когда въ военномъ человѣкѣ не возбуждено соревнованія, онъ составляетъ только половину самого себя. Перспектива унтеръ-офицерскаго званія не можетъ замѣнить такую приманку, вопервыхъ потому, что ихъ приходится менѣе, чѣмъ одинъ на двадцать рядовыхъ, стало-быть шансы на повышеніе слишкомъ ограничены; вовторыхъ потому, что качества, требуемыя отъ рядоваго и унтеръ-офицера не одинаковы: отличнѣйшій солдатъ можетъ не годиться въ унтеръ-

Digitized by Google

офицеры. Возстановленіе отборныхъ людей въ каждой части составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей нашей арміи. Но при нынѣшнемъ дѣленіи батальіона на стрѣлковую и линейныя роты, учрежденіе еще особой отборной роты стало совершенно неудобнымъ. При томъ же, самая цѣль такого учрежденія вовсе не требуетъ, чтобъ отборные люди были отдѣляемы въ особыя группы, они должны быть разлиты по всей части, какъ кровь въ тѣлѣ. Извлеченіе лучшихъ людей ослабляетъ фронтъ; признаніе же, видимая отмѣтка, данная имъ, съ оставленіемъ во фронтѣ, укрѣпляетъ его; такимъ образомъ каждое звено стрѣлковой цѣпи, каждые два ряда въ строю будутъ имѣть въ головѣ своего признаннаго руководителя. Отношеніе числа отборныхъ людей къ общему числу строевыхъ должно быть таково, чтобы всякій солдатъ имѣлъ увѣренность, что добьется повышенія, если захочетъ. Нормальная пропорція, какъ она была до учрежденія стрѣлковыхъ ротъ,—четвертая часть, одинъ отборный на четырехъ рядовыхъ.

VIII.

Общія соображенія.

Мы разсмотрѣли главныя условія, при которыхъ русское могущество можетъ соотвѣтствовать современному международному положенію нашего отечества. Представимъ кратко эти условія въ ихъ общей связи.

Покуда еще Россія не можетъ существовать безъ громадной силы. Болѣе всякаго европейскаго государства, она должна полагаться только на себя. Военное устройство дѣло не произвольное, оно зависитъ отъ установившагося общественнаго склада. Вслѣдствіе историческаго духа двухъ государствъ, вооруженныя силы ихъ могутъ быть далеко не равны численностію и далеко не однокачественны при одномъ и томъ же военномъ бюджетѣ. Поэтому подражаніе тутъ у мѣста развѣ только на зарѣ вносимой извнѣ цивилизаціи. Россія отжила уже подражательный періодъ своей исторіи. Во внѣшней, какъ и во внутренней государственной жизни, мы должны быть те-

Digitized by Google

перь русскими, сообразоваться только съ самими собою. Относительно военнаго могущества, Россія, не говоря уже о ея громадности, поставлена исторіей въ самое выгодное положеніе. Кромѣ немногихъ окраинъ, заливаемыхъ понемногу русскою волной, послѣ упраздненія крѣпостнаго права, между правительствомъ, обществомъ и народомъ у насъ не существуетъ крупныхъ недоразумѣній и не откуда имъ возникнуть; взаимная довѣренность скрѣпляетъ сверху до низу все зданіе государства. Въ такомъ положеніи дѣлъ, могущество монархіи должно мѣриться не численностію постоянной арміи, какъ въ Австріи или въ наполеоновской Франціи, а итогомъ всего населенія. На такой же военный бюджетъ, какъ французскій, еслибы даже стоимость содержанія солдата была одинакова, мы можемъ выставить силы вдвое громаднѣйшія, такъ какъ нашему правительству не предстоитъ хлопотъ заручать солдата въ свой лагерь, прежде чѣмъ дать ему ружье въ руки; такъ какъ у насъ вся дѣйствующая армія можетъ быть двинута за границу и замѣнена внутри государства людьми, сегодня созванными подъ знамя. Вслѣдствіе того русское могущество относится къ французскому не какъ бюджетъ къ бюджету (какъ было бы при одинаковыхъ политическихъ условіяхъ), а какъ 80 милліоновъ къ 37. Но всякая сила, чтобы быть силой, должна быть организована: безъ этого она сила въ возможности, а не въ дѣйствіи. Наши финансовыя средства, относительно, не велики; 80 милліоновъ русскихъ отдаютъ въ руки правительства четвертью менѣе, чѣмъ 37 милліоновъ французовъ. Очевидно, что казенными средствами, на которыя содержатся постоянныя арміи, россія не можетъ покуда быть сильнѣе франціи. Наша сила въ людяхъ, а не въ деньгахъ. Прочность общественнаго порядка дозволяетъ намъ, съ переходомъ на военное положеніе, увеличивать армію въ несравненно высшей пропорціи, чѣмъ могутъ французы, у которыхъ каждый солдатъ есть въ то же время тѣлохранитель правительства, а потому долженъ быть солдатомъ по ремеслу. Вторая наша особенность, громадность населенія, — позволяетъ не напрягать своихъ силъ до такой степени какъ необходимо въ Пруссіи, не обращать всей арміи въ ополченіе, но воспитать значительную часть ея въ наилучшемъ боевомъ духѣ. Таковы историческія и статистическія особенности русской жизни. При громадномъ и вѣрномъ населеніи, но при слабыхъ въ то же время

Digitized by Google

финансахъ, Россія не можетъ обнаружить всю свою силу посредствомъ одной постоянной, долгосрочной, если можно такъ выразиться—солдатской арміи; намъ нужны армія народная и ополченіе. Разумное преобразованіе началось; остается довершить его. Между тѣмъ событія не ждутъ.

Можно сказать почти навѣрное, что если при первой войнѣ противъ большаго союза (иной войны у насъ и быть не можетъ) на врага выйдетъ не организованная сила русскаго народа, а одна армія въ нынѣшнемъ ея составѣ, то шансы успѣха будутъ опять не на нашей сторонѣ. Принятую теперь у насъ военную организацію можно сравнить съ организаціей союзниковъ въ 1854 году; въ то время она поставила бы насъ относительно учрежденій на одной высотѣ съ непріятелемъ; но она не равносильна нынѣшнему военному устройству Европы.

Ополченіе намъ совершенно необходимо. При громадномъ протяженіи нашихъ предѣловъ, одной постоянной арміи, хотя бы значительно усиленной противъ нынѣшняго, не станетъ на двойное дѣло—ограждать предѣлы противъ всякаго покушенія и встрѣтить враговъ равносильною имъ массою на главномъ пунктѣ. Это невозможно даже въ случаѣ одиночной войны, не говоря о борьбѣ противъ союза, къ которой, однакоже, мы должны быть всегда готовы. При томъ, постоянное войско слишкомъ дорогая сила, чтобъ ее употреблять тамъ, гдѣ безъ нея можно обойдтись. Для этого у насъ можетъ быть созвано земское войско—ополченіе, вполнѣ соотвѣтствующее народному духу, дешовое (ратникъ въ мирное время обойдется не болѣе 5-ти рублей со всѣми посторонними расходами) и безъ котораго, какъ многократно доказалъ опытъ, мы не можемъ обойдтись въ серіозной войнѣ. Но ополченіе главнѣйше нужно для того, чтобъ сосредоточить дѣйствующія войска противъ непріятеля, не въ разгаръ войны, когда дѣло уже отчасти рѣшено, но къ началу ея. Чтобъ на ополченіе можно было разсчитывать, оно должно стать постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, а чтобъ ополченцевъ двинуть во-время, къ первому выстрѣлу, ихъ слѣдуетъ заблаговременно пріучить владѣть оружіемъ, къ чему лучшимъ средствомъ представляется трехъ-недѣльный сборъ, разъ въ годъ. Земское войско требуетъ только постоянныхъ складовъ аммуниціи и оружія и затѣмъ очень мало хлопотъ.

Изъ ополченія же можно выставить все число нестроевыхъ

Digitized by Google

нужныхъ для войны, и затѣмъ держать ихъ въ мирное время въ самомъ ограниченномъ числѣ. Надобно также образовать ополченіе за Кавказомъ, такъ какъ этотъ край достаточно успокоенъ и нѣтъ ему причинъ вѣчно оставаться на льготѣ.

Далѣе при устроенномъ ополченіи наша постоянная армія должна быть усилена по числу батальіоновъ и батарей, иначе она будетъ въ состояніи дать отпоръ только одиночному противнику, а не коалиціи. Въ случаѣ войны противъ союза (не только возможной, но представляющейся даже въ весьма опредѣленныхъ очеркахъ), русская пѣхота должна состоять изъ 60-ти дивизій (мы считаемъ 13-ти батальіоннаго состава). Тогда можно будетъ выставить въ большую дѣйствующую армію не менѣе 40 дивизій, составляющихъ въ началѣ, со всѣми родами оружій, около полумилліона бойцевъ — сила достаточная, при своей однородности и хорошемъ командованіи, чтобы побѣдить разрозненныхъ союзниковъ. При этомъ другія арміи (южная и кавказская) будутъ довольно сильны для отраженія врага, и все протяженіе нашихъ предѣловъ будетъ ограждено отъ случайныхъ покушеній.

Армія и теперь значительно сокращается въ мирное время, на счетъ уменьшенія срока дѣйствительной службы. Я убѣжденъ, что этотъ срокъ можно положить сейчасъ же въ 5 лѣтъ, безо всякаго опасенія за основательное обученіе солдата, а впослѣдствіи довести до нормальнаго предѣла. При 5 годахъ службы подъ знаменемъ, батальіонъ будетъ состоять изъ 400 человѣкъ—320 въ рядахъ и 80 рекрутъ въ резервахъ; въ этотъ составъ можно привести всю дѣйствующую армію за исключеніемъ 8-ми дивизій и гвардіи.

Одна изъ главныхъ причинъ относительной малочисленности нашихъ дѣйствующихъ войскъ состоитъ въ существованіи у насъ цѣлой массы войскъ мѣстныхъ, мертвыхъ для войны, чего давно уже нѣтъ въ Европѣ. Въ то же время эти мѣстныя войска оказываются неудовлетворительными даже для своего прямаго назначенія, чего нельзя избѣжать по ихъ нисшему качеству; между тѣмъ какъ на другихъ основаніяхъ они были бы не хуже прочихъ. Замѣняя внутреннюю стражу жандармами *) какъ во всемъ свѣтѣ: изъ губернскихъ, кавказ-

*) «Военный Сборникъ» доказывалъ (1 янв. 1863 г.), что намъ неоткуда взять хорошихъ жандармовъ, вѣроятно оттого, что жандармская служба не въ

Digitized by Google

скихъ линейныхъ и крѣпостныхъ батальіоновъ можно сформировать безъ труда 8 новыхъ дивизій. Чтобы довести постоянную нашу пѣхоту до численности 60-ти дивизій, остается прибавить еще 5 выдѣленіемъ новыхъ кадровъ, какъ было сдѣлано въ 1863 году.

При этихъ преобразованіяхъ вся наша пѣхота (въ предѣлахъ европейской Россіи и Кавказа) обратится въ дѣйствующую, боевая сила дойдетъ до своего нормальнаго развитія; а наличный составъ ея въ мирное время можетъ уменьшиться на 140 тысячъ человѣкъ.

Народная армія низводимая въ кадры не можетъ существовать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ армія долгосрочная, въ которой духъ частей возникаетъ вслѣдствіе долгаго сожительства подъ знаменемъ. Чтобы полкъ, внезапно возвышаемый съ трети состава до комплекта, оказался нравственно цѣльной, проникнутой общимъ духомъ боевой единицей, онъ долженъ быть составленъ изъ людей, уже охваченныхъ этимъ духомъ, изъ товарищей, а не изъ какихъ-нибудь сбродныхъ. Но какъ къ полку нельзя собирать его безсрочныхъ со всѣхъ концевъ Россіи, то для достиженія такой цѣли нѣтъ другаго средства, какъ назначить каждому полку постоянный рекрутскій участокъ, какъ принято вездѣ, гдѣ въ мирное время составъ частей сильно понижается. Нельзя сомнѣваться, что полкъ, составленный изъ одноземцевъ, станетъ очень скоро полкомъ *характернымъ*, что въ немъ разовьются высокія боевыя достоинства, что рекрутъ заранѣе уже будетъ связанъ сердцемъ со своимъ полкомъ и военная служба приметъ въ глазахъ народа совсѣмъ иной видъ, чѣмъ теперь. Мѣра эта не представляетъ никакого особеннаго затрудненія, потому что кромѣ нѣкоторыхъ окраинъ, съ которыхъ рекруты должны идти на уравнительное комплектованіе полковъ, стоящихъ не въ одинаковыхъ санитарныхъ условіяхъ, въ 62-хъ мил. жителей, къ которымъ это учрежденіе совершенно примѣняется, русское племя составляетъ вездѣ значительное большинство, значитъ всѣ полки будутъ русскими по языку и духу.

Армія должна имѣть прочную основу въ унтеръ-офицерахъ и ефрейторахъ; чѣмъ армія моложе, тѣмъ эта основа должна

натурѣ русскаго человѣка. Это напоминаетъ разсужденіе спеціальнаго военнаго комитета въ 30-хъ годахъ, что русскому солдату нельзя дать пистоннаго ружья, потому что, по его особенной натурѣ, онъ растеряетъ пистоны

Digitized by Google

быть прочнѣе. А потому этихъ старшихъ людей надобно удерживать на службѣ высшимъ содержаніемъ, по истеченіи же узаконеннаго времени вербовать на вторичный срокъ; для этого назначить сумму, выручаемую отъ продажи рекрутскихъ квитанцій, съ запрещеніемъ принимать наемщиковъ, изъ которыхъ никогда не выходитъ хорошихъ солдатъ.

Раздѣляя землю на дружинные участки для ополченія, и рекрутскіе для полковъ, надо сосредоточить управленіе тѣми и другими въ однѣхъ рукахъ. Между полкомъ и дружинами, набираемыми въ одной мѣстности завяжется тѣснѣйшая душевная связь — дружины станутъ какъ бы 4-мъ и 5-мъ батальіонами своего полка. Военный участокъ составится изъ одного рекрутскаго и двухъ дружинныхъ — около 133 тысячъ жителей м. п. Такимъ образомъ европейская Россія (считая только область, въ которыхъ русское племя составляетъ значительное большинство) подѣлится на 240 военныхъ участковъ, управленіе локализируется въ хорошемъ смыслѣ этого слова и децентрализація, предпринятая военнымъ министерствомъ, достигнетъ своего нормальнаго предѣла.

Существующее у насъ устройство кавалеріи похоже на то, какъ еслибъ англичане стали набирать своихъ матросовъ изъ земледѣльцевъ внутреннихъ графствъ. Ни съ чѣмъ не сообразно что государство, въ предѣлахъ котораго живутъ милліоны природныхъ всадниковъ, съ такими усиліями формируетъ конницу изъ мужиковъ, которыхъ надобно еще научить держаться на лошади, слѣдствіемъ чего оказывается постоянная посредственность этого рода оружія. При томъ такую искуственную конницу приходится въ мирное время держать въ комплектѣ, въ обремененіе бюджета. Наше славное донское войско по духу и преданіямъ составляетъ естественную регулярную конницу, въ чемъ главное его отличіе отъ другихъ казаковъ; надобно только подѣлить его на постоянные полки и сотни, въ замѣнъ сбродныхъ, и выдѣлить гражданское управленіе изъ строеваго войска. Тогда можно будетъ ежегодно вводить по одной донской сотнѣ въ составъ кавалерійскихъ полковъ, съ одновременнымъ расформированіемъ одного эскадрона, черезъ нѣсколько лѣтъ наши 4-хъ эскадронные *искусственные* конные полки будутъ замѣнены 6-ти эскадронными *природными* гораздо высшаго качества, надобно только регулярныхъ офицеровъ на половину перемѣшать съ донскими. Регулярная кавалерія уси-

Digitized by Google

лится на половину въ военное время, сообразно съ необходимымъ приращеніемъ пѣхоты, и больше чѣмъ на половину сократится въ мирное, отъ чего произойдетъ значительная экономія, необходимая на другія вопіющія потребности.

Наша иррегулярная конница составляетъ драгоцѣнное подспорье для войны, предоставляетъ намъ значительныя преимущества, которыми до сихъ поръ, однакожь, мы не совсѣмъ сознательно пользовались, что зависѣло отчасти отъ качества и вооруженія донцовъ, составляющихъ почти исключительно этотъ родъ оружія. Мы можемъ употреблять эту легкую конницу какъ дѣлали встарину турки и поставить непріятеля въ затруднительное положеніе. Наши природные всадники дѣлятся по своимъ качествамъ на два разряда—боевыхъ и сторожевыхъ. Слѣдуетъ составить изъ кавказскихъ горцевъ 18 полковъ, чтобы обратить въ нашу пользу кипучую отвагу горской молодежи, которая иначе, при первомъ удобномъ случаѣ, обратится противъ насъ; вмѣстѣ съ линейными у насъ будетъ 56 боевыхъ иррегулярныхъ полковъ. За тѣмъ выгодно также сформировать нѣсколько сторожевыхъ полковъ изъ внутреннихъ кочевниковъ, не несущихъ никакой повинности. Образованіе строевой кавалеріи изъ донцовъ не уменьшитъ нисколько количество нестроевой, которой у насъ больше, чѣмъ нужно.

Вліяніе великихъ гражданскихъ преобразованій настоящаго царствованія измѣнило во многомъ основы, на которыхъ держалась наша армія. Приливъ дворянства въ военную службу значительно уменьшился. Чтобы восполнить этотъ недочетъ, чтобы не допустить также разные инородческіе элементы стать рѣшительно въ головѣ русскихъ силъ, стало необходимымъ упраздненіе сословныхъ правъ въ военной службѣ; русская армія должна сама воспитывать своихъ офицеровъ, какъ это дѣлаетъ французская. Измѣненіе характера въ высшемъ слоѣ арміи—офицерствѣ, бывшемъ до сихъ поръ сословіемъ, требуетъ опять новыхъ мѣръ; духъ корпораціи долженъ замѣнить сословный духъ, русское офицерство должно составить единое товарищество, проникнутое значеніемъ своего званія, безъ всякаго подраздѣленія по привилегіямъ; оно должно быть замкнуто въ себѣ, представлять и въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ націи вершину боевой силы Россіи, ничего другаго. Вмѣсто того, чтобъ разъединять и разбрасывать силы офицерской корпораціи, надобно сосредоточить ихъ, возвратить арміи

Digitized by Google

всѣ отборные элементы, извлеченные изъ нея подъ разными предлогами, иначе никогда не выработается въ ней должная закваска. Армія должна представлять стройное единство, одну непрерывную цѣпь безъ всякихъ исключеній о выдѣленій—быть организмомъ, а не механическимъ напластованіемъ.

Съ измѣненіемъ многихъ основаній въ арміи измѣняется и значеніе унтеръ-офицерскаго званія, оно необходимо должно быть возвышено, обезпечено лучшимъ содержаніемъ, стать призваніемъ людей на всю жизнь. Нужно также возстановить въ войскѣ прежній разрядъ отборныхъ людей, чтобы дать исходъ чувству соревнованія—главному побужденію военнаго человѣка и въ то же время поставить живой образецъ, заслуги, какъ примѣръ для подражанія въ глазахъ каждаго солдата. Воспитаніе войска въ боевомъ духѣ зависитъ отъ требованій сверху. Если на армію будутъ смотрѣть исключительно какъ на боевую силу, будутъ цѣнить въ ней лишь то, что способствуетъ боевому развитію, то при несравненномъ естественномъ качествѣ матеріяловъ, изъ которыхъ она слагается, она въ дѣйствительности станетъ первой арміей въ свѣтѣ, не только по многочисленности, но и по качеству.

Вотъ наши положенія:

Устройство, соотвѣтствующее дѣйствительнымъ потребностямъ оказывается всегда выгоднымъ во многихъ отношеніяхъ. Съ преобразованіемъ арміи на вышеизложенныхъ основаніяхъ, окажется слѣдующее сбереженіе:

1) Сокращеніе наличнаго состава пѣхоты на 140 тыс. чел. по 50 р. на каждаго	7,000,000
2) Сокращеніе числа нестроевыхъ, замѣняемыхъ по военному положенію людьми изъ ополченія, положимъ *)	500,000
3) Сокращеніе регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ (4 эскадрона дѣйствующіе резервный и запасный) на 2 эскадрона, всего приблизительно	3,500,000
Итого .	11,000,000

Мы не считали тутъ ни экономіи отъ одежды людей—казаки выходятъ въ своемъ платьѣ, ни экономіи на офицерскомъ жалованьи (при сокращеніи частей, треть всего числа офице-

*) Въ послѣднемъ военномъ отчетѣ не показано ни число нестроевыхъ, ни подраздѣленіе ихъ, поэтому послѣднюю цифру мы поставили гадательно. Вѣроятно оно оказалось бы больше приведенной.

Digitized by Google

ровъ можетъ быть ежегодно увольняема въ отпускъ по же ланію).

Потребности, влекущія за собой новые расходы суть слѣдующія:

Содержаніе ополченія	2,500,000
Прибавка къ содержанію жандармовъ противъ общей стоимости пѣхоты	1,500,000
Содержаніе 10-ти новыхъ дивизіонныхъ штабовъ; офицеровъ 65-ти новыхъ батальйоновъ и 13 артиллерійскихъ бригадъ	2,250,000
Увеличеніе содержанія унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ противъ нынѣшняго, первымъ 6, а вторымъ 3 р. въ мѣсяцъ, считая налицо по мирному положенію, только $^2/_3$	3,250,000
Итого .	9,500,000

Остается еще 1½ милліона на другія потребности.

Остатокъ суммъ отъ сокращенія непомѣрнаго числа офицеровъ, служащихъ теперь подъ разными наименованіями внѣ фронта, не введенъ въ разчетъ, такъ какъ его слѣдуетъ обратить исключительно на усиленіе содержанія офицеровъ дѣйствительно нужныхъ на службѣ.

Въ настоящее время русскія дѣйствующія силы (кромѣ восточной окраины и саперовъ) составляютъ 556 батальіоновъ и 232 эскадрона. На вышеприведенныхъ основаніяхъ при томъ же расходѣ въ мирное время (съ добавленіемъ на нѣкоторые предметы и безъ малѣйшаго пониженія въ качествѣ войска, даже напротивъ) онѣ составляли бы 780 батальіоновъ (съ ополченіемъ 1280 батал.) и 340 эскадроновъ; несмотря на сборъ ополченія меньшее число рукъ было бы оторвано отъ производительнаго труда и, наконецъ, военная служба стала бы въ понятіи русскаго народа тѣмъ, чѣмъ она должна быть—священнымъ долгомъ, не разрушающимъ ничьей жизни.

Но кромѣ этихъ постоянныхъ силъ, не уступающихъ силамъ какого бы то ни было европейскаго союза, учрежденіе народной арміи съ ополченіемъ обратить всю Россію въ военный станъ. Еслибы Провидѣніе готовило въ будущемъ русскому народу испытанія, соразмѣрныя съ величіемъ его исторической судьбы, то наше отечество могло бы, при такихъ учрежденіяхъ, вооружиться какъ теперь вооружается Пруссія и встрѣтить натискъ, хоть всей Европы, неодолимою стѣной вооруженныхъ и устроенныхъ людей. Въ 1812 году Россія готова была подняться до послѣдняго человѣка, но всеобщій порывъ принесъ мало пользы; война кипѣла полгода въ предѣлахъ Россіи, шесть

Digitized by Google

губерній подверглись опустошенію, и, наконецъ, врагъ былъ сокрушенъ, но безъ содѣйствія земскихъ силъ. Одинъ порывъ тутъ не много значитъ; онъ вызоветъ партизановъ, но не сложитъ неприготовленнаго народа въ регулярное войско, способное встрѣтить врага лицомъ къ лицу; между тѣмъ какъ при военномъ устройствѣ, соотвѣтствующемъ вѣку, при краткосрочной народной арміи и ополченіи, столько людей пройдетъ черезъ ихъ ряды, что внѣ списковъ военнаго министерства останется еще масса готовыхъ бойцовъ. Конечно, они будутъ ограждены закономъ отъ произвольнаго призыва на службу; но бываютъ случаи, когда всякое право должно уступить заботѣ самосохраненія; въ такомъ положеніи находилась Франція въ 1793 году, Россія въ 1812 году, Америка въ 1862 году. Располагая нѣсколькими классами, окончившихъ срокъ ополченцевъ и высшимъ сословіемъ, прошедшимъ въ большинствѣ черезъ военную школу, можно выставить не только, сокрушающую земскую силу, но сформировать, безъ проволочки времени, 4-е и 5-е батальіоны, то есть усилить и безъ того громадную армію еще на двѣ трети; въ такомъ крайнемъ случаѣ можно прибавить и къ регулярной кавалеріи, составленной изъ донцовъ, по два эскадрона готовыхъ всадниковъ на полкъ; а запасъ нашей иррегулярной кавалеріи неисчерпаемъ. Организованный подобнымъ образомъ осьмидесяти-милліонный народъ можно смѣло назвать непобѣдимымъ.

Въ главныхъ чертахъ военно-народное устройство наше можетъ быть осуществлено въ короткій срокъ времени—въ четыре года, считая одинъ годъ на предварительныя мѣры. Въ эти 48 мѣсяцевъ три разряда ополченія были бы готовы; пѣхота была бы переформирована и доведена до желательной численности еще прежде. Только переустройство кавалеріи требуетъ десяти лѣтъ; но въ крайнемъ случаѣ на усиленную армію достаточна и нынѣшняя кавалерія, особенно сопутствуемая тучей превосходной нестроевой конницы, какую Россія всегда выставитъ.

Съ образованіемъ народной арміи и ополченія, Россія будетъ въ состояніи встрѣтить побѣдоносно силы какого бы то ни было европейскаго союза. Можно сказать положительно, что никакая сборная союзная сила, при одинаковой численности, не равняется такой же силѣ однородной. Тутъ происходитъ то же, что въ борьбѣ одного силача съ двумя или тремя обыкновен-

Digitized by Google

ными людьми. Силы этихъ людей, въ сложности, можетъ-быть, превосходятъ силу противника, но они никакъ не могутъ взяться за него такъ, чтобъ усилія ихъ слились въ одномъ мгновеніи, между тѣмъ какъ каждый взмахъ силача опрокидываетъ всякаго изъ нихъ отдѣльно. Не говоря уже о различіи видовъ и цѣлей, о разницѣ въ пріемахъ, о нарушеніи связности дѣйствій самолюбіемъ каждаго союзника порознь, о трудности сохранить единство въ арміи, имѣющей нѣсколько головъ; но самое сосредоточеніе силъ со стороны большаго союза представляетъ такія затрудненія, что рѣшительный противникъ, думающій одною своею головой, почти всегда можетъ предупредить враговъ, не дать имъ соединиться. Конечно, при большомъ сосредоточеніи силъ на западной границѣ, намъ нельзя уже будетъ дѣйствовать наступательно съ другихъ предѣловъ; но этого и не нужно; достаточно стать на этихъ предѣлахъ въ оборонительное положеніе, занять ихъ такою силой, чтобы непріятель не могъ расчитывать на вѣрные и быстрые успѣхи по окраинамъ; въ виду большой дѣйствующей арміи ему также нельзя будетъ отдѣлять много людей на второстепенныя предпріятія. Дессанты могутъ безпокоить насъ, но только столкновеніе сухопутныхъ массъ въ центральной Европѣ рѣшитъ окончательно кто правъ и кто виноватъ, рѣшитъ судьбу окраинъ, какъ и главнаго театра войны, точно такъ какъ Кениггрецъ рѣшилъ участь Италіи.

Въ сухопутной европейской войнѣ обладаніе Царствомъ Польскимъ даетъ намъ, при равныхъ силахъ, огромный перевѣсъ надъ противниками. Этотъ передовой мысъ Русской Имперіи, вдающійся въ Европу клиномъ, какъ бастіонъ, между Австріей и Пруссіей, составляетъ въ нашихъ рукахъ, какъ всѣмъ извѣстно, несравненный операціонный базисъ. Въ случаѣ войны съ Австріей или съ Пруссіей *) наша армія, обладающая теченіемъ Вислы и расположенными по ней крѣпостями, не можетъ быть обойдена ни съ какой стороны. Враги могутъ атаковать насъ только съ лица, съ самаго дальнаго рубежа имперіи, между тѣмъ какъ наша армія очутится нѣсколькими переходами въ сердцѣ враждебной земли, парализуя разомъ половину

*) Здѣсь идетъ рѣчь не политическая, а стратегическая—о свойствѣ нашихъ границъ. Всякій знаетъ, что о разрывѣ съ Пруссіей, напримѣръ, не можетъ быть теперь и рѣчи.

Digitized by Google

ея владѣній: въ прусской войнѣ—все что̀ лежитъ на востокъ отъ Одера; въ австрійской—всю Галицію и бо̀льшую часть Венгріи. При хорошемъ начальствованіи и рѣшительности съ нашей стороны, своевременное соединеніе такихъ союзниковъ какъ французы или италіянцы съ австрійцами совершенно невозможно; союзнымъ арміямъ пришлось бы принять бой порознь, одной за другою: развѣ сосѣди наши стали бы отступать къ противоположному предѣлу своей территоріи для сближенія съ друзьями, отдавая безъ выстрѣла важнѣйшія области. Даже въ случаѣ союза противъ насъ двухъ смежныхъ державъ—Австріи и Пруссіи, мы могли бы быстрымъ наступленіемъ изъ Царства Польскаго стать между вражескими арміями и не допустить ихъ до соединенія.

Безъ сомнѣнія, желѣзныя дороги даютъ теперь средство передвигать войска въ союзной странѣ гораздо скорѣе, чѣмъ можетъ наступать непріятель; но все же не такъ скоро, чтобъ армія, собирающаяся въ Савоіѣ, или даже въ Венеціянской области, могла оказать своевременно помощь арміи, расположенной на Карпатахъ, противъ врага, выступающаго изъ радомской губерніи.

Сила Россіи заключается исключительно въ сухопутной арміи. Нашъ флотъ можетъ имѣть оборонительное значеніе, избавить насъ въ военное время отъ расходовъ на содержаніе одной или двухъ лишнихъ дивизій въ балтійскомъ и черноморскомъ бассейнахъ, что̀ при существованіи ополченія не составляетъ слишкомъ большой разницы; но такой роли, которая могла бы положить что-нибудь на чашку вѣсовъ въ большой европейской войнѣ, онъ никогда не имѣлъ, и впредь не будетъ имѣть, пока мы не добьемся исключительнаго обладанія однимъ изъ смежныхъ морей, не запремъ его. Тогда другое дѣло, тогда нашъ флотъ будетъ въ состояніи спокойно развиться въ своемъ недоступномъ убѣжищѣ и въ случаѣ надобности вылетѣть оттуда, нанести ударъ и опять скрыться. Но и тогда мы не будемъ морскою державой, въ томъ смыслѣ какъ Англія, Америка или даже Франція; наши морскія силы, какъ бы онѣ велики ни были, раздѣленныя на двѣ половины между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ, никогда не могутъ равняться силамъ державы, которая владѣетъ берегами океана и потому можетъ сосредоточивать свои флоты. Безъ сомнѣнія, великій народъ не можетъ обойдтись безъ нѣкоторой морской силы, для поддер-

Digitized by Google

жанія своихъ интересовъ на чуждыхъ берегахъ, для того, чтобы быть въ состояніи, въ случаѣ морской войны, вредить непріятелю своими крейсерами; но все это вещи второстепенныя, не вліяющія ни на волосъ на участь великихъ международныхъ споровъ. Для такихъ назначеній у насъ есть достаточно военныхъ судовъ. Намъ желательно имѣть еще небольшую эскадру на Тихомъ океанѣ, на берегахъ котораго развивается понемногу русское мотущество, желательно содержать полицію на Черномъ морѣ, но и только покуда. По нашему крайнему понятію, воображать, что развитіе нашего флота, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть какое-либо вліяніе на русское международное могущество, значитъ совершенно не понимать военнаго дѣла. Содержать большой флотъ, который все-таки никогда не будетъ равенъ союзному, даже отдѣльно французскому или англійскому и который, поэтому, долженъ будетъ при первомъ выстрѣлѣ скрыться въ порты; отнимать для содержанія его нужныя суммы у сухопутной арміи, въ которой заключается дѣйствительная сила, значило бы перелагать расходъ съ производительной почвы на непроизводительную. Еслибъ я обладалъ магическою силой создать однимъ словомъ, съ началомъ войны, или нашъ бывшій, дѣйствительно превосходный и геройскій черноморскій флотъ, одаренный всѣми новѣйшими усовершенствованіями, или лишній корпусъ хорошихъ войскъ, то я не поколебался бы ни на минуту и создалъ бы корпусъ. Черноморскій флотъ могъ бы имѣть великое вліяніе на второстепенныя событія востока, особенно въ мирное время; онъ часто могъ бы доставлять торжество нашему народному самолюбію; но въ военное время не могъ бы оказать рѣшительнаго вліянія на событія. Слишкомъ ясно, что судьба востока зависитъ не отъ побѣдъ на востокѣ, морскихъ или сухопутныхъ; между тѣмъ какъ присутствіе одного лишняго корпуса на полѣ европейской битвы можетъ рѣшить восточныя и западныя дѣла, вопросъ о Черномъ морѣ и всякій другой.

Въ наше время вопросъ о командованіи пріобрѣтаетъ, если возможно, еще болѣе значенія, чѣмъ прежде. Государства выставляютъ всѣ свои силы разомъ къ началу войны; остающіеся за арміей резервы не довольно сильны въ сравненіи съ дѣйствующею арміею, чтобы значительно повліять на ходъ войны. При громадности армій и удобствѣ сообщеній событія развиваются такъ быстро, что поправить первыя неудачи становится

Digitized by Google

иногда невозможнымъ; некогда даже перемѣнить главнокомандующаго. Правильный разчетъ первоначальныхъ дѣйствій всегда составлялъ весьма важный залогъ успѣха; теперь же въ немъ залогъ исключительно важный, по большей части рѣшительный. Въ главнокомандующемъ нельзя уже ошибаться.

Очевидно также, что громадность выставляемыхъ силъ на столько же упрощаетъ чисто военныя соображенія, на сколько усложняетъ соображенія хозяйственныя. Нынѣшнія массы слишкомъ велики и требуютъ слишкомъ много попеченій о своемъ довольствіи, чтобы быть поворотливыми. Случайные стратегическіе маневры, вслѣдсвіе ежечасныхъ неожиданныхъ событій, составлявшіе *суть* военнаго искуства, становятся затруднительными; значеніе ихъ сосредоточивается на общемъ планѣ кампаніи, выборѣ предметнаго пункта и первоначальномъ направленіи массы. *) Капитальная ошибка, погубившая австрійцевъ въ послѣднюю войну, очевидно состояла въ томъ, что къ первому выстрѣлу главныя силы ихъ стояли въ верхней Силезіи, а не въ сѣверо-восточной Богеміи, гдѣ имъ слѣдовало быть; шансы войны были бы уравновѣшены, еслибы Бенедекъ— вначалѣ расположился правильно; чтобы поправить ошибку, когда война уже началась, нуженъ былъ не Бенедекъ а Наполеонъ I. Конечно легче обдумать планъ дѣйствій на досугѣ, чѣмъ всегда вдохновляться правильно. Чѣмъ меньше можно ошибаться въ выборѣ главнокомандующаго, тѣмъ меньше предстоитъ ошибаться самому главнокомандующему. Если бы вещи не складывались всегда именно къ такой пропорціи, то самое развитіе стало бы невозможнымъ.

Наконецъ, при нынѣшнихъ силахъ на войнѣ дѣло не только въ начальникѣ, но въ *начальникахъ*. Никакой человѣкъ не можетъ распорядиться дѣйствительно такими массами, раскиданными на такомъ пространствѣ. Тутъ конечно идетъ дѣло не о Цезарѣ или Наполеонѣ, а объ обыкновенныхъ талантливыхъ людяхъ. Послѣдняя богемская война представляетъ замѣчательный примѣръ. Въ головѣ прусской арміи не стояло не только геніальнаго человѣка, но даже человѣка съ выдающимся изъ ряда талантомъ; въ головѣ ея просто не стояло никого. Но прус-

*) Конечно, это выраженіе надобно понимать только относительно—къ чему клонится дѣло. И теперь случайные стратегическіе маневры могутъ разрѣшаться великими результатами,—но вопросъ въ правилѣ, а не въ исключеніи.

Digitized by Google

скими корпусами командовали энергическіе люди и, главное, не мудрившіе,—они безъ хитрыхъ маневровъ шли прямо на выстрѣлъ, когда его слышали,—этого оказалось достаточнымъ. Главный штабъ сталъ сочинять настоящіе планы уже послѣ побѣды, во второмъ періодѣ кампаніи. Великое качество прусской арміи, котораго въ ней вовсе не подозрѣвали, безмѣрно великое качество состоитъ въ томъ, что она воспитываетъ рѣшительныхъ генераловъ, способныхъ дѣйствовать стойко и просто,—первый залогъ успѣха на войнѣ. Маршалъ Мармонъ утверждалъ, очевидно справедливо, что первое достоинство военнаго начальника состоитъ въ совершенномъ соотвѣтствіи ума съ характеромъ, чтобы сила ума тождественно равнялась въ немъ силѣ воли. Если человѣкъ видитъ дальше, чѣмъ на сколько у него хватаетъ рѣшительности, онъ уже по природѣ теоретикъ и не выстоитъ въ своихъ планахъ; если онъ и уменъ, но болѣе рѣшителенъ, чѣмъ уменъ, онъ отважится на предпріятія, окончательная цѣль которыхъ недостаточно вызрѣла въ его соображеніи, на предпріятія подверженныя поэтому слишкомъ большой случайности. Военная способность, это внутренняя пропорціональность человѣка. Она можетъ выражаться безконечнымъ числомъ степеней, однородныхъ, но не одинаково крупныхъ, отъ Наполеона до толковаго ротнаго командира. Вотъ почему столько знаменитыхъ полководцевъ были людьми, не превышавшими умственною силой довольно обыкновенной высоты человѣческихъ способностей; но изъ того же слѣдуетъ, что удовлетворительно хорошіе, если не геніальные полководцы, вовсе не составляютъ исключительнаго явленія, находятся во всякое время и во всякомъ народѣ. Дѣйствительно, нѣтъ въ исторіи правительства, оставившаго по себѣ память способности и энергіи, которое не нашло бы подходящихъ людей для командованія своими арміями, отъ правительства Перикла до правительства Линкольна. Такіе люди найдутся и у насъ.

Первое достоинство главнокомандующаго не геній—откуда достать генія—но умѣнье стать на высотѣ своего положенія, оказаться начальникомъ въ такой степени, чтобъ его воля была непреложнымъ закономъ для всѣхъ и каждаго. Армія, дѣйствующая какъ одинъ человѣкъ, надежнѣе самыхъ хитрыхъ плановъ,—богемская война доказала вновь эту истину. Въ нашъ вѣкъ, когда такъ тщательно изучаютъ театръ войны и силы противниковъ, не можетъ быть принятъ совершенно не-

Digitized by Google

сообразный планъ дѣйствій; но онъ всегда можетъ быть несообразно исполненъ, не только въ случаѣ, когда самъ главнокомандующій не устаиваетъ въ своихъ видахъ, но, что случается чаще, если частные начальники позволяютъ себѣ не устаивать въ *его* видахъ. Въ главнокомандующемъ важнѣе всего стойкость характера и могучая воля, подчиняющая себѣ людей нравственно.

Первое достоинство генераловъ, его помощниковъ—рѣшительность. Одинъ разъ на десять излишняя рѣшительность можетъ стать причиной неудачи; десять разъ она поведетъ къ успѣху. Всякій бывалый военный человѣкъ видалъ начальниковъ, хотя не обладавшихъ никакимъ замѣтнымъ талантомъ, но энергическихъ и за то обожаемыхъ солдатами; одно имя этихъ людей служило залогомъ успѣха. Война—это игра въ быть или не быть, а каждый знаетъ, даже по частной жизни, до какой степени человѣкъ, не боящійся худаго конца страшенъ противнику. Въ мирное время довольно трудно распредѣлять людей по талантамъ; умъ самъ по себѣ, безъ придаточныхъ свойствъ, ничего не доказываетъ въ военномъ. Всего замѣтнѣе въ человѣкѣ энергія, самостоятельность; поддѣлаться подъ эти природныя свойства очень трудно; даже въ мелочахъ видно, на сколько человѣкъ живетъ своимъ умомъ и руководится своей волей. Все-таки это лучшая мѣра для разцѣнки офицеровъ. Надобно съ самаго начала вести ихъ въ такомъ духѣ, что бы каждый офицеръ бралъ на себя отвѣтственность, не стѣсняясь общими правилами, если думаетъ что такъ выйдетъ лучше—на маневрахъ ли, въ распоряженіяхъ ли частію,—и судить его только по результату. Французы говорятъ о себѣ «nous n'aimons pas les petits coups» и считаютъ въ этомъ свою силу. По-русски, это значитъ: каждый беретъ на себя, что считаетъ нужнымъ, не оглядываясь. Не надобно много труда, чтобы перевоспитать русскую армію въ этомъ духѣ. Въ русскомъ характерѣ беззавѣтной рѣшительности такъ много, что она не только составляетъ его добродѣтель, но переходитъ даже въ его порокъ. Надобно только снять съ нашей арміи болѣе чѣмъ полувѣковой формализмъ, заѣвшій ея дѣйствительную природу, чтобы она была какъ французская, «qui n'aime pas les petits coups»—съ придачею русской выстойчивости, чтобъ она была арміей суворовской, т.-е. дѣйствительно русской.

Digitized by Google

На войнѣ нужны только военныя качества. Кромѣ этихъ, всевозможныя достоинства и недостатки, по которымъ мѣряютъ людей въ гражданскомъ быту, относятся въ военномъ только къ человѣку, а не къ солдату и не могутъ служить мѣрой для его оцѣнки.

Нечего и говорить о томъ, что высшее начальство должно знать репутацію офицеровъ извѣстнаго чина, начиная даже съ полковника; въ другихъ странахъ ихъ знаютъ съ капитана. Если человѣкъ разъ былъ испытанъ, то онъ уже не подлежитъ новой оцѣнкѣ въ мирное время; онъ годится или не годится,— и кончено. Въ головѣ войскъ могутъ стоять начальники или доказавшіе себя на дѣлѣ, или не успѣвшіе еще себя доказать,—но никакъ не тѣ, которые доказали противное; послѣднее можетъ повести только къ разрушенію нравственнаго чувства въ арміи.

Существуетъ поговорка, очень распространенная, но вовсе невѣрная, что военные люди выносятся впередъ войной. Военные таланты дѣйствительно выказываются сами собою, но только въ чьихъ глазахъ? Въ глазахъ ближайшихъ свидѣтелей. Выносятся же они впередъ только зоркостію правительства или такою военною организаціей, въ которой армія, воспитанная въ чисто военномъ духѣ, умѣетъ судить правильно о людяхъ и имѣетъ голосъ достаточно сильный для того, чтобъ онъ былъ слышенъ всему обществу. Такова французская армія, въ которой мнѣніе развивается свободно и уважается; очасти такова и прусская. Но Австрія, напримѣръ, вѣчно воюетъ, а со временъ Евгенія Савойскаго у нея не было ни одного полководца, достойнаго этого названія. Когда въ большомъ государствѣ не слыхать признанныхъ военныхъ именъ, на которыя нація возлагала бы свои надежды; когда даже войны, продолжающіяся нѣсколько лѣтъ, не выносятъ впередъ такихъ именъ,—это значитъ только то, что военная организація государства неестественная, что въ ней люди расцѣниваются не по дѣйствительнымъ способностямъ, признаваемымъ окружающею ихъ средой—единственнымъ неподкупнымъ судьей въ такомъ дѣлѣ, а по какимъ нибудь искуственнымъ мѣрамъ. Это значитъ во всякомъ случаѣ, что выдвигаются впередъ не тѣ люди, которые стоятъ того, люди, берущіе по праву то, что̀ имъ принадлежитъ; не тѣ, которые были бы выдвинуты мнѣніемъ, если бы мнѣніе что-нибудь значило; а просто тѣ,

Digitized by Google

которые нравятся. Изъ нравящихся же мущинъ рѣдко выходитъ что-нибудь путное; природа предоставляетъ законное право нравиться только барышнямъ. Это значитъ также, что выборы не обсуждаются, иначе мнѣніе было бы услышано, а совершаются въ канцелярской тайнѣ. Въ европейскомъ племени всегда довольно способныхъ и характерныхъ людей; если они не показываются, то въ этомъ выражается не скудость въ людяхъ; а скудость системы управленія.

Этотъ вопросъ о военномъ общественномъ мнѣніи чрезвычайно важный, но въ то же время необычайно скользкій. Онъ не подлежитъ никакому опредѣленію, потому что держится въ неуловимой нравственной сферѣ. Какъ опредѣлить право общественнаго мнѣнія въ постоянной арміи, основанной исключительно на дисциплинѣ, на безусловномъ повиновеніи старшему, до такой степени, что даже въ самой анархической республикѣ войско представляетъ собою воплощеніе деспотизма, и безъ этого не можетъ существовать. Но въ то же время несомнѣнно, что во всѣхъ боевыхъ арміяхъ, какія только видѣлъ свѣтъ, кончая нашей кавказской, общественное мнѣніе было сильно развито и вліяло на многія вещи; оно почти исключительно выдвигало людей, поэтому люди распредѣлялись правильно. Мнѣніе не можетъ быть безошибочнымъ руководителемъ, — безошибочной мѣрки не дано человѣку; австрійское правительство напримѣръ, поступило бы очень хорошо не послушавшись голоса арміи, выкричавшей главнокомандующимъ Бенедека; но въ сотнѣ другихъ случаевъ оно ошиблось бы, не принявъ этого мнѣнія въ разсчетъ. Нельзя выростить искуственно самостоятельнаго и зрѣлаго мнѣнія въ арміи, какъ нельзя возбудить его въ человѣкѣ, покуда онъ самъ не доростетъ до этой поры.

Кромѣ вѣрной расцѣнки боевыхъ людей, возможной только при зрѣломъ общественномъ мнѣніи, укоренившемся въ самой арміи, нужно еще, чтобы начальники, которые поведутъ войска въ бой, были заблаговременнно съ ними знакомы. Теперь войска станутъ группироваться по мѣрѣ дѣйствительной потребности. Тѣмъ не менѣе было бы вовсе не военнымъ дѣломъ сводить внезапно съ началомъ войны незнакомыя между собою дивизіи и ввѣрять главное начальство лицамъ на столько же чуждымъ войскамъ, на сколько войска имъ чужды. Отдѣленіе военной администраціи отъ боеваго командованія войсками, можетъ стать безвреднымъ только съ восполненіемъ этого су-

Digitized by Google

щественнаго недостатка. Съ переходомъ арміи на военное положеніе придется необходимо, за нѣкоторыми исключеніями, ставить въ головѣ крупныхъ ея подраздѣленій не тѣхъ людей, которые управляли войсками въ мирное время, а другихъ, или изъ начальниковъ дивизій, которымъ знакомы только ихъ четыре полка, или изъ людей, которые повысились уже надъ этимъ званіемъ и съ тѣхъ поръ были совсѣмъ разобщены съ войсками. Во всякомъ случаѣ такой іерархическій составъ большихъ массъ слишкомъ напоминаетъ случайную іерархію арміи, выступавшей подъ Ватерлоо, бывшую главною причиной катастрофы. Нельзя смѣшивать разнородный характеръ двухъ званій—административнаго и боеваго.

Какъ можетъ начальникъ разумно распорядиться въ бою войсками, личнаго состава которыхъ онъ не знаетъ. Война не маневры; трудность задачи, предстоящая тѣмъ или другимъ частямъ, бываетъ различная, а на каждый полкъ нельзя одинаково полагаться; еще несравненно важнѣе понимать заблаговременно своихъ помощниковъ—строевыхъ начальниковъ, и возлагать на каждаго, по возможности только то, что ему по силамъ. Съ другой стороны войска также должны знать своихъ главныхъ начальниковъ. Какое обаяніе можетъ производить въ бою на солдата генералъ, котораго тотъ видитъ въ первый разъ? Ото всѣхъ этихъ вещей зависитъ ни болѣе ни менѣе, какъ исходъ войны. Надо полагать, для австрійскихъ начальниковъ оказалось мало пользы въ томъ, что они успѣли хорошо разцѣнить своихъ подчиненныхъ въ битвѣ подъ Садовой. Какой увѣренности въ себѣ ждать отъ арміи, въ которой вся высшая іерархія съ одной стороны и войска съ другой остаются чуждыми другъ другу въ минуты, когда участь войны начинаетъ уже рѣшаться? Между тѣмъ таково будетъ наше положеніе, если вещи останутся въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Наше устройство имѣетъ сходство съ французскимъ, но тамъ условія совсѣмъ другія. Французская армія значительно менѣе нашей составомъ и численностію, она армія боевая и по воспитанію и по непрерывности войнъ, которыя вела въ послѣднее время, всѣ части ея знакомы между собою, репутація почти каждаго офицера высшихъ чиновъ, начиная съ полковника, установлена; тамъ съ назначеніемъ корпуснаго командира, еще не видавши его въ глаза, каждый капралъ разскажетъ солдатамъ его службу, качества и опишетъ лич-

Digitized by Google

ность. Развѣ у насъ есть что нибудь похожее на это? Ни одно европейское государство не рѣшилось еще принять французскую систему, хотя нѣтъ ни одного изъ нихъ, къ которому бы эта система не была болѣе примѣнима, чѣмъ къ намъ.

Военно-административное дѣленіе Россіи на округа полезно, безъ сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ; но оно нисколько не препятствуетъ должному сближенію предполагаемыхъ корпусныхъ командировъ съ предназначаемыми имъ войсками.

Такъ какъ война всегда можетъ загорѣться очень неожиданно, то и высшая военная іерархія должна быть всегда расписана заблаговременно, хотя бы только приблизительно, чтобы главные начальники знали своихъ подчиненныхъ, когда имъ придется вести ихъ въ бой, и были извѣстны имъ. Для этого достаточно даже непродолжительное соприкосновеніе, во время лѣтнихъ занятій войскъ. Сведеніе войскъ на извѣстные сроки массами необходимо само по себѣ. Командованіе такими сборами войскъ однимъ или нѣсколькими въ одномъ районѣ, смотря по ихъ многочисленности, ввѣряемое лицамъ, которымъ предполагается предоставить высшія званія на войнѣ, было бы въ боевомъ отношеніи равносильно сближенію, установлявшемуся между прежними главнокомандующими и корпусными командирами и ихъ войсками, безъ нарушенія главныхъ основаній военно-окружной системы. Государственная власть не можетъ не имѣть въ виду постоянно, хотя приблизительно, какъ распредѣленія силъ, вызываемаго тѣмъ или другимъ военнымъ сочетаніемъ, такъ и лицъ, которымъ эти силы могутъ быть ввѣрены. Трудно было бы надѣяться на успѣхъ войны, если бы такіе вопросы, не обсужденные заранѣе, возникали только во время самыхъ приготовленій, когда нужно направлять войска спѣшно и безошибочно, разомъ распредѣлять начальниковъ сообразно съ ихъ способностію. Если жь эти вопросы обсуждены заранѣе, хотя, конечно, въ общемъ видѣ, если они существуютъ постоянно въ соображеніи какъ рѣшенные, то не представляется никакого затрудненія сближать войска во время сборовъ съ начальниками, которымъ предполагается ввѣрить ихъ на войнѣ. Надобно только, чтобъ одни и тѣ же лица были сводимы съ одними и тѣми же войсками, иначе не произойдетъ никакого сближенія. При такой системѣ, отчетливо установленной, можно было бы со временемъ упразднить въ мирное время даже званіе начальника

Digitized by Google

дивизіи, подчиняя полки прямо военно-окружному начальству, какъ во Франціи.

Боевая армія составляется не сборомъ людей, сколько бы то ни было многочисленныхъ и хорошо обученныхъ; она должна быть нравственною, собирательною личностію, должна имѣть одинъ общій пульсъ. Всякій пробѣлъ въ связи верха съ низомъ, одной части съ другою, разрушая единство настроенія и взаимной довѣренности, разрушаетъ ея боевую цѣльность.

IX.

Заключеніе.

Мы высказали свои мысли. Отдавая на судъ общественнаго мнѣнія ихъ значеніе въ военномъ отношеніи, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ отношеніи этого труда къ текущей минутѣ. Читателямъ выяснился смыслъ сочиненія: онъ состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ наше отечество должно собрать свои силы, какъ собираетъ ихъ Европа, чтобъ относиться къ міру не какъ государство съ 350-ю милліонами дохода, уступающее въ этомъ отношеніи другимъ великимъ державамъ, а какъ государство съ 80-милліоннымъ населеніемъ, ставящимъ его на первое мѣсто въ свѣтѣ; намъ приходится, другими словами, въ военныхъ учрежденіяхъ, какъ и во многихъ другихъ, сойдти съ основаній заложенныхъ Петромъ, и замѣнить постоянную солдатскую армію, ограниченную цифрой бюджета, арміей народною, опредѣляемою преимущественно цифрой населенія, то-есть устроить по военному само земство. Многіе изъ читателей не найдутъ нужнымъ спрашивать для чего это? Они сами знаютъ и чувствуютъ для чего. Но многіе, даже изъ людей готовыхъ въ минуту опасности на всякую жертву отечеству, сдѣлаютъ, быть можетъ, этотъ вопросъ. Хотя въ нашей народной жизни прошла уже безвозвратно полоса напускнаго тумана, когда въ космополитическомъ увлеченіи иные ставили въ упрекъ Пушкину его оду *Клеветникамъ Россіи*; тѣмъ не менѣе нельзя ожидать отъ общества, въ которомъ подобныя явленія были возможны еще недавно, твердо установившагося, общеприня-

Digitized by Google

таго мнѣнія о внѣшнихъ интересахъ своего отечества и о силахъ потребныхъ для поддержанія этихъ интересовъ. До послѣдняго польскаго возстанія мы были сильны только своимъ живымъ народнымъ чувствомъ, которое въ критическую минуту оказывалось все мощнѣе и дѣльнѣе нашихъ случайныхъ мнѣній. Поэтому вопросъ о томъ, для чего намъ нужно быть сильно вооруженными и кто намъ угрожаетъ, весьма возможенъ и требуетъ предварительнаго соглашенія. Писавши о вооруженныхъ силахъ Россіи, мы должны были имѣть въ виду этотъ вопросъ и ясный отвѣтъ на него хоть для тѣхъ читателей, которые не разнятся съ нами во взглядѣ на коренныя начала.

Во второстепенномъ государствѣ многія соображенія могутъ оттѣснять на второй планъ вопросъ о народномъ вооруженіи,—соображенія политическія, экономическія и соціяльныя,—ибо второстепенное государство держится и существуетъ не собственною силой, а международнымъ правомъ, охраняемымъ соперничествомъ великихъ державъ. Мы достаточно видѣли въ послѣднія десять лѣтъ, что охрана эта несовсѣмъ дѣйствительна; но небольшія государства не могутъ отвратить отъ себя опасности собственною энергіей. Конечно, безъ арміи и они не могутъ обойтись, чтобы не стать игрушкой ежедневныхъ случайностей; но ихъ армія имѣетъ только одно значеніе—возможности перваго отпора въ ожиданіи внѣшней помощи; нѣтъ надобности, поэтому, чтобъ она точно соотвѣтствовала численности и средствамъ націи во всемъ ихъ объемѣ, и чтобы качество ея было очень высокое. Швеція можетъ довольствоваться своими поселенными войсками, короли Неаполитанскіе полагались преимущественно на наемныхъ швейцарцевъ. Когда армія не представляетъ собой полнаго залога народной безопасности, а обезпечиваетъ государство только противъ второстепенныхъ случайностей, то очень естественно, что численность и организація ея становятся дѣломъ почти произвольнымъ, дѣломъ мнѣнія, и подчиняются многимъ соображеніямъ, имѣющимъ большое значеніе для общества. Державы первоклассныя находятся въ другомъ положеніи. Первоклассная держава есть нація, или политическое тѣло, существующее само по себѣ, независимо отъ всякихъ правъ и договоровъ, поддерживающееся собственною силой. Первостепенныя государства—это капитальныя стѣны всемірнаго политическаго зданія, всегда однѣ и тѣ же, между

Digitized by Google

тѣмъ какъ прочія—перегородки, которыя каждое столѣтіе ломаетъ и передѣлываетъ какъ ему удобнѣе. Держава, которая не можетъ защитить себя отъ всякихъ коалицій, которая нуждается въ охранѣ международнаго права, не есть держава первоклассная и не можетъ имѣть самостоятельнаго голоса. Очевидно, напримѣръ, что признаніе первоклассным государствомъ Италіи, не имѣющей еще столько силы, чтобы справиться въ полѣ сраженія даже съ однимъ изъ клочковъ австрійской арміи, есть пока фикція, вызванная политическою игрой, а не дѣйствительность. Италіи все-таки приходится идти за кѣмъ-нибудь на буксирѣ. Положніе незавидное даже для внутренняго развитія, на которое всегда ложится печать энергіи народа, его увѣренности въ себѣ, почерпаемой въ чувствѣ внѣшней самостоятельности. Кто не надѣется на себя передъ чужими, тотъ едвали будетъ смѣлъ и прямъ въ домашнемъ кругу. У человѣка не можетъ быть двухъ лицъ, какъ у Януса, не можетъ быть двухъ душъ: одной по внѣшнимъ, другой по внутреннимъ дѣламъ отечества. Народъ малочисленный, слабый не по своей винѣ, можетъ развиваться безпрепятственно, сознавая эту слабость, но для многочисленной, самостоятельной націи, обѣ стороны государственной жизни — внутренняя и внѣшняя, связаны неразрывно. Малѣйшій ущербъ въ одной изъ нихъ сейчасъ же отзывается на другой; упадокъ, даже временное умаленіе внѣшняго могущества сказывается немедленно внутри или общественною апатіей или общественнымъ разладомъ; нація обращается или въ Испанію наслѣдниковъ Филиппа II, отдающуюся исключительно молитвамъ и серенадамъ, или во Францію послѣ 1815 года, грызущую свои внутренности, раздираемую партіями, мучимую воспоминаніями до той минуты, пока она не заняла снова соотвѣтственное ея силѣ международное положеніе. Нельзя почти сомнѣваться, что событія восточной войны и чувства, порожденныя ея послѣдствіями въ русскомъ обществѣ, содѣйствовали болѣе чѣмъ что-либо другое развитію того горячечнаго бреда, который извѣстенъ подъ именемъ нигилизма. Человѣкъ, у котораго подорваны привычныя вѣрованія въ себя, бросается обыкновенно въ противоположную крайность. Общество есть тотъ же человѣкъ, только въ громадныхъ размѣрахъ; оно слагается изъ человѣческихъ душъ. Возьмите же человѣка самостоятельнаго, всегда сохранявшаго свое достоинство и вдругъ нечаянно уни-

Digitized by Google

женнаго. Одно изъ двухъ: или этотъ человѣкъ замучитъ себя растерзаетъ себя упреками, въ душѣ его загорится настоящее междуусобіе, которое не успокоится, пока онъ, удвоенною энергіей, почерпаемою въ самыхъ терзаніяхъ своихъ, не вознаградитъ прошлаго; или этотъ человѣкъ понуритъ голову и такъ уже останется на вѣкъ. Въ одномъ случаѣ выйдетъ Франція, въ другомъ Испанія. Мѣщанское счастіе, нетревожимое сильными ощущеніями, возможно только для маленькихъ народовъ, слабыхъ не по своей винѣ, какъ въ былое время, въ гражданскомъ быту оно составляло принадлежность слабыхъ и смирныхъ людей, жившихъ подъ чужою опекой.

Маленькая Данія можетъ горько оплакивать свое несчастіе, но даже оплакивая, оставаться счастливою и довольною; полезныя реформы, внутренній миръ и процвѣтаніе могутъ вполнѣ утѣшить ее; она вышла изъ боя растерзанною, но съ спокойною совѣстію: что же ей оставалось дѣлать? Такого мелководнаго счастія не дано въ удѣлъ великимъ народамъ; и справедливо. Великій народъ можетъ также понести пораженіе, но не можетъ на немъ успокоиться; полезныя реформы и внутреннее развитіе могутъ утѣшить его только на извѣстный срокъ, ибо никакое правильное развитіе, никакая счастливая будущность невозможны безъ уваженія къ себѣ и безъ вѣры въ себя, а такая униженная покорность передъ судьбой со стороны сильнаго доказала бы его душевное растлѣніе, несовмѣстное съ этими благородными чувствами, несовмѣстное ни съ какою хорошею будущностію. Несчастіе заставляетъ оглядываться на свою жизнь, раскаиваться въ своихъ ошибкахъ понимать свои недостатки и исправлять ихъ: такъ бываетъ со всякою сильною личностію, и человѣческою, и государственною. Такимъ образомъ и съ такими послѣдствіями, всегда одинаковыми, отзывалось несчастіе на всякомъ великомъ народѣ; примѣровъ можно привести множество, но самый яркій изъ нихъ—примѣръ Пруссіи послѣ Іены. Наученный несчастіемъ великій народъ, исправляя свои недостатки, не разстается съ мыслію подняться опять во весь свой ростъ, съ обновленными силами. Иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ прежде всего нравственное существо, не довольствующееся однимъ матеріяльнылъ благосостояніемъ и привольною жизнію, существо, требующее нравственнаго удовлетворенія; а какое нравственное удовлетвореніе можетъ согласоваться съ низкимъ мнѣ-

Digitized by Google

ніемъ о себѣ какъ о народѣ? Иначе быть не можетъ и потому, что всякая личность въ свѣтѣ, и одиночная и сборная, не можетъ чувствовать себя спокойною, отклонившись отъ своего природнаго назначенія. А развѣ великіе народы не имѣютъ своего природнаго назначенія, врученнаго имъ безъ ихъ спроса, проходящаго черезъ всю ихъ исторію, проникшаго массу извѣстнымъ оттѣнкомъ чувствъ и взглядовъ, отъ которыхъ она не можетъ оторваться, не открывая въ то же время части своей души. Если изъ племенъ, одинаково мелкихъ въ своемъ источникѣ, одни остаются ничтожными или второстепенными навсегда, другія разростаются въ великіе народы, то развѣ не очевидно, что эти послѣднія племена одарены большею энергіей, устойчивостію, большею, способностію притяженія и превращенія въ себя; что въ нихъ вложенъ зародышъ, изъ котораго развиваются отборныя силы человѣчества, что именно они, а не другія, призваны *дѣлать* исторію нашего рода. Воспитанный въ теченіе вѣковъ такимъ призваніемъ, отзывающимся хоть бы смутно, но все-таки отзывающимся въ душѣ каждаго отдѣльнаго лица, великій народъ всецѣло проникается характеромъ всемірнаго дѣятеля и не можетъ уже возвратиться къ частной жизни маленькихъ народовъ. Мѣщанское счастіе не удовлетворитъ его; какъ Самсонъ, онъ почувствуетъ возвращеніе силы вмѣстѣ съ отросшими волосами и не успокоится, пока не возвратитъ снова своего величія, не станетъ опять на свой историческій путь. Чѣмъ больше времени народъ отстраняется отъ этого пути, тѣмъ сильнѣе бываетъ увлеченіе къ возврату. Приходитъ день, когда сознаніе своей мощи и не удовлетворяющаго ей международнаго значенія, голосъ недовершенныхъ историческихъ стремленій, чувство затронутой національной гордости сливаются въ одно общее настроеніе, во всенародное чувство, заслоняющее собой, на нѣкоторый срокъ, всѣ текущіе внутренніе интересы. Тогда для каждаго человѣка общее дѣло становится своимъ дѣломъ, каждая царапина на величіи отечества чувствуется каждымъ какъ личное оскорбленіе. Это значитъ, у Самсона отросли волосы; великій народъ уже не удовлетворяется тѣмъ, чтобы привольно жить и даже строить школы и писать книги на покоѣ: онъ хочетъ быть самимъ собой. Одна изъ величайшихъ нравственныхъ потребностей общественнаго человѣка исторически воспитанное мнѣніе о себѣ,—требуетъ удовлетворенія. Такой переломъ мнѣнія—

Digitized by Google

увлеченіе отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнимъ, отъ которыхъ общественное вниманіе было отстранено временно какими нибудь обстоятельствами,—фактъ много разъ совершавшійся вездѣ. По многимъ признакамъ можно думать, что настроеніе русскаго общества слагается съ нѣкотораго времени въ этомъ направленіи, что мы находимся наканунѣ такого дня, когда большинство русскихъ людей не будетъ уже достаточно удовлетворено успѣхомъ въ однихъ домашнихъ дѣлахъ. Никогда нельзя было сомнѣваться, что такой поворотъ мнѣнія произойдетъ раньше или позже: это законъ исторіи, проходящій чрезъ всю жизнь великихъ народовъ; можно было сомнѣваться только въ срокѣ, когда онъ наступитъ.

Независимо отъ влеченій живой души, которая сказывается во всякомъ человѣческомъ обществѣ, великая держава не можетъ сосредоточиться и замкнуться въ себѣ надолго, еслибъ и хотѣла. Она можетъ умѣрить свое вмѣшательство во всемірныя дѣла, углубиться въ себя, только на очень непродолжительный срокъ. Міръ не стоитъ на мѣстѣ, формы его и сочетанія измѣняются безпрерывно; абсолютнаго могущества, независимо отъ сравненія своихъ силъ съ чужими силами, не существуетъ; а потому никакой значительный народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ событіямъ, происходящимъ за его границей, далеко не можетъ допустить всего, что можетъ тамъ случиться. Была ли бы могущественна Россія, была ли бы она обезпечена въ своей цѣлости, еслибъ устояла европейская монархія, созданная Наполеономъ I? Было ли бы возможно у насъ правильное внутреннее развитіе при такой внѣшней опасности, грозящей ежедневно? Не пришлось ли бы намъ пожертвовать самыми дорогими общественными интересами для внѣшняго обезпеченія государства, отложить всякую мысль о будущемъ для настоящаго? Европейская монархія Наполеона была явленіемъ исключительнымъ, которое кенечно не возвратится; но развѣ въ нынѣшнемъ положеніи европейскихъ дѣлъ, при нынѣшнемъ, слишкомъ извѣстномъ и вовсе нескрываемомъ настроеніи почти всего Запада противъ Россіи, не могутъ возникнуть такія политическія сочетанія, которыя будутъ имѣть для насъ совершенно то же значеніе, какъ французская имперія 1812 года, которыя также какъ и она могутъ оторвать насъ, и оторвать надолго, отъ всякой мысли о будущемъ для настоящей минуты? Для прилежнаго наблюдателя не можетъ быть сомнѣнія, что такіе

Digitized by Google

виды, хотя бы въ зародышѣ покуда, существуютъ въ умѣ многихъ правительственныхъ людей Запада; что виды эти согласуются также со многими основными интересами нашихъ недоброжелателей и что общественное мнѣніе въ большинствѣ благопріятно имъ. При такомъ союзѣ личныхъ стремленій, интересовъ и мнѣнія, въ нашу эпоху неожиданныхъ событій и внезапныхъ рѣшеній, каждое несогласіе въ какомъ-либо серіозномъ вопросѣ, можетъ чрезвычайно быстро разгорѣться въ прямое столкновеніе. Кто не помнитъ 1853 и 1863 годовъ. Что враждебная сила будетъ теперь въ рукахъ не одного лица, а одного чувства или одного интереса, отъ этого намъ не станетъ легче. Возможность неблагопріятныхъ намъ политическихъ сочетаній чрезвычайно облегчена рядомъ невообразимыхъ событій послѣдняго десятилѣтія, происшедшихъ безъ нашего вмѣшательства, въ то время какъ мы замыкались въ себя. Въ это десятилѣтіе Россія воскресла къ жизни, это правда; но и оборотъ медали слишкомъ важенъ, чтобъ его можно было считать второстепеннымъ въ сравненіи съ чѣмъ бы то ни было. Внѣшняя опасность можетъ быть предупреждена, единеніе враждебныхъ намъ интересовъ можетъ быть разсѣяно или ослаблено въ самомъ зародышѣ только рѣшительнымъ воздѣйствіемъ на современныя дѣла; а для такого воздѣйствія нужна прежде всего сила или по крайней мѣрѣ внушительный видъ силы, не оставляющій повода никакому сомнѣнію.

Наконецъ, надо сказать и то, что въ свѣтѣ нѣтъ такой великой державы, всѣ интересы которой, не только политическіе и торговые, но даже чисто національные, племенные, заключались бы во всей полнотѣ въ ея нѣдрахъ, не выходили бы за ея предѣлы. Такая отрѣзанность принадлежитъ только небольшимъ народцамъ, каковы, напримѣръ, голландцы; да и тѣхъ смущаетъ по временамъ вопросъ о родственныхъ имъ фламандцахъ. До сихъ поръ ни одна великая держава не осуществила такого полнаго объединенія своей народности, чтобъ оставаться чуждою сердцемъ ко всему заграничному. У всякаго значительнаго европейскаго народа есть своя заграничная родня, которой онъ сочувствуетъ, которой онъ не можетъ не сочувствовать безъ самоотреченія, потому что она есть плоть отъ его плоти, потому что въ ея лицѣ онъ самъ попирается чуждымъ насиліемъ; попирается его знамя, его народность, историческія идеи или религія. Какъ ни далеко разошлись ро-

Digitized by Google

манскіе народы, а даже у нихъ сердце говоритъ сообща; симпатіи Франціи всегда были за Италіей, а Германіи противъ Италіи. Хотѣть чтобы человѣкъ замкнулъ свои естественныя чувства въ пограничной чертѣ, условленной на послѣднемъ съѣздѣ дипломатовъ, значитъ представлять его себѣ куклой, а не человѣкомъ. Никто не можетъ быть сыномъ своего государства; только отечество, то-есть самостоятельная народность, можетъ имѣть сыновъ; государство же имѣетъ однихъ слугъ, часто очень преданныхъ, но все-таки слугъ. Мать Россія — слово полное великаго смысла, мать Австрія—чистая безсмыслица. Если же человѣку свойственно питать сыновнія чувства къ своей великой семьѣ-народности, то онъ, значитъ, любитъ ее, а не послѣднюю политическую растасовку картъ, любитъ ее одинаково вездѣ гдѣ видитъ, и въ своемъ, и въ чужомъ государствѣ. Посмотримъ, долго ли политическая вѣрность австрійскихъ нѣмцевъ устоитъ противъ патріотическаго влеченія? Когда великій народъ стремится сердцемъ къ заграничной роднѣ, болѣе или менѣе близкой, однокровной или одновѣрной, онъ защищаетъ не только ее, но самъ себя, онъ защищаетъ въ ней свою собственную личность и свои собственныя убѣжденія, свой историческій типъ, выражающійся въ извѣстной мѣрѣ и въ родичахъ его, противъ чуждыхъ личностей и убѣжденій. Вѣра въ себя, въ законность и превосходство своихъ коренныхъ идей и стремленій, есть та сила, которая создаетъ великіе народы; какая же вѣра, обладающая могуществомъ, отдастъ себя на попраніе въ какомъ бы то ни было видѣ? Великій народъ, остающійся безстрастнымъ при видѣ страданій своей крови или своихъ задушевныхъ убѣжденій въ лицѣ своихъ близкихъ, потому что законность участія къ нимъ не оговорена формально дипломатическими трактатами, подсѣчетъ тѣмъ свои собственныя національныя основы, покажетъ всему свѣту и самому себѣ, что эти основы для него только вывѣска, а не призваніе.

Для людей, не отвергающихъ народной личности, то-есть самой исторіи, заключеніе ясно. Великій народъ не можетъ заглушить въ себѣ надолго голосъ своего вѣковаго призванія, душа его очень скоро возмущается противъ такого насилія надъ собой. Великая держава не можетъ надолго замкнуться въ себѣ, не рискуя очутиться внезапно въ такомъ положеніи, изъ котораго ей потомъ придется выбиваться цѣною величай-

Digitized by Google

шаго напряженія силъ. Сборный человѣкъ, представляемый народностію, не можетъ отрѣшиться отъ человѣческихъ чувствъ, иногда противъ воли вызывающихъ его на дѣятельность, также какъ и частное лицо; поступая иначе онъ утратилъ бы собственное уваженіе, безъ котораго жизнь ничего не стоитъ для народа, какъ и для личности. Эти три побужденія къ внѣшней дѣятельности неотразимо увлекаютъ каждый великій народъ, занимающій самостоятельное мѣсто въ свѣтѣ, ко вмѣшательству во всемірныя дѣла, заставляютъ его неустанно направлять событія въ смыслѣ своихъ національныхъ интересовъ. Намъ кажется несомнѣннымъ, что сумма этихъ побужденій вызываетъ въ настоящее время къ внѣшней дѣятельности Россію болѣе, чѣмъ какую-либо другую державу. Восточная война и десятилѣтнее углубленіе въ себя накопили на насъ долгъ съ процентами, который теперь разомъ приходится уплачивать. Но современный міръ не въ такомъ положеніи, чтобы право и самыя законныя чувства значили что-нибудь безъ силы, тѣмъ болѣе, что каждая нація имѣетъ свои законныя чувства, иногда круто противорѣчащія чувствамъ другой.

Размѣры этого сочиненія, посвященнаго исключительно военному дѣлу, не позволяютъ намъ вдаваться въ обсужденіе современныхъ европейскихъ событій, хотя связный перечень фактовъ подтвердилъ бы вышесказанное лучше всякихъ разсужденій. Важность этихъ событій для Россіи такова, что они могутъ заставить призадуматься самаго довѣрчиваго и безпечнаго человѣка, если только онъ русскій по чувствамъ. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно не для развитія, но для уясненія нашей мысли.

На свѣтѣ есть державы окончательно сложившіяся, собравшія въ себя почти всѣ свои естественные элементы и сростившія ихъ съ собой, а потому не связанныя больше съ такими жизненными интересами за границей, отъ рѣшенія которыхъ прямо зависѣло бы ихъ могущество и внутреннее развитіе; и есть державы еще складывающіяся, чувствительныя къ урону не только въ себѣ, но и внѣ себя, державы, будущность и развитіе которыхъ могутъ быть сильно подсѣчены въ лицѣ ихъ заграничныхъ интересовъ. Такова прусская Германія, такова и Русская Имперія, не смотря на свою огромность. Совершающееся на нашихъ предѣлахъ безконечно важно для насъ, не только какъ залогъ спокойной будущности, но даже

Digitized by Google

какъ обезпеченіе въ томъ, что мы устоимъ въ нынѣшнемъ своемъ положеніи. Для большей части Европы Россія неприкосновенна, то-есть считается недостижимою, только на востокъ отъ Днѣпра, на сѣверъ отъ Кубани, на югъ отъ Выборга; все прочее не признается еще окончательно рѣшеннымъ и при первомъ неблагопріятномъ для насъ сочетаніи европейскихъ силъ можетъ стать предметомъ враждебныхъ попытокъ. Обширныя окраины Россіи далеко еще не такъ прочно срощены съ владычествующимъ племенемъ, чтобы на нихъ не могли оказать нѣкотораго притяженія, другіе, даже псевдо-однородные съ ними центры, создаваемые вдоль нашей границы. Явная враждебность высшихъ и среднихъ классовъ въ однѣхъ окраинахъ, совершенная разноязычность и чужеземная культура въ другихъ, не допускаютъ до сихъ поръ такой органической связи ихъ съ тѣломъ государства, чтобы сила оружія и внѣшняя приманка не могли больше имѣть вліянія на ихъ судьбу. Со дня разрушенія Польши, въ продолженіи полувѣка, Россія обезпечивалась отъ непріязненныхъ замысловъ Священнымъ Союзомъ. Сбросивъ съ себя эти обременительныя узы, она можетъ полагаться только на собственную силу. Намъ нужно теперь, и еще долго нужно будетъ въ будущемъ охранять Финляндію отъ скандинавизма, прибалтійскія губерніи отъ нѣмецкаго единства, Польшу и западныя губерніи отъ самыхъ сложныхъ вліяній и замысловъ, Бессарабію отъ Румыніи, Закавказье и отъ Европы, и отъ мусульманскаго фанатизма. Заботы правительства и общества о нашихъ окраинахъ ясно доказываютъ, что еще не все тамъ рѣшено.

Съ другой стороны, битва при Садовой и разложеніе Турціи дали славянскому вопросу и въ Австріи, и на балканскомъ полуостровѣ такой толчокъ, что онъ начинаетъ быстро переходить изъ области археологіи на дѣйствительную почву. Онъ никогда не разрѣшится безъ Россіи, потому что сами заинтересованные не владѣютъ такими силами, чтобы идти самостоятельно къ своей цѣли, а изъ великихъ державъ, устанавливающихъ судьбу свѣта, одна Россія можетъ желать ему разрѣшенія окончательнаго и справедливаго; для прочихъ же эти истерзанныя племена орудіе, а не цѣль: къ личной участи ихъ всѣ равнодушны. Тѣмъ не менѣе дѣло это зрѣетъ; все зависитъ отъ того, какое оно получитъ направленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о славянахъ и православныхъ, разрѣшаемый враждеб-

Digitized by Google

ною Россіи политическою интригой, можетъ стать, хоть бы и временно, великою для насъ опасностію. Вдоль русской границы могутъ создаться уже не частные и призрачные, а дѣйствительные центры притяженія, тяготѣющіе на наши окраины. Враждебныя къ Россіи и самостоятельныя до нѣкоторой степени славянскія и православныя массы, опирающіяся на сочувствіе, а еще вѣроятнѣе даже на содѣйствіе Европы, совсѣмъ не то что̀ враждебная Австрія или Турція. Славянское и православное сосѣдство, относящееся къ намъ въ массѣ какъ теперь относятся поляки, развѣ это возможно допустить? Тутъ бы шло дѣло уже но о политическомъ соперничествѣ, а о племенномъ междуусобіи, о томъ, кто представляетъ расу и стоитъ во главѣ ея; изъ такой постановки вопроса возникло бы нѣчто похожее на вѣковую борьбу московской Руси съ литовской изъ-за того, кому изъ двухъ принадлежитъ право называться Русью. А такіе виды, по врайней мѣрѣ такія ползновенія противъ насъ, несомнѣнно существуютъ во многихъ правительственныхъ головахъ и въ общественномъ настроеніи западной Европы. Недавно еще Европа надѣялась поглотить, ассимилировать все русское и близкое къ русскому по племени и вѣрѣ, живущее внѣ предѣловъ Россіи. Внезапное появленіе на рубежѣ Европы православно-славянской имперіи воскресило умиравшихъ, и заставило западную политику отказаться отъ такой надежды. Тогда, вмѣсто того чтобъ изглаживать слѣды этихъ опасныхъ элементовъ, естественно явилась мысль признать ихъ, (хотя не совсѣмъ откровенно и не безъ заднихъ мыслей), но съ условіемъ, чтобъ они стали подъ враждебное намъ знамя. Эта мысль не совсѣмъ еще дозрѣла, но она зрѣетъ очевидно. Еще десять лѣтъ углубленія въ себя и за результаты нельзя будетъ отвѣчать. Такой оборотъ дѣла окажется гибельнымъ для славянъ и православныхъ, которые никогда не достигнутъ своей цѣли, опираясь на западъ, но онъ можетъ оказаться гибельнымъ и для насъ.

Кромѣ потребностей народной политики, мы вынуждены еще къ необходимой политики географической. Россія сообщается съ океаномъ, то-есть съ цѣлымъ міромъ, только двумя выходами, двумя внутренними морями, которыя, по своей замкнутости и ограниченности, легко могутъ стать *de facto* изъ общей чьею-либо частною собственностью. Рѣшеніе славянскихъ и греческихъ дѣлъ во враждебномъ намъ смыслѣ, простирающееся

Digitized by Google

до Босфора, передающее ключи Чернаго моря изъ рукъ умирающаго въ руки молодыя, искуственно сложенныя и непріязненно къ намъ настроенныя, создастъ для насъ такое положеніе, о которомъ нельзя не подумать крѣпко. Вдоль западной границы постоянное, опасное по своему племенному характеру, междуусобіе, мечомъ или вліяніемъ, все равно; на сѣверномъ морскомъ выходѣ сильное соперничество; на южномъ возможность непріязненнаго владычества; что-жь это за будущность?

Какъ единственная въ свѣтѣ православно-славянская держава, Россія не можетъ допустить никакимъ образомъ ни онѣмеченія или окатоличенія своихъ заграничныхъ сродниковъ, ни тѣмъ еще менѣе рѣшительнаго перехода ихъ во враждебный станъ. Ясно, почему для насъ нестерпимо второе. Но мы не могли бы допустить и перваго, даже независимо отъ политическихъ видовъ, потому что это значило бы отречься отъ основной, зиждительной силы своей исторіи, признать себя подломившимся народомъ. Русская жизнь содержитъ въ себѣ слишкомъ много самобытныхъ, ей только свойственныхъ началъ, чтобы слиться совершенно съ жизнію римско-феодально-католической или протестантской Европы, стать однимъ изъ ея оттѣнковъ, какъ другія западныя націи. Намъ приходится жить и развиваться по-своему. Но жить и развиваться совершенно особнякомъ, быть единственнымъ видомъ своего рода, одною струной октавы, безъ соприкосновенія съ чѣмъ-нибудь параллельнымъ, безъ возможности провѣрки своего направленія, результатовъ своей жизни и мысли съ направленіями однородными, вышедшими изъ того же духовнаго корня, но представляющими его въ разныхъ развѣтвленіяхъ, во всемъ разнообразіи, къ какому онъ способенъ; остаться единственнымъ свободнымъ православно-славянскимъ народомъ, не имѣющимъ на всемъ горизонтѣ міра ни одной точки сравненія съ собой, кромѣ самого себя,—это значило бы стать въ положеніе племенъ древности или Китая, которые должны были все черпать изъ себя, никогда ни освѣжаясь. Конечно, отчужденіе наше не было бы столь полное, потому что мы соприкасаемся нравственно съ Европой, участвуемъ въ обще-человѣческомъ прогрессѣ. Мы сродни Европѣ, но все-таки двоюродные, а не родные братья ей. Насъ разлучило историческое воспитаніе. Три четверти нравственнаго фонда Европы, даже современной, имѣютъ свой корень въ римскомъ правѣ и римскихъ государственныхъ

Digitized by Google

преданіяхъ, въ феодальной закваскѣ личныхъ отношеній и въ католичествѣ съ его сектами—въ вещахъ совершенно намъ чуждыхъ. Чѣмъ больше будетъ развиваться наша общественная жизнь, тѣмъ болѣе она задастъ намъ вопросовъ, на которые мы не найдемъ отвѣта даже въ совокупности западной жизни. Безъ однородныхъ, сочувственныхъ, развивающихся параллельно съ нами на одномъ и томъ же духовномъ основаніи славянскихъ и православныхъ народностей, намъ пришлось бы жить до такой степени крайне самостоятельною жизнію, что едва ли созданъ народъ, у котораго надолго хватитъ силъ для такой ноши. Самостоятельное существованіе заграничной родни необходимо Россіи не только въ политическихъ, но и въ нравственныхъ видахъ, въ видахъ общественной будущности. Оно нужно не только русскому государству, но и русскому человѣку. Каждый великій народъ окруженъ, хоть отчасти, сочувственною атмосферой; у одной Россіи ея нѣтъ, хотя элементовъ для нея вокругъ насъ больше, чѣмъ у кого бы то ни было. Вся эта полоса однокровныхъ и одновѣрныхъ стихій, обхватывающая Россію кольцомъ, не можетъ оставаться нейтральною; она будетъ или рѣшительно за насъ, или рѣшительно противъ насъ, смотря по нашимъ дѣйствіямъ. Для своей безопасности, какъ для своего развитія, изъ политическихъ, какъ изъ нравственныхъ побужденій, Россія не можетъ щадить никакихъ усилій, чтобы создать вокругъ себя сочувственный и союзный славянскій и православный міръ.

Полусознательное влеченіе къ такой цѣли сказалось у насъ давно, но только на дняхъ стало принимать болѣе опредѣленный образъ. Однѣ литературныя заявленія не проведутъ такихъ чувствъ въ жизнь; но когда народнымъ влеченіямъ ставится ясная цѣль, она проникаетъ массы какъ живой огонь. Въ 1848 году Италія еще не думала о національной цѣлости, въ 1860 году цѣлость была уже общею мыслію всѣхъ и каждаго; между тѣмъ вѣковой Тосканѣ и вѣковому Неаполю стоило чего-нибудь отказаться отъ себя. Тѣмъ болѣе въ нашемъ дѣлѣ. Намъ не нужно новыхъ областей, намъ нужны только пріязнь и союзъ, вмѣсто вражды, на нашихъ предѣлахъ; намъ нужны равноправные братья-союзники.

Ни ясныя какъ день политическія потребности, ни самыя законныя влеченія народнаго чувства еще не исчерпываютъ всѣхъ побужденій современнаго русскаго поколѣнія ко внѣш-

Digitized by Google

ней дѣятельности; Россія не можетъ устроить благополучно даже свои внутреннія дѣла, оставаясь подъ впечатлѣніемъ восточной войны, не изглаженнымъ другимъ, благопріятнѣйшимъ настроеніемъ. Забота о домашнемъ преуспѣяніи на половину развлекается у насъ заботой объ обширныхъ окраинахъ, въ которыхъ никакой прочный успѣхъ невозможенъ, пока тамъ существуетъ увѣренность, выводимая изъ результата послѣдней войны, что сочувственная имъ часть Европы можетъ одолѣть насъ и возвратить имъ въ одинъ день все утраченное. Люди могутъ склониться безъ задней мысли предъ необходимостію тогда только, когда они потеряли всякую надежду устоять на своемъ. Трудно сростить съ собой края, въ которыхъ почти каждая, пробуждающаяся мысль переходитъ, если не прямо въ непріязненный, то все-таки не въ сочувственный станъ (мы говоримъ не объ однихъ полякахъ), и трудно также не допустить ее до такого перехода, пока надежда на другой оборотъ дѣлъ живетъ еще у всякаго семейнаго очага. Въ 1812 году, когда императоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну вслѣдъ за бѣгущимъ Наполеономъ, онъ могъ сдѣлать изъ Польши, даже нравственно, все что̀ хотѣлъ, потому, что она ни на что̀ больше не надѣялась. Со времени восточной войны, на всѣхъ предѣлахъ нашихъ, заселенныхъ не русскимъ племенемъ, стало выражаться совсѣмъ другое настроеніе. Довольно трудно ладить съ людьми, которые почерпаютъ новую надежду въ каждомъ заграничномъ замѣшательствѣ, для которыхъ самая положительная воля правительства, поддерживаемая всею націей, не кажется еще приговоромъ судьбы, вслѣдствіе убѣжденія, что эта нація не устоитъ противъ силъ ихъ друзей, истинныхъ или предполагаемыхъ. Даже въ мѣстностяхъ не враждебныхъ, а только чуждыхъ намъ, не согрѣтыхъ поэтому русскимъ чувствомъ, являются самыя дикія, пока еще не опасныя, но все-таки вредныя мечтанія, по поводу этой мнимой несостоятельности Россіи передъ Европой. При каждомъ значительномъ европейскомъ событіи ребяческая фраза «какъ скажетъ Наполеонъ, такъ и будетъ», самыя невозможныя мечтанія о перемѣнѣ участи получаютъ тамъ цѣнность ходячей монеты. Что̀ за дѣло до того, что *мы* знаемъ нелѣпость всѣхъ этихъ надеждъ и мечтаній, когда *они*, заинтересованные, не знаютъ того и увлекаются понятіями внушенными въ одной мѣстности страстію, въ другой безграмотностію, но исходящими изъ одного источ-

Digitized by Google

ника,—изъ того, что послѣ восточной войны они не считаютъ Россію достаточно сильною и ждутъ всего возможнаго въ будущемъ. Легко ли вести въ должномъ направленіи людей, которые умышленно упираются на каждомъ шагу, вслѣдствіе своихъ ложныхъ мечтаній? Наши окраины, какъ бочки Данаидъ, будутъ безплодно поглощать величайшія жертвы правительства и общества, пока рѣшительныя событія не увѣрятъ ихъ въ томъ, что онѣ окончательно и безъ апелляціи къ судьбѣ *наши*. Первая удачная война измѣнитъ кореннымъ образомъ нынѣшнія отношенія. Тогда четверть усилій окажетъ больше дѣйствія, чѣмъ совокупность ихъ оказываетъ теперь.

Торжество въ справедливой войнѣ доставляетъ побѣдителю не однѣ только вещественныя выгоды; послѣдствій ея нельзя исчислить съ карандашомъ въ рукѣ, вычитая издержки изъ цѣнности пріобрѣтеній. Въ настоящемъ положеніи свѣта, когда международная справедливость еще ничего не значитъ безъ поддержки оружіемъ, готовность великаго народа идти на борьбу за свои убѣжденія, напряженіе воли и увѣренность въ себѣ, которыя онъ выноситъ изъ борьбы, удесетяряютъ его духовныя силы, а въ этихъ силахъ источникъ всякаго народнаго процвѣтанія, даже часто вещественнаго. Вся исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ. Голландія послѣ войны испанской, Франція послѣ войны республики, Пруссія послѣ войны за независимость—всѣхъ такихъ примѣровъ не перечислишь—становились сейчасъ же гораздо дѣятельнѣе, предпріимчивѣе, богаче, въ нѣсколько лѣтъ не только покрывали жертвы предшествующихъ годовъ, но удваивали народный капиталъ. Понятно почему,—народъ тотъ же четовѣкъ, а сила человѣка заключается въ немъ самомъ, въ степени его душевнаго напряженія, которое надобно только пробудить. Вопреки ходячимъ понятіямъ, жертвы вынуждаемыя великою войною, если только эта война ведется за сознаваемое народомъ право, всегда оказываются даже въ экономическомъ отношеніи, не растратою, а зернами будущей жатвы (тутъ разумѣется идетъ дѣло не о мексиканскихъ экспедиціяхъ Наполеона). Такой выводъ несогласенъ, можетъ быть, съ теоріей не существующаго отвлеченнаго человѣка, но онъ прямо истекаетъ изъ природы человѣка дѣйствительнаго, жизнь котораго слагается изъ мнѣній, вѣрованій и впечатлѣній. Также точно, когда дѣло идетъ о соперничествѣ между европейскими народами (т. е. племенами одинаково энергическими), задѣтыми

Digitized by Google

за живое, то здѣсь надо подводить итоги не рублямъ, а чувствамъ; Франція побѣдила Европу въ то время, когда французскія ассигнаціи имѣли цѣнность обертечной бумаги.

Всякому извѣстно историческое заключеніе, столько разъ высказанное: до сихъ поръ намъ некогда было заняться исключительно своимъ внутреннимъ развитіемъ; всѣ силы выходили у насъ на созданіе государства. Но, очевидно, это *некогда* продолжается и до днесь. Сознаніе нашей исторической личности складывалось постепенно и только передъ нынѣшнимъ поколѣніемъ обозначился ясно послѣдній рядъ вопросовъ, заключающихъ наше *государственное дѣло.* Россія должна покончить съ ними, чтобы, наконецъ, опочить отъ трудовъ и, не тревожась будущимъ, развивать свои народныя начала, создавать русское просвѣщеніе; иначе эти вопросы сами напомнятъ о себѣ и тяжко будутъ развлекать насъ, можетъ быть еще цѣлое столѣтіе.

Мы не развивали взгляды, высказанные въ этой главѣ, мы только указали ихъ: иначе пришлось бы написать цѣлое сочиненіе. Мы хотѣли не доказывать, но пояснить передъ читателями свое убѣжденіе, состоящее въ томъ, что всѣ интересы и всѣ чувства современной Россіи положительно указываютъ предлежащій ей путь. Самые сильные союзы, какіе только могутъ сложиться для противодѣйствія законнымъ стремленіямъ нашего отечества, вовсе не такъ состоятельны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Лишь продолжительное бездѣйствіе наше можетъ дать время возникнуть дѣйствительно страшному союзу. Иниціатива со стороны Россіи встрѣтила бы, конечно, сильное противодѣйствіе, но далеко не единодушное, не народное, не возбуждающее страстей массы,—противодѣйствіе, въ которое ни одна нація не положитъ своего сердца. Страсти будутъ возбуждены только въ большихъ космополитическихъ партіяхъ—клерикальной или демократической—смотря по нашимъ дѣйствіямъ, можетъ быть въ обѣихъ вмѣстѣ. Народы останутся равнодушными. Двадцать лѣтъ тому назадъ европейское политическое зданіе скрѣплялось еще привычкой; многіе люди чистосердечно тревожились, когда видѣли, что какая-либо передѣлка угрожаетъ положенію вещей, съ которымъ они свыклись; удивительные перевороты послѣдняго времени разрушили и эту привычку. Можно сказать положительно, что въ настоящее время европейское общественное мнѣніе смущается гораздо

Digitized by Google

болѣе неопредѣленностію положенія, предшествующаго кризису, ожиданіемъ какихъ-либо событій, чѣмъ самыми этими событіями, когда они уже разыгрались; оно сейчасъ же свыкается съ каждымъ совершившимся фактомъ, какъ-будто онъ установленъ испоконъ вѣка. Всѣ былыя политическ'т идеи и отношенія до такой степени разсыпались прахомъ, что теперь нѣтъ ни одного правительства (кромѣ англійскаго, и то не на долго), которое держалось бы сколько нибудь преданій внѣшней государственной политики; существуютъ только интересы дня, а потому всякія сочетанія, самые внезапные союзы, содѣйствія и противодѣйствія стали возможными. Даже тотъ смутный порядокъ отношеній, какой мы видимъ въ текущую минуту, поддерживается только жизнію или присутствіемъ у дѣлъ нѣсколькихъ лицъ. Очевидно, въ такомъ положеніи вещей, для государства, непоколебимаго на своихъ основаніяхъ и ясно сознающаго свои цѣли, вся сила заключается въ настойчивости и иниціативѣ. Если всѣ отношенія безпрерывно мѣняются кругомъ,— тотъ, кто не измѣняетъ своихъ видовъ, постоянно направляетъ событія въ своемъ смыслѣ, стремится безъ колебанія къ одной цѣли; непремѣнно дождется благопріятной обстановки; несбыточное вчера становится сбыточнымъ завтра. Конечно, изъ числа вопросовъ, лежащихъ у насъ на сердцѣ, нѣтъ ни одного, къ разрѣшенію котораго, можно было бы приступить безъ достаточной силы; но за то, располагая такою силою, нѣтъ ни одного вопроса также, который могъ бы вызвать общее сопротивленіе. Съ каждымъ европейскимъ государствомъ отдѣльно у насъ есть пункты несогласимые, разрѣшаемые только войною; но эти же пункты могутъ быть миролюбиво улажены съ другимъ, лежащимъ рядомъ, государствомъ. На свѣтѣ только два соперника, съ которыми намъ нельзя сойтись ни въ чемъ: венгерская Австрія и Турція. За то, отъ насъ зависитъ имѣть прочнаго друга, съ которымъ можно идти рука объ руку во всѣхъ опредѣлившихся до сихъ поръ, принимаемыхъ къ сердцу съ обѣихъ сторонъ, интересахъ—Америку. Судьба, очевидно, сближаетъ насъ; несмотря на разность наружныхъ формъ, въ обѣихъ націяхъ существуютъ побужденія къ глубочайшему сочувствію взаимные интересы, ихъ и наши, разрѣшаются одними и тѣми же политическими сочетаніями. Здѣсь не мѣсто распространяться о великой идеѣ американскаго союза. Нельзя сказать, чтобы русское общество поняло все ея значеніе; но оно сдѣлало еще лучше—

Digitized by Google

оно приняло ее къ сердцу. *) За исключеніемъ двухъ сосѣдей, съ которыми нельзя сойтись, и одного друга, съ которымъ не должно ни въ чемъ расходиться, наши отношенія ко всѣмъ прочимъ случайны и зависятъ болѣе или менѣе отъ насъ самихъ. Стало быть для каждаго вопроса можно уловить минуту благопріятнаго политическаго оборота дѣлъ; разумѣется, при неуклонномъ направленіи, въ которомъ не можетъ удержаться наиболѣе послѣдовательное правительство, если само общество не проникнуто сознаніемъ національныхъ цѣлей.

Наши кровные интересы искреннѣе и живучѣе, а потому и могущественнѣе личныхъ интересовъ, противопоставляемыхъ имъ; на пути нашемъ не стоитъ ничего живаго, намъ не предстоитъ никакой борьбы жизни съ жизнью; все одаренное будущностію въ этомъ свѣтѣ можетъ быть съ нами, или нейтрально къ намъ. Противъ насъ выдвигаются лишь страсти, и интересы, предводимые эгоизмомъ, политическою интригой, отрицаніемъ человѣческаго права, или грубѣйшимъ матеріальнымъ насиліемъ. Намъ можетъ предстоять великая борба, но никакой вѣрный и вѣрующій въ себя народъ, тѣмъ болѣе восьмидесятимилліонный, не поколеблется, когда придетъ время выйдти на эти темныя полчища.

До сихъ поръ у насъ есть люди, полагающіе, что слишкомъ большое государственное могущество влечетъ за собой, какъ прямое послѣдствіе, правительственную централизацію съ характеромъ военной дисциплины, что могущество противорѣчитъ свободѣ и развитію и потому его должно опасаться. Но въ этомъ замѣчаніи кроются, очевидно, два недоразумѣнія: одно въ опредѣленіи значенія слова «слишкомъ большое могущество», другое—въ смѣшеніи временъ и эпохъ. Слишкомъ большое могущесвво то, которое обременяетъ себя ненужнымъ, изъ славолюбія, еслибъ относительно оно даже и не было велико.

---

*) Въ двухъ словахъ—значеніе американскаго союза для насъ также велико въ политическомъ какъ и въ военномъ отношеніи. Въ политическомъ—потому что тутъ возможенъ для обоихъ *единственный* искренній союзъ, безъ оглядокъ. Въ военномъ—потому что мы служимъ, по качеству нашихъ силъ, естественнымъ дополненіемъ другъ другу, мы—отвлекая десанты отъ ихъ сомнительныхъ областей, они—отвлекая флоты отъ нашихъ береговъ. Наша слабость, при всей нашей силѣ, состоитъ въ томъ, что мы не можемъ сосредоточиваться, намъ приходится слишкомъ много занимать; задача исполнимая только въ случаѣ американскаго союза.

Digitized by Google

Слово это непримѣнимо къ великой державѣ, стремящейся осуществить свои историческія влеченія, такія влеченія, въ которыхъ оно находитъ законное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и внутреннимъ, и внѣшнимъ. Осуществленіе этихъ цѣлей можетъ сдѣлать могущество державы громаднымъ, но не сдѣлаетъ его слишкомъ великимъ, не скажется противодѣйствіемъ внутреннему развитію, потому что изъ него никогда не возникнетъ избытка силы, не находящей себѣ употребленія: сила будетъ только соотвѣтствовать ношѣ. Деспотизмъ, дѣйствительно оказывался всегда основнымъ характеромъ государствъ завоевательныхъ, отъ Римской имперіи до первой Французской, но потому именно, что онѣ были завоевательныя, потому что онѣ насильно налагали иго на чуждые народы. Піемонтъ же нисколько не сталъ деспотическимъ отъ того, что привлекъ къ себѣ Италію. Нѣтъ причины, чтобъ однородное съ этимъ историческое явленіе, хотя въ гораздо болѣе обширной рамкѣ, привело къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Работа самой жизни, когда люди не насилуютъ ея, а только содѣйствуютъ ей, не можетъ разрѣшиться ничѣмъ, кромѣ какъ жизнію, еще болѣе могучею, потому что она становится болѣе разнообразною. Никакой уважающій себя человѣкъ не захочетъ для своего отечества даже всемірнаго владычества, если оно должно быть сопряжено съ потерей или застоемъ, хотя бы малѣйшаго изъ его личныхъ человѣческихъ правъ. Отечество существуетъ только для гражданина. Но объ этомъ нѣтъ и вопроса; Россія можетъ стать путеводительницей своихъ родичей только въ той мѣрѣ, въ какой она сама явится способною къ полному человѣческому развитію, только просвѣщенная, прогрессивная и свободная Россія можетъ стать средоточіемъ славянскаго и православнаго міра. Россія, въ которой мы родились не закончившая еще своего воспитательнаго періода, могла манить къ себѣ Болгаръ, искавшихъ въ ней убѣжища отъ грабежа, отъ выкупа за голову, но она не могла манить образованныхъ и граждански обезпеченныхъ родичей. Теперь же въ нашемъ будущемъ сомнѣваться нечего. Прогрессивный ходъ русской исторіи очевиденъ, а съ 1855 года быстрота его бросается въ глаза. Мы единственный современный народъ, не сомнѣвающійся въ своей верховной власти. Систематическая реакція въ современной русской исторіи немыслима; а временныя задержки и даже минутные возвратные шаги, по поводу хотя бы первостепен-

Digitized by Google

ныхъ вопросовъ, тянутся цѣпью черезъ жизнь всякаго народа, даже американскаго. Равномѣрный ходъ исторіи отъ того не останавливается. Когда пароходъ несется на полныхъ парахъ, экипажъ не останетъ, прогуливаясь отъ носа къ кормѣ; въ то время, когда онъ сдѣлаетъ пятьдесятъ попятныхъ шаговъ, разбѣжавшееся судно умчитъ его на сто сажень впередъ.

Никакой сильный народъ не дозволитъ безъ сопротивленія, чтобы въ сферѣ его дѣйствія, а тѣмъ болѣе на его границахъ, происходили событія, послѣдствія которыхъ могутъ оказаться ему неблагопріятными. Но кромѣ этого побужденія къ дѣятельности, общаго всѣмъ великимъ державамъ, каждая изъ нихъ руководствуется при вмѣшательствѣ въ чужія дѣла побужденіями самобытными, совсѣмъ отличнаго характера, которыя поэтому никакъ не могутъ быть подведены подъ одинаковое освященіе справедливости и нравственности. Эгоизмъ массъ вездѣ кончаетъ признаніемъ справедливости всего что̀ ему кажется полезнымъ. Но справедливость все-таки не остается пустымъ словомъ, даже въ международныхъ отношеніяхъ. Политическому обществу, какъ и отдѣльному лицу, трудно выдерживать искуственно принятую на себя роль, придавать напускнымъ или эгоистическимъ чувствамъ жизненность и могущество чувствъ сердечныхъ. Напротивъ того, народъ, глубоко убѣжденный въ своемъ правѣ, обладаетъ энергіей и настойчивостію, противъ которыхъ нелегко устоять безъ подавляющаго превосходства въ силахъ. Могущественная держава, стремящаяся къ осуществленію своихъ историческихъ видовъ, твердо ею сознанныхъ; въ силу одного этого сознанія уже на половину обезпечена въ успѣхѣ. Но международныя дѣла не рѣшаются безъ силы. Для полнаго успѣха нужны три вещи: ясное сознаніе цѣлей, проникающее общество сверху до низу; твердая воля, выражающаяся не порывомъ, а настойчивымъ, безустаннымъ дѣйстіемъ въ принятомъ направленіи; и военное устройство, соотвѣтствующее совокупности матеріяльныхъ и нравственныхъ силъ восьмидесятимилліоннаго народа.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Панцырныя войска.

Чрезъ всю исторію войнъ проходитъ явленіе, съ перваго взгляда почти необъяснимое,—несоразмѣрное вліяніе на успѣхъ кампаніи всякаго усовершенствованія, даже малозначительнаго, въ вооруженіи или строѣ, если имъ пользуется только одна сторона. Не было бы удивительно, если бы самый лучшій легіонъ Цезаря былъ разбитъ самымъ плохимъ современнымъ полкомъ: тутъ оказалось бы только слишкомъ большая несоразмѣрность въ разрушительныхъ средствахъ. Но совсѣмъ не легко объяснить, почему какое-нибудь второстепенное измѣненіе въ оружіи или въ строѣ, конечно выгодное, но не составляющее капитальной разницы отъ общепринятаго, можетъ поселить панику въ непріятельскихъ рядахъ. Натурально, всякое улучшеніе доставляетъ принявшей его сторонѣ выгоду, соразмѣрную съ своимъ значеніемъ, прибавляетъ нѣсколько процентовъ къ шансамъ ея на успѣхъ. Но дѣло этимъ не ограничивается. Если разъ въ чемъ-нибудь признано преимущество непріятеля, то слѣдствіемъ такого признанія бываетъ непремѣнно паника, въ большей или меньшей степени; войска идутъ въ бой безъ довѣрія къ себѣ, до битвы еще ждутъ пораженія, и потомъ этимъ преимуществомъ объясняютъ свои неудачи. Между тѣмъ никакое нововведеніе не достигаетъ сразу такой зрѣлости, чтобы составлять дѣйствительное, подавляющее преимущество. Все дѣло въ воображеніи. Такими нововведеніями, рѣшавшими побѣду, были поочереди: ружейные патроны при Густавѣ Адольфѣ; штыкъ въ арміи Людовика XIV; желѣзные

Digitized by Google

помполы, введенные въ прусскую армію принцемъ Ангальтъ-Дессаусскимъ, разсыпанье стрѣлковъ—первыми французскими революціонными войсками, которые разсыпались потому только, что не умѣли строиться; нарѣзныя ружья нѣсколькихъ батальіоновъ въ первоначальныхъ дѣлахъ крымской войны; и наконецъ игольчатое прусское ружье. Смѣшно думать, чтобъ эти нововведенія, хотя полезныя, доставляли побѣду сами по себѣ, обезпечивали ее матеріяльно. Обращаясь къ нашему домашнему примѣру, къ крымской войнѣ, исходъ двухъ сраженій подъ Альмой и Инкерманомъ достаточно объясняется всѣмъ, что только можетъ вліять на участь боя. Но люди такъ созданы, что у насъ, какъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, стали объяснять неудачу не дѣйствительными ея причинами, а однимъ только обстоятельствомъ — оружіемъ. И въ войскѣ, и въ народѣ раздался общій вопль: съ нашимъ оружіемъ мы не можемъ побѣдить. Это заявленіе подѣйствовало; во второй разъ солдаты, наслышавшіеся о негодности своего оружія, шли въ бой, конечно, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ себѣ. Между тѣмъ нарѣзное оружіе было въ то время только опытомъ; подъ Альмой и Инкерманомъ съ нарѣзными ружьями стояли лишь нѣсколько французскихъ егерскихъ батальіоновъ Неужели застрѣльщичьи цѣпи, съ такими ружьями, могли дать положительный перевѣсъ непріятелю? Но тутъ произошло то же, что всегда происходитъ въ такомъ случаѣ. Мы приписали неудачу первой встрѣчи нарѣзнымъ ружьямъ нѣсколькихъ батальіоновъ; признавъ, что непріятель превосходитъ насъ въ этомъ отношеніи, мы потомъ дѣйствительно уже уступали ему, потому что такъ думали о немъ. То же вышло и въ нынѣшней богемской войнѣ. Австрійцы сдѣлали все, что люди могутъ сдѣлать, чтобы быть побитыми и, конечно, были побиты, самолюбіе требовало изворота. Игольчатыя ружья давали пруссакамъ, положимъ, пять процентовъ на 100 преимущества; этого было достаточно, чтобы свалить на ружья причину неуспѣха. Мнѣніе это быстро облетѣло армію. Въ началѣ, австрійцы, хорошо направленные, могли разбить пруссаковъ, несмотря на игольчатыя ружья, и потомъ все-таки отдать справедливость качеству этихъ ружей; но къ концу кампаніи, они считали себя какъ будто безоружными предъ противникомъ и потому положительно не были въ состояніи бороться съ нимъ. На-

Digitized by Google

добно обратить вниманіе на вновь возникающій въ Европѣ вопросъ объ оборонительномъ вооруженіи.

Во всѣхъ газетахъ было возвѣщено, что нѣкоторые прусскіе офицеры носили легкія, намагниченныя кольчуги, непробиваемыя пулей; потомъ стало извѣстно, что во французской арміи обращено вниманіе на этотъ предметъ. Недавно особый комитетъ въ Миланѣ испытывалъ непробиваемый войлокъ.

Теорія этого вопроса очень проста. Она состоитъ въ томъ: можетъ ли нынѣшнее искуство изобрѣсть такой покровъ, который, не обременяя человѣка сверхъ извѣстной мѣры, защищалъ бы его отъ пули? Если можетъ, то тутъ не о чемъ и разсуждать. Смотря по легкости такого покрова, надобно ввести его въ армію въ большей или меньшей пропорціи. Кто первый найдетъ и введетъ у себя такіе панцыри, тотъ будетъ владыкой Европы. Паника, производимая до сихъ поръ въ рядахъ противниковъ всякими новыми усовершенствованіями, — нарѣзными скорострѣльными ружьями, нарѣзными пушками и разными смертоносными снарядами, ничего не значитъ противъ паники, которую произведетъ атака неуязвимымъ для ружейнаго огня фронтомъ, хотя бы у непріятеля оказалось лишь нѣсколько панцырныхъ полковъ. Послѣ первой такой атаки, сторонѣ, не имѣющей покуда панцырей, останется только немедленно и во что бы ни стало подписать миръ, чтобы не доводить себя до худшаго. Этотъ вопросъ занимаетъ меня уже лѣтъ двадцать, потому что, около двадцати лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ и испытывалъ такую рубашку и очень хорошо понялъ эффектъ, который она можетъ произвести на войнѣ. Съ тѣхъ поръ я много разъ говорилъ объ этомъ съ боевыми людьми; но привычка въ человѣкѣ слишкомъ сильна, а привычка презирать оборонительное оружіе длится уже триста лѣтъ. Немногіе соглашались со мной. Одинъ говорилъ, что и персіяне утверждаютъ, что они были бы очень храбры на войнѣ, еслибы не боялись быть убитыми; другой отвѣчалъ, что храбрый человѣкъ долженъ разстегнуть даже полотняную рубашку; на вотъ, дескать, бей, покуда я не дошелъ, за то ужь берегись, когда дойду. Убѣжденіе мое не поколебалось однакожь отъ такихъ аргументовъ. Увлеченіе личной храбрости и трехсотлѣтняя привычка смотрѣть на предметъ съ извѣстной точки не могутъ поколебать факта, яснаго какъ день, состоящаго въ томъ, что всякое признанное преимущество на сторонѣ непрія-

Digitized by Google

теля сейчасъ же производитъ недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ панику на противной сторонѣ. Конечно, наши полки въ Крыму не уступали въ смѣлости никакимъ другимъ; конечно защитники Севастополя глядѣли въ глаза смерти такъ смѣло, какъ только можетъ глядѣть человѣкъ; безъ сомнѣнія, и австрійскія войска не трусливы. Но когда оказалось, что нарѣзныя ружья даютъ преимущество французамъ, а скорострѣльныя—пруссакамъ, то и въ нашихъ, и въ австрійскихъ рядахъ родилось сомнѣніе: возможно-ли взять верхъ надъ врагомъ? А безъ увѣренности, или по крайней мѣрѣ безъ сильной надежды одержать побѣду, бой немыслимъ, развѣ со стороны горсти смѣльчаковъ, засѣвшихъ на смерть по какому-нибудь особенному поводу. Тутъ дѣйствуетъ не страхъ смерти. Храбрый полкъ лезетъ на стѣну, съ которой смерть низвергается на него во всѣхъ видахъ, идетъ на картечь и доходитъ, хотя двѣ трети людей иногда умащиваютъ своими тѣлами путь его. Но если тотъ же самый безстрашный полкъ придетъ къ убѣжденію, правильному или ложному, все равно, что непріятель обладаетъ предъ нимъ какимъ-либо явнымъ преимуществомъ, онъ пойдетъ впередъ, какъ ходятъ на казнь, съ увѣренностію погибнуть, и не обманется въ ожиданіи. Когда бой идетъ между массами, то изъ двухъ противниковъ, употребляющихъ всевозможныя усилія для одержанія побѣды, беретъ верхъ тотъ, кто болѣе надѣется на себя. Но можно ли сравнить впечатлѣніе, производимое большею дальностію или быстротой огня противника съ впечатлѣніемъ, которое произведетъ на другую сторону его неуязвимость? Въ суматохѣ боя процентъ пуль, попадающихъ изъ нарѣзныхъ ружей, немногимъ больше, чѣмъ изъ гладкоствольныхъ; главная разница состоитъ въ томъ, что первыя бьютъ на болѣе далекомъ разстояніи. Если же нѣсколько лишнихъ долей на этомъ процентѣ попавшихъ пуль производятъ такое потрясающее нравственное дѣйствіе, то какое дѣйствіе окажетъ мнѣніе, что непріятель можетъ бить насъ безнаказанно, что его пули для насъ смерть, а наши для него горохъ? Безъ сомнѣнія, такая мысль всегда будетъ преувеличенной; чтобы человѣка сдѣлать неуязвимымъ, надобно было бы зашить его въ непробиваемый мѣшокъ; можно защитить только жизненныя части тѣла. Но и этого довольно. Еслибъ обнаружилось, что непріятеля, который бьетъ насъ наповалъ, можно только ранить, или если бы броня оказалась непроби-

Digitized by Google

ваемою лишь на нѣкоторомъ разстояніи, на 100 или на 150 шаговъ, то и этого было бы достаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое состязаніе между двумя сторонами. Воображеніе возвело бы дѣйствительность въ чудовищные размѣры. Можно сказать навѣрное: одной панцырной дивизіи достаточно на трехъ-сотъ-тысячную армію, чтобы рѣшить безъ колебанія генеральное сраженіе. Участь всякаго боя рѣшается на одномъ какомъ-либо пунктѣ; панцырная дивизія оказала бы на этомъ пунктѣ такое же дѣйствіе, какъ броненосное судно на деревянный флотъ. Нѣкоторые замѣтятъ: сосредоточивъ батареи, можно разстрѣлять эту дивизію картечью, противъ которой не устоитъ ни одинъ панцырь. Но отчего же не всегда разстрѣливаютъ обыкновенныя, незащищенныя дивизіи, отчего не могутъ имъ воспрепятствовать брать позиціи? Панцырь же, отбивающій пулю, не выдержитъ картечи только на очень близкомъ разстояніи.

Не можетъ быть никакой рѣчи о тягости латъ. Европейская пѣхота скинула ихъ только два съ половиной вѣка тому назадъ, не потому чтобъ онѣ оказались неудобны, а потому что онѣ не защищали отъ пули: не къ чему было обременять себя. До тѣхъ поръ, въ продолженіе тысячелѣтій, вся регулярная пѣхота ходила въ латахъ, отъ греческихъ оплитовъ до ландскнехтовъ XVI вѣка. Римскій легіонеръ, кромѣ тяжелаго наступательнаго оружія, ранца и провіанта, несъ на себѣ шишакъ; панцырь, щитъ и колъ для составленія лагернаго частокола. Между тѣмъ римскіе воины не были силачи; даже въ учебникахъ исторіи говорится, что они уступали силой варварамъ; тѣмъ не менѣе съ такою ношей они совершали изумительные форсированные переходы. Тутъ дѣло въ привычкѣ. Французы, народъ вообще малосильный, не выходятъ на ученье иначе, какъ съ полнымъ ранцемъ, и однакожь, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, совершаютъ всѣ эволюціи бѣгомъ. Вѣсъ нашего ранца можетъ быть уменьшенъ на треть. При этомъ условіи, для крѣпкаго человѣка, латы въ 15 фунтовъ не составятъ обремененія. На средне-вѣковомъ ландскнехтѣ онѣ вѣсили около 35 фунтовъ.

Вопросъ все-таки въ томъ: можно ли смастерить непробиваемый пулей панцырь, вѣсъ котораго былъ бы подъ силу пѣхотинцу, хотя преображенцу? Я говорю утвердительно: можно, потому что самъ видѣлъ и испытывалъ такой пан-

Digitized by Google

цыръ. Теперь говорятъ о намагниченной кольчугѣ: не отрицая ея положительно, я ей не повѣрю, пока не увижу. На Кавказѣ можно найдти довольно кольчугъ; я ихъ испытывалъ много разъ, при томъ самыя надежныя, и всякій разъ опытъ показывалъ одно и то же, пуля пробиваетъ въ оба конца прочнѣйшую кольчугу, даже на мягкой подкладкѣ. Не понимаю, что тутъ можетъ сдѣлать намагничиваніе. Но я видѣлъ непробиваемый ружейною пулей войлочный панцырь. Лѣтъ двадцать тому назадъ, одновременно были сдѣланы въ газетахъ два объявленія о такихъ панцыряхъ, одно изъ Милана, другое изъ Ирландіи. По просьбѣ одного изъ моихъ пріятелей, азіятскаго владѣльца, я выписалъ для него такой панцырь и вмѣстѣ съ нимъ испытывалъ его. Панцырь состоялъ изъ рубашки, опускавшейся ниже паховъ, съ широкими рукавами, застегивающимися у кисти; онъ топырился какъ картонъ и вѣсилъ 15 фунтовъ. Стрѣляли мы въ него, правда, небольшою пулей, калибра азіятской винтовки, хватавшей однакожь на 800 шаговъ. Пуля рѣдко отскакивала или скользила, но по большей части падала послѣ удара мертвою. Мы стрѣляли и по человѣку, одѣтому въ этотъ панцырь, причемъ контузія была незамѣтна. Я слышалъ, хотя не могу поручиться за вѣрность слуха, что еще ранѣе того времени, въ одномъ изъ петербургскихъ манежей былъ офиціяльно испытываемъ такой же панцырь и съ такими же результатами. Недавно было объявлено въ газетахъ, что панцырный войлокъ, испытанный въ Миланѣ и оказавшійся непробиваемымъ для пули, вѣситъ семь разъ менѣе желѣзнаго листа такой же силы сопротивленія. Даже обыкновенный войлокъ, намоченный и сложенный вдвое, можетъ отражать пулю. Тушины (кавказское племя) носятъ войлочныя шапки, поля которыхъ загнуты къ верху, въ видѣ околышка; много разъ было замѣчено, что, послѣ дождя, пуля горской винтовки не пробиваетъ такую шапку. Безъ сомнѣнія, въ панцырной рубашкѣ, которую я видѣлъ, влажность войлока была замѣнена какимъ-нибудь искуственнымъ средствомъ.

Теперь, когда зашла уже рѣчь о панцырѣ, когда несомнѣнно, что можетъ быть изготовленъ достаточно легкій панцырь, отражающій пулю, можно быть увѣреннымъ, что не сегодня, такъ завтра, на одномъ изъ европейскихъ полей сраженія, явятся вдругъ, съ какой-нибудь стороны, панцырные полки: для противоположной стороны сраженіе это будетъ

Digitized by Google

имѣть исходъ Кениггреца, а можетъ-быть еще гораздо худшій, такъ какъ паника отъ неуязвимости непріятеля будетъ, конечно, сильнѣе чѣмъ отъ быстроты его огня. Гораздо лучше быть въ этомъ случаѣ стороной удивившею, чѣмъ стороной удивленною. Вся выгода будетъ на сторонѣ принявшей иниціативу. Вопросъ о панцырѣ, такой вопросъ, въ которомъ чужой умъ и примѣръ ничего не значатъ. Если существуетъ на свѣтѣ достаточно легкій непробиваемый панцырь, то надобно только испытать дѣйствительно ли онъ легокъ и непробиваемъ, и затѣмъ ввести его хоть на гвардію, состоящую изъ самыхъ сильныхъ людей, расходъ въ такомъ случаѣ не можетъ быть препятствіемъ. Содержаніе арміи обходится намъ до 170 милліоновъ рублей ежегодно; восточная война стоила около 600 милліоновъ рублей; конечно, всякій русскій согласился бы съ радостію, чтобъ она обошлась въ 700 милліоновъ, но кончилась полнымъ торжествомъ. Для государства опасенъ постоянный сверхсмѣтный расходъ, а не одиночная издержка на необходимый предметъ, тѣмъ болѣе что издержка эта никакъ не можетъ быть велика. Еслибы панцырь обошелся даже въ 50 руб., то на 25.000 войска было бы нужно 1.250.000 р. сер. Предметъ же этотъ важенъ именно для насъ, несравненно болѣе чѣмъ для всякаго другаго. У насъ нѣтъ боеваго офицера, извѣдавшаго войну, который бы сомнѣвался въ рѣшительномъ нашемъ превосходствѣ въ рукопашномъ бою, въ прямомъ столкновеніи массъ, противъ какого бы то ни было противника. Но вмѣстѣ съ этимъ слышится и сомнѣніе, доведется ли часто работать штыкомъ, удастся ли преодолѣть огонь непріятеля, чтобы слѣпиться съ нимъ? Въ этомъ отношеніи сомнѣніе точно позволительно. Русскіе солдаты идутъ на огонь безстрашно, но дѣло не въ томъ. Въ сраженіи гораздо болѣе стрѣляютъ чѣмъ рѣжутся; тотъ чей огонь, по какой бы ни было причинѣ, сильнѣе и вѣрнѣе, беретъ верхъ во все продолженіе, боя, хоть на нѣсколько процентовъ. Рѣшительная атака можетъ сломить сильнѣйшаго огнемъ противника и дать намъ побѣду, но можетъ и не сломить, можетъ быть парализована его стойкостію или искуснымъ употребленіемъ резервовъ; между тѣмъ постоянный перевѣсъ въ огнѣ, въ каждую минуту боя, составляетъ въ суммѣ столь рѣшительное преимущество, что оно должно имѣть вліяніе на исходъ боя. Сколько бы ни говорили французы о своемъ штыкѣ, онъ

Digitized by Google

все-таки служитъ имъ лишь подспорьемъ, хотя и весьма важнымъ. Наша же армія, со временъ Петра Великаго и до сего дня, никогда не брала верхъ надъ непріятелемъ иначе какъ штыкомъ. Въ военной исторіи другихъ народовъ встрѣчаются поминутно, въ каждомъ сраженіи, славные успѣхи, пріобрѣтенные огнемъ: то мѣткій огонь стрѣлковъ сбилъ непріятеля, то батальіонъ подошелъ ко врагу на 50 шаговъ и заставилъ его бѣжать однимъ разрушительнымъ залпомъ, то атакующая масса опрокинута хладнокровною пальбой развернутой линіи. Въ нашей военной исторіи такихъ эпизодовъ почти нѣтъ. Наши батальіоны идутъ на врага затѣмъ чтобы бить его въ рукопашную, а не затѣмъ, чтобы стрѣлять въ него на близкой дистанціи; они, конечно, встрѣчаютъ атакующаго непріятеля ружейнымъ огнемъ, но не ждутъ его на выстрѣлъ въ упоръ, какъ другіе, а подпустивъ на небольшое разстояніе, сами бросаются на встрѣчу ему. Притомъ русскій солдатъ ненавидитъ огневой бой, недовѣряетъ начальнику, который заставляетъ его долго вести перепалку, и вѣритъ только рукѣ своей, штыку и прикладу. Онъ знаетъ себя по сердцу гораздо лучше тактиковъ его обучающихъ. Нашъ Суворовъ говаривалъ: „пуля дура, штыкъ молодецъ". Геніальный полководецъ, нѣмецкій или другой, никогда не сказалъ бы этихъ словъ, потому что геніальный полководецъ понимаетъ духъ своей арміи, а такой духъ живетъ только въ русскомъ солдатѣ. Къ побѣдѣ много разныхъ путей; для каждаго энергическаго народа есть свой. Русскій солдатъ—рукопашный боецъ, а не стрѣлокъ; онъ становится стрѣлкомъ, какъ кавалеристомъ, только на половину; онъ мѣшкотенъ, довольно тяжелъ и вполнѣ рѣшителенъ только въ кучѣ, съ товарищами. Знаменитый горскій партизанъ Гаджи-Мурадъ говаривалъ: «странный человѣкъ русскій солдатъ! въ одиночку ничего не стоитъ противъ лезгина, а когда ихъ соберется кучка въ десять человѣкъ, чортъ съ ними не справится». Десять человѣкъ, это не фронтъ; за такою кучкой нѣтъ никакого преимущества регулярнаго войска, въ ея силѣ выражается только складъ народнаго характера: „на міру и смерть краса",—именно складъ не одиночнаго стрѣлка, а фронтоваго рукопашнаго бойца. Армія, сильная своимъ огнемъ, отличается совсѣмъ другимъ характеромъ. Въ нынѣшнее царствованіе русская пѣхота усвоила себѣ стрѣлковое дѣло въ удовлетворительной степени, но только въ удовлетворительной; упроще-

Digitized by Google

ніемъ обученія стрѣльбѣ можно подвинуть ее еще на одинъ шагъ, но на немъ она остановится; на то есть много причинъ и въ народномъ характерѣ, въ складѣ русскаго человѣка, и въ степени развитости нашихъ офицеровъ. Говорю по убѣжденію своему и многихъ: едва ли когда-нибудь наша армія вполнѣ сравняется своимъ огнемъ съ хорошими арміями европейскими; но при ея несомнѣнномъ превосходствѣ въ рукопашномъ бою объ этомъ нечего жалѣть: каждому свой талантъ, и намъ едва ли было бы выгодно помѣняться. Замѣчательно, что тѣмъ же свойствомъ отличались римляне: они брали только грудью, между тѣмъ какъ ихъ легкія войска всегда были хуже непріятельскихъ. Въ первой войнѣ, несмотря на смертоносность нынѣшняго огнестрѣльнаго оружія, намъ все-таки придется идти на проломъ, не только въ рѣшительную минуту боя, какъ всѣмъ, но часто, всякій разъ, когда нужно будетъ осадить непріятеля: придется все-таки разчитывать преимущественно на штыки, иначе мы не возьмемъ верха. Но при такомъ способѣ дѣйствій, выливающемся изъ народныхъ свойствъ, надобно серіозно подумать (если только представляется къ тому какая-либо возможность), нельзя ли ослабить чѣмъ-нибудь разрушительность непріятельскаго ружейнаго огня, а такое средство представляется, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ отборныхъ войскъ, рѣшающихъ бой. Не говорю уже о сокрушающемъ впечатлѣніи новизны, еслибы мы первые выставили на поле битвы пѣхотные панцырные полки, или еслибы мы выставили ихъ въ большемъ количествѣ; но намъ выгодно, чтобы всѣ европейскія арміи одѣлись въ броню, вслѣдствіе чего штыкъ съ прикладомъ снова возьмутъ верхъ надъ огнемъ, или, по крайней мѣрѣ, уравновѣсятъ его шансы. Все что̀ можетъ возвысить значеніе холоднаго оружія въ ущербъ огнестрѣльному, пойдетъ въ пользу намъ, рукопашному войску.

Панцырь долженъ защищать жизненныя части тѣла, ударъ въ которыя сейчасъ же сваливаетъ человѣка,—грудь, животъ, голову. Нашъ солдатъ не боится раны, при увѣренности, что пуля не убьетъ его сразу, онъ пойдетъ на нее какъ на игру въ снѣжки. Въ холодное время пѣхотинецъ можетъ совершать походъ въ латахъ; въ жаркое время нѣтъ надобности имѣть ихъ на тѣлѣ, онѣ могутъ быть прилажаны къ ранцу какъ вьюкъ и надѣваться предъ боемъ. Въ пѣхотѣ панцырь можетъ быть надѣтъ только на отборные полки—вопервыхъ потому что

Digitized by Google

такое дорогое войско должно быть надежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; потомъ оно должно состоять изъ крѣпкихъ людей, которые легко снесутъ добавочную тяжесть панцыря, его слѣдуетъ сберегать для рѣшительной минуты, и для того держать въ резервѣ,—такимъ образомъ люди будутъ менѣе утомлены походомъ. Этимъ условіямъ отборнаго, наиболѣе сберегаемаго войска у насъ соотвѣтствуетъ только гвардія,—къ ней и долженъ быть примѣненъ панцырь. *) По своей многочисленности наша гвардія достаточна, чтобъ рѣшить въ послѣдній часъ сраженія какую бы то ни было битву гигантовъ; она будетъ въ походѣ сбережена лучше другихъ войскъ; люди въ ней будутъ менѣе утомляться,—все что нужно. Даже самое назначеніе подобнаго резерва—идти на огонь безъ оглядки и массою вломиться въ непріятельскія линіи, для чего требуется отвага и высокоразвитое честолюбіе, болѣе чѣмъ боевая опытность—совершенно подходитъ къ духу нашей гвардіи. Поэтому, если панцырь дѣйствительно легокъ и непробиваемъ, какъ несомнѣнно докажетъ первый опытъ, то въ него слѣдуетъ одѣть, сначала и исключительно, гвардейскую линейную пѣхоту; 24 батальіона такихъ панцырниковъ обезпечиваютъ, покуда, исходъ всякой битвы.

*) Со временемъ—кто знаетъ—можетъ быть большая часть арміи надѣнетъ панцырь; но покуда только отборныя войска могутъ быть панцырными. Кромѣ гвардіи у насъ нѣтъ другаго отборнаго войска; его можно было бы сформировать изъ самыхъ крѣпкихъ людей, какъ формировали прежде гренадеръ,—но тутъ является чрезвычайно спорный вопросъ: что перевѣшиваетъ въ отборныхъ войскахъ—польза или вредъ? Польза, вслѣдствіе того, что они даютъ арміи устой, котораго безъ нихъ нельзя достигнуть; или вредъ—такъ какъ выборъ людей ослабляетъ въ извѣстной степени всю армію, что отзывается наконецъ, на каждой ротѣ? Въ защиту той и другой стороны дѣла можно привести самые убѣдительные аргументы. По всей вѣроятности, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ общимъ образомъ,—для одной арміи будетъ лучше такъ, а для другой иначе, смотря по ихъ духу и потому какъ онѣ первоначально складываются. У насъ—главные военные авторитеты противъ отборныхъ войскъ,—стало быть, нечего объ этомъ говорить. Но отборное войско—гвардія, существуетъ налицо и вѣроятно долго будетъ существовать, а потому все что было сказано объ отборныхъ войскахъ въ статьяхъ *Русскаго Вѣстника* остается при ней. Если панцырь признается годнымъ по своимъ качествамъ, то войско къ которому онъ больше всѣхъ примѣняется, разумѣется, гвардейская линейная пѣхота. Можно думать что если панцырь разъ будетъ введенъ, то употребленіе его распространится далѣе; въ такомъ случаѣ можно будетъ сформировать панцырную роту, въ каждомъ пѣхотномъ полку и сводить эти роты между собою, какъ окажется лучшимъ. Но это еще въ будущемъ. Довлѣетъ дневи злоба его.

Digitized by Google

По моему понятію, слѣдуетъ дать панцырь линейной кавалеріи; у насъ же вся строевая кавалерія должна быть линейною. Наша легкая конница—казаки и другіе природные всадники, о чемъ достаточно сказано въ предшествующихъ письмахъ. Мѣрило достоинства линейной кавалеріи—способность къ атакѣ на пѣхоту. Строй, опрокидывающій каре, опрокинетъ всякую конницу. Но атаковать съ успѣхомъ пѣхоту, при нынѣшнемъ состояніи огнестрѣльнаго оружія, могутъ только панцырники; лишь отъ нихъ можно ожидать, что они не затянутъ поводьевъ и ударятъ съ разскока. Кромѣ того, какъ доказываетъ опытъ послѣднихъ войнъ, всадники безъ брони съ трудомъ даже съѣзжаются съ пѣхотой. Надобно или отказаться навсегда, въ какомъ бы то ни было случаѣ, отъ прямой атаки на неразстроенную пѣхоту, то-есть забыть всѣ кавалерійскія преданія, или дать конницѣ панцырь. Лошади у нашей строевой конницы должны быть сильныя; для сильной лошади, при облегченной сѣдловкѣ, какова казачья, обремененіе лишними 15-ю фунтами не составляетъ слишкомъ многаго; тѣмъ болѣе, что самая утомительная конная служба въ нашей арміи падаетъ на иррегулярные, а не на линейные полки, которые, по большей части, будутъ идти пѣхотнымъ походомъ съ массой. Кромѣ панцыря, всей конницѣ строевой и нестроевой нужно дать налокотники. Пара стальныхъ налокотниковъ такъ легка, что вѣсъ ея почти нечувствителенъ; а между тѣмъ налокотникъ, особенно лѣвой руки, защищаетъ всадника гораздо больше, чѣмъ каска или эполеты. Человѣкъ невольно закрываетъ себя отъ поднятой сабли лѣвою рукой; оттого половина сабельныхъ ударовъ приходится около локтя, вслѣдствіе чего сейчасъ же нѣмѣетъ рука до плеча и кавалеристъ долженъ выйдти изъ боя. Съ налокотниками, ловкій всадникъ можетъ отбиться отъ нѣсколькихъ. Давно уже пора намъ, хоть вслѣдствіе близкаго знакомства, перенимать кавалерійскіе обычаи у черкесовъ, а не у ганноверцевъ.

Конно-артиллерійскій панцырь нуженъ для того, чтобы конная артиллерія успѣла рѣзстрѣлять пѣхоту прежде, чѣмъ та ее разстрѣляетъ. Конная артиллерія дѣйствуетъ разрушительно только на самый близкій картечный выстрѣлъ. Я видѣлъ своими глазами, какъ дивизіонъ смѣлѣйшей конной батареи, какая только можетъ быть въ свѣтѣ, подлетѣвъ къ непріятельскому батальіону, былъ уничтоженъ однимъ залпомъ

Digitized by Google

не успѣвъ нанести непріятелю чувствительный вредъ; вся прислуга повалилась разомъ. При нынѣшнихъ нарѣзныхъ ружьяхъ такіе случаи будутъ повторяться безпрестанно. Не бѣда, если пули перебьютъ лошадей. Конныя орудія все-таки разстрѣляютъ непріятеля и сильно помогутъ идущимъ за ними конницѣ или пѣхотѣ; но если преждевременно перебьютъ людей, то жертва останется напрасною. Обремененіе конно-артиллерійской строевой лошади лишними 15-ю фунтами не составляетъ большаго разсчета. Въ этомъ родѣ оружія упряжныя лошади утомляются всегда скорѣе строевыхъ; послѣднія даже съ этою прибавкой наши будутъ еще скакать, когда первыя уже опѣшаютъ.

Панцырь нуженъ также тѣмъ пѣхотнымъ офицерамъ, которые, по положенію, выѣзжаютъ во фронтъ верхомъ,—штабъ-офицерамъ и адъютантамъ. Нельзя командовать батальіономъ пѣшкомъ: начальникъ долженъ быть виденъ всѣмъ людямъ; ѣхать же верхомъ одному, посреди тысячи пѣшихъ людей, подъ штуцернымъ огнемъ, слишкомъ рискованная вещь. Тутъ дѣло не въ жизни одного человѣка; всякій боевой человѣкъ, вступая въ сраженіе, идетъ на смерть и не долженъ думать о себѣ; но внезапная смерть начальника, почти всегда ведетъ за собой разстройство части, иногда положительный неуспѣхъ атаки по этой причинѣ. Въ бою никто не долженъ щадить себя, въ этомъ условіе успѣха; но второе условіе, не менѣе важное, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности предохранить войска отъ путаницы, почти всегда слѣдующей за смертію начальниковъ. Сказанное о верховыхъ пѣхотныхъ офицерахъ распространяется, конечно, и на другіе высшіе чины; разстройство въ дивизіи опаснѣе, чѣмъ въ батальіонѣ, а разстройство въ корпусѣ опаснѣе обоихъ. До XVIII вѣка, пока еще вѣрили средневѣковымъ латамъ, всѣ генералы носили полное рыцарское оборонительное вооруженіе.

Панцырь можетъ многое измѣнить въ современномъ военномъ дѣлѣ; но никому онъ такъ не сруки какъ намъ; панцырь это торжество штыка и копья, русскаго плеча надъ заморскою хитростію пули.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Кирасиры.

Кирасиры существуютъ во всѣхъ большихъ европейскихъ арміяхъ. Они, очевидно, остатокъ старинной, закованной въ латы, дворянской конницы рыцарей. Преимущественное назначеніе ихъ—опрокидывать густыя массы пѣхоты и кавалеріи, но главнѣйше пѣхоты. Для этой цѣли они носятъ латы, защищающія ихъ, какъ преполагается, отъ ружейнаго выстрѣла; для этого же даны имъ сильныя лошади, которыя могутъ съ разлета опрокинуть нѣсколько рядовъ пѣхотинцевъ. Вопросъ о кирасирахъ сталъ въ послѣднее время спорнымъ. Одни говорятъ, что при нынѣшнемъ могуществѣ ружейнаго огня кирасиры стали нужнѣе, чѣмъ прежде, что опытъ послѣднихъ войнъ убѣдительно доказываетъ неспособность обыкновенной легкой кавалеріи не только атаковать пѣхоту съ успѣхомъ, но даже сойдтись съ нею. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что существованіе кирасиръ противорѣчитъ первому условію всякой кавалеріи—быстротѣ, такъ какъ они, по тяжести коней и вооруженія, именно быстротой и не обладаютъ.

Мнѣ кажется, этотъ споръ очень похожъ на знаменитый споръ двухъ рыцарей о щитѣ, который былъ съ одной стороны позолоченъ, а съ другой посеребренъ; еслибы противники дали себѣ трудъ обмѣняться на минуту мѣстами, или точками зрѣнія, то не изъ чего было бы спорить. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ кирасиръ можно обойтись; но нѣтъ сомнѣсія также, что настоящіе кирасиры, въ небольшомъ числѣ, могутъ быть очень полезны; только настоящихъ кирасиръ те-

Digitized by Google

перь нигдѣ не существуетъ, ни по качеству людей, ни по качеству лошадей, ни по качеству вооруженія.

Ясно, что еслибъ у одной изъ враждующихъ сторонъ было хоть самое небольшое число кавалеріи, способной почти навѣрное врубиться въ пѣхоту, эта сторона обладала бы великимъ преимуществомъ. Теперь не такъ какъ въ древности, побѣда принадлежитъ не тому, кто успѣетъ въ данное время вырѣзать наибольшее число людей во вражескихъ рядахъ, а тому, кто первый съумѣетъ разстроить нервы противника. Регулярная линія какъ плотина—достаточно проткнуть ее соломинкой и дать водѣ литься, и чрезъ нѣсколько времени вода снесетъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, что на Гроховомъ полѣ, въ 1830 году, еслибъ атака полка принца Альберта была поддержана, мы разрѣзали бы польскую армію пополамъ, и этотъ день кончилъ бы войну. Гдѣ только мѣстность позволяетъ кавалеріи дѣйствовать, тамъ, съ настоящими кирасирами, можно на полчаса, когда угодно, взять верхъ надъ непріятелемъ; для рѣшительнаго главнокомандующаго этого времени, распространяющаго недоумѣніе во вражескихъ рядахъ, достаточно чтобъ утвердить за собой побѣду. Но что̀ такое настоящіе кирасиры?

Существуетъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Сильная и смѣлая кровная лошадь, подобная англійскому гантеру, пущенная въ карьеръ, сбиваетъ съ ногъ безъ затрудненія шесть человѣкъ, стоящихъ одинъ за другимъ — глубину фронта пѣхотнаго каре; но только въ такомъ случаѣ, когда сѣдокъ не задерживаетъ поводьевъ. Извѣстна атака лорда Понсомби при Ватерлоо. Французы стояли колоннами изъ цѣлой дивизіи, стало-быть густыми массами, безъ пустоты въ серединѣ, проникнуть въ которыя было чрезвычайно трудно. Но англійская кавалерія разнуздала своихъ лошадей и, вонзивъ имъ шпоры въ бока, влетѣла въ эту гущу людей какъ пушечное ядро. Подобныя атаки чрезвычайно рѣдки, но самый фактъ повторится неизмѣнно, кавалерія всякій разъ врубится въ пѣхоту, несмотря ни на какое геройство послѣдней, при двухъ условіяхъ: 1) чтобы лошади были сильныя и кровныя, то-есть безстрашныя и притомъ совершенно свѣжія, не утомленныя походомъ; 2) чтобъ онѣ были пущены въ разлетъ, какъ въ послѣднюю минуту скачки, чтобъ ни одна рука не затянула поводьевъ; разлетѣвшаяся лошадь не можетъ остановиться вдругъ, еслибъ и захотѣла; броситься въ сторону ей некуда во фронтѣ.

Digitized by Google

Оба эти условія были соблюдены при атакѣ лорда Понсомби. Лошади были кровныя и совершенно свѣжія, такъ какъ сраженіе произошло посреди расквартированія англійской арміи; ни одна рука не задержала ихъ разлета, потому что они были разнузданы. Обыкновенно же кавалерійскія атаки на пѣхоту бываютъ только пародіей вышеприведенной. Посредственныя, вовсе не пылкія лошади, заѣзженныя въ манежѣ, повинующіяся малѣйшему движенію пальцевъ, въ добавокъ измученныя походомъ, подъ всадниками не сросшимися съ конемъ, конечно не врѣжутся въ хладнокровную пѣхоту. Даже отчаянная атака лорда Лукана у Балаклавы только пронеслась сквозь наши линіи, но не прорѣзала ихъ. Между тѣмъ, чтобы кавалерійская атака произвела свое дѣйствіе, конница должна проникнуть въ глубь непріятельскихъ линій не сквозь интервалы, а черезъ тѣла пѣхотинцевъ; эти линіи смутятся непремѣнно, видя въ тылу у себя кавалерію, которую даже фронтъ не могъ остановить; пользуясь этою минутой, ихъ легко опрокинуть. Нельзя сомнѣваться въ пользѣ кавалеріи, которая можетъ наносить такіе удары, хотя бы она состояла лишь изъ нѣсколькихъ эскадроновъ; нельзя спорить также противъ того что къ подобному дѣлу пригодны одни кирасиры, крѣпкіе всадники на большихъ, сильныхъ и горячихъ лошадяхъ. (Въ сраженіи подъ Кюрукъ-Дара половина Нижегородскаго полка легла на одномъ каре штуцернаго батальіона, прежде чѣмъ покончила съ нимъ, вслѣдствіе того только, что лошади не были довольно сильны, чтобы сразу прошибить грудью кучу тѣсно сжавшихся людей). Одной кирасирской дивизіи, способной сдѣлать свое дѣло, достаточно на полумилліонную армію, а потому тутъ нечего щадить издержекъ; надобно или довести кирасиръ до такого совершенства, или не держать ихъ вовсе.

Очевидно, первое условіе совершенства кирасиръ состоитъ, повторяемъ, въ томъ, чтобы подъ ними были лошади очень сильныя, непремѣнно кровныя (не кровная лошадь не обладаетъ достаточною рѣшимостію) и вполнѣ свѣжія въ минуту атаки. Перваго пункта условія достигнуть не трудно: случка самыхъ крупныхъ донскихъ и новороссійскихъ кобылъ съ кровными жеребцами дастъ эту породу; удовлетворить второму пункту можно только тѣмъ, чтобы посадить кирасиръ, для кампаніи, на запасныхъ лошадей-подъѣздковъ, прикомандировавъ къ каждому полку двѣ иррегулярныя сотни въ видѣ ко-

Digitized by Google

новодовъ. Расходъ на подъѣздковъ для 16 ти эскадроновъ невеликъ въ военное время, когда сотни милліоновъ тратятся для достиженія цѣли. Боевые кони должны быть пылкими, цѣльными и заносчивыми, чуждыми манежной выѣздки, иначе они никогда не ворвутся въ каре. Они должны быть пріучены мчаться прямо на всякое препятствіе, на огонь и на штыки, по-суворовски; но въ этомъ случаѣ, я полагаю, гораздо безопаснѣе замѣнять на ученьи людей куклами.

Второе условіе, безъ котораго можно было обойдтись скорѣе прежде, чѣмъ теперь, чтобы кирасиры были дѣйствительно защищены своимъ оборонительнымъ оружіемъ отъ пули: иначе если не подобрать ихъ поголовно изъ старинныхъ паладиновъ, они затянутъ поводья и разлету не будетъ. Теперь огонь изъ нарѣзныхъ ружей открывается на кавалерію издалека, сильную лошадь не сразу свалишь пулей, если ударишь не въ мозгъ или сердце,—раненая, она все таки доскачетъ до фронта; человѣка же всякій ударъ въ тѣло, даже не смертельный, сваливаетъ непремѣнно. Кавалерія можетъ быть разстроена еще издали мѣткимъ огнемъ, подбивающимъ сѣдоковъ. Надобно, чтобъ у кирасира были закрыты всѣ части тѣла, ударъ, въ которыя причиняетъ смерть или рану, сейчасъ же выводящую изъ строя, — голова, грудь и животъ. Кирасировъ надобно, по моему мнѣнію, одѣть съ ногъ до головы въ непробиваемый войлокъ; къ панцырю прибавить рукава и наножники, къ шишаку наличникъ; кромѣ того надѣть на боеваго коня наголовникъ и нагрудникъ такого же войлока чтобы защитить мѣста, въ которыя лошадь можетъ быть сражена разомъ, прежде чѣмъ домчится до фронта. При подъѣздкѣ, служащемъ для перехода, ни войлочный панцырь въ 20 фунтовъ, ни тяжесть вооруженія всадника не могутъ обременить сильнаго и свѣжаго кирасирскаго коня; ударъ же кирасировъ, (конечно хорошо подобранныхъ и обученыхъ) будетъ по большей части рѣшительнымъ.

Немудрено подобрать въ Русской Имперіи подходящихъ людей на 16 эскадроновъ, вербовкою или выборомъ изъ природныхъ ѣздоковъ, или изъ другихъ людей, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ кавалерійской службы. Сказанное о кавалеріи вообще не можетъ относиться къ горсти отборныхъ людей.

Въ мирное время, кромѣ высшей цѣны лошадей, стоимость

Digitized by Google

кирасиръ не будетъ многимъ превышать стоимость прочей линейной кавалеріи.

Кирасиры нужны для того только чтобы сломить непріятельскій строй; нечего тратить ихъ силы на то, чтобы довершать пораженіе, встрѣчать направленныя на нихъ фланговыя атаки и т. д. Для этого дѣла достаточно хороша обыкновенная линейная кавалерія. Соединяя въ однѣхъ рукахъ, на время войны, дивизіонъ кирасирскій съ дивизіономъ линейной конницы, получится четырехъ-эскадронный полкъ, равно способный къ сокрушительности удара, къ быстротѣ, и ко всякимъ случайностямъ. Кирасирская дивизія можетъ образовать въ кампаніи восемь такихъ сводныхъ полковъ. Съ самаго начала я сказалъ, что не считаю необходимымъ держать особые кирасирскіе полки; безъ нихъ легко обойтись, особенно въ томъ случаѣ, когда вся линейная кавалерія надѣнетъ легкій панцырь. Но если хотятъ сохранить этотъ родъ оружія, то разумѣется надобно устроить его такъ, чтобъ онъ достигалъ своей цѣли. Настоящіе кирасиры, въ небольшомъ числѣ, вооруженные и посаженные на коня какъ должно, будутъ стоить своего содержанія.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Пластуны.

Во время кавказской войны у насъ началъ было возникать особый родъ пѣхоты, назамѣнимый на войнѣ—пластуны. Онъ не былъ развитъ самостоятельно по нашей наклонности къ однообразію. Пластуны сначала возникли въ Черноморьи, вслѣдствіе необходимости защищать плавни и лѣса отъ горскихъ шаекъ. Фельдмаршалъ князь Барятинскій, тогда еще полковой командиръ, оцѣнилъ значеніе этого рода людей и тотчасъ же завелъ пластунскую команду при своемъ полку. Съ тѣхъ поръ такія команды стали распространяться по Кавказу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до полу-батальіона, но онѣ не были устроены систематически, а съ окончаніемъ войны ихъ распустили по полкамъ, и слѣдъ ихъ простылъ, кромѣ одной Кабардинской команды изъ 80-ти человѣкъ. Названіе пластуновъ сохранилось въ пѣшихъ ротахъ, состоявшихъ при казачьихъ полкахъ Кубанскаго войска, но только одно названіе; пластуны были охотники, пріученные къ малой войнѣ, подбиравшіеся не слышно къ звѣрю и человѣку, клавшіе такіе залоги, что даже горцы не могли ихъ высмотрѣть, прокрадывавшіеся вдвоемъ, втроемъ, черезъ гущу непріятельскаго населенія, выкрадывавшіе людей изъ вражескихъ пикетовъ и т. д. Черноморскіе пластуны достаточно прославились подъ Севастополемъ, хотя ихъ тамъ было очень мало. Назначеніе пластуновъ въ европейской войнѣ (еслибъ они еще существовали) было бы замѣнять иррегулярную конницу въ слишкомъ пересѣченной мѣстности, гдѣ она не можетъ удобно дѣйствовать. Возьмите италіянскую войну 1859 г. и послѣднюю бо-

Digitized by Google

гемскую, и сообразите, какое несравненное преимущество оказалось бы на сторонѣ, которая располагала бы нѣсколькими пластунскими батальіонами. Эти двѣ кампаніи характеризуются постояннымъ экспромтомъ, вслѣдствіе того, что обѣ стороны никогда ничего не знали другъ о другѣ; еслибы повязка спала съ глазъ одной изъ нихъ, она бы владычествовала неограниченно на театрѣ войны. Пересѣченная мѣстность Италіи и горнаго пояса, окружающаго Богемію, парализовали кавалерійскія рекогносцировки (да и что значатъ рекогносцировки регулярной кавалеріи?); нѣсколько батальіоновъ пластуновъ были бы глазами, видящими въ темнотѣ. Наша казачья, особенно кавказская конница можетъ доставлять намъ это преимущество, но только не въ горахъ или изрытыхъ канавами и затопленныхъ равнинахъ, подобныхъ верхне-италіянскимъ; замѣняя ее пластунами въ неудобныхъ мѣстахъ, мы были бы на войнѣ какъ человѣкъ во мракѣ, подходящій къ противнику съ потайнымъ фонаремъ. Конечно, развитость пластуна была болѣе личная, чѣмъ принадлежащая роду оружія; но еслибъ эти части сохранились, то примѣръ и поученія бывалыхъ людей, преданія и духъ ихъ, перешли бы въ значительной степени, какъ закваска, ко вновь поступающимъ; соотвѣтственное воспитаніе, частая охота въ лѣсахъ, посылка частями въ Туркестанъ, гдѣ еще раздаются выстрѣлы, поддержали бы въ нихъ сноровку. Пластуновъ надо возсоздать, какъ это ни трудно. Условіе это нужно не для стрѣльбы: можно научить хорошо стрѣлять и солдатъ изъ рекрутъ; но ихъ нельзя научить беззвучной походкѣ, умѣнью пройдти невидимо и многообразной смѣткѣ охотника; ихъ нельзя научить помнить каждую стежку разъ пройденную, переправляться черезъ рѣку безъ лодки, сидѣть три дня въ норѣ, высматривая кругомъ, внезапно накрыть врага и проч. что составляетъ натуру пластуна. Упражняя этихъ людей какъ должно, напримѣръ, формируя изъ нихъ вездѣ, гдѣ только представится возможность, царскую стрѣлковую охоту, можно довести ихъ до высокой степени. Пока еще не ушло время, можно отыскать и на Кавказѣ уцѣлѣвшіе остатки пластуновъ изъ солдатъ, черноморцевъ и бывшихъ горскихъ абрековъ, и создать изъ нихъ новые кадры для этого рода войска. Надобно замѣтить притомъ, что лучшіе пластуны, исполнявшіе должность развѣдчиковъ и разсыльныхъ по вражескому краю, всегда были немногочисленны; въ большомъ количествѣ ихъ

Digitized by Google

нѣтъ и надобности. Если сформировать нѣсколько ротъ настоящихъ пластуновъ, то число это будетъ достаточнымъ. У насъ всегда можно добыть вербовкой натуральный матеріалъ для десятка такихъ ротъ, изъ кавказскихъ и сибирскихъ охотниковъ; только имъ необходимо дать, на первый случай, отборныхъ офицеровъ, ходившихъ на Кавказѣ съ пластунами. Конечно, одна пластунская рота будетъ стоить вдвое или втрое противъ обыкновенной, такъ какъ хорошіе охотники не пойдутъ въ службу по низкой цѣнѣ, но и польза отъ нея будетъ десятерная.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Вооруженіе и обмундированіе.

Въ нашемъ оружіи, въ пригонкѣ оружія и въ экипировкѣ войска многое требуетъ усовершенствованія.

Объ огнестрѣльномъ ручномъ оружіи достаточно высказать два замѣчанія. Можно положиться на спеціалистовъ и военные комитеты въ томъ, что наше новое скорострѣльное ружье будетъ изъ числа лучшихъ. Но ружье не только огнестрѣльное, оно еще холодное оружіе; въ этомъ отношеніи оно требуетъ также соблюденія нѣкоторыхъ условій, соображенныхъ съ природными привычками людей, для которыхъ назначается. Русскій солдатъ въ рукопашномъ бою больше бьетъ куркомъ въ голову, чѣмъ колетъ; только первая шеренга встрѣчаетъ непріятеля штыками, другіе по большей части сейчасъ же переворачиваютъ ружье. Надобно принять въ соображеніе эту привычку русскаго солдата, если возможно, при устройствѣ ружья, надо замѣтить, что со введеніемъ панцыря прикладъ или курокъ, какъ холодное оружіе, получатъ положительную важность. Штыкомъ нельзя проткнуть панцырь, отражающій пулю (хотя, по моему наблюденію острое оружіе, какъ стилетъ, входитъ въ него удобнѣе пули); между тѣмъ какъ сильный ударъ тяжелымъ орудіемъ въ голову сваливаетъ человѣка несмотря ни на какой панцырь.

Второе замѣчаніе относится къ кавалерійскому пистолету. Не знаю, годится ли онъ для другихъ народовъ, но для русскаго солдата не годится. Пистолетная стрѣльба слишкомъ тонкая вещь; даже изъ казаковъ только тѣ умѣютъ владѣть пистолетомъ, для которыхъ онъ составляетъ національное при-

Digitized by Google

родное оружіе; да и они употребляютъ его не иначе какъ для удара въ упоръ; онъ у нихъ даже безъ мушки. Донцы отвыкли отъ него. Въ рукѣ же солдата, по замѣчанію всѣхъ боевыхъ офицеровъ, пистолетъ составляетъ нѣчто въ родѣ астрономическаго инструмента. Пригодное огнестрѣльное оружіе для кавалериста, смотря потому, предназначается ли ему спѣшиваться или нѣтъ, это, въ первомъ случаѣ, винтовка, во второмъ карабинъ; но ни въ какомъ случаѣ не нынѣшнее драгунское ружье, тяжелое и неуклюжее.

Колющее холодное оружіе всегда хорошо, лишь бы оно было выковано изъ хорошей стали. Но все рубящее европейское оружіе, безъ исключенія, ничего не стоитъ. Въ Европѣ выдѣлываютъ хорошую сталь; по качеству металла тамошнее, а вслѣдъ за нимъ и наше оружіе удовлетворительно; но европейцы не имѣютъ понятія ни о формѣ, какую должно дать клинку, чтобъ онъ могъ рубить, ни объ обдѣлкѣ его, чтобъ онъ ловко лежалъ въ рукѣ и на перевязи, ни о точеніи клинка. Легкій клинокъ не годится въ рукахъ европейца, для него нужно умѣнье; но желая придать клинку достаточный вѣсъ, европейскіе оружейники даютъ ему форму, дѣлающую его негоднымъ для употребленія; они выковываютъ его толстымъ и узкимъ, отчего онъ бываетъ похожъ на палку, оставляетъ рубецъ, но не входитъ въ тѣло. Между тѣмъ тутъ нужно противуположное; надобно придавать вѣсъ клинку шириной полосы, выковывая ее по возможности тонкою, лишь бы она не гнулась при ударѣ. Потомъ европейское точеніе клинка никуда не годится. Лезвіе обтачиваютъ у насъ на колесѣ и даютъ жалу видъ сферическаго треугольника съ выгнутыми боками, отчего самое жало всегда бываетъ тупо. Для качества лезвія нужно не то, чтобъ оно представляло очень острый треугольникъ, а то, чтобъ оно состояло изъ прямаго пересѣченія двухъ плоскостей, безъ закругленія. Изломъ стекла, образующій прямой уголъ, отлично рѣжетъ тѣло, потому что тутъ прямо пересѣкаются двѣ плоскости, и нить острія выходитъ очень тонкая. Лучшее точеніе прямое съ обѣихъ сторонъ, подъ угломъ къ 30—35°. Оно должно быть исполнено еще на заводѣ. Лезвіе, выданное тупымъ, какъ оно выдается у насъ, такъ что на него хоть садись верхомъ, не можетъ быть отточено полковыми средствами, — немало нужно заботы для того, чтобы во фронтѣ поддерживали и готовое жало лезвія. Рукоять нашего холоднаго оружія не при-

Digitized by Google

способлена къ удару, не говоря уже объ обмотанномъ на немъ кожанномъ темлякѣ; толщину темляковаго узла трудно обхватить, такъ что саблю приходится держать только двумя или тремя пальцами: какой же тутъ можетъ быть ударъ? Самая ловкая рукоять—рукоять грузинской сабли, крытая кожей, слегка овальная, широкая у клинка, немного съуживающаяся и загибающаяся наверху. Темлякъ—тонкій кожанный снурокъ, съ петлей, надобно продѣвать сквозь головку рукояти, чтобъ онъ не мѣшалъ пальцамъ. Ножны должны быть непремѣнно кожаныя, иначе никакое лезвіе не устоитъ; стальныя ножны—несообразность, возможная только при постоянно тупомъ оружіи. Сабля, чтобы не болтаться и не стѣснять, должна висѣть у коннаго человѣка на поясѣ, у пѣшаго черезъ плечо (нынѣшнее ношеніе сабель пѣхотными офицерами на поясѣ чрезвычайно неудобно, человѣкъ на каждомъ шагу чувствуетъ свою ношу, чего вовсе не слѣдуетъ). Сабля, выдѣланная съ соблюденіемъ вышеприведенныхъ условій, будетъ настоящимъ оружіемъ. Но вообще гораздо лучше замѣнить всѣ сабли широкими палашами. Въ рукахъ европейца и даже донскаго казака сабля не годится; ею надобно умѣть владѣть, она на своемъ мѣстѣ лишь въ рукѣ людей, которымъ она достается вмѣстѣ съ преданіемъ, каковы горцы и линейцы. Кривизна европейской сабли есть не болѣе какъ фальшивое и безсознательное подражаніе; при надлежащей же практической кривизнѣ, надо рубить ловко, подъ изгибъ, чтобы загнутый конецъ сдѣлалъ свое дѣло; этому искуству невозможно обучить солдатъ и даже донцевъ. людей копья, а не сабли. Нашему кавалеристу нужно оружіе, которымъ бы онъ рубилъ какъ топоромъ, въ русскихъ рукахъ, безспорно, лучшее лезвіе—широкій, но тонкій палашъ, длиной 17 вершковъ, шириной около $^7/_8$ вершка, довольно тяжелый, съ грузинскою рукоятью. Такой палашъ рубить страшно, и не требуетъ никакой особенной ловкости въ пріемахъ. Инымъ эти замѣчанія покажутся мелочными; но вотъ послѣдствіе этихъ мелочей: послѣ первкй сшибки кавалеристъ узнаетъ, что противникъ убиваетъ его ударомъ наповалъ, а самъ онъ можетъ только намѣтить; на немъ синякъ; съ какимъ сердцемъ пойдетъ онъ въ атаку во второй разъ? У насъ есть и теперь кавалеристы, которые серіозно увѣрены, что главное, даже исключительное оружіе всадника—его конь, опрокидывающій непріятеля, но они забываютъ, что конь не самъ скачетъ, что его гонитъ всадникъ

Digitized by Google

и гонитъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ увѣренъ лично въ себѣ. Какъ можно въ такомъ дѣлѣ, какъ война, пренебрегать чѣмъ бы то ни было, что̀ можетъ увеличить вѣроятность успѣха!

Между нашими кавалеристами много противниковъ копья; но опытные боевые офицеры вообще другаго мнѣнія. Регулярный строй съ копьемъ гораздо сильнѣе, чѣмъ съ мечомъ. Пока въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку существовалъ пикинерный эскадронъ, въ дѣлѣ ему отдавали преимущество предъ прочими и, дѣйствительно, преимущество это выказывалось довольно замѣтно, хотя въ этомъ полку, нравственно, всѣ эскадроны были одинаково превосходны. Предпочтеніе должно склониться къ копью уже потому, что при немъ всадникъ не лишенъ меча, имѣетъ оба оружія подъ рукой. Во всѣ времена до послѣднихъ столѣтій, кавалерія, дѣйствовавшая стѣной, вооружалась копьемъ; отсутствіе копья указываетъ вездѣ одиночныхъ всадниковъ, джигитовъ, а не строй, каковы мамелюки, спаги, черкесы и другіе. Надобно замѣтить, что одиночный всадникъ всегда имѣлъ при себѣ, кромѣ сабли, еще метательное оружіе: встарину лукъ, потомъ винтовку или карабинъ; кавалерія, состоящая изъ такихъ всадниковъ, никогда не бросалась въ атаку съ мѣста, но подготовляла ее изнурительною для непріятеля джигитовкой; копье было бы для нея бременемъ и не соотвѣтствовало бы цѣли при отсутствіи строя стѣной. Гдѣ только природная кавалерія ходила строемъ, тамъ она всегда вооружалась копьемъ. Но копье природной кавалеріи не похоже на нашу строевую пику, оно гораздо длиннѣе, до пяти аршинъ. Во всякомъ собраніи стариннаго оружія можно видѣть, какой длины было рыцарское копье; донской, арабскій дротикъ тѣхъ же размѣровъ. При сформированіи регулярной кавалеріи изъ донцовъ, о копьѣ не можетъ быть и рѣчи; оно ихъ природное оружіе, то именно оружіе, которымъ они сильны. Надобно оставить донскую пику въ ея нынѣшнемъ видѣ, но дать ей остріе немного длиннѣе—игольчатое, изъ отличной штыковой стали, и требовать, чтобъ оно было укрѣплено на древко прочно, а не прибито какимъ-нибудь гвоздикомъ.

Тесакъ нашъ также очень плохое оружіе. Въ пѣхотѣ онъ только напрасно обременяетъ человѣка. Спросите каждаго бывалаго солдата: можетъ-ли тесакъ принести ему какую-нибудь пользу? Но есть цѣлые разряды военныхъ людей, которымъ

Digitized by Google

нельзя дать никакого другаго оружія, кромѣ тесака — пѣшая артиллерія, нестроевые. Эти люди, особенно артиллеристы, должны быть, однако, вооружены, не для того чтобъ отбивать нападеніе, но для того чтобы лично защищать себя въ случаѣ надобности. Есть удивительное холодное оружіе, не превосходящее величиной тесака — обоюдо-острый большой лезгинскій кинжалъ. Это оружіе такъ страшно, что атака лезгинъ много утратила своей силы съ тѣхъ поръ какъ они, подъ вліяніемъ вышедшей изъ Чечни моды, замѣнили его шашкой; въ началѣ мюридизма, говорятъ очевидцы, они производили такую крошку своими кинжалами, что трудно было устоять противъ нихъ; по чему не ударять—по рукѣ, по ружью, по головѣ—все пополамъ. Подъ наблюденіемъ кавказскихъ мастеровъ такіе кинжалы можно выдѣлывать на каждомъ оружейномъ заводѣ и замѣнить ими тесаки.

Сооруженіе разныхъ оружейныхъ вещей въ однѣхъ рукахъ составляетъ вопросъ только относительно кавалеріи. Пѣхотѣ не нужно ничего кромѣ ружья со штыкомъ, артиллеріи и нестроевымъ — кромѣ тесака (лезгинскаго кинжала). Но кавалерія, дѣйствующая преимущественно холоднымъ оружіемъ, не можетъ быть оставлена вовсе безъ огнестрѣльнаго; иначе она утратитъ всякую самостоятельность. Хотя соединеніе копья съ винтовкой, замѣнившею старинный лукъ, противорѣчитъ всѣмъ преданіямъ (на что нельзя смотрѣть легко), тѣмъ не менѣе нынѣшнее состояніе военнаго дѣла заставляетъ допустить такое сочетаніе. Тридцать лѣтъ уже донскіе казаки носятъ копье, саблю и винтовку, и не обременяются этимъ арсеналомъ: они привыкли къ своему вооруженію, а въ военномъ дѣлѣ привычка первая вещь. Надобно только, чтобы винтовка была какъ можно легче, и пригнана по плечу какъ у линейцевъ, чтобы человѣкъ не чувствовалъ ея даже на скаку. Спѣшенная кавалерія предназначается не для удара на колонну, а для стрѣлковаго боя; отдѣльный же стрѣлокъ будетъ достаточно вооруженъ винтовкой и палашомъ. Мы знаемъ довольно, были ли страшны чеченскіе стрѣлки, замѣнявшіе штыкъ шашкой.

Мы говоримъ о донцахъ какъ о регулярной кавалеріи, обучающейся своему дѣлу систематически. Но другіе натуральные казаки владѣютъ съ умѣньемъ только тѣмъ оружіемъ, съ которымъ они родились. Надобно постоянно имѣть въ виду

Digitized by Google

ихъ понятіе и не навязывать имъ вещей, къ которымъ они не привыкли. Винтовка необходима всякому казаку, безъ нея онъ не воинъ; но затѣмъ наши иррегулярные полки дѣлятся на два рода—на сабельниковъ и на копѣйщиковъ. Каждый изъ нихъ силенъ своимъ умѣньемъ,—надобно оставить его какъ онъ есть. Всѣ наши казаки-копѣйщики смотрятъ на саблю какъ на какую-то мудреную выдумку, называютъ ее темлякомъ, и тяготятся ею. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ обвѣшивать всадника излишнимъ оружіемъ, которымъ онъ не умѣетъ пользоваться; оружіе это сбиваетъ его съ толку. Копье и винтовка—прирожденное оружіе всѣхъ нашихъ иррегулярныхъ не кавказскихъ. Приданную имъ положеніемъ шашку лучше замѣнить кинжаломъ; кинжалъ не обременитъ, а между тѣмъ казакъ будетъ вооруженъ и внѣ строя, будетъ имѣть чѣмъ отмахнуться, пѣшій и конный, въ случаѣ надобности. Онъ будетъ чувствовать себя ловко, зная всегда за что взяться.

Хорошая пригонка оружія и аммуничныхъ вещей, возможная легкость ихъ и одежда, вполнѣ соотвѣтствующая климату и привычкамъ людей, изъ которыхъ набирается армія, суть дѣло первой важности.

Привычный человѣкъ можетъ выносить на себѣ довольно большую тяжесть, но съ условіемъ, чтобъ она была распредѣлена совершенно равномѣрно, чтобы поддерживающіе ее ремни нигдѣ его не рѣзали и не безпокоили. Пѣхотинецъ, сколько-нибудь потертый, не можетъ снести ноши и на другой же день выбываетъ изъ строя. При экипировкѣ солдата надо имѣть въ виду исключительно, прежде всего, доставить ему возможныя удобства, допускать украшенія въ его обмундированіи въ такомъ только случаѣ, когда они совершенно невинны, когда они прибавляются не на счетъ чего-либо существеннаго. Нѣтъ арміи, въ которой бы это основаніе не было принимаемо въ теоріи, и въ то же время нѣтъ арміи, въ которой оно было бы вполнѣ примѣнено на практикѣ. Человѣкъ средней силы не можетъ снести, безъ утомленія, ноши свыше двухъ пудовъ, считая тутъ все—одежду, обувь, ранецъ, патронташъ, оружіе и провіантъ, какъ бы ни была ловко пригнана его ноша. Въ этой ношѣ заключенъ весь домъ солдата, все чѣмъ онъ можетъ располагать для успокоенія послѣ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, для защиты своего тѣла отъ враждебнаго дѣйствія стихій. За исключеніемъ оружія, провіанта, тяжелой солдатской обуви

Digitized by Google

(надѣтой на немъ и запасной), ранцевой коробки и ременныхъ перевязей, въ нѣсколькихъ остальныхъ фунтахъ находится все, физически необходимое человѣку для продолжительнаго скитанія подъ открытымъ небомъ—бѣлье, лѣтняя одежда, какое-нибудь теплое платье чтобы не замерзнуть, плащъ, нужный для того, чтобы не ложиться на голой землѣ и завернуться въ бурную ночь, какая-нибудь немножко мягкая вещь, чтобы положить ее подъ голову на ночлегѣ. Остается-ли же въ солдатской ношѣ хоть на золотникъ мѣста для прихоти, для произвольнаго распоряженія? Можно-ли обременять солдата какими-нибудь вздорными вещичками? Можно-ли, напримѣръ, заставлять его нести въ военное время лишнюю пару платья на случай смотра и такъ далѣе? И въ концѣ-концовъ, можно-ли считать въ какой-нибудь степени военнымъ человѣкомъ начальника, который, забывая такія вещи, смотритъ на войско съ точки зрѣнія красоты, то-есть удовольствія своихъ глазъ?

Весь разчетъ силы арміи, количества людей, которыхъ можно довести до поля сраженія, и быстроты, съ которою можно ихъ довести, то-есть, послѣ личныхъ качествъ полководца, почти весь секретъ войны заключается въ вѣрномъ разчетѣ нуждъ и силъ человѣка. Кто только совершалъ походъ, знаетъ по опыту, что̀ такое значитъ, для выносчивости на маршѣ, или для бодрости въ бою, все равно, выспаться въ свое время, не продрогнуть черезчуръ отъ холода или не истомиться слишкомъ отъ жару, не быть потертымъ, свободно шевелить членами подъ аммуниціей; отъ бодраго человѣка можно требовать всего, самыхъ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній на короткій срокъ; отъ заранѣе истомленнаго—того лишь, что̀ можетъ дать преобладаніе духа надъ тѣломъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ придется основывать военныя соображенія на предварительномъ разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ. Еслибы можно было вычислить, сколько десятковъ тысячъ людей, въ каждой войнѣ, заваливали госпитали, на сколько замедлялись военныя операціи, какого количества бойцовъ, которые несомнѣнно обезпечили бы побѣду, не доставало на полѣ сраженія вслѣдствіе попеченій о красотѣ и стройности, вслѣдствіе праздныхъ прихотей, вкравшихся въ устройство войскъ въ мирное время,—некого было бы убѣждать, голая цифра была бы слишкомъ убѣдительна. Можно сказать, не задумываясь, что всякая вещь, кромѣ оружія, которую солдатъ, располагаясь на бивакѣ, не

Digitized by Google

можетъ употребить для своего удобства и долженъ, проносивъ цѣлый день, отложить въ сторону, стòитъ войску, въ продолженіи кампаніи, нѣсколькихъ процентовъ его численности. Ширину перевязей, лишнюю тяжесть ранца, киверъ съ бляхами или шапку, которая не можетъ служить въ то же время подушкой, всякія ненужныя погремушки, болтающійся съ боку тесакъ, число пуговицъ застегнутыхъ въ жаръ, стройность на походѣ, выравниваніе бивака, запрещеніе солдату нести на поясѣ какой-нибудь мѣшочекъ, нарушающій однообразіе, всѣ эти и подобныя имъ вещи перелагаются въ концѣ въ проценты убыли и обезсиленія. Нѣтъ сомнѣнія, что та армія, начальство которой первое рѣшительно откажется отъ увлеченія этими ребячествами, сейчасъ же выкажетъ великое превосходство надъ прочими.

Первоначально военный мундиръ былъ вездѣ обыкновенною народною одеждой, приведенною къ однообразію, по полкамъ. Въ Европѣ онъ и до сихъ поръ сохранилъ отчасти этотъ характеръ; кромѣ шапки, часто принимающей фантастическія формы, всякій рабочій, принаряжаясь въ воскресенье, одѣтъ въ платье такого же покроя какъ и солдатъ, только не столь пестрое; въ одеждѣ того или другаго нѣтъ рѣзкаго различія. Народная одежда есть результатъ тысячелѣтняго опыта, отраженіе климатическихъ и всякихъ другихъ мѣстныхъ условій. Собранный съ цѣлаго свѣта медицинскій совѣтъ никогда не придумаетъ такой удобной и въ такой степени удовлетворяющей всѣмъ гигіеническимъ условіямъ одежды, для данной страны, какую выкраиваетъ, по-немногу послѣдовательный опытъ поколѣній. Только высшіе классы, предохраненные комфортомъ отъ внѣшнихъ вліяній, могутъ безнаказанно играть своимъ костюмомъ; но когда дѣло идетъ о толпѣ, замѣна народной одежды иноземною, сложившеюся при другихъ условіяхъ, не можетъ остаться безъ вреднаго вліянія на здоровье, а потому и на бодрость людей. Кромѣ того, не даромъ привычка называется второю натурой. Для простолюдина переодѣванье въ иноземное платье составляетъ какъ бы отреченіе отъ своей народности; оно часто возмущаетъ его нравственное чувство и всегда нагоняетъ на него какое-то отупѣніе, непониманіе всего, что̀ съ нимъ дѣлается, продолжающееся иногда не мало времени. Нельзя представить себѣ до какой степени это переодѣваніе замедляетъ у насъ развитіе рекрута.

Digitized by Google

Во всей Европѣ военный мундиръ почти одинаковъ, кромѣ цвѣта и нашивокъ; но за то и климатическія условія тамъ почти одинаковы, и племенной костюмъ главныхъ европейскихъ народовъ весьма мало разнообразится, особенно по городамъ. Русскій климатъ рѣзко отличается отъ средне-европейскаго, а русская народная одежда, мѣховая, восемь мѣсяцевъ въ году, всегда широкая, удобная и скромная, темнаго цвѣта, безъ всякихъ блестокъ, составляетъ совершеннѣйшее выраженіе мѣстныхъ условій. Лѣтній, зимній и промежуточный русскій уборъ, тулупъ подъ зипуномъ, тулупъ одинъ, зипунъ одинъ и наконецъ одна рубашка, смотря по временамъ года, не могутъ быть замѣнены ничѣмъ другимъ, если ставить на первое мѣсто гигіеническія условія.

Введеніе въ русскою армію европейской военной одежды, исключительно суконной—кафтана съ шинелью, было очевиднымъ противорѣчіемъ всѣмъ мѣстнымъ условіямъ. Еслибы стрѣльцамъ и всякимъ стариннымъ русскимъ войскамъ платье выдавалось натурою, то я думаю, предложеніе ходить зимой безъ овчины, въ одномъ суконномъ плащѣ, также удивило бы ихъ, какъ предложеніе совершать лѣтомъ походъ нагишомъ. Нельзя не отмѣтить при этомъ особенной черты нашей военной исторіи. До Петра Великаго русскія арміи всегда предпочитали для дѣйствій зиму; онѣ находили самымъ выгоднѣйшимъ временемъ для вторженія въ непріятельскій край время морозное, которое онѣ выдерживали гораздо лучше непріятеля. Допетровская эпоха наполнена зимними походами; но за то русскія войска были тогда одѣты по-русски. Послѣ Петра зимнія кампаніи становятся очень рѣдкими, для совершенія ихъ пришлось бы одѣвать войско за-ново. Необходимость заставила кавказскія войска одѣться на зиму въ мѣхъ, только не на казенный, а на свой собственный счетъ, на солдатскія заработанныя деньги; съ тѣмъ вмѣстѣ открылась возможность совершать походы въ самые трескучіе морозы, безъ чего Кавказъ до сихъ поръ не былъ бы еще покоренъ. И въ Европѣ, особенно восточной, мы могли бы съ огромнымъ преимуществомъ вести зимнюю кампанію, но для этого нужно, чтобы русскій человѣкъ былъ постоянно, а не случайно только одѣтъ по-русски.

Полушубокъ составляетъ одежду русскаго человѣка отъ семи до осьми мѣсяцевъ въ году, стало быть главную его одежду; по немъ пригоняются и другія части наряда. Кафтанъ

Digitized by Google

это прихоть богатаго, безъ которой обходится большая часть народа, замѣняя его зипуномъ, надѣваемымъ какъ кафтанъ въ прохладное время и какъ шинель, сверхъ тулупа, въ зимнее; оттого наша народная одежда всегда широка въ складкахъ, не застегивается, а подпоясывается; просторъ русской земли какъ будто отражается на распашномъ просторѣ русскаго платья. Одѣвая людей въ полушубокъ, слѣдуетъ примѣнить къ нему и другія части одежды, сообразно съ климатомъ и привычками человѣка, даже для красоты тутъ былъ бы выигрышъ. Въ костюмѣ сказывается эстетическое чувство породы, столько же какъ и другія мѣстныя условія; онъ ближе подходитъ къ типу, лучше вырисовываетъ его чѣмъ иноземный костюмъ. Тонкій, вытянутый къ верху и узколицый французскій солдатъ очень красивъ въ кепи, полукафтанѣ и штиблетахъ; широколицый и коренастый русскій человѣкъ столько же безобразенъ въ этомъ платьѣ, сколько хорошъ въ своей народной широкой одеждѣ.

Нельзя представить себѣ, не видавъ, насколько переряженіе въ нѣмецкое платье, первое впечатлѣніе рекрута на службѣ, отуманиваетъ человѣка, сбиваетъ его съ толку; какъ трудно достается ему одно умѣнье застегивать пуговицы, неизвѣстныя въ русскомъ нарядѣ. Оторванный отъ семьи, напуганный еще дома небылицами, которыя ему разсказываютъ объ ожидающей его судьбѣ, смущенный причитаніями родныхъ, которые по старой привычкѣ, оплакиваютъ его какъ покойника, рекрутъ и такъ не знаетъ сначала какою ногой ступить въ незнакомомъ ему мірѣ; а тутъ сейчасъ же ему брѣютъ бороду, одѣваютъ его въ иностранное платье, въ которомъ сначала даже его дворовая собака не сразу признаетъ его. Рекруту кажется на первыхъ порахъ, что онъ отрывается не только отъ своей мѣстной, но отъ своей общей родины, отъ отечества; ему кажется, что его вводятъ въ какой-то иноземный міръ, въ которомъ онъ не можетъ ни думать, ни чувствовать попрежнему, въ которомъ ему придется выворотить наизнанку всѣ свои понятія. Состояніе это длится не малое время, пока онъ осмотрится и пойметъ, что въ новой средѣ только обстановка иноземная, а духъ русскій, что онъ все еще дома. Это смущенное душевное состояніе, чрезвычайно замедляетъ его развитіе,—вещь не очень важная въ мирное время, но важная въ военное, когда рекруту, прямо изъ избы, приходится идти въ походъ и дѣйствовать. Созван-

Digitized by Google

ное въ 1855 году ополченіе не подвергалось этому тяжелому впечатлѣнію перемазыванья на иноземный ладъ: русскіе мужики взяли ружье и пошли въ походъ какъ были, русскими же людьми; въ этомъ обстоятельствѣ коренилась главная причина быстраго ихъ развитія и отличнаго духа. При необходимомъ у насъ сокращеніи сроковъ дѣйствительной службы, этого дѣла нельзя упускать изъ виду. Когда солдатъ служилъ 25 лѣтъ, когда войско составляло государство въ государствѣ, была, можетъ быть, причина обособлять его даже наружно, былъ поводъ по крайней мѣрѣ держаться такого мнѣнія; но при народной, краткосрочной арміи, какая нужна намъ теперь, нѣтъ къ тому ни причины, ни повода. Рекрута надобно затуманивать какъ можно меньше, надобно чтобъ онъ мгновенно обернулся въ солдата и вполнѣ развился въ короткій, относительно, срокъ; искуственное, затяжное обращеніе рекрута въ солдата теперь уже не у мѣста; а поэтому всякое условіе, сколько нибудь туманящее человѣка на первыхъ порахъ, должно быть тщательно устраняемо. Нужно чтобы парень шелъ изъ своего рекрутскаго участка на службу въ свой же полкъ какъ на побывку къ роднымъ и возвращался домой тѣмъ же парнемъ, какимъ всѣ его знали, развитымъ, но не искаженнымъ и даже не переиначеннымъ ни въ какомъ отношеніи. Тогда только народная армія разовьется во всей полнотѣ, разовьется безъ усилій и у Россіи будетъ, въ случаѣ надобности, столько же добровольныхъ, охотно идущихъ на службу солдатъ, сколько у нея людей способныхъ взять ружье въ руки. Внѣшность значитъ много въ такихъ вещахъ. Было время, когда нѣмецкое платье имѣло у насъ свое значеніе и въ обществѣ, и въ войскѣ: оно было внѣшнею вывѣской вопроса быть ли Россіи Московскимъ царствомъ или Русскою Имперіей? Вопросъ этотъ упраздненъ теперь. Мы можемъ быть русскими, по одеждѣ войска, сообразно съ существенными климатическими условіями, не боясь возврата къ старообрядству.

Экипировка солдата не должна рѣзко отличаться отъ народной одежды, выкроенной вѣковою опытностію: иначе она не будетъ соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ; не удовлетворитъ ни нравственно, ни матеріально, нуждамъ человѣка, для котораго шьется. Хороша та экипировка, которая соотвѣтствуетъ двумъ условіямъ: одно, чтобъ она заключала въ себѣ все необходимое и ничего лишняго, даже на ползолотника, такъ какъ она одно-

Digitized by Google

временно охраняетъ жизнь человѣка отъ стихій и носится имъ на себѣ; второе, чтобъ она соотвѣтствовала привычкамъ человѣка. Содержаніе солдата соразмѣрено вездѣ съ бытомъ простолюдина средняго состоянія, не богатаго и не бѣднаго. Одежда такого простолюдина заключается, кромѣ бѣлья, въ полушубкѣ, зипунѣ, кушакѣ, лѣтнихъ и зимнихъ шароварахъ, рукавицахъ и наушникахъ. Ничего больше и не нужно солдату. Къ этому платью могутъ быть прилажены всѣ нужныя отмѣтки и нашивки, по роду войскъ и по полкамъ. Полушубокъ, носимый восемъ мѣсяцевъ въ году, составляетъ главную часть одежды. Надобно чтобы солдатъ, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, стоялъ въ немъ въ строю; для того можно отмѣтить полушубокъ нужными нашивками. Нѣсколько кабардинскихъ ротъ пошили себѣ, когда-то, дубленые, разно окрашенные полушубки, по-ротно; нельзя сказать до какой степени онѣ были мужественно красивы въ этихъ полушубкахъ; боевой глазъ дѣйствительно могъ ими любоваться. Зипунъ можетъ быть цвѣтной, разумѣется не яркій, по роду войска, длинный какъ шинель, но съ подстегивающимися полами, чтобъ замѣнять имъ кафтанъ въ прохладное, но не морозное время; кушакъ для опоясыванья, широкія шаровары въ сапогахъ. Высокіе кавказскіе сапоги неудобная вещь; они слишкомъ тяжелы. Перейдти черезъ лужу можно одинаково во всякихъ сапогахъ; при переходѣ же черезъ рѣчку солдаты всегда скидаютъ свои высокіе сапоги, также какъ и короткіе; но съ первыми при этомъ бываетъ больше возни. Вмѣсто особыхъ фехтовальныхъ рубашекъ гораздо лучше выдавать арміи все бѣлье цвѣтное, изъ крашенины, по цвѣту зипуна и нашивокъ на полушубкѣ. Солдату въ походѣ нельзя часто перемѣнять бѣлье, а бѣлье бѣлое, но грязное, производитъ на всякаго человѣка, даже загрубѣлаго, непріятное впечатлѣніе; когда солдатъ шьетъ рубаху на свой счетъ, онъ всегда шьетъ цвѣтную. Лѣтомъ, строй въ цвѣтныхъ рубахахъ, гладкихъ или полосатыхъ, по полкамъ, будетъ очень красивъ. Кепи не годится, вопервыхъ потому, что онъ положительно безобразитъ русское лицо, вовторыхъ, и это гораздо важнѣе, потому что при скудномъ имуществѣ солдата, каждая вещь должна по возможности служить къ его удобству; надобно, чтобъ онъ могъ на ночлегѣ положить шапку подъ ухо себѣ, чтобъ она была мягка и чтобъ ее можно было мять. Лучшая для нашего солдата—низкая войлочная, срѣзанная у са-

Digitized by Google

маго темени, съ полями, которыя можно поднимать и опускать, называемая звенигородкой, какую носитъ народъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Шапка эта твердо сидитъ на головѣ, когда поля опущены,—прикрываетъ глаза стрѣлка отъ солнца; не промокаетъ, можетъ служить подушкой, легка и чрезвычайно красива, ухорски обрисовываетъ русское лицо; на нее можно навязать какой-нибудь снурокъ для отмѣтки. Замѣняемая на время боя, у панцырника, оборонительнымъ капюшономъ, она можетъ быть положена въ карманъ. Башлыкъ превосходное нововведеніе, которое, конечно, должно быть удержано. Въ такой холодной землѣ какъ наша, надобно выдавать на зиму рукавицы или теплыя перчатки. Вотъ и все снаряженіе солдата, удобное соотвѣтственное, климату и привычкамъ простолюдина, красивое и недорогое, никакъ не дороже нынѣшняго, потому что полушубокъ упраздняетъ мундирный кафтанъ, въ которомъ нѣтъ никакой надобности; въ прохладное, но не морозное время человѣкъ надѣнетъ на себя зипунъ съ полами, подстегнутыми выше колѣна. Кромѣ экономіи, солдата при этомъ нарядѣ не слѣдуетъ обременять кафтаномъ, потому что ему пришлось бы носить его въ ранцѣ для какого-нибудь смотра; а въ солдатской ношѣ каждый лишній, не необходимый, золотникъ составляетъ положительное зло.

Ранецъ долженъ быть сколь возможно легокъ; для плечъ человѣка достаточно и клади въ него положенной. Едва-ли не лучшій матеріялъ для ранца—дубленый непромокаемый холстъ, сложенный вдвое, представленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кажется г. Масловымъ на Московскую выставку; онъ легокъ и проченъ. Теперь обращено должное вниманіе на удобнѣйшую пригонку солдатской ноши: но на этотъ счетъ все еще можно сдѣлать одно общее замѣчаніе, съ которымъ будутъ согласны всѣ опытные офицеры. Нельзя найдти однообразной форменной пригонки пѣхотнаго вьюка, которая дѣйствительно оказалась бы удобною, на ремняхъ-ли, на стальныхъ-ли крючкахъ въ бандажѣ, или какой бы то ни было. Человѣка, совершающаго длинный переходъ, утомляетъ не столько та или другая пригонка вьюка, сколько однообразное положеніе тяжести, постоянно надавливающей однѣ и тѣ же части тѣла; его можетъ облегчить не какая-либо улучшенная пригонка, а возможность давать этой тяжести разнообразное положеніе, возможность нести ее то на одномъ плечѣ, то на дру-

Digitized by Google

гомъ, то на обоихъ вмѣстѣ и даже на груди, попеременно давая по очереди отдыхъ частямъ тѣла, служащимъ опорною точкой. Кавказскіе солдаты совершали переходы (иногда баснословные) гораздо легче, пока вмѣсто ранца у нихъ былъ мѣшокъ, который они носили въ какомъ хотѣли положеніи; на введенный съ тѣхъ поръ ранецъ весь Кавказъ жаловался въ одинъ голосъ, какъ на вещь обременительную. Многіе найдутъ, можетъ-быть, что разнокалиберное ношеніе ранца испортитъ наружную красоту фронта. Но, такой родъ пригонки нуженъ для похода, а не для смотра, на которомъ люди могутъ подтянуться какъ угодно; удобные, никогда не натирающіе аммуничные ремни должны быть не широки, но мягки и возможно легки; также точно и ремни конской сбруи. У насъ есть дома несравненный матеріялъ для всякаго ременнаго прибора—кабардинскій, прочный, легкій и мягкій какъ шелкъ. Кажется, разъ уже выписывали въ Россію мастеровъ для выдѣлки этого товара, не знаю зачѣмъ дѣло остановилось. Кабардинскіе ремни хорошей выдѣлки превосходятъ и стальные крючки въ бандажѣ, и всякій европейскій аммуничный и сбруйный приборъ.

Хорошо снаряженный русскій солдатъ первый ходокъ, какъ и первый рукопашный боецъ въ свѣтѣ. Онъ не довольно легокъ, чтобы бѣгать по часамъ, какъ французъ, но сильнѣе и выносчивѣе, и всегда заморитъ послѣдняго на длинномъ переходѣ. Надобно только, чтобы нашъ салдатъ былъ, сообразно съ своими природными качествами и привычками, также отчетливо снаряженъ; все необходимое и ни золотника лишняго все для дѣла и ничего для прихоти.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ 2.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1890.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ 2.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1889.

Digitized by Google

Digitized by Google

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ

ВОЕННЫЯ

и

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Слово къ читателямъ.

Въ этой книгѣ собраны статьи и брошюры послѣднихъ годовъ, не утратившія еще по моему сужденію современнаго значенія. Большая часть изъ нихъ посвящены нашему военному вопросу. Пустивъ въ свѣтъ «Вооруженныя силы Россіи» въ 1867 году, (сочиненіе отчасти уже устарѣвшее, по чрезвычайно быстрому развитію военнаго дѣла въ Европѣ), я долженъ былъ защищаться и объяснять свои взгляды. Потомъ насталъ практическій вопросъ объ обще-обязательной военной повинности и о переустройствѣ русской арміи, вызвавшій послѣднія статьи. Читатели могутъ замѣтить нѣкоторое измѣненіе въ моемъ взглядѣ на подробности въ теченіи этихъ шести годовъ; но человѣкъ живетъ, стало быть мыслитъ и передумываетъ. Въ основаніяхъ же я никогда не колебался, да и колебаться было невозможно. Въ 1867 году, какъ и теперь, я заявлялъ объ одной и той же неотложной для насъ потребности—объ органическомъ устройствѣ русской арміи, основанномъ на точномъ разсчетѣ средствъ и цѣлей, на вѣрной оцѣнкѣ естественныхъ источниковъ русской силы, подъ начальствомъ настоящихъ боевыхъ людей, вмѣсто устройства механическаго, подражательнаго и произвольнаго, руководимаго бюрократіей.

Въ концѣ книги помѣщена политическая брошюра: «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ».

Полагаю, что каждый человѣкъ, долго думавшій о какомъ-либо предметѣ, усидчиво его изучавшій, можетъ сказать о немъ что-нибудь новое. Я сдѣлалъ, что могъ въ мѣрѣ своихъ силъ и не только говорилъ вслухъ, что думалъ, но убѣдившись разъ въ вѣрности своего мнѣнія, боролся за него, не уступая ни

Digitized by Google

передъ какими послѣдствіями. Кто-то сказалъ, (кажется Лейль): «всякая новая мысль, брошенная въ умы, проходитъ черезъ три ступени развитія: сначала она—чепуха, потомъ—опасное дѣло, въ концѣ—всѣ ее знали и безъ автора». Вмѣстѣ со многими я испыталъ на себѣ справедливость этого слова. Одна изъ высказанныхъ мною мыслей, военная, проросла уже двѣ первыя ступени и стоитъ покуда на рубежѣ между опаснымъ дѣломъ и безличнымъ успѣхомъ; вторая мысль, вызвавшая въ русской словесности многіе замѣчательные труды въ томъ же смыслѣ, въ настоящую пору только что подымается изъ разряда чепухи въ разрядъ опаснаго дѣла. Конечно, я не приписываю себѣ открытія ни той, ни другой, я только высказалъ ихъ опредѣленнѣе или ранѣе прочихъ. Все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть одну мысль на третьей ступени, перешедшую въ дѣло; а другую хоть бы только на второй, распространяющуюся въ умахъ. Пусть сбудется тогда послѣднее слово Лейля.

Статьи расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по существенной ихъ связи.

Digitized by Google

Разъясненія дѣла

по поводу «Переустройства русскихъ силъ», статьи г. Я—ва и вызванныхъ ими возраженій.

Мартъ 1871 годъ.

I.

Статьи о переустройствѣ русскихъ войскъ вызвали, наконецъ, отвѣтъ—событіе давно желанное, въ возможности котораго стали уже сомнѣваться люди, заявлявшіе свое мнѣніе о военныхъ мѣропріятіяхъ послѣднихъ годовъ. На сколько наши военные журналы были готовы къ разъясненіямъ въ прежнее время, на столько стали они молчаливы потомъ. Между тѣмъ, когда дѣло идетъ о такомъ предметѣ, какъ передѣлка военно-государственнаго строя, и слѣдовательно о повинности, касающейся лично всѣхъ и каждаго, гораздо полезнѣе вести разговоръ съ живыми людьми, чѣмъ съ безотвѣтными проектами. Хотя мы не имѣемъ права придавать появившимся отвѣтамъ офиціозный характеръ, но они писаны, очевидно, людьми, имѣющими близкія связи съ администраціею и выражающими съ достаточною приблизительностью ея взглядъ.

Счастіе, однакожъ, не полно. О сущности дѣла въ послѣднихъ отвѣтахъ все-таки нѣтъ ни слова, и спорные вопросы обойдены цѣликомъ. Но если изъ нихъ не видно прямо мнѣнія, то видно по крайней мѣрѣ настроеніе къ поставленнымъ вопросамъ. Даже такимъ образомъ монологъ обращается въ діалогъ.

Понимаю совершенно, насколько такой разговоръ безполезенъ въ настоящее время. Но знаю также, что никакое об-

Digitized by Google

щественное сознаніе, разъ установившееся, не можетъ оставаться безплоднымъ долго; для того же, чтобы сознаніе могло установиться, нужно, чтобы спорный вопросъ былъ освѣщенъ не съ одной только стороны и чтобы объясненіе его не составляло исключительнаго права поборниковъ одного направленія.

О самомъ предметѣ я не буду говорить много; по моему понятію, онъ развитъ уже достаточно. Но я долженъ объясниться съ противниками насчетъ нѣсколькихъ пунктовъ—изъ уваженія къ дѣлу и читателямъ.

Читатели знаютъ, что мнѣ пришлось стоять въ этомъ спорѣ на двухъ противоположныхъ точкахъ. Сначала я доказывалъ невозможность обойтись безъ резерва, а офиціозная военная печать возражала мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду его стоимостью и ненужностью *). Потомъ внезапно роли перемѣнились: не только резервъ оказался необходимымъ, но оказалось также, что для него нельзя жалѣть никакихъ жертвъ. Я же остался при своемъ мнѣніи, и долженъ былъ доказывать обратно, что хотя резервъ точно нуженъ, но только въ той мѣрѣ, насколько онъ нуженъ и что жертвовать лишнимъ, въ настоящемъ положеніи Россіи, значитъ подсѣкать не одно настоящее, но и будущее, въ томъ числѣ и будущее военное могущество. Кромѣ того, у насъ шелъ разговоръ и о другихъ вещахъ, безъ которыхъ число ничего не значитъ.

Вопросы, поставленные въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи» и потомъ въ «Переустройствѣ русскихъ силъ» очень просты и вызываются очевидностію. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ настоящее время, при 150 милліонахъ военнаго бюджета и съ просторомъ дѣйствій, открывавшемся послѣ освобожденія крѣпостныхъ, мы выставляемъ на поле битвы гораздо меньше людей, чѣмъ сѣверо-германскій союзъ, располагавшій бюджетомъ въ 76 мил. талеровъ; меньше даже чѣмъ выставляла прежняя досевастопольская организація, имѣвшая въ своемъ распоряженіи бюджетъ не выше прусскаго, и страшно стѣсненная крѣпостнымъ правомъ, недопускавшимъ устройства правильнаго резерва. Всякая держава выставляетъ на театръ войны больше, по крайней мѣрѣ не меньше, силъ, чѣмъ сколько она содержитъ въ мирное время; между тѣмъ, какъ у насъ могло бы

*) Возраженія эти будутъ перечислены ниже.

Digitized by Google

перейти за границу не больше половины регулярнаго войска, содержимаго по мирнымъ штатамъ. Необходимо исправить это отношеніе силъ. Но исправлять его созданіемъ второй солдатской арміи—резервной, въ то время, когда во многихъ отношеніяхъ недостаетъ средствъ на приведеніе въ полную готовность первой—наличной, угрожало бы опасностью задавить производительныя силы подъ тяжестію бюджета и отвлеченія отъ труда, безъ твердой увѣренности въ результатѣ, — что не можетъ быть полезно ни для кого, такъ какъ армія существуетъ для государства, а не государство для арміи. Притомъ, удвоеніе войска этимъ способомъ можетъ быть произведено только насчетъ качества самой же арміи; пришлось бы растворить въ двойной массѣ всѣ ея нравственныя силы, весь ея разумъ, выработанные напряженными усиліями двухъ почти вѣковъ—именно то, что у насъ добывается всего труднѣе и въ чемъ оказывается наибольшій недочетъ. Въ этомъ отношеніи нашу армію приходится сберегать тщательнѣе, чѣмъ всякую иную, такъ какъ она—произведеніе чисто искуственное, можно сказать, тепличное, развившееся не въ уровень съ другими государственными учрежденіями, подобно арміямъ европейскимъ, но взростившее въ себѣ и изъ себя независимо отъ общаго состоянія вещей въ государствѣ, все, чѣмъ она обладаетъ;—такъ продолжается и до днесь. Тратить армію на резервъ было бы слишкомъ невыгодно. Главное же,—при массѣ нашихъ постоянныхъ войскъ, дѣйствующихъ и мѣстныхъ (превосходящей вдвое силы, содержимыя, по мирному положенію, самою могущественною изъ европейскихъ державъ), мы не затруднились бы выставить въ поле огромную армію, если бы эти постоянныя войска можно было собрать и замѣнить вездѣ, внѣ самого театра войны,—на оборонительныхъ окраинахъ, въ гарнизонахъ крѣпостей и внутреннихъ караулахъ,—чѣмъ бы то ни было; а для такой цѣли нужна не вторая солдатская армія, а какая-нибудь земская сила, нѣсколько подъучоная. При этомъ исчезло бы ненужное и вовсе не военное подраздѣленіе пѣхоты на нѣсколько категорій,—на баталіоны дѣйствующіе, губернскіе, крѣпостные и линейные; всякій постоянный солдатъ обратился бы въ бойца. Затѣмъ, наши постоянныя войска могутъ быть еще усиливаемы для войны очень несложными мѣрами. У насъ много людей, и у нихъ окажется, когда нужно, много доброй воли;

Digitized by Google

но мы слабы организаціонными средствами, а потому должны извлекать изъ нихъ пользу до возможнаго предѣла. При ежегодно возрастающемъ недочетѣ въ офицерахъ, и невозможности, вслѣдствіе того, формировать новыя части изъ приготовленныхъ людей (подобно прусскому ландверу), но зная притомъ складъ русской арміи, естественно возникаетъ предположеніе: не лучше ли прямо усиливать этими приготовленными людьми наличныя части, соединяя ихъ въ тактическія единицы такой силы, какая окажется удобнѣе. Тогда наша дѣйствующая армія будетъ достаточна противъ какого бы то ни было союза. Есть ли, покуда, кромѣ этого средства, какое-либо другое, съ толкомъ воспользоваться лишними отпускными для войны? Передумывая сказанное, по неволѣ приходишь къ вопросу: слѣдуетъ ли намъ создавать вторую солдатскую армію, безъ большой увѣренности въ успѣхѣ, и жертвовать ей всѣми личными и вещественными силами народа, жертвовать только что возникающимъ образованнымъ слоемъ общества? Не слѣдуетъ ли, оставляя армію особнякомъ, какъ она стоитъ съ самаго начала, искать ей подспорья—не дорогаго, не обременительнаго для личности, но сильнаго числомъ и доброю волей,—въ самомъ народѣ. Развѣ дешевое ополченіе, нѣсколько подъучоное, не достаточно для того, чтобы занимать во время войны шаткія окраины и караулы, и пополнять убыль въ арміи? Стоитъ ли обременять государство 30 лишними милліонами бюджета и разрывать воспитаніе каждаго молодаго человѣка, какъ разъ между гимназіею и университетомъ, оставаясь въ то же время опять при разрозненной арміи, разбитой на разныя мѣстныя и другія подраздѣленія войскъ, и потому опять, при недостаточной, дѣйствительно боевой силѣ на театрѣ войны, — все изъ-за плохаго солдатскаго резерва, превосходящаго качествомъ ополченіе развѣ только на нѣсколько процентовъ? Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ почти такого же свойства: должны ли мы рабски подражать другимъ и отказаться отъ пользованія своими естественными силами, потому только, что ихъ нѣтъ у этихъ другихъ? Должны ли мы, напримѣръ, располагая милліонами прирожденнаго коннаго населенія, формировать искуственно дорогую строевую конницу и тратить лишніе милліоны на содержаніе ея въ полномъ комплектѣ, въ мирное время, вмѣсто того, чтобы держать на лицо только треть людей и коней, а на войнѣ владѣть двойною силою

Digitized by Google

противъ нынѣшней? Или еще: должны ли мы пренебрегать страшною силою — нашею безподобною нестроевою конницею, не смотря на обиліе матеріала, большая половина котораго не выйдетъ, однакожъ, на войну по недостатку какого-либо подготовительнаго устройства въ мирное время? И такъ далѣе.

До сихъ поръ перечислены главнѣйшіе изъ вопросовъ чисто внѣшнихъ, опредѣляющихъ составъ и численность арміи. За ними встаютъ вопросы качественные, одни—присущіе всякому войску, другіе — неизбѣжные въ войскѣ русскомъ, истекающіе изъ его личнаго склада. Могутъ ли быть составляемы у насъ полки изъ людей, собранныхъ внезапно и ничѣмъ не склеенныхъ между собою нравственно, на подобіе того, какъ были составлены полки арміи Бурбаки, также изъ старослуживыхъ людей, растаявшіе въ одну недѣлю?—можно ли ожидать многаго отъ полка безъ исторіи и преданій, и существуютъ ли эти преданія для людей, созванныхъ въ полкъ случайно, на нѣсколько дней? Будетъ ли солдатъ заботиться о своей части и будетъ ли на нее полагаться (безъ чего нельзя быть смѣлымъ), когда онъ стоитъ между двумя неизвѣстными ему людьми? Можетъ ли обнаружиться въ краткосрочныхъ войскахъ какая-нибудь стойкость и развиться настоящій солдатскій духъ, безъ постоянныхъ унтеръ-офицеровъ, доведенныхъ до закала дѣйствительно военныхъ людей, образующихъ основу части владѣющихъ рядовыми нравственно, а не по заказу? Можетъ ли русская армія сохранить свои качества при нынѣшнемъ недочетѣ, при нынѣшнемъ нравственномъ и вещественномъ положеніи офицеровъ, и не слѣдуетъ ли искать средствъ противъ этой бѣды въ возвратѣ ко многому, что составляло всегда приманку военной службы, и еще больше — въ распредѣленіи офицеровъ, сообразномъ съ нынѣшнимъ состояніемъ общества и самой арміи, вмѣсто того, чтобъ ежегодно безплодно сѣтовать на неисправимую недостаточность бюджета? Можетъ ли армія воспитаться удачно, безъ цѣльности власти и соотвѣтственной обстановки, безъ строго военнаго подбора полковыхъ командировъ, этихъ настоящихъ воспитателей ея? Можно ли было оставить въ строевой арміи неприкосновеннымъ зло, называемое полковымъ хозяйствомъ, ограничиваясь уничтоженіемъ одного лишь хозяина, служившаго единственнымъ противовѣсомъ злу, обращавшимъ его, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, на пользу части? Правильно ли усат-

Digitized by Google

новлены отношенія тамъ, гдѣ часто лучшіе офицеры не желаютъ принимать званіе полковаго командира, столь великое въ арміи по своему назначенію? Соотвѣтствуетъ ли дѣлу безконечная отчетность, съ мелочнымъ формализмомъ, ничего не выясняющая сама по себѣ и невозможная въ военное время, введенная въ войска, и заставляющая начальниковъ частей противъ воли и убѣжденія, но по необходимости, разцѣнивать офицеровъ преимущественно по ихъ канцелярской способности? Статочное ли дѣло — остановить постоянно увеличивающійся недочетъ строевыхъ офицеровъ однѣми денежными средствами, еслибъ они и нашлись, при такой обстановкѣ, когда прямая способность армейскаго офицера къ своему дѣлу ставится на задній планъ и не даетъ ему никакой надежды на карьеру? Можно ли поставить въ системѣ военнаго образованія такъ называемыя общечеловѣческія цѣли впереди чисто военныхъ, цѣнить, напримѣръ: солдатъ почти исключительно по успѣху въ грамотности? Не колеблятъ ли такія взгляды и требованія боеваго духа арміи? Можетъ ли администрація, привыкшая смотрѣть на все съ своей точки зрѣнія, занятая своимъ дѣломъ, сама же себя повѣряющая, развить войска нравственно, укоренить въ нихъ такой же воинскій духъ, какъ это было возможно ихъ прямымъ начальникамъ, взросшимъ въ арміи, неразлучно жившимъ съ нею на войнѣ и въ мирѣ? Могутъ ли главные боевые вожди, разставшіеся съ арміей на полтора десятка лѣтъ, увѣренно принять въ свои руки неизвѣстныя имъ поколѣнія людей, взрощенныя въ новомъ для нихъ духѣ? Можетъ ли постоянное войско, сущность котораго состоитъ въ томъ, что сотни и тысячи жизней отдаются на безграничное распоряженіе одного человѣка, причемъ подчиненные всѣхъ степеней не имѣютъ права, не должны даже имѣть привычки разсуждать — съ толкомъ или безъ толку ихъ ведутъ на смерть — можетъ ли оно вынести безъ разстройства коллегіальныя формы управленія, не только полковъ, но, сверху до низу, формы, въ которыхъ мнѣніе младшаго поминутно связываетъ старшаго, или подробный регламентъ отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, позволяющій послѣднему на каждомъ шагу отстаивать свои права; какъ будто войско можно приравнивать къ гражданскому обществу? И такъ далѣе. Однимъ словомъ: можетъ ли страшная жертва, требуемая отъ государства содержаніемъ постоянной арміи, искупаться

Digitized by Google

чѣмъ либо другимъ, кромѣ совершенной годности арміи для войны, и потому безопасностію государства?

За этими вопросами поднимаются третьи, первостепенной важности, не вполнѣ затронутые до сихъ поръ печатью. Можетъ ли администрація судить правильно о нравственныхъ потребностяхъ боевой службы и правильно расцѣнивать военныхъ людей? Не будутъ ли люди, въ глазахъ ея, цифрами, и управленіе арміей — одною статистикой, съ упущеніемъ всей внутренней стороны дѣла? Правильно ли поставлены основанія тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же начальникъ командуетъ и инспектируетъ себя, довольствуетъ войска, и провѣряетъ правильность довольствованія? Можно ли въ Россіи, при нашихъ порядкахъ, формировать арміи съ ихъ сложнымъ механизмомъ, сильнымъ только при условіи единства и связности, въ ту самую минуту, когда ихъ должно вести на войну? Можно ли безнаказанно примѣнять военно-полевыя учрежденія къ учрежденіямъ административнымъ, и для того связывать самостоятельность начальствованія на войнѣ? И, опять, такъ далѣе.

Существенны ли эти вопросы. и можетъ какой нибудь хорошій русскій не принимать ихъ къ сердцу? Въ настоящее же время, можетъ ли не принять къ сердцу многихъ изъ нихъ даже самый дурной изъ русскихъ подданныхъ, когда они такъ близко подступаютъ къ его личности?

Надобно замѣтить: недоразумѣнія, разрѣшающіяся такими основными вопросами качественными, возникли у насъ съ системою 1862 г.; до тѣхъ поръ было мѣсто однимъ вопросамъ перваго отдѣла—состава и численности. Военныя основанія, заложенныя Петромъ и длившіяся неизмѣнно до послѣдняго десятилѣтія, воспроизводившія, конечно, всѣ неизбѣжные недостатки гражданскаго быта, на которомъ онѣ строились (чему великое освобожденіе 19 февраля и новый духъ общества также неизбѣжно полагали конецъ), были безупречны, въ смыслѣ внутренняго боеваго воспитанія арміи, со всѣми его всемірно признанными потребностями. Рѣчь идетъ, конечно, не о смотровыхъ взглядахъ). Съ 1862 года возникаютъ сомнѣнія о вещахъ, считавшихся у насъ до тѣхъ поръ—и считаемыхъ еще вездѣ—безспорными.

Digitized by Google

II.

Я считалъ главнымъ дѣломъ правильную постановку вопросовъ; рѣшеніе же, хотя провѣренное многими опытными людьми, выдавалъ только за приблизительное. Нѣкоторые изъ поставленныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, недостаточно ясны для большинства общества; чтобъ оцѣнить ихъ важность, надо ихъ перечувствовать и посмотрѣть, что выходитъ на дѣлѣ отъ того или другаго разрѣшенія ихъ. Но для военнаго, т.-е. дѣйствительно сжившагося съ арміею, человѣка, тутъ идетъ дѣло о вещахъ близкихъ сердцу. Вслѣдствіе того, труды мои были встрѣчены военными людьми съ откровеннымъ сочувствіемъ. Соглашаясь или не соглашаясь съ тѣмъ или другимъ предложеннымъ рѣшеніемъ, они признавали единогласно неотложную важность постановленныхъ вопросовъ, и удостоивали меня. письменно и словесно, привѣтствій, превыше заслуги. Не имѣя права, безъ согласія этихъ высокочтимыхъ воиновъ, называть ихъ имена, ни приводить ихъ слова, что было бы лучшей изъ всѣхъ аргументацій, я могу, однакожъ, сказать: эти лица— значительное большинство нашихъ вождей, имена которыхъ извѣстны каждому: главнокомандовавшіе боевыми русскими арміями, большая часть бывшихъ корпусныхъ командировъ, начальники большихъ дѣйствовавшихъ силъ, и за ними много генераловъ, въ числѣ которыхъ опять большинство людей, составившихъ себѣ военное имя. Читатель пойметъ, что это показаніе безспорное: такъ можетъ говорить только человѣкъ, имѣющій средство доказать свои слова.

Въ тоже время со стороны лицъ, стоявшихъ въ административныхъ рядахъ (журналы, издаваемые военнымъ министерствомъ) *), или взявшихъ на себя защиту дѣла въ томъ же смыслѣ **), я былъ встрѣченъ такимъ образомъ. Рецензія «Военнаго Сборника» 1 января 1868 г. начиналась словами: «нѣкоторые самозванные прожектеры берутъ на себя и проч. ***).

*) Статьи «Инвалида» 1867 г. «Военнаго Сборника» 1 января 1868 г. и статья г. профессора военной академіи Беренса.

**) Статьи г. Быкова, г. С. З. и передовая статья «Голоса», писанная, кажется не редакціей, какъ обнаруживается изъ слѣдующаго.

***) Тѣмъ не менѣе, надо отдать справедливость этой статьѣ, и только ей: она писана, очевидно, человѣкомъ военнымъ, но повинующимся своему положенію; между бранью она разсуждала часто мѣтко, хотя полусловами.

Digitized by Google

Слѣдующія рецензіи или отвѣты объявляли:

«Отъ этихъ статей отдаетъ чѣмъ-то неподходящимъ подъ русскую натуру, чѣмъ-то желчнымъ и недружелюбнымъ... и совсѣмъ, какъ бы, не въ русскомъ духѣ». «Онъ напускаетъ полный туманъ на совершенно ясное дѣло. Г. Фадѣеву неизвѣстна азбука организаціи нашей арміи. Пусть онъ переговоритъ съ юнкеромъ младшаго класса военнаго училища. Такой проектъ организаціи называется нелѣпостію, человѣкъ, его предлагающій—незнающимъ азбуку того дѣла, за которое берется, а осуществленіе такого проекта—верхомъ безразсудства. Г. Фадѣевъ не можетъ выдержать экзамена въ младшій классъ нашего военнаго училища».

И прочее; все выписано буквально.

Но обходить предметъ и посылать автора въ младшій классъ военнаго училища оказалось недостаточнымъ. Послѣднія статьи по поводу «Переустройства русскихъ силъ» прибѣгли къ новому способу, который нельзя назвать иначе, какъ «ложнымъ показаніемъ». Пріемъ этотъ достоинъ обличенія.

Напримѣръ, читавшіе «Вооруженныя силы», или знающіе меня лично, знаютъ и то, что я всегда былъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній. Въ моей книгѣ сказано:

«Съ тѣхъ поръ (съ 19 февраля) многое измѣнилось—крѣпостное состояніе уничтожено не только въ земствѣ, но и въ войскѣ, и народъ это знаетъ, рекрутъ не возятъ больше въ колодкахъ и не клеймятъ бритьемъ головы; срокъ службы уменьшенъ, тѣлесное наказаніе отмѣнено... совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло на нашу армію».

Ясно-ли? Такихъ мѣстъ въ книгѣ много, и все содержаніе ея не допускаетъ никакого сомнѣнія въ моемъ направленіи. Но въ послѣдней моей статьѣ написано: «Во Франціи не подчиняли отношенія между военными людьми, истекающія изъ суровой необходимости обратить ихъ въ слѣпое орудіе одной воли, какимъ-либо невозможнымъ филантропическимъ взглядамъ, не прилагали своихъ знаменитыхъ «правъ человѣка» къ военной службѣ, ни по дисциплинарному порядку, ни передъ военнымъ судомъ». Изъ нѣсколькихъ предъидущихъ строкъ о поднявшихся вопросахъ, читатель уже видѣлъ смыслъ этихъ словъ; они значатъ: военный начальникъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія только передъ старшимъ, и даже въ томъ случаѣ, если его признаютъ виноватымъ; подчиненный не долженъ

Digitized by Google

этого знать. Въ европейскихъ арміяхъ аксіома не подлежитъ сомнѣнію. Одинъ изъ отвѣчавшихъ мнѣ, г. Быковъ, выводитъ, однакожъ, изъ этихъ словъ, что я требую возстановленія тѣлесныхъ наказаній, негодуетъ на двухъ столбцахъ газеты, и произноситъ приговоръ:

«Кто изъ русскихъ не возмутится такимъ явнымъ дикимъ протестомъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, вызванной реформами, обезсмертившими нынѣшнее царствованіе?»

Между тѣмъ, у меня даже слово наказаніе не было произнесено.

Былъ-ли тутъ какой-нибудь поводъ къ невольному недоразумѣнію, и имѣю-ли я право назвать такую уловку «ложнымъ показаніемъ?»

Далѣе. Въ статьѣ «Голоса» сказано, что я писалъ и подписывалъ въ «Вѣсти» статьи противъ военнаго министерства, пока «Московскія Вѣдомости» не обличили меня. Въ жизни я не писалъ строки въ «Вѣсти», и никогда моей подписи тамъ не было. Надѣюсь, что редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и бывшіе редакторы «Вѣсти» объявятъ, есть-ли тутъ хоть слово правды!

Въ той же статьѣ сказано, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» я назвалъ систему 1862 года—19-мъ февраля нашей арміи, и потомъ вымаралъ это выраженіе, при изданіи книги. Я много сокращалъ, издавая книгу, какъ дѣлаетъ всякій; однакожъ это выраженіе осталось цѣликомъ на стр. 29-й; но оно нисколько не было уподобленіемъ, оно было выраженіемъ голаго факта. Освобожденіе крѣпостныхъ состоялось въ 1861 году, и съ того же времени началось введеніе его въ армію; разумѣется, освобожденный народъ не могъ обращаться въ крѣпостныхъ солдатъ. Это событіе было благодѣяніемъ великаго царствованія, послѣдствіемъ его—солдатъ, несомнѣнно лучшій, какъ матеріалъ, чѣмъ прежній, и просторъ въ военныхъ мѣропріятіяхъ, не стѣсняемыхъ больше крѣпостнымъ правомъ. Но военное министерство тутъ ни причемъ, какъ горное вѣдомство въ освобожденіи заводскихъ крестьянъ; оно можетъ быть отвѣтственно только въ дальнѣйшемъ примѣненіи данныхъ основаній; всякій же, читавшій «Вооруженныя силы», знаетъ, что я не былъ сторонникомъ многихъ изъ нихъ, хотя въ то время система далеко еще не обозначилась.

Но крупнѣе всѣхъ ложныхъ показаній—показаніе статьи

Digitized by Google

г. С. З. Рѣчь шла о невыдѣленіи особою хозяйственною частію 5-й стрѣлковой роты; вездѣ есть люди, приготовленные тщательнѣе другихъ для стрѣлковаго дѣла; но выдѣляются ли они хозяйственно, это не имѣетъ никакого отношенія къ войнѣ. Я писалъ не для барышень, и потому не считалъ нужнымъ отчеканивать каждое начальное понятіе, какъ въ учебникѣ. Въ словахъ: «достаточно ввести въ каждую изъ четырехъ ротъ баталіона» пропущено слово «линейныхъ»; только, нѣсколько строкъ дальше, сказано; «для успѣшности этой мѣры нужно, чтобъ стрѣлки не были выдѣляемы изъ ротъ особою частію». Конечно, я не заботился о ясности такого выраженія; каждому рядовому извѣстно, сколько ротъ въ баталіонѣ, мнѣ же доводилось не разъ командовать въ огнѣ колонною, состоявшею преимущественно изъ сводныхъ стрѣлковыхъ ротъ нѣсколькихъ полковъ,—трудно было не знать ихъ состава и значенія. По этому-то поводу г. С. З. обличилъ меня въ незнаніи азбуки военной организаціи, и послалъ экзаменоваться въ младшій классъ юнкерскаго училища. Онъ заключаетъ такъ: «какъ гоголевскій почтмейстеръ въ своихъ несообразностяхъ дошелъ до того, что, наконецъ, самъ долженъ былъ хлопнуть себя по лбу, такъ и г. Фадѣевъ» и проч.

Если ужъ рѣшиться разъ въ жизни и на минуту заговорить невозможнымъ языкомъ г. С. З., то можно сказать ему: у того же самаго писателя вы найдете такія слова, обращенныя къ нечистому игроку: «не тратьте по пусту зарядовъ, мы видимъ, что вамъ извѣстны тайны высшаго искуства».

Я показалъ только главныя изъ подобныхъ продѣлокъ, но ими проникнуты насквозь обѣ названныя статьи.

Праваго дѣла не защищаютъ такими пріемами.

III.

Для нравственной оцѣнки послѣднихъ статей и возвышенности мнѣній той стороны, которой онѣ служатъ представителями, достаточно было бы сказаннаго: но жаль обойдти и другую сторону: сводъ разсужденій, писавшихъ о самомъ предметѣ, когда они разсуждаютъ искренно, еще любопытнѣе. Если вспомнишь, что гг. Быковъ и С. З. принялись защищать офи-

Digitized by Google

ціальный взглядъ, и стало быть знаютъ его сколько нибудь, сужденіе ихъ пріобрѣтаетъ общій интересъ.

Послушаемъ прежде сужденія г. Быкова. Его статья писана разомъ противъ меня и г. Я—ва, развивавшаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» замѣчательно вѣрный взглядъ на недостатки нынѣшняго командованія арміею. Мнѣніе его подходитъ близко къ моему, вслѣдствіе чего я считаю себя вправѣ отвѣчать разомъ на обѣ статьи.

Но еще раньше, въ видѣ предисловія ко всему послѣдующему, я долженъ понятно объяснить г. Быкову, что значатъ слова, которыя онъ принялъ за протестъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Я буду говорить вещи общеизвѣстныя; но что же дѣлать, когда пишущіе въ защиту офиціальныхъ взглядовъ не хотятъ знать этихъ общеизвѣстныхъ вещей.

Постоянная армія, дѣйствительно, «составляетъ исключеніе въ просвѣщенномъ обществѣ, и стоитъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ духъ вѣка, и потому не можетъ быть подводима подъ взглядъ прогрессивныхъ журналовъ». Армія есть собраніе вооруженныхъ людей, оторванныхъ отъ общества, имѣющихъ призваніемъ обращать свое оружіе, безъ разсужденія, куда прикажутъ, и воспитываемыхъ въ такомъ духѣ, стоящихъ особнякомъ посреди безоружныхъ гражданъ. Для того, чтобъ эта вооруженная сила была страшна врагамъ и безопасна для своихъ, нужно, чтобъ она была глубоко дисциплинирована, то есть, чтобъ воля старшаго была высшимъ и непреложнымъ закономъ для младшаго, что осуществляетъ царство произвола, а не закона — не то, что въ гражданскомъ обществѣ, и чего можно достигнуть не регламентомъ, а только вкорененною привычкою, нетерпящею никакого исключенія. Не такъ легко заставить идти на явный рискъ смерти, бодро и дружно, людей, большинство которыхъ не чувствуетъ къ тому никакого геройскаго влеченія и не легко также удержать вооруженнаго и ожесточеннаго своимъ ремесломъ человѣка отъ насилія надъ безоружнымъ. Затѣмъ, власть старшаго сдерживается только старѣйшимъ, который долженъ смотрѣть, чтобы первый не злоупотреблялъ ею. Эта цѣпь безусловнаго повиновенія обхватываетъ всю армію и замыкается въ рукахъ главы государства, верховнаго главнокомандующаго. Оттого отстаиваніе своего права, основный законъ гражданскаго общества, не примѣнимъ къ

Digitized by Google

войску; тамъ нѣтъ правъ, а есть только жалоба непосредственному начальнику; военные законы писаны не для того, чтобы младшій ограждалъ ими свои права, а для того, чтобы старшій отвѣчалъ за соблюденіе ихъ передъ старѣйшимъ. Гражданское общество въ своемъ развитіи стремится къ тому, чтобы у частнаго лица не только не было никакого начальника (потому что верховная власть есть выраженіе государственнаго права, а не начальство), но чтобы частное лицо пользовалось свободой идти на перекоръ всему обществу, вмѣстѣ взятому, пока изъ его дѣйствій не происходитъ вещественнаго зла. Въ арміи же начальникъ — все, и какъ каждый школьникъ знаетъ — «младшій о поступкахъ старшаго не разсуждаетъ». Отъ того постоянная армія не можетъ идти объ руку съ гражданскимъ обществомъ и развиваться вмѣстѣ съ нимъ; гражданскій прогрессъ можетъ вліять на внѣшнія формы произвола, осуществляемаго арміей; на сознаніе лицъ, облеченныхъ имъ, а не на его сущность. Внутренній порядокъ постоянной арміи и отношенія между людьми, ее составляющими, не сдвинулись ни на волосъ, и не могли сдвинуться, съ того основанія, на которомъ была поставлена первая постоянная армія, фаланга Филиппа Македонскаго. Въ самомъ рабскомъ обществѣ и въ самомъ свободномъ не можетъ быть значительной разницы во внутреннихъ учрежденіяхъ арміи. Мы видимъ въ исторіи примѣры развращенія арміи, но не видимъ примѣра добровольнаго приложенія къ арміи «правъ человѣка», что мой просвѣщенный оппонентъ кринимаетъ за отсталость понятій. Дисциплинированные янычары были страшною и безопасною для Турціи силой; янычары, утратившіе дисциплину, стали бѣгать, и въ тоже время стали жечь Константинополь. Это исторія всякой арміи, въ которой начинается растлѣніе; она сама додумается до «правъ человѣка», не дожидаясь просвѣщеннаго почина сверху. Послѣдствія же растлѣнія постоянныхъ армій достаточно извѣстны: первое—негодность въ бою; второе — военныя возстанія подъ либеральною вывѣскою, какъ въ Испаніи; третье — продажа власти и права съ молотка, какъ въ Римѣ III столѣтія, съ вѣшаньемъ либераловъ (либералами считаются всѣ, кого можно ограбить). Не трудно вызвать искреннія рукоплесканія либеральнаго студента, поставивъ на очную ставку начальника части съ его рядовымъ, студентъ будетъ видѣть тутъ торжество священныхъ «правъ

Digitized by Google

человѣка», Но этому юношѣ можно объяснить въ пять минутъ, что сцена, радующая его, противна интересамъ каждаго — отъ старообрядца до нигилиста, что она станетъ со временемъ гасильникомъ всякаго права, и что самъ онъ можетъ узнать изъ горькаго опыта, не только старости, но своихъ зрѣлыхъ лѣтъ, къ чему ведутъ такія сцены и такія рукоплесканія. Избѣжать «отношеній между военными людьми, истекающихъ изъ суровой необходимости, обратить ихъ въ слѣпое орудіе единой воли», и не колоть глаза просвѣщенному обществу военною дисциплиной (несомнѣнно идущей въ разрѣзъ всякому просвѣщенію), можно только однимъ способомъ— если народный складъ и географическое положеніе позволяютъ— не держать арміи внутри государства, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Но держать армію и допустить въ нее «права человѣка»— это значитъ создать такое просвѣщенное состояніе вещей, искорененіемъ котораго прославились Діоклатіанъ, Петръ Великій и султанъ Махмудъ II.

Мы слышали объ эмансипаціи труда, объ эмансипаціи женщинъ, даже объ эмансипаціи дѣтей. Но признаюсь, въ первый разъ въ жизни услыхалъ я объ эмансипаціи арміи (хотя и видѣлъ нѣчто подобное). И надобно же было такъ случиться, что первую гласную проповѣдь о ней сказали люди, вздумавшіе взять на себя защиту мнѣній нынѣшняго военнаго министерства!

IV.

Понятно, что въ такомъ исключительномъ кругу, какова постоянная армія, взаимныя отношенія и понятія людей о своемъ дѣлѣ рѣзко отличаются отъ взглядовъ гражданскихъ. Настоящій военный человѣкъ на службѣ и внѣ службы—два различныя лица. Эти особенныя отношенія и понятія стоятъ совершенно на своемъ мѣстѣ въ военной средѣ, которая безъ нихъ и существовать не можетъ; онѣ истекаютъ изъ дѣйствительности, весьма отличной отъ обыкновенной общественной, но имѣющей свои непреложные законы, какъ всякая дѣйствительность. Только изучить эту дѣйствительность со стороны невозможно, надо въ нее вжиться, такъ какъ она состоитъ вся изъ безчисленныхъ мелочей, общій итогъ которыхъ, тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе—годность арміи для боя и безопасность для общества, или, напротивъ—негодность въ бою и государственная опасность. По невозможности подвести несчетные случаи подъ правила, въ военномъ человѣкѣ важнѣе всего складъ, развившійся жизнію и опредѣляющій потомъ самъ собою его взгляды и пріемы въ дѣлѣ; тогда ему не придется уже додумываться до послѣдствія какого либо вопроса въ своемъ ремеслѣ; онъ ихъ видитъ практически впередъ. Въ такомъ искуственномъ и одностороннемъ мірѣ какъ военный, принципы не имѣютъ никакого смысла, вся важность въ непосредственномъ результатѣ. Потому дѣйствительная военная служба и ношеніе военнаго мундира внѣ ея, при какой бы то ни было книжной учености, не имѣютъ ничего общаго. Всякій знаетъ, что армія не можетъ обойтись безъ многихъ внѣшнихъ учрежденій, безъ администраціи и разныхъ спеціальностей; но всѣ онѣ должны только служить ей. Вѣрно же судить о потребностяхъ войскъ и распоряжаться ими—командовать на войнѣ или воспитывать ихъ для войны—могутъ одни военные люди, если не боевые (которыхъ нельзя ставить по заказу), то строевые. Послѣднее раздѣленіе, впрочемъ, только теоретическое; въ наше время и въ большомъ государствѣ главные военные начальники по большей части вели войну, и оказываются вмѣстѣ строевыми и боевыми.

Указаніе на эту послѣднюю истину составляетъ естественный переходъ ко второму разсужденію г. Быкова. Стараясь затемнить неопровержимые доводы г. Я—ва, онъ обращается и ко мнѣ, по этому же поводу, съ такими словами:

«Можно-ли утверждать, что всѣ боевые люди, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ военныхъ достоинствахъ и заслугахъ, одинаково полезны и способны для управленія частями, какъ въ военное, такъ и въ мирное время? Что же бы пришлось дѣлать съ боевымъ человѣкомъ, занимающимъ должность, которая требуетъ и административныхъ способностей, когда бы онъ оказался въ нихъ несостоятельнымъ, неужели допустить приложеніе къ дѣлу однѣхъ только боевыхъ способностей? и т. д.».

Между прочимъ, замѣтимъ г. Быкову, что, защищая какую-нибудь сторону, не надобно ее же язвить. Кто эти «административные генералы, лишенные военныхъ способностей?» Но дѣло не въ томъ.

Первое заключеніе, возникающее въ мысли по прочтеніи

Digitized by Google

словъ г. Быкова, слѣдующее: если военная система сложена такимъ образомъ, что она по правилу, а не въ видѣ особеннаго исключенія, удаляетъ въ мирное время изъ арміи боевыхъ людей, единственныхъ, которые могутъ приготовить боевыя войска, то она идетъ мимо цѣли, и не годится.

Но дѣло еще важнѣе.

Г. Я—въ развилъ ясно для каждаго читателя (для военнаго же человѣка неоспоримо) современную потребность нашей арміи въ высшихъ самостоятельныхъ начальникахъ. Но мое заключеніе оттѣняется отъ его заключеній тѣмъ, что, какъ мнѣ кажется, г. Я—въ сказалъ въ своей замѣчательной статьѣ—съ одной стороны, слишкомъ много, съ другой—не договорилъ главнаго.

Онъ сказалъ слишкомъ много, полагая, что возстановленіе самостоятельныхъ командировъ совмѣстно съ нынѣшнею военною системою. Система эта завершена достаточно, чтобы можно было не ошибаться въ ея основаніяхъ. Она не допускаетъ въ принципѣ какой бы то ни было части войскъ, выдѣленныхъ особымъ самостоятельнымъ цѣлымъ, начальникъ котораго не былъ бы въ то же время начальникомъ поземельнаго округа и предсѣдателемъ окружнаго совѣта, составляющаго, въ сущности, мѣстное отдѣленіе самаго же министерства; непремѣнно отдѣленіе, такъ какъ министерство не можетъ нигдѣ выпустить изъ рукъ военнаго хозяйства,—оно для этого существуетъ. Но такимъ образомъ выходитъ, что, вмѣсто чисто-военнаго командованія войсками, поставлена надъ ними исключительно военно-административная инспекція, довольствующая, командующая и сама себя повѣряющая. Назначеніе единаго корпуснаго командира, не только главнокомандующаго, было бы отрицаніемъ всей системы.

Къ доводамъ, выставленнымъ г. Я—вымъ, можно было бы прибавить еще новые; но суть дѣла все-таки не въ нихъ.

Она вотъ въ чемъ:

Самостоятельные высшіе начальники арміи, въ прежнемъ смыслѣ, необходимы у насъ въ мирное время для того, чтобы быть ходатаями передъ государственною властію за потребности живой, дѣйствительной русской арміи, а не какой-либо отвлеченной. Военная администрація, какъ министерство, всегда имѣетъ достаточный голосъ, чтобы настоять на своихъ нуждахъ; но если она же будетъ говорить и за армію, то на

Digitized by Google

неизбѣжной необходимости, потому что человѣкъ такъ созданъ-при какомъ бы то ни было талантѣ и несомнѣннѣйшей добросовѣстности, она дастъ перевѣсъ административнымъ нуждамъ и улучшеніямъ передъ существенными потребностями арміи; то-есть, пожертвуетъ цѣлію—средствамъ. Это неминуемо, какъ по естественному влеченію къ тому, что ближе сердцу, такъ и потому, что администрація, каковъ бы ни былъ ея составъ, не можетъ близко знать армію, и никогда, нигдѣ, безъ единаго исключенія въ исторіи, не проникала въ сущность военнаго дѣла. Такъ слѣдуетъ, потому что администрація, по естественному порядку вещей, завѣдуетъ исключительно сырыми матеріалами, личными и вещественными, изъ которыхъ слагается армія, и должна сосредоточивать на нихъ все свое вниманіе—трудъ и безъ того громадный. Но даже въ этомъ отношеніи рѣшеніе вопроса,—что нужно, не подъ силу ей: правильно судить объ немъ могутъ только тѣ, которые поведутъ армію въ бой; дѣло администраціи найти наилучшія средства удовлетворить заявленной потребности. Нравственныя же нужды арміи никогда не могутъ быть точно оцѣнены администраціею, потому что полководецъ не бываетъ военнымъ министромъ, кромѣ какихъ-нибудь исключительныхъ и минутныхъ обстоятельствъ; онъ гораздо нужнѣе на своемъ мѣстѣ и даже часто не соотвѣтствуетъ такому назначенію; жизнь развиваетъ его иначе. Барклай былъ поставленъ минутно во главѣ министерства, но съ тѣмъ только, чтобы написать учрежденіе о большой дѣйствующей арміи и сейчасъ же принять начальство надъ нею. Но еслибъ даже Барклай остался министромъ и сталъ одновременно ходатаемъ за администрацію и армію, онъ былъ бы увлеченъ новою средою, самъ обратился бы въ бюрократа и, можно поручиться, черезъ нѣсколько времени армія начала бы это чувствовать. Быть администраторомъ и—имѣть въ виду, прежде всего, военныя цѣли, далось только Наполеону I-му. Весь складъ войсковой службы, отъ полководца до прапорщика, не только не похожъ, но не долженъ быть похожимъ на складъ администраціи, отъ министра до мелкаго чиновника; иначе обѣ стороны не будутъ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть. Армія, по своему духу и непремѣннымъ условіямъ, выдѣляется изъ общаго гражданскаго строя. Военная администрація, служащая связью между ними, почерпающая въ народѣ матеріалы для арміи, по указанному плану, не можетъ выдѣляться

Digitized by Google

изъ общественной среды. Она—такое же министерство, какъ всѣ прочія. Эти заключенія очевидны, одинаково изъ теоріи и изъ опыта. Прусская система, отдѣлившая военное командованіе отъ администраціи, доказала свою годность; французская, смѣшавшая ихъ, выказала свои послѣдствія; а между тѣмъ французская армія, по твердости (хотя проникнутой старообрядчествомъ) своихъ преданій и вкравшемуся въ нее своеволію, представляла хоть то обезпеченіе, что ее нельзя было безъ шума рѣзать по живому тѣлу. Совѣщанія администраціи (ставшей на мѣсто командованія) съ бывшими боевыми вождями, т. е. запросъ мнѣній, не могутъ никогда выяснить дѣло удовлетворительно. Во первыхъ, потому, что эти боевые вожди, переставъ быть вполнѣ самостоятельными, станутъ, какъ всякій человѣкъ, осторожными въ выраженіи мнѣній; во вторыхъ, потому, что въ рукахъ администраціи непремѣнно возобновится процедура бывшаго нашего суда, по которому дѣло, рѣшенное въ собраніи департаментовъ сената, поступало на заключеніе министра юстиціи, т. е. состоявшихъ при немъ мелкихъ чиновниковъ. Все-таки за армію будетъ говорить администрація въ сущности ей чуждая, и это сильно отзовется на арміи. Кромѣ того, въ такомъ искуственномъ сочетаніи людей, какъ войско, главное дѣло всегда не въ духѣ того или другаго направленія, а въ его мѣрѣ. Надо знать, гдѣ остановиться; дѣло же это чисто практическое; между тѣмъ, военная администрація, какъ всякая другая, можетъ смотрѣть на вещи только съ общей точки зрѣнія, и въ своихъ начинаніяхъ будетъ проводить не мѣры, пригнанныя по насущной потребности, а принципы, не всегда удобные для военнаго дѣла. Въ концѣ приходится опять круто повернуть къ вѣковѣчному опыту; хорошо еще, когда есть время. Совсѣмъ другое дѣло, когда армію представляютъ передъ государственною властью ея прямые и самостоятельные начальники. Они знаютъ навѣрное, въ какомъ положеніи дѣло и что нужно. Тогда голосъ армій восходитъ безъ прерыва съ самыхъ основаній, отъ фельдфебеля до главнокомандующаго и повергается передъ верховнымъ вождемъ государственныхъ силъ. Если боевые начальники могутъ ошибаться въ современныхъ военныхъ вопросахъ, то они ошибутся на оттѣнокъ, а не на цѣлый цвѣтъ. И, главное при этомъ средства, отдѣляемыя государствомъ военному вѣдомству, бу-

Digitized by Google

дутъ распредѣляемы сообразно потребности: прежде на необходимое, потомъ на полезное, а не обратно.

Вотъ почему, можно полагать, русской арміи нужны вполнѣ самостоятельные высшіе начальники. Но ихъ нельзя наклеить на окружную систему, какъ сказалъ г. Я—въ. Объ окружной системѣ, какъ о внутреннемъ устройствѣ военнаго министерства, заключеннаго въ своемъ естественномъ кругѣ дѣйствій, не было бы и спору; ему лучше знать, какъ устраивать себя. Но нынѣшняя окружная система вовсе не то. Она есть систематическое подраздѣленіе русскихъ силъ на дробныя части, подчиненныя коллегіальнымъ окружнымъ управленіямъ, а черезъ нихъ не прямо, но дѣйствительно—министерству, т. е. замѣна личнаго командованія арміею, въ принципѣ и повсемѣстно, административною опекою, не только въ мирное, но отчасти даже въ военное время, какъ достаточно видно изъ положенія 17 апрѣля 1868 года. Административная же опека, какъ доказано всемірнымъ опытомъ, значитъ—замѣщеніе живаго дѣйствія писаніемъ объ немъ и своевременныхъ мѣръ многолѣтними проектами о мѣрахъ. Въ гражданскомъ быту преслѣдованіе цѣлей канцелярскимъ порядкомъ мало способствуетъ развитію жизни; въ военномъ оно противуположно дѣлу, какъ огонь водѣ. Притомъ всякая бюрократія имѣетъ свойство разростаться безъ мѣры, и разъ введенная, хотя бы въ среду, совершенно ей не соотвѣтственную, не оставляетъ уже мѣста ни для чего другого, кромѣ самой себя. Какая же самостоятельность командованія совмѣстна съ преобладаніемъ административныхъ формъ?

V.

Никто не думаетъ отрицать полезнаго, совершеннаго военною администраціею въ послѣдніе годы. Вопросъ идетъ исключительно о томъ, въ какой мѣрѣ это полезное соотвѣтствуетъ главной цѣли—вѣроятности побѣды, т. е. могуществу арміи по качеству и количеству, насколько жертва, требуемая содержаніемъ арміи отъ государства, достигаетъ своей прямой цѣли? Въ этомъ отношеніи послѣдствія преобладанія администраціи въ военномъ дѣлѣ, при какой бы то ни было добросовѣст-

Digitized by Google

ности, всегда однѣ и тѣже. Они сказались у насъ въ обоихъ порядкахъ—вещественномъ и нравственномъ.

Въ вещественномъ—тѣмъ, что всѣ нужды и виды административные (въ вещахъ даже очень спорныхъ), не смотря на ихъ стоимость, осуществляются широкою рукою. Преобразованіе центральныхъ учрежденій, созданіе военно-окружныхъ управленій, новыхъ военныхъ судовъ, съ ихъ тюрьмами и военно-исправительными ротами, не говоря о многочисленныхъ комитетахъ на высокомъ окладѣ и проч.—окончены или оканчиваются. Число чиновниковъ военнаго вѣдомства удвоилось за послѣднія 9 лѣтъ. Теперь 8,251 классныхъ чиновниковъ и около 2,700 офицеровъ на письменныхъ мѣстахъ (не считая занятыхъ канцелярскою работою въ полкахъ), т. е. 11 т. чиновниковъ, всѣ со столовыми деньгами и значительно высшимъ содержаніемъ противъ строевыхъ, работаютъ для администраціи. Послѣдній изъ административныхъ дѣятелей—помощникъ столоначальника военно-центральныхъ управленій, получаетъ болѣе содержанія, нежели батальіонный командиръ въ чинѣ подполковника; вице-директоръ болѣе начальника дивизіи, членъ окружнаго суда наравнѣ съ нимъ. Въ тоже время при затратѣ 154 милліоновъ на 724 т. солдатъ (недавно еще 900 т. содержались на 90 милліоновъ) изъ 22 тысячъ остальныхъ строевыхъ офицеровъ, полагаемыхъ по штатамъ, недостаетъ 2,700 по мирному и 6,740 по военному положенію. Изъ числа 548 генераловъ, полагаемыхъ въ военномъ вѣдомствѣ, строевыхъ теперь только 179, нестроевыхъ 369, кромѣ 68-ми сверхъ-комплектныхъ, также нестроевыхъ. Въ военномъ министерствѣ, по штатамъ, должно находиться 75 генераловъ (больше чѣмъ чиновниковъ всѣхъ степеней въ прусскомъ), въ дѣйствительности же находится 120. Виды строевыхъ офицеровъ на повышеніе слѣдующіе: изъ числа 51 произведенныхъ въ генералы приказомъ 17 апрѣля 1870 г., строевыхъ 14 (изъ остальныхъ 37-ми 24 нестроевые военнаго вѣдомства). Въ отношеніи содержанія, даже начальники частей, ротные и батальонные командиры, едва перебиваются и ежегодно въ большомъ числѣ уходятъ изъ арміи; полковые командиры, по недостатку средствъ, не видятся внѣ ученія съ своими офицерами; положеніе строевыхъ генераловъ—наименѣе оплачиваемое изъ всѣхъ высшихъ чиновъ военнаго вѣдомства. Въ матеріальномъ отношеніи перевооруженіе арміи по новымъ потребностямъ

Digitized by Google

идетъ медленнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь; для необходимаго пѣхотнаго резерва и всѣхъ иррегулярныхъ войскъ скорострѣльныхъ ружей еще не предвидится. Не говоря о Пруссіи, уже годъ тому назадъ Франція имѣла двойной запасъ Шаспо и передѣланныхъ скоро-стрѣльныхъ ружей (à tabatière) на все число людей, призываемыхъ подъ оружіе; въ тоже время Австрія кончила вооруженіе арміи съ резервами и заготовляетъ теперь ружья въ запасъ. У насъ, послѣ застоя первыхъ двухъ годовъ, къ 1871 году готовое количество ружей «достаточно для вооруженія всѣхъ полевыхъ войскъ по военному составу». «Но, затѣмъ, нѣтъ ихъ еще для мѣстныхъ войскъ, для резервовъ, безъ которыхъ мы не обойдемся, и въ запасъ для арміи». Полное число 800 т. съ небольшимъ, считая тутъ кавалерійскія ружья и карабины. «Къ снабженію скорострѣльными ружьями иррегулярныхъ войскъ не можетъ быть приступлено прежде окончательнаго разъясненія финансовыхъ средствъ казачьихъ войскъ». Запасныхъ орудій для мобилизаціи мѣстныхъ войскъ въ случаѣ крайности, очень мало. Кромѣ запаса орудій необходимаго полевой артиллеріи, считая его на меньшій конецъ въ 20%, остается покуда съ небольшимъ 100 орудій. Для образованія, хоть бы самаго спѣшнаго резерва изъ мѣстныхъ войскъ, пополненныхъ излишкомъ отпускныхъ и рекрутами (какъ исчислено въ «Переустройствѣ русскихъ силъ»), потребовалось бы 840 орудій. Перевооруженіе крѣпостей, давно предназначенное, исполнено меньше, чѣмъ на половину. Сухопутныхъ только на 43% противъ предложеннаго, а приморскихъ на 48%. Укрѣпленіе главныхъ узловъ желѣзныхъ дорогъ на западной границѣ, безъ чего оборотъ войны можетъ быть очень опасенъ, также давно имѣющееся въ виду, остается безъ средствъ исполненія. Запасы военные, и вообще служащіе исключительно для военнаго времени, не достигаютъ по всѣмъ почти статьямъ предположенной нормы, а по нѣкоторымъ далеко не достигаютъ. Первый комплектъ металлическихъ патроновъ (по 300 на ружье) можетъ быть готовъ, предположенію, только къ концу нынѣшняго года; для втораго комплекта, необходимаго въ случаѣ войны, въ запасѣ имѣется лишь $^3/_5$ потребнаго количества свинца. Залежи русской сѣры, не смотря на ихъ обиліе, все еще не разработаны, такъ что съ началомъ войны опять возникнутъ затрудненія въ ея доставкѣ, подобно 1854 году. Вмѣсто 12-ти пороховыхъ заводовъ, какъ было во Франціи,

Digitized by Google

у насъ осталось, по прежнему, три, такъ что какой либо случай съ однимъ изъ этихъ заводовъ въ военное время поставитъ насъ въ крайнее затрудненіе; недавнее предположеніе— развить пороховое производство частною промышленностію, осуществится еще не скоро. Неприкосновенный провіантскій запасъ, основанный при покойномъ князѣ Паскевичѣ и обезпечивавшій въ первые мѣсяцы довольствіе арміи, переходящей на военное положеніе, — израсходованный во время польскаго возстанія,—сталъ вновобновляться только въ прошломъ году въ очень ограниченныхъ размѣрахъ (довольствіе на 180 тыс. человѣкъ въ теченіе трети, между тѣмъ какъ армія должна комплектоваться 463 тыс- отпускныхъ); но и въ этихъ размѣрахъ онъ еще не пополненъ. Походный обозъ арміи будетъ готовъ только черезъ пять лѣтъ. По заключенію послѣдняго комитета, размѣръ военно-врачебныхъ учрежденій не соотвѣтствуетъ потребностямъ большой войны, а срокъ пополненія врачебныхъ запасовъ зависитъ отъ будущихъ денежныхъ ассигнованій. Запасъ проволоки для военнаю телеграфа — имѣется въ виду, и прочее. Начальники главныхъ отдѣловъ тутъ, конечно, не виноваты — они дѣлаютъ насколько получаютъ средствъ. Для привлеченія въ ряды старослуживыхъ унтеръ-офицеровъ до сихъ поръ не имѣлось средствъ, хотя продажа зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій должна составлять, по соображеніямъ, значительную сумму. Для устройства постоянныхъ лагерей, въ которыхъ войска могутъ обучаться большимъ дѣйствіямъ, для казармъ и проч.—«наличныхъ фондовъ не оказывается». Всякій знаетъ, что восполнить эти нужды нелегко, по огромности потребныхъ суммъ; но ясно также, что тутъ дѣло идетъ уже не о вещахъ полезныхъ, а о вещахъ необходимыхъ, и что въ военномъ смыслѣ нельзя тратиться ни на что, пока не удовлетворены такія потребности, особенно нѣкоторыя изъ нихъ. Что не можетъ быть сдѣлано вдругъ, то могло быть сдѣлано исподволь, въ теченіе 10 лѣтъ, еслибъ на первомъ планѣ стояли чисто военныя цѣли, а не военно-административныя.

Въ нравственномъ отношеніи, послѣдствія административной оцѣнки вещей сказались возникновеніемъ цѣлаго ряда вопросовъ качественныхъ, отчасти перечисленныхъ въ началѣ статьи, основныхъ въ военномъ дѣлѣ, о которыхъ прежде не было помину въ нашей арміи.

Кромѣ того, не смотря на увеличеніе военнаго бюджета въ

Digitized by Google

полтора раза и просторъ въ дѣйствіяхъ, открытой освобожденіемъ 19 февраля, вѣроятный итогъ нашихъ боевыхъ силъ для войны не только не возросъ, но положительно понизился, по неимѣнію какого-либо резерва (читатели увидятъ это ниже), а составъ переформированной арміи, отъ котораго наиболѣе зависитъ численность боевыхъ войскъ, по мнѣнію многихъ, не былъ примѣненъ къ измѣнившемуся общественному положенію и текущимъ военнымъ задачамъ.

Приходится думать, что съ предстоящимъ военнымъ преобразованіемъ, расширяющимъ средства и потребности, дѣйствительныя нужды и административная расцѣнка ихъ разойдутся еще далѣе.

Чтобъ этого не случилось, самостоятельные вожди дѣйствующихъ войскъ, знающіе навѣрное, что, въ какой мѣрѣ и въ какой послѣдовательности нужно для побѣдоносной арміи, необходимы у насъ, полагаемъ, въ мирное, и въ военное время. При обширности страны, неопредѣленности вещей и слабости нашихъ организаціонныхъ силъ, они необходимѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ нибудь. У насъ всякое дѣло идетъ только при сильномъ личномъ починѣ, и безъ него разрѣшается одними заголовками въ отчетахъ. Но желая такого исхода, слѣдуетъ договаривать: онъ былъ бы отрицаніемъ системы 1862 г., потому что возвратилъ бы преобладаніе въ военномъ дѣлѣ боевому началу надъ бюрократическимъ. На какихъ основаніяхъ могли бы быть учреждены самостоятельныя командованія? Въ настоящемъ положеніи вещей корпусные командиры не помогутъ. Нужны люди съ полнымъ значеніемъ и авторитетомъ — командующіе, но конечно не окружные. Въ Россіи естественно быть двумъ главнокомандующимъ и двумъ командующимъ арміями: большой западной, кавказской, балтійской (съ командованіемъ всѣми внутренними дѣйствующими войсками) и, южной.

VI.

На этомъ мы можемъ покончить съ разсужденіями г. Быкова, благодаря его за поднятіе такихъ вопросовъ. Г. С. З., кажется, не за что будетъ благодарить, развѣ за то, что онъ дастъ намъ случай показать, какія силы и понятія возникаютъ изъ нѣдръ военной бюрократіи.

Digitized by Google

Я высказалъ одно начало положительно вѣрное — читатель можетъ въ этомъ убѣдиться, обратившись къ первому военному (разумѣется не по мундиру только), внушающему ему довѣріе. При слабости нашихъ организаціонныхъ силъ (покуда рѣчь идетъ только объ ограниченномъ числѣ надежныхъ ротныхъ командировъ и даже фельдфебелей)—усиливать дѣйствующую армію вновь формируемыми частями нельзя; но какъ на войнѣ численное превосходство при равномъ качествѣ составляетъ все-таки первое условіе успѣха, а увеличить число отпускныхъ можно самымъ легкимъ способомъ, усиливая нѣсколько наборъ и сокращая соразмѣрно съ закономъ срокъ службы, слишкомъ долгій въ настоящее время, то является вопросъ: что дѣлать съ этими отпускными? Организовать ихъ не чѣмъ и не кѣмъ, теперь, и еще долго. Всякія предположенныя новыя устройства дадутъ результатъ развѣ въ слѣдующемъ поколѣніи. Остается одно простое и даже единственное средство: пользоваться отпускными, — вливать ихъ въ извѣстной мѣрѣ въ наличныя части. Такой исходъ я считаю неизбѣжнымъ у насъ; пѣхота въ 100 тысячъ четвертью сильнѣе пѣхоты въ 75 тыс., какъ бы ни были распредѣлены люди. Да и кромѣ того, всякій человѣкъ, становящійся въ старую часть, вноситъ больше силы въ армію, чѣмъ два и три, формируемые въ новую. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ условный, на который я далъ отвѣтъ, по моему мнѣнію, наиболѣе сообразный съ дѣломъ, хотя далеко не единственный изъ разныхъ представляющихся въ этомъ случаѣ. Какъ тактическая единица пѣхоты есть батальіонъ и какъ гибкость войска также что нибудь значитъ—для чего нужно, чтобъ эта единица была приблизительно нормальной силы—то я полагалъ бы, усиливъ роты до 300 рядовыхъ, раздѣлить полкъ на 4 трехъ ротные батальона той же численности, какъ нынѣшніе. При настоящемъ положеніи вещей, я считаю такой способъ усиленія дѣйствующей арміи наиболѣе пригоднымъ, не только въ случаѣ внезапной войны (еслибъ были лишніе отпускные), но еще надолго, а потому высказалъ его какъ постоянный пріемъ, съ которымъ должна быть сообразована матеріальная часть *). Я сказалъ: «выдѣленіе обоза и нестроевыхъ для 4-го батальіона требуетъ

*) Нынѣ я полагаю, что прямое усиленіе батальіона запасными людьми до 1,200 рядовыхъ, какъ болѣе простое, оказалось бы удобнѣе.

Digitized by Google

измѣненія въ штатахъ, но какъ только это выдѣленіе станетъ общимъ правиломъ, затрудненія исчезнутъ». Такихъ оговорокъ не къ чему писать въ серьезномъ разсужденіи, но я написалъ, зная впередъ съ кѣмъ имѣю дѣло.

С. З. находитъ, что такой проектъ называется нелѣпостію, человѣкъ, его предлагающій — незнающимъ азбуки того дѣла, за которое берется, а осуществленіе такого проекта — верхомъ безразсудства.

Если ужъ тутъ есть нелѣпость, то посмотримъ, на чьей она сторонѣ. Обратимся къ доводамъ.

Ихъ два у г. С. З. 1) «Г. Фадѣевъ выступаетъ съ проектомъ новой ломки, на этотъ разъ крайне вредной, потому что въ основаніе ея кладетъ начала, совершенно противуположныя съ выработанными въ послѣднее время тактическими принципами, и 2) если вы увеличите число людей въ ротѣ, то этимъ нарушите весь хозяйственно-административный разсчетъ, что неизбѣжно повлечетъ за собою измѣненіе всего опредѣленнаго обоза, казеннаго и артельнаго».

Прежде о тактикѣ. Я не буду говорить объ отношеніи къ тактикѣ числа батальоновъ въ полку, такъ какъ это ужъ слишкомъ несообразно. Поговоримъ о ротахъ. Въ европейскихъ арміяхъ, даже въ одной и той же арміи, бываютъ батальоны въ 8, 7, 6, 5, 4 и 3 роты; въ одной французской были образцы первыхъ 5-ти составовъ; у пруссаковъ батальоны 4-хъ-ротные, у насъ есть 5-ти и 4-хъ-ротные, временно бывали 3-хъ-ротные. Который же изъ этихъ батальіоновъ именно совершенно противоположенъ съ выработанными въ послѣднее время тактическими принципами, и который съ ними сходится? Теперь строютъ ротныя колонны для избѣжанія потерь отъ артиллерійскаго огня,—это единственная ихъ цѣль. Но батальіонъ въ бою есть просто батальіонъ, и сколько въ немъ ротныхъ колоннъ,— это имѣетъ такое же отношеніе къ военнымъ принципамъ, какъ разсужденія г. С. З. къ военному искуству. Онъ видалъ въ Красномъ Селѣ батальонъ, выстроенный изъ линейныхъ ротъ въ 4 колонны и 2 линіи—и остался при убѣжденіи, что тутъ тактическій принципъ. Дѣйствительно, въ уменьшеніи батальона на одну роту есть небольшая ломка, но только не тактическая, а учебная; С. З. не умѣлъ ее назвать. Безъ нужды лучше не трогать привычнаго порядка. Но если выбирать между 4-хъ-ротнымъ батальіономъ въ 1,200 рядовыхъ и 3-хъ-ротнымъ

Digitized by Google

въ 900, то послѣдній, по моему сужденію, лучше. Сопоставленіе же выгоды: располагать 400-сотъ-тысячною арміей въ 3-хъ ротныхъ батальіонахъ или 300-сотъ-тысячною въ 4 хъ-ротныхъ— могло возникнуть только въ мысли моего почтеннаго опонента, одного въ цѣломъ свѣтѣ. Въ приготовленіи войскъ требуется не механическое, а осмысленное обученіе; построеніе батальіона въ 4 или 3 колонны не касается солдатъ; оно дѣло батальіоннаго и ротныхъ командировъ; такихъ же офицеровъ, которые не съумѣютъ выстроиться толково съ 3-мя ротами, когда 4-я случайно въ командировкѣ, не слѣдуетъ держать въ арміи. У насъ есть даже уставъ для 3-хъ-ротнаго батальіона; если такой порядокъ имѣется въ виду систематически, то войска пріучаются къ нему заблаговременно. Это очень просто. Еслибъ дѣло шло о раздробленіи полка, оно возбуждало бы вопросъ нравственный. Но выдѣленіе четвертаго батальіона, остающагося въ составѣ своего полка, изъ трехъ другихъ, не касается ни нравственной силы, ни тактики, если только слова эти берутся въ осмысленномъ видѣ. Оно есть не болѣе, какъ измѣненіе въ одномъ изъ учебныхъ правилъ, понятное каждому унтеръ-офицеру и предвидѣнное уставомъ.

Теперь объ обозѣ. Во первыхъ, нужно сказать, еслибъ порядокъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣлся въ виду, то обозъ былъ бы пригнанъ къ нему безъ всякой ломки. При батальонѣ въ 900 человѣкъ остался бы комплектный батальіонный обозъ, какъ теперь, при чемъ повозки четвертой выбывшей роты служили бы резервомъ; такъ было бы даже лучше, потому что случайныя нужды ротъ не равны. Для четвертаго батальіона былъ бы нуженъ добавочный обозъ. Ну, а для вновь формируемыхъ батальіоновъ, не выдѣляемыхъ изъ полковъ, развѣ обозъ не нуженъ? Или г. С. З. не хочетъ даже предвидѣть случаевъ, когда нужно будетъ добавлять и формировать вновь, и рѣшительно разсчитываетъ русскую силу въ первой войнѣ, по числу готовыхъ крашенныхъ повозокъ? А если какой-нибудь сарай съ этими повозками сгоритъ, то причитающееся на нихъ число батальіоновъ онъ оставитъ дома? Дѣло идетъ объ усиленіи на четверть боевой пѣхоты, единственнымъ возможнымъ теперь средствомъ, т. е. о побѣдѣ или пораженіи, а г. С. З. считаетъ это нелѣпостію, потому что 4-му батальіону пришлось бы выступить съ некрашенными повозками.

Давно извѣстно, что грубость словъ всегда сопутствуетъ ре-

Digitized by Google

бяческому сужденію; понимающіе люди разсуждаютъ между собою спокойно. Намъ все равно, каково обращеніе г. С. З.: но если такія военныя понятія проводились нѣсколько лѣтъ офиціальною военною газетой, то шутка, изъ ничтожной, становится уже плохою. Изъ недоразумѣній г. С. З. (на этотъ разъ, кажется, искреннихъ) читатель видитъ, въ какой мѣрѣ справедливы сказанныя выше слова — что между военною службою и ношеніемъ военнаго мундира, внѣ ея, нѣтъ ничего общаго.

VII.

Еще объ одномъ предметѣ, на этотъ разъ послѣднемъ.

Кто сказалъ правду о сравнительной, численной силѣ, нынѣшней и прежней военной организаціи: я — или эти господа?

Они выдаютъ мои приблизительныя цифры за подложныя, свои за офиціальныя. Между тѣмъ, по первой же справкѣ, оказывается вотъ что:

Г. Быковъ показываетъ число отпускныхъ къ 1 января 1871 года 680,000; за выдѣленіемъ 428 т., нужныхъ на укомплектованіе арміи (дѣйствительно 463,420) остается въ запасѣ 252,000. Съ такимъ остаткомъ можно устроить много хорошаго, напр., усиленіе дѣйствующихъ батальіоновъ, считаемое г. С. З. нелѣпостію. Прочитавъ эту цифру, я былъ очень радъ своей ошибкѣ: только недоумѣвалъ, откуда взялось внезапно такое число? Но во всеподданнѣйшемъ отчетѣ военнаго министерства съ 1 января 1671 года показано «на пополненіе недостающихъ нижнихъ чиновъ состоитъ въ отпускахъ 508 т., т.-е на 45 т. болѣе, чѣмъ требуется».

45 т. вмѣсто 252-хъ! Послѣ того вѣра моя въ кредитныя суммы почтенныхъ оппонентовъ совсѣмъ поколебалась, и въ предлежащемъ разсужденіи я буду считать только на звонкую монету, числомъ батальіоновъ.

Г. С. З. знаетъ, что въ настоящее время походныхъ войскъ въ Европейской Россіи 516 батальіоновъ; что въ началѣ восточной войны было, какъ онъ говоритъ, 368 (я считалъ съ учебною карабинерною дивизіею); что кромѣ того приказано было сформировать изъ резервовъ къ армейскимъ полкамъ по 4 баталіона, къ гвардейскимъ и гренадерскимъ, не помню

Digitized by Google

именно сколько, но кажется также второй комплектъ. Вводить въ счетъ мѣстныя войска нельзя, какъ я не вводилъ корпусъ внутренней стражи. Во всякомъ случаѣ выходило тогда слишкомъ 700 батальіоновъ, на 200 больше, чѣмъ предполагается выставить системою 1872 года. Но таже почти пропорція силъ оказывается между военными штатами, нынѣшнимъ и 1860 г., какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Теперь.		1860 г.
Батальіоновъ	850	—	962
Эскадроновъ	280	—	422
Батарей	186	—	211
Полевыхъ орудій . . .	1,400	—	1,555

Мой противникъ утверждаетъ, что въ такомъ случаѣ можно было сформировать изъ сыраго матеріала и 10-е и 12-е батальіоны, и такъ далѣе, и что такихъ импровизованныхъ силъ нельзя вводить въ счетъ. Вотъ въ томъ то и дѣло. Кто же видалъ резервы, устроенные для того, чтобъ выходить на войну въ своемъ мирномъ составѣ? Они для того и существуютъ, чтобъ образовать кадры новыхъ войскъ. Развѣ вы будете считать 120 предположенныхъ мѣстныхъ батальіоновъ въ военное время (если опубликованный проектъ нынѣшняго переустройства состоится) во 120, а не 360 и даже болѣе? Теперь для укоплектованія войскъ больше отпускныхъ, чѣмъ было тогда — но въ этомъ нѣтъ ни вины, ни заслуги двухъ системъ. До 19 февраля 1861 года кадры пополнялись въ большинствѣ рекрутами; при крѣпостномъ правѣ не могло быть иначе. Прежнее военное устройство билось противъ неодолимыхъ трудностей; но въ немъ была заложена правильная военная идея, потому оно создало кадры для резерва, какой былъ тогда возможенъ и, съ началомъ войны, хотя съ трудомъ, осуществило его. Резервные и запасные батальіоны удвоивались, а не утроивались, потому что, при массѣ сырыхъ рекрутъ, кадры были недостаточны для утроиванія — опять доказательство вѣрнаго взгляда на войну. Съ нынѣшнею народною свободою, и, стало быть, съ растяжимостію мѣропріятій, у прежней системы были бы теперь и армія, и резервъ, соразмѣрныя съ дѣйствительностію нашихъ военныхъ задачъ. Она безъ средствъ сдѣлала больше, чѣмъ система 1862 года, имѣвшая средства. Объ этомъ я и говорилъ. Читавшіе «Вооружен-

Digitized by Google

ныя силы», знаютъ, что я не скупился на указаніе слабыхъ мѣстъ прежней военной организаціи, происходившихъ главнѣйше отъ общественнаго состоянія Россіи — но она положительно понимала военное дѣло. При испытанныхъ главнокомандующихъ, имѣвшихъ самостоятельный голосъ у правительства, это и не могло быть иначе.

Одного моего оппонента подкрѣпляетъ другой, увѣряя, что наши нынѣшнія боевыя силы не меньше германскихъ. Но съ г. Быковымъ мы расходимся, кажется, въ самыхъ основаніяхъ разсчета. Я считаю только тѣхъ людей, въ рядахъ которыхъ намъ придется биться, г. же Быковъ сосчитываетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ему придется продовольствовать. Противъ такого счета я никогда не спорилъ; я увѣренъ, напротивъ, что число продовольствуемыхъ будетъ огромное, даже боюсь, чтобъ оно не было слишкомъ велико. Но обращаясь опять къ нашему счету дѣйствующихъ войскъ — звонкой монетою, по батальіонно, сравненіе силъ выходитъ слѣдующее:

Возьмемъ силы—не Германіи, а только Сѣверо-германскаго союза. Полевыхъ батальіоновъ 358, ландверныхъ со стрѣлковыми полу-батальіонами 224. Г. Быковъ напрасно пропускаетъ ландверныя войска; они принимаютъ участіе во всѣхъ полевыхъ дѣйствіяхъ и были вводимы во Францію массою; на внутреннюю службу въ военное время въ Пруссіи достаточно полковыхъ депо. Сѣверо-германскій союзъ имѣлъ, стало быть, для дѣйствія (конечно, въ случаѣ крайности) 582 готовыхъ бабальіона, съ артиллеріею, кромѣ резервныхъ войскъ.

Принимаемъ разсчетъ г. Быкова нашимъ войскамъ, назначеннымъ для обороны окраинъ — кромѣ окраины балтійской, поглощавшей въ прошлую войну слишкомъ 200 т. войска. Всякій знаетъ, что противъ насъ могъ бы состояться союзъ англо австро турецкій, но что просто австро-турецкій мало вѣроятенъ; а въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы ограждать Балтійское море такъ же сильно, какъ и въ 1855 году, особенно, если бы англійскій флотъ явился съ дессантомъ. Не говорю уже о войнѣ съ Пруссіею. Для балтійской окраины, при морской войнѣ, нельзя полагать меньше 80—100 батальіоновъ, что будетъ все-таки половиною меньше, чѣмъ въ 1855 г. Затѣмъ, г. Быковъ отдѣляетъ еще 40 батальіоновъ на черноморское прибрежье и 100 на внутреннее занятіе Западнаго края. Это вѣрно. Слагая 40, 100 и 80, получимъ 220, которые

Digitized by Google

надо вычесть изъ 516 ти, составляющихъ всю наличную силу въ Европейской Россіи. Остается 296 походныхъ батальіоновъ съ артиллеріею на обѣ арміи, западную и южную, вмѣсто 582-хъ сѣверо-германскихъ — ровно половина. Численность же нѣмецкаго батальіона почти одинакова съ нашимъ.

Вотъ на что сводятся счеты моихъ почтенныхъ противниковъ, переведенные на ясныя выраженія.

Возражать спискомъ мѣстныхъ войскъ и мѣстныхъ командъ, какъ сдѣлалъ г. Фроловъ, значитъ тратить напрасно листъ чистой бумаги. Наши мѣстныя войска предназначены исключительно къ мѣстной службѣ; для нихъ нѣтъ ни артиллеріи, ни обоза и, главное, нѣтъ въ виду, кѣмъ бы можно было ихъ замѣстить. Военное министерство никогда не включало ихъ въ разсчетъ боевыхъ силъ и оговорило ихъ исключительно мѣстное значеніе въ самомъ положеніи (13 августа 1864 г.). Я не сомнѣваюсь, что при первой войнѣ эти войска все-таки будутъ обращены въ дѣйствующія — по необходимости; но для этого нужно очень много времени, невознаградимаго на войнѣ. Самое же обращеніе къ этому способу станетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніемъ, что нынѣшняя военная организація оказалась несостоятельною на опытѣ, и вмѣсто ея начинается новая, совсѣмъ на другихъ началахъ.

Въ заключеніе, я долженъ сказать моимъ противникамъ, что упреки, которые они мнѣ дѣлаютъ за гласное обсужденіе военныхъ вопросовъ, и ихъ сомнѣнія, проговоренныя полушопотомъ, въ моихъ побужденіяхъ и искренности русскихъ чувствъ—средства никуда негодныя, бывшія когда-то въ ходу, но брошенныя давно самыми грязными уличными листками... Забота о личной пользѣ никакъ не могла внушить мнѣ того, что я писалъ до сихъ поръ. Желалъ бы отъ всей души, чтобы тоже самое можно было сказать объ нихъ.

Затѣмъ, утѣшаюсь надеждою, какъ говорилось въ старинныхъ послѣсловіяхъ, что это долгое преніе съ моими учеными противниками принесетъ пользу хотя нѣкоторымъ читателямъ.

Digitized by Google

Разборъ проектовъ Главнаго Штаба.

1872 г.

I.

Великое дѣло близится къ рѣшенію.

Каждый русскій сознаетъ, что предстоящее военное преобразованіе—дѣло дѣйствительно великое, съ которымъ можно сравнить по важности только освобожденіе народа 1861 года. На него можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: съ личной и съ общественной — со стороны новыхъ отношеній, въ которыя оно ставитъ къ государству каждаго русскаго человѣка, и со стороны цѣли, которой оно должно достигнуть. Въ первомъ отношеніи о грядущемъ военномъ преобразованіи говорилось уже довольно много въ печати и въ обществѣ, особенно на первыхъ порахъ; вѣроятно, будетъ также много говориться, когда предположенія комисій о личной военной повинности станутъ общеизвѣстными и подвергнутся обсужденію законодательнымъ порядкомъ. Мы и займемся теперь другой стороной дѣла, возбуждавшей менѣе толковъ, но еще болѣе важной, такъ какъ въ ней заключается самая цѣль, обусловливающая новую повинность—проектами объ устройствѣ русскихъ силъ на основаніи обще-обязательной службы.

Этотъ послѣдній вопросъ не возбуждалъ до сихъ поръ въ обществѣ вниманія, подобающаго его важности. Общественное мнѣніе полагалось на спеціалистовъ и въ то же время успокоивалось сознаніемъ могущества и неприкосновенности нашего великаго отечества, сильнаго даже помимо достоинствъ того или другого военнаго устройства. Это сознаніе своей силы,

Digitized by Google

воспитанное вѣками побѣдъ и очевидною мощію русскаго народа, весьма естественно; но оно основательно только условно. Конечно, коренная Россія, отъ Днѣпра до Тихаго океана, Россія царей и Екатерины II, теперь уже неприкосновенна для внѣшняго врага, и въ этомъ заключается наше великое преимущество, потому что ни одно европейское государство не содержитъ въ себѣ, подобно намъ, недоступныхъ для врага центровъ. Но Россія настоящаго и будущаго, одолѣвшая Польшу и возсоединенная, единственная нынѣ представительница, въ глазахъ свѣта, славянскаго племени, стоитъ уже не въ тѣхъ условіяхъ. Заднѣпровскій край далеко не пользуется неприкосновенностію отъ вторженія, а наша западная граница, также какъ нынѣшняя восточная граница Германіи, не обладаетъ никакими свойствами прочнаго государственнаго рубежа, ни географически, ни этнографически, ни исторически. Она проведена недавними политическими договорами, выразившими въ свое время довольно вѣрно отношеніе международныхъ силъ, а стало быть и требованій; съ тѣхъ поръ отношеніе силъ рѣзко измѣнилось, что не можетъ способствовать прочности минувшихъ договоровъ. Въ настоящее время вся западная русская граница, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, очевидно не иное что, какъ произвольная черта, которая можетъ также легко отодвинуться далеко назадъ, какъ и выступить впередъ, смотря по обстоятельствамъ и умѣнію пользоваться своими средствами.

Съ другой стороны, какъ всѣмъ извѣстно, современная война приняла гораздо болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ было прежде. Вмѣсто части силъ, постоянно подновляемой, воюющіе народы выставляютъ теперь разомъ всѣ свои силы до дна, вслѣдствіе чего первые удары рѣшаютъ участь столкновенія и подломленному народу становится почти невозможнымъ поправиться въ теченіе войны. На глазахъ свѣта стоитъ примѣръ отчаянныхъ и, можно сказать, исполинскихъ усилій Франціи вырвать у врага разъ одержанную имъ побѣду. Теперь вопросъ, по крайней мѣрѣ главный вопросъ, уже не въ настойчивости народа во время войны, а въ разумномъ устройствѣ силъ, вѣрно соображенномъ со всѣми источниками народнаго могущества, до войны. Хотя наше положеніе, даже въ этомъ отношеніи, исключительное, такъ какъ коренная русская земля ограждена отъ враговъ природою и разстояніемъ; но кто же не сознаетъ, что въ настоящее время обѣ половины Россіи

Digitized by Google

восточная и западная, срослись уже органически и что ударъ въ Минскѣ и Кіевѣ былъ бы намъ также чувствителенъ, какъ и въ Москвѣ. Участь же западной границы, а стало быть и всей западной Россіи, зависитъ прямо отъ совершенства нашего военнаго устройства.

Россія откликнулась какъ одинъ человѣкъ на державный призывъ къ обще-обязательной службѣ. Принимая на себя съ сердечною охотою всѣ сопряженныя съ нею тягости, русскій человѣкъ не можетъ не озабочиваться мыслію, насколько его готовность жертвовать собою принесетъ дѣйствительной пользы отечеству.

Мы приступимъ къ обсужденію проектовъ съ возможнымъ безпристрастіемъ, отрѣшаясь отъ собственныхъ взглядовъ и влеченій, насколько человѣкъ къ тому способенъ, принимая въ соображеніе множество весьма сложныхъ условій и вліяній, при которыхъ комиссіямъ пришлось остановиться на томъ, а не на другомъ рѣшеніи, независимо отъ ихъ теоретическаго достоинства.

Первоначальный проектъ военнаго устройства на основаніи обще-обязательной службы былъ выработанъ почти немедленно вслѣдъ за Высочайшимъ повелѣніемъ объ установленіи этой службы. Проектъ означенъ 7 числомъ ноября 1870 г. Предположенное имъ новое устройство русскихъ силъ, предназначаемыхъ для европейской войны (т. е. за исключеніемъ войскъ восточной окраины), было слѣдующее:

Дѣйствующая армія (всѣ полевыя войска) оставляется въ ея нынѣшней силѣ.

На мѣсто резервныхъ и губернскихъ батальіоновъ учреждаются 120 мѣстныхъ батальіоновъ 5-ротнаго состава, по 500 чел. въ каждомъ. Въ военное время, 3 роты каждаго батальіона дополняемые отпускными, образуютъ пѣхотный резервный полкъ въ 3 батальіона, всего 360 батальіоновъ, 30 дивизій полевыхъ. Изъ нихъ 24 дивизіи получали соотвѣтственное число батарей (для чего предполагались особыя резервныя батареи) и усиливали, когда нужно, дѣйствующую армію, или занимали окраины, на которыхъ можно ждать прямаго столкновенія съ непріятелемъ; остальныя 6 дивизій безъ артиллеріи, также подвижныя, назначались подспорьемъ гарнизоннымъ войскамъ. По мѣрѣ сокращенія мѣстныхъ батальіоновъ отдѣленіемъ ротъ, составъ ихъ долженъ былъ пополняться, оставаясь постоянно въ

Digitized by Google

числѣ 500 чел. На эти же батальіоны возлагалось формированіе маршевыхъ командъ изъ отпускныхъ и рекрутъ, для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ. Въ то же время предполагалось увеличить число крѣпостныхъ батальіоновъ до 29 и съ началомъ войны учетверять ихъ, обращая роту въ батальіонъ. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, сзывалось государственное ополченіе (безъ артилеріи) въ числѣ 240 дружинъ; кадрами ему служили четвертыя роты мѣстныхъ батальіоновъ.

Въ комисіяхъ, работавшихъ, какъ извѣстно, два года надъ установкою основаній новаго военнаго устройства, главное изъ этихъ основаній по проекту 7 ноября 1870 года — оставленіе полевой арміи въ нынѣшней ея численности — подверглось коренному измѣненію. Это очевидно изъ послѣдней «Записки о предположеніяхъ по устройству войскъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ» 1872 года.

Въ «Запискѣ» сказано (стр. 16 и 17):

«Ближайшее разсмотрѣніе подробностей въ этихъ предположеніяхъ... вызываетъ необходимость многое измѣнить и дополнить».

«Развитіе численности арміи, основанное на учрежденіи многочисленнаго резерва.., едва ли удовлетворительно разрѣшитъ этотъ важнѣйшій вопросъ. Хотя въ запискѣ о развитіи нашихъ вооруженныхъ силъ (7 ноября 1870 г.) прямо выражена мысль, что резервы создаются для того, чтобы всѣ полевыя войска сдѣлались свободными для употребленія на рѣшительномъ театрѣ дѣйствій... тѣмъ не менѣе... случаи употребленія нашихъ резервовъ, для выполненія главныхъ военныхъ дѣйствій, неизбѣжно имѣли бы весьма частое примѣненіе на дѣлѣ, а не были бы исключительными. Одно это обстоятельство показываетъ, что предполагавшійся къ учрежденію подвижной резервъ, по своему устройству и боевымъ качествамъ, долженъ былъ отвѣчать почти такимъ же требованіямъ, какъ и дѣйствующія войска; но этого невозможно было достигнуть тѣми средствами, на какія при этомъ было разсчитано».

Поэтому послѣдній проектъ комисіи полагаетъ: «Съ увеличеніемъ дѣйствующихъ войскъ на такую цифру, какая окажется возможною, составъ и силу тыловыхъ войскъ опредѣлить только въ томъ размѣрѣ, какой необходимъ будетъ для возложенія нъ нихъ тыловой службы и вообще второстепенныхъ дѣйствій»,—и проч.

Digitized by Google

Очевидно, этимъ опредѣленіемъ рѣшительно ниспровергается сущность первоначальнаго проекта 7 ноября 1870 г.

Сила государства во внѣшнемъ столкновеніи выражается не преимущественно, а исключительно числомъ и качествомъ дѣйствующихъ войскъ. Всѣ остальныя вооруженныя массы, внѣ полевой арміи, составляютъ не силу, а обременительный, хотя въ извѣстной степени необходимый расходъ людьми и деньгами, для того, чтобы дать возможность сосредоточивать полевые полки для открытаго боя, не отвлекая ихъ занятіемъ укрѣпленныхъ мѣстъ, открытыхъ береговъ, гарнизонной службой и пр., для чего годятся всякія временныя войска. Если сравнить государство съ паровой машиной, то въ дѣйствующихъ войскахъ выражается живая сила, идущая въ дѣло, а во всякихъ другихъ—часть силы, уходящей на треніе. Задача хорошаго механика въ томъ и состоитъ, чтобы въ дѣйствіи машины терялось какъ можно меньше силы. Въ нынѣшнихъ европейскихъ арміяхъ, какъ увидимъ ниже, сократили уже до послѣдней степени безплодный расходъ на тыловыя войска въ мирное время, такъ что численность боевыхъ силъ тамъ дѣйствительно увеличена на такую цифру, какая только оказывается возможною. Съ другой стороны, боевое качество строевой части—полка и проч.—состоитъ далеко не въ одиночномъ обученіи людей. Чтобы строевая часть была надежна въ бою, надобно, чтобы люди не только хорошо знали другъ друга и начальниковъ, но чтобы въ нихъ возникли общественный духъ и товарищество, покоряющіе себѣ всякую вновь поступающую личность, выдѣлывающіе ее въ духѣ полка. Такое нравственное единеніе есть не только идеалъ, а непремѣнный залогъ годности боевой части; войско, въ которомъ оно не развито, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, не годится для полевой войны. Очевидно, что это срощеніе возникаетъ только при томъ условіи, чтобы строевая часть существовала постоянно,—иначе откуда оно возьмется? Потому существенное различіе между боевыми войсками и резервными всякаго наименованія состоитъ не столько въ степени обученія людей, какъ въ томъ именно, что первыя войска—постоянныя, сросшіяся какъ камень, вторыя же, временно сборныя, стройны только по виду, а нравственно онѣ—горсть песку. Случалось тысячи разъ, что надежный полкъ, потерявшій въ бою три четверти людей и сразу пополненный рекрутами, оказывался все-таки отличнымъ

Digitized by Google

полкомъ,—такъ дѣйствительна старая закваска (въ такомъ состояніи находились всѣ русскіе полки, вступившіе въ Германію послѣ отечественной войны); но никогда не случалось, чтобъ вновь собранная часть, безъ твердыхъ кадровъ; оказалась боевымъ войскомъ. Недавній примѣръ Франціи показалъ это наглядно, даже для самыхъ чуждыхъ военному дѣлу людей. Всякій резервъ, собираемый только для войны, хотя бы изъ старыхъ солдатъ, какъ его ни называй, есть не болѣе, какъ ополченіе. Полевая война возможна только съ постоянными войсками, а резервы и ополченія годятся лишь для второстепенныхъ дѣйствій, хотя бы на театрѣ войны, но въ тылу боевой арміи. Сколько у государства постоянныхъ войскъ (нынѣ—постоянныхъ кадровъ), столько у него и силы для войны. Но теперь выводятъ въ поле такія громадныя арміи, что держать ихъ всегда на лицо нѣтъ никакой возможности; поэтому въ мирное время содержатъ въ Европѣ только треть или двѣ пятыхъ людей, потребныхъ для войны. Ясно, что этими солдатами мирнаго времени нельзя распоряжаться произвольно, отрывать ихъ отъ кадровъ боевой арміи для какихъ-либо другихъ назначеній, не совершенно необходимыхъ. Въ Германіи, напримѣръ, на 259,216 пѣхотныхъ солдатъ, по мирному положенію, съ лазаретными служителями и военно-мастеровыми, считается 245,372 строевыхъ солдатъ дѣйствующей пѣхоты, на всѣ остальныя потребности остается 13,844 чел. Можно сдѣлать сравненіе буквально вѣрное. Солдаты мирнаго времени относятся къ солдатамъ военнаго, какъ посѣвъ къ жатвѣ. Они—зерна, приготовленныя на посѣвъ. Но кто же тратитъ свой посѣвъ на житейскія нужды, кромѣ случая опасности голодной смерти? Солдатъ, отнимаемый отъ кадровъ боевой арміи въ мирное время, уменьшаетъ ея силу на войнѣ не однимъ, а тремя солдатами. Вся сложная наука устройства современныхъ армій основана на двухъ аксіомахъ: первая — для полевой войны годятся только постоянныя войска; вторая — за исключеніемъ немногихъ процентовъ (въ Пруссіи 5%), всѣ постоянные кадры мирнаго времени должны входить въ составъ боевой арміи, иначе ея нельзя довести до потребной силы.

Въ этихъ немногихъ строкахъ изложенъ весь современный кодексъ организаціи побѣды (разумѣется, только въ смыслѣ численнаго устройства армій, не говоря о духѣ, въ которомъ

Digitized by Google

онѣ должны быть воспитаны). Надѣемся, что онъ понятенъ всѣмъ гражданскимъ читателямъ.

Не нужно объяснять, что устройство армій не можетъ быть вездѣ одинаковое. Народный складъ, всегда вѣрно отражаемый арміей, и географическія особенности страны не одинаковы; особенно рѣзко отличается отъ Европы Россія, составляющая свой особенный міръ. Очевидно, напримѣръ, что конница не должна быть устраиваема въ Россіи, обладающей прирожденными конными населеніями, по европейскому образцу. Тѣмъ не менѣе, уклоненія отъ общаго, оправданнаго опытомъ, правила должны быть основаны на ясныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, исключительныхъ мѣстныхъ условіяхъ; иначе онѣ будутъ ничѣмъ инымъ, какъ фантазіями или доказательствомъ неспособности учредителей.

Встрѣтивъ въ первоначальномъ проектѣ такой основной промахъ, какъ составъ боевой арміи изъ двухъ разнородныхъ половинъ — постоянныхъ войскъ и временно-собираемаго резерва, военная комисія не могла не признать проектъ несостоятельнымъ, хотя и выразилась объ этомъ предметѣ вскользь.

Въ глазахъ у нея стоялъ примѣръ Пруссіи. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, Пруссія приняла, изъ экономическихъ разсчетовъ, именно такое смѣшанное устройство; дѣйствующая армія ея составлялась на половину изъ постоянныхъ войскъ, а на половину изъ резервныхъ. Къ ея счастію, прежде чѣмъ дошло до серьезной войны, у нея были мелкія стычки въ Шлезвигѣ и Баденѣ въ 1848 и 49 годахъ, доказавшія, не смотря на ничтожность столкновенія, несостоятельность такого устройства; резервъ оказался неспособнымъ нести службу настоящаго полеваго войска. Вслѣдствіе того, въ 1860 году резервъ перваго призыва влитъ въ армію и для того почти удвоено число прусскихъ полковъ, т.-е. постоянныхъ кадровъ. Изъ этого преобразованія произошла памятная читателямъ парламентская борьба, доходившая до послѣдней степени ожесточенія. Прусское правительство сознавало, что дѣло идетъ о жизни государства, и не келебалось. Въ 1866 году парламентъ явился благодарить его за настойчивость, выказанную противъ него же самого. Нашъ проектъ 7 нояяря 1870 года не послѣдовалъ примѣру прусскаго парламента, не покорился передъ очевидностію и предложилъ ввести въ Россіи подобіе забракованныхъ прусскихъ учрежденій, существовавшихъ до

Digitized by Google

1860 года. Очевидно, комисія не могла видѣть въ немъ серьезнаго труда и должна была добавить его вставкою: «съ увеличеніемъ дѣйствующихъ войскъ на такую цифру, какая окажется возможною» и проч. Кому ни принадлежитъ эта вставка: комисіи, или самой правительственной власти, какъ утверждаютъ нѣкоторые, она исправляетъ дѣло. Съ такою поправкою будущность русской силы обезпечена на столько, насколько поправка дѣйствительно осуществлена на дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія, какъ съ установленнаго и несомнѣннаго основанія, мы можемъ вѣрно судить о достоинствѣ окончательныхъ проектовъ.

II.

Сущность послѣднихъ военныхъ проектовъ слѣдующая:

Численность арміи въ мирное время остается безъ измѣненія, около 750 т., что совершенно правильно:

Полевыя войска усиливаютъ 10-ю новыми пѣхотными дивизіями. Кадрами для нихъ служатъ 51 батальіонъ, изъ упраздняемыхъ линейныхъ, четвертыхъ полевыхъ кавказскихъ и стрѣлковыхъ.

Артиллерійскія пѣшія бригады, какъ существующія, такъ и вновь формируемыя, будутъ состоять изъ 5 батарей, кромѣ картечной.

Резервные и губернскіе батальіоны упраздняются. Рекруты станутъ поступать прямо въ полки изъ рекрутскихъ участковъ, въ пропорціи $^4/_5$ русскихъ и $^1/_5$ инородцевъ; гвардія, гренадеры (къ чему гренадеры?) и инженерныя войска пополняются отборными людьми всѣхъ участковъ. Для этой цѣли Европейская Россія подѣлится на 250 участковъ—200 русскихъ, внутреннихъ, и 50 инородческихъ, по окраинамъ. Въ военное время русскіе участки будутъ выставлять особый подвижной резервъ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что все это и еще многое другое давно уже обсуждалось въ печати, но рѣзко отвергалось въ военныхъ и другихъ изданіяхъ поборниками системы 1862 года, утверждавшими, что никакой резервъ и вообще никакія измѣненія въ существовавшемъ устройствѣ не нужны. Читатели помнятъ этотъ споръ. Теперь же многія изъ отвергаемыхъ предложеній

Digitized by Google

приняты по необходимости, а между тѣмъ не мало лѣтъ пропало даромъ).

Подвижнаго резерва изъ отпускныхъ выставляется въ военное время 200 батальіоновъ съ артиллеріей. Въ мирное время кадровъ для этихъ батальіоновъ не полагается, кромѣ 5 офицеровъ и 10 унтеръ-офицеровъ на батальіонъ, включаемыхъ сверхъ штата въ дѣйствующія войска. Резервъ назначается исключительно для тыловыхъ дѣйствій (въ началѣ войны—занятіе окраинъ).

Кромѣ того, во всѣхъ 250 участкахъ, русскихъ и инородческихъ, формируются запасные батальіоны, по одному на участокъ, въ составѣ 265 нижнихъ чиновъ, безъ нестроевыхъ, для обученія и формированія запасныхъ людей, а въ военное время и рекрутъ; тогда же прикомандировываются къ каждому запасному батальіону еще 125 солдатъ-учителей изъ младшихъ разрядовъ. Запасной батальіонъ формируетъ въ началѣ дѣйствій, для пополненія убыли на войнѣ, маршевой батальіонъ изъ отпускныхъ людей въ 1,100 человѣкъ, потомъ еще батальіонъ изъ остатка отпускныхъ, а затѣмъ маршевыя команды изъ рекрутъ.

Полагаются также слабые кадры резервныхъ и запасныхъ батарей, включаемые въ мирное время въ составъ ближайшихъ полевыхъ бригадъ.

Кавалерія въ военное время состоитъ изъ 18 дивизій (приблизительно по числу корпусовъ), по 3 полка регулярныхъ и по одному казачьему въ каждой; прочіе казачьи полки присоединятся къ пѣхотнымъ дивизіямъ или несутъ другую службу. Крѣпостные батальіоны оставлены комиссіей въ томъ же видѣ, какъ они предположены проектомъ 7 ноября 1870 г. Гвардейскіе и гренадерскіе запасные батальіоны формируются особо.

Въ ожиданіи отдаленнаго срока, къ которому разовьется предполагаемая система, имѣется въ виду создать, на случай внезапныхъ событій, особый рекрутскій запасъ изъ людей, ежегодно подлежащихъ призыву, но не подпавшихъ жребію. По окончаніи годоваго набора, 120 т. такихъ людей будутъ оставляться на 3 недѣли при запасныхъ батальіонахъ для первоначальнаго подготовленія, а затѣмъ призываются только въ военное время. Съ полнымъ развитіемъ системы, рекрутскій запасъ долженъ возрости до 900 т. Изъ проекта видно, хотя и не совсѣмъ ясно, что это временное учрежденіе полагается

Digitized by Google

обратить въ постоянное. Комиссія назвала рекрутскимъ запасомъ тотъ именно разрядъ людей, изъ котораго давно уже предлагали создать государственное ополченіе, но не дала ему никакого самостоятельнаго устройства.

Наконецъ въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть созвано особое государственное ополченіе изъ людей, не входящихъ въ рекрутскій запасъ, стало быть изъ 37-лѣтнихъ и старше, т. е. изъ отставныхъ солдатъ и обывателей, исключенныхъ уже изъ рекрутскихъ списковъ. Для этой силы не имѣется въ виду никакой предварительной организаціи, кромѣ того, что она будетъ созываться по образцу 1854 года, причемъ всѣ губерніи должны выставлять пѣшія дружины и конныя сотни.

Съ призывомъ военнаго времени станетъ подъ ружье въ Европейской Россіи и на Кавказѣ 2.084,600 чел , кромѣ ополченія. Дѣло идетъ объ образованіи армій для большой европейской войны массами, почему сюда включена и кавказская армія. Такъ какъ дальнія азіатскія окраины, Туркестанъ и Сибирь, исключены изъ этого разсчета, то нельзя ссылаться на исключительныя географическія условія, парализующія часть нашихъ силъ. Условія устройства арміи собственно Европейской Россіи подходятъ, хотя не совсѣмъ, но довольно близко, къ условіямъ всякаго европейскаго государства.

Новая система будетъ развита и закончена только въ 1889 году.

Такова сущность послѣдняго проекта военныхъ комиссій, представляемаго на обсужденіе высшихъ чиновъ арміи. На сколько основанія проекта принадлежатъ комисіи и на сколько министерству, въ какой мѣрѣ комиссіи дано было простору въ заключеніяхъ—это намъ не извѣстно.

Громадная цифра 2.084,600 человѣкъ подъ ружьемъ сама по себѣ еще ничего не выражаетъ. Въ началѣ 1856 года у насъ было подъ ружьемъ (т. е. на казенномъ пайкѣ) 2.560,000 человѣкъ, а между тѣмъ не ставало силъ, чтобы выбить изъ Крыма полтораста тысячъ союзниковъ. Дѣло не въ одномъ счетѣ людей, а въ правильномъ ихъ распредѣленіи. Всякія тыловыя войска, резервныя, запасныя и проч., нужны лишь въ такомъ числѣ, въ какомъ они дѣйствительно нужны, что всегда можетъ быть разсчитано впередъ съ нѣкоторою приблизительностію; всѣ они вѣсятъ очень немного на вѣсахъ войны, какъ не давно еще видѣли на примѣрѣ Франціи. Однихъ

Digitized by Google

только боевыхъ войскъ нужно столько, сколько возможно по средствамъ государства. Когда пруссаки въ 1860 году преобразовали свою военную систему, они удвоили кадры постоянной арміи: вмѣсто 9 пѣхотныхъ дивизій сформировали 18.

Изъ массы нашихъ тыловыхъ войскъ будутъ выдѣляться только 200 подвижныхъ резервныхъ батальіоновъ. По всей вѣроятности, всякая наша сухопутная война усложнится войной морской. Если чисто-сухопутная война не совсѣмъ невозможна, то во всякомъ случаѣ нельзя основывать разсчета на такомъ исключительномъ условіи; а при морской войнѣ 200 резервныхъ батальіоновъ не только разойдутся до одного на защиту прибрежій и замѣну кавказскихъ дѣйствующихъ войскъ, выдвигаемыхъ въ Азію, но ихъ не станетъ для всѣхъ этихъ назначеній. Въ 1854—55 годахъ огражденіе одного только балтійскаго прибрежья потребовало свыше 200 т. войска. Слѣдовательно, разсчитывая наши силы на театрѣ войны, надо позабыть о существованіи резервныхъ батальіонахъ, особенно на первыхъ порахъ. Они принесутъ лишь ту пользу, что избавятъ боевыя войска отъ развлеченія въ тылу, по крайней мѣрѣ отчасти.

Надобно замѣтить тутъ же и впослѣдствіи не упускать изъ виду, что такое невыгодное условіе—вынужденное бездѣйствіе многочисленныхъ резервныхъ войскъ по окраинамъ, слѣдствіе исключительныхъ условій, лежитъ всею тяжестію только на насъ, а не на непріятелѣ. У Германіи или у Австріи съ Турціею подвижные резервы не были бы бездѣйственны при войнѣ съ нами и примкнули бы всею массою къ полевой арміи. Разница въ томъ, что на Балтійскомъ морѣ у нѣмцевъ нѣтъ шаткихъ политически прибрежій, десантъ въ которыя представлялъ бы какой нибудь смыслъ, между тѣмъ какъ у насъ такія прибрежія есть и чрезвычайно опасныя, отрѣзывающія Петербургъ отъ западной границы, т. е. отъ дѣйствующей арміи; на Черномъ же морѣ мы до сихъ поръ хозяева только на бумагѣ, а сосѣди наши—на дѣлѣ. Потому оборонительныя войска за тыломъ арміи почти не нужны нашимъ сосѣдямъ, развѣ въ незначительномъ числѣ, какъ противъ французскаго флота въ 1871 году; они двинутъ впередъ весь свой ландверъ также, какъ двинули его во Франціи. Это исключительное условіе въ пользу возможныхъ соперниковъ Россіи—не натяжка, а печальная дѣйствительность, которую

Digitized by Google

нельзя не принимать въ соображеніе: иначе всякій расчетъ разлетится прахомъ. Нашей дѣйствующей арміи придется биться противъ итога подвижныхъ силъ непріятеля, дѣйствующихъ и резервныхъ; мы же будемъ въ состояніи притянуть часть резервовъ на театръ дѣйствій только въ случаѣ побѣдоноснаго начала войны, не иначе.

Объяснившись насчетъ этихъ трехъ пунктовъ, мы можемъ приступить къ изслѣдованію, насколько громадная жертва, потребованная отъ русскаго народа и столь охотно принятая имъ на себя, возвыситъ силы Россіи на основаніи послѣднихъ проектовъ. Чтобы не давать мѣста произвольнымъ сужденіямъ, мы будемъ постоянно сопоставлять предполагаемыя нами учрежденія съ учрежденіями, осуществленными у нашихъ сосѣдей, въ Германіи и Австріи.

Мы видѣли, что комиссія рѣшила исправить проектъ 7-го ноября 1870 года возможнымъ усиленіемъ дѣйствующей арміи. Въ чемъ же состоитъ это усиленіе?

Выше показано, что пруссаки, перестроивая свою военную систему въ 1860 году, почти удвоили полевую армію на счетъ резервовъ. Они позаботились еще о сформированіи за арміей, но никакъ не на счетъ ея, возможно многочисленнаго ландвера, также подвижнаго войска, въ родѣ нашихъ будущихъ резервныхъ батальіновъ; но никакихъ постоянныхъ кадровъ, кромѣ боевыхъ, тамъ не существуетъ.

Послѣднія преобразованія въ Австріи происходятъ въ томъ же духѣ. Положено обратить пятые батальіоны полковъ, существовавшіе до сихъ поръ на бумагѣ и потому чисто резервные, въ дѣйствующіе. Въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, уничтожены всякіе постоянные кадры мѣстныхъ или запасныхъ войскъ, вслѣдствіе чего численность полевой арміи сильно тамъ возросла.

На основаніи послѣднихъ проектовъ русскія силы увеличиваются въ военное время, при обще-обязательной службѣ, съ 1.208,000 на 2.080,000, собственно русская пѣхота съ 845,000 на 1.467,000. Приращеніе пѣхоты составляетъ, слѣдовательно, 622,000 *).

---

*) Мы будемъ брать въ сравненіе исключительно пѣхоту, такъ какъ она служитъ вездѣ мѣриломъ всѣхъ прочихъ оружій. Въ Россіи, по нашимъ мѣстнымъ условіямъ, конница можетъ быть самостоятельнымъ оружіемъ, незави

Digitized by Google

Насколько же усиливается при этомъ пѣхота боевой арміи, отъ которой исключительно зависитъ наша участь? По проекту, въ полевую пѣхоту включается еще 10 новыхъ дивизій, т. е. 120 батальіоновъ; но значительная часть этого приращенія осуществляется на бумагѣ, такъ какъ на составъ новыхъ дивизій расходуется 51 старыхъ баталіоновъ; дѣйствительная же цифра приращенія слѣдующая:

Теперь дѣйствующей пѣхоты состоитъ на лицо (кромѣ азіатскихъ окраинъ):

4 дивизіи 16-батальіонныхъ . .	64	батальіон.
43 » 12 » . .	516	»
7 стрѣлковыхъ бригадъ	28	»
Итого . .	608	батальіон.

По проекту будетъ состоять:

57 дивизій 12-батальіонныхъ . .	684	батальіон.
Бригада стрѣлковъ	4	»
Итого . .	688	батальіон.

Слѣдовательно, изъ приращенія всей пѣхоты 622 тысячами, достается на долю боевой пѣхоты только 80 батальіоновъ, т. е. 80 т. строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Въ Германіи, на 857 т. всей пѣхоты по военному положенію, дѣйствующей пѣхоты состоитъ 469 т., около $^4/_7$, а съ подвижнымъ резервомъ 729 т., или 86%.

Въ Австріи, на 607 т. всей пѣхоты по военному положенію, дѣйствующей, съ кроатами и тирольцами безъ гонведовъ. состоитъ 501,000, около $^5/_6$, или 83%.

Въ Россіи, на 1.467,000 всей пѣхоты по военному положенію, дѣйствующей состоитъ (считая только строевыхъ людей, какъ и въ предшествующихъ примѣрахъ) 688 т., около $^9/_{20}$, а съ подвижнымъ резервомъ 888 т.—60%.

Но какъ 200 резервныхъ батальіоновъ непремѣнно разойдутся безъ остатка на оборону прибрежій и окраинъ, то боевая сила Россіи, соотвѣтствующая тому итогу силъ на театрѣ войны,

мымъ отъ какой-либо пропорціи съ пѣхотою. Этотъ предметъ мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ онъ уже достаточно очерченъ въ брошюрѣ ген. Пистолькорса, въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи» и въ моей статьѣ печатаемой ниже.

Digitized by Google

какой мы показали выше у сосѣдей, составляетъ, сравнительно съ общимъ числомъ нашей пѣхоты, только 46%.

Это соотношеніе силъ, слѣдствіе предположенной системы военнаго устройства, можно для наглядности выразить еще слѣдующимъ образомъ:

Германія, при населеніи въ 40 мил., военномъ бюджетѣ въ 360 мил. франковъ (1871 г.) и общемъ итогѣ пѣхоты 857 т., можетъ выставить противъ насъ 469 дѣйствующихъ и 260 ландверныхъ батальіоновъ, всей пѣхоты 729 тыс. При этомъ у нея остается еще 148 батальіонныхъ депо для крѣпостныхъ гарнизоновъ. Для защиты противъ насъ своихъ береговъ ей нужно, очевидно, еще меньше силъ, чѣмъ противъ французовъ въ 1871 г.

Австрія, при населеніи въ 35,600.000, военномъ бюджетѣ въ 252 мил. франковъ (1871 г.) и общемъ итогѣ пѣхоты съ гонведами 687 т., можетъ выставить противъ насъ пѣхоты, съ гонведами же, 580 тысячъ.

Россія, при населеніи въ 82 м., военномъ бюджетѣ въ 527 м. франковъ (1871 г. считая руб. = 3½ фр.) и общемъ итогѣ пѣхоты 1.467,000, будетъ въ состояніи выставить на западную границу при новомъ устройствѣ (исключая кавказскую армію) 43 пѣхотныя дивизіи и бригаду стрѣлковъ—520 т. На 60 т. меньше Австріи и почти на цѣлую треть меньше Германіи, при всемъ напряженіи силъ 80-миліоннаго народа!

Вотъ практическій выводъ, къ которому приходитъ смѣлое рѣшеніе «увеличить дѣйствующую армію на такую цифру, какая только окажется возможною». Оказалось возможнымъ, поднявъ всю Россію на ноги, усилить дѣйствующую армію 80 батальіонами.

Конечно, въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы предполагали крайнюю степень напряженія, сборъ на театръ войны всѣхъ подвижныхъ войскъ до послѣдняго батальіона, чего на практикѣ не бываетъ. Нѣмцы не выведутъ въ поле весь свой ландверъ, австрійцы—всѣхъ гонведовъ; но мы также не выведемъ всю полевую армію, предоставляя участь Петербурга, Финляндіи, Остзейскаго края, Крыма и всего черноморскаго прибрежья, Чечни и Дагестана—одному плохому резерву, котораго вдобавокъ, далеко не станетъ на занятіе такихъ обширныхъ пространствъ, особенно въ началѣ войны, при не выяснившихся еще намѣреніяхъ непріятеля. Стало быть отношеніе силъ оста-

Digitized by Google

нется тоже самое, какое мы представили. Надо сказать, кромѣ того, мы брали исключительно случаи одиночной войны, а всякій знаетъ, что одиночной войны у насъ никогда не будетъ: мы слишкомъ для того сильны, если не своимъ военнымъ устройствомъ, то числомъ и духомъ русскаго народа; а въ войнѣ противъ союза, т.-е. въ дѣйствительно возможной и вѣроятной войнѣ, это неравенство готовыхъ силъ еще значительно увеличится.

Между тѣмъ у насъ нѣтъ недостатка въ постоянныхъ кадрахъ для дѣйствующей арміи. Одновременно съ увеличеніемъ ея только 80 батальіонами, по проекту комиссіи упраздняются: 82 резервныхъ батальіона, 44 губернскихъ *), 28 стрѣлковыхъ, 11 линейныхъ и 16 кавказскихъ; да можно было бы упразднить 21 крѣпостной батальіонъ. Вотъ 202 готовыхъ боевыхъ кадра, не увеличивающихъ бюджета ни одной копѣйкой, такъ какъ они содержались до сихъ поръ по штатамъ мирнаго времени. Надобно замѣтить, что со времени учрежденія мѣстныхъ войскъ, для нихъ отбирались лучшіе люди; стало быть они представляютъ въ настоящемъ видѣ надежные кадры для сформированія боевыхъ полковъ.

Куда же исчезаютъ эти отличные кадры?

Очевидно 126 резервныхъ и губернскихъ батальіоновъ расходятся на сформированіе 250 запасныхъ и на увеличеніе числа крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ причины относительной слабости боевой арміи, не смотря на громадное напряженіе, становятся ясными. Наша сила растрачивается: 1) на запасные мѣстные батальіоны, 2) на крѣпостныя войска, 3) на особые маршевые батальіоны изъ отпускныхъ людей—три учрежденія, нигдѣ не существующія въ томъ видѣ, какъ проектъ ихъ предлагаетъ.

Чѣмъ объясняются такія отступленія отъ общепринятыхъ основаній европейскаго военнаго устройства? Исключительностію ли нашихъ мѣстныхъ условій, или же, напротивъ, исключительностію личнаго взгляда учредителей? Судьба русскаго могущества зависитъ отъ уясненія этого вопроса. Мы постараемся разложить эти отступленія на ихъ составныя части.

---

*) Ихъ всего 52, но въ 8 губ. оставляются полные батальіоны.

Digitized by Google

III.

Прежде всего будемъ твердо помнить аксіому, несомнѣнную для всего военнаго свѣта: силы мирнаго времени относятся къ силамъ военнаго, какъ зерна посѣва въ жатвѣ. Военныя же силы измѣряются исключительно боевой арміей, а потому всякій солдатъ, содержимый по штатамъ мирнаго времени, но отвлекаемый отъ боевыхъ кадровъ, равняется зерну посѣва, не попадающему въ землю. Неизбѣжныя потребности заставляютъ и безъ того отвлекать слишкомъ много людей для непроизводительнаго, въ военномъ смыслѣ, назначенія, особенно у насъ; если же къ неотразимымъ потребностямъ присоединится еще произволъ личныхъ взглядовъ, дозволяющихъ себѣ сочинять разныя болѣе или менѣе полезныя учрежденія на счетъ необходимыхъ, то послѣдствіемъ окажется, какъ мы уже видѣли, что Австрія, владѣющая только $^2/_5$ населенія Россіи и располагающая $^2/_5$ русскаго военнаго бюджета, выставитъ въ поле больше солдатъ, чѣмъ мы.

Съ этой положительной точки зрѣнія, состоятельность или несостоятельность исключительныхъ военныхъ учрежденій, перенесенныхъ въ новый проектъ изъ записки 7 ноября, выкажется сама собою.

Крѣпостныя войска.

При должномъ настроеніи, вызываемомъ напряженіемъ народнаго чувства, самыя скоронабранныя войска могутъ стойко защищать крѣпость,—всякій это знаетъ. Въ послѣдней франко-прусской войнѣ національные гвардейцы, совершенно неспособные къ открытому бою, отбивались за укрѣпленіями также точно, какъ и полевыя войска. Въ теоріи, комиссія называетъ крѣпостныя войска спеціальными, вопреки всемірному понятію, соглашаясь съ запиской 7 ноября 1870 г., на практикѣ же она смотритъ на нихъ какъ на ополченіе и смѣло обращаетъ по военному положенію крѣпостную роту изъ 60 человѣкъ въ девятисотный батальіонъ, т.-е. увеличиваетъ въ 15 разъ. Нечего, кажется, пояснять какому бы ни было читателю, что кадръ, возвышенный въ 15 разъ, есть ополченіе, а

Digitized by Google

не постоянное войско; въ арміи Бурбаки приходилось даже болѣе одного стараго солдата на 15 новобранцевъ, что не вылечило ея отъ недостатковъ, присущихъ всякому ополченію. Но если по такому разсчету крѣпостные гарнизоны будутъ не болѣе какъ ополченіемъ (противъ чего нельзя возражать съ военной точки зрѣнія: для крѣпостей дѣйствительно нужно только ополченіе), то для чего создавать для нихъ постоянные кадры и для того обрѣзывать боевую армію на $2^1/_2$ почти пѣхотныя дивизіи (29 батальіоновъ) и заранѣе обрекать на неподвижность 130 тыс. обученныхъ солдатъ. У насъ легко создать изъ рекрутскаго запаса дополненнаго отпускными, нѣсколько сотъ тысячъ ополченія, не только не уступающаго, но при извѣстныхъ пріемахъ формированія далеко превосходящаго качествомъ гарнизонную роту, разжижаемую въ 15 разъ.

Могутъ возразить: гарнизонная артиллерійская прислуга недостаточна; ей нужно подспорье изъ спеціально обученныхъ людей? Совершенно справедливо. Но по проекту линейныя крѣпостныя роты не обучаются дѣйствію при орудіяхъ, какъ не обучались до сихъ поръ; на это назначается 5-я стрѣлковая рота. Стало быть, дѣло идетъ только объ усиленіи крѣпостной артиллеріи по мирнымъ штатамъ 29-ю ротами въ 60 человѣкъ, всего 1,740 человѣкъ. Кто же станетъ противъ этого спорить? Но возможно-ли изъ-за такой пустой прибавки уменьшать полевую армію на $2^1/_2$ дивизіи, которыхъ иногда бываетъ достаточно для рѣшенія генеральнаго сраженія?

Проектъ увѣряетъ, что крѣпостныя войска будутъ высылать излишекъ, если такой окажется, въ дѣйствующую армію. Во-первыхъ, этотъ излишекъ гарнизонныхъ частей, разжиженныхъ въ 15 разъ, негоденъ къ полевой войнѣ. Во вторыхъ, какъ же это проектъ ведетъ разсчетъ войны? Положимъ загорится австро-турецкая война, а запасныхъ людей балтійскихъ гарнизоновъ потащутъ изъ разныхъ губерній сперва въ Финляндію и проч., потому что тамъ находятся ихъ кадры, и потомъ станутъ перевозить на Дунай? Современная война требуетъ приведенія всѣхъ силъ разомъ на военное положеніе; куда же ведетъ система, по которой, въ случаѣ австро-турецкой войны, приходится комплектовать финляндскіе гарнизоны? Мѣстные кадры вредны именно тѣмъ, что, въ случаѣ такого или иного оборота войны, большая часть ихъ пропадаетъ даромъ, особенно въ рѣшительные дни начала дѣйствій.

Digitized by Google

Двѣ лишнія полевыя дивизіи всегда много значатъ, тѣмъ болѣе двѣ къ двумъ, и такъ далѣе. Но, положимъ, отъ двухъ дивизій русской арміи не убудетъ; да дѣло идетъ не о двухъ дивизіяхъ, а объ особомъ взглядѣ или, вѣрнѣе сказать, направленіи, руководящемъ такимъ великимъ дѣломъ. Новый проектъ, очевидно, называетъ крѣпостные гарнизоны спеціальнымъ войскомъ, для того, чтобъ оправдать учрежденіе для нихъ постоянныхъ кадровъ по проекту 7 ноября 1870 года, какъ будто можно кого нибудь увѣрить, что для обороны за стѣною нужны спеціальныя войска, или, что рота, разжиженная въ 15 разъ, можетъ считаться спеціальнымъ войскомъ.

Запасные батальіоны.

Постоянные кадры этого рода войскъ развлекаютъ силы государства еще гораздо болѣе крѣпостныхъ кадровъ. Въ европейскихъ арміяхъ не существуетъ соотвѣтствующаго учрежденія. Въ Германіи, на 260 ландверныхъ и 148 батальіоновъ-депо по мирнымъ штатамъ, находится въ рекрутскихъ участкахъ 4.378 постоянныхъ солдатъ. По такому разсчету пропорціонально силамъ русской арміи, ихъ было бы у насъ до восьми тысячъ.

Въ кадрахъ запасныхъ войскъ полагается по проекту дѣйствительно это нормальное число — 8,150; но къ нему прибавляется въ мирное время 3 тыс. инструкторовъ, 40 тыс. конвойныхъ и 20 тыс. мѣстной пѣхоты — всего 71,300, кромѣ всѣхъ людей при хозяйственныхъ и матеріальныхъ учрежденіяхъ. Съ кавалерійскими и артиллерійскими резервами будетъ слишкомъ 87 тыс., въ военное же время, съ прибавкою такъ называемыхъ учителей, по 125 на батальіонъ, и мастеровыхъ, число всей мѣстной кадровой пѣхоты простирается за 100 тыс. Въ однихъ запасныхъ батальіонахъ будетъ числиться въ мирное время 1,542 офицера и 49 тыс. нижнихъ чиновъ; въ военное же однихъ офицеровъ слишкомъ 8 тысячъ, между тѣмъ, какъ ихъ недостаетъ у насъ для боевой арміи (подвижные резервы въ этотъ счетъ не входятъ). Изъ предполагаемаго учрежденія запасныхъ батальіоновъ явствуетъ до сихъ поръ только одно послѣдствіе: для его осуществленія расхо-

Digitized by Google

дуется 126 готовыхъ батальіонныхъ кадровъ, которые могли бы поступить въ дѣйствующую армію.

Въ одномъ отношеніи нѣмецкіе полковые депо соотвѣтствуютъ нашимъ запаснымъ батальіонамъ; они также въ военное время обучаютъ рекрутъ, но, кромѣ того, несутъ еще многія службы. Эти депо пополняютъ убыль арміи изъ своего собственнаго состава, занимаютъ, по выводѣ ландвера, гарнизоны крѣпостей, а когда нужно, выставляютъ новыя строевыя части на театръ войны. При небольшомъ пространствѣ Германіи и извилистомъ очертаніи границъ, вся внутренность ея доступна непріятелю, а потому ее нелья вовсе обнажить. Со всѣмъ тѣмъ, въ Германіи не считаютъ нужнымъ держать для этихъ депо ни одного кадроваго человѣка по мирнымъ штатамъ. У насъ изъ внутренности государства — по выраженію Гоголя — «скачи хоть три года, ни до какого царства не доскачешь»; однакожь, къ этимъ внутреннимъ мѣстностямъ, лежащимъ на три года скачки отъ границы, будетъ приковано 250 батальіонныхъ кадровъ, отнимаемыхъ у боевой арміи. Съ какою цѣлію?

При нынѣшнихъ сокрушительныхъ и скоротечныхъ войнахъ, приходится разсчитывать почти исключительно на людей подготовленныхъ для войны; во время дѣйствій учить уже некогда. Подготовленіе же рекрутъ, вставляемыхъ въ ряды старыхъ войскъ, требуетъ только умѣнья обращаться до нѣкоторой степени съ ружьемъ, чему можно научиться при всякихъ временныхъ войскахъ. Объ остальныхъ внутреннихъ потребностяхъ нечего и говорить: любое ополченіе годится для нихъ. Составъ временныхъ войскъ не представляетъ также вопроса въ Россіи, гдѣ за наборомъ остается 120 тыс. годныхъ къ службѣ людей, на которыхъ предположено распространить первоначальное военное обученіе; да за укомплектованіемъ постоянныхъ войскъ остается еще большое число отпускныхъ. Трудно предположить, чтобъ такія простыя соображенія ускользнули отъ вниманія коммиссіи. Если же, не смотря на то, проектъ предлагаетъ систему нигдѣ не виданную, крайне многосложную и очевидно подрывающую самую цѣль преобразованія, то надо думать, что коммиссія, соглашаясь на нее, подчинилась давленію неодолимыхъ мѣстныхъ условій.

Какія же это мѣстныя условія?

Сохраненіе порядка густымъ размѣщеніемъ войскъ? Нѣтъ.

Digitized by Google

Въ мирное время и безъ того предполагается расположить полевыя войска какъ можно равномѣрнѣе и ближе къ ихъ участкамъ, въ военное же — мѣсто ихъ можетъ быть занято всякими временными войсками.

Содержаніе карауловъ? Нѣтъ. Проектъ возлагаетъ караулы на полевыя войска, рекомендуя при этомъ хорошее нравственное вліяніе гарнизонной службы, пріучающей солдата серьезно смотрѣть на свои обязанности. Въ осьми отдаленныхъ губерніяхъ предположено оставить нынѣшніе губернскіе батальіоны подъ другимъ названіемъ. Для уѣздовъ, не занятыхъ полевыми войсками, и для этапной службы разработывается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденіе земской стражи. Проектъ указываетъ на неготовность этой работы, какъ на одну изъ побудительныхъ причинъ къ сформированію запасныхъ батальіоновъ. Надо думать, что тутъ недоразумѣніе. По крайней мѣрѣ свѣтъ не видалъ еще такого явленія, чтобы въ вѣковомъ учрежденіи первой важности, каково военное устройство государства приводилась основная мѣра, явно несостоятельная, вслѣдствіе того только, что въ другомъ министерствѣ, на сосѣдней улицѣ, не совсѣмъ еще довершена текущая работа, съ окончаніемъ которой предлагаемая мѣра лишается послѣдняго основанія. Война можетъ вспыхнуть завтра, а у насъ окажется 6-ю дивизіями меньше, чѣмъ выходило по разсчетамъ самаго проекта, изъ-за 35 тыс. человѣкъ, нужныхъ будто бы для конвоированія арестантовъ. Проектъ увѣряетъ, что такую обязанность невозможно возлагать на полевыя войска. Постоянно,—конечно, нѣтъ; но въ видѣ временной мѣры, пока введется земская стража, возможенъ и этотъ, и всякій другой способъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ не ослаблять полевой арміи цѣлыми 6-ю дивизіями (по нашему счету больше чѣмъ 6-ю). Изъ дальнѣйшихъ указаній проекта становится, впрочемъ очевиднымъ, что онъ хочетъ запасныхъ батальіоновъ для нихъ самихъ, а не изъ за этой причины.

Что же остается еще изъ мѣстныхъ условій? Обученіе рекрутъ? Также нѣтъ. Въ мирное время рекруты будутъ теперь поступать прямо въ полки, въ военное — они научатся обращенію съ ружьемъ при всякой временной части, какъ научаются въ Пруссіи при временныхъ полковыхъ депо. Проектъ же создаетъ для такой простой и легкой цѣли баснословную педагогическую систему — 100 тысячъ спеціальныхъ учителей

Digitized by Google

(численность запасныхъ кадровъ) на 127 тысячъ учениковъ (величина годоваго набора пѣхоты).

Что же затѣмъ? Временной сборъ отпускныхъ? Надобно надѣяться, что эта мѣра, мало полезная сама въ себѣ, разорительная для народа и для государства вмѣстѣ, не состоится на практикѣ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, напримѣръ, введенія въ армію новаго вооруженія, къ которому надобно пріучать людей. Но еслибъ эта мѣра даже состоялась, то развѣ для нея нужны запасные батальіоны; развѣ въ Пруссіи, съ которой мы перенимаемъ такое учрежденіе, существуютъ какія-либо постоянные кадры для ежегодныхъ сборовъ ландвера; развѣ сборъ не можетъ происходить въ мирное время при полевыхъ войскахъ? Это говоритъ самъ проектъ (стр. 56), но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ: «установленіе комплектованія войскъ по участкамъ не можетъ еще принести дѣлу всѣхъ выгодъ, если участки не будутъ имѣть мѣстныхъ воинскихъ частей, при которыхъ чины запаса могли бы собираться для отправленія въ войска и на театръ войны». Понятно, что для этого нуженъ воинскій начальникъ въ участкѣ. Но чины запаса сами не дѣти, а старые солдаты съ офицерами и унтеръ-офицерами; къ чему же имъ нужна нянька въ видѣ запаснаго батальіона для отправленія въ войска? И какая роль предстоитъ при этомъ отправленіи нижнимъ чинамъ запаснаго батальіона? Станутъ ли они подсаживать отпускныхъ при влѣзаніи въ вагоны, что ли? Когда указаніе на опредѣленную цѣль замѣняется общими мѣстами, это уже плохой признакъ.

Неужто, наконецъ, запасной батальіонъ необходимъ для матеріальнаго снаряженія отпускныхъ и рекрутъ? Все-таки нѣтъ. Хотя проектъ говоритъ о какихъ особыхъ мастеровыхъ при запасномъ батальіонѣ, но совсѣмъ невѣроятно, чтобы благодѣтельныя, хотя не совсѣмъ доконченныя преобразованія временъ генерала Сухозанеча пропали даромъ и, чтобы снаряженіе двухъ-милліонной арміи, переходящей на военное положеніе, было ввѣрено не подряду, а солдатскому труду, дорогому и скудному средству крѣпостныхъ временъ.

Сколько можно видѣть изъ сбивчивыхъ указаній проекта, главною цѣлію запасныхъ батальіоновъ остается все-таки сборъ и обученіе рекрутъ и запасныхъ въ военное время. Но именно эта цѣль и придуманные для нея пріемы возбуждаютъ наибо-

Digitized by Google

лѣе сомнѣнія. Относительно рекрутъ, очевидно, громадность средствъ далеко превосходитъ важность цѣли. Отпускные жребятся по срокамъ. Младшіе пойдутъ прямо къ полки, не задерживаясь обученіемъ при запасномъ батальіонѣ, потому что непріятель не ждетъ и въ наше время переходитъ границу черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны; самые старые, наиболѣе отвыкшіе отъ службы, войдутъ прямо въ составъ резервныхъ батальіоновъ и также не будутъ учиться при запасѣ, по той же самой причинѣ: надобно, чтобы они успѣли занять Петербургъ ранѣе непріятеля. Стало быть запасные батальіоны назначаются исключительно для обученія отпускныхъ среднихъ сроковъ, лучше помнящихъ службу, не формирующихъ, въ добавокъ, отдѣльныхъ частей, а вставляемыхъ въ ряды между старыми солдатами, что даже не требуетъ особенно твердаго знанія службы. Изъ отпускныхъ старыхъ сроковъ можно составлять особыя части для самостоятельныхъ дѣйствій, не обучая ихъ при запасѣ, а отпускными среднихъ сроковъ нельзя пополнять ряды готовыхъ частей безъ новаго обученія? И для такой серьезной цѣли отнимается у боевой арміи 126 существующихъ на лицо кадровъ.

Но этого мало: надо смотрѣть на пріемы обученія. Съ началомъ войны къ запасному батальіону прикомандировываются 125 солдатъ самаго младшаго срока, въ качествѣ учителей, какъ наилучше помнящіе службу; люди эти будутъ распоряжаться старыми солдатами 10 и 12-лѣтними. Въ настоящее время въ арміи по неволѣ возбуждается вопросъ: какими глазами станутъ смогрѣть старые отпускные на нынѣшнихъ безбородыхъ унтеръ-офицеровъ? Будутъ ли послѣдніе имѣть какое-либо нравственное значеніе для первыхъ, безъ чего въ войскѣ не можетъ существовать настоящей связи и дисциплины? А тутъ, въ запасномъ батальіонѣ, 12-лѣтній отпускной будетъ отданъ въ обученіе 5-лѣтнему — не унтеръ-офицеру а своему же брату солдату. Какой же военный, прослужившій хоть полгода въ строю, можетъ усомниться, что подобное обращеніе возмутитъ отпускныхъ до глубины души и наполнитъ наши боевые ряды людьми, возненавидѣвшими новую службу съ перваго же дня призыва. Мы напрасно впрочемъ заговорили о военныхъ по поводу такихъ изобрѣтеній: военные тутъ ни причемъ.

Учрежденіе запасныхъ батальіоновъ и вообще кадровъ за-

Digitized by Google

пасной пѣхоты не имѣетъ никакого оправданія у насъ, какъ и вездѣ. Число постоянныхъ людей въ полковомъ рекрутскомъ участкѣ можетъ ограничиться 2—3 офицерами для веденія списковъ и нѣсколькими нижними чинами для храненія запасовъ, какъ въ Пруссіи. Различіе въ разстояніяхъ нашихъ и прусскихъ, на которое часто указываютъ, имѣетъ значеніе только для ногъ, которымъ приходится проходить эти разстоянія, а не для рукъ, ведущихъ имъ счетъ.

Пересмотрѣвъ цѣлый рядъ аргументовъ, мы не можемъ объяснить ни однимъ изъ нихъ настойчивость новыхъ проектовъ—сохранить, во что бы ни стало, запасные батальіоны въ духѣ записки 7 ноября, вопреки вставкѣ о «возможномъ увеличеніи цифры дѣйствующихъ войскъ». Записка не имѣвшая въ виду такой вставки, предлагала 120 запасныхъ батальіоновъ; новый проектъ, прибавившій вставку, создаетъ 250 полубатальіоновъ, т. е. 5-ю полными батальіонами больше. Оттого прибавленное имъ приращеніе полевой арміи, какъ оно ни малозначительно, осуществляется не на счетъ какого либо сокращенія безплодныхъ издержекъ, какъ слѣдовало, а ложится новою тягостью на бюджетъ.

Надо прибавить: кромѣ напраснаго расточенія силъ, учрежденіе запасныхъ войскъ опасно еще въ другомъ отношеніи: какъ недавно завелось, въ запасныя войска станутъ переводить лучшихъ людей, предоставляя худшимъ стоять за русское дѣло въ бою.

IV.

Маршевые батальіоны.

Слѣдуя за проектомъ, мы восходимъ къ мѣрамъ все болѣе важнымъ и въ тоже время все болѣе ослабляющимъ боевую армію. Особыхъ войскъ для занятія крѣпостей теперь уже нѣтъ почти нигдѣ; постоянныхъ кадровъ для временныхъ войскъ давно уже нигдѣ нѣтъ; учрежденія, называемаго маршевыми батальіонами, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ проектъ, ни у кого и никогда не было.

По проекту, съ привиденіемъ арміи на военное положеніе,

Digitized by Google

къ запасному батальіону собираются въ двѣ очереди 1,000 отпускныхъ среднихъ сроковъ и упражняются въ ратномъ искуствѣ, пока въ дѣйствующихъ войскахъ не окажется убыли соотвѣтствующей числомъ 1-й очереди. По мнѣнію коммиссіи, весьма основательному, армія теряетъ въ первые же дни войны около 20%, болѣе отъ непривычныхъ трудовъ, чѣмъ отъ огня; тогда направятся къ ней первыя маршевыя колонны. Такимъ образомъ, съ выступленіемъ дѣйствующей арміи на театръ войны, а резервныхъ батальіоновъ на окраины, внутри государства останется одной пѣхоты:

Запасной	331,359
Мѣстной, если крѣпостные батальіоны, кромѣ 60 тыс. солдатъ, учетверятся рекрутскимъ запасомъ	152,212
Отпускныхъ людей 2-й очереди.	165,000
Пѣхотныхъ рекрутъ новаго набора. . .	126,487
Итого, кромѣ офицеровъ . .	775,058

Да рекрутскаго запаса останется около 750,000.

Всего же, съ запасами регулярной кавалеріи и артилеріи, кромѣ запасныхъ казаковъ, кромѣ предположеннаго государственнаго ополченія, кромѣ тысячъ людей при всякихъ хозяйственныхъ частяхъ слишкомъ 1.600,000. Въ этомъ числѣ устроенныхъ войскъ 584,000, а всѣхъ обученыхъ солдатъ до 750,000 (въ числѣ обученыхъ мы считаемъ конечно людей, стоящихъ въ строю крѣпостныхъ войскъ).

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль перваго, самаго рѣшительнаго и трудно поправимаго впослѣдстіи столкновенія массъ, наша дѣйствующая армія, уступающая числомъ пѣхоты, какъ мы видѣли, даже одной австрійской, схватится съ врагомъ. Исходъ этого перваго столкновенія повліяетъ неотразимо на судьбу всей войны, можетъ быть рѣшитъ ее окончательно, какъ первый мѣсяцъ франко-прусской борьбы рѣшилъ участь всего послѣдующаго. А въ тоже время 750 тыс. обученыхъ солдатъ будутъ стоять ружье у ноги внутри государства, дожидаясь, чтобъ дѣйствующая армія потеряла сначала 20% своей численности. Да кто же знаетъ впередъ, сколько именно процентовъ убудетъ изъ арміи въ эти недѣли? Французская армія, напримѣръ, поставленная совершенно въ такія же условія, только невольно, въ какія проектъ добровольно ставитъ

Digitized by Google

русскую армію, потеряла изъ своей численности, въ первый же мѣсяцъ дѣйствій, ровно сто процентовъ. Кто же не знаетъ притомъ, что осуществленіе разсчетовъ постепеннаго пополненія арміи на войнѣ, даже осуществленіе грубо приблизительное, съ величайшими отступленіями, возможно только для побѣдителя? Онъ одинъ можетъ опредѣлить съ нѣкоторою степенью вѣроятности, гдѣ онъ будетъ находиться въ данное время и куда направить маршевыя колонны. Развѣ это во власти побѣжденнаго? Еслибъ у французовъ были готовы, въ послѣднихъ числахъ августа, ихъ 800 тыс. мобилей, могли ли они пополнить ими армію Базена или армію Макъ-Магона, разъ двинувшуюся изъ Шалона? Разсчитывать же на побѣду можетъ только тотъ, кто сильнѣе на полѣ битвы съ перваго дня войны. Что значатъ всѣ маршевыя колонны запасныхъ людей, когда постоянные кадры разбиты. Тьеръ, въ своей знаменитой рѣчи объ устройствѣ арміи, сказалъ:

«Я хочу показать вамъ сущность причины нашихъ несчастій, не допустившую Францію подняться. Весь нашъ военный составъ въ кадрахъ былъ взятъ въ Мецѣ и Седанѣ. И у насъ спрашиваютъ, почему Франція не поднялась, не смотря на выказанный ею патріотизмъ, не смотря на 800 тыс. мобилей. Почему не поднялась? Потому что уже не имѣла кадровъ!» Русская полевая армія будетъ конечно гораздо многочисленнѣе французской августа 1870 г.; но всякій знаетъ также, что ей придется мѣряться съ силами, далеко превосходящими передовыя силы Германіи того же мѣсяца. Неужели мы станемъ добровольно подвергать наши кадры, по французскому примѣру, возможности такой же участи?

Вездѣ на свѣтѣ принимаютъ мѣры для посильнаго поддержанія численности арміи въ военное время, однакожъ при этомъ разсчитываютъ преимущественно не на готовыхъ строевыхъ солдатъ, которыхъ никто не оставляетъ дома безъ необходимости, а на учрежденія въ родѣ нашего рекрутскаго запаса или даже на сырыхъ рекрутъ. Къ веснѣ 1871 года у пруссаковъ начинало не доставать даже этихъ послѣднихъ. Съ рекрутскимъ запасомъ, ежегодно подкрѣпляемымъ, и съ очереднымъ рекрутскимъ наборомъ пополненіе русской арміи совершенно обезпечено. Объ этомъ конечно нельзя не заботиться. Но никому еще не приходило въ голову обезпечить комплектованіе арміи тѣмъ способомъ, чтобъ оставить поло-

Digitized by Google

вину ея дома. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же довольствоваться половиной? Можно оставить дома три четверти или четыре пятыхъ; комплектованіе будетъ еще лучше обезпечено.

Обходя всѣ вопросы, представляющіе какой либо поводъ къ возраженію, хотя бы самый слабый (какъ напримѣръ мѣстныя войска), остается несомнѣннымъ, что проектъ коммиссіи отымаетъ у русскихъ боевыхъ силъ, въ самомъ разгарѣ войны, слѣдующій итогъ людей:

1-я очередь маршевыхъ . .	225,000	насколько разсчеты проекта вѣрны.
2-я » » . .	165,000	
Излишекъ людей въ кадрѣ запасныхъ батальіоновъ по военному положенію, по крайней мѣрѣ	80,000	
Итого	470,000	

Послѣднюю цифру мы выставили на такомъ основаніи: въ Пруссіи на полковой рекрутскій участокъ приходится менѣе 40 кадровыхъ солдатъ. Допуская ихъ въ Россіи три раза больше выйдетъ на участокъ около 100 человѣкъ, на 250 участковъ—25,000, а не 106, какъ хочетъ проектъ.

Кромѣ того, устройство арміи по проекту надолго отсрочиваетъ часъ, когда русскія боевыя силы могутъ быть пополнены очереднымъ наборомъ. По проекту, обученіе рекрутъ при запасныхъ батальіонахъ начнется тогда лишь, когда эти батальіоны сбудутъ съ рукъ двѣ очереди отпускныхъ, что случится не ранѣе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, да на обученіе нужно по крайней мѣрѣ два,—всего полгода, между тѣмъ какъ они могли быть готовы въ 2, наболѣе въ 3 мѣсяца. Стало быть, въ первый періодъ войны добровольное пониженіе боевыхъ русскихъ силъ составляетъ 470 т.+127 т. пѣхотныхъ рекрутъ, всего 600 тысячъ солдатъ (при этомъ еще мы считаемъ только одну пѣхоту). А три мѣсяца,—современные читатели всѣ это помнятъ,—обнимаютъ періодъ времени, протекшій отъ вступленія пруссаковъ во Францію до разбитія орлеанской арміи, т.-е. до разрушенія послѣдней серьезной надежды французовъ.

Можно, пожалуй, отвѣчать, что для всѣхъ этихъ людей нѣтъ готовыхъ кадровъ. Да, но, во-первыхъ, по чьей же винѣ ихъ нѣтъ, когда онѣ отыскиваются для 250 запасныхъ (ска-

Digitized by Google

жемъ для 125 полныхъ) и 29 крѣпостныхъ батальіоновъ; когда разомъ упраздняются 126 кадровъ резервныхъ и губернскихъ батальіоновъ? Во-вторыхъ, развѣ не существуетъ, внѣ рутиннаго способа устройства войскъ по штатнымъ нормамъ, еще другихъ пріемовъ для усиленія ихъ состава? Развѣ въ Австріи не существовали долго батальіоны въ 1,200 рядовыхъ по военному положенію? Развѣ дѣленіе и численность полковъ, батальіоновъ и ротъ установлены заповѣдью Божіею, а не послѣднимъ приказомъ и не могутъ быть соображены съ новыми потребностями, о чемъ и въ печати было уже довольно рѣчи? Вѣдь нельзя же разсчитывать силы арміи по готовому крашеному обозу. Намъ приказано не вливать вина новаго въ мѣха старые. Въ приложеніи къ данному случаю это значитъ: не удваивать число людей, призываемыхъ къ оружію, затѣмъ, чтобъ опять втиснуть эти двойныя силы въ старую рамку, недостаточность которой, именно, вынуждаетъ преобразованіе.

Развитіе европейскихъ армій ограничивается теперь только двумя предѣлами: числомъ людей, способныхъ стать подъ ружье, и выносчивостью бюджета; были бы люди, изъ нихъ устроятъ армію, лучше или хуже, но непремѣнно устроятъ. По нашему проекту выходитъ иное—люди есть и есть чѣмъ ихъ содержать, только никакъ не находится имъ военнаго употребленія.

Въ проектѣ есть длинное разсужденіе о выгодахъ и неудобствахъ формированія частей изъ одноземцевъ, бросающееся въ глаза своей ошибочностью. Неудобство, по мнѣнію записки, состоитъ въ томъ, что на войнѣ нельзя строго держаться этого правила, такъ какъ убыль въ частяхъ бываетъ не одинакова, — какъ будто въ этомъ важность. Однородный составъ нуженъ для того, чтобы создать полкъ нравственно, образовать слитное, солидарное во всѣхъ своихъ частяхъ товарищество, безъ чего боевая часть никуда не годится; въ краткосрочномъ войскѣ невозможно этого достигнуть другимъ способомъ. Когда полкъ готовъ, созрѣлъ, его нельзя уже испортить никакимъ временнымъ приливомъ постороннихъ людей, Однородность постояннаго состава въ мирное время есть средство, а не цѣль.

Digitized by Google

Возьмемъ примѣръ, доказывающій наглядно, до какой степени предлежащія работы иногда дѣйствительно не свѣрены съ сознаніемъ военныхъ цѣлей. Проектъ предлагаетъ возвысить мирный составъ батальіоновъ нѣсколькихъ дивизій, расположенныхъ вдоль западной границы, до 730 рядовыхъ,— мѣра сама по себѣ понятная, хотя спорная, такъ какъ она отразится сокращеніемъ общаго числа батальіоновъ въ арміи. Но для чего онъ ее предлагаетъ? Для того чтобы быть въ состояніи немедленно дополнить эти дивизіи мѣстными людьми и предупредить непріятеля, разбить пограничные его корпуса прежде, чѣмъ они соберутся. Проектъ ставитъ на видъ зло, которое могла нанести пруссакамъ французская армія, еслибъ она бросилась (неготовая и несосредоточенная?) въ рейнскую область. Но вѣдь нѣмцы въ 2 недѣли стояли уже въ сборѣ. Нынѣшніе австрійцы вѣроятно также не промѣшкаютъ долго. Съ нашей стороны весь вопросъ заключается въ томъ, чтобъ искуственными мѣрами, системой хорошо расположенныхъ, укрѣпленныхъ лагерей, уравновѣсить, насколько возможно, невыгодныя условія нашего сбора, отстающаго, по причинѣ разстояній, нѣсколькими недѣлями отъ непріятельскаго; а проектъ хочетъ: не дожидая сосредоточенія арміи, бросить нѣсколько дивизій прямо въ пасть льву на вѣчную жертву, вмѣсто того, чтобы прикрыть ими сборъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей, растянувшихся нитью на нѣсколько тысячъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ. Онъ полагаетъ, что передовыя дивизіи могутъ перейти границу черезъ недѣлю, когда ихъ нужно сперва пополнить, снарядить, дать имъ боевой обозъ и свезти за нѣсколько сотъ верстъ къ границѣ,—операціи, которыя могутъ начаться не ранѣе дня объявленія войны, иначе непріятель сдѣлаетъ тоже самое. Но предположимъ невозможное—нѣсколько дивизій пришли къ границѣ черезъ недѣлю. Онѣ, во-первыхъ, никого не разобьютъ; пограничные вражескіе корпуса успѣютъ уже къ этому времени сосредоточиться въ ожиданіи подмоги; не можемъ же мы такъ скоро преслѣдовать ихъ пѣшкомъ, какъ они скоро поѣдутъ по своимъ желѣзнымъ дорогамъ! Во-вторыхъ, мы знаемъ изъ опыта, что черезъ двѣ недѣли всѣ непріятельскія силы будутъ уже подвезены къ нашей границѣ. Какъ же полагаетъ проектъ, остальная наша армія также вступитъ въ непріятельскій край въ теченіе слѣдующей недѣли для поддержанія передовыхъ дивизій? Иначе

Digitized by Google

вѣдь онѣ будутъ вынуждены положить оружіе? Или проектъ жертвуетъ ими для прикрытія сбора остальныхъ силъ, соглашаясь добровольно и обдуманно на рядъ Вертовъ, Мецовъ и Седановъ, неизбѣжныхъ, если мы станемъ подставлять по частямъ русскую армію ударамъ непріятеля? Мы не говоримъ уже объ обхватывающемъ направленіи прусской и австрійской границъ, съ которыхъ легко отрѣзать всякую часть, несвоевременно выдавшемуся впередъ и недостаточно сильную?

V.

Рекрутскій запасъ и государственное ополченіе.

Надо быть благодарнымъ комиссіи за введеніе въ проектъ положенія о рекрутскомъ запасѣ. Безъ этого учрежденія всѣ мѣры къ устройству русской арміи были бы неполны. Наше отечество, при его обширности, не можетъ быть поражено въ голову, подобно Франціи, и всегда будетъ въ состояніи длить войну, дожидаясь лучшаго часа. Но для того, чтобы это исключительное преимущество пошло намъ въ прокъ, нельзя довольствоваться какою-либо опредѣленною цифрою запасныхъ людей; необходимо, чтобы русскій народъ самъ умѣлъ защитить себя при надобности. Тѣмъ не менѣе, нужна была извѣстная доля рѣшимости для принятія этого учрежденія, такъ какъ оно обращаетъ весь русскій всесословный народъ въ армію безъ изъятія и безъ жеребья.

Но если комиссія правильно взглянула на необходимость рекрутскаго запаса, то нельзя сказать того же и о выводахъ, которые новый проектъ извлекъ изъ этого рѣшенія. Надо было бы вспомнить пословицу: что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ; призывая къ оружію весь русскій народъ въ случаѣ необходимости, не надо было допускать излишка безъ необходимости; слѣдовало смотрѣть на рекрутскій запасъ, заранѣе подготовленный, какъ на исключительный источникъ пополненія арміи въ военное время, не распложая отпускныхъ солдатъ, т.-е не срывая людей съ почвы навсегда болѣе, чѣмъ нужно. Ихъ требуется столько, чтобы вывести въ поле

Digitized by Google

подавляющія силы, что всегда возможно при громадности русскаго населенія, но не болѣе. Вѣдь въ продолжительной войнѣ армія не будетъ пополняться изъ запаса. Кто изъ севастопольцевъ, кто изъ кавказцевъ, изъ всѣхъ недобитковъ славной былой нашей арміи повѣритъ, чтобы войско стало хуже отъ пополненія обученными рекрутами, когда оно не портилось даже отъ сырыхъ рекрутъ, если только кадры были хороши. Надо выбрать одно изъ двухъ. Хотѣть выставить сразу большія силы и разсчитывать на пополненіе ихъ, сколь можно долѣе, отпускными же солдатами, имѣя подъ рукою рекрутскій запасъ, значитъ завѣдомо потеряться въ безвыходномъ кругѣ, какъ мы это видѣли въ главѣ о маршевыхъ батальіонахъ. Единственное оправданіе проекта состоитъ въ томъ, что онъ, кажется, вовсе не хлопочетъ о большихъ силахъ въ полѣ.

Другая ошибка проекта, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ не даетъ рекрутскому запасу никакого опредѣленнаго устройства. Если не забирать въ солдаты больше людей, чѣмъ нужно, то рекрутскій запасъ можетъ возрости современемъ до $1^1/_2$ милліона и больше. Вмѣстѣ съ годовою очередью рекрутъ, войсковыхъ и запасныхъ, его станетъ и на пополненіе какой бы то ни было убыли въ арміи и на сформированіе, при надобности, новыхъ временныхъ войскъ. Но для этой цѣли должна существовать какая-либо предварительно обдуманная система. Вѣдь рекрутскій запасъ — это именно то самое ополченіе, на которое столько разъ указывала наша печать. Если государственное ополченіе не будетъ почерпаемо изъ разрядовъ, которые проектъ называетъ рекрутскимъ запасомъ, и если ему не будетъ дано дѣйствительнаго устройства не на одной бумагѣ, то мы никогда не увидимъ русскаго ополченія. А между тѣмъ ясно кажется, что рекрутскій запасъ, устроенный и выдвигаемый въ военное время по мѣрѣ надобности, окажется несравненно полезнѣе неустроеннаго, даже для комплектованія арміи.

Третья ошибка — въ пріемахъ, предлагаемыхъ проектомъ для подъученія запасныхъ рекрутъ. Эти люди оставляются въ участкѣ послѣ рекрутскаго набора и обучаются въ теченіе трехъ недѣль. Срокъ этотъ, вмѣстѣ съ ополченіемъ, былъ первоначально предложенъ въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи», но лишь въ смыслѣ перваго шага къ земской силѣ. Чему

Digitized by Google

можно научиться въ три недѣли? Прежде всякій лишній человѣкъ значилъ что нибудь въ аттакующей колоннѣ; при нынѣшнемъ же ходѣ пѣхотнаго боя, исключительно стрѣлковаго, но въ то же время массами, только разомкнутыми, рекрутъ, вставляемый въ ряды старыхъ солдатъ, можетъ обойтись безъ предварительнаго строеваго образованія, но онъ долженъ умѣть владѣть ружьемъ и стрѣлять, хотя бы посредственно, на 400 шаговъ; иначе онъ принесетъ въ армію только ротъ, а не руки, будетъ сырымъ рекрутомъ. Такая степень обученія можетъ быть достигнута до нѣкоторой степени наименѣе въ три мѣсяца и должна быть, кромѣ того, поддерживаема стрѣльбою по волостямъ, въ праздники, обходя кругомъ весь участокъ, за что нужно только умѣть взяться. Потому, или созывать запасныхъ рекрутъ на три мѣсяца, можетъ быть и больше, или не созывать вовсе. По новымъ французскимъ положеніямъ, запасные рекруты будутъ обучаться годъ. Проектъ высчитываетъ содержаніе ихъ рубль въ недѣлю; въ три мѣсяца это составитъ 13 рублей, 1.560,000 въ годъ, если ихъ 120 тыс., въ шесть и семь разъ меньше того, во что обойдутся запасные участковые батальіоны. Даже 180 тысячъ рекрутъ содержимыхъ подъ ружьемъ полгода, будутъ стоить вдвое меньше. А между тѣмъ, безъ этой неважной издержки русская армія на войнѣ станетъ похожею на дерево безъ корней. Съ другой стороны сборъ на нѣсколько мѣсяцевъ запасныхъ рекрутъ откроетъ неизсякаемый источникъ пополненія боевой арміи и позволитъ ограничить рекрутскій наборъ необходимымъ, стало быть принесетъ великое облегченіе народу.

Такой рекрутскій запасъ дѣло понятное и великое. Но проектъ сочиняетъ подъ этимъ названіемъ только заголовокъ съ расходомъ, но безъ содержанія.

Другое учрежденіе, государственное ополченіе, какъ его предлагаетъ проектъ, есть буквально прусскій ландштурмъ,— разрядъ людей, окончившихъ полный служебный срокъ во всѣхъ резервахъ и спокойно доживающихъ своей вѣкъ, для которыхъ поэтому въ Пруссіи не имѣется въ виду никакой организаціи. Имъ дано тамъ военное названіе, а въ случаѣ вторженія непріятеля, будетъ дана, вѣроятно, даже какая нибудь внѣшняя отмѣтка, чтобы предоставить всѣмъ гражданамъ право вести партизанскую войну, не подвергаясь разстрѣлянію; ничего другого при этомъ не имѣлось въ виду.

Digitized by Google

Проэктъ исключаетъ изъ ополченія рекрутскій запасъ, т. е. всѣхъ способныхъ къ службѣ; стало быть наше государственное ополченіе можетъ состоять только изъ людей старше 37 лѣтъ, по большей части мало способныхъ къ службѣ, безъ единаго офицера (такъ какъ, въ случаѣ крайняго напряженія, всѣ, носящіе мундиръ давно уже, станутъ въ ряды) и безъ всякаго предварительнаго устройства; сборъ ополченія и выборъ офицеровъ предоставленъ земству, какъ въ 1855 году. Но разница въ томъ, что тогдашняя Россія не была еще подведена подъ однообразное обязательное военное устройство; въ солдаты принимались люди всякихъ возрастовъ, дворянство почти поголовно начинало жизнь военной службой; оттого въ 1855 году можно было почерпнуть въ обществѣ и народѣ, помимо армій, еще много непочатыхъ силъ, эти силы не принесли почти никакой пользы, потому что къ нимъ обратились только въ крайнихъ обстоятельствахъ, т. е. слишкомъ поздно, также какъ будто и теперь по проекту. Но что же останется за нынѣшней арміей и рекрутскимъ запасомъ, кромѣ ландштурма? Будемъ же и говорить только о ландштурмѣ. Когда непріятель придетъ жечь Москву, всякій русскій человѣкъ, не только сорокалѣтній, но и семидесятилѣтній, возьмется за топоръ; когда придется вывести въ поле всѣхъ солдатъ до послѣдняго инвалида, земство нарядитъ стражу изъ стариковъ для охраненія казначейства и тюрьмы; въ Севастополѣ даже тюрьмы не охраняли, а напротивъ, выдали колодникамъ ружья. Когда въ годину испытанія отечества, русскій Царь позоветъ на службу своихъ отставныхъ солдатъ и офицеровъ,—кто же не явится, если будетъ имѣть силу явиться? Кто этого не знаетъ? Но патріотизмъ, какъ и благотворительность, не подлежатъ уставу. Крайность не законъ, но вездѣ признается срокъ, на которомъ кончается военная повинность и человѣку даютъ жить спокойно. Россія, съ ея доказанною готовностію къ самопожертвованію за общее дѣло, не должна быть исключеніемъ въ этомъ случаѣ, особенно когда исключеніе не имѣетъ цѣли. Неужели составители проекта думали серьезно превзойти Шарнгорста, Мольтке и Роона не на своей, а на ихъ же почвѣ, мобилизуя ландштурмъ, отыскивая новые источники силъ тамъ, гдѣ тѣ ничего не нашли даже при нѣмецкихъ порядкахъ? Къ проекту приложены длинныя статистическія таблицы (вѣроятно замедлившія на много времени окончаніе работы),

Digitized by Google

вычисляющія количество ополченія, выставляемаго каждою губерніею. Всего приходится 522,000 конечно на бумагѣ; на дѣлѣ не собралось бы за трехъ-милліонной арміей и половины этого числа. Притомъ всѣ губерніи безъ исключенія должны выставлять конныя сотни, даже тѣ губерніи, гдѣ очень мало лошадей и почти никто не умѣетъ ѣздить верхомъ, между тѣмъ какъ многія области Европейской Россіи населены природными всадниками. По проекту, подъ-петербургскіе сорокалѣтніе чухонцы должны будутъ садиться въ первый разъ въ жизни на коня, а башкиры и калмыки, подчиненные общему росписанію, въ большинствѣ выставлять пѣшія дружины...

Что все это значитъ? Зачѣмъ рекрутскій запасъ, единственный источникъ пополненія арміи въ военное время, остается безъ обученія, или, что еще хуже, съ обученіемъ на бумагѣ? Зачѣмъ онъ остается безъ устройства и государственное ополченіе почерпается не изъ этого естественнаго источника, не смотря на то, что его вполнѣ достало бы и на пополненіе арміи (съ ежегодною прибылью войсковыхъ и запасныхъ рекрутъ) и на ополченіе? Зачѣмъ, подъ именемъ государственнаго ополченія, предпринимается небывалое дѣло—мобилизація ландштурма? Всѣ эти учрежденія нѣсколько лѣтъ уже обсуждались въ печати, объ нихъ много спорили, всѣ онѣ достаточно уяснены, названія, подъ которыми онѣ введены въ проектъ, давно извѣстны русскому обществу, даже гражданскому. Раскрывая проектъ, находишь въ заголовкахъ учрежденія, вошедшія уже въ общее сознаніе; но подъ этими заголовками открываешь — разрядъ, называвшійся ополченіемъ, въ видѣ рекрутскаго запаса безъ ружей, увѣчный ландштурмъ, переодѣтый государственнымъ ополченіемъ, башкировъ пѣшкомъ, старыхъ чухонцевъ верхомъ—все знакомыя головы на чужихъ плечахъ.

VI.

Резервные батальоны.

Читатели помнятъ, что подъ этимъ названіемъ выдѣляются участками 200 отдѣльныхъ батальіоновъ изъ людей трехъ старшихъ разрядовъ, для несенія подвижной службы въ тылу

Digitized by Google

арміи (охраненіе окраинъ и пр.). Проектъ вообще изобилуетъ дѣленіемъ войскъ одного и того же оружія на разныя категоріи, что вездѣ уже считается самымъ дурнымъ и обвѣтшалымъ пріемомъ военнаго устройства. Никто не можетъ знать напередъ, гдѣ, сколько и для чего понадобится войска, а между тѣмъ переводъ людей и частей изъ одной категоріи въ другую, дѣло не простое и даже не всегда возможное. Ведетъ же это къ тому, что людей одного названія оказывается всегда слишкомъ мало, между тѣмъ какъ людямъ другого названія нечего дѣлать. Сознательно, войско можетъ дѣлиться только на два разряда, не по цѣли употребленія, а по способу формированія— на разрядъ постоянный и разрядъ временный. Между тѣмъ, по проекту, одна пѣхота подѣлится у насъ: 1) на отборную; 2) полевую; 3) крѣпостную; 4) мѣстную; 5) резервную; 6) запасную мѣстную въ участкахъ; 7) запасную учительскую; 8) запасную маршевую. Всѣ эти подраздѣленія составляютъ особыя категоріи, не смѣшивающіяся между собою, имѣющія каждая особый источникъ пополненія въ запасѣ.

Резервные батальіоны составляютъ одну изъ такихъ перегородокъ арміи и, думаемъ, самую неудачную. Временныя войска, ничего не стоющія въ мирное время, конечно, необходимы и даже необходимы въ большемъ размѣрѣ, нежели высчитываетъ проектъ. Полевая армія не должна развлекаться тыловыми дѣйствіями; эта аксіома; но въ то же время нельзя знать, сколько понадобится войскъ, при неизвѣстномъ сочетаніи обстоятельствъ, на балтійскомъ или черноморскомъ прибрежьѣ, или въ тылу дѣйствующей арміи. Самая побѣдоносная война можетъ быть вдругъ заторможена неожиданными событіями на этихъ окраинахъ, если въ нѣдрахъ государства не будетъ заблаговременно припасено достаточно силъ для противодѣйствія всякой случайности. Наши окраины растянулись такъ широко, что оборона ихъ не подходитъ ни подъ какую изъ извѣстныхъ, осуществленныхъ уже гдѣ-либо системъ. Въ 1855 году, напримѣръ, для благопріятнаго исхода войны, намъ нужно было принять угрожающее положеніе противъ Австріи съ такими силами, которыя могли бы осуществить угрозу, занимая въ тоже время окраины достаточно сильно, чтобъ отбить у непріятеля охоту пытать на нихъ счастіе. Развѣ такое занятіе окраинъ осуществимо съ 200 резервныхъ батальіоновъ, которыхъ въ 1855 году не достало бы на одну балтійскую

Digitized by Google

окраину? А между тѣмъ громадный итогъ силъ, высчитываемый проектомъ, достаточенъ для всякой цѣли, если только распорядиться имъ какъ слѣдуетъ. Изъ сказаннаго прямо вытекаютъ два очевидныя послѣдствія: 1) Россіи нужно не какое-либо опредѣленное количество подвижныхъ войскъ, а такое именно, какое потребуется обстоятельствами. Оставляя въ резервѣ нѣсколько десятковъ тысячъ запасныхъ солдатъ какъ кадръ, значительное число унтеръ-офицеровъ (остающихся теперь въ запасѣ въ огромномъ излишкѣ) и располагая рекрутскимъ запасомъ, ежегодно освѣжаемымъ и подученнымъ, достаточнымъ по числу для комплектованія арміи, и для самостоятельныхъ назначеній, можно будетъ выставлять резервные батальіоны по мѣрѣ надобности, сколько окажется нужнымъ, до многихъ сотъ. Это-то и есть настоящее русское ополченіе. Говорить же о двухъ-стахъ резервныхъ батальіонахъ значитъ проставить цифру въ графѣ и сбыть дѣло съ рукъ, а не создать что-либо соотвѣтствующаее дѣйствительной потребности. 2) Резервныя войска не запасные батальіоны. Разумѣется, никакими пріемами нельзя довести ихъ до равнокачественности съ дѣйствующими полками; тѣ войска постоянныя, а эти временныя. Тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ резервные батальіоны или дружины могли биться въ полѣ, когда придется не хуже прусскихъ ландверныхъ батальіоновъ; безъ этого, къ чему же и выводить ихъ. Но проектъ очевидно не знаетъ, что такое получается изъ сбора отпускныхъ исключительно старыхъ сроковъ (каковы были, напримѣръ, прежніе безсрочные). Опытъ показалъ, что получается самое нерадивое и вмѣстѣ буйное сборище, къ которому иногда приходилось приставлять караулъ отъ постоянныхъ войскъ, чтобы сдерживать его въ порядкѣ. Это очень естественно: чѣмъ болѣе люди отвыкаютъ отъ службы, чѣмъ становятся осѣдлѣе, тѣмъ неохотнѣе возвращаются къ ней; а въ сборѣ людей одинаковаго настроенія — это настроеніе ростетъ соотвѣтственно накопляющейся массѣ. Между тѣмъ, тѣ же самые старые отпускные, вступая въ ряды военной молодежи, становятся дядюшками, почтенными; они учатъ другихъ, ихъ слушаютъ съ должнымъ подобострастіемъ,—нравственное положеніе ихъ совершенно измѣняется, они чувствуютъ себя гораздо лучше и начинаютъ смотрѣть иными глазами на службу. Съ другой стороны—мы это видѣли на ополченіи 1855 года — въ важные для отече-

Digitized by Google

ства часы, запасный рекрутъ станетъ въ ряды съ сердечною охотою; ему нуженъ только руководитель — одинъ на нѣсколько человѣкъ — строевой унтеръ-офицеръ и старый солдатъ, которыхъ, къ несчастію, недоставало въ ополченіи 1855 года, какъ недоставало всего, начиная съ ружей. По той же причинѣ оказались несостоятельными даже хорошо вооруженные французскіе мобили 1870 года. Изъ батальіона, формируемаго въ подученномъ рекрутскомъ запасѣ, съ кадромъ строевыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, можетъ выйти войско, если его формировать какъ слѣдуетъ; изъ сбора же однихъ отпускныхъ старыхъ сроковъ выйдетъ лишь то, что не разъ уже у насъ видѣли, особенно въ достопамятные 1849 и 1854 года. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, писать проектъ объ образованіи русскихъ резервовъ, не принимая во вниманіе того, что должно быть извѣстно каждому офицеру, формирующему новый взводъ.

Составители проекта полагаютъ, что они разрѣшили задачу о качествѣ временнаго войска, набирая его исключительно изъ отпускныхъ солдатъ какихъ бы то ни было сроковъ. Между тѣмъ мы указали выше на общеизвѣстный и несомнѣнный фактъ, что всякое временное войско есть въ сущности не болѣе, какъ ополченіе, по отсутствію въ немъ внутренней склейки. Разница того или другаго вида ополченія заключается только въ степени обученія людей и доброй воли, съ какою они становятся въ ряды. Въ первомъ отношеніи молодой запасный рекрутъ, недавно полученный. едва ли будетъ уступать многимъ отпускному, десять лѣтъ не бравшему ружье въ руки; во всякомъ случаѣ, онъ скорѣе пріучится къ дѣлу, чѣмъ отпускной его вспомнитъ. Что же касается до привычки къ дисциплинѣ и прочему, о чемъ можно распространяться на бумагѣ весьма краснорѣчиво, мы смѣемъ думать, что запасный рекрутъ много выиграетъ, узнавая дисциплину прямо на военномъ, а не на нынѣшнемъ мирномъ положеніи. Во второмъ отношеніи, въ смыслѣ доброй воли и истекающаго изъ нея хорошаго духа части, сборъ запасныхъ рекрутъ, перемѣшанныхъ съ отпускными (послѣднихъ $^1/_3$ или $^1/_4$), кажется несравненно выше сбора однихъ старыхъ отпускныхъ; въ этомъ никакой военный человѣкъ не усомнится.

Въ учрежденіи резервныхъ батальіоновъ проектъ подражалъ прусскому ландверу, съ тою разницею, что онъ наби-

Digitized by Google

раетъ ихъ не изъ перваго, а изъ втораго призыва, наиболѣе отставшаго отъ службы. Но подражать нельзя механически. Пруссаки формируютъ подвижной резервъ исключительно изъ отпускныхъ солдатъ, потому что у нихъ за арміей нѣтъ ничего живаго, кромѣ отпускныхъ, развѣ какія нибудь калѣки. Когда все 20-лѣтнее населеніе привлекается къ службѣ, то выбирать уже не изъ чего. Но если бы у пруссаковъ оставалось за рекрутскимъ наборомъ 120 тысячъ молодыхъ годныхъ людей, то они устроили бы свой резервъ не по образцу нашего проекта; за это можно поручиться.

По нашему мнѣнію, подымая всю Россію на ноги надобно дѣлать такъ, чтобы изъ этого вышло что-нибудь дѣйствительно грозное для непріятеля, а не для однихъ податныхъ плательщиковъ.

Срокъ переустройства.

Мы разсмотрѣли всю систему учрежденій, предположенныхъ проектомъ. Система эта будетъ осуществлена въ полнотѣ только въ 1889 году, черезъ 17 лѣтъ, когда подготовится запасъ отпускныхъ для пополненія арміи на войнѣ. До тѣхъ поръ русская армія будетъ стоять въ переходномъ положеніи, прибѣгая въ случаѣ надобности къ временнымъ мѣрамъ и опираясь, главнѣйше на рекрутскій запасъ. Такимъ образомъ запасъ этотъ станетъ на долгій срокъ главнымъ нашимъ военнымъ подспорьемъ, оставаясь все-таки необученнымъ и неустроеннымъ. Какъ ни слаба, по нашему мнѣнію, вся система проекта, но она окажется, очевидно, еще гораздо слабѣе въ теченіе 17 лѣтъ переходнаго состоянія. До тѣхъ поръ благоразумнѣе не воевать. Но вѣдь теперь никто уже не воюетъ для своего личнаго удовольствія. Современная война возгарается изъ-за международныхъ притязаній, когда одинъ народъ мѣшаетъ естественному росту другаго, географически или исторически, считая въ тоже время свое притязаніе законнымъ. Такіе вопросы, остававшіеся подъ спудомъ цѣлые вѣка, зрѣютъ теперь не по днямъ, а по часамъ, и положить ихъ опять подъ спудъ — не во власти правителей. Всѣ народы это знаютъ и потому не только вооружаются съ головы до

Digitized by Google

ногъ, но, чего прежде не было, съ готовностію принимаютъ на себя тягость чрезмѣрныхъ вооруженій. У толпы вообще чутье не дурное, и если она жертвуетъ многимъ для военныхъ цѣлей, даже въ Англіи, значитъ нельзя сдѣлать иначе. Этотъ странный, хотя довольно объяснимый переломъ европейской исторіи не можетъ тянуться долго; онъ кончится самъ собою, какъ только разсѣкутся мечомъ современные гордіевы узлы— но бѣда тѣмъ, кого онъ застигнетъ неготовыми. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы въ нынѣшнемъ положеніи свѣта — Россія, даже сильно вооруженная, успѣла сохранить миръ до 1889 года; Россія же недостаточно вооруженная, не будетъ обезпечена даже въ завтрашнемъ днѣ. Послѣ передѣлки всей Европы, извѣстно, за кѣмъ теперь очередь. Система вооруженій, разсчитанная на 17 лѣтъ, еслибъ она даже обладала всевозможными совершенствами въ своемъ окончательномъ видѣ, въ наше время никуда не годится.

Причина чрезвычайной (а въ настоящую пору, даже невозможной) медленности въ развитіи нашихъ вооруженій заключается въ самомъ устройствѣ, предлагаемомъ проектомъ, неотдѣлима отъ него. Устройство это, какъ мы видѣли, основано на такомъ разсчетѣ, чтобы въ первый, самый кровавый разгаръ борьбы, можно было оставить половину арміи дома и въ то же время оказаться достаточно сильнымъ на театрѣ войны съ другою половиною. Цѣль эта, какъ читатель помнитъ, вовсе не достигается; мы далеко не оказываемся достаточно сильными числомъ дѣйствующихъ войскъ, даже при полномъ завершеніи проекта, а между тѣмъ, осуществленіе этой, совсѣмъ не военной, затѣи требуетъ итога 2.400,000 солдатъ, на службѣ и въ запасѣ, т. е. 17 лѣтъ времени, при ежегодномъ наборѣ въ 180 тыс. человѣкъ. При томъ проектъ признаетъ въ Россіи только одинъ источникъ силъ — рекрутскій наборъ. Очевидно комиссія трудилась надъ квадратурой круга. Ясно также и послѣдствіе: не дотянувъ до полнаго развитія предположенной системы (хотя и полное развитіе ея еще не большое утѣшеніе) — мы будемъ вынуждены къ войнѣ, къ одной изъ войнъ, рѣшающихъ участь народовъ, и выступимъ на враговъ съ недостаточною полевою арміею, безъ резерва и запаса, еще не готовыхъ. Рекрутскій же запасъ, которымъ проектъ хочетъ временно замѣнить свои многосложныя тыловыя учрежденія, въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ, есть не

Digitized by Google

болѣе, какъ игра въ слова — сырой матеріалъ, какимъ Россія обладала въ изобиліи и въ 1812, и въ 1855 году.

Между тѣмъ—кто же не видитъ?—цѣль достигается самыми простыми пріемами, и достигается тѣмъ лучше, чѣмъ пріемы проще. Намъ нужны полевые кадры, болѣе многочисленные, чѣмъ теперь, умноженные не насчетъ бюджета, а насчетъ мѣстныхъ войскъ; нужно достаточное число отпускныхъ для приведенія этихъ кадровъ не только въ штатное состояніе по военному положенію, но и выше, если потребуется (по образцу бывшихъ австрійскихъ батальіоновъ въ 1,200 рядовыхъ) съ заблаговременнымъ приспособленіемъ къ этой цѣли матеріальнаго снаряженія; нужно нѣкоторое число запасныхъ нижнихъ чиновъ для кадровъ резервныхъ войскъ и правильное, обширное подготовленіе рекрутскаго запаса, т. е. ополченія, какъ основнаго матеріала резерва. Однимъ словомъ, нужно развивать русскія силы не изъ одного источника, а изъ двухъ разомъ—изъ рекрутскаго набора и изъ рекрутскаго запаса. Такихъ простыхъ и не головоломныхъ пріемовъ было бы достаточно для приготовленія Россіи къ самой страшной борьбѣ года на четере, много въ пять. Въ этотъ срокъ не было бы еще сдѣлано все, но было бы достигнуто больше, въ смыслѣ боевыхъ цѣлей, чѣмъ проектъ имѣетъ въ виду черезъ 17 лѣтъ. Между тѣмъ два года уже потрачено на изобрѣтеніе непрактичныхъ плановъ, и все-таки, по словамъ проекта «положеніе о запасныхъ офицерахъ еще не выяснено даже въ главныхъ основаніяхъ».

VII.

Взвѣсилъ ли проектъ особенности нашей русской дѣйствительности? Посмотримъ.

Но прежде всего для этого надо уяснить себѣ разъ навсегда, въ чемъ состоитъ главная задача русскихъ вооруженій, къ какой цѣли должно преимущественно клониться ихъ устройство? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этого вопроса нельзя было поставить. Всякій зналъ твердо, что задача постоянной русской арміи состояла въ огражденіи силою существенныхъ интересовъ имперіи, внутреннихъ и внѣшнихъ; но съ 1862 года

Digitized by Google

всѣ документы военнаго вѣдомства и всѣ военные журналы говорятъ единственно о войнѣ оборонительной. Этотъ фактъ можно было бы подкрѣпить безчисленнымъ рядомъ выписокъ, безъ единаго исключенія. Приходится, стало быть, думать, что въ послѣдніе годы назначеніе боевой русской арміи стало уже не тѣмъ, чѣмъ оно было отъ первыхъ годовъ Петра Великаго до 1862 года; что отнынѣ всѣ усилія будутъ направлены исключительно къ оборонительнымъ цѣлямъ? Такой вопросъ не игра въ слова, такъ какъ пріемы устройства вооруженныхъ силъ для обороны или наступленія, хотя довольно сходны, но все же не тождественны. Мы не спрашиваемъ, насколько пригодна для Россіи исключительно оборонительная система; мы спрашиваемъ просто—возможна ли она?

Кто въ силахъ внести войну въ непріятельскую землю, тотъ несравненно болѣе ограждаетъ свой собственный край отъ вторженія, чѣмъ при одной способности къ страдательной оборонѣ; того и задираютъ съ гораздо большей оглядкой. Эта истина доступна всякому младенцу. Но дѣло еще не въ томъ.

Есть въ Европѣ государства географически законченныя, къ которымъ ничего не можетъ больше прирости, у которыхъ ничего нельзя отнять — ихъ природная грань совпадаетъ съ гранью племенною. Такова Испанія, такова будетъ черезъ полвѣка Италія, когда сростется нравственно въ органическое цѣлое. Государства эти, не первостепенныя по своимъ силамъ, не могутъ серьезно играть роль великихъ державъ, не могутъ принимать участіе во всемірныхъ событіяхъ иначе, какъ въ качествѣ чьихъ либо союзницъ, полевая армія нужна имъ дѣйствительно только въ оборонительномъ смыслѣ, какъ кадры народнаго ополченія и какъ сила полицейская. Италія истощается на армію потому только, что не увѣрена до сихъ поръ въ своей окрѣплости. Но можетъ ли держава дѣйствительно первостепенная, опирающаяся только на себѣ, а не на общемъ политическомъ равновѣсіи, успокоиться на системѣ оборонительныхъ военныхъ учрежденій? Теперь уже не выростаютъ изъ подъ земли орды Батыя, внезапно устремляющіяся на Европу, никто не нападаетъ на сильный народъ, если онъ спокойно сидитъ дома, ни во что не мѣшаясь. Но великій народъ не можетъ замыкаться дома, потому что его прямые интересы, вещественные и нравственные, не заключаются въ предѣлахъ государства, разростаются далеко за эти предѣлы.

Digitized by Google

Могла ли бы Франція, даже носящая еще на себѣ слѣды прусскаго нашествія, стерпѣть молча все, что сдѣлали бы безъ ея вѣдома съ Бельгіей, Голландіей, Швейцаріей даже съ Турціей? Могла ли бы она, даже теперь, допустить безгласно новую кандидатуру прусскаго принца на испанскій престолъ? Поступить иначе значило бы для нея обрѣчь себя на международное положеніе Польши XVIII вѣка и современемъ погибнуть какъ Польша. Великіе народы держатъ великую армію именно для огражденія своихъ внѣшнихъ интересовъ. Но есть ли смыслъ въ томъ, чтобъ ограждать свои внѣшніе интересы, приготовляясь къ страдательной оборонѣ? Великая держава, рѣшившаяся держаться исключительно оборонительной системѣ перестала бы съ того же дня считаться великой державой, голосъ ея не имѣлъ бы уже никакого значенія.

Кромѣ того, отпоръ врагу можетъ часто представлять вѣроятность успѣха только при томъ условіи, чтобы предупредить его и самому вторгнуться въ его землю. Таково напримѣръ было бы единственное условіе успѣха Австріи въ войнѣ съ нами. При нынѣшнемъ настроеніи славянскихъ народовъ австро-венгерской монархіи она погибла бы несомнѣнно, еслибъ русскія арміи побѣдоносно перешли за Карпаты; съ этой минуты она разсыпалась бы сама собою. Для того чтобъ отбиться, Австрія должна была бы стараться предупредить насъ и ринуться впередъ, возмущая Польшу, насколько подобная цѣль еще осуществима. Наступательная война была бы для нея единственнымъ способомъ достигнуть оборонительныхъ цѣлей. Ясно, что и наоборотъ выходитъ почти то же самое.

У всѣхъ великихъ державъ есть великіе заграничные интересы, но у двухъ изъ нихъ—Германіи и Россіи, очевидно еще не вполнѣ сложившихся, бѣлая половина великихъ народныхъ интересовъ лежитъ за рубежемъ государства. Изъ всѣхъ историческихъ русскихъ вопросовъ, могущихъ стать международными перестали быть вопросомъ только одинъ—вопросъ о цѣлости и неприкосновенности московской Россіи, начинающейся съ лѣваго берега Днѣпра. Все остальное еще не рѣшено окончательно. Отъ Днѣпра до Баваріи и отъ Нѣмана (можно сказать даже отъ Финскаго залива до Босфора) тянется рядъ владѣній и областей, протестующихъ болѣе или менѣе настойчиво противъ ихъ нынѣшняго политическаго дѣленія; очевидно дѣленіе это далеко не представляетъ прочности рубежей За-

Digitized by Google

падной Европы. Русская граница—ничто иное, какъ условная черта, проведенная дипломата черезъэ ту, покуда еще забытую, часть Европы. Все что происходитъ на одной сторонѣ черты, можетъ и, вѣроятно, будетъ сильно отзываться на другой ея сторонѣ. Окончательная участь Царства Польскаго, Прибалтійскаго и Заднѣпровскаго края, свободное пользованіе Балтійскимъ и Чернымъ морями зависятъ, даже тѣсно зависятъ, отъ того, что случится съ Даніей, Богеміей, Сербіей, Румыніей или съ черноморскими проливами. Дѣйствительная оборонительная система Россіи, ограждающая не только настоящее, но и будущее, состоитъ въ томъ именно, чтобъ не допускать, вдоль своей границы какихъ либо политическихъ сочетаній явно намъ враждебныхъ или неблагопріятныхъ. Но для того чтобъ не допустить ихъ, нужна подвижная, т. е. наступательная сила. Было бы весьма замысловато противодѣйствовать неблагопріятному для насъ обороту дѣлъ за границей тѣмъ способомъ, чтобы молча готовиться къ оборонительной войнѣ. На насъ никто не нападетъ, если мы не станемъ никому мѣшать дѣлать все, что онъ хочетъ. Въ такомъ случаѣ можно было бы совершенно безопасно протестовать и въ то же время распустить армію; въ ней не окажется никакой надобности. Безъ сомнѣнія, такое отреченіе отъ внѣшнихъ дѣлъ повело бы современемъ къ рѣшенію всѣхъ ихъ въ самомъ непріязненномъ для Россіи смыслѣ и тогда международные вопросы пердвинулись бы съ внѣшней стороны нашей пограничной черты на внутреннюю. Но до этого еще далеко, а покуда на насъ никто не нападетъ безъ прямаго вызова. Чтобы Россія не дѣлала съ собой, на войну съ нею все-таки никто не пойдетъ безъ крайности. Недаромъ тѣни Карла XII и Наполеона носятся надъ русскимъ рубежемъ, предостерегая неблагоразумныхъ. Тѣмъ не менѣе, запираться дома систематически, тратя ежегодно полтораста милліоновъ на чисто-оборонительныя учрежденія, неимѣющія никакого вѣса въ глазахъ свѣта, значило бы не отвратить, а навлечь грозу, только не на наше, а на слѣдующее за нами русское поколѣніе. Къ тому времени внѣшнія дѣла пришли бы уже въ такое положеніе, противъ насъ накопились бы такія силы, что наши оборонительныя средства оказались бы, вѣроятно, недостаточными.

Небывалая у насъ наклонность къ оборонительнымъ учрежденіямъ истекаетъ прямо и всецѣло изъ воспоминаній крым-

Digitized by Google

ской войны, не дающей, однакожъ, повода ни къ какому военному выводу, по самой исключительности событія, доказавшаго только нестаточность успѣшнаго веденія войны при невозможной политической обстановкѣ.

Притомъ, надо дать себѣ ясный отчетъ, что такое значатъ собственно оборонительныя учрежденія? Чистый образецъ такихъ учрежденій мы видимъ въ Швейцаріи. Онѣ состоятъ въ томъ, чтобъ обратить весь народъ — не въ источникъ, изъ котораго почерпается армія — а въ самую армію, противопоставить вторженію громадныя силы цѣлаго народа, обученнаго военному дѣлу, замѣняя качество количествомъ. Постоянной арміи въ этомъ случаѣ не полагается вовсе—система экономическая и достаточно удовлетворительная для своей цѣли. Такія учрежденія исключаютъ даже мысль о наступательной войнѣ. При подобной системѣ русскій военный бюджетъ не превышалъ бы какихъ-нибудь 30 милліоновъ. Но вѣдь этого никогда не сбудется. Наши оборонительныя средства существуютъ сами по себѣ, независимо отъ всякой системы; они состоятъ въ безчисленномъ народѣ (для котораго нужны только достаточные запасы вооруженія), въ климатѣ и разстояніяхъ; живая же русская сила всегда будетъ выражаться постоянной арміей, которая по существу своему есть учрежденіе вовсе не оборонительное. Въ дѣйствительности, по самому складу дѣла, наше военное устройство останется во всякомъ случаѣ наступательнымъ, основанномъ на многочисленной дѣйствующей арміи; недавно же возникшая, весьма неопредѣленная наклонность къ оборонительной системѣ вовсе не поведетъ къ дешевымъ, дѣйствительно оборонительнымъ учрежденіямъ, но можетъ повести лишь къ тому, что наше военное устройство, продолжая быть въ сущности наступательнымъ, останется недодѣланнымъ, недоразвитымъ, недостигающимъ настоящей цѣли.

Разумѣется, всякая наступательная война можетъ при неудачѣ обратиться въ оборонительную, съ тѣмъ, чтобъ съ перемѣною счастія опять перейти въ наступленіе. На насъ тяготѣетъ еще другое условіе. Всякая русская война въ Европѣ будетъ въ началѣ непремѣнно оборонительною, по невозможности сосредоточить наши силы одновременно съ противникомъ, вслѣдствіе чего необходимо заранѣе обезпечить сборъ арміи въ пограничномъ краѣ и вѣрно сообразить систему укрѣпленныхъ лагерей. Но выжидать, пока армія соберется, съ тѣмъ, чтобы

Digitized by Google

сломить непріятеля и преслѣдовать по пятамъ, не значитъ вести оборонительную войну; тутъ все дѣло въ полевыхъ войскахъ, т. е. въ силѣ наступательной.

Оборонительныя учрежденія не требуютъ въ Россіи ни большихъ расходовъ, ни большой изобрѣтательности. Текущая задача военнаго управленія состоитъ въ томъ, чтобы умѣть воспользоваться необъятными средствами Россіи для созданія могучей живой силы, чтобъ устроить дѣйствующую русскую армію, первую въ свѣтѣ по числу и качеству, — для чего нынѣшній военный бюджетъ болѣе нежели достаточенъ.

Надо прибавить еще одно. Людямъ не дано далеко заглядывать въ будущее. Излишняя забота о прочности, о развитіи въ дальнемъ будущемъ такого измѣнчиваго учрежденія какъ военное—докажетъ только доктринерство учредителей. Въ настоящую пору нужно собрать и связать въ одинъ узелъ силы Россіи не для потребности будущихъ поколѣній, а для первой предстоящей намъ войны. Всякій русскій сознаетъ, болѣе или менѣе ясно, что въ первой же войнѣ положительно будетъ рѣшаться участь Россіи. Намъ нужно быть сильными не къ будущему столѣтію, а къ завтрашнему дню.

VIII.

Особенности русскаго могущества, вещественныя и нравственныя, таковы, что въ дѣлѣ переустройства русскихъ силъ нельзя ступить шагу, написать одной строки, не проникнувшись впередъ ихъ значеніемъ. Между европейскими государствами лежитъ разница вида; между Россіей и Европою—разница рода. Существующее у насъ естественное отношеніе валовыхъ силъ народа къ военнымъ потребностямъ государства по большей части иное, чѣмъ на западѣ. Не говоря о множествѣ особенностей второстепенныхъ, мы перечислимъ только основныя, неотразимо вліяющія по постановку вопроса объ устройствѣ русскихъ силъ.

1) Россія вдвое многолюднѣе каждаго изъ европейскихъ государствъ и можетъ поставить подъ ружье вдвое болѣе людей. При высшемъ напряженіи силъ Германія выставила 1.200,000 человѣкъ; Россія 1855 года, имѣвшая 10 милліонами

Digitized by Google

населенія менѣе нынѣшняго, поставила 2.560,000. Мы можемъ выдвинуть въ настоящее время значительно больше людей, чѣмъ германія и Австрія вмѣстѣ. Объ относительномъ народномъ богатствѣ нечего говорить, потому, что, каково бы ни было отношеніе, нашъ военный бюджетъ превышаетъ двумя пятыми германскій и тремя пятыми австрійскій. Слѣдствіе, очевидно: вопросъ заключается у насъ не въ количествѣ людей — главной заботѣ западныхъ организаціи, а въ правильномъ ихъ употребленіи. Намъ незачѣмъ распложать число солдатъ выше мѣры.

2) Этотъ выводъ доказывается очевидною данною, на которую проектъ обратилъ очень мало вниманія. Между тѣмъ какъ всѣ европейскія государства напрягаютъ силы, розыскиваютъ послѣдняго рекрута, чтобъ поставить подъ ружье необходимое имъ число людей, у насъ, не смотря на громадную цифру солдатъ, задуманную проектомъ (2.400,000), остается ежегодно 120,000 способныхъ къ службѣ людей въ рекрутскомъ запасѣ (вѣроятно, даже гораздо больше). Такое число лишнихъ людей создаетъ намъ исключительное положеніе, позволяетъ обезпечить пополненіе арміи и вмѣстѣ устройство резерва способами, неосуществимыми въ Европѣ. На западѣ все подростающее населеніе ставится подъ ружье и самостоятельнаго резерва создать не изъ чего; тамъ резервъ есть ничто иное, какъ хвостъ, оторванный отъ полевой арміи, вторая ея половина; для постоянныхъ войскъ остаются только младшіе сроки. Ясно кажется, что раздѣленіе служилыхъ солдатъ между арміей и резервомъ, то есть ослабленіе полевой арміи всѣмъ числомъ людей, расходуемыхъ на резервъ, есть на западѣ не теорія, а необходимость, вынуждаемая скудостію въ людяхъ; иначе откуда добыть резервъ, безъ котораго дѣйствующая армія не можетъ сосредоточиться на границѣ? Мы же, въ нашемъ льготномъ положеніи, имѣя за постоянными войсками громадное число лишнихъ людей, можемъ не стѣсняться подобнымъ рязсчетомъ и вливать въ полевую армію почти всѣ сроки служилыхъ солдатъ, за небольшимъ исключеніемъ, доводя ее численность до размѣровъ, невозможныхъ въ другихъ странахъ. Надобно только пользоваться своимъ преимуществомъ, не держась слѣпо европейской рутины наперекоръ собственной природѣ.

Если мы будемъ держать солдатъ исключительно для по-

Digitized by Google

левой арміи и кадровъ резервныхъ войскъ, то, очевидно, армія будетъ гораздо сильнѣе при гораздо меньшемъ количествѣ запасныхъ солдатъ, т.-е. сократится разорительный для народа рекрутскій наборъ, окажется больше простора въ назначеніи сроковъ службы, содержаніе вооруженныхъ силъ по мирному времени станетъ дешевле, а число людей рекрутскаго запаса значительно возрастетъ. Однимъ словомъ армія останется арміей; выдѣленнымъ военнымъ сословіемъ, отдавшимся ратному дѣлу, какъ было до сихъ поръ; какъ желалъ Тьеръ, какъ долженъ желать всякій военный, какъ пожелали бы сами пруссаки, еслибъ не были стѣснены въ этомъ отношеніи недостаткомъ въ людяхъ. Намъ осталось бы только позаботиться объ устройствѣ резерва и о средствахъ пополненія дѣйствующихъ силъ на войнѣ хорошо подготовленнымъ матеріаломъ.

3) Обѣ эти послѣднія потребности, очевидно, сливаются въ одну. Какъ ни подучать въ началѣ запасныхъ рекрутъ, они выйдутъ еще гораздо лучше, если будутъ получены вторично, въ составѣ строевыхъ частей. А какъ Россіи нужно въ военное время не 200 резервныхъ батальіоновъ, а неопредѣленное число, котораго нельзя указать заранѣе, то эти резервные батальіоны изъ рекрутскаго запаса съ кадрами отпускныхъ солдатъ станутъ лучшею школою ополченія и лучшимъ запасомъ для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ; люди станутъ переходить изъ строя въ строй, а резервные батальіоны— постоянно подготовлять новыхъ людей. Вторая линія резервныхъ батальіоновъ не можетъ быть лучше употреблена; она окажется полезною вдвойнѣ. Для этой цѣли число резервныхъ батальіоновъ можетъ быть даже увеличено. Никакое напряженіе силъ въ военное время не должно считаться излишнимъ, только бы оно было сколь можно легче въ мирное время. При русскомъ многолюдствѣ, устройство, основанное на хорошо подготовленномъ рекрутскомъ запасѣ, можетъ отличаться качествами, недоступными никакой европейской организаціи — неограниченностію готовыхъ резервныхъ силъ и неистощимостію средствъ пополненія арміи.

4) За укомплектованіемъ арміи и отдѣленіемъ части запасныхъ солдатъ въ кадры резервныхъ войскъ, ихъ останется еще очень много. Разумъ велитъ пользоваться ими въ день объявленія войны, не откладывая. Но число постоянныхъ кадровъ разсчитывается по количеству служащихъ людей, а не

Digitized by Google

отпускныхъ. Создавать новыя полевыя части, во время перехода на военное положеніе, негодится; да у насъ не стало бы для этого и офицеровъ. А потому существуетъ только одинъ способъ пользоваться запасными солдатами — усиливать число рядовъ въ ротахъ. Предѣлъ растяжимости части, такое число людей, чтобы ротный командиръ могъ легко управиться ими въ строю и на стоянкѣ — примѣрно 300 рядовыхъ. Но въ пятиротномъ батальіонѣ, какъ у насъ, совершенно достаточно и 240 рядовыхъ на роту, то есть 300 лишнихъ рядовыхъ на батальіонъ; иначе онъ вышелъ бы слишкомъ неповоротливъ. Дѣйствующая пѣхота усилится такимъ способомъ на цѣлую четверть, каждый пѣхотный трехъ-батальіонный полкъ будетъ въ дѣйствительности равенъ 4-хъ-батальіонному, выставитъ 4,000 штыковъ. Самъ же проектъ говоритъ, что въ началѣ войны армія теряетъ 20% своей численности; не лучше ли сразу влить въ нее эти 20 или даже 25%, придавая ей рѣшительное численное превосходство надъ непріятелемъ, чѣмъ посылать за нею маршевые батальіоны въ первомъ же періодѣ дѣйствій, не зная навѣрное, придутъ ли они по назначенію и въ какомъ положеніи встрѣтятъ свои кадры. Войско таетъ на войнѣ такъ быстро, что никакая строевая часть не можетъ считаться слишкомъ сильною въ началѣ,—разумѣется до извѣстныхъ предѣловъ. Въ западныхъ арміяхъ такой пріемъ не употребляется главнѣйше по недостатку готовыхъ людей; въ началѣ войны рекруты текущаго года не обучены и даже еще не собраны, а запасные люди необходимы для формированія резерва. У насъ же льготное отношеніе численности людей къ военнымъ потребностямъ не только допускаетъ этотъ способъ усиленія арміи, но обращаетъ его въ одно изъ нашихъ великихъ преимуществъ *).

*) Записка 7 ноября 1870 года возражаетъ противъ усиленія числа рядовъ (обсуждавшагося уже въ нашей военной литературѣ), но не съ тактической, а съ административной точки зрѣнія. Возраженіе состоитъ въ томъ, что увеличеніе числа рядовъ разстраиваетъ предварительный разсчетъ вещественнаго снаряженія войскъ. Какъ будто можно возражать такимъ образомъ. Дѣло идетъ не о внезапной мѣрѣ; размѣръ снаряженія соображается съ тѣмъ, что заранѣе имѣется въ виду: для батальіона въ 900 рядовыхъ на 900, для батальіона въ 1,200 рядовыхъ на 1,200. Даже при внезапномъ усиліи части, развѣ трудно придать батальіону нѣсколько лишнихъ повозокъ и лишній патронный ящикъ, какъ придадутъ ихъ резервнымъ и всякимъ вновь формирующимъ войскамъ?

Digitized by Google

5) Выражая все вышеизложенное нѣсколькими словами, особыя условія русской земли и русскаго войска позволяютъ (а стало быть и требуютъ, потому что это выгодно) ограничить рекрутскій наборъ потребностями одной полевой арміи, въ усиленномъ составѣ батальіоновъ, съ излишкомъ для сформированія кадровъ резервныхъ войскъ. Никакихъ постоянныхъ кадровъ для резерва въ мирное время не требуется, кромѣ артилерійскихъ. Намъ нужна сколь возможно сильная боевая армія изъ отлично обученныхъ солдатъ, если можно не слишкомъ краткосрочныхъ, а за арміей—достаточно подготовленныя народныя силы, для образованія неопредѣленнаго числа резервныхъ войскъ, сколько бы ихъ ни потребовалось, и безостановочнаго пополненія арміи въ военное время. По своему многолюдству, мы располагаемъ не однимъ, а двумя источниками вооруженныхъ силъ — рекрутскимъ наборомъ и

Неужели бѣда только въ томъ, что эти повозки будутъ не форменныхъ размѣровъ? Придетъ ли въ голову, ради такой форменности, оставлять дома, безъ дѣла, нѣсколько сотъ тысячъ обученныхъ людей, достаточныхъ для рѣшенія побѣды?

Кромѣ того надо сказать: увеличеніе числа рядовъ не требуетъ никакого расширенія офицерскихъ штатовъ, по крайней мѣрѣ у насъ. Въ русской арміи извѣка считается правиломъ: людьми командуютъ только старшіе офицеры, достаточно изучившіе службу—ротные и эскадронные командиры; а младшіе; т.-е. субалтернъ-офицеры, стоятъ передъ фронтомъ и несутъ общую службу по полку и батальіону, не имѣющую никакого отношенія къ числу людей, подготовляясь къ начальствованію въ свою пору. Дѣйствительная власть въ подраздѣленіяхъ части принадлежитъ у насъ фельдфебелю и капральнымъ унтеръ-офицерамъ, считающимся прямыми помощниками ротнаго командира. Порядокъ этотъ никѣмъ не сочиненъ, онъ выросъ изъ естественнаго склада русской арміи; тронуть его, поставить надъ взводомъ 20-лѣтняго мальчика, вмѣсто опытнаго капральнаго, значило бы замѣнить дѣйствительное управленіе людьми—воображаемымъ. Въ западныхъ арміяхъ дѣло иное—тамъ нельзя оставить даже полувзвода безъ офицера, вслѣдствіе другаго общественнаго склада. Въ Европѣ народъ давно уже превратился въ безсвязную чернь, которая не можетъ обойтись безъ предводителя изъ высшихъ сословій, даже для барикадъ и битья фонарей. Для нашихъ солдатъ, выходящихъ изъ народа, не утратившаго связности въ домашнемъ быту, привыкшаго еще въ селѣ къ начальству изъ своей среды, урядникъ или унтеръ-офицеръ такой же начальникъ, какъ и офицеръ; разница только въ томъ, что первый ближе къ людямъ и лучше ихъ знаетъ, что для командованія капральствомъ важнѣе всѣхъ наукъ. Европейцы не могутъ усиливать роты, не добавляя субалтернъ-офицеровъ; у насъ этого не нужно. Какже не пользоваться такимъ преимуществомъ?

Digitized by Google

рекрутскимъ запасомъ или ополченіемъ. Вотъ величайшая изъ особенностей Россіи.

6) Крупная и на этотъ разъ уже не полезная особенность наша состоитъ въ малочисленности образованнаго слоя общества, изъ котораго почерпаются офицеры. Очевидно намъ необходимы двѣ мѣры: первая—начинать планъ переустройства русскихъ силъ не иначе, какъ положеніемъ о запасныхъ офицерахъ, которые, по словамъ проекта, до сихъ поръ еще невыяснено даже въ главныхъ основаніяхъ (любопытно знать, когда оно выяснится, неужели послѣ войны?); вторая мѣра: усилить по возможности число служилыхъ офицеровъ, такъ какъ большинство запасныхъ изъ вольноопредѣляющихся не будетъ годиться для полевой войны. Но какая же предстоитъ къ тому возможность при нынѣшнихъ порядкахъ, когда на 16,000 офицеровъ полевыхъ войскъ содержится слишкомъ 11 тысячъ военныхъ чиновниковъ въ эполетахъ и безъ эполетъ, стоющихъ несравненно дороже всѣхъ строевыхъ и считающихъ совершенно искренно и резонно переходъ въ строй за ссылку. Пока эта недавно созданная особенность Россіи не будетъ подведена подъ прусскіе порядки, сборъ безчисленнаго числа людей подъ ружьемъ дастъ у насъ въ итогѣ только новый расходъ, а не новую силу. Несравненно полезнѣе перещеголять пруссаковъ въ сокращеніи нестроевыхъ штатовъ, чѣмъ въ предпринятой проектомъ мобилизаціи ландштурма.

7) Великая особенность Россіи заключается въ самостоятельности и обиліи кавалерійскихъ источниковъ, ей только свойственныхъ. Имѣть возможность выставить въ поле 250 или 300 тысячъ стрѣлковой конницы, новаго, неподражаемаго для нашихъ враговъ, страшнѣйшаго изъ оружій, извращающаго въ нашу пользу всѣ вѣроятности современной войны—и не пользоваться этою возможностью, не значитъ заниматься серьезно русскимъ военнымъ устройствомъ. Проектъ пренебрегаетъ естественными источниками русскихъ конныхъ силъ до такой степени, что замѣняетъ ихъ, какъ мы видѣли, конными чухонцами. Конечно, проектъ не можетъ не затрудняться развитіемъ русской конницы во всей ея самобытности. Силы кубанскаго войска, напримѣръ, понижены съ 29 дѣйствующихъ и столькихъ же запасныхъ полковъ на 10 полковъ всего, по военному положенію. Кубанское войско не исключеніе. Для созданія всесокрушающей русской стрѣлковой конницы нужно

Digitized by Google

прежде всего вычеркнуть изъ практики 10 лѣтъ дѣятельности, предшествовавшей проекту.

8) Техническое развитіе слабо въ Россіи, а война запретъ вмѣстѣ наши моря и наши сухопутныя границы. Наше положеніе будетъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ положеніе Франціи 1870 года, имѣвшей свободный доступъ ко всѣмъ оружейнымъ заводамъ въ свѣтѣ. Держать на готовѣ $2^1/_2$ милліона солдатъ при одномъ милліонѣ ружей, безъ двойнаго или хоть полуторнаго комплекта полевой артилеріи (кто знаетъ, сколько орудій придется придать резервамъ и ополченіямъ, сколько выставить въ пополненіе дѣйствующихъ?), безъ сильной крѣпостной артиллеріи, безъ обширнаго внутренняго развитія селитрянаго производства и сѣрныхъ копей и проч., значитъ забывать, что человѣкъ стоитъ дороже ружья и патроновъ, даже по цѣнѣ, недавно еще выдававшейся за крѣпостную душу. Вездѣ на свѣтѣ матеріальныя заготовленія предшествуютъ увеличенію личнаго состава, на худой конецъ сопутствуютъ ему, но никогда не слѣдуютъ за нимъ; тѣмъ менѣе въ государствѣ, которому невозможно пополнить недочетъ послѣ объявленія войны.

Наконецъ 9-я, самая существенная особенность Россіи заключается въ томъ, что мы можемъ менѣе чѣмъ кто либо другой на свѣтѣ обойтись безъ грозной силы. Европейскія государства обрываютъ другъ друга когда смогутъ, но тѣмъ не менѣе искренно признаютъ другъ за другомъ право на существованіе, даже приблизительно въ предѣлахъ давно уже намѣченныхъ каждымъ изъ нихъ; Россія же до сихъ поръ чужая въ Европѣ, она непрошеный гость, ее признаютъ искренно только угнетенные славяне, она живетъ лишь потому, что ей не могутъ помѣшать жить, потому что она достаточно сильна, чтобы отбиться. Еслибъ современная Франція не думала объ отмщеніи, она могла бы не заботиться о большихъ вооруженіяхъ. Для насъ же вопросъ силы есть вопросъ жизни, мы не должны уснуть спокойно, пока не будемъ увѣрены, что владѣемъ силою, достаточною противъ всякой случайности. А тутъ проектъ растягиваетъ развитіе вооруженій на 17 лѣтъ. Изъ-за чего? Изъ-за того, что располагать $2^1/_2$ милліонами солдатъ для разныхъ запасныхъ и крѣпостныхъ батальіоновъ, болѣе всего лежащихъ у него на сердцѣ. Да намъ вовсе не нужно $2^1/_2$ милліона солдатъ, намъ нужны солдаты только для

Digitized by Google

боевой арміи и кадровъ резервныхъ войскъ, а затѣмъ необходимъ болѣе всего хорошо подготовленный рекрутскій запасъ, т.-е. ополченіе. Можно высчитать въ нѣсколькихъ строкахъ, сколько понадобится для того времени.

Прибавляя къ арміи изъ упраздняемыхъ кадровъ, кромѣ предположенныхъ 80 батальіоновъ, еще 108 и установляя правиломъ при переходѣ на военное положеніе усиленіе каждаго батальіона до 1,200 рядовыхъ, получится полевая армія въ 1.168,000 строевой пѣхоты—сила подавляющая *). Кромѣ того нужны еще запасные люди для кадровъ резервныхъ батальіоновъ и резервной артиллеріи, по ротѣ на батальіонъ, положимъ, примѣрно для 500 батальіоновъ, значитъ всего 500 ротъ—125 т. человѣкъ, считая со стрѣлками. Вмѣстѣ съ дѣйствующею арміею это составляетъ 1.300,000 пѣхотныхъ строевыхъ солдатъ. Прилагая артиллерію, инженерныя войска, необходимыя команды, однимъ словомъ, все, кромѣ конницы (пополненіе которой надо искать для будущаго, по естественному порядку, въ казачьихъ войскахъ, а не въ рекрутскомъ наборѣ), намъ нужно $1^1/_2$ милліона строевыхъ солдатъ съ небольшимъ, которыхъ мы будемъ имѣть по разсчету проекта въ 1875 г. **). Затѣмъ, надо

---

*) Разсчетъ короткій. Вмѣсто 250 мѣстныхъ запасныхъ батальіоновъ (составляющихъ 125 полныхъ) и 29 крѣпостныхъ, можетъ быть сформировано 154 полевыхъ батальіоновъ. Откидывая не много менѣе трети этого числа для покрытія расходовъ на артиллерію и новые дивизіонные полковые штабы (т. е. больше чѣмъ нужно) остается еще 108 батальіоновъ, 9 пѣхотныхъ дивизій. Такимъ образомъ достаточно только захотѣть, чтобы повысить полевую армію не 80, а 188 батальіонами, не 10, а 19 дивизіями; тогда число кадровъ полевыхъ батальіоновъ возрастетъ до 876, число пѣхотныхъ полковъ до 292. Съ переходомъ на военное положеніе и увеличеніемъ числа рядовъ запасными людьми, каждый пѣхотный полкъ можно усилить до 4 тысячъ штыковъ, что и даетъ вышепоказанное число. Еслибъ потребовались новыя войска, то изъ каждаго батальіона легко было бы образовать новый полкъ, дополняя его подученными людьми рекрутскаго запаса—полкъ до нѣкоторой степени солидный, такъ какъ кадръ его состоялъ бы изъ дѣйствующихъ войскъ въ пропорціи трети.

**) Число нестроевыхъ въ нашихъ войскахъ безпримѣрно велико, а людей внѣ арміи, всевозможныхъ названій, еще больше. Даже по проекту предполагается упраздненіе большей части ихъ, въ дѣйствительности же нужно чрезвычайное пониженіе числа людей внѣ строя. Считая по прусски 95% нестроевыхъ людей во временныхъ войскахъ, $1^1/_2$ милльіона солдатъ станетъ на всѣ потребности.

Digitized by Google

принять всевозможныя мѣры для развитія прочно подученаго рекрутскаго запаса, въ первое время по три разряда разомъ, по крайней мѣрѣ, и образованія цѣлаго сословія запасныхъ офицеровъ не однимъ, а многими путями. Вотъ очень недолгій срокъ устройства русскихъ силъ, потому именно недолгій, что онъ истекаетъ изъ дѣйствительныхъ потребностей, для которыхъ всегда находятся на лицо (такъ это мудро устроено природою и дѣйствительныя средства. Этотъ короткій очеркъ русскихъ потребностей не сочиненъ кѣмъ-либо, онъ рождается самъ собою даже изъ проекта (какъ мы видѣли во все продолженіе нашего разбора), подстановкой подъ каждымъ натянутымъ предположеніемъ, соотвѣтствующей естественной мѣры. Проектъ не желаетъ 1.160,000 боевой пѣхоты черезъ три года, онъ хочетъ только 688 тысячъ, но зато непремѣнно черезъ 17 лѣтъ, не заботясь черезчуръ, какъ и слѣдуетъ, о той присущей Россіи особенности, что она не можетъ быть увѣрена въ одномъ днѣ, оставаясь слабѣе сосѣдей.

Вотъ коренныя отличія Россіи, вынуждающія, помимо всякой теоріи, сообразоваться съ почвой. Можно ли создать что нибудь практически соотвѣтствующее нашимъ потребностямъ, не принимая ихъ въ разсчетъ? Мы не говорили еще о многомъ, напримѣръ, объ особыхъ условіяхъ сбора русской арміи, по неудобству вести печатную рѣчь, всегда доходящую до Европы, о такомъ предметѣ. Сообразовался ли сколько нибудь проектъ съ этими рѣзкими чертами русской дѣйствительности? Въ немъ не видно даже такого намѣренія. Нельзя упрекнуть проектъ въ томъ, чтобъ онъ слѣпо подражалъ прусскимъ военнымъ учрежденіямъ, принимаемымъ теперь вообще за образецъ; мы видѣли, что онъ сначала отрѣзалъ имъ руки, ноги и голову; и взялъ въ примѣръ нескладное, неузнаваемое туловище. Нельзя также упрекнуть его и въ томъ, чтобъ онъ слишкомъ стѣснялся особенностями среды, къ которой прилагаетъ этотъ образецъ. Проектъ вовсе не устанавливаетъ плана русскаго военнаго устройства, онъ сочиняетъ устройство произвольное, относящееся къ Россіи не болѣе, чѣмъ къ Бельгіи или къ Бразиліи, а что всего хуже—вовсе не относящееся къ концу третьей четверти девятнадцатаго вѣка. Явленіе не новое у насъ, только въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о хроническомъ недугѣ, съ которымъ люди уживаются, а о самомъ остромъ, отъ котораго можно умереть сразу.

Digitized by Google

Послѣдній документъ предварительныхъ работъ, подъ названіемъ «Записка объ измѣненіяхъ въ организаціи нашей арміи», говоритъ почти заодно съ ними. Общія разсужденія этого важнаго документа не только совпадаютъ съ нашими взглядами, но часто на цѣлыхъ страницахъ воспроизводятъ, съ легкимъ измѣненіемъ, текстъ возраженій, представленныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ противъ самаго основанія, на которомъ предполагалось воздвигнуть будущее военное устройство. Новая записка доказываетъ неудобство соединенія въ одно цѣлое полевыхъ войскъ съ резервомъ, рѣзко выставляетъ исключительную важность полевыхъ кадровъ въ нашей военной системѣ и хочетъ довести дѣйствующую армію до 63 полевыхъ дивизій, отодвигаетъ резервъ на подобающее ему весьма второстепенное мѣсто, опровергаетъ надобность въ крѣпостныхъ войскахъ, уясняетъ невыгоду подраздѣленій пѣхоты на разные разряды, и такъ далѣе. Въ своихъ общихъ разсужденіяхъ она отвергаетъ почти всѣ основанія перхоначальнаго проекта, желавшаго увѣковѣчить систему 1862 года. Цѣлый рядъ полновѣсныхъ опроверженій стараго проекта приводитъ, наконецъ, въ тому заключенію, чтобы оставить его — безъ измѣненія, не усиливать дѣйствующую армію свыше предположенныхъ 80 батальіоновъ, сохранить неприкосновенно запутанную систему тыловыхъ учрежденій, нетрогать невыгоднаго подраздѣленія пѣхоты на самостоятельные разряды и проч. Согласившись съ своими противниками въ теоріи, записка не сходитъ на практикѣ съ привычной старой почвы. Она думаетъ одно, дѣлаетъ другое. Какъ это понимать.

Отчего проектъ хочетъ, чтобъ русская дѣйствующая армія выступила на врага въ составѣ 680 тысячъ пѣхоты, когда она легко можетъ выдвинуть болѣе милліона такого же качества, при такомъ же числѣ людей подъ ружьемъ въ мирное время? Отчего онъ не пользуется рекрутскимъ запасомъ—очевиднымъ нашимъ преимуществомъ передъ Европою, устраняющимъ при должныхъ мѣрахъ всякую заботу о пополненіи арміи, заключающемъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ новыхъ, непочатыхъ силъ военнаго времени, не отрубленныхъ отъ арміи, какъ въ Европѣ, а паралельныхъ съ арміей? Отчего проэктъ довольствуется 68-ю тысячами нынѣшнихъ, обезсиленныхъ числомъ и плохо устроенныхъ казаковъ, вмѣсто 250 тысячъ стрѣлковой конницы, которая склонила бы участь

Digitized by Google

войны на нашу сторону раньше перваго выстрѣла пѣхоты. Отчего онъ откладываетъ развитіе русскихъ вооруженій до 1889 г., когда они могутъ достигнуть великой силы въ 1875? Отчего онъ потратилъ два года на безплодныя обсужденія, ничего не обсудившія, когда ничего не мѣшало разсуждать и дѣйствовать вмѣстѣ, начать обученіе рекрутскаго запаса въ тоже время, когда былъ усиленъ годовой рекрутскій наборъ, Почему, вмѣсто рѣшительныхъ и понятныхъ мѣръ, указываемыхъ самою сущностью дѣла, проэктъ обезображиваетъ прусскія учрежденія, принимаемыя имъ за образецъ, закрываетъ глаза передъ русскою дѣйствительностію, набираетъ милліоны вовсе ненужныхъ солдатъ, чтобы оставить ихъ безъ дѣла, сочиняетъ 8 подраздѣленій пѣхоты, всякіе запасные, крѣпостные, маршевые батальіоны и проч. учрежденія, нигдѣ не существующія, идущія наперекоръ современнымъ, общепринятымъ военнымъ истинамъ и пріемамъ? Отчего проэктъ не хочетъ признать этихъ истинъ на дѣлѣ, хотя съ самаго начала соглашался съ ними во вставкахъ, а теперь соглашается въ цѣлой систематической запискѣ.

Сколько ни ломать головы надъ этою задачею, отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Не смотря на вставку, можетъ быть обязательную, объ увеличеніи полевой арміи «возможною цифрою», новые проэкты (мы не говоримъ о коммиссіи) заботятся болѣе всего о неприкосновенности основаній, изложенныхъ въ старыхъ проэктахъ, въ запискѣ 7 ноября 1870 г. Записка, въ свою очередь, задавалась исключительной заботой—сохранить всѣ черты системы 1862 г.

Надо замѣтить: предпринятое нынѣ преобразованіе, очевидно предполагающее несостоятельность исправляемой имъ системы 1862 года, вынуждается не устарѣлостію, ея а неправильными взглядами, на которыхъ она заложена. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ прусская система, введенная еще въ 1860 г., двумя годами ранѣе, и не требующая до сихъ поръ никакой передѣлки, повсѣду признаваемая образцовой. Въ 1862 и въ послѣдующихъ годахъ въ Россіи, какъ и въ Пруссіи, существовали уже всѣ данныя, то есть, всѣ средства и потребности для основанія современнаго военнаго устройства, въ полномъ значеніи этого слова; надобно было только умѣть обращаться съ ними. Вмѣсто того, намъ приходится теперь передѣлывать свою систему, хотя удовле-

Digitized by Google

творительно передѣлать ее невозможно, потому что въ основаніи ея положены—не военныя цѣли, а административныя удобства; но если такъ, то подставлять подъ будущее наше военное устройство эту же самую систему—значитъ снова, и на этотъ разъ уже сознательно, обрекать его на полную несостоятельность, вынуждать новое преобразованіе черезъ самый короткій срокъ, если только благопріятная судьба даетъ намъ время.

Не смотря на то, послѣдніе проэкты жертвуютъ этой цѣли—увѣковѣченію системы 1862 г.—всѣмъ, можетъ быть даже участію Россіи·

Другаго объясненія нѣтъ.

Digitized by Google

Окружная система въ военномъ отношеніи.

1872 годъ.

Въ нашихъ глазахъ вопросъ о переустройствѣ русскихъ силъ на основаніи общеобязательной повинности—очень простъ. Во всякомъ вѣкѣ господствовалъ какой нибудь образецъ военныхъ учрежденій, развившійся сначала въ одной изъ армій и перенимаемый потомъ всѣми остальными. Такимъ образцомъ были въ свое время учрежденія Густава-Адольфа, Людовика XIV, Фридриха Великаго, Наполеона. Теперь, какъ доказалъ опытъ, совершеннѣйшее, относительно, военное устройство—прусское. Дѣло въ томъ, чтобы пересадить это устройство на нашу почву, не въ подробностяхъ, а въ главныхъ основаніяхъ, въ его существенномъ смыслѣ, строго примѣняясь при этомъ къ русской дѣйствительности, охраняя ненарушимо самородные источники русской силы.

Такъ поступило всевластное французское національное собраніе въ нынѣшнемъ году, примѣняя къ своей странѣ прусскія военныя учрежденія. Русская военная комиссія, проекты которой мы разбирали, не обладала такимъ произволомъ. Она не могла примѣнять прусское устройство прямо къ русской дѣйствительности, взятой въ ея чистомъ видѣ; она должна была пересадить его на почву окружной системы 1862 года, основанія которой, вѣроятно, вовсе не подлежали ея обсужденію.

До 1862 года привитіе главныхъ основаній прусской системы къ нашему военному устройству совершилось бы весьма легко; нужно было только дополнить его положеніемъ о резервахъ, что не представляло никакого затрудненія при нашемъ

Digitized by Google

многолюдствѣ. Въ то время обѣ системы, русская и прусская, рѣзко отличаясь способомъ формированія армій, всегда тѣсно зависящимъ отъ общаго бытоваго склада народа и другихъ данныхъ условій, почти не разнились въ своемъ законченномъ видѣ, въ распредѣленіи и устройствѣ готовыхъ вооруженныхъ силъ. Русскія и прусскія войска управлялись и воспитывались почти на одинаковыхъ началахъ; тѣ и другія сохраняли въ мирное время свое военное устройство, дѣлились на корпуса съ постоянными штабами, всегда оставаясь подъ рукою прямыхъ боевыхъ начальниковъ, отличались рѣшительнымъ преобладаніемъ боеваго элемента, свысока смотрѣвшаго на все нестроевое. Онѣ дѣйствовали въ походѣ на основаніи почти тождественнаго полеваго положенія; въ тѣхъ и другихъ войскахъ соблюдалась неприкосновенно полнота власти строеваго начальника, армія существовала какъ выдѣленное цѣлое, отчего и формы военнаго суда были весьма сходны; даже оказывалось то сродство, что блескъ военнаго званія и тамъ и здѣсь привлекалъ къ строевой службѣ почти все дворянство поголовно. Разница, и то случайная, обнаруживалась только въ двухъ отношеніяхъ: въ Пруссіи сохранилось званіе начальника главнаго штаба короля (достаточно оправдавшее себя въ лицѣ генерала Мольтке), вслѣдствіе чего за военнымъ министерствомъ оставалось исключительно хозяйственное значеніе, у насъ же это званіе было упразднено въ началѣ 30-хъ годовъ, и оттого нѣкоторыя войска, внѣ состава армій, подчинялись прямо министерству. Кромѣ того, пруссаки не дѣлили въ мирное время своихъ войскъ на арміи; имъ нечего было дѣлить, пока у нихъ стояло подъ ружьемъ 9 пѣхотныхъ дивизій; но съ увеличеніемъ силъ у нихъ возникли уже обширныя военныя инспекціи, подобіе армій *). При такомъ сходствѣ формъ было бы не трудно довершить сближеніе.

Это сходство формъ истекало вовсе не изъ нашего подражанія пруссакамъ; напротивъ, съ 1813 года пруссаки больше заимствовали отъ насъ, чѣмъ мы отъ нихъ. Въ теченіе двухъ вѣковъ русское военное устройство сообразовалось, конечно, съ

*) Формальное учрежденіе армій въ мирное время очень затруднительно въ Германіи, такъ какъ она можетъ быть вынуждена къ войнѣ на каждой изъ своихъ границъ, что перепутало бы дѣленіе, установленное заранѣе. У насъ же всего одна граница, на которой можетъ разгорѣться серьозная война—западная, что ставило и ставитъ совсѣмъ иначе вопросъ о русскихъ арміяхъ.

Digitized by Google

господствовавшими европейскими образцами, какъ всѣ прочія, но тѣмъ не менѣе развивалось самостоятельно. Организація полевыхъ войскъ, не выходившихъ изъ-подъ руки самыхъ опытныхъ боевыхъ начальниковъ, и хозяйственной части, подѣленной между этими начальниками и военнымъ министерствомъ, смотря по предметамъ и мѣстамъ заготовленій, складывалась постепенно, по указаніямъ продолжительнаго опыта. Подраздѣленіе вооруженныхъ силъ на арміи и корпуса съ постоянными штабами, распредѣленіе командованій, мѣра власти и взаимныхъ отношеній начальствующихъ лицъ, основанія, по которымъ эти лица избирались, составъ штабовъ, размѣщеніе и кругъ дѣйствій хозяйственныхъ учрежденій—во всемъ этомъ не было ничего произвольнаго и сочиненнаго; все создавалось постепенно и также постепенно улучшалось въ каждое царствованіе, сообразно потребностямъ мирнаго и военнаго времени, тысячи разъ заявлявшимъ о себѣ, тысячи разъ провѣреннымъ. Съ Петра Великаго до нашего времени русское военное устройство всегда соотвѣтствовало нуждамъ и средствамъ эпохи наилучшимъ образомъ, чего нельзя сказать ни о какой другой европейской системѣ: каждая изъ нихъ бывала по нѣскольку разъ въ полномъ упадкѣ. Россія не видала у себя временъ Росбаха, Іены, Садовой, Седана, поочередно посѣщавшихъ всѣ европейскія арміи. Съ Петра Великаго всѣ наши войны, сравнительно, велись очень хорошо, всѣ оканчивались побѣдоносно, если только главнокомандующій не былъ стѣсняемъ въ своихъ распоряженіяхъ; неудачныя войны 1805, 1806 и 1807 гг., первая турецкая кампанія 1828 г.—отличались отъ другихъ именно тѣмъ исключительнымъ обстоятельствомъ, что главнокомандующій не пользовался полною свободою дѣйствій. Наши арміи всегда снабжались исправно, а въ послѣднее время при князѣ Паскевичѣ эта часть была доведена до совершенства. Конецъ «дѣлу вѣнецъ» неизмѣнно доказывалъ прочность и достоинство русскихъ военныхъ учрежденій, осторожно складывавшихся въ долгіе періоды времени; всякое отступленіе отъ нашихъ основныхъ правилъ неуклонно приводило къ неудачѣ. Русскія учрежденія представляли систему, хотя не симетрически стройную (что невозможно безъ насилованія дѣйствительности), но точно примѣненную къ русскимъ потребностямъ. Сравнительно съ Европою, смотря на дѣло съ чисто военной точки зрѣнія, онѣ шли не въ хвостѣ,

Digitized by Google

а въ головѣ прочихъ и вѣроятно развились бы во всю ширь нынѣшнихъ прускихъ, но самостоятельно; еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, еслибъ могли выбиться изъ подъ гнета крѣпостнаго права. Неусыпныя попеченія почившаго государя о созданіи резерва, не смотря на самую неблагопріятную обстановку, едва ли позволяютъ въ томъ сомнѣваться *).

*) Крымская война не даетъ ни какого повода къ возраженію противъ историческихъ русскихъ учрежденій. Во первыхъ, эта война была вмѣстѣ ошибкой и нечаянностію, въ такой же мѣрѣ какъ французская война 1870 г.; не предвидя разыгравшихся событій сначала, мы все время отставали на полгода въ своихъ вооруженіяхъ отъ союзниковъ, должны были ихъ догонять и потому никогда не могли съ ними сравняться. Во-вторыхъ, направленіе этой войны было до такой степени случайнымъ и исключительнымъ, что оно спутало всѣ наши предварительные разсчеты, заставило постоянно прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Съ одной стороны, мы должны были бороться противъ невозможной политической обстановки, съ другой, отъ торопливости, безпрестанно отступали отъ своихъ основныхъ военныхъ началъ, что и прежде никогда не проходило намъ даромъ. Мы пошли за Дунай въ обходъ Австріи, предпринимая невозможное. Потомъ Австрія выставила свою нейтральную армію между нами и союзниками, предоставляя 70-тысячному десанту, стоявшему бокъ-о-бокъ съ нами, но недостижимому для насъ, возможность направить ударъ куда угодно—примѣръ, котораго еще не бывало и, можетъ быть, не будетъ. Союзникамъ было не трудно взять верхъ почти тройными силами надъ нашимъ крымскимъ отрядомъ, а затѣмъ они утвердились на позиціи болѣе крѣпкой, чѣмъ самъ Севастополь. Въ нарушеніе нашего кореннаго «учрежденія о большой дѣйствующей арміи» начальствованіе на всемъ южномъ театрѣ войны не было объединено въ однѣхъ рукахъ, вездѣ дѣйствовали независимыя одна отъ другой частныя арміи, отчего наши силы не могли быть сосредоточены къ Крыму довольно скоро, чтобъ сбить союзниковъ на первыхъ порахъ. Командованіе крымской арміей находилось все время въ очень слабыхъ рукахъ, что составляетъ уже личный вопросъ. Не смотря на то, Севастополь не былъ бы взятъ и союзники не остались бы въ Крыму на вторую зиму безъ сраженія на Чорной; а сраженіе это (какъ извѣстно изъ недавно напечатанныхъ писемъ кн. Паскевича) было дано вопреки учрежденію 1812 г. и устава 1846 г. Наконецъ продовольствованіе и все хозяйственное снабженіе крымской арміи, непредвидѣнное заранѣе, исполненное почти неодолимыхъ затрудненій, производилось безостановочно, съ такою дѣятельностію и съ такимъ знаніемъ дѣла, которыхъ остается только желать для будущей войны. Затѣмъ крымская война была только неудачною,—вотъ все, что можно сказать. Неудача же ея произошла исключительно, во-первыхъ, отъ политическихъ ошибокъ, во-вторыхъ отъ нарушенія нашихъ основныхъ военныхъ началъ; она не опровергла, а напротивъ доказала еще лишній разъ ихъ относительно, преимущество. Но толпа всегда судитъ на первыхъ порахъ по голому факту, а не по его смыслу. Изъ неудачи крымской войны стали выводить заключенія о несостоятельности нашей двухвѣковой военной системы, хотя разумная рѣчь могла идти только

Digitized by Google

Освобожденіе народа представило наконецъ полный просторъ русскому военному устройству; наши порядки могли закончиться также какъ взросли, своеобразно. Въ это время была перенесена въ Россію французская военная система (называемая у насъ системою 1862 года), нѣсколько измѣненная, но сохранившая всѣ свои основныя черты: сосредоточіе власти въ министерствѣ, различное устройство войскъ въ мирное и военное время, устраненіе отъ арміи по мирному положенію главнокомандующихъ и корпусныхъ командировъ и подчиненіе войскъ мѣстнымъ (небоевымъ) начальникамъ, поземельные округа (не для комплектованія войскъ, а для управленія ими) и военное положеніе, сохраняющее въ значительной степени зависимость главнокомандующаго отъ центральнаго военнаго управленія.

Окружная система возникла во Франціи въ исключительныхъ условіяхъ. Тамъ она основана при Бурбонахъ, послѣ второй реставраціи, съ заднею мыслію—вытравить изъ наполеоновской арміи главное ея качество—тѣсную связь полковъ между собою и съ высшими военными начальниками. Для этой цѣли расторгнуть боевой составъ арміи и боевые начальники отстранены отъ нея; войска подчинены начальникамъ поземельныхъ дивизій (округовъ), получившимъ исключительный характеръ инспекторовъ мирнаго времени. Такимъ образомъ проведено глубокое различіе между мирнымъ и военнымъ положеніемъ. Съ устраненіемъ отъ арміи главныхъ вождей, въ ней осталась только одна высшая власть—министерство, ставшее такимъ образомъ всевластнымъ. Этотъ порядокъ казался выгоднымъ. Бурбоны не вѣрили наполеоновскимъ маршаламъ вообще, но вѣрили военному министру, тщательно избранному. Вмѣстѣ съ тѣмъ и военное положеніе было прилажено къ диктатурѣ военнаго министерства; арміи, даже въ дѣйствіи, поставлены въ довольно тѣсную зависимость отъ него, особенно по хозяйственной и денежной части. Къ несамостоятельности армій французы были пріучены, впро-

---

о ея недоконченности, вслѣдствіе крѣпостнаго права. Офиціальное изданіе министерства—«Военный Сборникъ»—состоялъ тогда подъ редакціей компаніи, изъ которой вышло не мало будущихъ преобразователей; военнаго дѣла они не знали, а подобное толкованіе, естественно, пришлось имъ съ руки, и они ревностно его распространяли.

Digitized by Google

чемъ, еще Наполеономъ, распоряжавшимся ими издали, изъ своего кабинета (наприм., въ испанской войнѣ), что однакожъ не шло ему въ прокъ и постоянно вело къ пораженіямъ. Основанная реставраціей окружная система, смѣло пожертвовавшая политическимъ цѣлямъ военными, до такой степени соотвѣтствовала господствующей во Франціи централизаціи, что современемъ привилась къ странѣ, не смотря на свои громадные недостатки. Французы даже гордились ею и нашли себѣ подражателей. Надо сказать и то, что самая слабая сторона системы—хаотическій переходъ съ мирнаго положенія на военное—долго не успѣвала обнаружиться. Въ крымскую войну можно было безопасно тянуть приготовленія; въ итальянскую—этотъ недостатокъ впервые бросился въ глаза (по словамъ Трошю: se débrouiller en marche); въ 1870 г. онъ привелъ къ гибели. Это самый крупный недостатокъ системы, но ихъ много. Изъ ложнаго основанія не могутъ истекать правильныя послѣдствія.

Отличіе бывшей французской военной системы отъ прусской (почти тождественной съ нашей русской, существовавшей до 1862 года) такъ велико, что онѣ никакъ не могутъ быть слиты вмѣстѣ; между тѣмъ такой именно трудъ предстоялъ нашимъ комиссіямъ. Мы исчислимъ коренныя различія той и другой системы.

1) Въ Пруссіи войска сохраняютъ въ мирное время свое боевое устройство; съ выступленіемъ въ походъ онѣ только пополняются. У пруссаковъ выдвигаются съ мѣста готовые корпуса, въ военныхъ инспекціяхъ находятся теперь зачатки армейскихъ штабовъ; у насъ прежде выдвигались готовыя арміи. По французской же системѣ надо прежде свести разъединенныя войска въ тактическій составъ. Понятно, насколько первое совершается скорѣе и проще втораго *). Но суть дѣла

*) Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ военному положенію 17-го апрѣля 1868 г., говорится, будто опытъ доказываетъ, что наши корпуса рѣдко дѣйствовали въ полномъ составѣ; между тѣмъ, опытъ доказалъ какъ извѣстно, совершенно противное. Во всѣхъ нашихъ большихъ европейскихъ войнахъ корпуса оставались въ сборѣ; они разъединялись только на Дунаѣ въ 1853 году и въ Крыму, гдѣ война имѣла совершенно исключительный характеръ, вовсе несвойственный европейской кампаніи. Можно сказать одно, что наши корпуса при императорѣ Николаѣ были слишкомъ велики. То же самое и о главныхъ штабахъ, которые будто-бы находились за тыломъ арміи, между

Digitized by Google

еще не въ этомъ. Въ Пруссіи, какъ было и у насъ, при всѣхъ подраздѣленіяхъ войскъ состоятъ постоянные штабы; по французской системѣ штабы формируются только съ объявленіемъ войны. Но очевидно, что между штабомъ постояннымъ и сброднымъ, сколоченнымъ въ попыхахъ для потребности минуты, существуетъ неизмѣримая разница. Начальникъ можетъ только думать своей одиночной головой, распоряжаться же онъ можетъ лишь черезъ свой штабъ; оттого штабъ составляетъ въ сущности какъ бы тѣло, приставленное къ головѣ начальника. Для увѣренности въ точномъ исполненіи распоряженій (безъ чего и распоряжаться не стоитъ) необходимо, чтобъ штабъ обошолся, привыкъ къ начальству, чтобъ сила и способность каждаго штабнаго были заранѣе извѣстны всѣмъ прочимъ, поставлены на свое мѣсто и внушали достаточное довѣріе. Понятно, что должно произойти въ день объявленія войны, когда къ матеріальной путаницѣ новаго распредѣленія войскъ, непривычнаго имъ въ мирное время, прибавляется еще нравственный хаосъ сбродныхъ штабовъ изъ людей, незнакомыхъ между собою и неизвѣстныхъ начальству. 1870 г. представилъ картину такого сбора. Въ этомъ отношеніи неосуществимо никакое сближеніе между прусскою и французскою системою; можно только замѣнить одну другою.

2) Въ Пруссіи, какъ прежде у насъ, вайска находятся въ мирное время подъ рукою тѣхъ же боевыхъ начальниковъ, которые поведутъ ихъ на войну—корпусныхъ командировъ и высшихъ военныхъ инспекторовъ т. е. главнокомандующихъ. У насъ, сообразно съ русскими условіями, существовали постоянныя арміи. По французской системѣ въ мирное время войсками завѣдываютъ командующіе поземельными округами, т. е. начальники мѣстныхъ отдѣловъ военнаго министерства, избираемые по соображеніямъ вовсе не боевымъ. При сборѣ арміи, незнакомыя между собой войска собираются подъ предводительствомъ незнакомаго имъ начальника, который распоряжается дѣйствіемъ черезъ незнакомый имъ и ему штабъ.

тѣмъ какъ всякому интересующемуся военной исторіей извѣстно, что у насъ всегда главные штабы находились при главнокомандующемъ; даже въ 1854 году, на который указываетъ записка, они пошли обыкновеннымъ порядкомъ за Дунай.

Digitized by Google

Такое теоретическое устройство не могло повести французовъ къ добру. Неразрывное единеніе главныхъ боевыхъ начальниковъ съ войсками составляло всегда первую потребность хорошаго воспитанія войскъ и хорошаго предводительства арміей. Теперь оно стало необходимостію. Пріемы войны измѣняются съ каждымъ годомъ. Со введеніемъ скорострѣльнаго ружья совершенно передѣлались строй и примѣненіе войскъ на полѣ битвы, что измѣняетъ всѣ прежніе разсчеты относительно пространства, занимаемаго фронтомъ, расположенія, подступа къ позиціи, подготовленія къ атакѣ, выбора рѣшительныхъ минутъ, употребленія разныхъ оружій, слѣдовательно измѣняетъ въ нѣкоторой мѣрѣ даже стратегическій разсчетъ сосредоточенія войскъ для битвы. Мало слѣдить за такими перемѣнами въ книжкахъ (вдобавокъ еще ненаписанныхъ), надо пріучить себя къ нимъ ежедневной практикой. Могутъ ли люди, умѣющіе командовать массами, но разлученные съ арміей со времени гладкоствольныхъ ружей, правильно расчитывать всѣ подробности дѣйствій на основаніяхъ имъ непривычныхъ? А между тѣмъ вся сила въ этихъ людахъ, умѣющихъ командовать массами. Во всякой арміи есть десятокъ людей, отстраненіе которыхъ вынимаетъ изъ нея душу, парализуетъ ее съ головы до ногъ. Французская же система отстраняетъ отъ арміи не десять вождей, а бывшихъ и будущихъ главнокомандующихъ, всѣхъ корпусныхъ командировъ, начальниковъ главныхъ штабовъ и большихъ отрядовъ; почти всѣ они находятся внѣ арміи. Новыхъ вождей подростать не можетъ, потому что строевая іерархія кончается начальникомъ дивизіи, владѣющимъ однимъ только родомъ оружія. Даже эти начальники дивизіи, по мѣрѣ того какъ они созрѣвають въ опытности и повышаются въ чинахъ, исчезаютъ въ свою очередь въ нестроевомъ составѣ военнаго вѣдомства. Съ увѣковѣченіемъ такого порядка, армія, въ противоположность прусской, становится буквально туловищемъ безъ головы.

3) Противоположность двухъ системъ—исключительное преобладаніе боеваго элемента надъ всѣмъ остальнымъ въ военномъ вѣдомствѣ, истекающее само собою изъ прусскаго устройства, но несоотвѣтствующее французской централизаціи и окружной системѣ, чрезмѣрно развивающихъ военную бюрократію въ ущербъ арміи. Во Франціи боевой элементъ поддерживался на нѣкоторой высотѣ искусственными мѣрами и укоре-

Digitized by Google

нившимися привычками военныхъ, вопрекри теоріи. Но эта же теорія, перенесенная къ намъ, быстро дала свои естественные плоды. Можно ли проводить какое либо сближеніе между двумя военными системами, какъ бы ни были сходны заголовки учрежденій, когда въ одной изъ нихъ строевой офицеръ стоитъ на первомъ мѣстѣ, въ другий же онъ можетъ разсчитывать на повышеніе, на достаточное жалованье, однимъ словомъ на будущность, только подъ условіемъ перехода въ нестроевыя вѣдомства, вслѣдствіе чего содержаніе 11½ тысячъ чиновниковъ военнаго вѣдомства обходится, гораздо дороже содержанія 16 тысячъ офицеровъ полевой арміи. Въ общественномъ устройствѣ, какъ въ религіи—каковъ идеалъ, таковъ и человѣкъ. Чѣмъ же можетъ быть армія, идеаломъ которой, конечною цѣлью всѣхъ стремленій офицера—служить военное чиновничество въ разныхъ его видахъ — хозяйственное, судебное, канцелярское.

4) Эта же самая причина—излишнее развитіе военно-административныхъ вѣдомствъ—мѣшаетъ во Франціи образованію самостоятельныхъ резервовъ; для нихъ нужно много офицеровъ, которыхъ ни одна страна въ свѣтѣ не можетъ поставить въ неопредѣленномъ числѣ. Когда военное вѣдомство забираетъ слишкомъ много людей образованныхъ слоевъ общества въ нестроевую часть, тогда, естественно, ихъ недостаетъ для строевой. На нашей же тучной почвѣ французская система разрослась еще не въ примѣръ роскошнѣе и отношеніе числа и стоимости нестроевыхъ къ строевымъ приняло невиданные размѣры. Не говоря о военномъ развитіи людей, обращая вниманіе только на личное и нравственное развитіе, даваемое самимъ обществомъ (вѣрнѣйшій залогъ благонадежности), офицеровъ дѣлятъ вездѣ на два разряда: первый, лучшій, принимаютъ въ постоянныя войска, второй—держутъ въ запасѣ для войскъ временныхъ. При французской же системѣ, особенно преувеличенной,—первый разрядъ, соотвѣтствующій прусскимъ строевымъ офицерамъ, образуетъ военное чиновничество, такъ какъ это занятіе несравненно выгоднѣе; второй разрядъ—въ родѣ прусскихъ запасныхъ—приходится выдѣлить уже изъ третьяго общественнаго слоя, чего еще никто не пробовалъ. Не мудрено, что при подобномъ условіи «положеніе о запасныхъ офицерахъ еще не выяснено даже въ главныхъ основаніяхъ». Оно и не можетъ быть выяснено удовлетворительно

Digitized by Google

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же пытаться сочетать между собою двѣ системы, столь противоположныя?

5) Съ 1813 года пруссаки руководствуются на практикѣ русскимъ военнымъ положеніемъ, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи 1812 года, не сочиненнымъ, а записаннымъ Барклаеемъ-де-Толли изъ опыта цѣлаго вѣка побѣдъ. Недавно оно было сопоставлено въ великой войнѣ, какъ бы для всемірнаго опыта, съ французскимъ. Нынѣ французы перенимаютъ его отъ пруссаковъ. Но оно идетъ въ разрѣзъ съ французскою окружною системою и потому не могло быть удержано у насъ при недавнемъ преобразованіи. Это совершенно правильно, такъ какъ военное и мирное устройства должны быть согласованы между собою; иначе мобилизація арміи поведетъ къ безвыходной путаницѣ. Одно изъ двухъ: или учрежденіе о большой дѣйствующей арміи 1812 года съ прусскими (прежними русскими) порядками мирнаго времени, или же французская окружная система, но тогда и французское военное положеніе, какъ бы оно ни отрекомендовало себя подъ Седаномъ и Орлеаномъ *).

Коренная разница между двумя военными положеніями та, что первое (русское, нынѣ прусское) развиваетъ учрежденія мирнаго времени изъ потребностей военнаго; второе же (французское, нынѣ русское) поступаетъ наоборотъ—примѣняетъ учрежденія военнаго времени къ удобствамъ мирнаго.

Даже при Наполеонѣ кабинетское руководство весьма нерѣдко приводило къ путаницѣ, какъ слишкомъ извѣстно изъ примѣровъ испанской войны 1807 до 1813 г. Командовавшіе арміями наполеоновскіе маршалы доказали наглядно своимъ примѣромъ и данными ими потомъ разъясненіями невозможность успѣха на войнѣ безъ ограниченнаго полномочія, безъ выдѣленія дѣйствующей арміи совершенно независимымъ цѣлымъ, хотя бы заглазнымъ руководителемъ оставался при этомъ Наполеонъ I; тоже доказываютъ всѣ войны на свѣтѣ. Великія побѣды одерживаются только главнокомадующими по учрежденію 1812 года, а не связанными командующими частныхъ

*) Читатели, помнятъ, вѣроятно, какъ Макъ-Магонъ шелъ противъ воли подъ Седанъ по предписанію военнаго министерства, и какъ Гамбетта командовалъ изъ Тура французскими властями, дѣйствовавшими подъ Орлеаномъ.

Digitized by Google

армій, какой бы громкій титулъ имъ ни придавали. Всѣ знаютъ теперь, что пораженіе Орель де-Паладина и Шанзи произошло на половину отъ недостаточности ихъ полномочій, т.-е. отъ недостаточной выдѣленности дѣйствующей арміи.

Но какъ бы то ни было, старо-французское учрежденіе частныхъ, несамостоятельныхъ армій неизбѣжно при окружной системѣ.

Мы привели только самыя крупныя противоположности двухъ системъ—старо-французской и прусской. Ихъ есть еще множество и очень важныхъ. Но и этихъ примѣровъ достаточно для заключенія: совмѣстимы-ли эти системы, есть-ли какая-либо возможность пересадить побѣдоносныя прусскія учрежденія на почву заимствованной отъ французовъ окружной системы? Онѣ рознятся еще гораздо болѣе духомъ, чѣмъ формами; въ одной преобладаютъ боевыя, въ другой чисто административныя цѣли. Одна изъ этихъ системъ можетъ не дополнить, а только разложить другую, привести ее въ хаотическое состояніе.

Могло-ли бы французское національное собраніе 1872 г. привить прусскіе порядки къ своимъ старымъ, оставляя эти послѣдніе неприкосновенными? Нашимъ же комиссіямъ пришлось соединять въ одно—прусскія учрежденія, рѣзкія условія русской дѣйствительности и французскую военную систему, основанную въ виду исключительно политическихъ цѣлей. Задача, очевидно, неисполнимая.

Послѣ того нельзя не принять въ соображеніе «множество весьма ложныхъ условій, при которыхъ комиссіямъ пришлось дѣйствовать». Признавая выработанные ими проекты несостоятельными, все-таки нельзя не отдать справедливости ихъ трудолюбію и находчивости; не имѣя возможности вывести что-либо среднее изъ трехъ несогласимыхъ основаній, комиссіи сочинили теоретическій проектъ для неизвѣстной страны. То же будетъ и впредь, сколько бы разъ ни начинали работу, если данныя для нея основанія не измѣнятся. Слѣдуя по этому пути мы никогда не дойдемъ до примѣненія къ Россіи духа прусскихъ порядковъ, составляющаго всю ихъ силу.

Одно изъ двухъ: или наши историческія военныя учрежденія, развиваемыя въ современномъ духѣ, или же французская окружная система 1862 года. Въ первомъ случаѣ прусскіе по-

Digitized by Google

рядки, кромѣ общесословной военной повинности, намъ не нужны, какъ по чрезвычайному сходству того и другаго устройства въ его существенномъ смыслѣ, такъ и по чрезвычайному различію той и другой страны; во второмъ случаѣ они для насъ невозможны.

Digitized by Google

Разборъ положенія *).

о полевомъ командованіи арміями 17-го апрѣля 1868 г.

1873 г.

Положеніе о полевомъ командованіи арміями составляетъ вѣнецъ всякой системы военныхъ учрежденій, выражаетъ ея сущность и ея практическое достоинство. Наша окружная система 1862 года заключилась также исключительно ей принадлежащимъ военнымъ положеніемъ, замѣнившимъ Учрежденіе о большой дѣйствующей арміи 1812 г. и Уставъ 1846 г.

Цѣль наша разсмотрѣть постановку русскаго главнокомандующаго и русской арміи на войнѣ на основаніи Положенія о полевомъ управленіи войскъ 17 апрѣля 1868 года.

Итогъ вѣроятностей побѣды, конечно, не заключается весь въ законѣ о военномъ положеніи. Мало хорошо распоряжаться арміей; надобно, чтобъ сама армія была надежнымъ орудіемъ въ рукахъ полководца, что достигается предварительными условіями ея устройства и воспитанія, не истекающими непосредственно изъ того или другого положенія о военномъ командованіи. Но тѣмъ не менѣе, какъ война есть единственная цѣль и причина, изъ которой государство обременяетъ себя содержаніемъ арміи, то духъ, въ которомъ составляется военное положеніе, выказываетъ точно, хотя не прямо, духъ и, стало быть, достоинство цѣлой системы военнаго устройства, выказываетъ правильную или ложную постановку всего дѣла съ боевой, т.-е. окончательной точки зрѣнія. Логически невозможно, чтобы система учрежденій мирнаго времени, недоста-

*) Перепечатана отдѣльной брошюрой 1881 г.

Digitized by Google

точно взвѣсившая условія, при которыхъ достигается желанный исходъ, т.-е. побѣда, могла правильно установить средства для его достиженія,—чтобъ глазъ, не видящій ясно цѣли, могъ вѣрно въ нее мѣтить.

Разница въ сущности военныхъ учрежденій боеваго и мирнаго времени состоитъ въ томъ, что первыя, боевыя, истекаютъ изъ всемірнаго опыта, въ главныхъ чертахъ всегда и для всѣхъ однѣ, потому незыблемы, какъ аксіома; вторыя, мирныя, напротивъ, подвижны и зависятъ отъ умѣнья приспособить наилучше средства государства, въ данную эпоху, къ общеизвѣстнымъ потребностямъ военнаго положенія.

Условія успѣха на войнѣ давно уже не подлежатъ спору. Война есть тотъ же поединокъ, въ которомъ армія представляетъ мускульную силу бойца, а главнокомандующій—его живую душу. Залоги побѣды тѣ же въ обоихъ случаяхъ: самообладаніе, свобода движеній, быстрота взгляда и вѣрность удара—условія несбыточныя, если на бойца надѣнутъ тѣсное платье и онъ будетъ дѣйствовать не по вдохновенію минуты, а по указанію профессоровъ фехтованія, стоящихъ сзади. На военномъ языкѣ тѣсное платье называется подробной регламентаціей власти главнокомандующаго, а стоящіе сзади профессоры — гофъ-кригсратомъ, командованіемъ на разстояніи, въ какомъ бы то ни было видѣ. Войной нельзя управлять издали, какъ шахматной игрой, хоть бы посредствомъ телеграфной проволоки, потому что тутъ все заключается въ пониманіи живой души своихъ и противниковъ, въ ежеминутной оцѣнкѣ почти неуловимыхъ признаковъ. Основанія эти достаточно извѣстны, но только въ нынѣшнемъ столѣтіи всѣ стали держаться ихъ буквально. Причина очевидна. При настоящей громадности вооруженій, рѣшающей участь государства въ нѣсколько недѣль, война стала поединкомъ на смерть изъ поединка до первой крови, какимъ она была прежде; прихоти нѣтъ больше мѣста. Вслѣдствіе того вездѣ исчезли даже слѣды всепредвидящихъ регламентацій и гофъ-кригсратовъ, вездѣ приняты тѣ же самыя основанія: 1) единовластіе на театрѣ войны, т.-е. подчиненіе одной руководящей волѣ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ связи между собою; 2) полновластіе главнокомандующаго, т.-е. неограниченное право распоряжаться по усмотрѣнію всѣми личными и матеріальными средствами, ввѣренными ему для войны; 3) нераздѣльность распорядительной

Digitized by Google

и исполнительной власти — полномочіе въ избраніи средствъ, органовъ и формъ для достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія вещественнымъ нуждамъ арміи. Сознаніе невозможности вести войну на иныхъ основаніяхъ, увѣренность, что малѣйшее отступленіе отъ нихъ ведетъ навѣрное къ пораженію, стали всеобщими. Но осуществить этотъ идеалъ полновластія на войнѣ можно только однимъ способомъ — облеченіемъ главнокомандующаго верховною властію на театрѣ войны. Такъ теперь и дѣлается. Генералъ Грантъ былъ всевластенъ на театрѣ войны, какъ американскій народъ, эрцгерцогъ Альбрехтъ — какъ австрійскій императоръ. Этотъ вопросъ былъ у насъ разрѣшенъ давно и еще глубже, и въ томъ состояло наше великое преимущество въ продолженіе полутора вѣка. Русскій военный порядокъ установленъ регламентомъ 1716-года, опредѣленъ съ рѣдкою точностію Учрежденіемъ 1812 г. и дополненъ Уставомъ 1846 г. въ одномъ и томъ же духѣ. Порядокъ этотъ, въ его послѣднемъ выраженіи, можно опредѣлить такъ: обычайнымъ вождемъ дѣйствующей арміи былъ или считался всегда самъ государь, вслѣдствіе чего полновластіе на войнѣ не подлежало ограниченію; въ отсутствіе же Государя мѣсто верховнаго повелителя заступалъ временно главнокомандующій, считавшійся начальникомъ главнаго штаба Его Величества, когда Государь находился при арміи. Онъ заступалъ это мѣсто, какъ главнокомандующій чрезвычайный и потому: 1) начальствовалъ нераздѣльно на всемъ театрѣ войны, 2) представлялъ лицо Монарха и облекался властіею Его Величества, 3) давалъ высочайшія именныя повелѣнія, 4) подчинялся непосредственно только Государю, 5) снималъ своимъ повелѣніемъ всякую отвѣтственность съ исполняющихъ лицъ, 6) отвѣтствовалъ за свои дѣла передъ однимъ Государемъ. Когда нужно было дѣйствовать отдѣльными массами, назначались командующіе частными арміями, но главнокомандующій оставался одинъ на театрѣ войны и цѣльность дѣйствія не нарушалась. Съ перваго взгляда видно, что наша форма полномочія на войнѣ была совершеннѣйшею, по твердости и ясности принципа и по соотвѣтственности его учрежденіямъ государства, въ которомъ все основано на единодержавіи. Форма эта стала теперь общимъ образцомъ; всѣ переняли ее отъ насъ или перенимаютъ въ то самое время, когда мы отъ нея отказались. По своему духу, въ настоящее время военное положеніе А

Digitized by Google

всѣхъ народовъ одно и то же; въ дѣйствующей арміи присутствуетъ сама верховная власть, посредственно или непосредственно. Эта сторона военныхъ учрежденій составляетъ аксіому, разнообразящуюся только въ очень мелкихъ подробностяхъ, неподвижную точку, къ которой все должно примѣняться, и которая сама не примѣняется ни къ чему, по невозможности нарушить ее безнаказанно.

Мирныя учрежденія арміи, напротивъ, измѣнчивы, какъ общественный бытъ народовъ, какъ вновь возникающія условія жизни всякой новой четверти вѣка; но всѣ они имѣютъ одну общую цѣль — возможно лучшее примѣненіе частныхъ особенностей каждаго государства и каждаго времени къ постояннымъ потребностямъ военнаго положенія. Америка, напримѣръ, кромѣ немногихъ пограничныхъ войскъ, не держитъ даже кадровъ для полковъ, а набираетъ ихъ прямо изъ гражданъ, когда нужно; Англія, напротивъ, держитъ только постоянную армію, немного ниже комплекта, за которою нѣтъ никакихъ резервовъ; Пруссія же обратила въ резервъ всю націю, а постоянная армія ея состоитъ изъ однихъ кадровъ, и т. д. Очевидно, разстояніе между этими учрежденіями, много разъ видоизмѣнявшимися, какъ вездѣ, очень велико; однакожъ, ни Америкѣ, ни Англіи, ни Пруссіи не приходило на мысль прилаживать военное положеніе къ своимъ мирнымъ учрежденіямъ; всѣ заботятся, напротивъ, чтобы мирныя учрежденія, при всей ихъ національной самобытности, приводили къ всеобщему военному положенію, основанному на истинныхъ законахъ войны. Если штабное устройство армій разнится нѣсколько по историческому воспитанію каждой, то и тутъ дѣйствуетъ не умозрѣніе, а привычка, въ которой всѣ видятъ первое обезпеченіе порядка; но это различіе никакъ не простирается на опредѣленіе основныхъ правъ командованія—его единства, полномочія и цѣльности дѣйствія въ распоряженіи и исполненіи. Въ этомъ всѣ согласны.

Редакція положенія о полевомъ управленіи войскъ, увѣнчавшаго окружную систему 1862 года, думала, однакожъ, иначе. Текстъ положенія не оставляетъ въ томъ сомнѣнія, какъ и показанія приложенной къ нему объяснительной записки. Изъ обоихъ видно, что уставъ 1846 года о военномъ времени обойденъ, какъ несуществующій, и новое военное положеніе состав-

Digitized by Google

лено изъ прежняго устава мирнаго, приспособленнаго къ окружной системѣ.

Невозможно было приступить къ передѣлкѣ военнаго положенія, не вынувъ изъ подъ него основанія — личнаго предводительствованія арміи Государемъ, всегда предполагавшагося — такъ какъ все прежнее положеніе состояло изъ развитія этого перваго начала.

Подобное основаніе, составляя одно цѣлое со всѣми нашими коренными учрежденіями и обезпечивая, на сколько возможно человѣческому предвидѣнію, успѣхъ нашего оружія, казалось непоколебимымъ. Но положеніе 1868 года, не отмѣнивъ его прямо, обошло, такъ что оно теперь уже не существуетъ. Параграфы 14 и 31 Устава 1846 года, постановлявшіе правила на случай личнаго предводительства арміи Государемъ, облекавшіе при этомъ главнокомандующаго обязанностями начальника главнаго штаба Его Величества, выпущены. О присутствіи Государя въ арміи теперь не упоминается, постановленій на этотъ счетъ нѣтъ больше; учрежденія, предназначавшіяся на такой случай, вычеркнуты.

Конечно, молчаніе закона не можетъ служить препятствіемъ Императору Всероссійскому принять личное начальство надъ своими арміями, если Его Величеству то будетъ угодно. Дѣйствіе Государя само по себѣ законъ, не имѣющій нужды въ предварительной оговоркѣ. Но дѣло идетъ о предметѣ еще болѣе важномъ, чѣмъ даже фактъ личнаго присутствія Государя — объ основномъ началѣ, предполагающемъ это присутствіе источникомъ всей власти на войнѣ. По новому положенію, Государь въ принципѣ не командуетъ дѣйствующею арміею, какъ прежде въ принципѣ командовалъ ею. Съ какой стороны ни смотрѣть на подобное нововведеніе, все-таки остается несомнѣннымъ, что оно измѣняетъ коренное начало, изъ котораго истекаетъ духъ всѣхъ послѣдующихъ учрежденій. Мы осмѣлимся сказать, что въ текстѣ закона оно разрываетъ личную связь Государя съ арміей, въ силу которой, когда было нужно, главнокомандующій принималъ на себя высочайшую власть, корпусный командиръ власть главнокомандующаго, дивизіонный — корпуснаго и т. д., всѣ дѣйствовали именемъ Государя, вся армія, до послѣдняго унтеръ-офицера, была проникнута сознаніемъ, что она армія Императорская, вслѣдствіе чего всякій зналъ, что онъ смѣетъ

Digitized by Google

все, явно содѣйствующее пользѣ и славѣ своего верховнаго полководца — Государя. Но какъ скоро личное командованіе Государя устранено изъ закона, то и главнокомандующій не можетъ замѣнять въ ней Монарха и быть продолженіемъ Его особы; онъ становится должностнымъ лицомъ, какъ всякое другое, съ опредѣленными правами, повиннымъ предъ формальностями, отвѣтственнымъ не Государю прямо, но правительству во всей его сложной іерархіи. Этотъ духъ распространится на всѣхъ его подчиненныхъ и обратитъ боевую армію изъ чувствующей личности въ машину; люди будутъ дѣйствовать не по внутреннему побужденію, а по параграфамъ закона, который не можетъ всего предвидѣть, не можетъ стать источникомъ воодушевленія для арміи; ей нужно живое лицо, а не бумажный текстъ. Всякій военный это знаетъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только верховное начало было обойдено, то редакторы положенія 1868 г. поступили логично, снявъ съ главнокомандующаго права, которыми онъ пользовался, какъ представитель верховной власти. Съ отмѣною параграфовъ 16, 19, 28, 67, 81 устава 1846 г. главнокомандующій не представляетъ уже лицо Монарха, не облекается властію Его Величества, не даетъ именныхъ высочайшихъ повелѣній, не снимаетъ своимъ утвержденіемъ всякую отвѣтственность съ исполняющихъ, не подчиняется непосредственно Государю и не отвѣтствуетъ за свои дѣйствія Ему одному; онъ становится старшимъ генераломъ въ своей арміи, ограниченнымъ разными установленіями, какъ всякій начальникъ.

Но если было логично, въ извѣстномъ смыслѣ, отмѣнивъ коренное начало, упразднить и его послѣдствія, то слѣдовало по крайней мѣрѣ оговорить ясно измѣненіе этихъ основныхъ началъ, а не пройти ихъ молчаніемъ, утверждая въ объяснительной запискѣ, что такіе параграфы, какъ личное командованіе арміи Государемъ, верховныя права его представителя въ ней, званіе начальника главнаго штаба Его Величества, которое онъ исполняетъ въ присутствіи Монарха—составляютъ не сущность дѣла, а условное выраженіе редакціи.

Отмѣна нашего историческаго начала разрѣшилась двумя послѣдствіями неизмѣримой важности:

1) У насъ однихъ верховная власть не будетъ присутствовать въ дѣйствующей арміи. Извѣстная степень самостоятельности зависимаго должностнаго лица будетъ противопоставлена

Digitized by Google

царской самостоятельности, руководящей врагами, потому что теперь всѣ враги будутъ дѣйствовать въ духѣ нашего Учрежденія 1812 г., какъ дѣйствовали недавно пруссаки.

2) Измѣненіе верховнаго начала, разрушивъ основанія, на которыхъ все до тѣхъ поръ стояло, дало возможность редакціи, какъ увидимъ, не только отнять у главнокомандующаго, одно за другимъ, присвоенныя ему права и даже раздробить единство командованія, но позволило установить отношенія, несогласныя съ вѣчными и общепризнанными законами войны.

Положеніе 1868 года не оставило камня на камнѣ въ нашемъ полуторавѣковомъ военномъ устройствѣ. Надобно разсмотрѣть практическія послѣдствія этой ломки съ двухъ сторонъ: 1) со стороны единства командованія на войнѣ, 2) со стороны обстановки, созданной главнокомандующему во ввѣренной ему части арміи и новыхъ отношеній его къ военному министерству.

Въ Учрежденіи 1812 года и въ Уставѣ 1846 года сказано: «Власть командующихъ частными арміями, по какому либо случаю назначаемыхъ, опредѣляется каждый разъ высочайшими указами объ ихъ назначеніи».

На этомъ параграфѣ, умолчанномъ въ положеніи, основывалось единство власти на войнѣ. Частная армія составляла особенность нашей военной организаціи, которая тѣмъ и была драгоцѣнна, что развивалась самостоятельно, на дѣйствительной почвѣ, и потому отвѣчала всякой прирожденной потребности государства, для котораго писалась. Особенность эта перешла уже теперь въ нѣмецкую армію и перейдетъ во всѣ другія.

При громадномъ протяженіи нашихъ предѣловъ, а потому и поля дѣйствія, за ними и передъ ними лежащаго, русской арміи часто приходилось и придется дѣйствовать большими отдѣльными массами, сохраняя однакожъ на театрѣ войны единство власти, безъ которой все погибнетъ. Для этого была установлена частная армія, состоящая изъ массы болѣе одного корпуса.

Наша исторія полна примѣрами частныхъ армій. Прежде чѣмъ установилось ихъ названіе, онѣ существовали въ силу необходимости, когда нѣсколько отдѣльно дѣйствующихъ массъ подчинялись одному полководцу. Такъ дѣйствовалъ Потемкинъ въ турецкую войну и Суворовъ при раздѣлѣ Польши. Въ

Digitized by Google

1812 году раздробленіе нашихъ силъ на три независимыя арміи, составлявшее вмѣстѣ нарушеніе всегдашняго обычая и только-что изданнаго учрежденія, сейчасъ же было признано ошибкой и всѣ арміи и отдѣльныя части—1-я, 2-я, Тормасова, Чичагова и Виттенштейна—соединены подъ властію фельдмаршала Кутузова. Если въ 1813 году императоръ Александръ допустилъ въ союзныхъ войскахъ нѣсколькихъ главнокомандующихъ, то во-первыхъ, это былъ союзъ, а во-вторыхъ, надъ всѣми арміями стоялъ генералисимусъ. Во время польскаго мятежа 1831 года у насъ была, кромѣ дѣйствующей, частная армія въ Литвѣ, подчиненная общему главнокомандующему. Въ послѣднюю восточную войну была допущена ошибка, противорѣчившая духу нашихъ военныхъ учрежденій, имѣвшая пагубное вліяніе на исходъ войны и которую положеніе 1868 года возводитъ въ правило—раздѣленіе силъ, дѣйствовавшихъ противъ одного врага, между двумя независимыми начальниками, возведеніе частной арміи въ самостоятельное цѣлое. Въ каждой большой войнѣ, какъ бы мы ни дѣйствовали рѣшительно, окажется необходимымъ выставить нѣсколько второстепенныхъ массъ; между тѣмъ, при громадности нынѣшнихъ силъ и быстротѣ рѣшенія войны, единство командованія стало важнѣе, чѣмъ когда нибудь.

Положеніе 1868 года вычеркнуло историческое установленіе о частныхъ арміяхъ, объединявшихся въ лицѣ единаго главнокомандующаго. Какъ же оно рѣшаетъ вопросъ? Тутъ только два исхода: или замѣнить частныя арміи отдѣльными корпусами, или признать ихъ независимыми одна отъ другой, облечь каждаго отдѣльнаго начальника, состоящаго въ положеніи командующаго частною арміею, саномъ главнокомандующаго.

Отдѣльный корпусъ не можетъ замѣнить армію, ни по силамъ, ни по дѣйствительному значенію начальника. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ корпуса были огромнаго состава (50 баталліоновъ), но Уставъ 1846 года не полагалъ, чтобы корпусъ могъ значить — частная армія, и тщательно сохранилъ установленіе о послѣдней. На военномъ языкѣ корпусомъ называется соединеніе 2-хъ или 3-хъ дивизій. Если ихъ больше, то главному начальнику нужны помощники, званіемъ выше дивизіонныхъ; самъ онъ уже не можетъ быть корпуснымъ командиромъ. Привычныя названія также много зна-

Digitized by Google

чать; корпусный командиръ не будетъ командующимъ арміею, ни въ глазахъ войска и людей, ни въ собственныхъ глазахъ, по своимъ отношеніямъ къ центральной власти и постороннимъ вѣдомствамъ *).

Если бы имѣлось въ виду замѣнить частныя арміи отдѣльными корпусами, то подобное смѣшеніе понятій привело бы только къ путаницѣ, потому что корпусъ и частная армія представляютъ весьма различную единицу силы, власти и цѣли. Отдѣльные корпуса и теперь остаются тѣмъ же, чѣмъ были.

Отмѣнивъ установленіе частныхъ армій, положеніе замѣняетъ его рядомъ статей о неизвѣстномъ до тѣхъ поръ у насъ взаимодѣйствіи между многими главнокомандующими.

Ст. 1. Войска, предназначенныя къ дѣйствію на театрѣ войны, образуютъ одну или нѣсколько армій.

Ст. 11. Когда военный округъ служитъ театромъ дѣйствій для двухъ армій, то степень подчиненія каждому изъ главнокомандующихъ мѣстныхъ управленій такого округа, равно какъ и распредѣленіе обязанностей по снабженію арміи между полевыми и мѣстными управленіями вообще, устанавливаются каждый разъ особыми высочайшими повелѣніями.

Ст. 20 . . . . . Но если противъ непріятеля дѣйствуетъ нѣсколько армій, то главнокомандующій ни въ какомъ случаѣ не можетъ заключать перемирія безъ соглашенія съ другими главнокомандующими или безъ испрошенія высочайшаго соизволенія. . . . . .

Ст. 22. Когда противъ непріятеля дѣйствуютъ нѣсколько армій, то главнокомандующіе сими арміями обязаны сообщать одинъ другому свѣдѣнія о своемъ положеніи и проч. . . . . .

Изъ этихъ статей ясно, кого положеніе ставитъ на мѣсто командующихъ частными арміями. Оно не замѣняетъ ихъ командирами отдѣльныхъ корпусовъ, но возводитъ всѣхъ ихъ въ званіе главнокомандующихъ.

---

*) Наполеонъ въ 1809 году разъ только выставилъ корпуса большой силы, но то были въ дѣйствительности частныя арміи по правамъ начальниковъ и употребленію ихъ на войнѣ. Съ началомъ кампаніи 1812 года и впослѣдствіи онъ составлялъ такія массы изъ нѣсколькихъ корпусовъ, подъ властію особаго начальника, не придавая ему никакого особеннаго титула. Вотъ что значитъ въ сущности частная армія; такъ она и понималась русскими военными законодателями, всегда опереживавшими вѣкъ.

Digitized by Google

Это очевидно изъ факта: безъ частныхъ армій мы не обойдемся, замѣстить ихъ корпусами нельзя, званіе командующаго частною арміей уничтожено, стало быть во главѣ всякой отдѣльной массы, превышающей корпусъ, поставлены будутъ главнокомандующіе.

Это очевидно также изъ закона.

Иногда въ Россіи бывало одновременно два и даже три главнокомандующихъ, но на противоположныхъ концахъ имперіи; каждый представлялъ верховную власть на всемъ протяженіи границы, охваченной войною; имъ нечего было дѣлить между собою. Положеніе 1868 года дѣлитъ главнокомандующихъ,—стало быть по его мнѣнію имъ придется сталкиваться. Если возможно объяснить статьи 20 и 22 сбыточнымъ примѣромъ,—дѣйствіемъ двухъ армій противъ Турціи въ Европѣ и Азіи (это единственное исключеніе),—то объясненіе въ такомъ же смыслѣ статей 1 и 11 не существуетъ. Статья 11 предполагаетъ одинъ округъ подѣленнымъ между двумя главнокомандующими, изъ чего становится совершенно ясно, что положеніе даетъ особаго главнокомандующаго каждому подраздѣленію силы, т.-е. частной арміи, которая дѣйствительно можетъ основываться на одномъ округѣ съ другою, какъ напр. 1854—1855 годовъ въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ.

Статья 1 не объясняется никакимъ образомъ. Ни въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ уставовъ не существуетъ и намека на возможность подобнаго дѣленія; надо думать, что осуществленіе его на практикѣ невозможно.

Стало быть буква положенія, заодно съ фактомъ, показываетъ, что при первой войнѣ всѣ частныя подраздѣленія силы станутъ у насъ независимыми, каждая съ своимъ главнокомандующимъ.

Тоже самое очевидно изъ настойчивости, съ какою положеніе приводитъ и повторяетъ эту мысль. Молчаніе прежнихъ уставовъ доказываетъ, что никогда не представилсь практической нужды опредѣлять взаимныя отношенія главнокомандующихъ. Положеніе же—посвящаетъ этому предмету четыре статьи. Въ прочихъ отношеніяхъ оно не пытается, какъ и слѣдуетъ подвести всякій необычайный случай подъ опредѣленныя правила. Только по поводу случая самаго невѣроятнаго изо всѣхъ—столкновенія многихъ главнокомандующихъ на войнѣ, положеніе настойчиво проводитъ руководство, какъ имъ

Digitized by Google

дѣлиться между собою, задаваясь впередъ этимъ страннымъ вопросомъ.

Отдѣленные отъ арміи корпуса оставлены на прежнихъ основаніяхъ, но съ пропускомъ и оговоркою, глубоко измѣняющими ихъ значеніе. Говоря о командирахъ корпусовъ, «не состоящихъ въ зависимости главнокомандующаго», Уставъ 1848 г. имѣлъ въ виду мѣстныхъ начальниковъ, какъ въ Оренбургѣ, Сибири и проч. Такихъ больше нѣтъ; они замѣнены командующими войсками въ округахъ. Но уставъ ставитъ особо дѣйствующіе корпуса, имѣющіе, по какому либо случаю, собственную операціонную линію, и выражается о нихъ такъ: «если же отдѣльный корпусъ состоитъ въ зависимости главнокомандующаго, то. . . .» и проч. По смыслу устава видно, что онъ не предполагалъ дѣйствующихъ корпусовъ, независимыхъ отъ арміи. Положеніе, напротивъ, не предполагаетъ отдѣльныхъ корпусовъ, зависящихъ отъ главнокомандующихъ, но не договариваетъ мысли; въ этомъ состоитъ пропускъ противъ Устава. Оговорка заключается въ словахъ (находящихся и въ текстѣ, и въ объяснительной запискѣ) объ особомъ театрѣ войны, къ которому, будто бы, предназначается отдѣльный корпусъ. Подобное смѣшеніе особаго военнаго театра съ особой операціонной линіей, столь тщательно устраненное прежними нашими учрежденіями, проведено чрезъ все положеніе. Выходитъ, что отдѣльный корпусъ, не замѣняя частной арміи, которой онъ не можетъ замѣнить, обращается въ новое орудіе для раздробленія единоначалія на войнѣ.

Сложивъ вышесказанное, можно утверждать, что редакція положенія 1868 г. проводитъ систематически раздробленіе русскихъ силъ на войнѣ, со многими главнокомандующими и небывалымъ числомъ независимыхъ начальниковъ. Надо сказать, что послѣ отмѣны частныхъ армій трудно будетъ даже поступить иначе.

Раздробленіе силъ и происходящая отъ того безсвязность дѣйствія ведутъ къ пораженію. Это знаютъ и не военные. Гораздо слабѣйшій, но связный противникъ всегда можетъ разбить армію, состоящую изъ нѣсколькихъ частей, необъединенныхъ общимъ командованіемъ. Самые рѣшительные успѣхи одной изъ такихъ частей не ведутъ ни къ чему, потому что сосѣдняя часть можетъ быть внезапно разбита, и побѣдители, обойденные, должны будутъ отступать безъ оглядки.

Digitized by Google

Объяснительная записка и текстъ положенія часто повторяютъ о сосѣднихъ театрахъ войны и находятъ такіе сосѣдніе театры даже для отдѣльныхъ корпусовъ. Конечно, законъ не военная географія, чтобы ему говорить собственными именами; но какъ онъ пишется не для неизвѣстной страны, а для государства, военные театры котораго давно опредѣлены географіей и исторіей, то прежде всего должно сообразоваться съ дѣйствительностію. Передъ Россіей всего три военныхъ театра: на западной границѣ, на Дунаѣ и въ Азіи, основанный на Кавказѣ,—и потому могутъ быть только три дѣйствующихъ арміи. При морской войнѣ надобно имѣть въ виду еще четвертую, но не дѣйствующую, на балтійскомъ прибрежьѣ, для объединенія обороны. Внѣ названныхъ полей дѣйствія лежатъ не «сосѣдніе театры», а произвольныя изобрѣтенія. Учрежденіе 1812 года и Уставъ 1846 года примѣнялись преимущественно къ большой европейской войнѣ, какъ исключительно важной. Въ этомъ случаѣ именно прежніе наши учрежденія, основанныя на великомъ опытѣ, котораго у нашего поколѣнія нѣтъ, служили обезпеченіемъ будущаго. Можно ли забыть, какъ гибельно отозвалось, во время молодыхъ годовъ императора Александра I, забвеніе правилъ Петра и Екатерины (единственное въ нашей исторіи), раздробленіе командованія и довѣріе къ теоріямъ такъ называемыхъ ученыхъ военныхъ; какъ искренно и рѣшительно государь покаялся въ своихъ ошибкахъ, когда пришла пора спасать отечество; какъ онъ возстановилъ въ Учрежденіи 1812 г. преданіе, создавшее русскую имперію, и снова приковалъ побѣду къ русскимъ знаменамъ. Конечно, не англо-французская война, въ которой военные промахи были слѣдствіемъ политическихъ недоразумѣній, постоянно заставлявшихъ насъ опаздывать могла подорвать довѣріе къ нашимъ побѣдоноснымъ учрежденіямъ. Между тѣмъ, по духу и буквѣ Положенія, вопреки Учрежденію 1812 г., сколько будетъ независимыхъ армій и корпусовъ, именно на западномъ театрѣ войны, рѣшающемъ участь отечества? Кажется басня о ломаніи стрѣлъ въ одиночку и въ пучкѣ давно уже разсказана.

Невозможно предположить, чтобы редакція Положенія имѣла въ виду пустить въ дѣйствіе нѣсколько армій, называвшихся прежде частными, несвязанныхъ никакою высшею властью. Всеобъединяющее дѣйствительное присутствіе Государя на

Digitized by Google

войнѣ можетъ состояться или не состояться по многимъ случайнымъ причинамъ, независящимъ отъ личной воли. Какъ мы видѣли, текстъ положенія умалчиваетъ о высочайшемъ прямомъ начальствованіи; во всякомъ случаѣ нельзя замѣнить основное начало гадательнымъ и невѣрнымъ фактомъ. Однако же положеніе не имѣетъ въ виду и не признаетъ никакого военнаго лица, принадлежащаго къ арміи, въ которомъ могло бы объединиться командованіе нѣсколькими арміями на театрѣ войны за отсутствіемъ Государя.

Въ какомъ же органѣ найдется необходимая объединяющая власть?

Очевидно въ военномъ министерствѣ.

Положеніе 1868 года повысило его всею суммою умаленія прямыхъ начальниковъ арміи. Кромѣ его никого нѣтъ.

Изъ предъидущаго необходимо заключить:

Первое фактическое послѣдствіе, извлеченное изъ отмѣны основныхъ военныхъ началъ, состоитъ въ раздробленіи единоначалія на войнѣ, въ замѣнѣ одного главнокомандующаго многими, причемъ они неизбѣжно подпадаютъ вліянію военнаго министерства.

Мы далеко еще не дошли до конца, и уже обликъ главнокомандующаго совершенно измѣнился. Изъ верховнаго вождя, дѣйствовавшаго царскою властію, онъ сталъ: 1) должностнымъ лицомъ, какъ всѣ прочіе; 2) однимъ изъ генераловъ, ведущихъ войну подъ высшимъ надзоромъ военной администраціи. Но измѣненія не ограничиваются этими внѣшними признаками.

Отнявъ у главнокомандующаго верховное значеніе, ограничивъ кругъ его дѣйствія равноправными товарищами, которые легко могутъ превратиться въ соперниковъ, положеніе лишило его также самостоятельности даже на этой ограниченной почвѣ. Положеніемъ введены въ отношенія главнокомандующаго къ арміи и подчиненному ему краю стѣсненія, до тѣхъ поръ у насъ неизвѣстныя.

Надобно начать съ формированія арміи.

Оно опредѣляется статьями 5 и 24.

Послѣдняя говоритъ: «Предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, главнокомандующій входитъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ, какъ о составѣ арміи, такъ и о нормѣ личнаго

Digitized by Google

состава полевыхъ управленій. О соглашеніяхъ этихъ представляется на высочайшее благоусмотрѣніе».

Статья эта также необыкновенна по своему политическому, какъ и по военному смыслу.

До сихъ поръ подобное установленіе считалось у насъ невозможнымъ и противорѣчащимъ кореннымъ государственнымъ законамъ.

Статья эта или ничего не значитъ на практикѣ—тогда Для чего же она написана? Или она значитъ: главнокомандующій, которому ввѣряется судьба отечества, въ то время, когда на него со страхомъ и надеждою устремлены взоры Россіи, не имѣетъ права обращаться прямо къ Государю, ни представлять Его Величеству о своемъ взглядѣ и о средствахъ, обезпечивающихъ побѣду, ни стараться, въ случаѣ недоразумѣнія, убѣдить Государя въ своемъ мнѣніи; главнокомандующій имѣетъ дѣло исключительно съ военнымъ министромъ, и только вошедши съ нимъ въ соглашеніе (т. е. послѣ длиннаго ряда взаимныхъ уступокъ), оба они представляютъ верховной власти результатъ своихъ соглашеній, въ которомъ за округленностію формы вовсе не видно будетъ, какимъ путемъ и по какимъ соображеніямъ онъ выработался.

Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде вновь назначенный главнокомандующій, безо-всякой статьи, объяснялся и даже условливался съ министромъ предварительно. Соглашеніе, котораго требуетъ статья 24, осуществлялось на дѣлѣ болѣе или менѣе, но то были частныя отношенія, не подлежавшія никакому законному опредѣленію. Главнокомандующій безъ стѣсненія условливался съ министромъ, потому что могъ обойти его, обратившись къ Государю. Напротивъ, узаконить подобное право министра—значитъ обратить администратора въ военнаго консула, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ эту должность аббатъ Сіейсъ въ своемъ знаменитомъ проектѣ конституціи послѣ 18 брюмера,—и обратить главнокомандующихъ въ его агентовъ.

Такое узаконеніе пригодно только Англіи, т. е. чисто парламентарному правленію, гдѣ лицо Государя представляетъ принципъ, лишенный иниціативы. Но оно невозможно даже въ констуціонной формѣ, какъ эта форма понимается на материкѣ, сохраняющей главѣ государство личное дѣйствіе. Даже президентъ республики не допуститъ помимо себя соглашенія глав-

Digitized by Google

нокомандующаго съ военнымъ министромъ насчетъ состава арміи для большой войны. Это несбыточно уже потому, что самый составъ опредѣляется конечною цѣлію войны, извѣстной вполнѣ часто только главѣ государства.

Но если подобное соглашеніе пригодно одной парламентарной Англіи, то и тамъ оно составляетъ не силу, а слабость. Маколей признается въ этомъ откровенно, говоря о безсвязности англійскихъ военныхъ операцій въ большую французскую войну, до Веллингтона. Всякая форма правительства имѣетъ слабыя и сильныя стороны. Слабая сторона парламентарнаго правленія, которомъ требуется соглашенія министра съ главнокомандующимъ, обнаруживается въ дѣйствіи, тамъ гдѣ нужны рѣшительность, быстрота и тайна. Возможно ли, чтобы наши коренныя учрежденія складывались изъ слабыхъ сторонъ узаконеній всего свѣта.

Въ военномъ отношеніи 24 статья положенія также необыкновенна, какъ и въ политическомъ.

Главнокомандующихъ будетъ много, такъ какъ частныхъ армій не существуетъ; военный же министръ одинъ, и все чѣмъ должны дѣлиться главнокомандующіе, находится до войны въ его рукахъ. Возбранивъ имъ доступъ къ Государю до соглашенія; онъ становится всевластнымъ посредникомъ между ними. Обдѣленный главнокомандующій не можетъ даже жаловаться, потому что не онъ одинъ составляетъ предметъ попеченій министерства. Онъ знаетъ только свой раіонъ; какже можетъ онъ рѣшать самъ, что и гдѣ нужнѣе? Уже по одной этой обстановкѣ, главнокомандующему придется не требовать, а получать, что ему даютъ, стараясь при этомъ выпросить по возможности больше.

Положеніе не упоминаетъ о случаѣ, когда соглашеніе не состоится; оно говоритъ: «по соглашеніи», рѣшая, что соглашеніе должно быть. Въ такомъ случаѣ гордый человѣкъ откажется отъ командованія, гибкій покорится. Смотря по характеру, иной главнокомандующій, воинъ темпераментомъ, думающій только о битвѣ, предоставитъ центральной администраціи округа, т. е. продовольствіе и снабженіе арміи, чтобы составить свой боевой штабъ изъ вѣрныхъ людей; другой съ большой оглядкой, отдастъ свой штабъ за округа, т. е. невѣрную славу за обезпеченное существованіе; третій, неувѣренный въ себѣ, пожертвуетъ тѣмъ и другимъ заприращеніи

Digitized by Google

численной силы; четвертый, мнительный, дастъ всѣмъ распорядиться, по неумѣнію выбрать желаемое имъ во время и т. д. Но во всякомъ случаѣ главнокомандующій долженъ будетъ уступить многое, чтобы получить что нибудь. Все это случится непремѣнно при министрѣ наиболѣе вѣрномъ своему долгу, но не великомъ воинѣ (потому что предположеніе, чтобы великій воинъ, столь рѣдкій вездѣ, оставался или былъ оставленъ въ администраціи, когда рѣшается судьба государства—невозможно). Нечего и говорить, что можетъ случиться при министрѣ честолюбивомъ и самонадѣянномъ.

Но, каковъ бы нибылъ министръ, при статьѣ 24 Положенія русская армія навѣрное выйдетъ на войну калѣкой.

Достаточно сравнить постановку прежняго главнокомандующаго, получавшаго отъ русскаго Царя мечь и жезлъ власти на спасеніе отечества—и нынѣшняго, выторговывающаго въ военномъ министерствѣ свои права и средства, чтобы видѣть ясно куда идетъ положенія.

Надо замѣтить, что объяснительная записка, написанная именно для уясненія видовъ министерства, не упоминаетъ словомъ о статьѣ 24.

Все это было предисловіемъ къ дѣйствію. Перейдемъ теперь къ обстановкѣ главнокомандующаго на полѣ войны въ тѣсномъ, но лично ему предоставленномъ кругѣ.

Эту обстановку надобно прослѣдить съ нѣсколькихъ сторонъ. Начнемъ съ того, въ какой степени онъ хозяинъ всѣхъ частей военнаго вѣдомства въ очерченномъ ему раіонѣ.

До 1868 г. главнокомандующій, представляя лицо Государя, былъ неограниченнымъ распорядителемъ; законъ довольствовался этимъ опредѣленіемъ, не поставляя никакихъ пунктовъ. По положенію 1868 года округъ или округа, входящіе въ раіонъ военныхъ дѣйствій, подчиняются главнокомандующему. Объяснительная записка и первыя строки ст. 10 утверждаютъ, что они подчиняются вполнѣ.

По другимъ статьямъ выходитъ:

По статьѣ 12, «военно-окружныя управленія, по выполненіи ими распоряженія главнокомандующаго, отдаютъ отчетъ военному министерству».

По статьѣ 13, онѣ, «хотя и подчиненныя главнокомандующему, сохраняютъ съ военнымъ министерствомъ установленныя для мирнаго времени постоянныя сношенія».

Digitized by Google

По статьѣ 30, въ этихъ вполнѣ подчиненныхъ главнокомандующему округахъ командующіе войсками и начальники отдѣловъ военно-окружныхъ управленій назначаются не имъ, а только по предварительному съ нимъ сношенію.

По статьѣ 40, главнокомандующій въ такихъ округахъ «имѣетъ право, если признаетъ неотложнымъ, удалять отъ исполненія должностей начальниковъ отдѣловъ (но не командующаго войсками), впредь до назначенія на эти должности другихъ лицъ, согласно статьи 30 (т. е. прямо отъ министерства). Вспомнимъ, что по нынѣшнему военному устройству командующіе войсками въ округахъ и начальники отдѣловъ окружныхъ управленій находятся постоянно въ дѣйствительной, хотя довольно неопредѣленной подчиненности министерству; съ началомъ войны (въ наше время недолго продолжающейся) они временно подчиняются главнокомандующему, а съ ея окончаніемъ опять поступаютъ подъ власть министерства. При такой постановкѣ дѣла, самая неограниченная власть главнокомандующаго едва ли заставитъ ихъ неоглядываться поминутно на министерство и не справляться, исполняя приказанія, исходящія изъ штаба арміи, въ какой степени онѣ одобряются постояннымъ ихъ цѣнителемъ. Но когда эти лица, даже въ военное время, опредѣляются на должность исключительно черезъ министерство,—вѣроятно такимъ же порядкомъ отрѣшаются (положеніе умалчиваетъ объ этомъ вопросѣ),—остаются къ нему въ установленномъ для мирнаго времени, т.-е. подчиненномъ отношеніи, и представляютъ ему же отчеты, а главнокомандующій можетъ удалить одного изъ начальниковъ отдѣловъ въ такомъ лишь случаѣ, когда признаетъ это неотложнымъ (т.-е. пойдетъ на разрывъ съ министерствомъ), не имѣя притомъ права замѣстить открывающееся мѣсто, на которое министерство пришлетъ своего кандидата, можетъ быть еще болѣе неудобнаго, то подчиненность округовъ главнокомандующему выходитъ на дѣлѣ не только не полная, но даже едва ли дѣйствительная.

Если же прибавить, что командующій войсками подчиненнаго округа, прямой начальникъ мѣстнаго управленія и ходатай за него передъ центральною властью, не можетъ быть удаленъ главнокомандующимъ, хотя бы пошелъ прямо на перекоръ ему, то выходитъ, что подчиненность округовъ главнокомандующему существуетъ въ такой лишь мѣрѣ, на сколько

Digitized by Google

министерство лично ему благопріятствуетъ. Главнокомандующій не имѣетъ фактическаго средства заставить округъ исполнять свою волю; онъ можетъ только жаловаться министерству, которое выслушаетъ также объясненія начальника округа; пока дойдетъ до резолюціи, ввѣренная главнокомандующему территорія будетъ находиться въ скрытой войнѣ противъ него. То же произойдетъ при личной непріязни командующаго округомъ. Чью сторону приметъ министерство — неизвѣстно, а между тѣмъ, все это отзовется на арміи.

Значитъ, главнокомандующій, по положенію, имѣетъ власть въ отведенномъ ему участкѣ военнаго театра (т.-е. можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ до тѣхъ лишь поръ, пока округа знаютъ, что онъ въ согласіи съ министерствомъ. Даже побѣда не избавляетъ его отъ этой зависимости. По статьямъ 14 и 15, въ занятомъ непріятельскомъ краѣ учреждаются новыя окружныя управленія. Хотя положеніе предоставляетъ учрежденіе ихъ на волю главнокомандующаго, но главнокомандующій, какъ мы видѣли, несамостоятеленъ и, какъ увидимъ далѣе, штабъ его лишенъ средствъ продовольствовать армію; чтобы существовать, онъ долженъ будетъ согласиться на новые округа, т.-е. на новую неволю.

Если въ такой степени подчинены главнокомандующему округа, вполнѣ ему подчиненные, то, кажется, мудрено опредѣлить гомеопатическую долю подчиненности, которая по статьѣ 11 окажется въ округѣ, подчиненнымъ разомъ двумъ главнокомандующимъ.

На этотъ счетъ есть статья 30: «Въ подчиненныхъ округахъ командующіе войсками и начальники отдѣловъ назначаются по предварительному сношенію съ главнокомандующимъ». Онъ долженъ самъ смотрѣть, кого беретъ.

Но точно ли онъ беретъ кого-нибудь? Назначаются по сношенію, значитъ выбираются не имъ; самое большее—онъ кладетъ свое veto. Но какая сила въ его veto, въ какой мѣрѣ оно принимается въ соображеніе, того не сказано. Въ отношеніи къ командующимъ войсками пограничныхъ округовъ, они, какъ генералъ-губернаторы, слишкомъ важны въ другомъ отношеніи, чтобы частный главнокомандующій, созданный положеніемъ 1868 года, могъ располагать выборомъ ихъ, и притомъ еще до войны, безъ фактической причины; но и въ отношеніи къ начальникамъ окружныхъ отдѣловъ будетъ на прак-

Digitized by Google

тикѣ то же самое. Положеніе имѣетъ въ виду нѣсколькихъ главнокомандующихъ, между которыми не только надо подѣлить округа, но которымъ надо образовать штабы (что для нихъ еще важнѣе) изъ того же личнаго состава окружныхъ управленій. По всей вѣроятности, министерство не допуститъ главнокомандующихъ вводить въ штабы, ни въ округа, новыхъ людей, не принадлежащихъ къ общему административному составу. При этомъ же условіи, имѣя дѣло съ людьми, составляющими постоянную собственность министерства, въ то время, когда начинается на нихъ общій запросъ, когда отказъ можно обусловить тѣмъ, что просимое лицо нужно въ другомъ мѣстѣ, можно ли будетъ отнять его у министерства, даже уговорить это самое лицо пойти противъ воли его постояннаго начальства? За исключеніемъ людей, отдѣляемыхъ въ штабы, округа едва-едва будутъ обезпечены какимъ нибудь личнымъ составомъ. Гдѣ же главнокомандующему, въ то время когда самый штабъ его формируется почти по произволу министерства, набирать окружное управленіе изъ людей, не говоримъ вѣрныхъ, но сколько нибудь ему извѣстныхъ, отнимая ихъ и у министерства, и у другихъ начальниковъ армій? Притомъ, личный составъ округа существуетъ постоянно. Неужели министерство допуститъ, чтобы въ эту минуту суматохи (которая и безъ того будетъ суматохою неслыханною) желаніе главнокомандующихъ, не основанное ни на какомъ положительно высказанномъ правѣ, довело разстройство до крайности, перетасовывая личный составъ всѣхъ военныхъ округовъ въ Россіи, начиная съ командующихъ войсками? Этого дѣйствительно нельзя допустить безъ разрушенія всякаго порядка. Не только сила, но и право будутъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ министерства. Но что же изъ этого слѣдуетъ? То, что по статьѣ 30 подчиненные округа будутъ вполнѣ принадлежать министерству, а не главнокомандующему, не только по смыслу положенія, но еще болѣе по настроенію ихъ личнаго состава.

Въ статьяхъ по этому предмету часто приходится выводить заключеніе не изъ напечатаннаго правила, а изъ умолчанія о правилѣ.

Такъ, постановляя въ ст. 30 сношеніе администраціи съ главнокомандующимъ, умалчивается, въ чемъ оно состоитъ и какъ поступаетъ главнокомандующій, несогласный на вы-

Digitized by Google

боръ, — что даетъ полную волю сильнѣйшему, т. е. министерству.

Такъ выведенъ безвыходный кругъ изъ этой же 30 ст. и 40, позволяющей главнокомандующему удалять начальниковъ окружныхъ отдѣловъ, но умалчивающей, кто назначаетъ имъ преемниковъ,—замѣняющей положительное указаніе ссылкой все на ту же 30 статью, не имѣющую опредѣленнаго значенія.

Такъ, наконецъ, неприкосновенность командующаго войсками для власти главнокомандующаго нигдѣ не оговорена прямо, но явно вытекаетъ изъ того, что главнокомандующій по статьѣ 40, имѣетъ право удалять только начальниковъ отдѣловъ, стало быть—не командующаго войсками, о которомъ умалчивается.

Можетъ быть редакція положенія думала, что это послѣднее право подразумѣвается статьею 36: «главнокомандующій можетъ всѣхъ лицъ ему подвѣдомственныхъ удалять отъ должностей и высылать изъ армій?» Но кромѣ слишкомъ общаго и чрезвычайнаго смысла этой статьи, армія не значитъ округъ; иначе было бы сказано не «изъ арміи», а «изъ подчиненнаго ему края».

Перейдемъ къ новой сторонѣ дѣла: на сколько Положеніе даетъ простора главнокомандующему обезпечивать матеріальное существованіе арміи.

По прежнимъ уставамъ, отъ созданія русской арміи до 1868 г., главнокомандующій былъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, неограниченныхъ хозяиномъ на театрѣ войны, имѣлъ подъ рукою всѣ нужныя къ тому средства: полевую провіантную и комисаріатскую комиссіи и хозяйственныя учрежденія: артиллерійское, инженерное и прочее. Теперь же:

По статьѣ 9, «въ дѣлахъ хозяйственныхъ полевое управленіе дѣйствуетъ чрезъ окружныя управленія театра войны или мѣстныя заграничныя, возлагая на нихъ всю исполнительную часть».

По статьѣ 10, «во всякомъ случаѣ распоряженія полеваго управленія арміи приводятся въ исполненіе подлежащими отдѣлами окружнаго управленія, подъ ближайшимъ надзоромъ командующаго войсками округа (т. е. во всякомъ случаѣ не штабомъ, а округомъ).

Другія статьи подтверждаютъ это установленіе.

Digitized by Google

Это значитъ, что распорядительная власть, общее направленіе дѣйствій, или право приказывать, остается при главнокомандующемъ; исполнительная же, право принимать по своему усмотрѣнію мѣры для исполненія требованій ускользаетъ изъ его вѣдома и переходитъ въ округа.

Объяснительная записка утверждаетъ, что такая мѣра необходима для «сохраненія свободы мысли и духа верховнаго вождя арміи».

Отъ своевременнаго и точнаго исполненія требованій зависитъ не только свобода дѣйствій арміи, но самое ея существованіе. Еще Фридрихъ Великій говорилъ: «легко было бы воевать, еслибъ у солдатъ не было брюха». На войнѣ нельзя сдѣлать шагу, не зная точно, гдѣ найдутся въ данную минуту провіантъ, фуражъ и порохъ со снарядами, не будучи въ состояніи разомъ передвинуть ихъ или восполнить случайно оказавшійся недостатокъ. Это ясно безъ объясненія. До сихъ поръ главнокомандующій обезпечивалъ существованіе арміи посредствомъ вѣдомствъ, и людей, находившихся въ прямомъ его распоряженіи, составлявшихъ продолженіе его самого. Какъ мы видѣли, округа, на которые положеніе возлагаетъ эту обязанность, нельзя назвать продолженіемъ главнокомандующаго.

Но забудемъ на минуту условное подчиненіе округовъ, представимъ, что они отданы безотчетно во власть главнокомандующаго. Возможно ли будетъ ему, даже при этомъ условіи, безъ хозяйственныхъ учрежденій въ своемъ собственномъ штабѣ, считать армію обезпеченною?

Обсуждая этотъ вопросъ, надобно не терять изъ виду, что существенное отличіе порядка, установленнаго положеніемъ, отъ прежняго, состоитъ не только въ степени подчиненія исполнительныхъ учрежденій распорядительнымъ, но въ разрывѣ пополамъ заготовительной операціи, съ присвоеніемъ каждой половины отдѣльно особому учрежденію. Прежде распорядительная власть опредѣляла не только цѣль, но и способы; теперь избраніе способовъ принадлежитъ исключительно, и безъ ея вмѣшательства, другому вѣдомству. Отношенія совершенно измѣняются.

Распоряжаясь исключительно хозяйственною частію чрезъ свой штабъ, главнокомандующій имѣлъ передъ глазами всѣ данныя каждаго вопроса и сообразовался съ ними,—онъ зналъ вѣрно, что́ и когда возможно. Цѣль предпріятія не выносилась

Digitized by Google

изъ его кабинета; въ этомъ кабинетѣ способы исполненія прилаживались къ цѣли и передавались къ исполненію кому слѣдуетъ. Полевыя хозяйственныя вѣдомства, учрежденныя исключительно для боевой арміи, проникались своимъ спеціальнымъ назначеніемъ и дѣйствовали сообразно съ нимъ, зная, какія условія стоятъ тутъ впереди. Главная квартира могла безъ неудобства отойти далеко отъ мѣстопребыванія хозяйственныхъ учрежденій (что впрочемъ случалось очень рѣдко); разстояніе выражалось часами пути, а не взаимнымъ непониманіемъ, такъ какъ этимъ вѣдомствамъ приходилось—не сообразоваться съ видами штабы, а исполнять буквально предписанія. Хозяйственное вѣдомство арміи управлялось не механически, а органически—тѣло повиновалось мысли.

Съ раздѣленіемъ дѣйствія власти на двѣ самостоятельныя половины — распорядительную и исполнительную, даже при безотчетномъ подчиненіи округовъ — дѣло должно было принять иной видъ.

Содержаніе арміи въ мирное и военное время требуетъ совсѣмъ инаго пріема. Въ первомъ случаѣ главное условіе—возможная дешевизна, потому что время терпитъ и стоящія по мѣстамъ войска почти всегда достаточно обезпечены запасами—въ этомъ смыслѣ писаны всѣ наши законы; во второмъ случаѣ, на первомъ мѣстѣ стоятъ точность и быстрота операціи, иногда во что бы ни стоило, чего законы, конечно, не могутъ разрѣшить формально, и потому тутъ нужна безотчетная власть. Мало сказать—ставьте запасы какъ можно скорѣе; часто надобно прибавить — для этого разрѣшаются такіе-то способы, хотя они обременительны для казны, даже для края. Для этого главнокомандующій долженъ имѣть исполнительную власть въ своихъ рукахъ, потому что ни округа, ни даже главный военный совѣтъ не облечены такими правами. Кромѣ того, каждое вѣдомство выдѣлывается въ духѣ системы, постоянно ихъ руководящей; оно также мало можетъ внезапно измѣнить свой характеръ, какъ и частное лицо. Полевая провіантная комиссія и окружное интендантство стали бы дѣйствовать непремѣнно въ противоположномъ духѣ и съ противоположными пріемами; послѣднее не можетъ даже дѣйствовать иначе, потому что отвѣтственно за соблюденіе формальности закона и никто, кромѣ верховной власти, облекавшей преж-

Digitized by Google

няго главнокомандующаго, не можетъ снять съ него этой отвѣтственности.

Только зная цѣль, можно принять вѣрныя средства для ея достиженія. Съ полевымъ интендантствомъ главнокомандующій самъ направлялъ мѣры сообразно съ цѣлью; окружныя управленія, не зная цѣли, будутъ направлять мѣры неточно и недостаточно. Стало быть, для избѣжанія послѣдствій, могущихъ погубить армію, главнокомандующій будетъ вынужденъ посвящать округа въ свои тайны. Не сомнѣваясь въ вѣрности и патріотизмѣ членовъ окружнаго управленія, можно также не сомнѣваться, что при системѣ обоюднаго шпіонства, употребляемой на войнѣ, это значило бы прямо выдавать тайну непріятелю.

Для ускоренія дѣлопроизводства, положеніе подчиняетъ начальниковъ отдѣловъ округа соотвѣтственнымъ начальникамъ полеваго управленія, но ни одинъ изъ первыхъ не исполнитъ предписанія безъ своего прямаго начальника — командующаго войсками. Это пустая формальность, отъ которой дѣло не пойдетъ скорѣе, — даже формальность не совсѣмъ удобная тѣмъ, что избавляетъ командующаго войсками отъ личной отвѣтственности, возлагая ее на малозначущаго чиновника. Въ дѣйствительности, начальники полевыхъ отдѣловъ, передавая исполненіе своихъ мѣръ чиновникамъ округовъ, косвенно имъ подчиненнымъ, не ими выбраннымъ, по большей части имъ неизвѣстнымъ и въ сущности не предъ ними отвѣтственнымъ, никогда не будутъ обезпечены въ точномъ исполненіи. Имъ придется докладывать главнокомандующему не о томъ, что сдѣлано, а лишь о томъ, что предписано.

Что же остается на выборъ главнокомандующему? Обходить окружное управленіе; но чѣмъ его замѣнить? Или придвинуть его къ себѣ, обращая въ свой личный штабъ? Во-первыхъ, на это нѣтъ опредѣленнаго закона, — можетъ быть министерство не признаетъ подобнаго права за главнокомандующимъ; во вторыхъ, окружное управленіе громоздко, многочисленно, устроено для осѣдлой, а не для кочевой жизни; всѣ обстоятельства могутъ измѣниться, даже иная война кончится прежде, чѣмъ оно подымется съ мѣста; въ-третьихъ, при нынѣшней системѣ оно завѣдуетъ не только снабженіемъ арміи, но и управленіемъ всего военнаго вѣдомства въ краѣ,—стало быть, нужно на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, если бы главно-

Digitized by Google

командующій былъ принужденъ на это средство, по невозможности поступить иначе, то спрашивается: хорошъ ли законъ, когда съ перваго же шага надобно его обходить? Мѣстныя управленія, дѣйствующія отдѣльно отъ штаба, самостоятельныя по своимъ учрежденіямъ, могутъ заготовить для арміи запасы предварительно, передъ войною, и гуртомъ, но онѣ не могутъ слѣдить за войною и сообразовать свои распоряженія съ ходомъ дѣйствій, даже при полной подчиненности главнокомандующему.

Но мы видѣли, какова эта полная подчиненность по положенію 1868 года. Степень дѣйствительной зависимости окружныхъ управленій отъ главнокомандующаго измѣряется отношеніями его къ центральной администраціи. Положеніе главнокомандующаго, благопріятствуемаго министерствомъ, будетъ трудное: положеніе главнокомандующаго самостоятельнаго и потому неудобнаго станетъ невозможнымъ.

Что же остается дѣлать самостоятельному главнокомандующему? Существованіе арміи, свобода всѣхъ его движеній, зависитъ отъ полуподчиненнаго округа, на который онъ не вполнѣ полагается, и въ то же время не имѣетъ возможности ни контролировать за глаза, ни принудить, ни обновить его личной составъ своими людьми? Самостоятельный главнокомандующій знаетъ напередъ, что жалоба министерству, унизительная для его достоинства, поведетъ только къ проволочкѣ безцѣннаго на войнѣ времени. Министерство всегда можетъ сохранить высокое безстрастіе по закону; округъ также не выйдетъ изъ закона, соблюдая формальности неотмѣняемыя для него военнымъ положеніемъ и весьма достаточныя, въ иныхъ обстоятельствахъ, чтобы оставить армію на походѣ безъ провіанта, оружія, пороха, снарядовъ, медикаментовъ, если главнокомандующій слишкомъ понадѣется на буквальное исполненіе своихъ предписаній. Для этого не нужно полагать, чтобъ округъ хотѣлъ умышленно затруднить армію: между русскими людьми до этого, вѣроятно, не дойдетъ; достаточно, чтобъ окружное управленіе держалось обыкновеннаго порядка дѣйствій, не жертвуя имъ исключительнымъ потребностямъ войны,—что произойдетъ непремѣнно, если оно не увѣрено, что министерство расположено оправдать всякую экстраординарную, но необходимую мѣру. При такомъ отношеніи къ округу, главнокомандующій будетъ вынужденъ прежде всего позабо-

Digitized by Google

титься о томъ, чтобъ не состоять отъ него въ зависимости. Онъ захочетъ заранѣе обезпечить себя и потребуетъ заготовленій по всѣмъ направленіямъ, не только на линіи, выбранной имъ для дѣйствій, но вездѣ, куда неожиданный случай можетъ забросить войска. Если министерство не затруднитъ такого требованія и округъ найдетъ практическую возможность его исполнить, то выйдетъ непомѣрная растрата государственныхъ средствъ, двойная, можетъ быть, противъ той, какая потребовалась бы при прежнихъ учрежденіяхъ; если же требованіе окажется неисполнимымъ и главнокомандующій будетъ вынужденъ довольствоваться своевременной поставкой, невнушающей ему полнаго довѣрія, онъ ничего не предприметъ, станетъ защищать свои магазины, какъ дѣлали бездарные генералы въ старинныхъ европейскихъ войнахъ. Это слѣдствіе новаго положенія, основаннаго на подобіи гофъкригсъ-рата; со введеніемъ къ намъ отжившихъ и чуждыхъ началъ явится вслѣдъ за ними отжившая и чуждая намъ практика.

Законъ положенія о продовольствіи арміи разъ уже испытанъ у насъ. Въ послѣднюю войну поручено было генералъ-адъютанту Анненкову содержать съ тыла крымскую армію. Обстоятельства казались самыми удобными—за арміей нечего было слѣдить, она стояла на мѣстѣ. Однако вышло, что армія осталась безъ провіанта и была выручена только учрежденіемъ при ней собственнаго хозяйства.

Положеніе, впрочемъ, открываетъ главнокомандующему исходъ изъ этого повидимому безвыходнаго круга—позволяетъ ему довольствовать армію прямо черезъ полевое интендантство; но тѣмъ не менѣе отымаетъ у него всякую фактическую къ тому возможность.

По статьѣ 9 «полевое управленіе принимаетъ непосредственное участвіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ по хозяйственной части только тогда, когда главнокомандующій признаетъ это нужнымъ».

Но какъ же главнокомандующій поступитъ въ такомъ случаѣ? Въ штабѣ его теперь нѣтъ хозяйственныхъ вѣдомствъ.

Для ипольненія хозяйственной операціи, сколько нибудь обширной, нужно не только большое число комиссіонеровъ, непосредственно ее производящихъ, нужны еще инстанціи для

Digitized by Google

подробнаго распоряженія и контролированія, потому что полевые отдѣлы штаба могутъ дать общее направленіе, не больше.

Откуда же главнокомандующій возьметъ этихъ людей. Изъ округа? Уже замѣчена невозможность придвинуть къ себѣ окружное управленіе въ полномъ составѣ. Ослабить слишкомъ округъ, и безъ того ослабленный выдѣленіемъ штабовъ, также нельзя при настоящемъ устройствѣ арміи; временная операція, совершаемая непосредственно штабомъ, не избавляетъ отъ необходимости постоянныхъ операцій, производимыхъ округомъ. Находящіеся при арміи хозяйственные чиновники, какъ напр. корпусные и дивизіонные интенданты,—слишкомъ малочисленны для самостоятельнаго дѣйствія; они только представители своего вѣдомства въ войскахъ, для распоряженія запасами, доставленными округомъ. Взять для операціи офицеровъ изъ штаба и арміи? Безъ сомнѣнія, въ случаѣ крайности главнокомандующіи прибѣгнетъ и къ такому средству; но что же это будетъ за мѣра, разстраивающая и безъ того ограниченный штабъ выдѣленіемъ лицъ, необходимыхъ на своемъ мѣстѣ, и ввѣряющая обезпеченіе арміи совершенно неопытнымъ людямъ? Подобная крайность, весьма однакожъ предвидимая, можетъ служить мѣрой для опредѣленія практичности положенія 1868 г. и окружной системы вмѣстѣ. Когда доходитъ до примѣненія на дѣлѣ, то нынѣшнія учрежденія военнаго вѣдомства, стоющія государству непомѣрно дорого, остаются въ сторонѣ, и главнокомандующему приходится для замѣны ихъ устраивать что нибудь на скорую руку, изъ сыраго матеріала, какъ при сборѣ средневѣковаго ополченія.

По положенію, главнокомандующій не имѣетъ возможности дѣйствовать самостоятельно въ хозяйственной части. Историческій нашъ главный штабъ, служившій ему орудіемъ для самостоятельныхъ дѣйствій, замѣненъ полевымъ управленіемъ въ размѣрѣ походной распорядительной канцеляріи по каждому отдѣлу.

Объяснительная записка высказываетъ поводы, на которыхъ основана передѣлка нашего историческаго главнаго штаба и вообще всѣхъ штабовъ; но поводы эти въ свою очередь опираются на факты, очевидно невѣрные. Записка говоритъ.

«Нынѣшнее полевое управленіе будетъ тѣмъ походнымъ штабомъ, который почти во всѣхъ послѣднихъ войнахъ сопровождалъ главнокомандующаго. между тѣмъ какъ многолюдный

Digitized by Google

главный штабъ оставался гдѣ нибудь въ тылу, исполняя распоряженія, исходившія изъ походнаго штаба».

Въ приведенныхъ строкахъ все невѣрно.

Въ большихъ войнахъ нынѣшняго столѣтія 1805, 1806, 1807, 1812, 1813, 1814, 1828, 1829, 1830, 1831 и 1854 при движеніи за Дунай, 1855 въ Крыму, главный штабъ со всѣми вѣдомостями находился безотлучно при главнокомандующемъ, который не могъ бы иначе управлять арміей, за неимѣніемъ другихъ органовъ. Какъ видно изъ «Свода мнѣній», единственные примѣры, на которые ссылается объяснительная записка, это—южная армія зимой 1853 года и кавказская армія во время англо-французской войны. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствующіе отряды, при которыхъ временно находился главнокомандующій, составляли незначительную часть силъ, разбросанныхъ по всему краю; разумѣется, главнокомандующій составлялъ свой штабъ въ центральномъ расположеніи, гдѣ онъ былъ необходимъ для всей массы войскъ, а съ собой бралъ лишь небольшой походный штабъ, достаточный для личныхъ распоряженій и временнаго управленія немногочисленнымъ отрядомъ. Силы, съ которыми главнокомандующій кавказской арміи дѣйствовалъ въ Анатоліи, не составляли и десятой части ввѣренной ему арміи, остававшейся въ тылу; конечно, онъ не могъ взять съ собою весь главный штабъ. Развѣ такой примѣръ подходитъ къ европейской войнѣ, когда всѣ силы идутъ въ походъ? Кромѣ того, оставленный позади штабъ былъ не самостоятельнымъ учрежденіемъ, хотя бы вполнѣ подчиненнымъ, а личнымъ штабомъ, которымъ главнокомандующій также удобно могъ распоряжаться вдали, какъ и вблизи. Въ такихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на отношенія главнокомандующаго къ округу. Но когда южная армія перешла Дунай главными силами, съ нею пошелъ и штабъ въ полномъ составѣ. Итакъ вотъ примѣры, на основаніи которыхъ, по увѣренію объяснительной записки, уничтоженъ нашъ историческій главный штабъ; другихъ примѣровъ не было въ виду.

Почему же объяснительная записка утверждаетъ, что «почти во всѣхъ нашихъ послѣднихъ войнахъ главнокомандующаго сопровождали одни походные штабы, тогда какъ главные штабы оставались гдѣ нибудь въ тылу?» Неужели можно

Digitized by Google

ошибаться въ обстоятельствахъ, живыхъ въ памяти каждаго офицера, служащаго съ 1853 года?

Другой поводъ къ преобразованію, выставляемый объяснительною запискою—примѣненіе главнаго штаба арміи къ дивизіонному, окружному и главному министерскому, несостоятеленъ въ такой же степени. Армія не пригоняется по дивизіи и военныя установленія по административнымъ; тѣмъ болѣе, учрежденія, оправданныя долгимъ опытомъ, не замѣняются невынужденною и ничѣмъ не оправданною новизною. Да къ чему было ломать даже дивизіонный штабъ, бывшій гораздо проще и удобнѣе нынѣшняго?

Третій поводъ, согласно той же записки,—«установленіе опредѣленныхъ отношеній между полевымъ управленіемъ арміи и военнымъ министерствомъ»—еще несостоятельнѣе. Мы видѣли, что отношенія самыя опредѣленныя, по которымъ министерству принадлежало заготовленіе матеріала для арміи, а полевому начальству командованіе ею — замѣнены лабиринтомъ правъ, открывающимъ широкое поле для недоразумѣній.

Стало быть замѣна главнаго штаба его обрѣзкомъ—полевымъ управленіемъ—должна объясняться не этими причинами. Тоже самое слѣдуетъ изъ статьи 42, ограничивающей власть главнокомандующаго по хозяйственной части, до сихъ поръ безусловной, правами военнаго совѣта въ мирное время. То же обнаруживается изъ статьи 44, заставляющей главнокомандующаго отчитываться лично министерству въ расходахъ, совершенныхъ полевымъ управленіемъ.

Наконецъ, статья 43 прямо идетъ къ дѣлу, перепечатывая слова Устава 1846 г.: «Предписанія главнокомандующаго о производствѣ какого либо расхода слагаютъ всякую отвѣтственность съ лицъ исполняющихъ», Положеніе прибавляетъ: «Но если таковыя предписанія послѣдовали по представленію начальниковъ отдѣловъ полеваго управленія, то эти лица отвѣтствуютъ какъ за вѣрность фактовъ и справокъ, такъ и за изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, на которыхъ главнокомандующій основывался въ своемъ рѣшеніи».

Эта статья отстраняетъ главнокомандующаго, чтобы имѣть дѣло прямо съ ближайшими его помощниками, съ его личными органами, составляющими продолженіе его офиціальнаго лица, съ начальниками отдѣловъ полеваго управленія. Они не

Digitized by Google

отвѣчаютъ за исполненіе приказаній, до которыхъ главнокомандующій додумался самъ, но отвѣтственны передъ министерствомъ за приказанія, состоявшіяся подъ вліяніемъ ихъ совѣта или представленія. Министерство будетъ судить ихъ за факты, справки и за изложеніе обстоятельствъ, т.-е. за личное мнѣніе о положеніи дѣлъ въ данную минуту, доложенное главнокомандующему. Но на войнѣ, особенно на быстромъ походѣ, рѣдко можно знать что-либо достовѣрно, — по большей части надобно довольствоваться общими числами, понимать положеніе вещей больше, чѣмъ знать его; въ этомъ умѣньѣ соображать приблизительно и оцѣнивать впередъ—заключается главный талантъ военныхъ дѣятелей, по хозяйственной, какъ и по другимъ частямъ; хуже всего на войнѣ не додѣлать необходимаго, изъ опасенія лишняго. Это-то пониманіе и предвидѣніе, именно, воспрещаются начальникамъ полевыхъ отдѣловъ статьею 43. Когда недоумѣніе настоящей минуты обратится въ прошлое, освѣщенное совершившимися фактами, министерство станетъ судить ихъ, на основаніи тщательно собранныхъ цифръ, за то, что они совѣтовали, когда эти цифры еще не были извѣстны, когда удача хозяйственныхъ операцій, предпринятыхъ округомъ, подлежала еще тысячѣ случайностей. Очевидно, судъ будетъ совершенно произвольный, потому что между отвѣтчиками не можетъ оказаться ни одного праваго. Кого бы ни призвали къ отвѣту, его непремѣнно можно будетъ уличить въ представленіяхъ, состоявшихся по гадательнымъ даннымъ. Отвѣтственность подобнаго рода станетъ страшною уздою для лицъ, неугодныхъ центральной администраціи. Очевидно, при такомъ условіи полевое управленіе очутится безусловно въ рукахъ министерства. И безъ того оно составляется изъ лицъ, въ мирное время прямо подчиненныхъ министерству, передаваемыхъ главнокомандующему только временно; эти бывшіе и будущіе подчиненные и безъ того не будутъ особенно расположены противиться своему постоянному начальству, а тутъ еще они подвергаются отвѣтственности за каждое самостоятельное—не дѣйствіе даже, а мнѣніе, если оно не нравится высшей администраціи. Немного патріотовъ на свѣтѣ, способныхъ выдержать такое испытаніе. Можно быть увѣреннымъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ начальникъ отдѣла промолчитъ, предоставляя дѣло на волю судьбы, а не станетъ жертвовать своею службою, можетъ быть и бо-

Digitized by Google

шимъ. Но вѣдь главнокомандующій, какъ человѣкъ, не можетъ ничего одинъ; неужели же редакція положенія, зная это, хотѣла оставить армію безъ хлѣба и пороха? Конечно, нѣтъ. Но, дѣйствуя такимъ образомъ, она рикошетомъ и не-хотя, непремѣнно отымаетъ у солдатъ порохъ и хлѣбъ, у командованія—иниціативу, у русской арміи—побѣду.

43 статьей можно закончить изслѣдованіе новой обстановки главнокомандующаго по положенію 1868 года. Далѣе идти некуда.

Соберемъ снова главныя черты этой обстановки.

Мы видѣли, чѣмъ оказывается по новому положенію главнокомандующій, только-что назначенный, еще не принимавшій арміи. Онъ не представитель верховной власти на театрѣ войны; онъ—должностное лицо, какъ всѣ прочія, лицо, обстановленное тысячью формальностей.

Кто не узнаетъ въ этомъ очеркѣ знакомый типъ австрійскаго военачальника временъ господства гофъ-кригсъ-рата?

Но таковъ главнокомандующій только-что назначенный. Съ прибытіемъ на поле войны, положеніе 1868 года придаетъ ему новыя черты, устраняющія какое бы то ни было сравненіе, за неимѣніемъ ничего подобнаго въ военной исторіи. Эти добавленія къ образу стариннаго австрійскаго военачальника суть слѣдующія: 1) мѣстныя военныя учрежденія на театрѣ войны подчиняются главнокомандующему только наружно, оставаясь, какъ всегда, въ прямомъ завѣдываніи министерства; 2) единство власти и дѣйствія главнокомандующаго разрывается; за нимъ остается только право призывать, не заботясь, какими способами эти приказанія могутъ быть исполнены, что составляетъ на войнѣ существенную и самую трудную часть задачи; 3) забота объ исполненіи приказаній главнокомандующаго возлагается на мѣстныя учрежденія, которыми въ дѣйствительности онъ не распоряжается; 4) вслѣдствіе того у арміи отняты средства содержать себя собственнымъ о себѣ попеченіемъ,—она уже не самостоятельное цѣлое, само о себѣ пекущееся; 5) въ тѣхъ же видахъ, главный штабъ арміи замѣненъ одной распорядительной экспедиціей; 6) даже личный органъ главнокомандующаго—полевое управленіе—поставлено на дѣлѣ въ тѣсную зависимость отъ министерства; 7) лица полеваго управленія отвѣтственны не только за дѣй-

Digitized by Google

ствія, но и за мнѣнія: они вынуждены таить отъ главнокомандующаго свои мысли.

Этотъ перечень новыхъ узъ, стѣсняющихъ главнокомандующаго, рѣзко отличаетъ обстановку стараго австрійскаго военачальника отъ обстановки новаго русскаго. При господствѣ австрійскаго гофъ кригсъ-рата достаточно было одного слова верховной власти, чтобы возвратить главнокомандующему самостоятельность немедленно. При господствѣ положенія 1868 г. одного этого слова недостаточно; нуженъ новый законъ для опредѣленія иныхъ отношеній между множествомъ лицъ, нужно возстановленіе матеріальныхъ учрежденій, нынѣ несуществующихъ, что требуетъ времени, а на войнѣ можетъ отозваться другимъ словомъ—слишкомъ поздно. Тѣмъ не менѣе, объяснительная записка утверждаетъ, что «Положеніе 1868 г. оставляетъ главнокомандующему всю ту власть, которая принадлежала ему по Уставу 1846 г. Кромѣ того, ему подчиняются округа и проч.».

Нѣкоторые думаютъ, что стойкій главнокомандующій, даже вопреки положенія 1868 г., можетъ взять на себя полномочіе.

Если-бъ это было такъ, то положеніе разрѣшалось бы только вредомъ гражданскимъ, пріучая къ умышленному, но вынужденному необходимостью попранію законовъ.

Но это вовсе не такъ.

Побѣдоносный главнокомандующій, пользующійся довѣріемъ своего государя, дѣйствительно можетъ взять на себя много; нельзя даже опредѣлить мѣры всему, что онъ можетъ взять на себя. Но дѣло идетъ не о прославленномъ побѣдителѣ, а объ одномъ изъ генераловъ, принимающихъ часть арміи на основаніи положенія 1868 г., поставленномъ въ такія узкія рамки, что ему мудрено думать о побѣдѣ.

Положеніе хочетъ нѣсколько главнокомандующихъ, подъ высшимъ направленіемъ и весьма дѣйствительнымъ контролемъ министерства; на какомъ же основаніи одинъ изъ нихъ сброситъ опеку, принимаемую безотговорочно прочими? На основаніяхъ, установленныхъ положеніемъ 1868 г., можетъ командовать только близкій къ министру человѣкъ; такому и собственный штабъ его, не боясь отвѣтственности, и министерскіе округа—будутъ содѣйствовать искренно; по крайней мѣрѣ съ тыла, со стороны своихъ, онъ будетъ обезпеченъ. Но мы видѣли уже обстановку самостоятельнаго и потому неблагопріят-

Digitized by Google

ствуемаго главнокомандующаго. Онъ лишенъ фактической власти надъ округами, отъ которыхъ зависитъ существованіе арміи, не можетъ оставить главную квартиру, чтобы наблюдать надъ ними вблизи,—ему остается только жаловаться; самый штабъ его, временный, случайный, несвязный съ нимъ никакими прочными узами, будетъ постоянно оглядываться на министерство; мысль о матеріальномъ содержаніи арміи, по неувѣренности въ томъ, станетъ для него выше всякихъ военныхъ соображеній. Какимъ же образомъ главнокомандующій станетъ дѣйствовать самостоятельно съ перваго дня своего назначенія? А вопросъ въ томъ именно и заключается, чтобы быть самостоятельнымъ съ перваго дня. Громкая побѣда можетъ все, конечно; но какъ побѣждать при такихъ условіяхъ?

Къ «Объяснительной запискѣ», вышедшей одновременно съ «Положеніемъ» 1868 года, приложенъ былъ «Сводъ мнѣній» лицъ, предварительно запрошенныхъ о предполагавшихся преобразованіяхъ. Списокъ этихъ лицъ составленъ весьма странно; въ немъ нѣтъ именъ многихъ извѣстныхъ генераловъ, многихъ начальниковъ дивизій, стязавшихъ боевую извѣстность, хотя есть незнакомыя имена 18 мелкихъ офицеровъ генеральнаго штаба; въ то же время запросные пункты не высказывали достаточно ясно всѣхъ видовъ, осуществленныхъ потомъ въ «Положеніи». Не смотря на то, «Сводъ мнѣній», съ какой стороны ни взять его—считать-ли отрицательные и утвердительные отвѣты, или взвѣшивать ихъ по силѣ доводовъ—составляетъ протестъ противъ предполагавшихся измѣненій. Напримѣръ на основной вопросъ, изъ котораго истекаетъ все послѣдующее—подлежатъ-ли измѣненію права главнокомандующаго, установленныя прежними законами?—22 лица, первыя въ арміи по сану и извѣстности, отвѣчаютъ короткимъ словомъ, «Нѣтъ». Однако же «Объяснительная записка» утверждаетъ, что нововведенія «Положенія» основаны на большинствѣ и уважительности высказанныхъ мнѣній.

Такое утвержденіе, очевидно неточное, какъ можетъ убѣдиться всякій, имѣющій въ рукахъ «Сводъ мнѣній», было вдобавокъ совсѣмъ не нужно. Измѣненіе въ учрежденіяхъ полеваго командованія достаточно объяснялось неотразимымъ доводомъ: невозможностію связать наши прежнія установленія, каково бы ни было ихъ достоинство, со вновь введенною окружною системою. Французская окружная система (сочиненная

Digitized by Google

маршаломъ Сенъ-Сиромъ, именно съ цѣлію разрушить связность арміи) неотразимо требуетъ французскаго боеваго положенія. Наше учрежденіе о большой дѣйствующей арміи 1812 г., и Уставъ 1846 г.—совершенно несовмѣстимы съ нею. Даже теперь, послѣ всемірнаго опыта войны 1870 года, сопоставившей лицомъ къ лицу оба наши боевыя положенія (старое) которымъ руководствовались пруссаки, и новое, перенятое нами отъ французовъ) и разоблачившей коренную несостоятельность французскаго положенія,—даже послѣ этой войны, все-таки невозможно желать возстановленія нашихъ побѣдоносныхъ полевыхъ учрежденій рядомъ съ окружною системою 1862 года, Ихъ нельзя свести вмѣстѣ. «Плодъ осуждаетъ древо». Несостоятельныхъ боевыхъ положеній системы 1862 года показываетъ, очевидно, несостоятельность ея мирныхъ учрежденій, опровергаетъ всю систему. Но тѣмъ не менѣе, когда разъ французскіе окружные порядки были перенесены къ намъ, то изъ нихъ прямо истекало боевое положеніе 17 апрѣля 1868 года. «Объяснительная записка» могла бы довольствоваться этимъ несокрушимымъ доводомъ, не прибѣгая къ вышесказаннымъ средствамъ.

Digitized by Google

Новый разборъ.

Положенія о полевомъ командованіи арміями 1873.

I.

Мы начнемъ тѣми же словами, которыми закончили первый нашъ разборъ. «Когда разъ французскіе окружные порядки были перенесены къ намъ, изъ нихъ прямо истекло боевое «Положеніе» 17 апрѣля 1868 года».

Сущность нашихъ новыхъ учрежденій мирнаго времени выражена съ наибольшею точностію въ «Полевой памятной книжкѣ для офицеровъ» 1872 г.

«Высочайшая воля по предметамъ, относящимся до военно-сухопутныхъ силъ, приводится въ исполненіе военнымъ министерствомъ, которому подчинены войска, военныя управленія и военныя заведенія на всемъ пространствѣ имперіи. Для ближайшаго мѣстнаго завѣдыванія войсками и низшими военными управленіями, имперія раздѣлена на 14 округовъ, изъ которыхъ каждый управляется особымъ начальникомъ, носящимъ званіе главнокомандующаго или командующаго войсками округа».

Если по русски можно сказать что нибудь ясно, то приведенная выписка не допускаетъ толкованій. По системѣ 1862 года, главнокомандующіе, какъ низшія инстанціи, подчинены военному министерству. При прежней системѣ, такая замѣтка о подчиненіи главнокомандующихъ министерству была не мыслима, потому что самаго факта не существовало. Положеніе дѣлъ, значитъ, круто измѣнилось. Теперь министерство считаетъ себя уже не-посредствующимъ органомъ, не военнымъ

Digitized by Google

секретаріатомъ, какъ было прежде; а установленнымъ высшимъ начальствомъ для всѣхъ армій и главнокомандующихъ. Сторонники существующей системы отрекались и теперь еще отрекаются въ печатныхъ преніяхъ отъ этого факта, давно извѣстнаго арміи на практикѣ и заявленнаго нынѣ самимъ министерствомъ.

Но если главнокомандующіе, какъ низшія инстанціи, подчинены министру въ мирное время; если послѣднее «Положеніе» писано (какъ сказано въ объяснительной запискѣ) для примѣненія его къ окружной системѣ, и если окружная система установлена не до первой войнѣ только (что было бы несообразнымъ) — то гловнокомандующіе должны оставаться въ подчиненности министру и въ военное время; иначе вся система разрушится именно въ ту минуту, когда она должна дѣйствовать. Развѣ мыслимо въ нравственномъ порядкѣ вторичное изъятіе арміи изъ подъ руки самостоятельнаго, извѣстнаго всему народу главнокомандующаго, для новаго подчиненія ея канцеляріи. Редакція окружной системы имѣла въ виду учрежденіе постоянное и должна была удержать за нимъ его существенный смыслъ въ военное, какъ и въ мирное время, а потому не могла допустить въ принципѣ самостоятельныхъ главнокомандующихъ. Положеніе о полевомъ командованіи арміями, увѣнчавшее окружную систему, составлено въ томъ же духѣ, очевидномъ изъ каждой его статьи. Иначе не могло быть, если не хотѣли, чтобъ заключеніе разрушило всю систему. Другое дѣло—на сколько подчиненіе главнокомандующихъ министру, называвшееся на офиціальномъ вѣнскомъ языкѣ гофъ-кригсъ-ратомъ, влечетъ за собой катастрофу. Защитники новыхъ нашихъ учрежденій знаютъ по теоріи, что гофъ-кригсъ-ратъ не ведетъ къ хорошему, а потому всѣми силами отрекаются отъ неблагозвучнаго нѣмецкаго слова; но именно потому, что эти дурныя послѣдствія извѣстны имъ только по теоріи, они никогда не могли понять «Учрежденія» 1812 года и «Устава» 1846 г., и разрушали ихъ большею частію безсознательно. Надо начать поэтому съ уясненія истиннаго смысла нашихъ историческихъ боевыхъ «положеній».

Война никогда не была шуткой. Но въ послѣдніе годы, когда народы стали подъ ружье почти поголовно, она опять приняла свой древній складъ—боя на смерть и горя побѣжденнымъ. Пораженіе грозитъ теперь народамъ, на худшій

Digitized by Google

конецъ—участію Польши, на лучшій—участію Франціи; ни то, ни другое никому не желательно. Соразмѣрно съ тѣмъ полководецъ сталъ именно человѣкомъ судьбы, которому народъ прямо вручаетъ свою участь. Полководецъ не можетъ ничего безъ стройной силы; но вопросъ, между прочимъ, идетъ и о томъ, кто въ состояніи подготовить такую силу.

Всякій знаетъ, что въ настоящее время намъ нечего и думать о какой-либо частной войнѣ, хотя-бы о войнѣ съ Турціей въ обходъ Австріи, предпринимаемой съ одною изъ армій, какъ бывало прежде. Когда намъ придется вести войну, то война эта порѣшится столкновеніемъ сосредоточенныхъ силъ на западной границѣ съ противниками европейскими. Всякій это понимаетъ. При такой войнѣ можетъ оказаться надобность во второстепенныхъ арміяхъ на Прутѣ и на Балтійскомъ поморьѣ; но то будетъ въ полномъ смыслѣ слова арміи частныя, хотя бы начальствующій ими генералъ былъ облеченъ всевластіемъ главнокомандующаго, какъ допускалось «Уставомъ» 1846 г. Участь Россіи въ будущемъ станетъ рѣшаться на одномъ театрѣ войны, а не на многихъ (за исключеніемъ Кавказа, гдѣ также нуженъ вполнѣ самостоятельный главнокомандующій). Такимъ образомъ, рѣчь можетъ идти только о двухъ главнокомандующихъ большою дѣйствующею арміею: одного передъ Европою и другаго—передъ Азіею. Если бы случайныя обстоятельства, покуда вовсе невѣроятныя, измѣнили направленіе войны, какъ случилось въ 1854 году, то суть дѣла осталась бы той же самою; рѣшеніе европейской войны зависѣло бы все-таки отъ одного главнокомандующаго и одной арміи.

Это новое отношеніе Россіи къ Европѣ, созданное раздѣломъ Польши, устранившимъ вѣроятность и даже возможность нѣсколькихъ частныхъ войнъ разомъ, какъ было при Екатеринѣ (Турція, Швеція, Польша), выяснилось уже достаточно въ 1812 году. Теперь силы, выставляемыя, на Балтійскомъ прибрежьѣ, еслибъ имъ даже пришлось дѣйствовать, вовсе не будутъ имѣть значеніи прежней особой арміи противъ Швеціи, потому что участь большой европейской войны, даже той, которую онѣ ведутъ, порѣшится не ими. Вслѣдствіе того, боевые люди боевой эпохи, писавшіе и провѣрявшіе «Учрежденіе» 1812 г., говорятъ прежде всего о «большой дѣйствующей арміи», а не объ арміяхъ вообще, облекаютъ безу-

Digitized by Google

словною властію главнокомандующаго, а не главнокомандующихъ во множественномъ числѣ. Они знали твердо, что судьба Россіи на войнѣ будетъ зависѣть впредь только отъ одной арміи и отъ одного полководца, хотя частныхъ армій можетъ быть при этомъ нѣсколько. Редакція «Положенія» 1868 года не поняла этого основнаго взгляда, заговорила о многихъ главнокомандующихъ, точно о какомъ-то сословіи, и съ перваго слова спутала все дѣло.

Первая наша война приметъ необходимо—или характеръ вторженія пруссаковъ во Францію, или же характеръ отечественной войны 1812 года, смотря по успѣху перваго столкновенія. Въ обоихъ случаяхъ, не только возможность успѣха, но просто возможность веденія дѣла немыслима безъ объединенія власти въ однѣхъ рукахъ на всемъ театрѣ войны, не имѣющемъ даже опредѣленныхъ очертаній. Можно ли представить себѣ 1812 годъ безъ Кутузова (въ смыслѣ всеобъединяющаго полководца), или 1870 годъ безъ короля Вильгельма и Мольтке (въ томъ же общемъ смыслѣ), съ нѣсколькими арміями, блуждающими какъ кометы, по произволу своихъ отдѣльныхъ начальниковъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ? Лицо, въ руки котораго отдается эта объединяющая власть, будетъ несомнѣнно довѣреннѣйшимъ въ то время человѣкомъ Государя и Россіи. На волю его будетъ предоставлено уступить Москву непріятелю, или положить подъ нею армію лоскомъ, — брать штурмомъ укрѣпленную непріятельскую столицу, жертвуя для того сотнею тысячъ людей, или тянуть войну нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, не щадя ни своихъ ни чужихъ областей. Отъ него будетъ требоваться—въ чемъ и состоитъ главный залогъ успѣха—чтобы на всемъ протяженіи театра войны, во всемъ сборищѣ столькихъ тысячъ людей, царствовала только одна его личная воля; чтобъ онъ одинъ былъ душой, все же прочее—матеріальнымъ его орудіемъ; чтобъ всѣ безъ исключенія нетолько слѣпо ему повиновались, но слѣпо вѣрили въ него. Идеалъ такого полновластія достигается конечно только геніемъ, но въ нѣкоторой степени, совершенно необходимой для веденія войны, онъ осуществляется обстановкою, придаваемою главнокомандующему, если главнокомандующій не совершенно неспособенъ, чего никогда не должно быть. Суворовъ создавалъ себѣ такое положеніе даже подъ властью Потемкина; но положеніе это необходимо было создать искусственно, закономъ,

Digitized by Google

для князя Паскевича, чтобы этотъ замѣчательный, но не первостепенный полководецъ, могъ оказаться тѣмъ, чѣмъ онъ оказался въ четырехъ кампаніяхъ. Даже второстепенный военачальникъ можетъ совершить замѣчательныя дѣла, когда свобода дѣйствій придаетъ ему вѣру въ себя, когда онъ можетъ твердо полагаться на своихъ подчиненныхъ, знающихъ только его одного. Но второстепенный военачальникъ не можетъ самъ создать себѣ такой свободы дѣйствій; она должна быть дана ему. Сущность же этой обороны выражается вполнѣ только однимъ словомъ—облеченіемъ императорскою властію Никакой человѣческій разумъ не можетъ взять на себя разграниченія между дозволеннымъ и не дозволеннымъ главнокомандующему на войнѣ. Всякая попытка къ опредѣленію правъ военачальника можетъ повести только къ одному изъ двухъ—или къ сознательному попранію законовъ при личности очень сильной, или же къ разрушенію единства арміи при личности менѣе сильной. Вотъ второе основаніе «Учрежденія» и «Устава», опять непонятное редакціей «Положенія».

Третье. Кто долженъ стоять во главѣ большой дѣйствующей арміи, отъ которой прямо зависитъ судьба отечества? Очевидно, Государь, т. е. верховная неограниченная власть; она одна можетъ взять на себя такую ношу. Но если Государь не сознаетъ себя полководцемъ, то остается одно изъ двухъ: или онъ поставитъ вмѣсто себя во главѣ арміи другое лицо, облекая его царскою властью (такъ сдѣлалъ въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ, хотя онъ самъ былъ не плохимъ полководцемъ, какъ доказали послѣдствія, только скромнымъ; такъ дѣлали наши государи и впослѣдствіи), или же онъ возьметъ себѣ это же самое лицо начальникомъ главнаго штаба (такъ сдѣлалъ нынѣшній императоръ германскій). Если Государь почему нибудь не можетъ прибыть къ арміи, то остается только первое. Но во всякомъ случаѣ въ большой дѣйствующей арміи должна присутствовать царская власть, посредственно или непосредственно, потому что всякая другая недостаточна. Не только всѣ наши большія войны, но всѣ европейскія войны нынѣшняго столѣтія, увѣнчавшіяся, успѣхомъ, поставили эту истину внѣ всякаго сомнѣнія. Вотъ почему «Учрежденіе» и «Уставъ» ставятъ главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею: въ отсутствіи Государя, начальникомъ главнаго Его штаба, а въ присутствіи—представи-

Digitized by Google

телемъ лица Императора, облеченнымъ властіею Его Величества и правомъ давать Высочайшія именныя повелѣнія. Редакція не поняла и этого основанія.

Четвертое. Большая дѣйствующая армія не есть просто армія, она — сосредоточеніе главныхъ силъ на томъ театрѣ войны, гдѣ рѣшается участь государства. Если бы война на западной границѣ усложнилась для насъ еще войною морскою (какъ, вѣроятно, и случится) или войною турецкою, или шведскою, то, очевидно, исходъ дѣла зависѣлъ бы отъ того, что произойдетъ на западѣ, а силы, собранныя на югѣ и сѣверѣ, имѣли бы лишь второстепенное значеніе. Но сущность дѣла еще не въ степени значенія, а въ размѣрѣ свободы дѣйствій, предоставляемой по необходимости главной арміи и арміямъ побочнымъ. Дѣйствія первой, рѣшающей войну, обусловлены только обстоятельствами, которыми нужно пользоваться немедленно. Понятно, что наступленіе на непріятельскую столицу или отступленіе къ Москвѣ — дѣло не вкуса, а возможности. Главнокомандующій большою арміею наступаетъ, отступаетъ или стоитъ на мѣстѣ сообразно съ ходомъ войны и ни съ чѣмъ больше. Даже извѣстная ему воля Государя можетъ быть часто обходима для лучшаго примѣненія къ обстоятельствамъ. Потому главнокомандующій большою арміею считался у насъ вполнѣ самостоятельнымъ на войнѣ. Тѣ же права были весьма основательно распространены на отдаленную кавказскую армію, на главнокомандующаго въ Азіи. Частныя же арміи — вспомогательныя, не рѣшающія дѣла собственнымъ починомъ — руководствуются совсѣмъ другими условіями. Всѣ движенія ихъ приходится почти всегда соображать съ мѣрою успѣха большой дѣйствующей арміи. Напримѣръ, во время западной войны можетъ ли армія, выставленная на Прутъ, пользоваться полною свободою дѣйствій, сообразоваться исключительно съ условіями своего мѣстнаго театра войны и предпринять походъ за Дунай при первомъ удобномъ случаѣ, становясь тыломъ къ другой непріязненной державѣ, еще болѣе сильной, успѣхъ которой преимущественно рѣшаетъ всю обстановку войны? А можетъ быть, вслѣдствіе событій на главномъ театрѣ, придется половину этой дунайской арміи придвинуть къ Галиціи или выдвинуть за Карпаты, ограничиваясь чисто оборонительнымъ положеніемъ въ Бессарабіи? Или же окажется лучшимъ, при другомъ оборотѣ дѣлъ, сосредоточить ее пас-

Digitized by Google

сивно въ княжествахъ, угрожая разомъ обоимъ противникамъ? Очевидно, нельзя предоставить начальнику такой арміи самому обсуждать общее положеніе дѣлъ, имъ надо руководить, въ чемъ и состоитъ коренное отличіе большой дѣйствующей арміи отъ армій частныхъ. Еще въ тѣснѣйшей зависимости отъ главной силы находятся частныя арміи, когда онѣ составляютъ прямое ея подраздѣленіе. Можно ли было въ 1871 году предоставить Мантейфелю заботиться исключительно о своемъ сѣверо-восточномъ театрѣ войны, когда обстоятельства заставляли, напротивъ, жертвовать сѣверомъ и устремить всѣ свободныя силы на помощь Вердеру, отстаивавшему сообщенія пруссаковъ съ ихъ базисомъ? Мантейфелю дана была частная задача; король прусскій или главный начальникъ, который стоялъ бы во главѣ германскихъ силъ за отсутствіемъ короля, имѣлъ въ виду общую задачу, самую цѣль войны. Различіе очевидно. Вотъ на какихъ истинно военныхъ основаніяхъ «Учрежденіе» и «Уставъ» отличали главнокомандующаго большой дѣйствующей арміей отъ командующихъ арміями частными. Они облекали царскою властью только перваго, оставляя вторыхъ въ положеніи до извѣстной степени подчиненномъ. Редакція «Положенія» очевидно не поняла и этого четвертаго основанія, въ такой же мѣрѣ, какъ и первыхъ трехъ.

Въ 1868 г., послѣ австро-прусской войны, значеніе нашей западной границы и большой дѣйствующей арміи съ единымъ главнокомандующимъ стало еще яснѣе, чѣмъ было прежде; потребность объединенія возросла, а не уменьшилась. Въ это именно время «Положеніе» скосило разомъ всѣ четыре основанія, на которыхъ стояло командованіе русскою арміею.

«Положеніе» оставило командующихъ частными арміями на ихъ прежней высотѣ, хотя обрѣзало ихъ до крайности какъ хозяевъ особой, выдѣленной силы; но оно вырвало съ корнемъ главнокомандующаго большой арміи, составлявшаго ключъ свода нашихъ боевыхъ учрежденій, переносившаго всю военную власть на самый театръ войны и сосредоточившаго ее въ рукахъ исключительно боевыхъ, а не административныхъ. Чтобы закрѣпить этотъ новый порядокъ, «Положеніе» 1868 года произвело въ «Уставѣ» 1846 года слѣдующія коренныя измѣненія:

1) Вычеркнуло изъ закона все, относящееся къ личному командованію Государя арміей, и перенесло это верховное

Digitized by Google

командованіе изъ учрежденій объ арміи въ учежденія о министерствѣ. Очевидно, что въ «Уставѣ» 1846 года личное предводительствованіе Государя главными боевыми силами полагалось не только какъ всегда возможный фактъ, требующій поэтому особыхъ установленій, но какъ великій практическій принципъ, по которому главнокомандующій становился непремѣнно или начальникомъ главнаго штаба Его Величества, или представителемъ Высочайшей власти на театрѣ войны, т.-е. лишалъ министерство всякой возможности начальствовать войсками,—возможности, бывшей всегда и вездѣ источникомъ постыдныхъ пораженій. Общее выраженіе о верховномъ начальствованіи Государя надъ всѣми военно-сухопутными силами не только не замѣняетъ этого практическаго принципа, но совсѣмъ не нужно, потому что каждый русскій знаетъ изъ закона, а еще прежде отъ своей матери, что русскій Царь самодержавенъ во всѣхъ отношеніяхъ и что повиновеніе ему обязательно не только за страхъ, но и за совѣсть.

2) Искоренивъ главнокомандующаго, «Положеніе» приняло мѣры, чтобы это всеобъединяющее военное лицо не могло возродиться, и для того вычеркнуло изъ закона, во-первыхъ, всѣ особыя присвоенныя ему права и, во-вторыхъ, коренное наше учрежденіе о частныхъ арміяхъ. «Положеніе» возвело всѣхъ командующихъ частными арміями въ санъ главнокомандующихъ. Кто же изъ нихъ можетъ стать главнымъ, когда они всѣ равны?

3) Для вящаго достиженія цѣли написаны двѣ статьи: 1-я, войска, предназначенныя къ дѣйствію на театрѣ войны, образуютъ одну или нѣсколько армій; 11-я статья: о случаѣ подчиненія одного военнаго округа двумъ главнокомандующим Нечего говорить, что такія статьи были бы немыслимы д редакцій «Учрежденія» или «Устава». Какимъ образомъ вв дить на театръ войны нѣсколько армій, не частныхъ, но с мостоятельныхъ, съ отдѣльными, не связанными между собо главнокомандующими? Защитники «Положенія» не говорят чтобъ эти двѣ статьи были вставлены въ рукопись «Полож нія» кѣмъ либо украдкою, пользуясь отсутствіемъ дежурна пока она еще лежала въ канцеляріи. Стало быть, онѣ писа преднамѣренно, а если преднамѣренно, то какое же толкова можетъ затемнить прямой ихъ смыслъ и прямую цѣль?

4) Положеніе поставило этихъ новыхъ главнокомандующи

Digitized by Google

мелкими арміями въ такой кругъ, что матеріальное существованіе, ввѣряемыхъ имъ силъ зависитъ прямо отъ министерства; а какъ безъ матеріальнаго обезпеченія нельзя ступить шагу ни въ какую сторону, то стало быть и въ военномъ отношеніи они не могутъ ничего предпринять въ разрѣзъ съ волей министерства.

Итакъ, единство и самостоятельность русской арміи на войнѣ разрушены «Положеніемъ» не на словахъ, а на дѣлѣ,—разрушены очевидно. Конечно, даже редакція «Положенія», даже защитники его, сколько бы они ни были чужды военному дѣлу, понимаютъ что разрозненность отдѣльныхъ армій невозможна. Читая «Положеніе» и послѣдніе доводы въ его пользу, нельзя усомниться, что составители и сторонники его желаютъ сохранить единство власти на войнѣ, только считаютъ сбыточнымъ исхитить ее изъ рукъ главнокомандующаго для перенесенія въ другія руки. Какія именно руки, и чѣмъ должно разрѣшиться подобное перемѣщеніе,—мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

Не желая мѣшать дѣла съ пустой полемикой, мы будемъ говорить въ выноскахъ о возраженіяхъ, недавно выставленныхъ противъ насъ почтенными защитниками окружной системы; но на этотъ разъ мы сдѣлаемъ исключеніе и помѣстимъ ихъ въ текстѣ, по важности коренныхъ основъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Эти замѣчательныя возраженія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) «Въ просвѣщенномъ обществѣ права каждаго лица должны быть опредѣлены и ограничены» («Голосъ», № 27). Война есть не просвѣщенное состояніе обществъ, а состояніе варварское; управленіе ею требуетъ насильственныхъ средствъ, именно для того, чтобъ она не обрушилась всею тяжестію на головы просвѣщеннаго общества; въ этомъ могутъ сомнѣваться только воины, взросшіе на канцелярской почвѣ. (Тѣмъ не менѣе должно сказать, что военная система 1862 года построена на этомъ невозможномъ сочетаніи—на примѣненіи военныхъ началъ къ такъ называемому духу просвѣщеннаго вѣка, о чемъ нигдѣ еще, даже въ Америкѣ, не мечтаютъ).

2) «Личная связь Государя съ арміей не разрывается «Положеніемъ», потому что Самъ Монархъ назначаетъ главнокомандующаго» («Голосъ», № 25). Каждый вице-губернаторъ назначается Высочайшимъ приказомъ, но между Высочайшею

Digitized by Google

властію и губернскими правленіями не предполагается никакой личной связи.

3) «Положеніе подчиняетъ главнокомандующему даже лицъ Императорской фамиліи» («Голосъ», № 27). Какъ извѣстно, лицо Императорской фамиліи подчиняется, смотря потому чѣмъ командуетъ, полковому, бригадному, дивизіонному командиру и т. д. Тутъ только военная дисциплина, а не исключительное право.

4) «Никакой подданный не можетъ облечься въ царскія права даже на минуту и даже на одинъ только предметъ» («Голосъ», № 27). Это возраженіе очень любопытно. Либеральничавшіе мирные воины, недавніе соредакторы открытыхъ нигилистовъ, сообща съ которыми они собирались засадить всѣхъ насъ въ дворцы изъ алюминія, находятъ теперь, что наши Императоры Александръ I и Николай I не держали своей власти достаточно высоко, не съумѣли отграничить себя отъ подданныхъ какъ-бы слѣдовало, и пожелали исправить ихъ слабость. Вѣдь это называется по-русски—сѣчь себя своими же руками.

5) «Главнокомандующему оставлено право давать Высочайшія повелѣнія» («Голосъ» и пр.). Но изъ этого права вычеркнуто слово именныя, въ которомъ была вся сила. Именное повелѣніе (подписанное) должно исполняться безотговорочно; простое Высочайшее повелѣніе (объявляемое чрезъ одного изъ докладчиковъ) можетъ быть въ особыхъ обстоятельствахъ пріостановлено исполнителемъ, съ донесеніемъ о томъ. Такая пріостановка даетъ возможность исполнителю повелѣній главнокомандующаго запросить министерство, какъ оно объ этомъ думаетъ, и разрушаетъ всю пышность слова.

6) «Какъ можетъ главнокомандующій представлять лицо Императора, когда право его въ производствѣ ограничено чиномъ капитана» («Голосъ», № 27). Сочинитель этого возраженія даже сердится, что мы не видимъ сами такого логическаго вывода! Но вѣдь и малое дитя понимаетъ, что одно — власть, необходимая для веденія войны, другое — внѣшнія почести, наравнѣ съ числомъ часовыхъ и проч. Мы готовы сами подкрѣпить логическій выводъ оппонента: не только короны и порфиры, даже уборныхъ унтеръ-офицеровъ, если не ошибаемся, главнокомандующему не полагалось. Они ставятся только къ лицамъ Высочайшей фамиліи.

Digitized by Google

7) «Разборъ «Положенія» писанъ до 1870 года, иначе сочинитель зналъ бы, сколько было разныхъ армій во франко-прусской войнѣ и сколько разъ онѣ формировались вновь» («Голосъ», № 27). Мы предлагаемъ лицу, выставившему это знаменитое возраженіе, взять въ судьи институтку; она пойметъ въ минуту, что арміи, о которыхъ онъ говоритъ, были именно арміи частныя, опредѣленныя «Уставомъ» и разрушенныя «Положеніемъ», объединенныя общимъ командованіемъ въ рукахъ одного лица; онъ приводитъ этотъ примѣръ прямо противъ себя. А вѣдь подобныя статьи читались предварительно не въ одной редакціи!

8) Другой оппонентъ («Петерб. Вѣд.», № 38) увѣряетъ, напротивъ, что при надобности ничто не мѣшаетъ выставить нѣсколько частныхъ армій подъ властью одного главнокомандующаго. Онъ думаетъ, что такая мѣра не будетъ даже противорѣчить духу «Положенія». Можетъ быть, въ «Положеніи», какъ въ Коранѣ, есть семь смысловъ, постепенно открывающихся посвящаемымъ; но нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра прямо противорѣчитъ буквѣ его, вычеркнувшей установленіе о частныхъ арміяхъ, стало быть и объединеніе ихъ въ лицѣ одного главнаго начальника.

9) «Распоряженіе нѣсколькими отдѣльными массами, за 300 и 400 верстъ одна отъ другой, будетъ тѣмъ же гофъ-кригсъратомъ, перенесеннымъ на театръ войны» («Голосъ», № 27). Надо замѣтить—авторъ статьи утверждалъ выше, что «Пололоженіе» имѣло въ виду отдѣльныхъ главнокомандующихъ только для западной границы, Прута и балтійскаго берега; черезъ нѣсколько строкъ онъ уже забылъ свои слова: до такой степени они не вязались съ дѣйствительной цѣлью статьи. Ну, а въ какомъ же разстояніи находились одна отъ другой арміи Кутузова и Тормасова, армія Фридриха-Карла подъ Мансомъ и корпусъ Вердера? Или авторъ полагаетъ, что въ обоихъ случаяхъ можно было бы обойтись безъ объединеія на театрѣ войны? Гофъ-кригсъ-ратъ осуществляется только въ военномъ министерствѣ, когда оно берется за дѣло не по своимъ силамъ и способностямъ; на театрѣ войны нѣтъ гофъ-кригсъ-рата, тамъ есть только полководецъ — Государь или лицо, облеченное Его властью.

10) Насъ упрекаютъ, наконецъ (во всѣхъ статьяхъ), въ произвольномъ предположеніи соперничества между министер-

Digitized by Google

ствомъ и арміей, которыя должны, напротивъ, жить душа въ душу. Имѣемъ честь отвѣчать. Такимъ соперничествомъ, тысячи разъ приводившимъ къ величайшимъ бѣдствіямъ, наполнены всѣ страницы исторіи. Въ виду «Положенія» 1868 года нельзя объ этомъ не призадуматься. Законы для того и пишутся, чтобъ обуздывать эгоистическія стремленія людей; они были не нужны въ золотомъ вѣкѣ, когда каждый думалъ только о самопожертвованіи. Но золотой вѣкъ, вмѣстѣ съ невмѣняемостью преступленія и платою не по труду, а по потребности, принадлежитъ къ области алюминіевыхъ дворцовъ. Извѣстно, что мы этимъ дворцамъ не вѣримъ.

Мы собрали возраженія только по предмету единовластія и полномочія главнокомандующаго. Читатели видятъ: не было ли во сто разъ лучше ограничиться короткой замѣткой въ «Инвалидѣ» объ измѣнѣ «Русскаго Міра», чѣмъ выступать передъ читающій свѣтъ съ рядомъ такихъ возраженій.

II.

Мы видѣли, что объединеніе командованія русскими арміями на войнѣ упразднено «Положеніемъ 1868 года; объединяющаго лица не существуетъ на театрѣ войны; противъ возникновенія такого лица приняты мѣры,—конечно, на бумагѣ, иначе нельзя было дѣлать. Тѣмъ не менѣе, даже новѣйшіе защитники «Положенія» сознаются, что разрозненности въ дѣйствіяхъ нельзя допустить; только они не договариваютъ своей мысли. Они желали бы, чтобы эта мысль имѣла полное дѣйствіе на практикѣ, не называя ее вслухъ, что съ ихъ стороны не удивительно; но удивительно то, какъ они не понимаютъ невозможности выбиться изъ слѣдующаго безвыходнаго круга:

Разрозненность на войнѣ невозможна.

Объединеніе можетъ состояться только въ рукахъ главнокомандующаго по «Уставу» 1846 года, или же въ рукахъ военнаго министерства.

Такой главнокомандующій уничтоженъ «Положеніемъ» 1868 года.

Ergo...

На это ergo они отвѣчаютъ хоромъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»

Digitized by Google

Затѣмъ опять прибѣгаютъ къ тонкимъ внушеніямъ, что и безъ единаго начальника можно было бы обойтись, но ни за что въ свѣтѣ не рѣшаются высказаться прямо.

Мы не имѣли никакого повода къ умолчанію факта и потому сказали вслухъ: «Положеніе» 1868 года повысило военнаго министра всею суммою умаленія прямыхъ начальниковъ арміи. Кромѣ его никого нѣтъ».

Какъ могло быть иначе, когда даже въ руководствѣ для прапорщиковъ, «Полевой памятной книжкѣ», сказано во всеуслышаніе, что военному министерству подчинены всѣ войска въ имперіи, а главнокомандующіе въ отношеніи къ нему составляютъ низшую инстанцію. Защитники «Положенія» говорятъ сами, что правильнаго устройства боевой арміи, «можно достигнуть только тогда, когда организація мирнаго времени останется нетронутою» («Голосъ», № 25). Мы охотно подтверждаемъ ихъ слова. Но въ такомъ случаѣ, для каждаго, даже невидавшаго въ глаза «Положенія» 1868 года, становится яснымъ, что постановленіе мирнаго времени, по которому главнокомандующіе подчинены министру, остающееся неприкосновеннымъ въ военное время, дастъ въ выводѣ подчиненныхъ главнокомандующихъ. Развѣ можно надѣяться, посредствомъ какого бы ни было набора словъ, отвести читателю глаза въ такомъ очевидномъ дѣлѣ?

Но защитники «Положенія» все еще надѣются. Въ № 39 «Голоса» они опять говорятъ, по поводу германскаго устройства, о нѣсколькихъ арміяхъ, съ нѣсколькими главными квартирами на театрѣ войны, изъ которыхъ одна, впрочемъ, называется большою и при ней находится генералъ-инспекторъ этаповъ и проч. Но кто же не знаетъ, что эта одна изъ главныхъ квартиръ есть квартира главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею, при которой находятся центральныя хозяйственныя и другія главныя управленія всей арміи, изъ которой командуютъ всевластно прочими арміями, въ полномъ смыслѣ слова частными. Пруссаки ведутъ большую войну буквально на основаніи «Учрежденія» 1812 года. Примѣръ послѣдней франко-прусской войны, подающей поводъ къ такимъ недомолвкамъ, тѣмъ особенно важенъ для насъ, что въ немъ соединяются условія, при которыхъ и намъ придется вести большую войну на западной границѣ. Недоговоренныя основанія будущаго устройства армій по «Положенію»

Digitized by Google

1868 года опасны именно тамъ, гдѣ рѣшается судьба государства, гдѣ ошибка неисправима, — на западной границѣ. На Дунаѣ, напримѣръ, или на Кавказѣ, даже «Положеніе» едва ли имѣетъ въ виду двѣ независимыя арміи; оно довольствуется стѣсненіемъ власти главныхъ начальниковъ въ пользу центральныхъ учрежденій. На европейской же границѣ съ «Положеніемъ» 1868 года бѣда неминуема. На этой границѣ именно необходимъ главнокомандующій по «Уставу» 1846 года; но для нея то и написаны—образованіе на театрѣ войны одной или нѣсколькихъ армій, подчиненіе одного округа двумъ главнокомандующимъ, взаимное содѣйствіе ихъ и всякіе сосѣдніе театры. Гофъ-крихсъ-ратъ, сосредоточенный «Положеніемъ 1868 года въ министерствѣ, будетъ руководить косвенно второстепенными арміями, выставленными на югѣ и сѣверѣ; но онъ необходимо станетъ прямымъ, хотя заглазнымъ начальствомъ для нѣсколькихъ армій, дѣйствующихъ на западной границѣ, по несуществованію никакого другаго объединяющаго органа.

Стало быть вопросъ о послѣдствіяхъ «Положенія» 1868 года сводится на сравненіе силъ и способностей въ военномъ дѣлѣ— съ одной стороны главнокомандующаго большою арміею, т.-е. перваго боеваго человѣка Россіи, съ другой—военнаго министра, кто бы онъ ни былъ. Это сравненіе простирается не только на командованіе арміею, но вобще на распоряженіе войною. Вопросъ идетъ о томъ, кто будетъ главнымъ совѣтникомъ Верховной власти въ дѣлѣ войны—человѣкъ признанный способнымъ стать во главѣ арміи, или же лицо, считаемое способнымъ занимать должность военнаго министра?

Можетъ случиться, что въ мирное время во главѣ военнаго вѣдомства будетъ поставленъ извѣстный боевой человѣкъ, для приготовленія силъ государства къ предстоящей войнѣ. Такимъ образомъ устройство арміи было временно поручаемо— въ Австріи эрцъ-герцогу Карлу, у насъ—Барклаю-де-Толли, съ тѣмъ, чтобы до перваго еще выстрѣла снова воротиться къ арміи. Можетъ статься также, что извѣстный военный человѣкъ будетъ назначенъ съ тою же цѣлію постояннымъ начальникомъ главнаго штаба Его Величества, какъ гр. Дибичъ-Забалканскій и гр. Мольтке. Понятно также возведеніе второстепеннаго боеваго человѣка въ званіе военнаго министра, напр. гр. Коновницына. Но никогда не можетъ случиться,

Digitized by Google

чтобы воинъ, признанный способнымъ командовать арміею, не только большою дѣйствующею, но даже одною изъ частныхъ, былъ оставленъ министромъ въ военное время—для веденія рекрутскихъ списковъ и заготовленія сапоговъ на войско, для занятій чисто хозяйственныхъ и канцелярскихъ. А дѣло идетъ именно о лицѣ, остающемся во главѣ военнаго министерства въ разгаръ битвъ, потому что на это лицо была бы перенесена, прямо или косвенно, вся власть, изъятая изъ рукъ прямыхъ начальниковъ арміи. Для полководца нуженъ быстрый и вмѣстѣ основательный умъ, боевая опытность и великій характеръ—качества рѣдкія; для военнаго министра, поставленнаго въ подобающее ему положеніе, нужны скромныя способности совсѣмъ другаго разряда, присущія очень многимъ людямъ. Какже жертвовать рѣдкимъ обыденному? *). Извѣстные полководцы считаются исторіей великими людьми, имена ихъ вытверживаются дѣтьми на школьной скамьѣ; но кто помнитъ имена военныхъ министровъ, за исключеніемъ Лувуа, кромѣ одного министерскаго архиваріуса? Многіе ли читатели знаютъ, кто былъ русскимъ военнымъ министромъ въ вѣчно памятную эпоху 1812—14 годовъ? Кому вѣрнѣе оцѣнить условія войны, съ кѣмъ главѣ государства надежнѣе совѣтоваться, не только о военныхъ операціяхъ, но объ устройствѣ арміи, о подраздѣленіи ея, о предварительномъ распредѣленіи войскъ въ началѣ войны—съ Мольтке и принцомъ Карломъ, или съ хозяйственнымъ Рооном, (хотя онъ человѣкъ не въ примѣръ другимъ способный), съ Кутузовымъ и Барклаемъ, или съ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Горчаковымъ? (также не дурнымъ министромъ). Статочно ли было допустить въ 1812 и 1813 гг. кн. А. И. Горчакова разставлять арміи, хотя бы предварительно, т. е. предрѣшать образъ веденія войны? Еслибъ онъ былъ способенъ къ такому дѣлу, развѣ его оставили бы въ Петербургѣ, въ то время, когда дѣло шло о спасеніи Россіи?

---

*) Между военнымъ и другими министрами существуетъ та явная разница, что каждый изъ прочихъ министровъ есть дѣйствительно глава своего вѣдомства, между тѣмъ какъ въ вѣдомствѣ военномъ, правильно устроенномъ, министръ ограниченъ одностороннимъ кругомъ дѣйствія, цѣнится послѣ всѣхъ главнокомандующихъ и въ сущности имѣетъ значеніе четвертаго или пятаго лица въ военной части.

Digitized by Google

Военному министру предоставляется вездѣ важная, но не видная роль: въ военное время—удовлетворять требованіямъ главнокомандующаго всѣми средствами, находящимися внѣ театра войны; въ мирное—держать въ порядкѣ матеріалы, изъ которыхъ слагается армія. Ни направлять военныя дѣйствія, ни распредѣлять арміи въ началѣ войны, что значило бы то же самое, руководствуясь своимъ мнѣніемъ, ни даже устраивать военную систему—министръ не можетъ съ успѣхомъ, если онъ не полководецъ, назначенный временно для такой цѣли; о полководцѣ же во главѣ министерства въ военное время не можетъ быть рѣчи. Министръ самое большое можетъ имѣть свой голосъ въ этихъ предметахъ, но голосъ далеко не первенствующій.

По духу «Учрежденія» 1812 г. и «Устава» 1846 г., главнокомандующій большою дѣйствующею арміею считался главнымъ помощникомъ Государя въ дѣлѣ веденія войны; потому онъ былъ облеченъ правомъ давать именныя Высочайшія повелѣнія; потому никакое обязательное соглашеніе его съ военнымъ министромъ, похожее на ст. 24 «Положенія», не могло быть допущено. Военный министръ былъ въ боевомъ отношеніи только передаточнымъ органомъ, архивомъ, исполнителемъ, хозяйственнымъ заготовителемъ, а не самостоятельнымъ лицомъ, точно также какъ нынѣшній прусскій военный министръ, отъ котораго, сколько извѣстно, не зависѣло ни въ какой степени распредѣленіе армій, который долженъ былъ заботиться только о передвиженіи и снабженіи указанныхъ ему частей, хотя королевскія повелѣнія проходили общимъ порядкомъ черезъ министерство *). «Положеніе» передвинуло центръ тяжести военной власти. Вмѣсто перваго военнаго человѣка

*) Наши опоненты возражаютъ слѣдующимъ образомъ: «Вотъ одинъ главнокомандующій посылаетъ приказъ преображенскому полку сѣсть на варшавскую желѣзную дорогу и высадиться въ Вильнѣ; другой предписываетъ тому же полку сѣсть на пароходы и ѣхать въ Ленкорань; тотъ же полкъ можетъ получить отъ третьяго приказаніе выступить въ Выборгъ, отъ четвертаго—спѣшить въ Кишеневъ». Въ этомъ дѣтскомъ подборѣ словъ есть однакожъ интересная сторона; въ немъ ясно мелькаетъ мысль, на которую мы указывали въ предъидущей статьѣ, о сословіи главнокомандующихъ. Всякій понимаетъ, что главнокомандующій не обойдется безъ министерства, но дѣло въ томъ, чтобъ министерство было въ этомъ случаѣ посредствующимъ органомъ, а не личною властью.

Digitized by Google

Россіи оно поставило въ теоріи главнымъ совѣтникомъ и исполнителемъ Высочайшей воли въ дѣлѣ войны лицо второстепенное или третьестепенное, скорѣе же всего—лицо вовсе не военное. Послѣднее весьма вѣроятно, потому что изъ десяти лицъ, управлявшихъ военнымъ министерствомъ съ 1811 по 1873 годъ (мы исключаемъ изъ списка Барклая де-Толли, котораго никогда не думали отрывать отъ арміи), только одинъ Коновницынъ былъ вполнѣ боевымъ, хотя второстепеннымъ генераломъ; четверо; кн. Горчаковъ, Меллеръ-Закомельскій, кн. Чернышевъ и Сухозанетъ—до нѣкоторой степени бывалыми военными людьми; остальные—люди, чуждые военному дѣлу. Всеобщій опытъ у насъ и за границей доказалъ, что выборъ не военныхъ людей въ военные министры вовсе не оказывался ошибкой, пока кругъ ихъ дѣйствій соотвѣтствовалъ роду ихъ способностей. Въ Англіи и Америкѣ военные министры подъ рядъ статскіе. Но тамъ они не направляютъ главнокомандующихъ, не распредѣляютъ армій, не перестраиваютъ военную систему.

Не только военное министерство не можетъ заниматься боевою частію и всѣмъ прикосновеннымъ къ ней,—оно не должно ею заниматься, иначе оно упуститъ изъ виду свое собственное дѣло и въ обѣихъ отношеніяхъ ничего не выйдетъ: въ первомъ—по неумѣнію, во второмъ—по отвлеченію. Военное министерство, устроенное правильно, не по услужливымъ идеямъ маршала Сенъ-Сира, едва ли должно даже считаться собственно военнымъ учрежденіемъ; оно—органъ, связывающій военное вѣдомство съ общимъ государственнымъ управленіемъ по части бюджета, рекрутскихъ наборовъ и общихъ хозяйственныхъ учрежденій. Оно должно приводить въ исполненіе мѣры, истекающія изъ современныхъ военныхъ потребностей, но не можетъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ своими собственными взглядами. На то есть въ государствѣ люди несравненно болѣе опытные. Вся обстановка военнаго министерства, какъ и прочихъ министерствъ, не обходимо и существенно гражданская. Развѣ было бы съ чѣмъ нибудь сообразно обставлять военнаго министра, наполнять его управленія и канцеляріи—опытными боевыми и строевыми людьми, вездѣ немногочисленными, отымая ихъ у арміи, которая станетъ безъ нихъ мертвымъ тѣломъ? Это невозможно, а потому военныя канцеляріи наполняются чиновниками, во фракѣ или въ эполетахъ, совер-

Digitized by Google

шенно пригодными для письменныхъ и хозяйственныхъ занятій, но крайне неопытными въ военномъ дѣлѣ, существенно-практическомъ. Какъ же спрашивать у этихъ людей, проводящихъ жизнь за канцелярскимъ столомъ, ихъ мнѣнія о военныхъ и боевыхъ предметахъ? Они знаютъ лишь то, что имъ удалось вычитать, помнятъ урокъ, но собственнаго мнѣнія въ подобномъ дѣлѣ имѣть не могутъ. Еслибъ военнымъ министромъ былъ назначенъ дѣйствительно боевой человѣкъ, онъ все-таки оказался бы мало состоятельнымъ для правильнаго рѣшенія чисто-военныхъ вопросовъ при такой обстановкѣ; доля его личнаго пониманія утонула бы въ тысячѣ долей непониманія его сотрудниковъ. Недавній примѣръ Франціи доказалъ, къ чему приводитъ сосредоточеніе власти въ военномъ министерствѣ, хотя въ головѣ его стояли тамъ исключительно боевые люди, не первокласные, но достаточно опытные.

Въ главнокомандующіе избираются всегда первые военные люди государства, по крайней мѣрѣ люди, пользующіеся славою первыхъ людей. Министръ никогда не выбирается по соображенію его чисто военныхъ способностей; иначе онъ оказался бы нужнѣе на другомъ мѣстѣ. Вся жизнь главнокомандующаго и другихъ высшихъ начальниковъ арміи протекаетъ (или должна протекать) въ военной обстановкѣ, жизнь министра—въ кабинетѣ. Первые всегда окружены боевыми, по меньшей мѣрѣ опытными строевыми людьми, второй—чиновниками, хотя бы при саблѣ или въ аксельбантахъ. Обстановка же значитъ чрезвычайно много, даже для генія. Полевые начальники арміи естественно ставятъ военное дѣло на первое мѣсто и судятъ о немъ всегда съ боевой точки зрѣнія. Въ министерствѣ чисто-военное дѣло не только отодвигается на второй планъ и жертвуется отчасти разнымъ соображеніямъ общимъ, но даже судить о немъ съ практически-боевой стороны тамъ некому. Извѣстно, что занятіе военными предметами, безъ боевой, или хоть долгой строевой опытности, относится къ военному дѣлу какъ знаніе наизусть правилъ верховой ѣзды къ умѣнію ѣздить верхомъ. Люди военныхъ канцелярій еще въ меньшей степени военные, чѣмъ люди канцелярій финансовыхъ — финансисты. Оттого не было примѣра, чтобы военное министерство, выходящее изъ своего естественнаго назначенія—высшаго хозяйствен-

Digitized by Google

наго и передаточнаго вѣдомства — умѣло справиться даже съ устройствомъ и воспитаніемъ арміи въ мирное время.

Мы дозволили себѣ высказать этотъ взглядъ потому, что онъ взглядъ всеобщій, разговоръ, который всякій европейскій офицеръ (особенно нынѣ) считалъ бы излишнимъ и рѣшеннымъ. Но если такъ, то нужно ли спрашивать о послѣдствіяхъ «Положенія» 1868 года, примѣняющаго военныя учрежденія къ произвольнымъ мирнымъ и переносящаго центръ тяжести военной власти, въ боевое время, изъ рукъ полевого командованія въ руки канцеляріи?

Можно показать наглядно, что выходитъ изъ обсужденія практическихъ военныхъ вопросовъ въ полу-военныхъ кружкахъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ говорить о документахъ неопубликованныхъ, хотя въ нихъ заключается сокъ дѣла. Остановимся только на печатныхъ. «Инвалидъ» не разъ уже писалъ стратегическіе разборы русскихъ окраинъ — разборы, рѣшавшіе впослѣдствіи направленіе, или даже осуществленіе очень дорогихъ и безплодныхъ въ торговомъ отношеніи, желѣзныхъ дорогъ. Одинъ изъ такихъ разборовъ — черноморской окраины и лозово-чонгарской желѣзной дороги разобранъ въ свою очередь въ брошюрѣ «Театръ черноморской войны 1870 году». Читатели могутъ видѣть изъ нея, въ чемъ состоятъ стратегическіе взгляды, слагающіеся въ извѣстной обстановкѣ. Голое памятованіе послѣдняго событія, безъ малѣйшаго обсужденія исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ оно совершилось, безъ оглядки на возможность или вѣроятность его возврата, безъ оцѣнки его отношеній къ современной дѣятельности, и какъ послѣдствіе, мѣры, принимаемыя исключительно противъ прошлаго, съ полнымъ непониманіемъ потребностей текущаго времени—вотъ вся ихъ суть. Брошюра назвала эти стратегическіе взгляды «военнымъ спиритизмомъ», хлопочущимъ не о живыхъ врагахъ, а о тѣняхъ враговъ усопшихъ, которые никогда уже не возьмутъ оружія въ руки. Ясно, какимъ образомъ возникаютъ такіе взгляды. Люди, слагающіе свои военныя понятія съ чужихъ словъ, могутъ только помнить, а не судить самостоятельно. Боевой человѣкъ, даже наименѣе одаренный, никогда не сдѣлаетъ ошибки такого рода. Онъ можетъ грубо промахнуться въ пониманіи условій настоящей минуты; но онъ слишкомъ пріученъ цѣлою жизнію вгля-

Digitized by Google

дываться въ то именно, что у него передъ глазами, чтобы ставить призраки на мѣсто дѣйствительности.

По «Положенію» не только центральное и въ сущности бюрократическое вѣдомство будетъ руководить заглазно несамостоятельными боевыми начальниками,—оно будетъ руководить ими на основаніи штатской стратегіи излагаемой «Инвалидомъ».

Digitized by Google

Крымская война и окружная система.

1873 годъ.

I.

Мы разсмотрѣли главныя основанія военной системы 1862 года и видѣли дѣйствіе ея въ приложеніи къ мирному и военному времени. Въ этомъ разборѣ мы не касались только одной стороны дѣла, самой важной—вліянія новой системы на нравственное состояніе и боевой духъ арміи; не коснемся ея и теперь, потому что намъ пришлось бы сказать или слишкомъ мало, или слишкомъ много. Остальное уяснено достаточно. Не подлежитъ сомнѣнію, что система 1862 года основана на началахъ, изъ которыхъ одни заимствованы изъ иностранныхъ учрежденій, осужденныхъ самымъ положительнымъ и недавнимъ опытомъ; другія принадлежатъ отвлеченной, чисто личной теоріи, нигдѣ еще не испытанной. Ключъ къ этой теоріи состоитъ въ афоризмѣ: «учрежденія должны быть таковы, чтобы личныя качества людей не имѣли большаго значенія», вслѣдствіе чего система повсюду замѣняла личное дѣйствіе и личную отвѣтственность механическими и дорого стоющими учрежденіями. Поводъ, на которомъ теорія основалась — недостатки бывшаго нашего устройства, выказанные будто бы Крымскою войною; объявленная цѣль ея — улучшеніе хозяйственной части. Достоинство системы 1862 года опредѣляется стало быть относительнымъ значеніемъ ея теоретическаго основанія, предлога и цѣли, также какъ достигнутыми ею результатами. Чтобы вѣрно судить о ней, надобно разсмотрѣть ее съ этихъ точекъ зрѣнія. Всякое преобразованіе есть покупка

Digitized by Google

своего рода, выгодность которой зависитъ отъ того, чѣмъ жертвуешь и что получаешь въ замѣнъ.

Каковы бы ни были административныя и всякія другія достоинства системы военнаго управленія, дѣло идетъ прежде всего о боевой силѣ. Но хорошее состояніе войска зависитъ, конечно, отъ правильнаго разрѣшенія многихъ вопросовъ военно-административныхъ. Система 1862 года сосредоточила на этихъ вопросахъ главное вниманіе и подчинила имъ цѣли чисто боевыя, за что, впрочемъ, ее нельзя упрекать a priori. Бываютъ, хотя рѣдко, положенія, когда разстройство военно-хозяйственной части заставляетъ выдвинуть заботы о ней на первое мѣсто. Дѣло въ томъ, были ли мы въ такомъ положеніи и достигло ли послѣднее преобразованіе цѣлей, которыми задавалось? Если Крымская война дала намъ дѣйствительно тяжелый урокъ (въ чемъ, кажется, трудно сомнѣваться), то воспользовались ли мы этимъ урокомъ? Если крѣпостное право стѣсняло наши военныя учрежденія (что также очевидно), то пошло ли намъ въ прокъ освобожденіе народа въ этомъ отношеніи? Управленіе, проводившее послѣднее военное преобразованіе, пользовалось всѣми плодами великихъ преобразованій гражданскихъ, развязавшихъ ему руки; положеніе его, сравнительно съ предшествовавшими управленіями, было исключительно удобное.

Мы сказали, что система 1862 года подчинила цѣли собственно боевыя цѣлямъ административнымъ, но что по голому факту нельзя еще судить о правильности или неправильности такого оборота дѣла въ данную минуту. Самый же фактъ подобнаго подчиненія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Сличая прежніе наши порядки съ нынѣшними въ чисто военномъ отношеніи, нельзя не признать съ перваго взгляда превосходства первыхъ. Окружная система идетъ очевидно въ разрѣзъ съ потребностями военнаго времени. Подраздѣленіе арміи на девять частей по округамъ Европейской Россіи совершенно не сходно съ распредѣленіемъ боевыхъ командованій какой бы то ни было войны, и потому вовсе не напоминаетъ прусской поземельной системы; число войскъ, состоящихъ въ каждомъ округѣ, слишкомъ велико для корпуса и слишкомъ мало для арміи,—если только не осуществится мысль о раздробленіи русской силы на мелкія части, руководимыя министерствомъ. При такомъ мирномъ положеніи придется, приступая къ войнѣ, ломать все

Digitized by Google

существующее и создавать совершенно новое, т.-е. терять безцѣнное время и сознательно допустить между мирнымъ и военнымъ положеніями еще третье, промежуточное положеніе— хаотическое. Недавно свѣтъ видѣлъ, какимъ образомъ французская армія, вынужденная пройти черезъ такое именно хаотическо-переходное состояніе, не могла уже изъ него выйти, была сокрушена прежде, чѣмъ вышла. Если этого не случилось съ нею раньше, то потому только, что до тѣхъ поръ она вела войны за морями или за горами, откуда сама оставалась неуязвимой для непріятеля и имѣла время сосредоточить силы. Составляя тормазъ для формированія дѣйствующихъ армій, дѣленіе на округа нисколько не можетъ также совпадать съ командованіемъ арміями частными или резервными, еслибъ въ нихъ оказалось надобность, потому что каждая изъ такихъ армій (напримѣръ балтійская или черноморская) не можетъ содержаться средствами одного округа, оголеннаго уже выдѣленіемъ многихъ силъ и запасовъ къ границѣ, въ первый періодъ войны. Но кромѣ наружной несоотвѣственности между дѣленіемъ на округа и потребностями войны, между ними оказывается еще величайшая несоотвѣтственность нравственная. Окружная система ограничиваетъ полевыя командованія званіемъ начальника дивизіи и отрываетъ отъ арміи высшихъ боевыхъ вождей — командующихъ арміями, начальниковъ главныхъ штабовъ, начальниковъ спеціальныхъ оружій арміи и корпусныхъ командировъ; она не только отчуждаетъ ихъ отъ войскъ, но разучаетъ военному дѣлу, за которымъ нельзя услѣдить по книжкамъ, особенно въ наше время, при быстромъ видоизмѣненіи самаго способа веденія войны. Достаточно перечислить количество высшихъ командованій, требуемыхъ военнымъ временемъ, и назвать имена людей, извѣстныхъ Россіи по своимъ боевымъ качествамъ,— будетъ видно, что большая часть изъ нихъ устранена отъ арміи окружною системою. По духу этой системы, командующіе войсками въ округахъ назначаются не преимущественно по боевымъ достоинствамъ; одни изъ нихъ генералъ-губернаторы, всѣ—начальники хозяйственныхъ управленій, для чего и выбираются; представленіе объ ихъ назначеніи идетъ не отъ главнокомандующаго, привычнаго къ оцѣнкѣ боевыхъ способностей, а отъ управленія бюрократическаго; наконецъ, ихъ всего девять въ Европейской Россіи, а высшихъ военныхъ

Digitized by Google

командованій, перваго и втораго разряда, несуществующихъ въ окружной системѣ, нужно въ военное время болѣе тридцати, не говоря даже о начальникахъ артиллерійскихъ дивизій и проч. *). Такимъ образомъ, больше двухъ третей лицъ, необходимыхъ для высшихъ командованій, по мѣрѣ того какъ они переростаютъ въ службѣ званіе начальника дивизіи или члена окружнаго совѣта, исчезаютъ въ нестроевомъ составѣ военнаго вѣдомства, забываются войсками и забываютъ свое дѣло. Если нѣкоторые изъ начальниковъ округовъ получатъ боевыя командованія, не смотря на мѣстный характеръ своей должности, то, по несоотвѣтственности военнаго дѣленія войскъ съ мирнымъ, даже они выступятъ не со своими войсками или, по крайней мѣрѣ, не со всѣми своими войсками, а съ частями, мѣшанными изъ разныхъ округовъ; даже между ними (не говоря о другихъ) и ввѣренными имъ людьми не окажется связи привычки и взаимнаго пониманія, составляющей первый залогъ успѣшнаго командованія въ бою. Затѣмъ, съ переходомъ изъ окружной системы на военное положеніе всѣ штабы армій и корпусовъ, составленные изъ случайно сведенныхъ людей, незнакомыхъ ни между собою, ни съ начальникомъ, ни съ войсками, представятъ картину вавилонскаго смѣшенія языковъ; а хорошій и обошедшійся штабъ есть необходимое орудіе успѣшнаго командованія. Потомъ, окружная система, замѣнившая вездѣ личное дѣйствіе и личную отвѣтственность колегіальными учрежденіями, даже до полка, расходующая военный бюджетъ на созданіе многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій съ 11½ тысячъ чиновниковъ, безъ которыхъ другія государства обходятся—не только развиваетъ бюрократію на счетъ существенныхъ военныхъ потребностей, но даетъ чрезъ то явный перевѣсъ въ военномъ вѣдомствѣ небоевому элементу надъ боевымъ. Въ настоящее время чуть не каждый русскій офицеръ, кромѣ нѣсколькихъ полковъ гвардіи, думаетъ лишь о переходѣ въ нестроевую часть, потому что тамъ только и

*) При образованіи трехъ армій — одной большой и двухъ частныхъ (балтій и южной), понадобится: 3 командующихъ арміями, 3 главныхъ начальника штаба, 3 начальн. артиллеріи, 3 начальн. инженеровъ, 3 ген.-интендантовъ, да на всю Россію, при 63-хъ пѣхотныхъ дивизіяхъ, не менѣе 20-ти командировъ пѣхотныхъ корпусовъ и 3-хъ или 4-хъ корпусовъ кавалерійскихъ; всего значительно больше 30-ти высшихъ начальствованій, по крайней мѣрѣ равныхъ своему званію командующихъ войсками въ округѣ.

Digitized by Google

житье — чего прежде никогда не бывало. Даже въ полкахъ бюрократическое устройство, введенное системою 1862 г., выдвинуло на первый планъ офицеровъ писакъ и счетчиковъ, дало имъ явное преимущество надъ офицерами боевыми. Явно, какое вліяніе должно оказать на духъ арміи систематическое предпочтеніе нестроевыхъ людей строевымъ, проведенное сверху до низу, истекающее изъ самой сущности новыхъ учрежденій. Наконецъ, окружная система создала въ тылу арміи, можно сказать, второй комплектъ высшихъ чиновъ и должностей, такъ какъ окружныя управленія существуютъ постоянно въ военное и въ мирное время (даже въ такихъ округахъ, откуда будутъ выведены всѣ войска до послѣдней роты), отвлекая отъ арміи множество людей въ самое время боя и значительно возвышая расходы государства безъ соотвѣтствующаго приращенія силы. До окружной системы, для тыловой дѣятельности оказывались достаточными оберъ провіантмейстеры (по одному на губернію), нѣсколько комисаріатскихъ комиссій (число которыхъ можно было значительно сократить), инженерныя и артиллерійскія гарнизонныя управленія въ пограничной полосѣ и извѣстное число офицеровъ для формированія резерва (которые будутъ одинаково нужны и теперь, независимо отъ окружныхъ управленій, такъ какъ резервы формируются для выступленія, а не для стоянія на мѣстѣ). Въ нынѣшнее время, кромѣ прежнихъ учрежденій, кромѣ начальниковъ мѣстныхъ войскъ и завѣдывающихъ полковыми участками, понадобились бы еще инспекторы желѣзныхъ дорогъ съ особыми командами,— вотъ и все. Окружная система замѣнила мѣстныя учрежденія, выросшія по указанію опыта, тамъ, гдѣ они сто разъ оказывались нужными, сѣтью симетрическихъ учрежденій, разбросанныхъ по сему пространству Россіи, даже тамъ, гдѣ они вовсе не нужны. Каждый понимаетъ, что непомѣрное разростаніе тыловыхъ и бюрократическихъ учрежденій военнаго вѣдомства, какова бы ни была ожидаемая отъ нихъ польза въ другихъ отношеніяхъ, было осуществимо только на счетъ количества или качества полевой силы; что въ чисто-военномъ отношеніи такое разростаніе положительно вредно. Очевидно также, что предпочтеніе и распространеніе не боеваго элемента, достигающее нынѣ своего апогея, произошло отъ перенесенія центра тяжести военной власти и совѣта изъ рукъ полеваго командованія въ руки бюрократіи. Окружная система, упразд-

Digitized by Google

няя по принципу боевыя командованія, разомъ удалила отъ арміи большую часть боевыхъ генераловъ; затѣмъ вычеркнула главнокомандующаго по «Уставу» 1846 года (придавъ этотъ титулъ, безъ соотвѣтствующихъ правъ, нѣкоторымъ изъ окружныхъ начальниковъ) и увѣнчалась военнымъ «Положеніемъ», продолжающимъ ее и въ военное время, наперекоръ общепризнаннымъ потребностямъ боеваго командованія.

Каково бы ни было сужденіе о пользѣ или необходимости военныхъ преобразованій, извѣстныхъ подъ названіемъ системы 1862 года, въ другихъ косвенныхъ отношеніяхъ, никто, уважающій свое слово, не можетъ сказать, чтобы они были улучшеніемъ въ чисто военномъ отношеніи; чтобы для цѣлей, исключительно боевыхъ, было выгоднѣе устраивать за-ново полевую армію съ объявленіемъ войны, чѣмъ прямо выдвигать ее впередъ; чтобъ было вѣрнѣе поручать командованіе войсками въ полѣ начальнику имъ неизвѣстному и отвыкшему отъ дѣла, чѣмъ начальнику привычному; чтобъ наскоро собранный штабъ былъ надежнѣе постояннаго; чтобъ воспитаніе войскъ ихъ прямыми боевыми начальниками не обѣщало болѣе успѣха, чѣмъ начальниками хозяйственными, отвлеченными занятіями и отвѣтственностію совсѣмъ инаго рода; чтобъ возвышеніе боеваго элемента не придавало арміи болѣе духа, чѣмъ предпочтеніе элемента военно-чиновничьяго; чтобы излишнее развитіе тыловыхъ, мѣстныхъ учрежденій не обрѣзывало средствъ на военныя потребности; чтобъ примѣненіе «Положенія» о полевомъ командованіи арміи къ мирнымъ учрежденіямъ не было противорѣчіемъ правилу, требующему обратнаго примѣненія; чтобы, наконецъ, министерство могло управлять арміею въ военное и мирное время лучше опытныхъ боевыхъ людей. Такъ какъ подобныхъ вещей нельзя утверждать, то невозможно также отрицать и того, что въ чисто военномъ отношеніи преобразованіе 1862 года далеко не было улучшеніемъ. Стало быть оно вынуждалось другими, косвенными потребностями, столь важными, что итогъ ихъ преодолѣлъ соображенія собственно боевыя. Конечно, прежде чѣмъ думать о побѣдѣ, надо подумать о существованіи армін. Такъ, въ концѣ-концовъ, говорятъ теперь защитники окружной системы, ссылаясь на примѣръ крымской войны и на послѣдовавшее преобразованіе хозяйственной части, по ихъ словамъ совершенно удовлетворительное. Тутъ послѣдняя крѣпость, въ которой они засѣли. Намъ

Digitized by Google

остается, стало быть, идти по ихъ слѣдамъ и разсмотрѣть, въ чѣмъ состоитъ примѣръ крымской войны и послѣднее хозяйственное преобразованіе.

II.

Сторонники новыхъ военныхъ учрежденій указываютъ на пороки нашего историческаго устройства обнаруженные будто бы крымскою войною, какъ на главный поводъ къ учрежденію окружной системы. Они высказываютъ по поводу этой войны невѣроятныя сужденія, изобличающія съ перваго слова людей, не оставившихъ себѣ никакого опредѣленнаго понятія о войнѣ вообще. Они считаютъ исключительною особенностію послѣдней войны (единственной, сколько нибудь имъ извѣстной по слухамъ съ ея оборотной стороны) всѣ промахи и ужасы, сопутствующіе всякой войнѣ. Кто, кромѣ такихъ военно-письменныхъ людей, рѣшится употребить выраженія: «основныя положенія, взгроможденныя на гнилой пьедесталъ офиціальной исторіи» (№ 25 «Голоса»), обращаясь вдобавокъ къ тысячамъ людей, которымъ событіе извѣстно не по исторіи, а по личному въ немъ участію? Очевидно, что въ своемъ кружкѣ они ставятъ на одну доску исторію и свидѣтельство участниковъ событія съ когда-то напечатанной статьей «Изнанка крымской войны». И на такихъ-то сужденіяхъ основался въ этихъ кружкахъ приговоръ двумъ вѣкамъ русской славы.

Мы не можемъ писать исторію восточной войны, да и не къ чему. Объ ней уже столько было писано, что не понимать этого событія можетъ только не желающій понять, или человѣкъ, не умѣющій составить себѣ опредѣленнаго понятія о войнѣ вообще. Она не могла увѣнчаться успѣхомъ, вслѣдствіе своей политической обстановки; къ ней не готовились—она вспыхнула нежданно и оставалась до конца безцѣльной. Мы не могли внести оружія въ непріятельскіе предѣлы, вслѣдствіе вооруженнаго нейтралитета Австріи и должны были отбиваться на всемъ протяженіи морскихъ окраинъ противъ плавучихъ армій непріятеля, что потребовало громаднаго развитія силъ, достаточнаго для самой великанской борьбы, сосредоточенной

Digitized by Google

на одномъ театрѣ (какъ франко-прусская), но разбросанныхъ до такой степени что въ каждомъ пунктѣ мы оказывались, на первыхъ порахъ, слабѣе непріятеля. Такъ было и въ Крыму. Случайныя обстоятельства (случайныя для непріятеля въ такой же мѣрѣ, какъ для насъ) привели къ развязкѣ всей борьбы на Крымскомъ полуостровѣ, въ глухомъ углу, о которомъ никто прежде не думалъ, о которомъ и теперь уже нечего думать. Разумѣется, большой войны въ этомъ направленіи никогда не ждали, ничего не было для нея готово. Небольшія средства Крымскаго полуострова были истощены въ первыя же недѣли на содержаніе внезапно нахлынувшихъ силъ. По географическому очертанію полуострова, по относительному безлюдію прилегающей къ нему таврической степи, этотъ случайный театръ войны былъ разъединенъ почти пустынею съ производительными мѣстностями государства; каждый куль хлѣба, каждый фунтъ мяса необходимо было доставлять за многія сотни верстъ, въ самые мѣсяцы безкормицы. Пришлось одновременно везти по пустынной дорогѣ и запасы для арміи, и кормъ для животныхъ, тащившихъ эти запасы. Раненныхъ и больныхъ надобно было отвозить этой же дорогой, на издыхавшихъ подъ ними волахъ, а въ ожиданіи отправки — скоплять до 16 т. раненныхъ и больныхъ въ маленькомъ Симферополѣ. По той же причинѣ невозможно бы снабжать Севастополь боевыми запасами въ пропорціи, соотвѣтствующей средствамъ непріятеля. Крымская война, по своимъ чрезвычайнымъ условіямъ, представила рядъ затрудненій совсѣмъ не европейскаго, а чисто азіятскаго похода. Притомъ севастопольская армія была въ началѣ вовсе не арміей, а случайнымъ соединеніемъ войскъ безъ устроеннаго штаба и всякихъ хозяйственныхъ учрежденій. Еслибъ въ то время существовало нынѣшнее одесское военно-окружное управленіе, оно помогло бы горю столь же мало, какъ главное управленіе южной арміи, находившееся въ 1851 году очень близко отъ Одессы, въ Кишиневѣ, и облеченное гораздо высшими правами; помогло бы отнюдь не болѣе, чѣмъ управленіе генерала Анненкова, учрежденное именно съ такою цѣлію въ тылу арміи. Суть затрудненій состояла не въ недостаткѣ распорядительности, а въ способахъ доставки, проистекало изъ географическаго разъединенія этихъ мѣстностей съ государствомъ, хотя вначалѣ она усиливалась несомнѣнно отсут-

Digitized by Google

ствіемъ исполнительныхъ хозяйственныхъ учрежденій при арміи. Но какъ только въ Крыму былъ устроенъ настоящій главный штабъ по «Уставу» 1846 года, содержаніе арміи стало безъукоризненнымъ. Севастопольскій гарнизонъ продовольствовался лучше гвардіи, получая ежедневно, безъ перерыва, фунтъ мяса и двѣ чарки на человѣка. Не смотря на непомѣрныя трудности въ добываніи фуража, лошади были сыты. Конечно. продовольствіе арміи стоило дорого. Могло ли быть иначе въ такихъ обстоятельствахъ, когда каждое распоряженіе главнокомандующаго, по необходимости, выражало требованіе скорѣйшей поставки, во что бы то ни стоило. Были при этомъ также большіе безпорядки, замѣшательства и злоупотребленія мелкихъ агентовъ, какъ при всякомъ чрезвычайномъ напряженіи силъ, какъ во всякой войнѣ по цѣлому свѣту; было найдено дѣйствительно нѣсколько тюковъ нераспечатанныхъ госпитальныхъ вещей, не смотря на крайнюю нужду въ нихъ, какъ на послѣдней московской выставкѣ нашелся нераспечатаннымъ тюкъ съ силезкими коврами Госпитальная часть вообще оказалась тогда слабѣе прочихъ, что было очень понятно при невысокомъ уровнѣ техническаго образованія. Удивительно не то, что въ содержаніи крымской арміи чувствовались порой недостатки и оказывались упущенія, что раненнымъ и больнымъ часто недоставало помѣщенія, что перевозка ихъ совершалась безчеловѣчнымъ способомъ: для кореннаго исправленія дѣла нужна была желѣзная дорога изъ Россіи въ Крымъ; удивительно то, что, не смотря на исключительныя условія, продовольствіе арміи совершалось безостановочно. Сравнивая неудобство нашего положенія съ удобствомъ союзниковъ, пользовавшихся торговымъ флотомъ цѣлаго свѣта; сравнивая въ то же время недостатки въ содержаніи арміи подъ Севастополемъ съ нашей и съ ихъ стороны, невозможно не придти къ заключенію, что управленіе генерала Затлера выказало несравненно болѣе энергіи и знанія дѣла, преодолѣло несравненно большія препятствія съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ интендантство союзниковъ. То же было и въ кавказской арміи, поставленной въ очень неблагопріятныя условія. Со всѣмъ тѣмъ, мнѣніе, возбужденное неудачею войны, требовало жертвъ. Хотя по существовавшимъ законамъ суду подлежалъ главнокомандующій, снимающій своимъ утвержденіемъ отвѣтственность съ исполняющихъ

Digitized by Google

лицъ, но судъ состоялся надъ однимъ интендантствомъ. И что же оказалось? Россія, ожидавшая раскрытія ужасовъ, узнала объ утвержденіи губернаторами справочныхъ цѣнъ, можетъ быть, но не на вѣрно, слишкомъ высокихъ, и о нѣсколькихъ обманахъ мелкихъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ за сотни верстъ отъ пребыванія интенданта. Открылось, что не всѣ провіантскіе чиновники Россіи 1855 года равнялись высотой души съ древнимъ Катономъ и что хозяйственная система, обезпечившая безостановочное снабженіе арміи въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не могла оградить казну въ періодъ величайшей суматохи, отъ превышенія расходовъ— положимъ пятью расхищенными милліонами — на нѣсколько сотъ которыхъ стоила война. Теперь всякій знаетъ, возможно ли провести параллель между злоупотребленіями и промахами, вкравшимися въ дѣйствія русскаго интендантства 1855 года, и тѣмъ, что мы видѣли со стороны французскихъ хозяйственныхъ управленій въ прошлую войну? Да зачѣмъ искать иностранныхъ примѣровъ? По слухамъ, государственный контроль открылъ въ нѣкоторыхъ долгосрочныхъ подрядахъ больше пропавшихъ милліоновъ, чѣмъ ихъ было утрачено во всю сумятицу восточной войны.

Безъ сомнѣнія, крымская война дала намъ нѣсколько крупныхъ уроковъ, которыми слѣдовало воспользоваться. Такими глазами смотрѣло министерство при генералѣ Сухозанетѣ, не даровитомъ, но военномъ человѣкѣ; многія стороны въ нашемъ военномъ устройствѣ, отжившія свое время, были исправлены въ тотъ періодъ времени. Но система 1862 года поступила обратно. Она не воспользовалась ни однимъ изъ уроковъ послѣдней войны, напротивъ возвела многіе случайные промахи того времени въ правило, а принялась за преобразованіе только тѣхъ сторонъ дѣла, которыя хотя требовали нѣкоторыхъ улучшеній, но вовсе не требовали преобразованія, потому что дѣйствовали исправно. Читатели увидятъ эту истину наглядно изъ слѣдующаго перечня нашихъ недостатковъ, выказанныхъ крымскою войною, и соотвѣтствующихъ имъ мѣръ, принятыхъ системою 1862 г.

1. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ двѣ коренныя неправильности нашего военнаго устройства, невольныя, такъ какъ онѣ обусловливались язвою русскаго общественнаго быта, крѣпостнымъ правомъ — слабость резервовъ и обременительную

Digitized by Google

многочисленность мѣстныхъ войскъ, содержимыхъ не для войны. При крѣпостномъ правѣ нельзя было сокращать сроковъ службы и проводить черезъ ряды достаточное число людей для образованія резерва. Люди эти становились свободными. Нельзя было также уменьшить число мѣстныхъ войскъ— онѣ были необходимы для поддержанія крѣпостнаго права силою. Между тѣмъ, въ Европѣ система резервныхъ войскъ развивалась постепенно, не зная этого препятствія. Вслѣдствіе того, наша полевая армія, не смотря на свою кажущуюся многочисленность, съ году на годъ понижалась въ силѣ сравнительно съ европейскими. Покойный Государь сдѣлалъ возможное для исправленіи этой видимой причины нашей слабости; но при тогдашней обстановкѣ поле было необширно. 1854 годъ показалъ воочію невозможность разсчитывать веденіе войны на силахъ одной постоянной арміи; пришлось разомъ создавать резервы, почти изъ ничего, хотя въ тоже время несчотныя мѣстныя войска безполезно числились на государственномъ бюджетѣ. Оттого мы были слабы до конца; не могли предпринять ничего рѣшительнаго и должны были, наконецъ, покориться передъ ультиматумомъ Австріи. Въ 1861 году Державная рука разбила оковы, наложенныя на Россію Годуновымъ; всѣ препятствія къ правильному военному устройству исчезли. Какъ воспользовалась этимъ событіемъ система 1862 года, современная освобожденію? Для нея, очевидно, не существовалъ бьющій въ глаза рядъ фактовъ 1854 и 1855 годовъ; существовала только «Изнанка крымской войны». Увеличивъ нѣсколько число кадровъ полевыхъ войскъ (что было совершенно необходимо для приведенія нашихъ полевыхъ силъ въ соотвѣтственность съ европейскими, сильно разросшимися), система эта скосила всѣ зачатки боевыхъ русскихъ резервовъ, устроенные еще Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и прибавила къ мѣстнымъ, недѣйствующимъ войскамъ 82 новыхъ резервныхъ батальоновъ. Читатели помнятъ полемику объ этомъ жизненномъ вопросѣ, поднятую «Вооруженными силами Россіи» и длившуюся до 1871 года. Всѣ пріемы употребляемые теперь для защиты «Положенія» о полевомъ командованіи, были употребляемы уже тогда, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, для доказательства, что Россіи не нужно никакого резерва («Инвалидъ» 1867 года, «Военный Сборникъ» 1868 года и« Голосъ» 1868 и 1871 гг.). Сторонники системы 1862 года

Digitized by Google

доходили въ ту пору до утвержденія, что въ самый разгаръ европейской войны достаточно одной дивизіи для огражденія балтійскаго прибрежья («Голосъ» 1868 года). Еслибъ между 1863 годомъ и настоящимъ временемъ на насъ нагрянула война, мы очевидно очутились бы въ положеніи сто разъ худшемъ противъ 1855 года, когда у насъ былъ хоть какой нибудь резервъ, способный къ растяженію. Вѣроятно, такъ продолжалось бы и впредь. Россія твердо знаетъ, что она обязана огражденіемъ своего будущаго, нынѣ уже рѣшеннымъ, не министерству, а почину Державной воли, давшему ей свободу, судъ и самоустройство.

2) Распредѣленіе нашихъ армій въ 1854 году было очевиднымъ отступленіемъ отъ «Устава» 1846 г. Отступленіе произошло неумышленно, оттого что войска, первоначально собранныя въ Крыму, считались десантными, присвоенными флоту, оттого, что они находились временно подъ начальствомъ морского министерства; оттого также, что вначалѣ не предвидѣли разыгравшихся потомъ событій. Тѣмъ не менѣе, южный театръ войны не былъ объединенъ въ однѣхъ рукахъ, какъ бы слѣдовало по нашимъ военнымъ преданіямъ; двѣ частныя арміи дѣйствовали разъединенно на Прутѣ и въ Крыму. Извѣстно, къ чему повело это разъединеніе. Когда Крыму стала угрожать опасность, кн. Горчаковъ, неотвѣтственный за него, посылалъ безотговорочно свои дивизіи зимовать въ подольскую губернію; когда опасность осуществилась, онъ, правда, подалъ помощь товарищу, но далеко не въ той мѣрѣ, въ какой бы онъ подалъ ее самому себѣ. Когда, наконецъ, были стянуты въ Крыму достаточныя силы, союзники также получили подмогу и прочно осѣлись на позиціи, болѣе крѣпкой, чѣмъ самъ Севастополь. Примѣръ этотъ доказалъ въ тысячный разъ необходимость единства власти на театрѣ войны и безусловное достоинство нашихъ военныхъ установленій; онъ наказалъ насъ за случайное отступленіе отъ нихъ. Система 1862 года возвела эту минутную, жестоко выстраданную нами ошибку въ правило, разрушила единство власти главнокомандующаго по «Уставу» 1846 года и поставила частныя арміи въ независимость одну отъ другой, такъ что несчастный оборотъ дѣла 1854 года теперь уже не только можетъ, но непремѣнно долженъ произойти.

3) Крымская война доказала фактомъ, также въ тысячный

Digitized by Google

разъ, невозможность обезпечить снабженіе арміи, даже стоящей на мѣстѣ, безъ присвоенныхъ ей полныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Порученіе, возложенное на генерала Анненкова, продовольствовать Крымскую армію съ тыла, было первымъ опытомъ раздѣленія распорядительнаго и исполнительнаго дѣйствія по военно-хозяйственной части. Опытъ оказался крайне неудачнымъ, и вслѣдствіе того были вынуждены въ 1855 году создать при арміи, не жалѣя издержекъ, собственныя хозяйственныя учрежденія, чего не случилось бы, еслибъ операція генерала Анненкова не оставляла ничего желать. Система 1862 года возвела и этотъ неудачный опытъ въ общее правило, установила снабженіе армій изъ тыльныхъ, подчиненныхъ министерству округовъ.

4) Въ прошлую войну самою слабою стороною нашихъ военно-хозяйственныхъ учрежденій оказалась госпитальная часть, а слабѣйшею стороною этой части—недостаточное число врачей. То было двадцать лѣтъ назадъ, при низкомъ уровнѣ тогдашнихъ техническихъ средствъ и знаній въ Россіи и при военномъ бюджетѣ, не достигавшемъ 90 мильоновъ. Насколько исправила дѣло система 1862 года, располагающая бюджетомъ въ 170 мильоновъ? Въ отчетѣ г. военнаго министра за 1870 г., послѣ восьми-лѣтней дѣятельности новой системы, сказано: «по заключенію послѣдняго комитета, размѣръ военно-врачебныхъ учрежденій не соотвѣтствуетъ потребностямъ большой войны, а срокъ пополненія врачебныхъ запасовъ зависитъ отъ будущихъ денежныхъ асигнованій». Въ отчетѣ за 1872 годъ, послѣ десятилѣтней дѣятельности, показывается: «Вопросъ о мѣрахъ для уничтоженія некомплекта врачей, къ сожалѣнію, мало подвинулся впередъ».—«Спеціальный вопросъ о врачахъ военнаго вѣдомства, столь важный по отношенію готовности нашей къ войнѣ, къ сожалѣнію, останется безъ разрѣшенія»—конечно, по недостатку въ денежныхъ средствахъ, хотя ихъ всегда доставало на развитіе бюрократическихъ учрежденій и увеличеніе числа чиновниковъ.

5) Въ Крымскую воину пришлось выдать ополченію старыя кремневыя ружья. Недостатокъ этотъ бросался въ глаза, объ немъ много кричали, хотя между кремневымъ ружьемъ и гладкоствольнымъ, которымъ была вооружена большая часть союзной арміи, высадившейся въ Крыму, далеко не существовало такой разницы, какъ между гладкоствольнымъ и нынѣшнимъ

Digitized by Google

скорострѣльнымъ. Кавказская армія съ кремневымъ ружьемъ дѣйствовала противъ пистоннаго турецкаго и разбивала непріятеля въ пропорціи одного на трехъ. Теперь, на 2½ милліона солдатъ, предположенныхъ проектомъ главнаго штаба, считается только 1.120,000 ружей; изъ нихъ 214,000 скверныхъ ружей Карлея, стало быть удовлетворительныхъ 896,000 *). Слѣдовательно, въ текущіе годы пришлось бы опять вооружать не только уже ополченіе, но и резервы старымъ складомъ ружей, совершенно негодныхъ для современной войны. Даже по экономическому разсчету человѣкъ, отрываемый отъ производительнаго труда, стоитъ настолько дороже ружья, что вездѣ на свѣтѣ мѣры о заготовленіи оружія предшествуютъ всѣмъ другимъ; онѣ вездѣ уже и давно окончены. Мы же очутились бы теперь въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ во время Крымской войны, когда боевыхъ ружей недоставало—не для резерва, а только для ополченія.

6) Въ послѣднюю войну нѣкоторыя наши крѣпости, напримѣръ Кинбурнъ, пали почти мгновенно отъ несоотвѣтственности своего артиллерійскаго вооруженія въ сравненіи съ непріятельскимъ. По послѣднему отчету, изъ всего количества артиллеріи, назначенной для вооруженія крѣпостей, готово только 58%. Въ Севастополѣ недоставало пороху; въ настоящее время его требуется гораздо больше по калибру орудій и числу патроновъ,—а у насъ остались тѣ же три пороховыхъ завода (во Франціи ихъ 12). Патронный заводъ у насъ одинъ на всю имперію, стало быть для резервовъ не будетъ ни ружей, ни патроновъ. Всѣ помнятъ, въ какое затрудненіе мы были поставлены въ 1854—55 годахъ недостаткомъ сѣры; русскія сѣрныя залежи остаются неразработанными, какъ прежде, но къ этому прибавилось паденіе нашего внутренняго селитроваренія, совершенно удовлетворительнаго въ послѣднюю войну.

И такъ далѣе. Надобно замѣтить, что недостатки въ такихъ предметахъ, мало извинительные даже при военномъ бюджетѣ въ 80 милліоновъ, какъ было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, принимаютъ совсѣмъ иной видъ при бюджетѣ во 170 милліоновъ.

Мы представили перечень главныхъ вопросовъ, дѣйстви-

*) Мы называемъ удовлетворительными ружьями — передѣланныя Крынкъ, хоть во всѣхъ другихъ арміяхъ ружья передѣланныя считаются бракомъ.

Digitized by Google

тельно возбужденныхъ Крымскою войною, и видѣли, что сущность дѣла по нѣкоторымъ изъ нихъ ухудшена системою 1862 года, ни по одному — не исправлена. Стало быть эта система, жертвовавшая, очевидно, боевыми цѣлями административнымъ улучшеніямъ (какъ было показано нами и давно извѣстно арміи), имѣла притомъ въ виду преимущественно вовсе не тѣ административныя улучшенія, которыя ведутъ, хотя косвенно, къ возвышенію боевой силы государства; пользовалась вовсе не тѣми уроками Крымской войны, которые имѣли прямое отношеніе къ существенной сторонѣ дѣла. Между тѣмъ, редакція, работавшая надъ новыми учрежденіями, также какъ нынѣшніе ихъ защитники, утверждали и утверждаютъ, что наше полутора-вѣковое военное устройство было разрушено вслѣдствіе практическихъ указаній, данныхъ Крымскою войною. Что же указала Крымская война, кромѣ исчисленныхъ выше пунктовъ, и въ чемъ же состоитъ существенная цѣль громадной ломки, начавшейся съ 1862 года? Остается одно предположеніе. Нынѣшняя система имѣла въ виду исключительно искорененіе казнокрадства по военно-хозяйственнымъ вѣдомствамъ и ничего больше; она жертвовала всѣмъ, даже вѣроятностями побѣды, требующими устройства почти противоположнаго, даже опасностью поколебать боевой духъ арміи, даже попеченіемъ о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для войны, для одной этой цѣли? *)

*) Мы сказали — искорененіе казнокрадства въ военно-хозяйственныхъ вѣдомствахъ, и только—потому, что о подобномъ же взглядѣ на полковое хозяйство, служившемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ темою для краснорѣчія людей, никогда не стоявшихъ въ войскѣ, нельзя уже говорить послѣ Высочайшаго приказа въ январѣ 1872 года, положившаго конецъ конституціи въ полкахъ. Надобно надѣяться, что скоро будетъ положенъ конецъ и преувеличенному формализму хозяйственной отчетности полковъ, обращающему треть офицеровъ въ чиновниковъ и множество строевыхъ солдатъ въ писарей,— формализму, ничего не ограждающему, подъ щитомъ котораго и расцвѣло старинное взяточничество въ русскихъ канцеляріяхъ. Теперь, какъ и всегда, можно удостовѣриться въ исправномъ состояніи части только изъ фактической повѣрки, а не изъ книгъ, которымъ опытные начальники не придаютъ никакого значенія. Наше зло состояло и состоитъ въ полковомъ хозяйствѣ, т.-е. въ необходимости пополнять казенные отпуски солдатскою работою, а не въ хозяинѣ, безъ котораго ничто на свѣтѣ не спорится. Но система 1862 года, постоянно, упускавшая изъ виду нравственную сторону дѣла, видѣла спасеніе въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, въ однѣхъ канцелярскихъ формальностяхъ.

Digitized by Google

Цѣль сама по себѣ благая; но слѣдуетъ спросить: можно ли жечь свой домъ, чтобъ избавиться отъ таракановъ? можно ли рубить дерево, чтобъ очистить его отъ гусеницъ? можно ли затрачивать непроизводительно или недостаточно производительно 170 милльоновъ ежегодно и лишній мильярдъ во время войны для того только, чтобъ предупредить разхищеніе 5 милліоновъ, какъ было, положимъ, въ Крымскую войну? Еслибъ система 1862 года достигла этого частнаго результата даже вполнѣ, въ такой мѣрѣ, какъ никто еще его не достигалъ, она была бы, тѣмъ не менѣе, въ виду всего остального, великой ошибкой. Но достигла ли она даже этой частной цѣли, покупаемой такою непомѣрною цѣною,—не говоримъ вполнѣ, а хоть въ какой нибудь степени? Оградила ли она казну отъ мелкаго расхищенія? Это мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

III.

Намъ остается договорить послѣднее слово объ окружной системѣ—какъ о преобразованіи хозяйственномъ.

Мы видѣли, что система 1862 года направила главныя усилія противъ злоупотребленій, существовавшихъ или предполагавшихся въ военно-хозяйственной части, и пожертвовала этой цѣли всѣмъ остальнымъ. По основному положенію системы (учрежденія должны быть таковы, чтобы личныя качества людей не имѣли большаго значенія), она заботилась гораздо больше о наружномъ устройствѣ учрежденія, чѣмъ объ улучшеніи его личнаго состава, неизмѣнившагося до сихъ поръ замѣтнымъ образомъ. Нельзя было, впрочемъ, и требовать отъ власти значительнаго нравственнаго повышенія массы служащихъ вопреки общественному уровню; чѣмъ она могла замѣнить ее? Ограниченное этою невозможностію, не придавая даже, по своимъ правиламъ, значенія личному качеству людей, современное военное управленіе искало улучшенія въ замѣнѣ одного механизма другимъ. Вопросъ стало-быть очень упрощается; онъ состоитъ въ сравненіи практическаго достоинства двухъ механизмовъ хозяйственнаго управленія—прежняго и нынѣшняго. Для уясненія дѣла, достаточно опредѣлить съ точностію главныя ихъ основанія.

Digitized by Google

Извѣстно, что пожива казенными деньгами, по мѣрѣ силъ и возможности, всегда была сильно распространена въ Россіи на нисшихъ ступеняхъ службы; сомнительно, чтобъ она ослабѣла въ замѣтной мѣрѣ даже теперь. Разумѣется, военно-хозяйственная часть не составляла исключенія. Часть эта наполняется не тѣмъ общественнымъ слоемъ, который поступаетъ въ кавалергарды и дипломаты, отъ котораго можно требовать и ждать соблюденія по крайней мѣрѣ условныхъ правилъ чести, каковы бы ни были личныя качества людей. Она наполняется также не скромными тружениками ученаго сословія, посвящающими жизнь умственному труду и хорошо понимающими значеніе нравственныхъ основаній. Не говоря объ исключеніяхъ, низшіе слои интендантскаго вѣдомства подбираются изъ людей бѣдныхъ и по большой части мало образованныхъ, проникающихся очень скоро преданіями своей многоденежной части. Черезъ руки этихъ людей проходятъ груды золота. Усчитывать ихъ можно лишь до нѣкоторой, весьма неопредѣленной степени, какъ потому, что справочныя цѣны бываютъ необходимо всегда выше дѣйствительныхъ и зависятъ отъ земской полиціи, не всегда совершенно добродѣтельной, такъ и потому, что чиновники эти имѣютъ дѣло преимущественно съ классомъ подрядчиковъ, тоже мало похожихъ на Плутарховыхъ героевъ, охотно готовымъ дѣлиться казенными деньгами со своими покупщиками. Такой порядокъ дѣла покуда неизбѣженъ, а потому въ нашихъ прежнихъ военно-хозяйственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ не на теоріи, всегда признавали существованіе зла и только принимали мѣры для ограниченія вредныхъ его послѣдствій. Такъ какъ вредъ могъ быть двоякій—отъ недоброкачественнаго довольствія арміи и отъ излишняго возвышенія казенныхъ расходовъ, то для каждой стороны дѣла была придумана, или лучше сказать заимствована изъ опыта всѣхъ вѣковъ военной исторіи, начиная съ Александра Македонскаго, мудрѣйшая, хотя самая простая мѣра.

1) Чтобъ войскамъ не выдавалось дурнаго довольствія, провіантскаго и комисаріатскаго, имъ предоставлялось право браковать предлагаемое, сообразно съ утвержденными образцами, и брать только доброкачественное. Они должны были сами смотрѣть, что берутъ. Строевые начальники, отъ корпуснаго до ротнаго командира, были отвѣтственны за пріемъ

Digitized by Google

дурнаго довольствія и, разумѣется, считали дѣломъ личнаго достоинства стоять за свои войска.

2) Чтобъ казенные расходы не подымались выше дознанной потребности, къ нимъ былъ приставленъ прямой личный отвѣтчикъ, обязанный содержать ихъ въ нормальномъ уровнѣ. Такихъ отвѣтчиковъ было два на всю имперію, одинъ по провіантской, другой—по комисаріатской части. Совершенная необходимость самостоятельнаго хозяйства отдѣльной арміи на войнѣ заставила учредить еще двухъ генералъ-интендантовъ на двухъ предѣлахъ имперіи: въ Варшавѣ и на Кавказѣ, съ такими же правами.

Генералъ-провіантмейстеръ и генералъ-кригсъ-комисаръ имѣли своихъ агентовъ въ областяхъ, какъ всякое главное вѣдомство. Таково было простое и разумное устройство русской военно-хозяйственной части. За качествомъ смотрѣли сами получатели, наиболѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ; за расходомъ—прямой единоличный отвѣтчикъ, стоявшій передъ правительствомъ. Интересы мелкихъ агентовъ, ворочающихъ, не смотря на свою мелкоту, милліонами, были поставлены въ тиски съ двухъ концовъ—между интересомъ получателей и интересомъ отвѣтчика за цѣны. Прежняя система, взросшая вѣками, знавшая по опыту безсиліе канцелярскихъ формальностей и принимавшая въ соображеніе прежде всего нравственную сторону дѣла, полагалась на имущественную отвѣтственность дѣятелей (нынѣ отмѣненную), на фактическій контроль получателей и на личную отвѣтственность высшихъ начальниковъ, больше чѣмъ на письменную отчетность.

Сосредоточеніе хозяйственнаго управленія въ рукахъ министерства (въ противоположность децентрализаціи) считалось необходимымъ для того, чтобы уравновѣшивать высокія цѣны однѣхъ мѣстностей низшими цѣнами другихъ по всей имперіи; чтобы распредѣлять хозяйственныя операціи сообразно съ дѣйствительными средствами различныхъ полосъ и производительныхъ центровъ, не обремѣняя однихъ и не лишая сбыта другихъ, за чѣмъ можно наблюдать только изъ средоточія, къ выгодѣ всего государства; чтобы во время приготовленія къ войнѣ, требующаго соединенія всѣхъ средствъ имперіи на одномъ изъ предѣловъ, возлагать эту громадную операцію не на дробную силу какого-либо мѣстнаго пограничнаго управленія, а на центральное вѣдомство, широко

Digitized by Google

устроенное; чтобы не разбрасывать средствъ, необходимыхъ для бухгалтеріи, по мелочамъ и не писать 10 заготовительныхъ плановъ вмѣсто одного; чтобы не путать принципа, требующаго мѣстнаго управленія для мѣстныхъ интересовъ и управленія центральнаго для интереса государственнаго, въ область котораго входитъ всецѣло военно-хозяйственная часть (для мѣстныхъ операцій существовали второстепенные подчиненные органы); главнѣйшее же затѣмъ, чтобы имѣть передъ лицомъ правительства одного прямаго отвѣтчика за бережливость государственныхъ средствъ, обязаннаго уравновѣшивать цѣны по всей имперіи, виноватаго, если онъ допускалъ общее вздорожаніе, неоправдываемое чрезвычайными обстоятельствами,— что становится невозможнымъ, когда хозяевъ много. Кромѣ этихъ основаній, общихъ для провіантской и комисаріатской части, существовало еще то соображеніе, что управленіе послѣднею не можетъ быть распредѣлено симетрически по всему пространству имперіи и должно оставаться сосредоточеннымъ, потому что оно пріобрѣтаетъ нужный матерьялъ въ немногихъ промышленныхъ центрахъ, внѣ которыхъ ему нечего дѣлать; для передачи же вещей въ войска нужны лишь немногочисленные агенты. Наконецъ, раздѣленіе провіантскаго и комисаріатскаго вѣдомствъ вынуждалось кореннымъ различіемъ знаній и опытности, потребныхъ для каждой части, несходствомъ ихъ торговыхъ оборотовъ и производителей, съ которыми они имѣютъ дѣло. Правильное раздѣленіе труда составляетъ первое условіе успѣха даже на булавочной фабрикѣ, не только во сто милльонномъ государственномъ хозяйствѣ.

Въ обоихъ отношеніяхъ, теоретическомъ и практическомъ, прежнее устройство военно-хозяйственной части было правильно. Оно не задавалось отвлеченными вопросами, но преслѣдовало прямыя цѣли, руководствуясь фактами. Не только по хозяйственной части, но по всѣмъ другимъ частямъ военнаго управленія, мѣстныя учрежденія—оберъ-провіантмейстеры и комисаріатскія комиссіи, инженерные и гарнизонно-артиллерійскіе округа и проч.—возникали тамъ, гдѣ многократный военный опытъ указывалъ имъ мѣста, гдѣ они дѣйствительно были нужны. На этихъ основаніяхъ русская хозяйственная система развивалась полтора вѣка и въ управленіе кн. Чернышева достигла, наконецъ, совершенной исправности. Никто не помнитъ за это время какой-либо остановки въ довольствіи

Digitized by Google

войскъ, причемъ довольствіе было очень близко къ образцамъ, а казенные расходы стояли по многимъ городамъ на одномъ уровнѣ, повышаясь только періодами и незамѣтно, пропорціонально съ естественнымъ вздорожаніемъ произведеній. Такъ продолжалось и послѣ князя Чернышева, даже въ бурный періодъ Крымской войны. Никто не можетъ сказать, чтобъ и при генералѣ Сухозанетѣ войска продовольствовались неисправно или недоброкачественно: въ силу закона они сами не взяли бы дурнаго довольствія; чтобы казенные расходы непомѣрно возвышались—прямые отвѣтчики, въ лицѣ генералъ-провіантмейстера, кригсъ-комисара и двухъ генералъ-интендантовъ не могли этого допустить. Случались, конечно, злоупотребленія, неизбѣжныя въ вѣдомствѣ, пропускающемъ милліоны чрезъ руки голодныхъ людей,—но злоупотребленія, не вліявшія чувствительно на отправленіе дѣла. Надобно замѣтить также, что торговый характеръ оборотовъ хозяйственныхъ вѣдомствъ допускаетъ часто сдѣлки, которыя общественное мнѣніе считало злоупотребленіями, хотя каждый купецъ дозволяетъ ихъ своимъ прикащикамъ—такимъ же комиссіонерамъ. Не надо забывать, что торговля изъ рукъ казны, также какъ изъ рукъ частныхъ людей—есть торговля, и не требовать невозможнаго, лишь бы дѣло шло исправно и обходилось не дорого. Безъ такого взгляда замѣна старыхъ порядковъ другими, болѣе удобными способами, оказалась бы навѣки невозможной.

Система 1862 года стала на противоположную точку зрѣнія. Въ военно-хозяйственной части, какъ и въ чисто военныхъ вопросахъ, она отбросила всю нравственную сторону дѣла, въ которой до тѣхъ поръ искали главнаго обезпеченія, и замѣнила ее гарантіей сложныхъ канцелярскихъ формъ, давно утратившихъ довѣріе въ русскомъ и даже всесвѣтномъ мнѣніи. Личная отвѣтственность была вездѣ замѣнена колегіальной, т. е. перенесена съ живыхъ людей, дорожащихъ своимъ положеніемъ и доброй славой, на журналы безличныхъ присутствій, не смотря на вѣковой опытъ, доказавшій несостоятельность такой гарантіи. Съ одной стороны, новыя учрежденія уничтожили фактическій контроль войскъ надъ хозяйственнымъ вѣдомствомъ, отняли у нихъ право браковать предлогаемое, неподходящее къ образцамъ; съ другой—упразднили личныхъ отвѣтчиковъ за казенные расходы: генералъ-провіантмейстера, генералъ-кригсъ комисара и генералъ-интендантовъ

Digitized by Google

затѣмъ слили въ одно двѣ разнородныя части военнаго хозяйства и разбросали симетрически по всему пространству имперіи мѣстныя учрежденія, соотвѣтствовавшія своей цѣли только въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Надобно разсмотрѣть отдѣльно значеніе и послѣдствія каждой этой ломки.

Пріемъ вещей и довольствія, производившійся самими войсками, предоставленъ теперь пріемнымъ комиссіямъ, собираемымъ изъ нѣсколькихъ членовъ отъ окружнаго интендантства и нѣсколькихъ депутатовъ отъ войскъ, назначаемыхъ воинскимъ начальствомъ. При составленіи плана окружной системы, особый комитетъ изъ опытныхъ людей предложитъ такія пріемныя комиссіи исключительно для комисаріатскаго вѣдомства, съ тѣмъ условіемъ, чтобы была осуществлена первоначальная программа министерства, предполагавшая замѣнить аферистовъ-подрядчиковъ прямымъ заказомъ вещей у коренныхъ производителей. Объ обращеніи къ производителямъ мечтали всѣ предшествующія министерства, но цѣль никогда не осуществлялась, по ея несогласію съ личнымъ интересомъ слишкомъ многихъ людей. Понятно, что полученіе предметовъ комисаріатскаго довольствія изъ рукъ фабрикантовъ и заводчиковъ, владѣющихъ милліонами и дорожащихъ своею фирмой, соперничающихъ между собою, устраняемыхъ и подлежащихъ большимъ взысканіямъ при первомъ доказательствѣ недобросовѣстности, позволяло много упростить дѣло, обходиться безъ строгостей пріема, совершенно необходимыхъ въ отношеніи къ мелкимъ перекупщикамъ. Но предположеніе министерской программы осталось предположеніемъ. Къ прямымъ производителямъ до сихъ поръ исключительно не обратились, поставка осталась въ рукахъ прежнихъ перекупщиковъ, дополненныхъ въ послѣдніе годы толпою торгашей евреевъ; а между тѣмъ пріемныя комиссіи, устраняющія непосредственное участіе войскъ въ пріемѣ довольствія, предложенныя въ виду исключительнаго и несбывшаго оборота дѣла, введены безъ изъятія не только въ комисаріатской части, но даже въ провіантской, для которой онѣ никогда не предназначались; слитіе двухъ разнородныхъ управленій заставило распространить на каждое изъ нихъ общія правила, выработанныя на другой почвѣ, вовсе къ нему не подходящія. Существенная разница прежняго отпуска и нынѣшняго заключается въ томъ, что до окружной системы браковщики принимали для себя и, слѣдовательно,

Digitized by Google

были прямо заинтересованы не брать дурнаго; кромѣ того полковой пріемщикъ комисаріатскихъ вещей былъ лично отвѣтственъ передъ товарищами, его выбравшими, т. е. передъ цѣлою частію. Теперь браковщики, командированные постороннимъ начальствомъ, принимаютъ неизвѣстно для кого, и ни передъ кѣмъ лично не отвѣтственны; а въ то же время противорѣчіе съ ихъ стороны чинамъ интендантства имѣетъ видъ косвеннаго противодѣйствія высшему военному начальству, командующему войсками округа, съ разрѣшенія котораго интендантъ дѣйствуетъ. Нѣтъ нужды, кажется, углубляться въ степень самостоятельности пріемщиковъ при такой обстановкѣ и послѣдствій, которыми подобное преобразованіе должно отзываться. Вся власть теперь отдана въ руки окружнаго интендантства, безъ права отказа въ пріемѣ со стороны войскъ.

Но этого мало. Прежде войска находили твердую опору противъ случайнаго злоупотребленія хозяйственныхъ вѣдомствъ въ своихъ строевыхъ начальникахъ, совершенно чуждыхъ казеннымъ денежнымъ операціямъ. Сколько разъ корпусные командиры доводили прямо до Высочайшаго свѣдѣнія о замѣченныхъ ими безпорядкахъ въ снабженіи войскъ, вынуждая интендантство и комисаріатъ къ постоянной осторожности. Нынѣ командующій войсками въ округѣ есть въ тоже время предсѣдатель хозяйственнаго управленія, довольствующаго войска. Конечно, онъ не станетъ торопиться доносить верховной власти о своемъ же собственномъ упущеніи; онъ постарается, вѣроятно, исправить его насколько возможно, но также точно постарается скрыть упущеніе насколько исправленіе окажется уже неисполнимымъ. Возможно-ли требовать отъ природы человѣка, даже самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ, безпристрастнаго обличенія самого себя? Жалоба на интендантство самому интенданту никогда не считалась въ государственномъ порядкѣ и не могла считаться достаточнымъ обезпеченіемъ. Между тѣмъ, нынѣшній командующій огругомъ, замѣнившій для войскъ ихъ прямаго защитника, корпуснаго командира, утверждающій всѣ мѣры по хозяйственной части, до такой степени сливается съ окружнымъ интендантомъ, что подчиненные не имѣютъ никакой возможности отличить волю одного отъ воли другаго. Кому же и на кого имъ жаловаться?

Уничтоженіе дѣйствительнаго контроля самихъ войскъ, служившаго первымъ обезпеченіемъ, и упраздненіе власти, есто-

Digitized by Google

ственно стоявшей за ихъ интересы и составлявшей второе обезпеченіе — вотъ два улучшенія, придуманныя системою 1862 года въ отношеніи доброкачественности довольствія арміи.

Таковы же новыя мѣры, принятыя для огражденія казеннаго интереса.

Нынѣшній генералъ-интендантъ не отвѣтственъ за бюджетъ своего вѣдомства, потому что онъ не хозяинъ, а только высшій контролеръ, даже трудно сказать, что онъ собственно такое; онъ никогда не имѣетъ современныхъ свѣдѣній о казенныхъ оборотахъ. Хозяева—14 окружныхъ интендантовъ. Во-первыхъ, всякому понятно, что выборъ 14-ти самостоятельныхъ распорядителей государственной казны, совершенно благонадежныхъ по характеру, способности и знанію дѣла, вмѣсто 4-хъ, оказывавшихся достаточными, не только гораздо затруднительнѣе, но даже едва-ли возможенъ; мы видѣли въ послѣднее время нѣкоторыя назначенія, о которыхъ прежде нельзя было и подумать, и не удивлялись; откуда взять такое число отборныхъ людей? Во-вторыхъ, ни одинъ изъ окружныхъ интендантовъ не можетъ отвѣчать за общій бюджетъ, потому что занимаясь дѣлами только своей мѣстности, не имѣетъ средствъ покрывать высокія цѣны одной полосы низкими цѣнами другой. Окружной интендантъ устанавливаетъ лишь среднія цѣны своего округа, отчего случалось, что на пограничной чертѣ между двумя округами, на одномъ и томъ же базарѣ, за одинъ и тотъ же куль муки, комиссіонеръ съ праваго берега рѣки выводилъ по книгѣ цѣну въ 3 рубля, а комиссіонеръ съ лѣваго берега—въ 6 рублей. Если же различныя интендантства захотѣли бы производить операціи въ дешевыхъ мѣстностяхъ внѣ своихъ районовъ, то ненаправляемыя общимъ планомъ, возможнымъ только для бывшаго центральнаго департамента, они могли бы своимъ неразсчитаннымъ соперничествомъ сейчасъ же поднять цѣны и тамъ. Послѣдствіе очевидно: въ настоящее время никто не отвѣчаетъ за общій балансъ военно-хозяйственной части. Такое отсутствіе отвѣтственности относится не къ одному интендантству; оно простирается, вслѣдствіе окружной системы, на всѣ части военнаго вѣдомства, расходующія казенныя деньги. Поставьте въ такую обстановку самое маленькое частное хозяйство,—расходъ возрастетъ непомѣрно. Удивительно-ли, если съ 1862 года онъ быстро увеличивается по всѣмъ военно-хозяйственнымъ отраслямъ, безъ

Digitized by Google

улучшенія, часто еще съ ухудшеніемъ качества продуктовъ. Много-ли на свѣтѣ людей, готовыхъ не спать ночи за казенный, т.-е. въ сущности чуждый имъ, интересъ, когда на нихъ не лежитъ прямой за него отвѣтственности?

Для обезпеченія государственнаго интереса поставленъ окружной совѣтъ, изъ всѣхъ начальниковъ отдѣловъ различныхъ управленій,—подобно тому, какъ въ прежнихъ хозяйственныхъ департаментахъ существовало общее присутствіе. Но разница между ними та, что члены общихъ присутствій знали всѣ болѣе или менѣе дѣло, къ которому были приставлены; въ окружномъ же совѣтѣ, главный докторъ вовсе не знаетъ толку въ кожевенномъ товарѣ и въ пушкахъ, артиллеристъ—въ медикаментахъ, интендантъ—въ строительномъ искусствѣ, инженеръ—въ цѣнахъ на крупу, членъ отъ военнаго министерства—ни въ чемъ. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ однакожъ полный вѣсъ по всѣмъ частямъ, и медикъ, перевѣсомъ одного голоса, можетъ рѣшить и въ дѣйствительности рѣшаетъ дѣла о вооруженіи крѣпостей и о способахъ интендантскихъ заготовленій. Очевидно, подобное столкновеніе людей, изъ которыхъ одинъ только понимаетъ докладываемое дѣло, именно свое собственное, затормазило бы всякое обсужденіе, еслибъ оно не разрѣшалось на практикѣ очень простымъ способомъ. Медикъ знаетъ, что онъ можетъ помѣшать артиллеристу, но знаетъ также, что артиллеристъ, въ свою очередь, можетъ помѣшать ему; а потому начальники окружныхъ отдѣловъ по-неволѣ не мѣшаются въ распоряженія товарищей, каждый изъ нихъ проводитъ что хочетъ и какъ хочетъ; командующій же войсками—какъ строевой генералъ, а не спеціалистъ—въ громадномъ большинствѣ случаевъ, полагается на совѣтъ и нравственно не можетъ поступить иначе. Рѣшеніе совѣта снимаетъ всякую отвѣтственность съ исполняющаго лица, такъ-что каждый изъ 14 окружныхъ совѣтовъ, составленныхъ вышепоказаннымъ способомъ, облеченъ de facto властію, отнятою недавно у главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею. Конечно, начальники окружныхъ отдѣловъ, по своему служебному положенію, имѣютъ право на довѣріе. Но вѣдь они люди; а человѣкъ, поставленный въ такія исключительныя условія—твердо огражденный, съ одной стороны, номинальнымъ контролемъ, а съ другой—нисколько имъ не связанный, можетъ увлечься далеко. Сопоставленіе трехъ нововведеній, придуманныхъ системою 1862

Digitized by Google

года—упраздненіе общаго распорядителя и прямаго отвѣтчика по военно-хозяйственной части, раздробленіе заготовительныхъ операцій по округамъ, не позволяющее ясно свести концы съ концами, и замѣна дѣйствительнаго контроля призрачнымъ, въ лицѣ окружныхъ совѣтовъ,—безъ единаго личнаго отвѣтчика, объясняетъ само собой, почему содержаніе солдата, разсчитанное по числу людей, содержимыхъ въ мирное время, и общей цифрѣ бюджета, составляло въ 1859 году 104 рубля, а въ 1873 составляетъ 225 рублей *). Увеличеніе расходовъ на техническую часть, усиленіе содержанія и довольствія, вздорожаніе припасовъ—составляютъ лишь нѣкоторую часть въ этомъ непомѣрномъ приращеніи расхода. Остальное, очевидно, падаетъ на систему, расплодившую непомѣрное число чиновниковъ и снявшую, въ тоже время, съ каждаго изъ нихъ личную отвѣтственность.

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ теперь обезпеченіе доброкачественнаго довольствія арміи; видѣли также, въ чемъ заключается обезпеченіе казеннаго расхода. Дѣло идетъ не о личномъ взглядѣ на современное военно-хозяйственное устройство, а о логическомъ выводѣ послѣдствій изъ данныхъ основаній. Всякій, не имѣющій повода отвращать глаза отъ сути дѣла, можетъ судить самъ: слѣдовало ли ломать дѣйствительный контроль пріемщиковъ и дѣйствительную отвѣтственность начальниковъ, единственно возможный противовѣсъ, сдерживавшій съ двухъ концовъ соблазнъ адинистративно-хозяйственной службы, чтобы замѣнить его гарантіей сложнаго, дорогаго и мартваго канцелярскаго механизма, надъ страхами котораго давно уже смѣются даже дѣти хозяйственныхъ вѣдомствъ, не только отцы!

Съ учрежденіемъ окружной системы, мѣстныя управленія—артиллерійскія, инженерныя, хозяйственныя, устроенныя въ нѣсколькихъ пограничныхъ пунктахъ, гдѣ они постоянно оказывались необходимыми, или въ мѣстностяхъ, откуда исключительно добываются потребныя для военнаго вѣдомства произведенія—разбросаны нынѣ симетрически по всему пространству имперіи. Давно извѣстно, что симетрія (изобрѣтеніе чисто

*) Надо вспомнить, что въ 1854 году, кромѣ текущихъ расходовъ военнаго вѣдомства, тратились огромныя суммы на перевооруженіе арміи и на окончаніе кавказской войны.

Digitized by Google

французскаго вкуса) всегда противорѣчитъ дѣйствительной потребности; ясно почему. Въ Россіи же, гдѣ три четверти государства не подвержены опасности непріятельскаго вторженія со дня смерти Мамая, гдѣ естественныя произведенія разбросаны такъ разнообразно, что одна какая-нибудь полоса снабжаетъ ими всю имперію, гдѣ промышленное производство скучено почти исключительно въ одномъ округѣ,—симетрическое расположеніе спеціальныхъ военныхъ управленій составляетъ вопіющее противорѣчіе дѣйствительности; тѣмъ болѣе, что большія казенныя заведенія, какъ оружейные и пороховые заводы, остаются подъ опекой центральнаго вѣдомства. Равномѣрное распредѣленіе военно-административныхъ силъ по всей имперіи ослабляетъ въ значительной мѣрѣ ихъ дѣятельность тамъ, гдѣ она дѣйствительно нужна, и ведетъ только къ лишнему расходу тамъ, гдѣ въ ней нѣтъ надобности.

Неужели итогъ всѣхъ вышеуказанныхъ хозяйственныхъ преобразованій составляетъ въ самомъ дѣлѣ улучшеніе? Вѣдь такому утвержденію, какъ бы беззастѣнчиво оно ни высказывалось, противорѣчатъ и логическій выводъ, и очевидные вещественные результаты, и общій голосъ лицъ, прикосновенныхъ къ нынѣшней военно-хозяйственной части. Защитники окружной системы тѣшатъ только себя, говоря о плачѣ стараго комисаріатскаго чиновника надъ прежними порядками. Ему не изъ-за чего плакать. Еслибъ эти защитники хоть разъ въ жизни вышли изъ канцеляріи и взглянули на дѣйствительность, они увидѣли бы, какъ старые чиновники хозяйственныхъ вѣдомствъ плачутъ только о дряхлости, не позволяющей имъ послужить въ такое хорошее для нихъ время, какъ нынѣшнее. Въ былую пору они совершали злоупотребленія, но попадались очень часто, потому что надъ ними стоялъ надзоръ со стороны, независимый отъ военной администраціи, ничего имъ не спускавшій. Теперь они не попадаются никогда—не отъ того конечно, чтобъ злоупотребленія стали рѣже—а по той простой причинѣ, что никто не отдастъ самъ себя подъ судъ.

Какъ же станутъ дѣйствовать новыя учрежденія, лишенныя, по самой сложности своей, способности къ энергіи и быстротѣ, въ военное время, котораго онѣ еще не видали, когда малѣйшее затрудненіе принимаетъ вдругъ размѣръ громаднаго препятствія? До какихъ мильярдовъ возрастетъ при этомъ государственная затрата?

Digitized by Google

Между тѣмъ улучшеніе хозяйственной части выставлялось единственнымъ понятнымъ поводомъ къ разрушенію нашего почти двухъ-вѣковаго военнаго устройства. Этому воображаемому улучшенію были принесены въ жертву и очевидныя боевыя удобства, и историческій закалъ войска, и отчасти даже средства, необходимыя для веденія войны. Не смотря на возрастаніе военнаго бюджета въ 14 лѣтъ со 106 милліоновъ при 919 тысячахъ войска (въ 1859) на 165½ (кромѣ добавочныхъ кредитовъ) при 734 тыс. солдатъ (въ 1873), наше развитіе по вооруженію; по устройству крѣпостей, по пороховому производству, по госпитальной части, также какъ по всѣмъ прочимъ предметамъ собственно-военнаго дѣла, находится еще на полупути, между тѣмъ какъ оно вездѣ уже и при меньшихъ средствахъ давно окончено—въ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи, даже въ Турціи. Чѣмъ окупаются такія упущенія? Система 1862 года пожертвовала всѣмъ для хозяйственной части, но въ то же время понизила ее въ качествѣ едва ли не болѣе прочихъ частей своего вѣдомства, пожертвованныхъ для хозяйства.

Иначе не могло быть. Въ началѣ преобразованій многіе, не слишкомъ надѣявшіеся на вѣрность военнаго взгляда возникавшей системы, оправдывали ее ожиданіемъ серьезныхъ улучшеній хозяйственныхъ. Но хозяйственная часть, также какъ и чисто военная, требуетъ не кабинетныхъ теорій, а житейскаго опыта, практическихъ знаній и пріемовъ и вѣрной оцѣнки людей. Безъ пониманія человѣческаго сердца нельзя строить ничего прочнаго на свѣтѣ. Система 1862 г. не обращала вниманія на живую сторону дѣла, задавалась исключительно теоріей и вѣрила въ спасительность только механическихъ формъ дѣлопроизводства. Въ сущности ея не заключалось данныхъ для достиженія успѣха ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Выводъ этотъ истекаетъ изъ явнаго опыта. Мы можемъ закончить имъ разборъ проектовъ военнаго министерства и окружной системы съ ея послѣдствіями.

Digitized by Google

Театръ войны

на Черноморскомъ прибрежьѣ.

1870 г.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1870 г. напечатана статья «Развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ». Авторъ защищаетъ стратегическія дороги, вошедшія уже въ росписаніе, и потому, надо думать, воспроизводитъ офиціальные доводы. Онъ отстаиваетъ слѣдующимъ образомъ дорогу, составляющую предметъ этой статьи.

«Связь съ Крымомъ должна быть вполнѣ надежна, должна быть обезпечена отъ возможно большаго числа случайностей. Между тѣмъ, ведя линію отъ Кременчуга черезъ Бериславъ и Перекопъ, мы не имѣли бы ни одной части дороги, вполнѣ огражденной отъ рисковъ... При нѣкоторыхъ, положимъ, исключительныхъ условіяхъ, мы можемъ быть вынуждены, хотя временно, отойдти отъ Одессы и Николаева къ Днѣпру, тогда и остальная часть дороги, лежащей по западному его берегу, можетъ очутиться во власти противника... Совсѣмъ иныя условія Чонгарской линіи. Чтобы аттаковать судами самую Чонгарскую переправу, нужно сперва прорваться въ Азовское море, и затѣмъ прорваться еще въ Сивашъ. Это, конечно не абсолютно не возможно. Но есть основаніе думать, что подъ Керчью непріятель встрѣтитъ второй Севастополь». И такъ далѣе. Ясно, что мѣры для обороны Крыма, высказываемыя «Русскимъ Инвалидомъ», имѣютъ въ виду союзную армію 1855 года. Неговоря покуда объ основательности такого взгляда и о заключеніяхъ, къ которымъ онъ приводитъ, надобно прежде всего замѣтить слѣдующее:

Digitized by Google

Стратегическія военныя дороги стоятъ въ Россіи въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Вслѣдствіе огромности государства, всѣ наши дороги длинны, сооруженіе ихъ требуетъ большихъ капиталовъ, а потому ни одна самостоятельная дорога не можетъ служить собственно военнымъ цѣлямъ не только исключительно, но даже преимущественно. На русской почвѣ, каждую стратегическую линію приходится растягивать на сотни верстъ и тратить на нее десятки милліоновъ. Если подобное предпріятіе не окупается, т. е. мало полезно въ другихъ отношеніяхъ, то осуществить его—значило бы буквально возвысить текущій военный бюджетъ десятками милліоновъ. Бюджетъ этотъ возросъ въ 9-ть лѣтъ съ 97 милліоновъ на 140; а если еще увеличивать его ежегодною приплатою гарантіи на бездоходныя, чисто стратегическія дороги, то онъ станетъ, наконецъ, изъ бюджета военнаго—цѣлымъ государственнымъ бюджетомъ и все остальное придется содержать посредствомъ благоразумной экономіи. Кромѣ того, изъ частыхъ жалобъ военнаго вѣдомства, (заявленныхъ въ его же собственныхъ изданіяхъ) на недостаточность средствъ по разнымъ предметамъ и до сихъ поръ неудовлетворенныя нужды арміи,—видно ясно, что лишніе милліоны, если бы таковые оказались, нашли бы себѣ болѣе спѣшное употребленіе, даже по военной части, чѣмъ поддержаніе сомнительныхъ стратегическихъ линій. По всему этому у насъ можно принять за аксіому слѣдующее: если военная желѣзная дорога нужна дѣйствительно, (что слѣдуетъ строго доказать), то она все таки немыслима, какъ самостоятельная линія значительнаго протяженія. Можно строить какую нибудь соединительную вѣтвь, придающую двумъ торговымъ путямъ стратегическое значеніе, котораго они не имѣли бы безъ нея; можно въ военныхъ видахъ, давать нѣкоторое уклоненіе, вновь закладываемымъ желѣзнымъ путямъ, если уклоненіе не подрываетъ главной ихъ цѣли—но и только. Такъ дѣлалось до сихъ поръ. Одна лишь петербургско-варшавская дорога построена съ цѣлію болѣе военно-политическою, чѣмъ торговою, вслѣдствіе особенной ея важности; за то же она долго не окупалась. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ относиться очень строго къ проектамъ стратегическихъ дорогъ и оцѣнивать ихъ непремѣнно по двумъ условіямъ: чтобы потребность въ дорогѣ была дѣйствительно настоятельная и чтобы дорога не требовала приплаты, была прежде всего доро-

Digitized by Google

гою торговою, а потомъ уже военною. Единственное исключеніе, намъ сказано--какая нибудь короткая соединительная вѣтвь съ чисто военною цѣлію. Но и въ такомъ случаѣ самое благоразумное—по одёжкѣ протягивать нóжки. Если за какимъ нибудь пунктомъ признано важное военное значеніе, то и тогда лучше соединять его съ ближайшею точкою желѣзной дороги, чѣмъ строить къ нему болѣе длинный, хотя, можетъ быть, и болѣе удобный путь. Такимъ образомъ останутся средства и на другіе, одинаково важные пункты, а у насъ ихъ много. Лучше быть достаточно сильнымъ вездѣ, чѣмъ совсѣмъ сильнымъ въ одномъ мѣстѣ и совсѣмъ слабымъ во всѣхъ прочихъ. Конечно, со временемъ явятся желѣзныя дороги всюду, гдѣ онѣ нужны, но непріятель не станетъ дожидаться окончанія ихъ; надобно стараться сдѣлать возможно больше—къ неизвѣстному часу.

Все сказанное примѣняется буквально къ Крымской дорогѣ, недавно утвержденной, но примѣняется едвали не въ обратномъ смыслѣ. Дорога будетъ имѣть отъ Харькова до Севастополя 819 верстъ протяженія, и въ Чонгарѣ раздѣлится (какъ говоритъ «Инвалидъ») на двѣ вѣтви — севастопольскую и керченскую. Въ выборѣ этого направленія выражается особенно ярко, по моему мнѣнію, отсутствіе условій, при которыхъ наши стратегическія дороги становятся возможными и необременительными, т.-е. тѣ именно условія, при которыхъ дороги могутъ легко переходить изъ проектовъ въ дѣло. Крымъ удаленъ отъ центровъ государства, отрѣзанъ отъ нихъ широкою степною полосою; между тѣмъ, оборона полуострова требуетъ, чтобы онъ былъ связанъ съ этими центрами, для торговли также нуженъ путь къ нему. Разстояніе большое. При этихъ условіяхъ, очевидно, лучшее, что можно сдѣлать — связать полуостровъ съ ближайшимъ пунктомъ, существующихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя въ виду преимущественно дешевизну и торговыя потребности, чтобы дорога не отозвалась приращеніемъ (въ сущности, хотя не по названію) военнаго бюджета. Въ готовой сѣти желѣзныхъ дорогъ есть пункты значительно болѣе близкіе къ Севастополю, конечному пункту дороги, чѣмъ станція Лозовая. Военная дорога въ Крымъ, каково бы ни было ея направленіе, одинаково удовлетворитъ главной цѣли — сообщенію. Конечно, въ военномъ смыслѣ выгоднѣе имѣть дорогу спеціально-соображенную съ своимъ назначеніемъ. Но было бы еще вы-

Digitized by Google

годнѣе имѣть въ Балтійскомъ морѣ флотъ, неуступающій англійскому; мало ли что выгодно. Оборона государства, безъ сомнѣнія великая вещь; если необходима жертва для этой цѣли, то ее должно принести. Но въ данномъ случаѣ вопросъ состоитъ именно въ необходимости жертвы. Я не знаю офиціальныхъ записокъ по этому предмету, но сущность ихъ видна достаточно даже изъ краткихъ доводовъ «Инвалида». Будетъ весьма поучительно разобрать эти доводы.

Изъ словъ «Инвалида» видно, что авторъ обороняетъ Крымъ противъ союзной арміи 1855 года; всѣ заключенія его истекаютъ изъ событій восточной войны.

Не знаю почему, но у насъ, и только у насъ однихъ въ свѣтѣ, всякое крупное военное событіе, и свое и чужое, не только принимается къ свѣдѣнію, какъ вездѣ, но становится руководящимъ началомъ, къ которому все пригоняется въ текущій за тѣмъ періодъ времени; такъ идетъ до новаго подобнаго же событія, становящагося, въ свою очередь, новымъ образцомъ. Къ руководству принимаются не только дѣйствительно важныя и всеобщія стороны дѣла, освѣщенныя событіями, но самыя случайныя черты вовсе не подходящія ни къ народному складу, ни къ вѣроятному будущему. Такъ было послѣ восточной войны, такъ стало и послѣ австро-прусской. Но какъ Кениггрецкій походъ не пролилъ новаго свѣта на событія, могущія произойти въ черноморскомъ бассейнѣ, то въ этомъ послѣднемъ отношеніи держатся еще заключеній, выводимыхъ изъ войны 1853—56 годовъ, хотя этотъ исключительный примѣръ вовсе не приложимъ къ обыденному положенію дѣлъ. Однакоже, онъ глубоко заронилъ сѣмя въ нѣкоторыхъ умахъ. Вслѣдствіе его именно, какъ кажется, оборонительная война возведена въ принципъ, хотя оборонительная война 1854—55 гг. была единственнымъ исключеніемъ въ нашей исторіи со временемъ Петра Великаго, хотя оборнительная война можетъ выпасть намъ на долю только вслѣдствіе непростительныхъ политическихъ ошибокъ и ничего другаго, даже не случая. Но тѣмъ не менѣе, такъ какъ взглядъ на оборону Крыма и другихъ южныхъ предѣловъ Россіи основываютъ теперь преимущественно на примѣрѣ восточной войны, то приходится по неволѣ представить сжатый очеркъ этой войны, разложить ее на составные элементы.

Когда рѣчь идетъ объ оборонѣ, то прежде всего возни-

Digitized by Google

каетъ вопросъ—противъ кого? Будущее неизвѣстно, но только далѣе нѣкоторыхъ предѣловъ. Каждое государство знаетъ приблизительно, съ кѣмъ и по какимъ поводамъ оно можетъ воевать. При такомъ соображеніи нельзя никакъ руководствоваться послѣднимъ событіемъ, — надобно взвѣсить прежде, что это было за событіе. Странно основывать мѣры къ оборонѣ черноморскаго побережья на разсчетѣ силъ коалиціи 1855 г. Повтореніе такого событія просто невозможно.

Какимъ образомъ дошло до войны въ Крыму, ставшемъ вдругъ изъ глухаго угла, какимъ онъ былъ и всегда будетъ, театромъ всесвѣтной борьбы? Не смотря на кажущуюся путаницу событій того времени, подкладка этого дѣла такъ проста, что ее можно очертить нѣсколькими словами. Война вспыхнула неожиданно, потому что начиналась изъ-за незначительныхъ требованій, которыя не возбудили бы никакого шума нѣсколькими годами ранѣе, когда во Франціи царствовалъ миролюбивый Луи Филиппъ. Австрія, считаемая нашимъ другомъ, ловко воспользовалась этимъ страннымъ заблужденіемъ и новымъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, чтобъ жарить каштаны, не обжигая лапъ. Все это извѣстно, но дѣло въ томъ, что не помышляя о войнѣ, не вѣря ей, мы впутались въ борьбу совершенно нежданно, не готовясь, не соразмѣривъ средствъ съ цѣлію и потому не могли дать военнымъ дѣйствіямъ направленія, которое дали бы имъ, еслибъ задумали это дѣло сознательно. Вышло, что мы отставали отъ союзниковъ въ средствахъ къ веденію войны по крайней мѣрѣ годомъ, такъ что наше военное развитіе въ 1854 году соотвѣтствовало только потребностямъ 1853, а въ 1855 потребностямъ 1854 года. Не рѣшившись на дессантъ въ Константинополь и на средоточеніе силъ противъ Австріи пока было можно, потому именно, что мы вовсе не имѣли въ виду такихъ серьезныхъ цѣлей. мы были вынуждены соразмѣрять начало своихъ вооруженій съ готовыми уже вооруженіями союзниковъ и, вслѣдствіе того, должны были рабски ступать по ихъ слѣдамъ, довольствоваться пассивною обороною. Французы пошли въ Турцію не для удовольствія внести войну въ Черное море — театръ неудобный, дорогой и немогшій привести ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ; а потому лишь, что они хотѣли войны во что бы то ни стало, съ цѣлію разорвать священный союзъ. Австрія же довольствовалась вооруженнымъ нейтралитетомъ и не пу-

Digitized by Google

скала ихъ къ себѣ; имъ не было другого выбора. Занявъ княжества въ видѣ демонстраціи, нашу южную армію продержали 9 мѣсяцевъ въ бездѣйствіи на Дунаѣ, для того, чтобы избѣжать серьезной войны, а потомъ двинули ее за Дунай по ододной лишь причинѣ — по невозможности податься политически, безъ ущерба, въ какую бы то ни было сторону. Это была опять не война, а новая демонстрація; нельзя было серьезно думать объ Адріанополѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что эта демонстрація обратилась намъ въ ловушку. Стоя за Дунаемъ и не имѣя готовой наступательной арміи на Вислѣ, мы не могли отказать Австріи ни въ чемъ. Она заставила насъ безотговорочно воротиться въ свои предѣлы, и стала стѣною между нами и союзниками, собранными въ Турціи, такъ что съ этой стороны столкновеніе вышло невозможнымъ. Союзныя войска пріобрѣли полную свободу дѣйствій. Надо думать, что съ тѣхъ поръ, какъ начались войны на свѣтѣ, подобное явленіе произошло въ первый разъ: сильное войско, собранное противъ врага еще сильнѣйшаго, и вдругъ безъ мира избавленное отъ всякой заботы о непріятельской арміи, свободное направить ударъ, куда ему вздумается. Тутъ оказывалось не положеніе обыкновениаго дессанта, вольнаго гулять по морю—союзники не бросили бы Турцію, еслибъ намъ былъ открытъ туда доступъ, — но исключительная постановка вещей, происшедшая изъ ряда политическихъ промаховъ. Въ то время Севастополь съ черноморскимъ флотомъ стоялъ ежечасною опасностію для Турціи,— союзники естественно направили первый ударъ на Севастополь. Они разбили слабое войско, имъ противоставшее, промахнулись, не взявши съ перваго шага неукрѣпленный городъ; но сами имѣли время укрѣпиться на удобной береговой позиціи, пока противъ нихъ стягивались достаточныя силы. Силы эти собирались очень медленно, вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ, на которыя стоитъ указать 1). Въ Крымъ могли придти подкрѣпленія, способныя къ полевой войнѣ, только изъ дунайской арміи, стоявшей въ Бессарабіи. Если бы въ то время существовала даже желѣзная дорога извнутри Россіи въ Крымъ, то она все таки не могла бы доставить туда боевыхъ войскъ, какъ недоставила бы ихъ и теперь, потому что въ разгарѣ войны боевыхъ войскъ нѣтъ внутри государства: есть только резервы, годные для гарнизоновъ. А между Днѣстромъ и Крымомъ не существовало, какъ не существуетъ и теперь, и не

Digitized by Google

предполагается даже, никакого скородвижнаго пути; между тѣмъ какъ все сѣверное прибрежье Чернаго моря составляетъ очевидно одинъ военный театръ. Въ настоящую пору случилось бы то же самое даже при лозово-севастопольской дорогѣ, которая не помогла бы нисколько въ подобную спѣшную минуту. 2) Въ началѣ восточной войны не было соблюдено мудрое правило, руководившее до тѣхъ поръ нашими войсками,— высшее начальствованіе на всемъ возможномъ театрѣ войны противъ одного и того же врага (въ данномъ случаѣ на всемъ черноморскомъ бассейнѣ, кромѣ Кавказа), не было объединено въ однѣхъ рукахъ. Командовавшій въ Крыму былъ вполнѣ не зависимъ отъ командовавшаго на Прутѣ и въ Новороссіи. Не распространяясь много объ этомъ обстоятельствѣ, скажу только, что у насъ на такой конецъ всегда существовало правило, сначала въ обычаяхъ и преданіяхъ, потомъ вписанное въ уставы (нынѣ вовсе отмѣненное) о командующихъ частными арміями, подчинявшихся единому главнокомандующему, когда онѣ входили въ его районъ дѣйствій. Командующій частною арміею, имѣя свое особое дѣло, оставался самостоятельнымъ начальникомъ, по тѣхъ лишь поръ, пока главнокомандующій это допускалъ. Такимъ образомъ единство сохранялось на всемъ протяженіи войны и всякая масса войскъ, даже выдѣленная особой арміей, была обезпечена въ поддержкѣ прочихъ. Это учрежденіе составляло краеугольный камень нашей военной системы и доставляло намъ великое преимущество. Будь весь черноморскій бассейнъ сосредоточенъ въ рукахъ одного главнаго полководца, этотъ полководецъ, отвѣчая за Крымъ въ такой же мѣрѣ какъ и за Бессарабію, устремился бы немедленно туда, гдѣ грозила опасность. Союзники появились уже въ Крыму, стало быть не могли одновременно угрожать Бессарабіи; для удержанія оставшихся за Дунаемъ турокъ не нужно было большихъ силъ; съ австрійцами войны не было и она не могла вспыхнуть мгновенно. По первому извѣстію о высадкѣ, единый главнокомандующій повелъ бы въ Крымъ силы, достаточныя для того, чтобы сбить союзниковъ на первыхъ порахъ. Отдѣльный командующій арміею, отвѣчающій только за свою мѣстность, не имѣлъ особаго побужденія торопиться и дожидался приказаній свыше. Когда подкрѣпленія прибыли, непріятель также ихъ получилъ и твердо уже стоялъ на своей позиціи.

Digitized by Google

О дальнѣйшемъ ходѣ Крымской войны нечего много говорить. Даже въ этомъ стѣсненномъ положеніи, мы могли бы побить непріятеля, еслибы пользовались выгодами своей сосредоточенной позиціи и ломили впередъ по-русски, вмѣсто хитросплетенныхъ обходныхъ движеній, производившихся безъ настойчивости и раздроблявшихъ наши силы. Солдаты чуть не плакали всякій разъ, когда, сбивши непріятеля на большой вылазкѣ, получали приказаніе отступить въ городъ. Лѣтомъ 1855 года безъисходный споръ шелъ уже только объ одномъ вопросѣ: кто привезетъ больше бомбъ, союзники ли моремъ или мы на почтовыхъ тройкахъ? Въ то время какъ и теперь, для устраненія этого неравенства, было бы достаточно, чтобы какая нибудь желѣзная дорога связывала Крымъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и съ центрами государства. Въ военномъ отношеніи было бы всего выгоднѣе, чтобы эта дорога, или отростки ея связывали Крымъ съ Прутомъ. Въ смыслѣ продовольствія и снабженія, какъ сказано, всякая дорога изнутри Россіи удовлетворила бы потребностямъ 1855 года. Еслибы эти двѣ дороги съ Прута и изъ Россіи связывались вмѣстѣ, наше положеніе было бы превосходнымъ.

Но въ настоящую пору оказалось бы фантазіею, если не больше, примѣнять крымскую дорогу къ обстоятельствамъ 1855 года. Мы видѣли, какой рядъ исключительныхъ условій былъ нуженъ для того, чтобы Крымская война могла осуществиться. Не представься хоть одно изъ этихъ условій и война не разразилась бы въ Крыму. Для этого было бы нужно.

1) Чтобы мы снова возымѣли намѣреніе ломиться въ Турцію въ обходъ Австріи, не смотря на очевидную невозможность такого дѣла.

2) Чтобы Франція хотѣла опять войны для войны и рѣшилась для того оголить себя, сосредоточить всѣ свои силы хоть на краю свѣта, даже снова въ Черномъ морѣ.

3) Чтобы въ это время Пруссія, по старой дружбѣ къ сосѣдкѣ, поручилась за неприкосновенность рейнской границы.

4) Чтобы мы опять ввязались въ войну нечаянно и, не бывши готовыми, не могли бы вовсе направлять ее въ нашихъ видахъ.

5) Чтобы мы снова поддались въ ловушку 1854 года, дали бы австрійцамъ стать между нами и силами коалиціи, предоставляя послѣднимъ полную свободу дѣйствій.

Digitized by Google

6) Чтобы существовалъ севастопольскій портъ съ черноморскимъ флотомъ, естественно привлекавшій на себя первый ударъ этой праздной арміи.

Если же хотя одно изъ этихъ мудреныхъ условій, мудреныхъ даже поодиночкѣ, не состоится то ради Создателя, какая же коалиція придетъ въ Крымъ и что она будетъ тамъ дѣлать?

Можно смѣло сказать: если бы вздумалось теперь стараться возобновить событія 1854 года, нарочно играть такою игрою, чтобы привлечъ въ Крымъ стотысячную непріятельскую армію, то это оказалось бы невозможнымъ. Противъ кого же такія страшныя приготовленія, бросаніе лишнихъ милліоновъ на самую безопасную дорогу и грозную Керчь, этотъ новый Севастополь, какъ называетъ ее «Инвалидъ»? Укрѣплять Крымъ противъ коалиціи 1855 года, все равно, что укрѣплять Полтаву противъ новой осады Карла XII.

Это не значитъ, чтобы не нужно было принимать заблаговременныхъ мѣръ къ оборонѣ Крыма и всего черноморскаго прибрежья; но мѣры эти должны быть сообразованы съ дѣйствительною, ожидаемою, а не съ прошлою опасностію; ихъ надобно поставить въ разрядъ, соотвѣтствующій сущности дѣла, чтобы не тратить въ одномъ мѣстѣ лишняго, когда въ другомъ недостаетъ необходимаго.

Война изъ-за Турціи можетъ вспыхнуть завтра, но рѣшительныя дѣйствія разыграются въ такомъ случаѣ на западной границѣ, а никакъ не на Черномъ морѣ. Предположимъ самый опасный случай—еслибъ мы были вынуждены встать внезапно, безъ всякаго союзника, противъ европейской коалиціи какъ въ 1854 году. Кто же не видитъ, что главная наша опасность въ этомъ случаѣ, прежде и болѣе всего—Польша съ Западнымъ краемъ, потомъ Закавказье, Финляндія—страны, въ которыхъ непріятелю надобно взять верхъ на одинъ мигъ, чтобъ все двинулось въ его пользу. Въ первый періодъ войны силы европейской коалиціи никакъ не станутъ стягиваться въ европейской Турціи, такъ какъ имъ не будетъ никакого повода въ это время заботиться объ ея участи. Мы не пойдемъ, съ перваго же шага, на перекоръ смыслу и опыту, очевидному для ребенка, воевать за Дунаемъ въ обходъ Австріи. Прежде чѣмъ идти на турокъ въ Европѣ, намъ надобно завоевать это право цѣною большихъ побѣдъ. Европейскія арміи, въ

Digitized by Google

свою очередь, пойдутъ туда, гдѣ для нихъ есть цѣль и рѣшительные пункты, а не туда гдѣ имъ нечего дѣлать. Какъ и куда, это зависитъ отъ многихъ условій, но условій предвидимыхъ даже безъ особой зоркости. Но въ такомъ случаѣ, безъ матеріальной поддержки Европы, война на Черномъ морѣ становится мѣстною, происходитъ между двумя сосѣдними сторонами—Россіею и Турціею. Нельзя ручаться, конечно, чтобъ турки не были поддержаны какимъ нибудь европейскимъ дессантомъ. Англія, напримѣръ, безсильная въ сухопутной европейской войнѣ, можетъ послать подкрѣпленіе Турціи, и то едвали; при войнѣ съ Россіею, Англія пошлетъ всѣхъ своихъ лишнихъ солдатъ въ Индію, не противъ русскихъ штыковъ, а противъ вѣтра, дующаго съ сѣверной стороны; въ Индіи этотъ вѣтеръ причиняетъ, говорятъ, смертельную простуду. Но какъ бы то ни было, когда загорится у насъ война, мы увидимъ на Черномъ морѣ турокъ и можетъ быть европейскій экспедиціонный корпусъ въ 10—15 тысячъ человѣкъ, не болѣе; главныя силы турокъ будутъ заняты въ Азіи, для дессантовъ не останется ихъ черезъ чуръ много. Подвижнаго войска для морскихъ экспедицій можно предположить у непріятеля 40 тысячъ на крайній конецъ, и изъ нихъ двѣ трети турокъ, т. е. людей, бѣгущихъ поголовно, когда ихъ первая линія опрокинута. Перевозочныхъ морскихъ средствъ не наберется и на половину этихъ людей. Въ 1854 году нужно было усиленное напряженіе Англіи, Франціи и Турціи, съ наймомъ судовъ по цѣлому свѣту, чтобъ поднять 62 тысячи человѣкъ на двое сутокъ. Но положимъ, что дессантъ подымется весь; я преувеличиваю и цифры и вѣроятности, чтобы меня не попрекнули въ пристрастіи. Надобно разсмотрѣть, что можетъ имѣть въ виду подобный дессантъ въ Черномъ морѣ?

Никто не тратитъ своихъ средствъ даромъ, а такой дессантъ требуетъ огромной затраты. Надобно, чтобъ цѣль хоть сколько нибудь соотвѣтствовала издержкамъ. Можно нанести чувствительный ударъ врагу только тамъ, гдѣ по особому очертанію границы или по духу населенія, первая побѣда ведетъ къ окончательному отхвату областей; по крайней мѣрѣ къ осуществимой угрозѣ, что если-де непріятель не согласится на наши условія, то захваченныя области не будутъ ему возвращены. Для дѣйствительности такой угрозы, нужно прежде всего, чтобы существовала, нравственно и матеріяльно, воз-

Digitized by Google

можность удержать минутное завоеваніе. Конечная цѣль похода можетъ состоять также въ уничтоженіи дорого стоющихъ, требующихъ большаго времени для возобновленія, опасныхъ по своей цѣли заведеній непріятеля—каковъ былъ Севастополь. Все это понятно. Севастополь, какъ портъ и арсеналъ, не существуетъ болѣе, стало быть—по второму пункту у непріятеля нѣтъ цѣли въ Крыму. По первому пункту онъ можетъ имѣть въ виду только Закавказье. Хотя страна эта теперь трудно доступна для внѣшняго врага, потому что бывшія черкесскія горы, находясь въ нашихъ рукахъ, составляютъ неодолимую крѣпость, откуда отряды могутъ выйти на сообщеніе непріятеля, по какой бы сторонѣ горъ онъ ни пошелъ—по сѣверной или южной; потому также, что мусульманское населеніе, на которое непріятель могъ бы разсчитывать, живетъ далеко отъ Чернаго моря, окруженнаго (кромѣ одной Абхазіи) христіанскимъ, вооруженнымъ и вѣрнымъ народомъ; но, во всякомъ случаѣ, покушеніе на Закавказье со стороны моря, за одно съ наступленіемъ турецкой арміи изъ Карса, имѣетъ хоть какую нибудь возможность успѣха. По этому единственная наша опасность въ черноморскомъ бассейнѣ заключается въ Закавказьи. Тамъ преимущественно слѣдуетъ думать о военныхъ дорогахъ и укрѣпленіяхъ.

Но Крымъ, но западная половина новороссійскаго края отъ Прута до Днѣпра, которую авторъ статьи «Инвалида» думаетъ покинуть при какихъ-то особыхъ военныхъ случайностяхъ, что это такое?

Подобную тему легко было бы обратить въ забаву для читателя, но я не хочу этого, потому что авторъ статьи, въ извѣстномъ смыслѣ, не виноватъ. Онъ слѣдуетъ общему направленію, передумываетъ свою задачу по воспоминаніямъ восточной войны. На счетъ оборонительной линіи Днѣпра надо сказать слѣдующее:

Если бы мы приняли вызовъ Австріи въ 1856 году, то война сосредоточилась бы безъ сомнѣнія въ западныхъ губерніяхъ. Армія коалиціи пошла бы изъ Крыма на соединеніе съ австрійцами и, конечно, не степью черезъ Перекопъ и черезъ головы нашей Севастопольской арміи, а моремъ черезъ Одессу; для такой цѣли она пожертвовала бы, пожалуй, своимъ арріергардомъ. Тогда намъ пришлось бы, конечно, держаться на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но только нѣсколько дней, во время по-

Digitized by Google

хода союзной арміи съ берега въ Подолію. Въ силу этого воспоминанія, статья «Инвалида» прячетъ соединительную линію Россіи съ Крымомъ за Днѣпръ, чтобы не вводить непріятеля въ искушеніе. Въ военномъ дѣлѣ оказывается недостаточнымъ помнить, надобно еще соображать и предвидѣть. Кто же можетъ быть нашимъ непріятелемъ въ будущемъ со стороны Новороссійскаго края? Армія новой коалиціи? Но для этого нужно осуществленіе шести вышеприведенныхъ неосуществимыхъ условій. Австрійцы? Но развѣ, въ случаѣ войны съ Австріею, хотя бы поддержанной другими союзниками, ей будетъ время думать о наступленіи на Днѣпръ, для того единственно, надобно думать, чтобы полюбоваться порогами? И при томъ можетъ ли небольшой корпусъ предпринять такую операцію? Что же касается до цѣлой Австрійской арміи въ Новороссійскомъ краѣ—то развѣ тутъ есть человѣческій смыслъ. Передъ австрійцами лежитъ Польша, которую можно поднять поголовно, а они двинутся въ глухую степь, населенную вѣрнымъ русскимъ народомъ, гдѣ каждая пядень земли будетъ воевать за насъ? Силы Австріи сосредоточатся въ Польшѣ, часть ихъ займетъ, если сможетъ, княжества, но отбивать у насъ крымскую дорогу они не станутъ. Остаются только турки. Авторъ статьи, по всей вѣроятности, никогда не видалъ турокъ въ огнѣ; мы же видѣли, какъ 50 тысячъ фесокъ бѣгутъ отъ 9 тысячъ русскихъ солдатъ. Кромѣ того турки никогда не отличались страстію къ путешествіямъ; зачѣмъ станутъ они путешествовать на Днѣпръ, безъ дѣла? Для непріятеля, владѣющаго Чернымъ моремъ нѣтъ, конечно, невозможности захватить на нѣсколько часовъ Перекопскую дорогу выше или ниже перешейка. Но операція эта требуетъ по крайней мѣрѣ трехъ дней и сопряжена съ рискомъ, на рискъ же никто не идетъ безъ положительной цѣли; а мелкая, исправимая въ нѣсколько часовъ, порча дороги не составляетъ серіозной цѣли для непріятеля, какъ и серіознаго урона для насъ. А конечно непріятель не придетъ на дорогу, отстоящую нѣсколько десятковъ верстъ отъ берега съ тѣмъ, чтобы свить себѣ гнѣздо и построить городъ. Прятать крымскую желѣзную дорогу за Днѣпръ, изъ опасенія непріятельскаго вторженія — не значитъ писать серіозный стратегическій разборъ.

Цѣль дороги—Крымъ. Надобно разсмотрѣть въ какой мѣрѣ полуостровъ привлекаетъ къ себѣ непріятеля, какое значеніе

Digitized by Google

можетъ имѣть для насъ вторженіе туда врага и въ чемъ должна состоять оборона, соразмѣренная не съ фантастическою, а съ дѣйствительною опасностію.

Если бы непріятель могъ захватить Крымъ легко, небольшими силами и удержаться въ немъ, для чего ему надобно прежде всего овладѣть доступами на полуостровъ, то отчего же и не захватить? полуостровъ послужилъ бы выгодною статьею промѣна при мирѣ, другой цѣли у непріятеля тамъ нѣтъ. Въ Крыму не существуетъ уже ни арсеналовъ, ни доковъ, ни флота — стоявшихъ прежде какъ бѣльмо на глазу у Европы. Остается Керчь, но объ этомъ послѣ. Тѣмъ не менѣе — захватъ Крыма представляетъ всетаки какую-нибудь выгоду. Одна бѣда: удержаться на полуостровѣ съ малыми силами нельзя, большихъ — это завоеваніе не стоитъ. Чтобы стать прочно въ Перекопѣ, Чонгарѣ, на Стрѣлкѣ и блокировать Керчь, съ резервомъ сзади, непріятелю нужно отъ 40 до 50 тысячъ войска, которое при томъ не будетъ въ состояніи ступить шагу далѣе. Неужели кто-нибудь согласится пожертвовать для такой цѣли, на все продолженіе войны, 50 тысячами солдатъ? Если же согласится, то дай Богъ! у враговъ будетъ 50-ю тысячами боеваго войска менѣе, опасность дессанта въ другія, болѣе опасныя мѣстности, исчезнетъ вовсе, оборона черноморскаго прибрежья станетъ весьма покойною для насъ. А какъ участь войны порѣшится теперь, во всякомъ случаѣ, уже не въ черноморскомъ бассейнѣ, то намъ будетъ очень выгодно свалить съ плечь заботу о южномъ прибрежьѣ. Крымъ безъ Севастополя, т.-е безъ чувствительной утраты для насъ, всосетъ въ себя всю дессантную непріятельскую силу, какъ губка. Для наблюденія за 50-ю тысячами разбросанныхъ въ Крыму враговъ, достаточно держать отрядъ въ 15 тысячъ на материкѣ Таврической губерніи,—вѣдь непріятель не погонится же за нимъ до Харькова! Въ общемъ итогѣ выйдетъ преимущество надъ непріятелемъ въ 35 тысячъ солдатъ. Но къ чему тѣшить себя такими радужными мечтами! Теперь уже не найдется на свѣтѣ противника, который пошелъ бы на столь выгодную для насъ сдѣлку. Если въ его распоряженіи окажется дѣйствительный дессантъ, не то, что въ 50, а хотя въ 30 тысячъ, онъ не пожертвуетъ имъ для занятія пустаго и никому ненужнаго Крыма, найдетъ для себя цѣль гораздо болѣе намъ опасную.

Digitized by Google

Остается Керчь, новый Севастополь, по словамъ «Инвалида». Но Севастополь самъ по себѣ никого не интересовалъ, союзники интересовались только севастопольскимъ флотомъ съ принадлежностями, составлявшимъ въ рукахъ Россіи очень опасное орудіе, посредствомъ котораго она могла, когда ей вздумается, высадить войско въ Константинополѣ. Керчь же не только не составляетъ опорнаго пункта для какого-нибудь флота, но, говоря правильно, она даже не портъ, даже не приморская крѣпость. Въ Таманскій проливъ не могутъ входить 12-пушечные корветы.

Углублять Таманскій проливъ было бы работой Данаидовой бочки, ежегодные наносы Дона и Кубани засыпаютъ постепенно Азовское море и выносятся въ проливы; а всѣ видѣли, что вышло изъ хлопотъ цѣлой международной комиссіи, бившейся надъ углубленіемъ дунайскихъ гирлъ послѣ парижскаго мира. Кромѣ того, во всемъ Азовскомъ морѣ нѣтъ ничего похожаго на портъ; все оно — наводненная песчаная низменность; двухъ-мачтовыя купеческія суда не подходятъ тамъ къ берегу ближе 10 верстъ; однимъ словомъ, ни возможности устроить верфь для военныхъ судовъ, ни рейда для нихъ, ни выхода въ Черное море — ничего этого не существуетъ.

Если бы Азовское море было не лужей, а входъ въ него изъ Чернаго моря не сточною канавою — о! тогда совсѣмъ другое дѣло, тогда не Керчь была бы вторымъ Севастополемъ, а напротивъ, развѣ Севастополь назывался бы второю Керчью.

Керчь не портъ, въ ней и за нею нѣтъ и никогда не можетъ быть никакого флота. Единственное назначеніе ея — закрывать входъ въ Азовское море; польза ея равняется, математически, вреду, который непріятель можетъ нанести азовскимъ берегамъ и содержанію войска (самаго дешеваго, казаковъ или какой-нибудь милиціи), нужнаго для занятія береговъ въ случаѣ прорыва непріятеля — ни больше ни меньше. Вредъ, причиненный непріятелемъ въ Азовскомъ морѣ, въ прошлую войну, состоялъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ сожженія нѣсколькихъ лодокъ, двухъ затопленныхъ пароходовъ и двухъ пустыхъ карантиновъ. Малоцѣнность потерь, положимъ, не можетъ быть доводомъ; во всякомъ случаѣ русское правительство обязано оградить своихъ подданныхъ отъ вражескаго насилія, когда это оказывается возможнымъ. Потому надо

Digitized by Google

было укрѣпить керченскій проливъ. Но рѣчь идетъ не объ укрѣпленіи, а о первокласной крѣпости. Стратегическаго значенія эта крѣпость не имѣетъ, арсеналомъ она служить не можетъ, потому что въ военное время она будетъ заперта съ моря, а въ мирное некого оттуда снабжать. Притомъ всякая деревня на Азовскомъ морѣ, не говоря о Ростовѣ, составляетъ такое же складочное мѣсто, безопасное отъ покушеній непріятеля, когда разъ проливъ закрытъ. Все дѣло, стало быть, въ закрытіи пролива. Для этого нужны береговыя батареи и такая ограда со стороны суши, чтобы дессантъ въ 10—15 тысячъ человѣкъ не могъ взять укрѣпленіе штурмомъ. Объ осадѣ нечего говорить, потому что никто и никогда не придетъ осаждать Керчь. Такое предпріятіе не имѣетъ другой цѣли, какъ только ворваться въ Азовское море, чтобы снова сжечь два пустые карантина и нѣсколько лодокъ. Въ 1855 году союзники могли воспользоваться прорывомъ, чтобы дѣйствовать на Ростовъ и Новочеркаскъ, затрудняя наши сообщенія съ Кавказомъ; они многое могли, потому что за флотомъ стояла двухъсотъ-тысячная армія, и однако же, не рѣшились,—не такъ легко лѣзть съ палубы на русскую землю. Очевидно, есть люди, считающіе достаточнымъ поставить на морскомъ берегу валъ съ пушками, чтобы непріятель пришелъ его осаждать; непріятель, однако же, идетъ туда, гдѣ видитъ цѣль, а не туда, куда его приглашаютъ. Что же касается извѣстныхъ мнѣ доводовъ военныхъ журналовъ, то могу сказать, я самъ набилъ руку въ аргументаціи такого рода и, если угодно, представлю сильные доводы въ пользу громаднаго значенія Керчи. Читайте:

«Послѣ разрушенія Севастополя у насъ не осталось ни одного твердаго оплота на Черномъ морѣ. Мы не можемъ обойдтись безъ опорнаго пункта въ этомъ важномъ басейнѣ, имѣющемъ великое стратегическое значеніе въ системѣ общей обороны государства. Къ счастію, Азовское море вполнѣ осталось въ нашихъ рукахъ. Въ точкѣ, соединенія его съ Чернымъ моремъ лежитъ едва ли не важнѣйшій пунктъ всего южнаго бассейна. Кромѣ того, что онъ совершенно ограждаетъ входъ въ Азовское море, пунктъ этотъ, лежащій при соединеніи двухъ морей и двухъ, можно сказать, различныхъ зонъ,— Крыма, т.-е. южной Россіи, и сѣвернаго Кавказа, представляетъ уже самъ по себѣ опорную точку, одинаково важную

Digitized by Google

для крымскаго полуострова, для Кавказа и для будущаго владычества на Черномъ морѣ. Керчь ограждаетъ весь сѣверный Кавказъ, куда непріятель не рѣшится двинуться, оставляя въ тылу у себя сильную крѣпость. При тщательномъ укрѣпленіи мѣстности, чему способствуютъ многія условія, непріятель найдетъ здѣсь второй Севастополь, и проч.». Увѣряю васъ, что эта краснорѣчивая страница не выписана мною откуда нибудь—я сейчасъ ее сочинилъ.

Какъ извѣстно, занятіе Керчи союзниками въ 1855 году не повліяло ни малѣйшимъ образомъ на ходъ дѣлъ въ Крыму; пострадали только нѣкоторые прибрежные азовцы. Керчь, отрѣзанная водою отъ Таманскаго полуострова, куда непріятель можетъ высадиться безъ затрудненія и не обращая вниманія на пушки противоположнаго берега—не ограждаетъ вовсе какого либо доступа въ Крымъ; непріятель можетъ овладѣть Таманскимъ полуостровомъ, а затѣмъ пустить, сколько хочетъ, скадныхъ желѣзныхъ судовъ въ Азовское море, не заботясь о существованіи этой крѣпости, она будетъ блакирована собственнымъ своимъ положеніемъ. Керчь вовсе не прикрываетъ сѣвернаго Кавказа, какъ я написалъ на краснорѣчивой страницѣ, — во-первыхъ, потому, что не можетъ его прикрывать, во-вторыхъ, потому, что прикрывать нечего. Сѣверный Кавказъ — страна, населенная самымъ воинственнымъ народомъ въ свѣтѣ — кавказскими казаками, огражденная кавказскою арміею и притомъ страна безъ всякаго предмѣстнаго пункта, на который непріятель могъ бы направить свои усилія — степь въ тысячу верстъ. Если найдется врагъ, способный на такія умныя предпріятія, то его никакъ не слѣдуетъ отпугивать крѣпостями, напротивъ, надо отворить ему двери настежъ. Къ владычеству же на Черномъ морѣ, Керченская крѣпость имѣетъ такое же отношеніе, какъ если бы она стояла посреди Астраханской степи.

Если забывать, смотря на карту, дѣйствительность, которую она представляетъ, то Керчь — единственная наша крѣпость на Черномъ морѣ, запирающая Азовское море, точка соприкосновенія Кавказа съ Крымомъ — можетъ, пожалуй, показаться стратегическимъ пунктомъ. Но, помня дѣйствительность, въ этой крѣпости нельзя видѣть ничего другаго, какъ батарею, закрывающую входъ въ Азовскій заливъ, съ цѣлію оградить береговое населеніе отъ разбоя непріятельскихъ крей-

Digitized by Google

серовъ. Цѣль полезная, но второстепенная. Все прочее — и въ томъ числѣ стратегическія разсужденія — совсѣмъ лишнее.

Какимъ образомъ могло установиться такое понятіе? Очень просто, вслѣдствіе идеи, о которой мы уже говорили — идеи защищать Крымъ противъ фантастическихъ силъ новой коалиціи.

Я съ намѣреніемъ напиралъ на Керчь, чтобы не дать противникамъ свить въ ней гнѣздо, изъ котораго можно переиначивать прямой взглядъ на оборону Крыма. Это былъ, кажется, единственный напоръ въ настоящемъ и будущемъ на эту крѣпость. Теперь главные пункты дѣла установлены, по нимъ можно обозначить общій планъ обороны Крыма и Новороссіи, что составляетъ въ сущности одинъ и тотъ же вопросъ. Начнемъ съ Крыма. На Черномъ морѣ нельзя ждать союзной арміи 1855 года, а потому не для чего принимать чрезвычайныхъ мѣръ. Мы можемъ имѣть дѣло съ дессантомъ тысячъ 30—40, вѣроятно, съ турецкимъ, а можетъ быть съ такимъ, гдѣ турокъ будетъ двѣ трети, вотъ мѣра опасности. Единственная серьозная приманка для дессанта въ Черномъ морѣ— Закавказскій край. Крымъ безъ Севастополя не представляетъ для него важной цѣли. Въ случаѣ войны, непріятель, по своему обычаю, станетъ грабить крымскіе берега; противъ морскаго разбоя должны быть приняты тѣже мѣры въ Крыму, какъ и въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Херсонской губерніи и проч.; береговая защита не есть стратегическая оборона края. Рисковать, однако же, не слѣдуетъ, хотя не слѣдуетъ тратить лишнихъ средствъ противъ призрака. Непріятель можетъ удержаться на полуостровѣ въ такомъ лишь случаѣ, когда захватитъ доступы къ нему съ материка. Намъ предстоитъ, стало быть, обратная задача — твердо держать эти доступы въ своихъ рукахъ. Мы можемъ выставить вездѣ отрядовъ равносильныхъ дессанту. Наше дѣло—имѣть прочный доступъ въ Крымъ, и за нимъ отрядъ, который могъ бы вступить на полуостровъ, когда нужно, и выгнать дессантъ; выгнанный разъ дессантъ не придетъ вторично. Задача въ томъ, чтобы входъ на полуостровъ былъ наилучше огражденъ отъ покушеній непріятеля, близокъ къ расположенію войскъ, составляющихъ боевой резервъ, и связанъ желѣзною дорогою съ мѣстами расположенія этихъ войскъ. Что касается до продовольствія, то всякій рельсовый путь, связывающій Крымъ съ

Digitized by Google

сѣтью желѣзныхъ дорогъ удовлетворитъ такой цѣли. Сила дѣйствующаго резерва. кромѣ гарнизоновъ, зависитъ отъ того обстоятельства—примкнутъ ли къ туркамъ какіе-нибудь европейцы, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ достаточно 25, во второмъ 15 тысячъ. Турки одни могутъ показаться въ Крыму, но не предпримутъ серьезнаго похода внутрь страны.

Теперь предложимъ первый вопросъ: гдѣ въ военное время будутъ расположены войска, которымъ придется выручать Крымъ? Конечно не въ Харьковѣ и не на Азовскомъ морѣ, огражденномъ Керчью. Если при европейской войнѣ останутся въ Харьковѣ или вдоль лозовско-чонгарской дороги какія либо полевыя войска, то это будетъ значить, что мы не умѣемъ воевать и потому не должны начинать войну. Откуда же могутъ придти полевыя войска? Очевидно, изъ пунктовъ, гдѣ онѣ и безъ того нужны, гдѣ, слѣдовательно, онѣ будутъ расположены предварительно. Когда война распространится на Черное море, то у насъ по необходимости будетъ собрана армія на Днѣстрѣ и Прутѣ; по необходимости также эта армія будетъ оборонительною, не пойдетъ далеко; въ первый періодъ войны мы никакъ не вторгнемся въ Турцію въ обходъ Австріи. Кромѣ того будутъ расподожены войска для защиты прибрежья, въ Одессѣ, Николаевѣ, на устьѣ Днѣпра. Въ этихъ силахъ заключается боевой резервъ для обороны Крыма и другаго не нужно, да и взять его не откуда. Когда направленіе непріятеля выяснится, то большой части этихъ силъ нечего будетъ дѣлать на прежнихъ мѣстахъ. Изъ этого явствуетъ, что самый выгодный доступъ въ Крымъ—тотъ, который лежитъ ближе прочихъ къ этимъ обязательнымъ мѣстамъ расположенія войскъ, т. е. къ западу. Пунктъ этотъ Перекопъ.

Для полнаго выясненія читателямъ вышесказаннаго, я долженъ оговориться.

Въ военное время могутъ оказаться подъ рукою, внутри страны, довольно многочисленныя резервныя войска, вновь формируемыя, какъ ополченіе и проч. Но такія войска, составляя чрезвычайно важное подпорье для обороны края, въ гарнизонахъ или стоя за дѣйствующими войсками, не составляютъ еще самостоятельной силы; нельзя вести ихъ однѣхъ въ полевую битву; поэтому нельзя и разсчитывать на нихъ, какъ на боевой резервъ для отраженія дессанта.

Затѣмъ слѣдуетъ второй вопросъ. Прикроетъ ли прочно за-

Digitized by Google

нятая позиція въ Перекопѣ—Чонгарскій мостъ *) и все лежащее далѣе пространство? Очевидно, когда Перекопъ и Керчь въ нашихъ рукахъ, то Азовское море совершенно безопасно. Но огражденъ ли Перекопъ Чонгарскою позиціею? Также очевидно—нѣтъ, потому что Перекопскій перешеекъ лежитъ впереди ея, ближе къ непріятелю. Избраніе Чонгарской переправы, какъ основнаго пункта сообщенія, ведетъ къ двумъ послѣдствіямъ: или Перекопъ оставляется на произволъ перваго вражескаго дессанта, или требуется раздѣленіе силъ и увеличеніе расходовъ для обоихъ пунктовъ вмѣстѣ. Захвативъ Перекопъ, непріятель можетъ двигаться безпрепятственно по обѣимъ сторонамъ Сиваша—на полуостровѣ и на материкѣ; если перевѣсъ въ силахъ окажется за нимъ, что неминуемо въ первые дни дессанта, то онъ можетъ удобно захватить Лозовскую дорогу выше Чонгара. Даже больше; владѣя Перекопомъ, сообразительный непріятель надолго упрочитъ за собою превосходство силъ, потому что изъ этой центральной позиціи онъ можетъ не допустить сосредоточенія русскихъ войскъ съ лѣвой и съ правой стороны Днѣпра, иначе какъ длиннымъ обходомъ; а въ тоже время движеніе его отъ Перекопа къ Чонгару отрѣжетъ вовсе войска, занимающія Крымъ, отъ материковыхъ. Между тѣмъ, очевидно, наша сила, разбросанная, какъ сила всякаго обороняющагося, состоитъ единственно въ возможности быстраго сосредоточенія. Избраніе позицій, препятствующихъ сосредоточенію, рушитъ все дѣло. При существованіи лозово-чонгарской дороги, на Днѣпрѣ не будетъ устроено ни одной безпрепятственной переправы ниже Кременчуга, а тутъ придется переходить рѣку и тащиться пѣшкомъ изъ за Днѣпра на выручку Чонгара, мимо, можно даже сказать,—въ виду непріятеля, стерегущаго изъ центральной Перекопской позиціи, всегда доступной ему безъ выстрѣла, каждое движеніе нашихъ разбросанныхъ отрядовъ. Для трехъ, четырехъ дневныхъ переходовъ найдутся средства и у дессанта; вѣдь прошла же армія С. Арно изъ Евпаторіи къ Севастополю. Можетъ быть авторъ статьи, полагающій умѣстнымъ спрятать Крымскую дорогу за Днѣпръ отъ турокъ, стоящихъ за Дунаемъ, считаетъ невозмож-

*) Чонгарскій мостъ построенъ на рукавѣ Сиваша между Перекопомъ и Арбатскою стрѣлкою въ 70 верстахъ отъ Перекопа и въ 30 отъ Стрѣлки, т. е. Геническа.

Digitized by Google

нымъ движеніе въ нѣсколько переходовъ отъ Перекопа? Эту тему можно было бы развить пространно, но кажется достаточно и сказаннаго. Какой же военный не видитъ при первомъ взглядѣ на карту, всѣхъ этихъ послѣдствій избранія Чонгарской переправы и забвенія о Перекопѣ.

Перекопъ недоступенъ флоту. Онъ окруженъ такими мелями, что даже плоты не могутъ къ нему подходить. Въ этомъ отношеніи положеніе его одинаково съ Чонгаромъ. Дорога отъ Днѣпра къ перешейку идетъ перпендикулярно къ морю и на столько же удалена отъ ближайшаго дессантнаго мѣста какъ и самъ Перекопъ. Очевидно Перекопскій перешеекъ долженъ быть укрѣпленъ и занятъ въ военное время достаточнымъ гарнизономъ. Объ этомъ настаивалъ еще извѣстный адмиралъ Грейгъ, послѣ войны 1829 года.

Но значеніе его какъ главнаго доступа въ Крымъ и пункта сосредоточенія войскъ, утратилось бы совершенно, если бы онъ не былъ связанъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Какое можетъ быть сосредоточеніе безъ дороги и какое огражденіе позиціи безъ возможности сосредоточенія?

Кромѣ того, какъ сказано выше, крымскій резервъ—это вся масса войскъ, занимающихъ Новороссійское прибрежье до Днѣстра и даже далѣе, до Прута. Оборона сѣверо-западнаго угла Чернаго моря составляетъ главную заботу во всемъ южномъ бассейнѣ. Какими бы ополченіями не заняли этотъ край, за ополченіемъ все таки нужно будетъ нѣкоторое число полевыхъ войскъ, какъ ядро, къ которому примкнутъ подвижныя части ополченія. Но дѣло въ томъ именно, чтобъ число полевыхъ войскъ, необходимыхъ въ этой мѣстности, какъ и на другихъ оборонительныхъ предѣлахъ, было по возможности невелико. Участь войны зависитъ почти исключительно отъ количества дѣйствующихъ войскъ, выставленныхъ на главномъ театрѣ войны; все что употребляется на пассивную оборону, уменьшаетъ на столько же вѣроятность счастливаго исхода войны. Но какимъ способомъ можно уменьшить до послѣдняго предѣла количество полевыхъ войскъ, необходимыхъ для обороны западной части черноморскаго бассейна, т.-е. Новороссіи и Крыма? Очевидно, только однимъ — чтобы войска могли быстро сосредоточиться на всякомъ угрожаемомъ пунктѣ. Сѣверо-западное черноморское прибрежье, составляя единый военный театръ отъ Дуная до Крыма, должно быть

Digitized by Google

такимъ не только на картѣ, но въ дѣйствительности — что осуществляется лишь желѣзною дорогою изъ Одессы черезъ Николаевъ въ Крымъ. Но длинныхъ стратегическихъ дорогъ нельзя строить, а потому дѣло идетъ не о сооруженіи Одесско-николаевско-перекопской дороги, а о томъ направленіи крымскаго рельсоваго пути признаннаго уже нужнымъ въ торговыхъ и стратегическихъ видахъ вмѣстѣ), которое способствовало бы въ будущемъ сооруженію вышесказанной параллельной къ морю дороги и дало бы возможность связать оба пути—въ Крымъ съ Днѣстра и изъ Россіи; иначе оборона края по обѣимъ сторонамъ Днѣпра останется разъединенною, вслѣдствіе чего и оборона Крыма представитъ буквально тѣ же затрудненія, какъ въ 1854 году. При покушеніи непріятеля на Крымъ, дѣйствующимъ войскамъ опять придется тащиться туда пѣшкомъ съ Днѣпра и Прута, или же надобно будетъ съ самаго начала отдѣлить 25 тысячъ солдатъ, въ видѣ особаго резерва, исключивъ его изъ итога нашихъ боевыхъ силъ, единственно для наблюденія за Крымомъ, куда непріятель, вѣроятно, совсѣмъ не придетъ. Надо помнить, что дорога изнутри Россіи въ Крымъ—лозово ли чонгарская или кременчуго-перекопская, есть дорога продовольственная, а не военная, служитъ только для первоначальнаго размѣщенія войскъ и для снабженія Крыма, если придется тамъ дѣйствовать; за ней окажется весьма мало значенія, когда внезапно предстанетъ надобность выручать Крымъ. Стало быть, въ стратегическомъ отношеніи, требуетъ разрѣшенія только одинъ вопросъ: какое направленіе крымской желѣзной дороги соотвѣтствуетъ вышеизложеннымъ, кажется достаточно очевиднымъ цѣлямъ?

Въ военномъ отношеніи намъ нужна желѣзная дорога не въ Крымъ, а до Крыма, чтобы входить на полуостровъ когда нужно. Проектъ военнаго министерства развѣтвляетъ эту дорогу отъ Чонгарской переправы на двѣ линіи—на Севастополь и на Керчь. Но продолженіе дороги внутри полуострова есть дѣло коммерческое, а не военное. Въ Севастополѣ намъ нечего больше защищать; для непріятеля, отстоящаго на 36 часовъ плаванія отъ Босфора до новороссійскихъ и таврическихъ береговъ, севастопольская бухта сама по себѣ не представляетъ важности. Еще менѣе нужна дорога на Керчь—въ обыкновенное время, потому что крѣпость снабжается всѣмъ изъ Таганрога;

Digitized by Google

въ военное—потому что съ первою высадкою непріятеля подъ Керчью, если бы таковая состоялась, желѣзная дорога перестала бы дѣйствовать. Торговаго значенія этотъ послѣдній отростокъ не имѣетъ рѣшительно никакого.

Въ какомъ же направленіи строить дорогу до Крыма? Росписаніе говоритъ: съ Харькова на Чонгаръ. Выборъ предстоитъ между двумя линіями: вышеназванной и кременчуго-перекопской; обѣ онѣ одинаково удобны для снабженія войскъ, расположенныхъ въ Крыму; но первая имѣетъ протяженія 819 верстъ отъ Харькова и 683 версты отъ Лозовой, вторая 504 всего; стало быть короче на 176 верстъ. Даже изъ Харькова въ Севастополь на Кременчугъ всего 751 верста, слѣдовательно 68 верстами меньше, чѣмъ по лозово-чонгарской дорогѣ. Но, кромѣ того, лозово-чонгарская линія вовсе не важна, не смотря на «Инвалидныя» разсужденія объ ней. Какъ мы видѣли, дорога эта не ограждаетъ ни полуострова, ни самой себя, отдаетъ врагу безъ сопротивленія центральную перекопскую позицію, парализующую всѣ мѣры обороны съ нашей стороны, и за неимѣніемъ сообщенія черезъ Днѣпръ разъединяетъ защиту края по обѣимъ сторонамъ рѣки, т. е. создаетъ два военныхъ театра вмѣсто одного, заставляетъ выставить два сильныхъ наблюдательныхъ отряда, когда одинъ можетъ быть достаточнымъ. При лозово-чонгарской дорогѣ нечего и думать о соединеніи Крыма съ Николаевымъ, стало быть съ Одессою и съ Бессарабіею, т. е. съ мѣстами естественнаго расположенія войскъ на войнѣ. Кременчуго-севастопольская дорога, направленная на Бериславъ и Перекопъ, соотвѣтствуетъ до такой степени всѣмъ военнымъ условіямъ, что она была бы едва ли не единственною въ мірѣ торговою дорогою, построенною какъ бы исключительно для стратегическихъ цѣлей *). Она удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ условіямъ:

1) Соединяетъ Крымъ съ сѣтью русскихъ дорогъ самымъ короткимъ, стало быть и самымъ дешевымъ путемъ.

2) Подходитъ близко къ мѣсторасположенію войскъ, занимающихъ Новороссійское прибрежье, даетъ имъ возможность скорѣе поспѣть въ Крымъ, также, какъ крымскимъ войскамъ въ Новороссію.

3) Вслѣдствіе того осуществляетъ, хотя еще не полно, но

*) Перекопъ отстоитъ отъ Кременчуга всего на 300 верстъ.

Digitized by Google

уже довольно приблизительно, столь желанное объединеніе обѣихъ половинъ южнаго театра войны.

4) Даетъ возможность достигнуть въ близкомъ будущемъ полнаго его объединенія, безъ всякихъ приплатъ на дороги изъ-за военныхъ цѣлей. Отъ этого пути выростетъ непремѣнно, вѣроятно одновременно съ его сооруженіемъ, вѣтвь къ Николаеву; а въ такомъ случаѣ и Одесса поспѣшитъ примкнуть къ этому же промежуточному пункту.

5) Служитъ, въ одинаковой мѣрѣ, какъ для обороны Крыма, такъ и для обороны Новороссійскаго прибрежья.

6) Ограждаетъ намъ доступъ въ Крымъ самымъ прочнымъ образомъ, устраняя возможность захвата одного изъ входовъ на полуостровъ, вслѣдствіе чего непріятель могъ бы легко протянуть руку и къ прочимъ входамъ.

6) Наконецъ даже исходный путь этой дороги въ Кременчугѣ гораздо выгоднѣе Харькова въ военномъ отношеніи. Съ началомъ войны арміи будутъ собраны на западѣ; если бы пришлось, по внезапнымъ обстоятельствамъ, отдѣлить отъ нихъ въ отрядъ въ помощь Новороссіи и Крыму, отрядъ этотъ прибудетъ легче и скорѣе черезъ Кременчугъ, чѣмъ черезъ Харьковъ.

Въ ближайшей войнѣ, изъ чего бы она ни произошла, станетъ рѣшаться не только какой нибудь политическій вопросъ, какъ въ войнѣ восточной,—но судьба Россіи. Сознаніе обоюдныхъ задачъ вызрѣло съ обѣихъ сторонъ и начинаетъ волновать страсти; въ непродолжительномъ времени оно станетъ системою. Гдѣ бы ни раздался первый выстрѣлъ, онъ выдвинетъ впередъ не какой либо мѣстный вопросъ, а вопросъ о средней Европѣ, и все сведется на западные рубежи—на польскую окраину. Намъ придется побѣдить во что бы ни стало, или далеко отойдти назадъ въ границахъ, историческихъ цѣляхъ, и даже въ настроеніи народнаго духа, изъ котораго складывается всякое внутреннее преуспѣяніе. Но первое условіе для побѣды—не разбрасываться. Съ этою цѣлію я указывалъ прежде на ополченіе, безъ котораго наша армія не будетъ достаточно сильна для наступленія на главномъ пунктѣ, съ тою же цѣлію я говорю теперь о крымской желѣзной дорогѣ. Даже при готовомъ ополченіи, занимающемъ наши предѣлы оборонительно, нужно будетъ поставить за нимъ нѣкоторое число полевыхъ войскъ. Для того, чтобы быть сильнымъ на

Digitized by Google

главномъ театрѣ войны нужно, чтобы число этихъ исключенныхъ изъ списковъ, бездѣйствующихъ войскъ, было по возможности наименьшее; а чтобы достигнуть такой экономіи боевыхъ войскъ, надобно укрѣплять русскіе предѣлы правильно, въ виду не фантастической, а строго взвѣшенной положительной опасности, наблюдая, чтобы резервъ могъ дѣйствовать сосредоточенно и поспѣть всюду во время для того, чтобы не ставить двухъ солдатъ тамъ, гдѣ можно обойтись однимъ. Не особенная бѣда, если бы случайно и временно на какой нибудь изъ оборонительныхъ окраинъ напоръ непріятеля взялъ верхъ надъ разсчитанною впередъ силою обороны; такія окраины никогда не составляютъ на войнѣ сущности дѣла, и событія, на нихъ происходящія, особенно же на одной изъ нихъ, не могутъ вліять значительно на условія мира. Но было бы истинною бѣдою, если бы изъ желанія показаться одинаково сильными вездѣ, даже тамъ, гдѣ не предстоитъ въ томъ особенной надобности, мы оказались слабыми на полѣ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ этомъ сопоставленіи заключается смыслъ настоящей статьи. Руководствуясь взглядомъ «Инвалида», слѣдовало бы удвоить количество оборонительныхъ войскъ, исчисленныхъ въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи». Я обратилъ вниманіе общества на крымскую дорогу, т. е. на оборону черноморскихъ береговъ, не изъ опасенія за Крымъ (хотя при мѣрахъ, восхваляемыхъ военными журналами, полуостровъ далеко не въ безопасности), напротивъ того, изъ опасенія, чтобы неправильная система обороны Крыма, какъ и другихъ окраинъ, влекущая за собою, какъ всякая неправильность, лишнюю растрату силъ и средствъ, не ослабила насъ слишкомъ на главномъ театрѣ дѣйствій и не повела къ пораженію тамъ, гдѣ изъ пораженія возникаетъ не временное затрудненіе, а наше правимое бѣдствіе.

Это тѣмъ опаснѣе, что взглядъ министерства на крымскую оборону, приведенный въ образецъ, положительно невѣрный и не военный; а судя по аналогіи, такимъ же взглядомъ будутъ опредѣляться потребности главнаго театра войны, отъ котораго прямо уже зависитъ участь отечества.

Можно выразить нѣсколькими словами естественныя условія обороны Новороссійскаго края и Крыма: для этого нужно скрещеніе подъ прямымъ угломъ двухъ желѣзныхъ дорогъ, одной—военной, параллельной морскому берегу, изъ Одессы,

Digitized by Google

въ Перекопъ; другой, продовольственной, перпендикулярной къ первой и къ берегу, изнутри Россіи. Нѣтъ никакого повода прятать крымскую дорогу за Днѣпръ, для огражденія ея отъ коалиціи 1855 года, какъ нѣтъ повода укрѣплять Волгу противъ новаго нашествія Тамерлана.

Должно признать истину, что длинныхъ стратегическихъ дорогъ, ставящихъ исключительно военныя соображенія на первый планъ, не можетъ существовать на свѣтѣ, по двумъ причинамъ: 1) потому что нѣтъ государства, обладающаго такимъ излишкомъ средствъ, чтобъ приращать свой военный бюджетъ десятками и сотнями милліоновъ для подобной затѣи; 2) потому что предвидѣть напередъ оборотъ всякой случайной войны почти невозможно. Случалось иногда, что такое предвидѣніе будущаго, и то въ условіяхъ, уже нѣсколько опредѣлившихся, бывало удѣломъ генія, никогда еще оно не было удѣломъ военныхъ канцелярій. Вся исторія показываетъ (за единственнымъ исключеніемъ въ теченіе многихъ вѣковъ— министерство Лувуа при Людовикѣ XIV), что никогда и нигдѣ, ни одна администрація не умѣла дать вѣрнаго направленія даже войнѣ, уже разыгравшейся, при самыхъ ясныхъ и опредѣлившихся условіяхъ; если только веденіе дѣла оставалось въ рукахъ администраціи и не появлялся во время полководецъ, человѣкъ дѣйствія, воспитанный самою арміею, то война неизмѣнно кончалась путаницею. Но если безпримѣрно, чтобъ администрація умѣла справиться съ настоящимъ, въ обстоятельствахъ уже ясно опредѣлившихся, то существуетъ ли какая либо вѣроятность, чтобы она могла предвидѣть и вѣрно установить потребности будущаго, въ войнѣ совсѣмъ неопредѣленной, при неизвѣстныхъ условіяхъ?

Очень естественно, что военная администрація должна думать о возможно быстромъ сосредоточеніи армій на окраинахъ и о безпрепятственномъ содержаніи этихъ армій во время войны; поэтому она не можетъ не заботиться о дорогахъ изъ центра государства къ самымъ важнымъ окраинамъ. Но дороги эти имѣютъ значеніе исключительно связующее и продовольственное, а не стратегическое въ тѣсномъ смыслѣ слова. Если военно-желѣзныя дороги понимаются въ такомъ смыслѣ, то онѣ не составляютъ никакого исключенія изъ общей желѣзно-дорожной сѣти государства. Связь между центрами и окраинами нужна столько же для потребностей торговыхъ, по-

Digitized by Google

литическихъ и проч., сколько и для военныхъ. Держась такого практическаго взгляда, военное вѣдомство можетъ быть обезпечено въ томъ, что нужды его будутъ удовлетворены безъ всякихъ особенныхъ усилій и жертвъ, естественнымъ разростаніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Это не значитъ, что бы военное вѣдомство не должно было поддерживать настойчиво своимъ вліяніемъ путей, представляющихъ особенную для него важность. Будетъ не только понятно, но и разумно, если правительство, при соревнованіи двухъ проектовъ желѣзныхъ дорогъ, одинаково полезныхъ въ торговомъ отношеніи, поставитъ впереди дорогу полезную еще въ отношеніи военномъ. Съ такимъ порядкомъ, при нынѣшнемъ развитіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, военному вѣдомству никогда не придется ждать своей очереди слишкомъ долго, а главное—при этомъ оно не будетъ рисковать постройкою дороги, которая окажется потомъ не нужною никому, и даже, въ концѣ концовъ, при выяснившихся обстоятельствахъ, ему самому. Кромѣ исключительныхъ—а потому непредвидимыхъ—случаевъ, военному вѣдомству могутъ принести пользу только дороги, полезныя уже для торговли, какъ связующія и продовольственныя, ведущія къ окраинамъ изъ плодородныхъ и богатыхъ внутреннихъ мѣстностей, гдѣ въ мирное время бываютъ расположены войска и откуда онѣ въ военное время продовольствуются; но въ такомъ направленіи, очевидно, выростаютъ сами собою торговыя дороги, служащія одновременно какъ общественнымъ, такъ и военнымъ цѣлямъ. Ясно, напримѣръ, что Россіи нужны,—внѣ всякихъ военныхъ видовъ,—дорога въ Крымъ и дорога изъ Москвы чрезъ Литву въ Варшаву; въ тоже время пути эти нужны и военному вѣдомству, но не по какимъ либо особеннымъ таинственно-стратегическимъ причинамъ, а по тѣмъ же самымъ, какъ и для всякаго купца и землевладѣльца, потому, что по нимъ везутъ изъ одной мѣстности въ другую то, что есть въ одной и чего нѣтъ въ другой,—въ мирное время для населенія и заграничной торговли, въ военное время—для арміи. Въ видахъ будущей войны, при неизвѣстности ея условій и направленія, одно лишь важно—чтобъ окраина, на которой придется вести войну, была связана удобнымъ путемъ съ центрами государства; всего прочаго нельзя предвидѣть заранѣе. Единственный смыслъ такъ называемой военной дороги—тотъ, чтобъ она способствовала скорѣйшему сосредоточенію войскъ и безоста-

Digitized by Google

новочному ихъ снабженію—для чего годится всякая торговая дорога. Если бы дѣло шло только объ этой цѣли, то не было бы и спора: шелъ бы разговоръ о томъ лишь, какую дорогу строить прежде, какъ болѣе нужную. Но въ томъ и сила, что въ послѣднее время, подъ названіемъ стратегическихъ дорогъ, у насъ стала проводиться идея совсѣмъ другаго рода; стали чертить желѣзныя дороги маневрическія (chemins de monœuvres) если можно такъ выразиться, дороги способствующія, по мнѣнію составителей ихъ, наиболѣе ученому веденію войны на данной мѣстности, что равняется прямо бросанію денегъ въ воду. Война есть состязаніе между силою нравственныхъ и матеріальныхъ силъ двухъ армій, суммою всегда колеблющеюся, и которую надобно вѣрно уловить въ данный мигъ, въ чемъ и состоитъ искусство; каждый стратегическій маневръ имѣетъ смыслъ тогда лишь, когда онъ основывается на вѣрной оцѣнкѣ этой пропорціи въ данную минуту; одни школьники считаютъ его чѣмъ-то осмысленнымъ въ самомъ себѣ, какъ ходъ на шахматной доскѣ. Потому желѣзныя дороги чисто военныя, съ боевою цѣлію, именнно тѣ, которыя понимаются у насъ подъ названіемъ стратегическихъ, окажутся на дѣлѣ неимѣющими никакого значенія, ни для войны, ни для мира. При такомъ или другомъ оборотѣ войны, всегда возможномъ, такая-то желѣзная дорога—параллельная, перпендикулярная или облическая къ границѣ,—построенная въ нашу пользу по тончайшимъ соображеніямъ мирныхъ стратегиковъ, можетъ послужить къ торжеству непріятеля; и обратно, самый невыгодный, по понятіямъ мирнаго времени, изгибъ дороги можетъ, въ данномъ случаѣ и въ рукахъ искуснаго полководца, неожиданно повести къ побѣдѣ. Прошлая война никогда почти не можетъ служить примѣромъ для послѣдующей, а стратегическія дороги, какъ мы видѣли, прочеркиваютъ у насъ по картѣ не по предвидѣнію, а именно по воспоминанію. Можно сказать утвердительно; не только обыкновенные и малоопытные люди, но самъ Наполеонъ I, если бы онъ воскресъ, не могъ бы расположить стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ (не продовольственныхъ и связующихъ, а собственно стратегическихъ въ употребительномъ у насъ значеніи слова) въ виду войны, условія которой еще неизвѣстны. Было бы очень поучительно сопоставить взгляды этого великаго полководца на укрѣпленіе и устройство того же самаго военнаго

Digitized by Google

театра при двухъ различныхъ войнахъ — жизнь его представляетъ такіе примѣры,—но подобное сопоставленіе, рѣшительное въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, потребовало бы цѣлаго сочиненія. Самому Наполеону приходилось горько разочароваться въ надеждѣ устроить заблаговременно военный театръ, посредствомъ крѣпостей и связывающихъ дорогъ, какъ шахматную доску, для самой выгодной игры. Новыя условія второй войны ниспровергали почти всѣ разсчеты, основанные на исходѣ первой. Стоитъ вспомнить, какое количество войскъ, могшее обезпечить за нимъ побѣду почти навѣрное, онъ потерялъ безплодно въ 1813 году, именно изъ этихъ видовъ — устроить заранѣе военный театръ, во всѣхъ подробностяхъ, въ свою пользу. Если бы при Наполеонѣ существовали желѣзныя дороги, то даже онъ, при всемъ своемъ геніальномъ предвидѣніи, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого предвидѣнія, злоупотребилъ бы ими для своихъ военныхъ видовъ и самъ бы въ томъ раскаялся, какъ раскаивался въ злоупотребленіи тогдашними средствами для такой же цѣли. Даже Наполеону не было дано невозможнаго—упрочить за собою своевременными мѣрами успѣхъ въ будущемъ, не представляющимъ еще никакихъ опредѣленныхъ условій. Но мы говорили о Наполеонѣ, первомъ военномъ геніѣ со временъ древности. Что же можетъ случиться, когда подобное дѣло попадаетъ въ руки военныхъ канцелярій. Случится то, что мы видѣли на примѣрѣ крымской желѣзной дороги. Мы взяли только одинъ образецъ ученыхъ стратегическихъ взглядовъ, — ручаемся словомъ, что взяли его не на выборъ, а потому лишь, что въ руки намъ попали статистическія данныя именно по этому предмету — и что же вышло? Въ результатѣ оказались мѣры, принимаемыя противъ фантастическаго и невозможнаго непріятеля, ведущія съ большою приплатою и въ ущербъ русской торговлѣ, къ раздробленію обороны черноморскаго прибрежья и къ увеличенію потребныхъ для того жертвъ, т.-е. къ ослабленію самой обороны и къ ослабленію силъ на главномъ полѣ дѣйствій, отъ котораго прямо зависитъ участь государства. Вотъ онѣ, стратегическія желѣзныя дороги! Торговыя потребности, предоставленныя самимъ себѣ, провели бы крымскую дорогу изъ удобнѣйшаго для такой цѣли центра, по кратчайшему направленію, т.-е изъ Кременчуга на Перекопъ; осуществили бы выгодную, окупающую себя дорогу изъ Россіи въ Крымъ, что

Digitized by Google

именно и нужно. За одно съ торговлею, военное вѣдомство пользовалось бы этою дорогою для своихъ видовъ, безъ ущерба для казны и подданныхъ; дорога, испрашиваемая мѣстными городскими обществами и крымскими солепромышленниками, никогда не слыхавшими о стратегіи, оказалась бы, какъ нарочно, самою удобною въ военномъ отношеніи. Замѣшались ученые стратегическіе взгляды — выйдетъ худо и для торговли, и для военнаго дѣла.

Статья эта имѣетъ въ виду исключительно черноморскій военный театръ, а потому я не буду говорить о другихъ окраинахъ и о другихъ стратегическихъ дорогахъ. Военныя требованія, насколько можно видѣть изъ офиціальныхъ изданій, простираются, впрочемъ, не на однѣ окраины; даже дороги по лѣвой сторонѣ Днѣпра измѣняются въ направленіи, вслѣдствіе оцѣнки ихъ съ военной точки зрѣнія, что уже не только неправильно, но даже не совсѣмъ понятно. Тѣмъ не менѣе читатель, по сродству дѣла, можетъ заключить, что взятый на удачу примѣръ лозово-севастопольской дороги не внушаетъ слѣпаго довѣрія къ прочимъ. Нельзя, однако же, не замѣтить, по поводу всѣхъ нашихъ желѣзныхъ стратегическихъ дорогъ, одной общей черты: всѣ онѣ основаны исключительно, какъ и крымская, не на предвидѣніи будущаго, а на памяти прошлаго, всѣ разсчитаны не противъ армій, съ которыми намъ придется имѣть дѣло, а противъ армій, когда-то вторгавшихся въ предѣлы Россіи; въ сущности, наши стратегическія дороги направлены преимущественно противъ тѣней старыхъ враговъ, которыя никогда уже не облекутся плотію и не возьмутъ ружье въ руки: онѣ вызываютъ на бой давно уже умершихъ. Этотъ желѣзно-дорожный спиритизмъ новаго рода можетъ, однако стоитъ очень дорого.

До сихъ поръ, въ обильной русской землѣ всякая желѣзная дорога оказывалась выгодною, какъ въ нетронутыхъ калифорнскихъ золотыхъ пріискахъ оказывалась выгодною всякая раскопка; но чрезъ нѣсколько лѣтъ не всякій уже, отправившійся въ Калифорнію, возвращался съ золотомъ въ карманахъ. Такъ будетъ неизмѣнно и съ русскими желѣзными дорогами. По мнѣнію многихъ опытныхъ людей, впереди начинаетъ мелькать возможность торговаго кризиса, неизбѣжнаго, какъ показываетъ всесвѣтная исторія, всякій разъ, когда затрачено въ кредитъ больше капиталовъ, чѣмъ ихъ есть на

Digitized by Google

лицо, и когда увлеченіе какимъ нибудь обширнымъ предпріятіемъ, дававшимъ сначала огромные барыши, послѣ разработки самыхъ богатыхъ и вѣрныхъ источниковъ поживы, устремляетъ жадность искателей на второстепенные, болѣе скудные источники. Нѣсколько неудачныхъ, малодоходныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій могутъ разомъ вызвать кризисъ. Природа богатства и его распредѣленія не измѣнитъ для насъ своихъ законовъ. А обширный торговый кризисъ, при нынѣшнемъ разстройствѣ нашей монетной системы, представляетъ не веселую перспективу. Потому, кажется, въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ приходится уже думать объ осторожности. Но если у насъ произойдетъ торговый кризисъ, то онъ будетъ вызванъ именно—и болѣе всего—стратегическими дорогами, въ которыхъ, по самой сущности дѣла, выгодность предпріятія жертвуется таинственнымъ военнымъ взглядамъ, объясняемымъ потомъ четырьмя строчками «Инвалида». Лондонскій финансовый журналъ «The economist», съ своей стороны, также недавно указалъ на эту опасность. Онъ говоритъ чрезвычайно разумно: «Сооруженія такихъ линій желаютъ генералы, забывая, что желѣзные пути, не имѣющіе въ виду военныхъ цѣлей, способствуютъ увеличенію народнаго благосостоянія, и тѣмъ самымъ создаютъ силу, необходимую для всякаго рода предпріятій. Если государство недостаточно сильно внутри, то стратегическія дороги, приготовляемыя генералами, облегчатъ скорѣе нападеніе со стороны непріятеля, чѣмъ защиту противъ него». Если такія предпріятія станутъ продолжаться, то государственная казна и общество вмѣстѣ могутъ понести страшныя потери. Средства, необходимыя для тысячи вопіющихъ потребностей русской жизни и даже русской арміи, могутъ погибнуть въ этомъ круговоротѣ. А затѣмъ, когда вспыхнетъ война, русскія войска отправятся противъ непріятеля не по стратегической желѣзной дорогѣ, бывшей причиною круговорота, а пѣшкомъ, потому что стратегическая дорога окажется фантазіею, непримѣнимою къ текущимъ обстоятельствамъ. Такъ случится непремѣнно съ лозово-чонгарскою дорогою при вторженіи непріятеля въ Крымъ, потому что войска, которымъ придется выручать полуостровъ, не пойдутъ же, конечно, съ Днѣстра и съ Новороссійскаго прибрежья въ Харьковъ, чтобы сѣсть тамъ на желѣзную дорогу.

Благоразумно прекратить своевременно опасную игру въ

Digitized by Google

стратегическія дороги. Если дорога вызывается дѣйствительными военными потребностями, то она явится сама собою, вслѣдствіе потребностей мирныхъ; мы видѣли уже, что тѣ и другія, въ общихъ чертахъ, тождественны, если отбросить только фантастическія маневрированія въ неизвѣстныхъ временахъ и пространствахъ. Въ чисто военныхъ видахъ можетъ понадобиться развѣ какой нибудь недорого стоющій отростокъ дороги. Но и въ такомъ случаѣ должно взвѣсить его значеніе всесторонне, съ военнымъ тактомъ, на основаніи современной дѣйствительности, а не лозово-чонгарскихъ стратегическихъ взглядовъ. Во всякомъ дѣлѣ на свѣтѣ, а въ военномъ еще болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, дѣло мастера боится.

Digitized by Google

Новый Панцырь.

1869.

Большинство читателей помнитъ, вѣроятно, судьбу предложенія Минье (извѣстнаго изобрѣтателя практическихъ нарѣзныхъ ружей) русскому правительству предъ Крымскою войною. Предложеніе не было принято, и Минье продалъ свое изобрѣтеніе французамъ, въ рукахъ которыхъ оно стало однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ побѣдѣ надъ нами. Теперь старая исторія съ ружьями Минье можетъ повториться въ новомъ, еще болѣе опасномъ, видѣ.

Въ № 45 лейпцигской газеты «Deutsche Blätter» напечатано было слѣдующее извѣстіе:

«Панцырь будущности. Одинъ италіянецъ, по имени Муратори, продалъ императору Наполеону секретъ открытаго имъ состава, который дѣлаетъ носящаго его на себѣ неуязвимымъ отъ удара и укола, а потому бросаетъ въ кладовую, какъ хламъ, работу цѣлой жизни Дрейзе, Снейдерса, Шаспо и прочихъ. Новый панцырь дѣлается изъ чего то въ родѣ войлока и непроницаемъ пулею. Матеріалъ для этого панцыря состоитъ изъ шерсти, которая въ смѣси съ другими веществами, будучи приведена въ жидкое состояніе и подвержена дѣйствію сильной мѣсильной машины, нагрѣвается; затѣмъ даютъ ей охладѣть до тѣхъ поръ, пока она отвердѣетъ и превратится въ массу въ родѣ макадама (?). Не знаешь, правду ли приходится сказать, что жаль огромныхъ суммъ, затраченныхъ на Шаспо, игольчатыя, ударныя и другія новыя ружья! Или приходится радоваться, что наукѣ удалось всѣ эти орудія разрушенія сдѣлать безвредными и лишними».

Digitized by Google

Извѣстіе это сбивчиво, не точно, но основаніе его вѣрное. Вопросъ о панцырѣ, поднятый мною два года тому назадъ, какъ великое военное усовершенствованіе, стоящее на первой очереди, не остался въ Европѣ подъ спудомъ, чего я и ждалъ. Задавшись давно уже этою мыслію и слѣдивъ внимательно за каждымъ ея осуществленіемъ, я могу сообщить довольно точныя данныя о панцырѣ, которыя начинаютъ обращать на себя вниманіе многихъ иностранныхъ правительствъ.

Сколько мнѣ извѣстно, панцырь этотъ дѣлается не изъ массы вареной шерсти, смѣшанной съ другими веществами и сдавленной подъ прессомъ, а просто изъ шерсти, сплетенной извѣстнымъ образомъ, посредствомъ чрезвычайно густыхъ и сильныхъ гребней; по крайней мѣрѣ, таковъ лучшій изъ нихъ, изобрѣтенный графомъ Литта Біуми. Панцырь Муратори, выдѣланный первоначально въ Миланѣ, былъ представленъ правительству и отданъ на испытаніе военной комиссіи сначала въ Миланѣ, потомъ во Флоренціи; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство выдало Муратори 25 тыс. франк. пособія. Опыты италіянской комиссіи продолжались не малое время. Ей былъ поставленъ вопросъ: можетъ ли быть новый панцырь принятъ немедленно для всей арміи?—Вопросъ очевидно неправильный, потому что никакое изобрѣтеніе, особенно въ первой порѣ своей, не доказанное еще положительнымъ опытомъ, не можетъ быть примѣнено огуломъ. Мнѣ говорили, что если бы имѣлось въ виду введеніе панцыря въ небольшую часть арміи, въ какія нибудь отборныя войска, то комиссія не поколебалась бы отвѣчать утвердительно, несмотря на явное несовершенство панцыря Муратори: даже при этомъ несовершенствѣ онъ былъ бы все же великимъ преимуществомъ. Но комиссія затруднилась, какъ и слѣдовало ожидать, введеніемъ панцыря разомъ на всю армію, и вопросъ покуда остался въ Италіи нерѣшеннымъ.

Послѣ нерѣшительнаго отвѣта италіянской комиссіи, Муратори былъ приглашенъ англійскимъ правительствомъ и занялся въ Лондонѣ приготовленіемъ своихъ панцырей для людей (и другихъ большихъ, въ замѣну корабельной брони). Французское военное управленіе, обратилось также къ Муратори; но этотъ послѣдній, связанный уговоромъ съ англійскимъ министерствомъ, не могъ принять предложенія, вслѣдствіе чего французское правительство вызвало другаго изобрѣ-

Digitized by Google

тателя Берніери, который, кажется ничто иное, какъ подставное лицо отъ Муратори; по крайней мѣрѣ, панцыри ихъ, на сколько извѣстно мнѣ, тождественны. Извѣстіе объ этомъ то послѣднемъ условіи съ Берніери дошло до лейпцигской газеты.

Въ 1-мъ приложеніи къ «Вооруженнымъ силамъ Россіи», я описалъ подробно панцырь противъ пули, испытанный мною давно уже, и высказалъ послѣдствія, которыми это открытіе должно отозваться, раньше или позже въ военномъ дѣлѣ Панцырь этотъ былъ достаточно легокъ, особенно въ сравненіи со стальною кирасою и дѣйствительно не пробиваемъ, защищалъ не только отъ раны, но даже отъ контузіи. При мнѣ стрѣляли въ животныхъ и потомъ въ людей, одѣтыхъ этимъ панцыремъ, безъ всякаго для нихъ вреда; я испытывалъ его даже на себѣ; ударъ пистолетной пули чувствовался на тѣлѣ, какъ сильный толчокъ большимъ пальцемъ,—не болѣе. Убѣдившись въ дѣйствительности панцыря, я не могъ уже сомнѣваться ни въ важности изобрѣтенія для войны, ни въ сокрушительномъ преимуществѣ, которое оно придаетъ странѣ, впервые его принявшей. Для каждаго, кто видѣлъ серіозный бой хоть разъ въ жизни, не можетъ быть въ этомъ никакого сомнѣнія. Я сказалъ въ своемъ сочиненіи:

«Теперь, когда зошла уже рѣчь о панцырѣ, когда стало несомнѣннымъ, что можетъ быть изготовленъ достаточно легкій панцырь, отражающій пулю, можно быть увѣреннымъ, что не сегодня, такъ завтра, на одномъ изъ европейскихъ полей сраженія явятся вдругъ съ какой нибудь стороны панцырные полки; для противоположной стороны сраженіе это будетъ имѣть исходъ Садовой, а можетъ быть, еще гораздо худшій, такъ какъ паника отъ неуязвимости непріятеля будетъ, конечно, сильнѣе, чѣмъ отъ быстроты его огня. Гораздо лучше быть въ этомъ случаѣ стороною удивившею, чѣмъ стороною удивленною».

Мысль о панцырѣ, послѣ собственнаго убѣдительнаго опыта, преслѣдовала меня неотступно. Я видѣлъ ясно рѣшительный переворотъ, котораго должно ожидать на войнѣ отъ введенія панцыря; потрясающее впечатлѣніе, производимое первымъ неуязвимымъ полкомъ, появляющимся на полѣ сраженія; важность этого изобрѣтенія именно для насъ по кореннымъ свойствамъ нашей арміи. Но ирландскій панцырь, испытан-

Digitized by Google

ный мною въ сороковыхъ годахъ, не замѣченный достаточно въ свое время, былъ уже забытъ, и достать образчикъ оказывалось невозможнымъ. Вдругъ въ 1866 году появилось въ газетахъ извѣстіе о новомъ панцырѣ Муратори. Панцырь этотъ, по словамъ газетъ, вѣсилъ 7 разъ меньше куска желѣза, оказывающаго равносильное сопротивленіе пулѣ. Не зная еще новаго открытія, но зная по опыту, что оно возможно, я просилъ тогда же одного офицера, отправлявшагося въ Италію, добыть, если возможно, такой панцырь. Лицо, къ которому я обратился, достало панцырь новаго изобрѣтателя, о которомъ я до тѣхъ поръ не слыхалъ, графа Литта Біуми. Панцырь этотъ (по слухамъ превосходящій кирассу Муратори, хотя уступающій прежнему ирландскому)—войлочный нагрудникъ, вѣсомъ 5 фунтовъ, сдѣланъ противъ пистолета и отражаетъ пулю сильнѣйшаго револьвера Кольта на всякомъ разстояніи безъ контузіи, и ударъ всякимъ холоднымъ оружіемъ; но противъ пѣхотнаго нарѣзнаго ружья не устаиваетъ. Тѣмъ не менѣе, когда разъ изобрѣтена ткань, защищающая отъ сильнаго револьвера безъ контузіи, то несомнѣнно можетъ быть выдѣлана ткань, защищающая отъ ружья; разница тутъ только въ толщинѣ и вѣсѣ, что подлежитъ дальнѣйшимъ испытаніямъ.

Мнѣ сообщены свѣдѣнія о новомъ усовершенствованіи панцыря Литта Біуми. Изобрѣтатель пишетъ:

Послѣ многихъ публичныхъ опытовъ, я могу представить новую систему панцырей, отражающихъ съ величайшимъ успѣхомъ пулю нынѣшнихъ, заряжающихся съ казенной части ружей, чего не достигаетъ въ такой же степени панцырь Муратори, который по этой причинѣ и не принятъ еще окончательно ни однимъ правительствомъ. Я выдѣлываю панцыри двухъ родовъ: первые легкіе въ $^1/_2$ килограмма ($1^1/_4$ фунта), защищающіе противъ всякаго скрытаго оружія, пистолетовъ, револьверовъ и проч., также противъ всякаго, безъ исключенія, холоднаго оружія: штыка, копья, сабли, ножа. Можно мгновенно надѣть на себя такой легкій панцырь, нисколько не связывающій движеній и носить его подъ платьемъ. Вооруженная полиція, напримѣръ, будетъ совершенно защищена имъ противъ всякаго злодѣйскаго покушенія. Другой родъ панцырей, болѣе тяжелыхъ и плотныхъ, въ $1^1/_2$ килограмма ($3^3/_4$ фунта) вѣсомъ, отражаетъ пулю обыкновеннаго пѣхотнаго ружья на разстояніи 200 метровъ (280 шаговъ) безъ малѣйшей кон-

Digitized by Google

тузіи въ точкѣ удара. Панцырь этого вѣса для пѣхотинца состоитъ изъ двухъ частей и покрываетъ грудь и животъ солдата. Панцыри обезпечены своимъ составомъ отъ моли и непромокаемы, такъ что могутъ пролежать въ магазинахъ неопредѣленное время».

Надобно замѣтить, что панцырь, отражающій ружейную пулю не ближе 280 шаговъ, не совсѣмъ еще удовлетворителенъ, потому что съ этого разстоянія именно начинается самый губительный огонь. Но, кромѣ того что панцырь должно выдѣлывать изъ матеріала, болѣе пригоднаго чѣмъ шерсть, даже при шерстяномъ панцырѣ $3^1/_2$ фунтовой вѣсъ его можно увеличить значительно, не обременяя слишкомъ солдата; была, стало быть, полная надежда выдѣлать удобоносимый, непробиваемый панцырь, не тяжелѣе 10-ти фунтовъ, а можетъ быть еще легче.

Г. Литта Віуми прибавляетъ, что отославши свой панцырь въ Россію и зная, что панцырь этотъ былъ представленъ военному начальству, онъ ждалъ отвѣта около года и уклонялся въ это время отъ предложеній съ другихъ сторонъ, но что онъ будетъ вынужденъ, наконецъ, принять ихъ.

Кромѣ названныхъ трехъ изобрѣтателей, выдѣлкою панцырей занимается еще одинъ русскій, отставной морской офицеръ. Онъ производилъ самые удачные опыты передъ фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ, но не представлялъ своего произведенія офиціально.

Разрушительное дѣйствіе новаго огнестрѣльнаго оружія должно неизбѣжно вызвать противодѣйствующее средство въ арміи, какъ вызвало его уже во флотѣ.

На сколько человѣкъ способенъ къ убѣжденію, на столько убѣжденъ я, во первыхъ, что непробиваемый пулею панцырь возможенъ, потому что самъ стоялъ въ немъ противъ выстрѣла, во вторыхъ, что армія, выставившая впервые резервъ панцырныхъ войскъ на поле сраженія, разгромитъ всякаго противника.

Я основываю послѣднее заключеніе столько же на матеріальномъ, какъ и на нравственномъ вліяніи, которое непробиваемый панцырь долженъ оказать на войнѣ. Очевидно что человѣкъ, неуязвимый въ жизненныя части тѣла, имѣетъ страшное преимущество предъ человѣкомъ уязвимымъ, въ огнестрѣльномъ, какъ и въ рукопашномъ бою. Но нравственное вліяніе пан-

Digitized by Google

цыря еще важнѣе. Я знаю изъ военной исторіи и много разъ видѣлъ на дѣлѣ, что всякое преимущество, сознаваемое за непріятелемъ, сейчасъ же отзывается соразмѣрнымъ сомнѣніемъ въ себѣ, легко переходящимъ въ панику; что при аттакѣ всякія условія успѣха—стремительность натиска, выгодность позиціи и проч. почти исчезаютъ передъ однимъ главнымъ,—передъ настроеніемъ минуты, съ той и другой стороны, передъ степенью, въ какой это настроеніе заглушаетъ въ людяхъ чувство самосохраненія. За кѣмъ остается излишекъ въ этомъ отношеніи, тотъ и беретъ верхъ. Очевидно, что излишекъ самоувѣренности окажется всегда за панцырниками. А какъ русская пѣхота сильна исключительно неразрывностью массы, прямымъ натискомъ и рукопашнымъ боемъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи мы превосходимъ европейскія арміи на столько же, на сколько уступаемъ имъ въ прочемъ, и какъ теперь, со введеніемъ скорострѣльнаго нарѣзнаго оружія, задача состоитъ въ томъ, чтобы дойдти до непріятеля, то мнѣ кажется безспорнымъ, что панцырь нужнѣе теперь, чѣмъ прежде, нужнѣе намъ, чѣмъ кому нибудь другому, и что русской арміи было бы выгодно, если бы онъ былъ принятъ цѣлымъ свѣтомъ. Я не могу считать серіознымъ возраженіемъ небольшую относительно тяжесть панцыря, носимаго всѣми войсками много тысячъ лѣтъ и скинутаго не болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, потому только, что старый желѣзный панцырь не защищалъ отъ пули.

Если дѣйствительно существуетъ панцырь, не пробиваемый изъ ружья и вѣсящій (считая тутъ покровъ груди, живота и головы) хотя бы даже 15 фунтовъ, то можно ли не взглянуть серіозно на такое средство?

Но даже въ этомъ отношеніи, какъ я убѣдился, мнѣнія расходятся. Всѣ боевые люди, привыкшіе смотрѣть на солдата какъ на живое существо, подверженное безпрерывнымъ колебаніямъ духа, признаютъ безъ возраженія огромное значеніе панцыря при нынѣшнемъ оружіи, если только панцырь возможенъ; почти всѣ мирно-военные тактики и ученые, понимающіе бой какъ военную игру, а солдата, какъ механизмъ, непремѣнно доходящій до пункта, назначеннаго ему по диспозиціи, отвергаютъ эту важность. Доводы ихъ сводятся всѣ на совѣтъ, преподанный мнѣ когда-то «Военнымъ Сборникомъ», прочитать тактику и усмотрѣть, что главное условіе успѣшно-

Digitized by Google

сти атаки состоитъ въ быстротѣ, замедляемой тяжестію панцыря. Я счелъ лишнимъ отвѣчать тогда печатно почтенному журналу, что всѣ европейскія войска ходятъ въ аттаку съ ранцемъ, вѣсящимъ болѣе пуда, и который у насъ въ такомъ случаѣ обыкновенно сбрасывается; что при движеніи въ нѣсколько сотъ шаговъ 10 лишнихъ фунтовъ на человѣкѣ безъ ранца, или хоть бы даже съ ранцемъ, не могутъ имѣть вліянія на быстроту; и что всѣ неудачныя аттаки противъ ружейнаго огня, которыя мнѣ довелось видѣть, не удавались единственнно отъ опасенія быть убитымъ пулею, а не отъ чего другаго.

Тактическій переломъ вслѣдствіе скорострѣльнаго ружья очевиденъ и требуетъ новыхъ пріемовъ на войнѣ. Картечь, служившая еще недавно главнымъ средствомъ для обороны позицій, мало дѣйствительна при нарѣзныхъ орудіяхъ. Оборона состоитъ теперь преимущественно въ ружейномъ огнѣ; но огонь этотъ гораздо ужаснѣе прежняго ружейнаго вмѣстѣ съ картечнымъ. Въ нынѣшнемъ боѣ вся линія огня стрѣляетъ лежа, прикрытая, мѣстность сама себя обстрѣливаетъ какъ будто невидимыми силами; нужно идти на свинцовый дождь, не имѣя возможности предварительно разстроить своимъ огнемъ почти незримаго противника. Это новое условіе войны ставитъ теперь всѣхъ въ тупикъ; придумываютъ самыя рискованныя средства, чтобы уравновѣсить его.

Употребленіе скорострѣльнаго ружья требуетъ разжиженія фронта и раздробленія его на мелкія части. Это послѣдствіе, хотя неизбѣжное покуда, отзывается на насъ невыгодно, идетъ противъ нашей народной складки.

Я долженъ сдѣлать отступленіе, необходимое для ясности предмета. Каждая армія имѣетъ свой особенный, непроизвольный складъ, въ слѣдствіе своеобразнаго историческаго характера каждой народности. Складъ этотъ, въ общемъ смыслѣ, не поддается воспитанію, которое можетъ развить чуждыя ему свойства только до нѣкоторой степени, а не до полнаго ихъ выраженія; только прирожденныя свойства развиваются вполнѣ. Вслѣдствіе этого непреложнаго закона, каждая изъ хорошихъ европейскихъ армій, частію сознательно, частію полусознательно, но во всякомъ случаѣ вѣрно, развиваетъ особенно старательно именно свое преимущественное качество. Можно

Digitized by Google

назвать безъ запинки это качество всякой большой европейской арміи, такъ явственно оно выражается.

Французы были всегда сильны своею живостью, называющеюся на военномъ языкѣ—предпріимчивостію. У нихъ, говоря вообще, каждый сержантъ, отдѣленный съ полувзводомъ, ведетъ себя совершенно также, какъ главнокомандующій, беретъ на себя все, что считаетъ лучшимъ, не дожидаясь приказаній. Въ этомъ состоитъ главное преимущество французовъ: никакой удобный случай не пропадаетъ для нихъ даромъ; а какъ война состоитъ вся изъ безчисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ, то понятно, какіе шансы оказываются на сторонѣ, обращающей въ свою пользу большинство этихъ случаевъ. Французы маневрируютъ, т. е. примѣняются къ мѣстности и непріятелю, такъ же натурально, какъ вода течетъ по склону... Французскіе военные, отъ высшаго до нисшаго, проникнуты этимъ народнымъ свойствомъ до такой степени, что не понимаютъ даже, какъ можетъ быть иначе. Стремительность въ аттакѣ — французская запальчивость — тоже самое свойство подъ другимъ названіемъ; французы стремительны, потому что предпріимчивы. Жидкій и раздробленный фронтъ не смущаетъ ихъ; очень выгодно дѣйствовать мелкими частями, если можно полагаться на каждую изъ этихъ частей отдѣльно. Во всякомъ случаѣ переломъ въ боевомъ дѣлѣ отъ скорострѣльнаго ружья не заключаетъ въ себѣ ничего; что не сходилось бы съ природнымъ свойствомъ французской арміи, чего она не могла бы обратить въ свою пользу *).

Тоже самое, хотя въ другомъ видѣ, надо сказать о войскахъ нѣмецкихъ, т.-е. прусскихъ; онѣ сильны преимущественно своимъ огнемъ и правильною механичностію. Въ прусскомъ солдатѣ мало личной предпріимчивости, много упорства и очень много терпѣливости и аккуратности, способныхъ довести его до совершенства въ предметѣ ежедневнаго занятія. Эти качества достигаютъ въ прусскомъ офицерѣ высшей своей степени. Прусскіе офицеры отдаютъ все время службѣ и только о ней думаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряли меня, доказывая слово дѣломъ, что они по временамъ отвыкали обѣдать

*) Отзывъ этотъ писанъ до войны 1870 г. Не полагая, чтобъ война могла заставить мыслящаго военнаго человѣка измѣнить такое мнѣніе.

Digitized by Google

по невозможности оторваться отъ обученія своихъ краткосрочныхъ солдатъ на такое долгое время и ѣли только урывками. А какъ нѣмцы по преимуществу народъ стрѣлковый, любящій стрѣльбу, какъ у нихъ однихъ есть цѣлыя области и цѣлыя сословія прирожденныхъ стрѣлковъ, то естественно, что при такомъ педантски-тщательномъ обученіи природная наклонность даетъ богатый плодъ. Историческая сила прусской арміи состояла всегда въ быстромъ и мѣткомъ огнѣ, рѣшавшимъ сраженія при Фридрихѣ Великомъ, такъ же, какъ при Вильгельмѣ I. Недаромъ были первымъ сказаны слова: «Толпа прицѣливающихся одолѣетъ толпу смѣлыхъ». Для такой арміи каждое усовершенствованіе ружья, хотя бы одинаково принимаемое всѣми, оказывается особенно выгоднымъ, приращаетъ ея силу бо́льшимъ числомъ процентовъ, чѣмъ силу другихъ армій. Оттого инициатива нововведенія въ этомъ отношеніи всегда принадлежала Пруссіи—отъ желѣзныхъ шомполовъ до игольчатаго ружья.

Русскія войска развивались иногда очень своеобразно, какъ на Кавказѣ, подъ вліяніемъ долгой боевой службы въ различной обстановкѣ, выдѣлывавшей каждый полкъ по особой мѣркѣ. На Кавказѣ были полки, близко подходившіе по наружности къ французскому типу; въ этомъ высказывалось вліяніе 25-ти-лѣтней боевой службы на исключительномъ полѣ, а не народнаго характера. Говоря же вообще, русская армія очень далека отъ качествъ, какъ французскихъ, такъ и прусскихъ. Съ одной стороны у насъ вкоренено безпрекословное исполненіе приказанія, а не предпріимчивость; наша рѣшительность проявляется въ исполненіи воли начальника, а не въ собственномъ починѣ, изъ десяти мелкихъ начальниковъ девять дадутъ безстрастно разстрѣливать свою часть и не ступятъ шагу безъ распоряженія свыше; отдѣльныя части у насъ не привыкли къ самостоятельности, нашими ротами, баталіонами, полками и даже выше, надобно двигать,—сами отъ себя въ большей части случаевъ они не двинутся. Наша армія — страшное оружіе въ сильныхъ рукахъ, но собственнаго почина въ ней нѣтъ; исключеніе не правило. Исторія и личный опытъ каждаго бывалаго человѣка не позволяютъ въ томъ сомнѣваться. Въ этой чертѣ выражается характеръ русскаго народа, не воинственнаго, но крайне смѣлаго, вслѣдствіе чего складывается естественно войско—

Digitized by Google

непредпріимчивое, но неустрашимое, способное идти на смерть, очертя голову, за начальникомъ, но рѣдко примѣняющееся само собою къ обстоятельствамъ. У насъ нельзя полагаться на усмотрѣніе частныхъ начальниковъ и дробныхъ частей, пользующихся каждымъ закрытіемъ и складкой мѣстности, каждымъ удобнымъ случаемъ прорвать непріятеля или обойти его, что одно только можетъ уравновѣсить разрушительность нынѣшняго огня. Съ другой стороны, намъ трудно сравниться съ западными сосѣдями во всемъ, что требуетъ техническаго совершенства, точности и неустанной заботливости. Ежедневный опытъ можетъ разувѣрить въ этомъ, кажется, всякаго оптимиста. Кромѣ того, что въ техническомъ отношеніи мы всегда опаздываемъ, совершенство арміи въ огнѣ требуетъ личныхъ качествъ, которыхъ у насъ положительно нѣтъ. Русскій простолюдинъ не одиночникъ и проникается увѣренностію въ себѣ только въ артели; нашъ рекрутъ по большей части беретъ въ руки ружье какъ вещь ему незнакомую; онъ рѣдко пристращается къ мелочамъ, необходимымъ для совершенства въ техникѣ. Изъ его натуры нельзя развить стрѣлковыхъ качествъ, ихъ надо прививать къ нему извнѣ, что составляетъ уже совсѣмъ иное дѣло. Большая искренняя точность въ исполненіи мелкихъ обязанностей службы встрѣчается у насъ рѣдко; офицеры русской арміи не отвыкнутъ обѣдать изъ рвенія къ обученію людей; даже высшіе начальники у насъ не скоро еще станутъ считать первымъ качествомъ части—искусство въ стрѣльбѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Наша армія всегда была ниже европейскихъ по умѣнію маневрировать и по ружейному огню, и вѣроятно, всегда останется такою, объ чемъ задумываться нечего, лишь бы отношеніе оставалось на той же степени, не понижаясь.

Русское войско, не предпріимчивое и не ловкое въ маневрахъ, какъ французское, не сильное своимъ огнемъ, какъ прусское или англійское, считалось, однако, страшнѣйшимъ противникомъ всѣми, кому доводилось съ нимъ мѣряться. Даже сраженія, выигранныя противъ насъ бывали самыми долгими, кровавыми и наименѣе рѣшительными сраженіями вѣка; можно утвердительно сказать, что мы иногда проигрывали битву противъ непріятельскихъ генераловъ, никогда противъ непріятельскихъ солдатъ. Въ какомъ же свойствѣ заключается русское преимущество? Это знаетъ Европа и каждый бывалый русскій

Digitized by Google

офицеръ. Оно заключается въ неразрывности строевой части—баталіона и роты,—въ томъ духѣ, который заставляетъ русскаго человѣка подчинять свою личность миру, общинѣ, и дѣйствовать всегда артелью, по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна». Всякій европейскій баталіонъ, разъ опрокинутый, разсыпается, такъ что не скоро уже соберешь людей; нашъ же баталіонъ, при самой страшной неудачѣ, не разбѣгается почти никогда, люди жмутся другъ къ другу и отступаютъ толпою. Это значитъ, что русскій солдатъ, въ общемъ смыслѣ, не одиночный боецъ, но человѣкъ сомкнутаго строя. Понятно, какою неодолимою силою разрѣшается такое свойство въ рукахъ твердаго духомъ начальника. Энергія его безсильна, когда часть въ разбродѣ; но покуда она остается сомкнутою, одно удачное слово можетъ возвратить ей бодрость. Съ начальникомъ не унывающимъ такую армію нельзя сбить съ поля, ее приходится вырѣзать, какъ матеріальное препятствіе, что не легко дается. Понятно также, что войско, всегда остающееся сомкнутымъ, въ которомъ до послѣдней минуты всѣ люди, кромѣ убитыхъ и тяжело раненныхъ, остаются въ рядахъ, можетъ длить бой безъ конца, что оно оказывается на дѣлѣ не сокрушимымъ орудіемъ, никогда не обманывающимъ расчетовъ полководца, лишь бы полководецъ стоилъ его. Понятно, наконецъ, какое впечатлѣніе подобное войско производитъ на самаго закаленнаго непріятеля. Послѣ цѣлаго дня отчаянныхъ усилій, искусныхъ аттакъ и блестящихъ маневровъ, овладѣвъ въ случаѣ удачи первою, второю, третьею позиціею, самъ истомленный и разстроенный, онъ все-таки видитъ передъ собою сомкнутыя массы и линію, готовую къ новому отпору. Это свойство несокрушимости русской пѣхоты въ послѣднія минуты Бородинскаго боя вырвало у Наполеона слова: «Я не выдвину свою гвардію на разрушеніе, нельзя рисковать своими послѣдними средствами». Продолженіе недоговоренной фразы въ мысли завоевателя очевидно: къ чему? мы убьемъ новыя тысячи ихъ, но остальныя будутъ стоять такъ же, какъ стоятъ теперь. Французскіе солдаты, старые и новые, повторяли и повторяютъ: русская армія сильна только кулакомъ, но страшно сильна имъ. Фридрихъ Великій еще прежде сказалъ то же самое: «русскаго солдата легче убивать, чѣмъ побѣждать», т. е. бей ихъ, сколько хочешь, они все стоятъ сомкнутою массою, все-таки не разбиты. Извѣстный горскій партизанъ Гаджи-

Digitized by Google

Муратъ выразилъ по своему эту истину; «Странный человѣкъ русскій солдатъ! въ одиночку не годится противъ горца, а соберется ихъ кучка, никакъ съ нею не справишься». Всѣ наши противники, съ учрежденія у насъ регулярной арміи, повторяли это замѣчаніе на всякіе лады. Штыковая сила русскаго солдата, кромѣ личной отваги, заставляющей его бить, а не обороняться, есть главнѣйшее слѣдствіе нашего кореннаго свойства—дѣйствовать артелью, жаться другъ къ другу; чѣмъ колонна менѣе подвержена разрыву и чѣмъ напираетъ дружнѣе, тѣмъ сильнѣе ея натискъ въ рукопашномъ бою. Въ аванпостныхъ дѣлахъ, гдѣ нужны качества бойца-одиночки, мы не сильны, что всегда подавало большую надежду непріятелю въ началѣ каждой кампаніи; но когда доходило до открытаго боя, усилія его разбивались или истощались объ русскія колонны, какъ напоръ воды противъ камня. Шмитъ въ исторіи польскаго возстанія показываетъ ярко это первоначальное обольщеніе и слѣдовавшее затѣмъ разочарованіе непріятеля. Противъ серіознаго европейскаго врага мы брали верхъ только этимъ свойствомъ, не преимущественно, а исключительно; въ немъ сила русской арміи и въ прошедшемъ, и будущемъ. Суворовъ, доведшій нашу армію до совершенства, выше котораго свѣтъ ничего не видалъ основалъ (правильнѣе сказать, довершилъ, потому что и прежде такъ было) воспитаніе русскаго войска и свою тактику именно на этомъ свойствѣ. Въ итальянской кампаніи, гдѣ только нужно было маневрировать, онъ ставилъ австрійцевъ, также и на аванпостахъ; своихъ же солдатъ велъ туда, гдѣ нужно было сбить непріятеля открытымъ боемъ безъ хитростей, «на чистоту», возобновлялъ аттаку десять разъ съ ряду и всегда подъ конецъ заставлялъ непріятеля разсыпаться, между тѣмъ какъ у него самаго оставалось подъ рукою хотя бы только горсть, стоявшая плотно и бывшая въ состояніи возобновить бой. Къ концу кампаніи изъ 40 слишкомъ тысячъ русскаго войска осталось только 12, но у этого остатка не было уже противника въ полѣ.

Конечно, нельзя легко смотрѣть и на другія стороны дѣла, необходимо стараться довести русскихъ солдатъ до возможно высшей степени, какъ маневристовъ и стрѣлковъ; но прежде всего надобно твердо сознавать природныя черты, въ которыхъ заключается наша сила. Иначе военная система станетъ своего рода нигилизмомъ, создающимъ мыльные пузыри для фанта-

Digitized by Google

стическихъ солдатъ. Никогда мы не будемъ страшны европейскимъ арміямъ предпріимчивостію отдѣльныхъ частей и ловкостію въ маневрахъ, какъ французы, ни своимъ убійственнымъ огнемъ и совершенствомъ техники, какъ пруссаки и англичане: мы должны привить къ себѣ эти качества достаточно, для того, чтобы по возможности уравновѣшивать преимущество враговъ въ этомъ отношеніи; побѣждать же мы можемъ только тѣмъ свойствомъ, которымъ побѣждали до сихъ поръ—несокрушимостію строя. Наша армія понизилась бы несомнѣнно въ общемъ уровнѣ, если бы вліяніе новаго оружія и истекающей изъ него новой тактики оказалось неблагопріятнымъ для нашего народнаго качества. Искусственно привитое никогда не замѣнить природнаго.

Между тѣмъ вліяніе это дѣйствительно неблагопріятно. При всеобщемъ вооруженіи скорострѣльнымъ ружьемъ, каждая изъ большихъ европейскихъ армій находитъ въ немъ выгодное примѣненіе къ одному изъ своихъ главныхъ качествъ, выигрываетъ въ какомъ либо отношеніи предъ прочими. Одни только мы проигрываемъ безъ вознагражденія. Губительность нынѣшняго огня, проистекающая изъ того необходимость разжиженія и раздробленія фронта — противорѣчатъ кореннымъ образомъ нашей главной силѣ, состоящей въ связности и несокрушимости массы. Если есть возможность найдти средство, обезпечивающее русской арміи ея основное преимущество, то средство это должно найдти.

Средство—панцырь — найдено. На обыкновенномъ разстояніи между бьющимися линіями той и другой стороны, кромѣ рѣшительныхъ минутъ прямой схватки, ружейный огонь не разобьетъ никого и на полѣ сраженія окажется всегда достаточно естественныхъ закрытій; панцырь нуженъ для головныхъ частей, въ минуты натиска или прямаго отпора. Панцырныя войска представляютъ въ этомъ случаѣ остріе иглы, за которымъ самъ собою проникаетъ въ массу непріятеля стержень ея — войска не панцырныя. Между тѣмъ, панцырь сохранитъ головнымъ частямъ. рѣшающимъ участь аттаки, первое условіе нашей силы — связность. По моему мнѣнію, для этой цѣли, какъ только панцырь установится въ окончательномъ видѣ, было бы нужно снарядить, на первый случай, хотя столько же панцырныхъ баталіоновъ, сколько у насъ дивизій, — разумѣется, не разсѣянныхъ по дивизіямъ, а собран-

Digitized by Google

ныхъ въ полки, распредѣляемые по мѣрѣ надобности. Полки эти служили бы остріемъ иглы при натискѣ и неодолимымъ резервомъ въ послѣднюю минуту. На первый случай было бы достаточно одѣть въ латы гвардейскую линейную пѣхоту.

Скорострѣльное ружье окажетъ еще больше вліянія на конницу, чѣмъ на пѣхоту. Значеніе конницы, остающейся въ нынѣшнемъ рутинномъ видѣ, подсѣчено въ корнѣ; даже въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля она едва ли принесетъ особенно большую пользу. Не только баталіонъ, но рота, остающаяся сомкнутою и не трусившая, отобьетъ свинцовымъ дождемъ всякую конницу. Рутинная регулярная кавалерія представляетъ теперь только безполезную тягость на бюджетѣ. При скорострѣльномъ ружьѣ конница можетъ имѣть значеніе только какъ линейные казаки, т.-е. какъ стрѣлки конные или пѣшіе, смотря по удобству минуты, умѣющіе, разумѣется, дѣйствовать регулярнымъ фронтомъ, но обнажающіе шашку только при случаѣ, — стрѣлковая часть, движущаяся съ быстротою неутомимой конницы. Всѣ наши казаки могутъ быть приведены къ такому образцу. Въ этомъ отношеніи, выгода очевидно, на нашей сторонѣ, по качеству, дешевизнѣ и многочисленности этого оружія. Казачья конница, одѣтая въ легкій панцырь 1½ ф.. вѣсомъ, неуязвимый холоднымъ оружіемъ, считала бы непріятельскую ни во что.

Считаю почти ненужнымъ говорить о магическомъ дѣйствіи панцырныхъ войскъ, пѣхоты и конницы, впервые явившихся на полѣ битвы. Дѣйствіе это будетъ также разрушительно, какъ появленіе панцырнаго корабля посреди деревянныхъ судовъ. Пѣшіе латники, подведенные къ непріятелю на 300 шаговъ, подъ прикрытіемъ ружейнаго огня своей линіи, постепенно сближающейся съ врагомъ, — устремляющіеся съ этого разстоянія бѣглымъ шагомъ въ аттаку — прорвутъ противника, какъ пушечное ядро; прорванная въ одномъ мѣстѣ линія слабѣетъ нравственно далеко окрестъ этого пункта. Латники будутъ также неоцѣненны для штурма деревень и укрѣпленныхъ мѣстъ. Первое же сраженіе отзовется паникою въ рядахъ непріятеля и повліяетъ на исходъ войны, вѣроятно, въ гораздо высшей степени, чѣмъ нарѣзныя ружья союзниковъ въ войнѣ Крымской и игольчатыя въ австро-прусской. Гораздо выгоднѣе, какъ сказано выше, быть стороною удивляющею, чѣмъ стороною удивленною; а выборъ между тѣмъ и другимъ пред-

Digitized by Google

ставляется теперь рѣшительно. Правительства производили опыты и заставили изобрѣтателей панцырей работать въ государственныхъ мастерскихъ. Пускай весь свѣтъ приметъ панцырь,—выгода все таки окажется за нами. Во первыхъ, мы сохранимъ главное наше боевое качество—неразрывность; во вторыхъ, бой приметъ въ рѣшительную минуту самый выгодный для насъ видъ—рукопашный. Въ этомъ бою русскіе сильнѣе всѣхъ; это не народная присказка, а дѣйствительность, которую признаетъ каждый добросовѣстный иностранецъ, стоявшій въ бою противъ насъ. Въ схваткахъ подъ Севастополемъ французы, такъ много хвастающіе своимъ штыкомъ, не били, а только отмахивались, и всегда подавались назадъ *). Даже обычныя замашки русскаго солдата послужатъ намъ тутъ въ пользу. У насъ (такъ по крайней мѣрѣ видѣлъ я постоянно) только первая шеренга встрѣчаетъ врага штыкомъ, затѣмъ главное оружіе нашего солдата не штыкъ, а прикладъ, или правильнѣе—курокъ, которымъ онъ бьетъ на отмашъ. Штыкъ безсиленъ противъ панцыря,—ударъ прикладомъ въ голову, хотя бы защищаемую непробиваемымъ шишакомъ, если не ранитъ, то на мгновеніе свалитъ съ ногъ даже великана. Въ этомъ дѣлѣ оказываются черты, какъ бы предуставленныя въ нашу пользу.

Назначеніе панцыря — предохранять человѣка отъ опасности быть внезапно убитымъ ружейнымъ выстрѣломъ, но только съ лица. Люди должны знать, что оборотившись къ непріятелю спиною, они мгновенно лишаются своего преимущества. Защита нужна для жизненныхъ частей тѣла, ударъ въ которыя можетъ причинить немедленную смерть—грудь, животъ до паховъ и голову. Рана не принимается въ соображеніе. Всякій, бывавшій въ бою съ нашими войсками, знаетъ, что русскій солдатъ не боится раны и, въ хорошемъ полку, легко раненный, не выходитъ изъ рядовъ. Другое дѣло—явная смерть. При отступленіи французовъ въ 1812 году старые гвардейцы Наполеона, видя что раненныхъ не подбираютъ и

*) Человѣкъ, имѣвшій наиболѣе данныхъ для боеваго сужденія о французахъ, генералъ Хрулевъ, утверждалъ, что они даже не отмахивались, а прямо бѣжали отъ рукопашнаго боя, такъ что весь вопросъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы довести до нихъ нашихъ солдатъ. Англичане отбивались штыками, но только въ крайности.

Digitized by Google

что потому даже легкая рана, мѣшающая человѣку ходить, равносильна смерти—колебались идти въ бой. Число людей, упавшихъ отъ раны въ ногу, не ослабитъ значительно строй и не повліяетъ на духъ людей; напротивъ, возбудитъ солдатскія шутки.

Обстоятельства какъ бы нарочно складываются для облегченія вопроса о панцырѣ. Ударъ пули скорострѣльнаго ружья новыхъ образцевъ, принимаемыхъ во всей Европѣ, малаго калибра, значительно слабѣе прежняго, вслѣдствіе закона, что сила удара равняется массѣ, умноженной на квадратъ скорости, т. е. ударъ пули въ 4½ линіи калибра составляетъ только $^3/_4$ удара пули 6-ти линейной при тѣхъ же условіяхъ. Если введеніе панцыря потребуетъ снова увеличенія ружейнаго калибра съ уменьшеніемъ числа патроновъ, въ противорѣчіе самому смыслу скорострѣльнаго ружья, то для обратной передѣлки нужно будетъ много времени, въ продолженіе котораго панцырь станетъ рѣшать сраженія. Но, кромѣ того, при нынѣшнемъ ходѣ дѣла, будущее—за панцырь, противъ ружья. Увеличить значительно силу выстрѣла невозможно безъ увеличенія калибра, ограниченнаго въ ручномъ оружіи, при нормальномъ количествѣ патроновъ, довольно тѣсными предѣлами, а со скорострѣльнымъ ружьемъ даже очень тѣсными, потому что безъ большого запаса патроновъ на человѣкѣ оно никуда негодится. Между тѣмъ панцырь только что зародился и каждый день приноситъ новыя улучшенія. Первое усовершенствованіе, еще не испытанное, но которое прежде всего надо имѣть въ виду—это замѣна матеріала, употребляемаго на нынѣшій панцырь другимъ, болѣе устойчивымъ. Начальныя работы Муратори, Литта Біуми и прочихъ имѣли въ виду корабельную броню; хотѣли замѣнить желѣзо болѣе легкимъ веществомъ и въ тоже время сколь возможно болѣе дешевымъ. Опыты оказались столь удачны, что возникла мысь о натѣльномъ панцырѣ; но матеріалъ оставленъ тотъ же самый, вслѣдствіе чего кирасса Литта Біуми стоитъ только 20 франковъ. Но въ натѣльномъ панцырѣ цѣна имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, приэтомъ не нужны груды матеріала, потребнаго на корабли и потому можно быть гораздо разборчивѣе въ выборѣ его. Если бы натѣльный панцырь стоилъ даже 30 р. (100 франковъ), то снаряженіе всей гвардейской линейной пѣхоты обошлось бы не дороже милліона,—цѣна брони на одинъ большой

Digitized by Google

корабль. Матеріалъ же можно найти гораздо устойчивѣе шерсти. Г. Литта и другіе занимаются опытами въ странѣ, гдѣ давно уже утратилось преданіе о панцырѣ. Между тѣмъ въ земляхъ, гдѣ кольчуга скинута недавно, какъ на Кавказѣ, извѣстно, что она оказывалась дѣйствительною только при подкладкѣ изъ шелка-сырца, нити котораго обладаютъ наибольшею крѣпостію изъ всѣхъ извѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что панцырь, выдѣланный изъ шелка, представитъ значительно большее сопротивленіе, чѣмъ шерстяной. Нынѣшній панцырь на грудь и животъ, послѣдней выдѣлки, отражающій ружейную пулю на 200 метровъ, вѣситъ, какъ сказано, $3^3/_4$ фунта. Такой же панцырь шелковый, непробиваемый въ упоръ, по всей вѣроятности, будетъ вѣсить 6—8 фунтовъ. Шелковый панцырь съ работою станетъ около 25 руб.

Видѣть препятствіе въ осьми фунтовой тяжести панцыря могутъ только люди, не составляющіе себѣ яснаго понятія о боѣ и походѣ. Объ этомъ можно спросить любого солдата. Я никакъ не могу считать вопросомъ дѣло, рѣшенное всемірнымъ опытомъ многихъ тысячъ лѣтъ. Неужели достаточно двухъ вѣковъ, чтобы забыть такой опытъ и обратить короткую относительно привычку въ рутину, не допускающую даже разсужденія? Но кромѣ очевидной возможности въ самой себѣ, есть много средствъ облегчить латника. Вѣсъ нынѣшней солдатской ноши легко можетъ быть, даже долженъ быть уменьшенъ болѣе, чѣмъ на 10 ф. Въ латники надо выбирать сильныхъ людей, которые легко понесутъ лишнюю тяжесть противъ малорослаго пѣхотинца, если бы даже была въ томъ надобность. Латниковъ, конечно, не будутъ употреблять на аванпостахъ; они останутся въ резервѣ, на долю ихъ выпадетъ менѣе трудовъ. При натискѣ они скинутъ ранцы, какъ это обыкновенно у насъ дѣлается. Наконецъ, панцырь, разумѣется, нѣтъ надобности надѣвать на походѣ; его можно пристегнуть къ ранцу. Если бы крѣпкому человѣку пришлось даже нести нѣсколько лишнихъ фунтовъ, служащихъ ему талисманомъ противъ пули, онъ не отяготится ими. Если можно возражать противъ панцыря, то никакъ не съ этой точки зрѣнія.

Какъ не пожалѣть, глядя на нашу гвардію, что щепоть пороха равняетъ такихъ людей съ трехъ-вершковымъ пѣхотинцемъ, между тѣмъ какъ избытокъ физической силы, могущій стать страшнымъ преимуществомъ въ бою, допускаетъ безъ

Digitized by Google

затрудненія увеличеніе ноши нѣсколькими фунтами для сохраненія за бойцемъ такого великаго преимущества.

Покрой панцыря на переднюю часть тѣла отъ шеи до паховъ не представляетъ никакого затрудненія; головной же панцырь требуетъ старательной пригонки. Для каждаго рода войскъ — пѣхоты, конницы и проч. нужны различные виды панцырей, стало быть, различныя испытанія, въ кавалерію, напримѣръ, могутъ быть введены совсѣмъ легкіе панцыри, вѣсящіе только до 1 фунта, но защищающіе отъ пистолетнаго выстрѣла и отъ всякаго холоднаго оружія. Вопросъ объ оборонительномъ вооруженіи только что возникаетъ; оно можетъ получить примѣненія, о которыхъ пока еще нѣтъ рѣчи. Возможны также большіе щиты, вколачиваемые въ землю для закрытія артилеріи отъ ружейнаго огня (что, надо сказать, придаетъ новое значеніе картечи), и также большіе щиты подвижные для нѣсколькихъ человѣкъ, носимые первою шеренгою. Было бы лишь обращено должное вниманіе на панцырь — и столько разомъ возникнетъ нежданныхъ примѣненій, что они перевернутъ вверхъ дномъ значительную часть нынѣшнихъ тактическихъ правилъ и понятій.

Лично и глубоко убѣжденъ въ огромной современной важности панцыря. Многіе военные люди наши, пользующіеся заслуженною извѣстностію, съ которыми я имѣлъ случай говорить объ этомъ предметѣ, раздѣляютъ мое убѣжденіе. Всѣ боевые люди понимаютъ важность предмета, хотя не всѣ вѣрятъ въ существованіе достаточно легкаго непробиваемаго панцыря. Его нужно показать, а для того прежде надобно возбудить желаніе посмотрѣть, и въ этомъ состоитъ, странно сказать, труднѣйшая часть задачи, по крайней мѣрѣ, у насъ. Между тѣмъ дѣло идетъ покуда вовсе не о томъ, чтобы одѣвать въ панцырь кого бы то ни было и затрачивать для того значительныя суммы; покуда достаточно желанія удостовѣриться — изобрѣтенъ ли въ самомъ дѣлѣ непробиваемый пулею панцырь. Если панцырь окажется вздоромъ, то бросить его; если — не вздоромъ, то не подвергаться опасности повторить исторію съ ружьями Минье въ Крымскую войну.

Военная исторія полна примѣрами изобрѣтеній, дававшихся прямо въ руки кому-нибудь, отвергаемыхъ рутиною и потомъ обезпечивавшихъ побѣду противнику. Неужели мы забудемъ такъ скоро ружья Минье? Панцырь открытъ не вчера;

Digitized by Google

двадцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ, какъ онъ отражаетъ пулю. Окрытіе это стучится въ дверь новой тактикѣ. Не сегодня, такъ завтра кто-нибудь усовершенствуетъ его и восторжествуетъ посредствомъ его. Но никому онъ не нуженъ въ такой мѣрѣ, какъ намъ, по коренному свойству нашей арміи. Я сужу такъ: если имѣется въ виду какой-нибудь опытъ еще не початый, но могущій, по логикѣ, разрѣшиться значительными послѣдствіями, если за него стоятъ нѣсколько людей, не глупыхъ и знакомыхъ съ дѣломъ, — то опытъ долженъ быть произведенъ, особенно если онъ не требуетъ большихъ жертвъ; вреда отъ этого нѣтъ, а польза можетъ быть большая; тѣмъ болѣе, когда за него стоятъ авторитеты дѣла, которыхъ я могу назвать цѣлый рядъ, и нѣсколько правительствъ, обратившихъ уже на него вниманіе.

Digitized by Google

Разборъ брошюры.

Генерала Пистолькорса «О значеніи русской кавалеріи».

1872 годъ.

Не желая возобновлять безплодныхъ преній о нашемъ военномъ дѣлѣ, излагаю не свое, а чужое и, кажется, довольно полновѣсное мнѣніе, о замѣчательной брошюрѣ генерала Пистолькорса. Лично я почти не имѣю права одобрять ея взглядъ, такъ какъ давно уже думаю заодно съ ея авторомъ, что извѣстно читателямъ «Вооруженныхъ силъ Россіи».

Графъ де Бальменъ, бывшій русскимъ агентомъ на островѣ св. Елены во время заключенія Наполеона, приводитъ въ одномъ изъ своихъ донесеній слѣдующій разговоръ великаго полководца съ англійскимъ адмираломъ, сэромъ Пельтней Мэлькольмомъ *). Говоря о Россіи, онъ сказалъ:

«Если вы не остережетесь, эта страна возобладаетъ надъ всѣми. Она уже и теперь достигла такого развитія силъ, при которомъ возможно очень многое. Государь ея миролюбивъ, и это счастіе для васъ, большое счастіе. Достаточно было бы однѣхъ легкихъ войскъ, казаковъ, пущенныхъ по всѣмъ направленіямъ, чтобы порядочно растрепать Европу».

«Но, сказалъ адмиралъ, по наружности, казаковъ нельзя считать отличной конницей».

«Не разсчитывайте на это, возразилъ Бонапарте, они смѣтливы до тонкости, отлично понимаютъ партизанскую войну, ловко накрываютъ непріятеля, ловко врѣзываются въ него,

---

*) Напечатано въ »Русскомъ Архивѣ».

Digitized by Google

а потомъ и слѣдъ ихъ простылъ; ихъ же самихъ невозможно побить порядкомъ. Они пробираются чутьемъ по чужимъ странамъ, не зная ни языка, ни дорогъ; они вездѣ сущи, продовольствуются добычей. Мнѣ никогда не случалось брать казаковъ въ плѣнъ».

Къ этимъ словамъ нечего прибавлять, но можно выяснить, насколько они остаются справедливыми при новыхъ условіяхъ войны, до которыхъ Наполеонъ не дожилъ. Для этого достаточно изложить въ сокращеніи брошюру г. Пистолькорса.

Я читалъ (кажется, у прусскаго тактика Деккера), что послѣ Люценской битвы въ 1813 году у союзныхъ начальниковъ спрашивали, отчего они не пустили въ дѣло нѣсколько десятковъ тысячъ своей кавалеріи противъ непріятеля, почти безконнаго, и услышали отвѣтъ: «что же можетъ сдѣлать конница противъ пѣхоты, одержавшей верхъ надъ нашею пѣхотою»? Этотъ отвѣтъ, совершенно резонный, былъ данъ въ то время, когда вооруженіе пѣхоты состояло изъ кремневыхъ ружей, не стрѣлявшихъ въ дождь, какъ въ томъ же году случилось подъ Дрезденомъ. Теперь пѣхота вооружена скорострѣльными ружьями, берущими на версту и вся поголовно обучена прицѣльной стрѣльбѣ. Гражданскій читатель можетъ, пожалуй, заключить изъ этого, что строевой солдатской конницѣ, предназначенной исключительно къ аттакѣ холоднымъ оружіемъ, или, говоря по просту, къ сбиванію людей грудью коня, нечего больше дѣлать. Но нѣкоторые ученые военные полагаютъ, однако же, что и теперь еще строевой конницѣ можетъ выпасть случай совершить что нибудь блестящее,—и они совершенно правы въ томъ смыслѣ, что въ человѣческихъ дѣлахъ, какъ въ человѣческихъ спряженіяхъ, нѣтъ правила безъ исключенія. Но тутъ является вопросъ; если солдатская кавалерія, предназначаемая въ ломкѣ грудью, станетъ даромъ ѣсть казенное сѣно, пока общее правило не прорвется какимъ нибудь исключеніемъ, то окажется ли въ итогѣ хоть одинъ процентъ пользы на сто процентовъ ея стоимости? Другіе военные писатели, болѣе экономные (напримѣръ, Рюстовъ) считаютъ единственнымъ назначеніемъ конницы въ наше время аванпостную службу и предлагаютъ ограничить ея размѣръ пропорціей одного всадника на 20 пѣхотинцевъ, выражающей довольно вѣрно отношеніе числа лошадей къ итогу населенія на западѣ.

Digitized by Google

Все это относится къ Европѣ. Но, какъ благосклонному читателю извѣстно, мы не Европа, а варварская Россія, по окраинамъ которой бродятъ до сихъ поръ несчетные табуны и живутъ сотни тысячъ людей, умѣющихъ ѣздить верхомъ съизмала, не учившись, такъ же какъ нѣмецъ или французъ умѣетъ не учившись ходить пѣшкомъ. Это обстоятельство придаетъ совсѣмъ иную постановку вопросу о нашей конницѣ.

Кавалерія союзниковъ подъ Люценомъ, о которой выше шла рѣчь, была, конечно, мало подвижна: всадники ѣздили не особенно бойко, были по большей части неспособны къ одиночному дѣйствію, а кони ихъ не выдерживали ни долгихъ переходовъ (особенно же ряда долгихъ переходовъ), ни плохаго корма. Совсѣмъ тѣмъ, всякая лошадь движется настолько быстрѣе человѣка, что и эта кавалерія могла бы обойти непріятеля, имѣвшаго мало конницы, и стать за его тыломъ и флангами. Но, затѣмъ, что бы она дѣлала, ставши за флангами и тыломъ? Европейская конница (въ томъ числѣ и наша) знаетъ только одинъ способъ биться противъ пѣхоты: ломить ее грудью коней. Но аттаковать такимъ образомъ цѣлую пѣхоту значитъ навѣрное дать себя истребить безъ малѣйшаго разсчета на успѣхъ и, стало быть, безъ малѣйшей пользы. Слѣдовательно союзной конницѣ оставалось только идти за хвостомъ своей пѣхоты, въ ожиданіи счастливаго часа, когда послѣдняя разобьетъ непріятельскую и ей представится случай броситься на противника уже разстроеннаго. Такъ было въ то время, когда пѣхота дѣйствовала разстрѣлянными кремневыми ружьями, выпускавшими половину заряда черезъ затравку. Теперь же, даже въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля, строевая конница едва ли совершитъ чудеса. Каждая рота со скорострѣльными ружьями, хотя бы разстроенная, но не совсѣмъ струсившая, осадитъ всякую конницу; счастіе еще, если преслѣдующая кавалерія успѣетъ захватить нѣсколько отставшихъ орудій. Во все продолженіе франко-прусской войны кавалерія ни разу не пожинала какихъ либо лавровъ на полѣ битвы.

Было бы иное еслибъ, конница кромѣ геройской, но романической ломки грудью, владѣла еще какимъ либо другимъ, болѣе удобнымъ пріемомъ для боя съ пѣхотою, еслибъ она могла биться съ нею въ ровную, рискуя собою въ одинаковой степени съ противникомъ; тогда нѣсколько десятковъ тысячъ

Digitized by Google

союзной конницы подъ Люценомъ не оказались бы праздными, и непріятелю, не имѣвшему досчаточнаго числа коней, чтобы удержать ее, пришлось бы плохо. Едва ли кто нибудь представитъ себѣ возможность биться въ два фаса противъ непріятеля, спереди и сзади, если только затыльный противникъ не какая либо мелкая партія, а масса, способная къ рѣшительному удару. Я читалъ про такую битву разъ въ жизни, у Полибія. Надобно полагать, что въ подобномъ положеніи всякая армія, даже самая обстрѣленная, будетъ разбита паникой, прежде чѣмъ придется разбивать ее оружіемъ. Нечего и говорить о другихъ преимуществахъ конницы, способной мѣряться съ пѣхотой въ ровную, во всякомъ случаѣ и на всякой мѣстности. По быстротѣ движеній, конницу легко сосредоточивать гдѣ угодно, а потому она не дала бы дохнуть непріятелю, не дала бы ему выдѣлить ни одного отряда; а война сплошною массою, безъ отрядовъ, невозможна.

Но все это осуществимо лишь при томъ условіи, чтобы конница могла состязаться съ пѣхотою какимъ либо другимъ способомъ, кромѣ наскока, при которомъ бьютъ только ее, а она никого не бьетъ. Такой способъ есть, и притомъ единственный—спѣшиваться, когда нужно, обращаясь самой въ пѣхоту, какъ учатъ драгунъ. Но только способъ этотъ вещественно недостижимъ въ большомъ размѣрѣ для европейской конницы и всякой, формируемой по ея подобію, по двумъ причинамъ: 1) Срокъ службы кавалериста изъ ректрутъ весь уходитъ на то, чтобы обучить его сидѣть на лошади; неумѣніе ѣздить верхомъ составляетъ коренной признакъ цивилизованныхъ націй. Гоняться же за двумя зайцами, какъ всякій знаетъ, значитъ не поймать ни одного. Еще Жомини называлъ европейскихъ драгунъ амфибіей, и утверждалъ, что этотъ родъ войска можно формировать только изъ людей, родящихся драгунами, каковы казаки, турки, кавказскіе горцы. Такъ было прежде, подавно же теперь, когда пѣхотинецъ долженъ стать прежде всего хорошимъ стрѣлкомъ. Въ настоящаго драгуна можетъ обратиться лишь такой человѣкъ, которому достаточно показать нѣсколько простыхъ кавалерійскихъ построеній и затѣмъ употребить весь срокъ его службы на обученіе стрѣлковому и застрѣльщичьему дѣлу. Надобно замѣтить притомъ, что обученіе казаковъ, по чрезвычайной ихъ расторопности, тре-

Digitized by Google

буетъ мѣсяцевъ вмѣсто годовъ, необходимыхъ обыкновенному рекруту. 2) Для того, чтобы конница, даже стрѣлковая и отлично обученная, могла дѣйствовать самостоятельно, надобно чтобъ она была очень многочисленна; способность къ спѣшиванью не поможетъ, если ей постоянно придется имѣть дѣло съ непріятельской пѣхотой, значительно превосходящей ее числомъ. Положимъ, конницу легко сосредоточить; но даже при этомъ условіи надо располагать большимъ числомъ всадниковъ, чтобы было кого сосредоточивать, такъ какъ на конницѣ лежитъ еще много другихъ обязанностей, отъ которыхъ нельзя отрывать ее безъ остатка. Наконецъ, конница можетъ отважиться на самостоятельныя предпріятія противъ тыла и фланговъ врага въ такомъ лишь случаѣ, когда предварительно собьетъ съ поля его конныя силы, т. е. окажется значительно сильнѣе ихъ. Очевидно какое число коней необходимо для такихъ цѣлей. Но вѣдь конница—оружіе спеціальное, слѣдуетъ даже сказать — единственное спеціальное оружіе, требующее развитія въ людяхъ особаго склада душевнаго и тѣлеснаго, что пріобрѣтается только долгимъ и непрерывнымъ навыкомъ, и то лишь въ половину, если люди не сложились всадниками сами собою, съизмала; оттого искусственную конницу нельзя понижать въ мирное время въ кадровый составъ, какъ пѣхоту или конницу естественную, распуская большую часть людей по домамъ; люди эти вернутся въ строй не кавалеристами. Держать же на-лицо всю массу всадниковъ и коней, потребную для осуществленія задачи настоящей стрѣлковой конницы,— на это не станетъ никакого бюджета, а въ Европѣ не станетъ и лошадей. А между тѣмъ стрѣлковая конница осуществима лишь при томъ условіи, чтобы всякій человѣкъ былъ одинаково хорошимъ бойцомъ на конѣ и пѣшкомъ. Европейскіе народы не могутъ преодолѣть этихъ двухъ препонъ— обращенія рекрута одновременно въ кавалериста и пѣхотинца, и содержанія такого числа кавалеріи, какое нужно для самостоятельныхъ ея дѣйствій. Для нихъ тутъ не затрудненія только, а препоны непреодолимыя. Къ этимъ двумъ препятствіямъ присоединяется еще третье: неимѣніе въ Европѣ лошадей, способныхъ къ долгой скачкѣ, къ усиленнымъ переходамъ въ теченіе многихъ дней, при недостаточно обильномъ кормѣ,—безъ чего изъ самостоятельныхъ дѣйствій кавалеріи ничего не выйдетъ. Оттого европейцамъ остается одинъ

Digitized by Google

лишь способъ употреблять свою кавалерію (кромѣ аванпостной службы), способъ котораго они и держутся: водить ее на хвостѣ пѣхотныхъ колоннъ, дожидаясь удобнаго для аттаки случая, почти никогда теперь не представляющагося; французы и австрійцы постоянно такъ дѣлали, вѣроятно будутъ дѣлать и впредь; прусаки въ послѣднюю войну выдвигали большую часть ея впередъ, но лишь для аванпостной службы.

Многимъ читателямъ желательно, вѣроятно, напомнить мнѣ въ этомъ мѣстѣ о прусскихъ уланахъ. Но я также попрошу ихъ вспомнить, что половина французской конницы была заперта въ Мецѣ, а другая взята въ плѣнъ въ Седанѣ, и что при такихъ обстоятельствахъ, въ странѣ, гдѣ никто неумѣетъ ѣздить верхомъ, кромѣ членовъ жокей клуба, какимъ бы то ни было уланамъ и въ какомъ бы то ни было числѣ—можно было безопасно бродить по открытымъ полямъ и брать напуганные города, знавшіе, что за двумя уланами идетъ 20 тысячъ пѣхоты. Но въ то же время во Франціи происходило слѣдующее любопытное явленіе, о которомъ ходятъ тамъ тысячи анекдотовъ: прусаки разбросали по странѣ кавалерію, французы—вольныхъ стрѣлковъ. Эти стрѣлки, какъ польскія банды 1864 года, бродили по перелѣскамъ, не смѣя выставить носа изъ древесной чащи; прусскіе же конные партизаны, не имѣя ружья, трусили, въ свою очередь, каждой рощицы и держались исключительно на открытыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, сѣверная Франція была наполнена одновременно партизанами двухъ враждебныхъ сторонъ, кружившихся однѣ около другихъ, какъ пары въ вальсѣ, не сталкиваясь. Къ такимъ партизанскимъ дѣйствіямъ способны нетолько прусскіе, но, полагаю, также и китайскіе уланы.

Очевидно, что современный кавалерійскій вопросъ замкнутъ для европейцевъ въ безвыходномъ кругѣ. Для усвоенія этому страшному оружію его существеннаго преимущества, состоящаго въ чрезвычайной быстротѣ передвиженія, тамъ не существуетъ матеріала—ни годныхъ людей, ни достаточнаго числа лошадей. Нельзя поэтому не признать основательности мнѣнія многихъ западныхъ военныхъ, предлагающихъ ограничить назначеніе европейской кавалеріи одною аванпостною службою.

Но въ какомъ же отношеніи этотъ выводъ примѣняется къ намъ. Неужели мы перестали бы плавать по Волгѣ, еслибъ у нѣмцевъ вдругъ высохъ Рейнъ?

Digitized by Google

Въ юго-восточной окраинѣ Россіи живутъ 250 тысячъ годныхъ къ службѣ казаковъ и почти столько же внутреннихъ конныхъ инородцевъ; всѣ они люди родящіеся на конѣ, разсторопные, ловкіе и смѣлые. Учить ихъ верховой ѣздѣ не приходится: для нихъ это не знаніе, а безсознательная привычка. Изъ нихъ можно формировать строевую конницу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ современную пѣхоту—держать въ мирное время на-лицо треть людей, что недостижимо въ Европѣ, и употребить весь срокъ ихъ службы на обученіе стрѣлковому дѣлу. Каждый изъ нихъ, какъ всадникъ, несравненно превосходитъ солдата, ѣздящаго верхомъ только съ помощію нѣсколькихъ, съ трудомъ заученныхъ правилъ. Въ то же время въ собственной Россіи, кромѣ подчиненныхъ ей кочевыхъ странъ, считается 20 милліоновъ лошадей, вдвое болѣе чѣмъ въ остальной Европѣ. Безъ малѣйшаго затрудненія, съ большою экономіею для военнаго бюджета, въ шестилѣтній срокъ (считая три двухгодовыя очереди), не содержа въ мирное время болѣе коней, чѣмъ теперь, мы могли бы сформировать 300 тыс. стрѣлковой конницы, оправдывающей предсказаніе Наполеона,—въ случаѣ нужды и больше.

Но для осуществленія этой сокрушительной силы нужно разстаться съ нашей привычкой слѣпаго подражанія Европѣ. Нынѣшнюю манежную кавалерію, на нѣмецкій ладъ, нельзя дополнить естественной русской конницей,—можно лишь вполнѣ замѣнить одну другою. На это есть много причинъ: 1) казаки дожны знать конный строй не менѣе (хотя отнюдь не болѣе) гвардейскихъ казачьихъ полковъ, рѣшившихъ своей аттакой участь первой битвы подъ Лейпцигомъ,—для чего слѣдуетъ смѣшать нашихъ молодецкихъ кавалерійскихъ офицеровъ съ казачьими; это нужно для того также, чтобы поднять служебный уровень казачьяго офицерства; по численной пропорціи этихъ двухъ видовъ конницы, регулярные составятъ 1/4 всего числа; 2) казаковъ нельзя пускать въ строй на лошаденкѣ, пріобрѣтаемой инымъ бѣднякомъ за 20 руб., неимѣющей ни силы, ни оѣгу: имъ надо дать пособіе изъ казеннаго ремонта, выходящаго теперь безъ остатка на регулярную кавалерію, и требовать отъ нихъ добрыхъ степныхъ коней; 3) казакамъ нужно также дать огнестрѣльное вооруженіе, не только равнокачественное пѣхотному, но еще болѣе сокрушительное, а именно—повторительное или магазинное ружье. Ге-

Digitized by Google

нералъ Пистолькорсъ приводитъ изъ американской войны нѣсколько примѣровъ убійственнаго дѣйствія этого ружья, почти мгновенно опрокидывавшаго противника всякій разъ, какъ оно было употреблено въ бою,—ружья, котораго нельзя однакожъ дать пѣхотинцу, по невозможности носить на себѣ потребное для него количество патроновъ; всадникъ повезетъ ихъ на конѣ. Между тѣмъ, по словамъ прошлогодняго отчета военнаго министерства, вооруженіе казаковъ, даже обыкновенными скорострѣльными ружьями, остановилось до приведенія въ ясность ихъ войсковыхъ суммъ. Такъ будетъ всегда, пока русская конница не составится исключительно изъ казаковъ, т. е. изъ отличныхъ и дешевыхъ природныхъ всадниковъ, вмѣсто дорогихъ всадниковъ искусственныхъ, способныхъ только къ одному роду дѣйствій. Нравственная сторона дѣла важнѣе еще въ этомъ случаѣ экономической и всякой другой. Пока существуетъ солдатская кавалерія, хотя бы въ ограниченномъ числѣ, казаки не выйдутъ изъ чернаго тѣла, останутся на вѣки нестроевой конницей, которой они никогда не были, въ которую ихъ обратили почти насильно, для противоположности. Обученіе строю нѣсколькихъ казачьихъ полковъ, какъ дѣлается теперь, нисколко не поможетъ; даже для нихъ не найдется ни достаточнаго числа хорошихъ офицеровъ, т. е. офицеровъ на виду, ни ремонтныхъ денегъ, ни оружія; не окажется даже полнаго вниманія къ нимъ со стороны начальниковъ; имъ достанутся лишь объѣдки отъ уланъ и гусаръ. Еслибъ не существовало даже такого ряда причинъ для упраздненія у насъ искусственной конницы, то все-таки оставалась бы главная, самая убѣдительная причина, та, что она ни къ чему не нужна при столь многочисленной конницѣ природной, единственной, удовлетворяющей современнымъ требованіямъ и стоющей гораздо дешевле, такъ какъ послѣдняя станетъ смѣняться въ три очереди и будетъ въ значительной мѣрѣ вооружаться и ремонтироваться на собственный счетъ. Кажется, можно выбрать не колеблясь между страшнымъ оружіемъ настоящаго и будущаго и архивнымъ оружіемъ старыхъ воспоминаній, безъ сомнѣнія храбрымъ, но рѣдко уже примѣнимымъ къ дѣлу по своему вооруженію, по качеству людей и лошадей.

Закоренѣлыя привычки такъ сильны, однакожъ что дѣло все-таки не обойдется безъ возраженія: «будетъ ли казачья аттака такъ же сильна, какъ нынѣшняя кавалерійская?» Возра-

Digitized by Google

женіе это понятно со стороны людей, видавшихъ только казаковъ, разбираемыхъ цѣлыми сотнями въ вѣстовые, не имѣвшихъ ни одной свободной недѣли для ученья во все продолженіе служебнаго срока, выѣзжавшихъ иногда на плохихъ лошаденкахъ, командуемыхъ зачастую урядниками изъ писарей и штабъ-офицерами изъ стряпчихъ—однимъ словомъ, казаковъ, затоптанныхъ въ черное тѣло. Но даже такіе казаки, попадая случайно въ добрыя руки, становятся отчаянной конницей, между тѣмъ, какъ солдатская кавалерія, поставленная въ подобныя условія, забыла бы не только ѣздить, она забыла бы, кажется, ходить пѣшкомъ. Безъ причины ничего не приходитъ; по какой же причинѣ казачья аттака можетъ оказаться слабѣе солдатской? Оттого ли, что казакъ лучше владѣетъ конемъ, что онъ проводитъ въ сѣдлѣ по суткамъ безъ устали, что онъ ловче, несравненно смѣтливѣе и, какъ прирожденный всадникъ, въ общемъ итогѣ отважнѣе коннаго солдата; оттого ли, что конь его болѣе сносливъ отъ природы, не испорченъ неестественной выѣздкой и всегда лучше сбереженъ, чѣмъ въ солдатской кавалеріи: или оттого что ни казакъ, ни конь его не знаютъ полезныхъ штукъ, выдѣлываемыхъ въ углахъ манежей? Приходится спросить еще разъ, какъ я уже спрашивалъ однажды: что сказали бы объ англичанахъ, еслибъ они стали пополнять свой флотъ манчестерскими бумагопрядильщиками, обходя своихъ безчисленныхъ вольныхъ матросовъ, въ подражаніе народамъ, у которыхъ вольныхъ матросовъ нѣтъ? Предположеніе это кажется читателю забавнымъ... мнѣ также. Къ подражательности подобнаго рода способны не англичане, а развѣ турки, также замѣнившіе своихъ грозныхъ спаговъ нынѣшними комическими уланами.

Мечта великихъ полководцевъ, въ томъ числѣ и Наполеона I-го стрѣлковая конница, одинаково способная биться пѣшкомъ и верхомъ,—это страшное орудіе, могущее въ хорошихъ рукахъ перевернуть всѣ общепринятыя условія войны—осуществима только въ Россіи. Въ наше время значеніе ея выдается еще рѣзче. При Наполеонѣ обыкновенная строевая конница могла замѣнять ее, хотя отчасти; теперь же, при усовершенствованномъ огнестрѣльномъ оружіи, кавалерія, не умѣющая обращаться въ пѣхоту, оказывается полезной только на аванпостахъ, и то не въ видѣ силы, а лишь въ видѣ дозора. Замѣтьте еще, что Наполеонъ мечталъ о стрѣлковой кон-

Digitized by Google

ницѣ не въ нашемъ русскомъ размѣрѣ, а лишь въ численности, соотвѣтствующей ремонтнымъ средствамъ Европы, то-есть въ пропорціи одного коннаго стрѣлка на 10 пѣхотинцевъ, и даже въ такомъ видѣ находилъ ее неосуществимой; онъ зналъ, что многочисленная искуственная конница невозможна, что для этого нужны люди, родящіеся всадниками и выходящіе на службу очередями. О нашихъ же казакахъ этотъ великій полководецъ мечталъ, какъ о недостижимомъ для европейцевъ идеалѣ, обращающемъ войну изъ случайной игры въ непогрѣшимый разсчетъ. Дѣйствительно, сравните положеніе двухъ воюющихъ сторонъ, изъ которыхъ одна располагаетъ только ограниченнымъ количествомъ строевой конницы, дѣйствующей однимъ холоднымъ оружіемъ, другая же почти не ограниченнымъ числомъ конницы стрѣлковой, превращающейся мгновенно, когда нужно, въ пѣхоту. Даже въ равныхъ силахъ непріятельская строевая кавалерія будетъ способна биться только противъ кавалеріи же, на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, наша—противъ всѣхъ оружій, на всякомъ мѣстѣ. Въ странѣ, хотя нѣсколько, пересѣченной она не только разобьетъ,—она запретъ непріятельскую конницу, какъ запираютъ противника въ игрѣ шашекъ. Въ превосходныхъ же силахъ, соотвѣтствующихъ гибкому устройству естественной конницы, мы загонимъ кавалерію непріятеля за его пѣхоту, изъ за которой она не посмѣетъ уже показаться. Тогда весь театръ войны—нашъ; непріятель очутится въ осадѣ даже на своей собственной землѣ; ни одинъ вольный стрѣлокъ не посмѣетъ показаться передъ тучею стрѣлковыхъ казаковъ, не спрячется отъ нихъ въ перелѣскѣ, какъ отъ прусскихъ уланъ. Въ то же время стрѣлковая конница, хорошо владѣющая повторительнымъ ружьемъ, будетъ имѣть за собою очевидныя преимущества въ бою съ пѣхотою: во-первыхъ, превосходствомъ своего вооруженія, во-вторыхъ тѣмъ, что она конница и пѣхота вмѣстѣ, и можетъ пользоваться обоими видами своей силы, можетъ догнать на конѣ опрокинутыхъ пѣхотинцевъ прежде, чѣмъ тѣ успѣютъ оправиться, т.-е истребить ихъ, чего теперь не случается, такъ какъ кавалерія обыкновенно стоитъ далеко въ резервѣ. Затѣмъ, всякій маневръ станетъ почти невозможнымъ для непріятеля; мы предупредимъ его вездѣ и всегда, стратегически и тактически, не какимъ нибудь летучимъ отрядомъ, а массою спѣшенной конницы, т.-е пѣхотою же, при какомъ угодно количествѣ конной артиллеріи. Нако-

Digitized by Google

нецъ, при томъ числѣ конницы, которое Россія можетъ выставить, если съумѣютъ ее подготовить), намъ будетъ возможно обойти непріятеля не только въ частномъ бою, но въ генеральномъ сраженіи, поставить его между двухъ огней, какъ еслибъ въ тылъ ему зашелъ цѣлый пѣхотный корпусъ съ массою конницы. Эта обходящая летучая армія нагрянетъ на него и скроется, когда ей угодно. Нашимъ противникамъ, постоянно окруженнымъ партизанами, заранѣе истомленнымъ почти блокаднымъ положеніемъ, идущимъ ощупью, какъ слѣпые противъ зрячаго,—придется еще вступать въ каждый бой въ обстановкѣ Седана, имѣя врага спереди и съ тыла. Это будетъ борьба звѣря съ равносильной хищной птицей, набрасывающейся на него сверху,—борьба, очевидно, неровная. Вотъ чего можно достигнуть разумнымъ употребленіемъ природной русской конницы,—вотъ о чемъ думалъ Наполеонъ, говоря о казакахъ на св. Еленѣ.

Я изложилъ своими словами и вкратцѣ содержаніе брошюры генерала Пистолькорса. Въ этомъ сокращеніи я не могъ дать читателю достаточнаго понятія о многообразномъ развитіи предмета, о мѣткости взгляда, о глубинѣ практическаго знанія дѣла, которыми насквозь проникнуто это замѣчательное сочиненіе. Брошюра генерала Пистолькорса — починъ новаго дѣла, а не перетруска общеизвѣстныхъ вещей, составляющая содержаніе почти всей военной литературы послѣднихъ годовъ. Будь она написана не по-русски, она стала бы знакомою каждому русскому читателю, даже не знающему иностранныхъ языковъ; теперь же едва-ли многіе ее прочли. Журналамъ она, кажется, также мало извѣстна, особенно военнымъ. У насъ зачастую и несправедливо выражаютъ сомнѣніе въ существованіи достаточнаго числа способныхъ и вполнѣ приготовленныхъ людей руководителей; между тѣмъ, какъ люди не заурядъ выказываются у насъ не рѣдко, вотъ хоть бы сочинитель брошюры «о значеніи русской кавалеріи»; а никто не спрашиваетъ, въ тоже время, есть-ли у насъ для этихъ людей оцѣнка и публика, въ чемъ можно болѣе чѣмъ усомниться. Факты доказываютъ неутѣшительное явленіе, что оцѣнка русскаго человѣка, сильнаго въ своемъ предметѣ, устанавливается всегда раньше и сознательнѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Россіи.

Генералъ Пистолькорсъ затрогиваетъ въ своей брошюрѣ

Digitized by Google

(впрочемъ, немногими словами) еще одинъ чрезвычайно важный военный вопросъ, параллельный съ кавалерійскимъ, такъ какъ и онъ основывается преимущественно на обиліи и цѣнности лошадей—вопросъ объ артиллеріи. Не имѣя въ виду развивать его подробно, я изложу его все-таки нѣсколько шире, чѣмъ сдѣлалъ г. Пистолькорсъ; иначе читатели не поймутъ въ чемъ дѣло. Въ настоящее время самая многочисленная полевая артиллерія въ Европѣ—германская; число запряженныхъ орудій по военному положенію, для дѣйствующей арміи и резерва, простирается тамъ до 2,408. Нѣмцы остановились на этой цифрѣ не потому, чтобы не хотѣли имѣть болѣе орудій, а потому, что имъ невозможно имѣть болѣе; это не мѣшаетъ, однакожъ, инымъ тактикамъ, по заведенному порядку, обращать необходимость въ систему и устанавливать правило, что на столько-то бойцовъ теперь слѣдуетъ держать столько-то пушекъ. Очевидно, однакожъ, что если нѣмцы были вынуждены установить обязательную военную повинность не только для людей, но и для лошадей, то имъ приходится тѣсно въ этомъ отношеніи; но тѣ же нѣмцы бываютъ очень рады, когда представляется возможность вывесть въ поле больше орудій, чѣмъ полагается по штатамъ. Армія принца Фридриха-Карла, подтаявшая при блокадѣ Меца и направленная потомъ противъ французской орлеанской арміи, несравненно превосходившей ее числомъ,—полагалась больше всего на свою артиллерію, состоявшую изъ 330 орудій на 45 тысячъ боевыхъ солдатъ, что даетъ пропорцію почти 8 орудій на 1,000 бойцовъ. Нѣмцы вовсе не желали сообразоваться въ этомъ случаѣ съ нормой, и дѣлали бы такъ всегда, еслибъ имѣли къ тому возможность; но они этого не могутъ,—у нихъ нѣтъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ летейныхъ заводахъ, но коней негдѣ взять; въ Германіи всего 2 милліона лошадей съ жеребятами и дряхлыми клячами на всѣ потребности войны, извоза и земледѣлія; а на ихъ армію, въ нынѣшней ея численности требуется до 300 тысячъ. Вообще же можно сказать,—при настоящей дѣйствительности и самостоятельности артиллеріи, всякая норма становится для нея излишней; остается только возможность. Прежнія легкія пушки, стрѣлявшія удовлетворительно не болѣе какъ на разстояніи 1,200 шаговъ (батарейныя на 1,800), были слишкомъ подвержены внезапному нападенію конницы и даже застрѣльщиковъ, а потому никогда не могли обхо-

Digitized by Google

диться безъ сильнаго прикрытія; пока артиллерія не выходила изъ подъ постоянной опеки, поневолѣ нужно было сообразовать число орудій съ численностію прикрытія; отсюда и выросло понятіе о законной нормѣ артиллеріи. Теперь полевая артиллерія, даже легкая, дѣйствуетъ губительно на разстояніи 3,600 шаговъ, а съ этого разстоянія внезапное нападеніе достаточно: ему всегда можно противопоставить достаточныя силы во время; слѣдовательно, артиллерія стала гораздо независимѣе прежняго. Пруссаки водили ее массою во главѣ своихъ походныхъ колонъ, вслѣдъ за аванпостами, о чемъ прежде нельзя было и думать, и пріобрѣтали очевидный перевѣсъ въ началѣ каждаго дѣла, что часто рѣшаетъ и конецъ. Съ другой стороны, дальность, мѣткость и разрушительное дѣйствіе артиллерійскаго огня чревычайно усилили значеніе этого рода оружія, вмѣстѣ съ тѣмъ много упрощеннаго, такъ какъ одинъ снарядъ замѣняетъ теперь все—и ядро, и гранату, и картечь. Въ настоящее время можно возмѣщать избыткомъ артиллеріи недочетъ въ пѣхотѣ (хотя не въ конницѣ). Соразмѣряя итогъ разрушительности, производимый нынѣ пѣхотнымъ или артиллерійскимъ огнемъ на полѣ битвы со стоимостію каждаго изъ этихъ оружій, оказывается, что за одинаковый бюджетный расходъ мирнаго времени можно побить гораздо болѣе враговъ посредствомъ артиллеріи, чѣмъ посредствомъ пѣхоты; т. е., что въ сущности артиллерія стоитъ гораздо дешевле пѣхоты. Конечно, одна артиллерія не можетъ выйти въ поле, но превосходство въ артиллеріи часто рѣшаетъ дѣло. Выставляющій большее число пушекъ можетъ съ вѣроятностію разсчитывать на побѣду, а выставить больше пушекъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ больше лошадей и не затрудняется ремонтомъ. Вся выгода положенія на нашей сторонѣ; остается только ею пользоваться. Рядомъ съ этими великими преимуществами новѣйшей артиллеріи, она представляетъ еще то неоцѣненное, притомъ давнишнее преимущество, что она формируется легче и скорѣе всѣхъ другихъ родовъ оружія, если только въ странѣ упрочено образованіе артиллерійскихъ офицеровъ. Доказательства на лицо, и не только доказательства, взятыя изъ какой либо одной войны, но изъ цѣлаго ряда войнъ. Въ послѣднемъ столкновеніи австро-прусскомъ, какъ въ борьбѣ за испанскую независимость 1807—13 г., такъ и въ другихъ случаяхъ, когда приходилось импровизовать арміи, одна

Digitized by Google

только артиллерія оказывалась вполнѣ годной, будто старая. Въ концѣ 1870 года новорожденная французская артиллерія уступала прусской лишь въ качествѣ орудій, но не въ качествѣ прислуги; если и была разница, то мало ощутительная не вліявшая на исходъ боя. Этотъ фактъ можетъ показаться страннымъ только ученымъ военнымъ, а не людямъ, живущимъ съ солдатами. Механическое образованіе войска—дѣло простое и не долгое; вся мудрость въ томъ, чтобы вложить въ него душу, для чего нужно также время; въ артиллеріи же нѣтъ души: она складывается чисто механическими пріемами. Дѣло въ томъ, что конница и пѣхота составляютъ массу, а масса, какъ извѣстно, сила стихійная, подверженная безличному и часто безпричинному увлеченію и такой же паникѣ. Чтобы обезпечить, насколько возможно, случайное настроеніе массы въ свою пользу, нужно многое: и сильная военная закваска, и преданія, и духъ товарищества, и отличный нравственный выборъ старшихъ людей, къ которымъ человѣческое стадо тѣснилось бы по непроизвольному влеченію, вѣруя въ нихъ. Артиллерія же не масса: тутъ немногіе солдаты, каждый самъ по себѣ, стоятъ собственнымъ лицомъ передъ офицеромъ, не сливаясь ни въ какое цѣлое и дѣлая каждый свое особое дѣло; они выкликаются, когда нужно, поименно; не составляя массы, они не могутъ увлечься разомъ ни въ какую сторону. Оттого, когда въ артиллеріи хороша матеріальная часть и хорошъ офицеръ, то и артиллерія хороша. Притомъ, по отборности матеріала и нѣсколько привилегированному положенію, въ ней никогда не бываетъ недостатка въ отличномъ духѣ, по крайней мѣрѣ у насъ; выучить же дѣйствію при орудіяхъ легче, чѣмъ научить хорошо стрѣлять изъ ружья. Не смотря на названіе спеціальнаго оружія (укоренившагося за артиллеріей съ той поры, когда пушкари подбирались изъ наемныхъ знахарей), она—оружіе самое неспеціальное, не требующее никакой особой нравственной выдѣлки въ человѣкѣ, наилегче формируемое, наиболѣе способное къ пониженію наличности въ мирное время, даже болѣе, чѣмъ пѣхота. Когда на лицо есть офицеры, фейерверкеры и матеріальная часть—есть и артиллерія. Даже подготовленіе боевыхъ артиллерійскихъ офицеровъ не сложнѣе всякихъ другихъ; строевая и техническая стороны артиллеріи спутаны въ одно только вслѣдствіе старыхъ воспоминаній. Содержаніе самой многочисленной артиллеріи, понижаемой въ мирное время

Digitized by Google

въ треть при дѣйствующихъ войскахъ и въ четверть или болѣе для резерва, стоитъ относительно очень дешево. Съ артиллеріею одно только затрудненіе—лошади, которыхъ она требуетъ въ огромномъ количествѣ (сколько нужно для однихъ парковъ!), но тутъ затрудненіе для Европы, а не для насъ. Добывать упряжь въ Россіи гораздо легче, чѣмъ за границей. Что же касается до собственно матеріальной части—орудій, снарядовъ, пороха, то въ наше время всякая образованная, даже не образованная страна имѣетъ достаточно для того средствъ, лишь бы военное управленіе умѣло разсчитывать впередъ потребности войны. Въ первое время наполеоновскихъ войнъ мы пользовались своимъ преимуществомъ при очень низкомъ бюджетѣ и были сильнѣе всѣхъ числомъ орудій; французамъ пришлось съ великимъ трудомъ догонять насъ. Теперь, относительно, мы слабѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи, при самомъ великомъ въ свѣтѣ военномъ бюджетѣ. Еслибъ были достаточные запасы для расширенія размѣра нашей артиллеріи когда придетъ нужда—пушки, снаряды, сѣра, селитра—горю можно было бы помочь; но ихъ нѣтъ.

Я высказалъ болѣе подробно то, о чемъ ген. Пистолькорсъ только намекаетъ; полагаю, по крайней мѣрѣ, что такова его мысль. До сихъ поръ я съ нимъ во всемъ соглашался и охотно жертвую въ пользу соглашенія тѣмъ, что говорилъ въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи» о нѣсколькихъ казачьихъ дивизіяхъ исключительно строевыхъ, а не стрѣлковыхъ; жертвую потому, что чувствую нравственную, невещественную опасность такого исключенія для сущности дѣла. Но я расхожусь съ авторомъ въ заключительныхъ словахъ его брошюры. Онъ удивляется, какимъ образомъ понятія столь ясныя, столь осязательно практическія, столь важныя по послѣдствіямъ не вошли еще въ общее сознаніе, и надѣется на скорое ихъ осуществленіе. Я не могу ни удивляться, ни надѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Россія, очевидно, не вышла еще изъ воспитательнаго періода своей исторіи, хотя на дняхъ мы отпраздновали второй его юбилей: мы не умѣемъ еще, или не смѣемъ, стоять на своихъ ногахъ. Сказать свое мнѣніе о дѣлѣ можетъ всякій, кто понимаетъ дѣло; но ждать осуществленія такихъ мнѣній было бы преждевременнымъ. Надо помнить, что военные бюрократы всегда останутся при своихъ взглядахъ и предоставятъ Наполеону I, генералу Пистолькорсу и остатку русскихъ боевыхъ людей думать, что они хотятъ.

Digitized by Google

МНѢНІЕ

о

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Мнѣніе о восточномъ вопросѣ *).

1869 г.

Перепечатывая въ книгѣ брошюру «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ», писанную въ 1869 году, я не считалъ нужнымъ передѣлывать давно сказанное для примѣненія къ совершившимся фактамъ. Хотя въ то время нельзя еще было предвидѣть размѣра разыгравшихся потомъ событій, но направленіе ихъ и тогда уже не подлежало сомнѣнію. Готовившаяся борьба между Германіей и Франціей обозначалась уже весьма ясно; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было сомнѣваться и въ томъ выводѣ, что исходъ этой борьбы въ ту или другую сторону, рѣшительный для судьбы западной половины нашего материка, не могъ повліять существенно на русскіе политическіе вопросы и на отношеніе къ нимъ Европы; онъ могъ только до нѣкоторой степени затруднить или облегчить ихъ дальнѣйшій ходъ въ будущемъ. Побѣда того или другаго изъ противниковъ измѣняла не болѣе какъ одно имя въ спискѣ противопоставленныхъ намъ силъ. Въ одномъ случаѣ въ спискѣ стояли бы: Франція, Австрія, Англія; въ другомъ—Германія, Австрія, Англія. Побѣда Франціи была бы для насъ временно опаснѣе побѣды Пруссіи. Она подчинила бы французскому вліянію Австрію, не столь прочно, но еще болѣе тѣсно, чѣмъ подчиняетъ ее теперь вліяніе нѣмецкое; съ тѣмъ вмѣстѣ, побѣда эта или прямо зажгла бы пожаръ на нашей западной окраинѣ, или во всякомъ случаѣ снова поставила бы эту окраину на дыбы, возбудила бы нравственное ея сопротивленіе русской власти до пароксизма. Побѣда Германіи, болѣе опасная для насъ въ будущемъ, замѣнившая политическое противодѣйствіе французовъ національ-

*) Напечатано отдѣльной брошюрой.

Digitized by Google

нымъ соперничествомъ самой упорной расы, обхватившей кругомъ нашу границу, обезпечила намъ по крайней мѣрѣ хотя временный, но довольно продолжительный миръ, дала возможность не быть захваченнымъ врасплохъ; теперь степень нашей безопасности зависитъ уже отъ насъ самихъ. Можно утверждать поэтому, что русское правительство, обязанное пещись прежде всего о заботахъ текущаго дня, имѣло весьма достаточное побужденіе благопріятствовать въ началѣ минувшей войны Пруссіи, а не Франціи; благоразумные люди не могли не думать въ этомъ отношеніи за одно съ правительствомъ. Въ сущности же никакой переворотъ въ Европѣ не могъ оказать непосредственнаго дѣйствія на наши внѣшніе вопросы. Тѣмъ не менѣе эти вопросы продолжаютъ стоять надъ нами постоянною опасностью; они—внѣшніе только временно, потому что грозятъ при неблагопріятномъ ихъ разрѣшеніи обратиться въ вопросы внутренніе, перенестись съ заграничной стороны нашихъ окраинъ на русскую ихъ сторону. Въ этомъ отношеніи сужденіе, основанное на общемъ политическомъ состояніи 1873 года, отличалось бы развѣ немногими чертами отъ сужденія 1869. Нашъ основной и вмѣстѣ конечный политическій вопросъ—неразрывная, несомнѣнная и неизбѣжная внутренняя связь въ положеніи дѣлъ и возможномъ ихъ исходѣ на двухъ русскихъ окраинахъ—западной и южной, связь до такой степени неразрывная, что она переплетаетъ оба эти вопроса въ одинъ клубокъ, что рѣшеніе судьбы средней, славянской Европы, тяготѣющей надъ нашею западною окраиною, предрѣшаетъ неотразимо судьбу Балканскаго полуострова съ Чернымъ моремъ и обратно,—остается непочатымъ, не только съ 1869 года, но съ кончины Екатерины II. Онъ не только можетъ, но навѣрное будетъ еще разъ, даже еще нѣсколко разъ, поставленъ на карту. Отъ личнаго рѣшенія правительствъ зависитъ только ускорить или замедлить исходъ, но не отвратить его. Съ того времени какъ Россія обратилась изъ московскаго царства въ русскую имперію, выступила изъ предѣловъ чисто русскаго племени, порѣшила многовѣковой споръ съ Польшей и вдвинулась въ черезполосицу восточнаго края средней Европы, славянскаго по населенію, нѣмецкаго по офиціальной окраскѣ, западная ея граница стала произвольной и случайной чертой, зависящей отъ перваго крупнаго политическаго событія. Вся обширная страна чрезъ которую прочерчена ди-

Digitized by Google

пломатами 1815 года наша западная граница, страна, раскинувшаяся отъ Баваріи до Днѣпра и отъ устья Нѣмана (въ чисто политическомъ смыслѣ даже отъ Финскаго залива) до Босфора, кромѣ явнаго и достаточно уже сознаваемаго этнографическаго сродства, имѣетъ еще тотъ общій складъ, что вся она, во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, недовольна своимъ настоящимъ положеніемъ, не признаетъ искренно своихъ политическихъ владыкъ, даже давнихъ, и жаждетъ инаго будущаго. При такомъ переходномъ состояніи, все что происходитъ въ одномъ углу этой черезполосной страны не можетъ не отозваться со временемъ во всякомъ дургомъ углу; думая о Литвѣ, о балтійскомъ прибрежьѣ или о Черномъ морѣ, мы не можемъ не думать одновременно о Богеміи и Румыніи. Развѣ не ясно, окончательное рѣшеніе участи Богеміи въ чисто нѣмецкомъ смыслѣ, повлекло бы за собой рѣшеніе участи Польши, со всѣмъ полу-польскимъ краемъ, вовсе не въ смыслѣ русскомъ, даже едва-ли въ польскомъ, развѣ на первое время. Какой же смыслъ представляетъ для мыслящаго человѣка statu quo въ такой обстановкѣ. Историческая судьба клонится осязательно къ рѣшенію вопроса о всей восточной Европѣ въ его цѣлости, т. е. къ размежеванію двухъ великихъ породъ славянской и нѣмецкой, или къ поглощенію первой, къ такому поглощенію, что даже на востокѣ отъ нея останутся только клочки, московское царство Алексѣя Михайловича. Можно придавать большее или меньшее значеніе этому всесвѣтному вопросу, смотря по личнымъ взглядамъ и вкусамъ, но нельзя не видѣть его или отрицать. Вопросъ этотъ не мнѣніе, а неопровержимый фактъ. Вотъ что побудило меня высказать свое убѣжденіе въ 1869 году. Въ ту пору «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ« казалось еще большинству той «чепухой», о которой говорилъ Лейль. Послѣдняя война открыла глаза многимъ. Въ изданіяхъ, встрѣтившихъ мою брошюру довольно непріязненно, появились съ тѣхъ поръ серіозные труды по этому вопросу, съ другихъ точекъ зрѣнія, но въ томъ же самомъ смыслѣ. Такія мнѣнія, требующія предварительной оцѣнки разнообразныхъ сторонъ дѣла, не проникаютъ массу разомъ, какъ бы онѣ не были вѣрны; но онѣ охватываютъ постепенно мыслящіе умы и тѣмъ самымъ обезпечиваютъ свой успѣхъ. Вотъ существенная разница для судьбы брошюры между двумя ея изданіями, 1869 и 1873 года. Все прочее осталось какъ было, а потому я не

Digitized by Google

вижу надобности примѣнять ея текстъ къ нѣкоторымъ измѣнившимся подробностямъ; достаточно нѣсколькихъ примѣчаній. Вопросъ этотъ развивался въ вѣкахъ; четыре протекшіе года не могли оказать на него замѣтнаго вліянія, рѣшеніе его зависитъ не отъ внѣшнихъ событій, а отъ степени зрѣлости его въ сознаніи русскаго племени.

Каждое государство опредѣляетъ нужныя ему силы вслѣдствіе многихъ соображеній различнаго свойства; никакое не руководствуется въ этомъ отношеніи одною сравнительною статистикою, но мѣряетъ степень своего напряженія географическими особенностями и политическими отношеніями—не только постоянными, но и временными. Послѣ отвлеченнаго вопроса, какую силу можетъ выставить государство, слѣдуетъ вопросъ практическій: какая сила нужна ему?—На послѣдній вопросъ нельзя дать даже приблизительнаго отвѣта, не составивъ себѣ точнаго понятія о политическихъ отношеніяхъ государства, которыя могутъ вовлечь его въ войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажутъ направленіе войны и степень ея напряженія. Такое политическое понятіе, предшествующее всякому военному выводу, можетъ быть не вѣрно или односторонне, что, конечно, отразится на выводѣ; но безъ него нельзя приступить къ военному вопросу; безъ этого основанія предметомъ разсужденія будетъ искусство для искусства, а не дѣйствительность. Мой разсчетъ вооруженныхъ силъ (принимаемый теперь офиціально-усиленіемъ дѣйствующей арміи и созданіемъ резерва) основывается также на законченномъ понятіи о нашихъ политическихъ или, вѣрнѣе сказать, историческихъ, отношеніяхъ (такъ какъ тутъ дѣло идетъ не о текущемъ днѣ). Мысль, на которой построенъ разсчетъ, слѣдующая: ни одинъ изъ близкихъ намъ европейскихъ вопросовъ, и особенно главный изъ нихъ—восточный, не можетъ быть покончен мѣстною войною (восточный, напримѣръ, войною на Балканскомъ полуостровѣ); послѣдняя война была въ этомъ отношеніи явленіемъ случайнымъ и исключительнымъ, не повторяющимся дважды. Столкновеніе наше съ Европою, или съ частію ея, можетъ порѣшиться только борьбою съ лица т. е. войною на западной границѣ; а потому между-народную силу Россіи надо мѣрять не только преимущественно, но почти исключительно силою, ко-

Digitized by Google

торую она можетъ выставить на западномъ своемъ предѣлѣ, оставаясь въ тоже время въ оборонительномъ положеніи на прочихъ границахъ, гдѣ нужно.

Утвержденіе это, несомнѣнное въ моихъ глазахъ, привело къ недоразумѣніямъ. Мнѣ замѣчали, что, кромѣ восточнаго вопроса, никакой другой не можетъ возбудить противъ насъ коалицію, потому что польское дѣло не представляетъ для Европы существенной важности; что восточный вопросъ, какъ показываютъ факты, не поведетъ къ столкновенію на западной границѣ; что союзники 1854 г. не предприняли сухопутной войны вслѣдствіе того, что Англія не хотѣла изъ-за восточныхъ дѣлъ передѣлывать европейскую карту, чего надо ждать и въ будущемъ, и т. д.

На такія замѣчанія можно было бы отвѣчать въ короткихъ словахъ: 1) Коалиція противъ насъ внѣ восточнаго вопроса до такой степени возможна, что въ 1863 году, когда Наполеонъ хлопоталъ въ Вѣнѣ о наступательномъ союзѣ, коалиція чуть было не состоялась. Австрія колебалась нѣсколько дней, и если бы тогдашнее ея правительство было немного рѣшительнѣе (въ доброй волѣ у него не было недостатка), то противъ насъ образовался бы грозный союзъ изъ Франціи, Австріи и Италіи, въ обходъ мало тогда значившей и еще не увѣренной въ себѣ Пруссіи, безъ помина о восточныхъ дѣлахъ. Всякое волненіе Польши грозило и будетъ грозить намъ тою же опасностію *). 2) Англія точно—не желала связывать польскій вопросъ съ восточнымъ, но не до такой степени, чтобы признать себя побѣжденною и отказаться отъ своихъ требованій на востокѣ для избѣжанія его. Обратить же морскую войну

*) Война 1870 г. значительно измѣнила показанную здѣсь обстановку, но по большей части не въ нашу пользу. Союзъ Австріи съ Франціей можетъ замѣниться теперь союзомъ Германіи съ Австріей, гораздо болѣе сосредоточеннымъ и владѣющимъ несравненно большими средствами для возмущенія спокойствія нашей западной окраины. Правда, такой союзъ имѣлъ бы у себя въ тылу Францію; но вѣдь и возможный прежде союзъ австро-французскій имѣлъ бы во флангѣ Пруссію; однакожъ тогдашніе противники наши не останавливались передъ этимъ соображеніемъ. Въ Польшѣ нынѣ уже не опасны волненія самородныя, но волненія навѣянныя гораздо осуществимѣе чѣмъ, прежде, по близости поддержки. Сущность нашего международнаго положенія въ этомъ отношеніи не измѣнилась, но вѣроятная опасность, хотя не столь внезапная какою она могла оказаться до войны 1870 г., возросла еще на нѣсколько процентовъ.

Digitized by Google

въ сухопутную зависѣло не отъ западныхъ державъ, а отъ Австріи, которая одна могла открыть союзникамъ доступъ къ нашей западной границѣ. 3) Сухопутная война не вспыхнула по восточному вопросу въ 1856 году отъ того лишь, что мы отступили передъ нею и отказались не только отъ недавнихъ требованій, но отъ давнихъ преимуществъ, вслѣдствіе ультиматума Австріи; иначе война легла бы всею тяжестью именно на западную границу. Я бралъ для разсчисленія силъ послѣднюю войну, причемъ очевидно долженъ былъ руководиться не буквально тѣмъ, что случилось, а тѣмъ, что непремѣнно должно было случиться, если бы мы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Я имѣлъ въ виду не случайную и безцѣльную войну, какъ въ 1853—1856 годахъ, но войну обдуманную, со средствами, заранѣе соображенными съ цѣлію.

Я не могу вдаваться въ подробности и потому не представляю никакого новаго факта; но укажу то соотношеніе между фактами, изъ котораго истекаетъ мой взглядъ.

Сосредоточимся на восточномъ вопросѣ. Онъ дѣйствительно самый существенный для насъ, потому что одинъ только постоянно грозитъ намъ враждебною коалиціею. Какъ во время сильной эпидеміи всѣ болѣзни носятъ на себѣ ея оттѣнокъ такъ и по восточному вопросу, покуда онъ стоитъ не разрѣшенный, всѣ причины столкновенія Россіи съ западомъ вытекаютъ изъ него или въ него втекаютъ; онъ служитъ имъ общею связью *). Согласиться въ истинномъ значеніи восточнаго вопроса и въ опредѣленіи кореннаго препятствія, не допускающаго до сихъ поръ разрѣшенія его въ русскомъ, т. е. справедливомъ смыслѣ, котораго жаждетъ все населеніе Балканскаго полуострова,—значитъ согласиться на счетъ сущности военно-политическаго положенія Россіи—стало быть, и важности для насъ того или другаго основанія военныхъ дѣйствій.

Собственно говоря, недоразумѣніе происходитъ отъ различія понятій на счетъ предѣловъ вопроса.

Предѣлы эти чрезвычайно раздвинулись въ текущее столѣ-

*) Такъ было до 1870 года. Теперь же поводы къ столкновенію могутъ возникнуть еще скорѣе изъ случайныхъ или систематически подготовленныхъ событій средней Европы, чѣмъ изъ восточнаго вопроса. Вмѣсто одной опасной случайности передъ ними стоятъ двѣ. Вотъ въ чемъ наше положеніе ухудшилось.

Digitized by Google

тіе. Отъ прежняго восточнаго вопроса осталось одно названіе; все прочее—сущность и размѣры стали иными. Можно прослѣдить съ чрезвычайною точностію внутренній ростъ вопроса по отношеніямъ, въ какія постепенно становилась къ намъ Австрія при каждой изъ нашихъ турецкихъ войнъ. Никакой барометръ не показываетъ такъ вѣрно погоду, какъ степень непріязни Австріи къ намъ—состояніе восточнаго вопроса, потому что для нея этотъ вопросъ не политическій, какъ для Франціи и Англіи, а свой, жизненный, въ такой же мѣрѣ, какъ для насъ—только въ обратномъ смыслѣ.

Въ 1786 г. былъ заключенъ союзъ между Екатериною II и Іосифомъ II для завоеванія, раздѣла и перерожденія европейской Турціи. Въ этомъ союзѣ выразилась въ послѣдній разъ мысль, триста лѣтъ занимавшая Европу, объ изгнаніи невѣрныхъ варваровъ изъ ея предѣловъ,—разумѣется, съ приманкою личныхъ интересовъ. Единовѣріе наше съ балканскими народами значило тогда много для турецкихъ раіевъ и мало для Европы; единокровіе наше съ ними не имѣло значенія ни для кого: стремленія къ народности еще не существовало. Мы отдавали Австріи гуртомъ православныхъ славянъ Сербіи и Босніи, она обѣщала за то помогать намъ въ возстановленіи византійской имперіи; о другомъ преемникѣ для Турціи еще никому не думалось. Славянъ дѣлили, какъ товаръ, между нѣмцами и греками. На такихъ основаніяхъ Австрія могла быть за одно съ нами.

Въ 1807 г. она смотрѣла на дѣло уже другими глазами, вслѣдствіе нежданнаго и успѣшнаго возстанія сербовъ. Могло ли государство, населенное 19-ю милліонами порабощенныхъ славянъ, видѣть равнодушно этихъ новыхъ турецкихъ наслѣдниковъ, и гдѣ же?—вдоль границы Кроаціи и Воеводины. Въ дѣйствіяхъ Австріи выказался тогда же новый планъ политики по восточному вопросу, которому съ тѣхъ поръ она слѣдовала неуклонно. Вѣнскій кабинетъ употребилъ въ ту пору всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы разорвать союзъ Франціи съ Россіею, грозившій ему одною только, но для него невыносимою опасностію—уступками со стороны Франціи по восточному вопросу. Для избѣжанія подобной сдѣлки, болѣе, чѣмъ для чего либо другаго, Австрія сначала бросилась въ войну съ Наполеономъ, потомъ отдала за него свою эрцгерцогиню и пошла къ нему въ союзъ.

Digitized by Google

Она не успѣла, однако же, помѣшать освобожденію Сербіи. Императоръ Александръ, не находившійся еще подъ вліяніемъ Меттерниха, настоялъ на своемъ. Но извѣстно, что затѣмъ произошло. Когда человѣческое чувство и стыдъ передъ своими народами склонили всѣ европейскія правительства, даже англійское, въ пользу грековъ,—одна Австрія оставалась непреклонною и долго тормозила Россію именемъ священнаго союза. Казалось бы, однако же, «великая идея» возстановленіе греческой имперіи, а тѣмъ менѣе первый шагъ къ этой еще отдаленной цѣли, не должны были пугать племянника Іосифа II-го; но въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени австро-русскаго союза противъ турокъ, для воркой Австріи стало ясно, чѣмъ подбить восточный вопросъ: тамъ, гдѣ другіе говорили греки, она думала уже сербы и болгары. Когда истощилось, наконецъ, терпѣніе русскаго правительства и покойный государь повелъ свою армію за Дунай, Австрія, не смотря на священный союзъ, выбивалась изъ силъ, чтобы набрать противъ Россіи такую же коалицію, какую удалось ей составить 25 лѣтъ спустя. Она оказалась несравненно рѣшительнѣе Англіи; въ Вѣнѣ прославляли каждую минутную нашу неудачу, какъ патріотическое торжество. На тотъ разъ только довѣріе Карла X къ слову императора Николая Павловича—не разрушать Турціи, и родственно дружескія отношенія съ Пруссіею, избавили насъ отъ враждебнаго союза.

Съ тѣхъ поръ дѣйствительность уяснялась съ каждымъ днемъ. Задолго до восточной войны Европа, съ голоса Австріи, кричала о панславизмѣ. Событія 1848 года, выказавшія живучесть австро-славянскихъ населеній, не могли, конечно, задобрить владыществующіе классы и племена австрійской имперіи къ славянскимъ населеніямъ Турціи. Тайные переговоры, предшествовавшіе восточной войнѣ, до сихъ поръ мало извѣстны *). Несомнѣнно, однако же, что Австрія пугливо старалась уладить раздоръ 1853 года, пока не увѣрилась въ готовности Франціи рискнуть войною, и стала раздувать его, когда пріобрѣла эту увѣренность. Возможно ли допустить, чтобы вновь импровизованный императоръ французовъ, только что поднявшій опасное для Европы знамя Бонопартовъ, поз-

*) Кромѣ переговоровъ съ Англіею, которой не принадлежитъ починъ этого дѣлать.

Digitized by Google

волилъ себѣ хотя первыя угрожающія демонстраціи, возжигавшія по немного войну, которой никому не хотѣлось, не зная положительно что Австрія съ нимъ, т. е. что на него не обрушится священный союзъ? По наружности союзъ этотъ былъ скрѣпленъ между Россіею и Австріею почти въ прежнемъ смыслѣ; Пруссія, хотя недовольная событіями 1851 года, не поколебалась бы, безъ сомнѣнія, между своими старыми союзницами и бонапартовскою Франціею; если бы наружность оказалась дѣйствительностію, французамъ, вмѣсто Крыма, пришлось бы отбиваться въ Шампаніи. Въ завоевательные замыслы Россіи никто не вѣрилъ, а потому при единодушіи сѣверныхъ державъ невозможно было разсчитывать на Англію. Если бы бывшій священный союзъ заговорилъ громко въ ту пору, на что онъ имѣлъ полное право, зная невинность Россіи во взводимыхъ на нее коварствахъ, Англія отступила бы мгновенно, предоставляя минутному союзнику раздѣлываться, какъ самъ знаетъ. Безъ заручки съ самаго начала въ противоположномъ лагерѣ, французскія демонстраціи 1853 года были бы безумнымъ рискомъ. Нельзя сомнѣваться поэтому, что нравственною зачинщицею коалиціи 1854 года была Австрія, а не Франція, не смотря на обманчивую постановку фактовъ, Австрія, конечно, находила выгоднымъ загребать жаръ чужими руками; но она же развязала руки союзникамъ, потребовавъ отступленія русской арміи за Прутъ и заслонивъ отъ насъ Турцію своими войсками; она же въ послѣднюю минуту рѣшила дѣло, положивъ на вѣсы тяжесть своей трехъ-сотъ-тысячной арміи; она же была несговорчивѣе всѣхъ при заключеніи мира.

Совершенно ясно, почему Австрія медлила окончательнымъ рѣшеніемъ въ прошлую войну, вслѣдствіе чего дѣйствія разъигрались въ Крыму, а не на Вислѣ. Во-первыхъ, Австрія была тогда еще историческою монархіею габсбурговъ, мы были нужны ей для ея германскихъ и итальянскихъ интересовъ; она не хотѣла торопить окончательный разрывъ съ Россіею, надѣясь достигнуть своихъ цѣлей однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, въ чемъ и успѣла *). Во-вторыхъ, въ 1853—1856

*) Первая австрійская депеша русскому кабинету по заключеніи парижскаго мира содержала приглашеніе обратить вниманіе на смутное положеніе итальянскихъ дѣлъ.

Digitized by Google

годахъ не было и помину о рѣшеніи восточнаго вопроса, развѣ только въ стихахъ Хомякова; споръ шолъ о второстепенныхъ подробностяхъ. Этого, однако же, было достаточно, чтобы Австрія стала во враждебное положеніе, не смотря на опасность потерять столь нужную для нея поддержку Россіи въ другихъ дѣлахъ, нынѣ уже ее не связывающихъ. Что же было бы, если бы теперь дошло до окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса?

Позволительно ошибаться одинаковымъ образомъ не болѣе двухъ разъ: два раза равняются несомнѣнному опыту; а съ тѣхъ поръ, какъ Австрія уразумѣла впервые сущность восточнаго вопроса и приняла въ отношеніи къ нему твердо опредѣленную систему политики, мы уже два раза испытали невозможность не только порѣшить, но даже сколько нибудь улучшить дѣла Балканскаго полуострова помимо ея. Въ 1829 году наша армія дошла до Мраморнаго моря, но только на честномъ словѣ ограничиться при мирѣ однѣми греческими дѣлами въ заранѣе очерченномъ кругѣ (мы не могли освободить Кандію, хотя стояли подъ Константинополемъ). Въ 1854 г. мы вовсе не могли идти впередъ. Оба раза препятствіе было у насъ не съ лица, но съ тыла.

У насъ считаютъ главною препоною къ вооруженному вмѣшательству въ турецкія дѣла—Францію и Англію. Но въ дѣйствительности Франція и Англія однѣ не могутъ, при всемъ желаніи, оградить отъ насъ европейскую Турцію, если у насъ развязаны руки на западной границѣ. Нельзя бороться посредствомъ дассантовъ противъ равносильной державы, которой открытъ сухопутный доступъ въ спорную страну—ни по времени, ни по численности. Что значатъ всѣ перевозочныя морскія средства противъ двухъ-сотъ-тысячной арміи, дѣйствующей безостановочно. Въ 1854 году союзники употребили часть зимы и всю весну, чтобы перевезти въ Турцію 60 тысячъ солдатъ; потомъ имъ нужно было значительное время для устройства обозовъ; до іюня они были прикованы къ морскому берегу и даже до конца не стали подвижными. Силы ихъ возросли въ Крыму до размѣровъ многочисленной арміи лишь постепенными подвозами въ теченіе цѣлаго года. Между тѣмъ русской арміи достаточно 6-ти недѣль и еще меньше, чтобы пройти отъ Дуная до Константинополя, если она будетъ довольно многочисленна для блокированія крѣпостей въ тылу,

Digitized by Google

вмѣстѣ съ безостановочнымъ по возможности движеніемъ впередъ. Имѣя дѣло съ турками, война можетъ подвигаться такъ же скоро, какъ двигаются обозы. Надо думать, что и на Балканскомъ полуостровѣ война пропитаетъ войну, если быстрота похода не дозволитъ непріятелю методически опустошать страну, которая въ такихъ обстоятельствахъ, конечно, не поддастся ему безъ сопротивленія. До сихъ поръ по старымъ преданіямъ мы воевали въ европейской Турціи шагъ за шагомъ, осаждая крѣпости, чему удивлялись въ Европѣ, и къ чему не было необходимой военной причины; въ 1829 г. была впрочемъ, причина политическая—обезпечить сколько нибудь свой тылъ на случай враждебной выходки Австріи. Для рѣшенія участи европейской Турціи, не смотря ни на какія усилія морскихъ державъ, достаточно чтобы 150 тыс. войска дошло до Босфора, т. е. на самый широкій конецъ, чтобы 250 т. пришло къ Дунаю. Мы можемъ предупредить сухопутную армію западно-европейскихъ противниковъ не только на Балканахъ, но и въ Константинополѣ. Если бы они успѣли, что довольно трудно, встрѣтить насъ подъ этою столицею съ силами, собранными въ 1854 г. въ Варнѣ, послѣ многомѣсячныхъ усилій, то 60 тыс. европейцевъ, сколько бы при нихъ ни стояло турокъ, не отразили бы 150-тысячной русской арміи; да регулярныхъ турецкихъ полковъ и не существовало бы уже въ то время: они были бы разсѣяны раньше въ Европѣ и въ Азіи. Вмѣстѣ съ Константинополемъ достались бы въ наши руки и проливы; укрѣпленія ихъ не могутъ держаться противъ береговой арміи. Разъ же, что входы въ Мраморное море заняты и ограждены достаточною силою, серьозное покушеніе на Турцію со стороны моря, съ цѣлію оспаривать владычество надъ нею, почти невозможно. Самый большой дессантъ извѣстный въ исторіи, есть дессантъ крымскій—60 т. войска безъ кавалеріи, обозовъ и съ малою пропорціею артиллеріи. Онъ увѣнчался успѣхомъ вслѣдствіе двухъ особенныхъ причинъ: короткаго (полутора-суточнаго) плаванія и двойной силы противъ встрѣтившихъ его на берегу войскъ. Но дессантъ въ виду превосходнаго числомъ или даже равносильнаго непріятеля, изобильно снабженнаго всѣми средствами сухопутной войны, поведетъ къ гибели. Армія Веллингтона, привезенная и снабжаемая изъ-за моря, имѣвшая неодолимое убѣжище на устье Тага, держалась въ Испаніи противъ превосходныхъ, хотя раздробленныхъ

Digitized by Google

силъ французовъ потому только, что страна была за нее; но представьте обратное отношеніе: могла ли бы французская армія въ 1807—1812 годахъ, окруженная народнымъ возстаніемъ, держаться въ Испаніи противъ превосходныхъ англійскихъ силъ? Именно таково было бы положеніе европейскихъ союзниковъ въ Турціи, если бы мы могли дѣйствовать не оглядываясь; да при этомъ условіи, по всей вѣроятности, мы и не встрѣтили бы ихъ тамъ. Если бы морскія державы рѣшились защищать Турцію, не имѣя въ виду содѣйствія Австріи, то защищали бы ее однѣми морскими силами, съ такимъ развѣ числомъ сухопутныхъ полковъ, которое можетъ разъѣзжать съ флотомъ, не обремѣняя его,—но не рисковали бы своею арміею. Многихъ вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что союзники 1854 года имѣли силу внести войну даже въ наши предѣлы и держаться въ нихъ; но какимъ образомъ?—на сильной береговой позиціи, которую они успѣли укрѣпить прежде, чѣмъ противъ нихъ собралась достаточная сила. Такихъ позицій много и на турецкомъ берегу; но, сидя прижавшись къ морю въ подобной позиціи, не спасешь оттоманскаго владычества. Въ дѣйствительности Франція и Англія такъ же мало могутъ оградить противъ насъ европейскую Турцію своими сухопутными силами, какъ Канаду или Мексику противъ американцевъ.

Дѣло въ томъ, что намъ невозможно вести войну на Балканскомъ полуостровѣ безъ позволенія Австріи, а этого позволенія мы не получимъ ни въ какомъ случаѣ. Посмотрите на карту: намъ открытъ доступъ на европейскую Турцію только однимъ путемъ—черезъ ворота между юго-восточнымъ угломъ Карпатовъ и устьемъ Дуная; ключъ отъ этихъ воротъ въ рукахъ Австріи. Переходя Дунай или даже Прутъ, мы становимся тыломъ къ ней. Въ этомъ неловкомъ положеніи первая угрожающая демонстрація нашей доброй сосѣдки заставляетъ насъ поспѣшно отступить, какъ было въ 1854 году. Нижній Дунай доступенъ только при австрійскомъ паспортѣ. Въ отношеніи къ намъ географическое положеніе европейской Турціи уподобляется прочному ящику, крышку котораго составляетъ Австрія; не приподнявши крышки нельзя ничего достать изъ ящика—мы уже достаточно это испытали.

Въ 1854 году разсказывали, будто князь Паскевичъ сильно настаивалъ передъ почившимъ государемъ о необходимости,

Digitized by Google

разъ рѣшившись на войну турецкую, готовиться, прежде всего къ войнѣ австрійской; онъ утверждалъ, что восточный вопросъ можетъ быть распутанъ только въ Вѣнѣ, а не въ Турціи. Событія оправдали взглядъ знаменитаго воина.

Покуда Россія владѣла Чернымъ моремъ, можно было попытаться почать ящикъ съ другой стороны—пробить у него дно дессантомъ на Босфоръ. Слѣдствіемъ было бы поголовное возстаніе христіанскаго населенія, параличъ Турціи въ послѣдующіе затѣмъ мѣсяцы и, вѣроятно, конечное ея разложеніе, но только въ чью пользу? Захватъ Константинополя и проливовъ не рѣшилъ бы этого вопроса. Его пришлось бы разъигрывать въ сухопутной войнѣ противъ союза, душею котораго была бы все таки Австрія. Въ продолженіи этой войны христіанское населеніе Балканскаго полуострова находилось бы еще въ хаотическомъ состояніи, рѣзалось бы съ мусульманскимъ населеніемъ городовъ; оно не могло бы оказать намъ помощи внѣ своей собственной земли. Для занятія проливовъ и всего полуострова пришлось бы отдѣлить большія силы, чѣмъ сколько ихъ нужно при западной войнѣ, для огражденія нашихъ береговъ и сухопутныхъ предѣловъ противъ живой Турціи. Такъ что въ итогѣ захватъ Константинополя съ моря, пока онъ былъ еще возможенъ, увеличивалъ для насъ весьма мало вещественныя вѣроятности окончательнаго успѣха, что я оговорилъ нѣсколькими словами въ «Вооруженныхъ силахъ». Въ вопросахъ текущихъ, неокончательныхъ, каковъ былъ, напримѣръ, послѣдній кандійскій, черноморскій флотъ могъ бы оказать полновѣсное вліяніе; онъ былъ сильнымъ дипломатическимъ средствомъ, но не особенно важнымъ военнымъ орудіемъ въ виду предлежащихъ намъ цѣлей. Конечно, нельзя взвѣшивать гадательно нравственнаго вліянія такого громаднаго событія, какъ вступленіе, хотя бы нечаянное, русскихъ знаменъ въ Константинополь; но событіе это было бы во всякомъ случаѣ обоюдо-острымъ мечемъ.

Можно, кажется, заключить, на основаніи неоспоримыхъ фактовъ, что главная препона и главный нашъ противникъ въ восточномъ вопросѣ не Франція и Англія, но Австрія; первыя не болѣе какъ союзницы ея въ этомъ дѣлѣ, хотя больше шумятъ и становятся на сценѣ впереди ея *). Морскія дер-

*) Теперь конечно Франція не можетъ оставаться въ этомъ спискѣ, хотя

Digitized by Google

жавы сами по себѣ не могли бы загородить намъ дорогу къ Босфору даже оружіемъ; Австрія можетъ остановить насъ, не выпаливъ изъ ружья, однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ. Не только для военнаго человѣка, понимающаго свое дѣло, но для всякаго человѣка, взвѣшивающаго обстоятельства, не можетъ быть истины очевиднѣе той, что вопросъ, обыкновенно называемый восточнымъ, не разрѣшается мѣстною войною на Балканскомъ полуостровѣ: что мы не можемъ даже предпринять войны въ этомъ направленіи, что бы ни случилось и при какомъ бы то ни было развитіи силъ съ нашей стороны. Покуда существовалъ черноморскій флотъ, мы могли начать дѣло съ юга, но съ тѣмъ, чтобы кончить тамъ же, гдѣ и теперь придется кончать, если дойдетъ до столкновенія,—на западной границѣ. Не предвидя этого конца въ 1854 году и не готовясь къ нему, мы непремѣнно должны были попасть въ безвыходный кругъ. Нынѣ же у насъ нѣтъ выбора даже для начала; мы можемъ пройти въ Турцію черезъ Австрію, но не можемъ пройти мимо Австріи. Отъ этой державы не только зависитъ не допускать насъ къ открытому вмѣшательству въ восточный вопросъ, какой бы плачевный конецъ ни придумали для него, но въ ея власти также бросить при этомъ противъ нашей западной границы силы европейской коалиціи, или не пускать ихъ; она можетъ по своему удобству прикрывать Турцію вооруженнымъ нейтралитетомъ, какъ въ 1854 году, или открыть дорогу на Вислу, возмущая Польшу, какъ грозилась сдѣлать въ 1856 году. Такая роль принадлежитъ исключительно Австріи, что и составляетъ главный смыслъ ея европейскаго положенія. По двумъ нашимъ жизненнымъ вопросамъ—восточному и польскому—она можетъ служить вмѣстѣ щитомъ и мечемъ враждебной намъ части Европы, смотря по своимъ интересамъ. Мнѣ сдается, нужно немного терпѣнія, чтобы увидѣть, какъ станетъ разъигрываться эта обоюдная роль.

Рѣшеніе трудной задачи требуетъ прежде всего сознанія заключающейся въ ней трудности. Для того чтобы обсуждать съ пользою восточный вопросъ, въ предѣлахъ обыкновенно ему

не можетъ также относиться равнодушно ко всему, происходящему на Балканскомъ полуостровѣ. Война 1870 г. устранила ее отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но чрезвычайно облегчила для насъ соглашеніе съ нею.

Digitized by Google

назначаемыхъ, т.-е. въ границахъ Турціи, надобно прежде всего признать главное препятствіе, состоящее въ томъ, что мы не можемъ туда пройти. Прямо протянуть руку христіанскимъ населеніямъ Балканскаго полуострова—значило бы отдать ее на отсѣченіе. Возьмемъ въ примѣръ послѣднее греческое столкновеніе. Развѣ могли мы двинуть армію за Дунай, для чего нужно вступить въ независимую Румынію, не выставивъ одновременно на западной границѣ трехъ сотъ тысячъ солдатъ т.-е. не приготовившись съ начала же къ большой европейской войнѣ? Дѣйствовать иначе значило бы повторить буквально событія 1854 года, получить черезъ нѣсколько дней учтивое приглашеніе очистить княжества или дать себя отрѣзать. Спрашивать, какъ у насъ спрашиваютъ, готова ли Россія поддержать свои требованія въ Турціи силою,—значитъ вести салонный разговоръ. Довольно затруднительно быть готовымъ къ войнѣ, которой нельзя начать. Это странное положеніе ни какъ не временное. Европейскихъ союзниковъ въ восточномъ вопросѣ для насъ не предвидится, а пока стоитъ Австрія, она всегда будетъ щитомъ для Турціи.

Австрія не можетъ поступить иначе. Согласиться на разрѣшеніе восточнаго вопроса не только въ русскомъ смыслѣ, но въ смыслѣ не прямо противоположномъ русскимъ видамъ и чувствамъ, значило бы для нея наложить на себя руки. Существованіе свободныхъ славянскихъ государствъ рядомъ съ обширными порабощенными славянскими областями, не только однокровными, каковы онѣ въ отношеніи къ намъ, но составляющими одинъ народъ и одинъ языкъ по обѣимъ сторонамъ Савы, совершенно несовмѣстно. На одномъ берегу рѣчки, черезъ которую курица перейдетъ въ бродъ, будутъ вольныя скупчины и радостное будущее; на другомъ постепенное исчезновеніе народной личности, онѣмечиваемой или омадьяриваемой, а до тѣхъ поръ существованіе въ качествѣ низшей рассы, безъ малѣйшей надежды впереди,—развѣ это сбыточно? Австрія поплатилась итальянскими владѣніями за то, что допустила существованіе рядомъ съ ними маленькаго независимаго италіанскаго государства. Какимъ образомъ ожидать, чтобы она согласилась на созданіе, вдоль своей южной границы, славянскаго Піемонта, который по однородству стихіи внесетъ разложеніе уже не въ одинъ уголъ ея владѣній, а въ самое тѣло имперіи? Развѣ мы добровольно признали вар-

Digitized by Google

шавское герцогство въ 1807-мъ году? У Австріи на виду только два исхода: или славяне по ту сторону Савы будутъ приведены ею въ положеніе венгерскихъ словаковъ, или славяне по сю сторону, до Саксоніи, станутъ въ положеніе княжеской Сербіи. Мудрено предлагать Австіи справедливое рѣшеніе восточнаго вопроса. Одна возможность такого оборота въ будущемъ была большою опасностію для нѣмецкой Австріи, опиравшейся на совокупности силъ германскаго союза; она стала смертельною опасностію для Австріи венгерской, особенно для ея восточной половины, гдѣ весь политическій устой заключается въ одной трети населенія противъ двухъ третей. Для этой половины страшны не только славяне, но и румыны.

Говорятъ, фантастическій Іосифъ II завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ, если придетъ крайность, обратить габсбургскую монархію въ славянское царство. Многіе филантропы совѣтуютъ правительству Австріи отвратить опасность справедливымъ обращеніемъ съ славянскими подданными. Но, кромѣ чеховъ, сжатыхъ какъ въ тискахъ разросшеюся Германіею, австрійское правительство почти нигдѣ не владѣетъ прямо славянскими населеніями; оно владѣетъ господствующими классами и племенами не славянскими, которымъ эти населенія подчинены. За немногими исключеніями землевладѣніе, историческія права и воспоминанія, провинціальное устройство не въ рукахъ славянъ. Развитое сословіе и разумъ послѣднихъ заключаются въ сельскомъ духовенствѣ и сельскихъ учителяхъ. Таково же было (если только можно сказать—было) положеніе народа въ западныхъ губерніяхъ—даже съ тѣмъ сходствомъ, что въ Польшѣ, какъ теперь въ Австріи, чужеземное владычествующее сословіе опиралось на ядрѣ владычествующаго хотя по имени народа и на городахъ, чуждыхъ и враждебныхъ деревнямъ. Посовѣтуйте польскимъ панамъ признать справедливость народныхъ требованій большинства, пойти добровольно на уступку, которой до сихъ поръ не можетъ вынудить у нихъ всесильное правительство, ни очевидность подавляющей силы, стоящей за этимъ правительствомъ; и потомъ совѣтуйте то же самое австрійскимъ нѣмцамъ и мадьярамъ, знающимъ несомнѣнное превосходство своей организованной силы надъ раздробленными влеченіями подвластныхъ. Австрійское правительство не могло бы возстановить самостоятельность славянъ даже во имя демократическаго начала, такъ какъ рознь идетъ тамъ;

Digitized by Google

не только между сословіями, но и между народами. Притомъ, какой же разсчетъ правительству мѣнять поддержку, находимую имъ у владычествующихъ, политически устроенныхъ племенъ, на сочувствіе стихійныхъ силъ,—особенно, когда за выдѣломъ Галиціи, мѣшающей, а не способствующей прочимъ славянамъ, владычествующія племена и области въ остальной части имперіи равны по численности съ порабощенными?

Тѣмъ не менѣе народное чувство австрійскихъ славянъ—нельзя сказать зрѣетъ, но разжигается съ каждымъ днемъ; для того чтобы зрѣть, складываться въ законченную форму, ему не достаетъ общественнаго простора и согласія, невозможнаго тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть покуда опредѣленной практической цѣли. Внутреннія славянскія смуты не страшны ни цѣлой Австріи, ни ея венгерской половинѣ. Чехи и Хорваты могутъ только волноваться, прочіе славянскіе подданные—только роптать. Австрія похожа на заряженную пушку, которая безъ посторонней искры простоитъ вѣка безопасно, но выпалитъ, какъ только искра до нея коснется. Разумѣется, противъ опасной искры приняты предосторожности, и ни на Австрію, ни на Венгрію нельзя за то сѣтовать.

То же самое, только въ болѣе грубой формѣ, повторяется на южномъ берегу Савы. И тамъ опасность для владычествующаго народа заключается вся въ славянскомъ племени. Призракъ восточной имперіи разсѣялся на нашихъ глазахъ; распря изъ-за епископовъ показала наглядно, какъ охотно болгары приняли бы греческихъ чиновниковъ. Нѣтъ невозможности возстановить греческую имперію силою, но ни возстать сама собою, ни удержаться, она не въ состояніи. Если бы вопросъ шелъ объ однихъ грекахъ, онъ бы давно пересталъ быть вопросомъ. Греціи могутъ принадлежать Эпиръ, Ѳессалія, Кандія, Кипръ и мало-азійскіе острова,—вотъ предѣлы эллинскаго племени. Остальныя греческія населенія въ турецкой имперіи слишкомъ малочисленны и разсѣяны, чтобы думать о господствѣ. Константинополь лежитъ болѣе чѣмъ на сутки пароходнаго плаванія отъ ближайшей эллинской почвы и былъ бы развѣ колоніею въ рукахъ грековъ; а народъ, котораго всего на все наберется едва ли до трехъ милліоновъ на материкѣ и островахъ, не можетъ владѣть въ видѣ колоніи отдаленнымъ городомъ съ милліоннымъ населеніемъ, въ большинствѣ ему чуждымъ. Храбрыхъ и умныхъ грековъ мож-

Digitized by Google

но было бы выдѣлить безобидно даже для самой Турціи. Европа притѣсняетъ ихъ изъ-за того, во первыхъ. что они представляютъ собою выдавшійся конецъ клубка: боятся удлиннить его, чтобы весь клубокъ не размотался и не обнаружилась бы его славянская серцевина; во-вторыхъ, оттого, что они чужды Европѣ, какъ православные. (Кто можетъ сомнѣваться, что грекамъ давно уже была бы оказана справедливость, будь они католики или протестанты: достаточно было нѣсколькихъ убійствъ сирійскихъ католиковъ, чтобы на помощь имъ прилетѣлъ французскій отрядъ). Полное освобожденіе греческаго народа могло бы совершиться помимо восточнаго вопроса, не трогая его сущности. Дѣло не въ грекахъ. Кромѣ особаго полуострова, занятаго эллинскимъ и албанскимъ племенами, составляющаго какъ бы особый наростъ на большомъ полуостровѣ Балканскомъ, все остальное въ европейской Турціи—отъ Далмаціи и Дуная до Константинополя—славянское. Полвѣка тому назадъ между славянствомъ турецкимъ и австрійскимъ не обнаруживалось еще ни прямаго соприкосновенія, ни сочувствія; освобожденіе Сербіи создало его. Конечно, Венгрія не можетъ забыть, что въ 1848 году вольные сербы приходили на помощь къ братьямъ своимъ, ея подданнымъ. Струя проточной воды и цвѣтъ шлагбаумовъ не могутъ разъединить нравственно эту массу славянщины, простирающуюся отъ Архипелага до Саксоніи, съ той минуты, какъ племенное сознаніе проснулось въ ней. Австрія можетъ сдерживать свою половину до тѣхъ лишь поръ, пока Турція сдерживаетъ свою, и обратно. Эта роковая постановка дѣла обусловливаетъ отношенія Австріи къ восточному вопросу даже помимо воли ея государственныхъ людей. Турецко-славянскія и австрійско-славянскія дѣла переплелись въ такой безвыходный клубокъ, что нѣтъ никакой возможности расплесть одну его половину, не трогая другой.

Вотъ образчикъ отношеній Австріи, а по ея примѣру и всей западной Европѣ къ балканскимъ туземцамъ. Французская печать проговорилась, что въ 1863 году между тюльерійскимъ и вѣнскимъ кабинетами обсуждались слѣдующія условія союза: Австрія отдаетъ Венецію Италіи, а Галицію возрождающейся Польшѣ, въ замѣнъ же ихъ возьметъ себѣ Боснію съ Герцеговиною, Сербію и Румынію. Свободные и несвободные—не только славяне, но всѣ православные дунайскіе народы—промѣнива-

Digitized by Google

лись въ неволю гуртомъ по стольку-то душъ за каждую освобождающуюся европейскую (въ томъ числѣ и наши бѣдные русскіе Галиціи). Для Австріи (въ чемъ многіе согласны съ нею) только и возможно такое рѣшеніе восточнаго вопроса: взять себѣ, что можно (приблизительно до Балканъ); неподходящее для себя отдать кому-нибудь другому изъ европейцевъ, напримѣръ, Албанію—Италіи, высматривающей уже свой пай на турецкомъ наслѣдствѣ; чего нельзя взять покуда, оставлять въ рукахъ турокъ; Турцію вознаградить Кавказомъ—грузинами и грузинками, на что наши согласны; въ крайности (можетъ быть) замѣнить за Балканами турецкое насиліе греческимъ, къ пагубѣ грековъ и болгаръ; но ни подъ какимъ видомъ не давать самостоятельности ни одной славянской душѣ. Если бы въ Россіи продолжали смотрѣть на восточный вопросъ съ европейской точки зрѣнія, съ надеждою разрѣшить его походомъ за Дунай, то исходъ, по всей вѣроятности, былъ бы близокъ къ вышеизложенному *).

Выходитъ, кажется, что отъ историческаго восточнаго вопроса, т. е. отъ вопроса о безсиліи Турціи, осталось нынѣ одно названіе. Пока съ легкой руки лорда Чатама хлопотали о немъ цѣлое столѣтіе, подъ нимъ выросъ и заглушилъ его вопросъ еще болѣе важный, которому нѣтъ другаго названія, кромѣ—вопроса обще-славянскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрослись и спорные предѣлы, обхватывающіе теперь уже не одинъ Балканскій полуостровъ, а пространство между Рудными горами Архипелагомъ. Для Европы, не желающей самостоятельности славянъ, восточный вопросъ можетъ существовать и теперь въ его прежнемъ видѣ, какъ занумерованное и не оконченное дѣло о разложеніи Турціи; мы же, русскіе, не имѣемъ причины закрывать глаза передъ дѣйствительностію. Мы должны видѣть въ пресловутомъ вопросѣ то, что въ немъ есть на самомъ дѣлѣ,—одной намъ славянскій вопросъ, окрашенный на картѣ Европы въ два различные цвѣта, но нераздѣльный въ сущности, неразрѣшимый иначе, какъ въ совокупности, потому что взаимнодѣйствіе обѣихъ его половинъ, за и противъ,

*) Возможный исходъ дѣла, представляющійся послѣ войны 1870 года, еще опаснѣе для насъ. Съ отпаденіемъ Цислейтаніи къ Германіи, Венгрія вступила бы во всѣ права турецкаго наслѣдства, поддерживаемая совокупною силою нѣмецкаго племени.

Digitized by Google

оказывается нынѣ несомнѣнною, неизмѣнимою никакими случайностями, данною.

Безъ сомнѣнія, славянскій вопросъ въ двухъ его подраздѣленіяхъ—южномъ и сѣверномъ—отличается крупными оттѣнками. Въ Австріи славянство бьется безплодно о стѣны своей клѣтки, но славянинъ, какъ человѣкъ, можетъ жить. Въ Турціи ему нѣтъ житья, какъ человѣку. Вѣшаніе священниковъ, удушеніе людей, окунутыхъ головою въ мѣшокъ съ просомъ—всѣ эти дикія выходки татарской орды надъ христіанскимъ населеніемъ, дѣйствуютъ иначе, конечно, на русскіе нервы, чѣмъ политическое утѣсненіе въ Австріи; вопросъ о человѣчествѣ идетъ тутъ иногда впереди всякихъ влеченій единокровія и единовѣрія. Въ слѣдствіе того, южная славянская группа чаще напоминаетъ о себѣ и требуетъ отъ дипломатіи временныхъ мѣръ, неумѣстныхъ въ отношеніи къ сѣверной. Ежедневные политическіе пріемы не могутъ быть одинаковы тамъ и здѣсь. Тѣмъ не менѣе исторія связала уже оба эти вопроса въ одинъ, сростила ихъ и не допускаетъ частнаго рѣшенія въ одной половинѣ помимо другой. Европа умышленно отвращаетъ глаза отъ опаснаго единства, не хочетъ его видѣть, но понимаетъ очень хорошо; стоитъ вспомнить какой переполохъ надѣлало въ ея печати невинное посѣщеніе Москвы славянскими гостями. Мы же не можемъ не видѣть. Мы стоимъ лицомъ къ западу и восходящее солнце не слѣпитъ намъ глазъ.

До сихъ поръ я не отступалъ отъ руководящихъ фактовъ. Не разсужденіе, а факты показываютъ, что намъ нѣтъ больше пути на Дунай въ обходъ Австріи. Такое, повидимому, безвыходное положеніе опредѣлилось съ математическою точностью въ 1854 году и длилось безъ измѣненія до 1866 года. Въ теченіе десяти лѣтъ мы не могли затронуть дѣломъ восточный вопросъ, не накликавъ на себя войну съ англо-австро-французскимъ союзомъ на западной границѣ, не предоставляя нашимъ противникамъ возможности и повода слить въ одно вопросы восточный и польскій. Побѣда Пруссіи перемѣшала карты, нѣкоторые думаютъ, въ нашу пользу. Во всякомъ случаѣ событія 1866 года видоизмѣнили всѣ европейскія отношенія и не могутъ остаться безъ вліянія на постановку восточнаго, т.-е. общеславянскаго вопроса. Нельзя говорить о нашихъ военно-политическихъ отношеніяхъ, не принявъ въ

Digitized by Google

соображеніе новое положеніе Пруссіи. Но тутъ по неволѣ приходится сойти съ твердой почвы фактовъ; положеніе это никакими фактами еще не обозначилось. Вмѣсто отношеній, доказанныхъ событіями, существуетъ однако же, очевидность народныхъ стремленій, въ наше время обязательныхъ для правительствъ.

Всѣ знаютъ случай, когда можетъ состояться союзъ Россіи съ нашею союзницею Пруссіею, какъ часто говорятъ теперь; случай этотъ—враждебный франко-австрійскій союзъ періодически разглашаемый газетами (хотя вовсе невѣроятный), направленный собственно противъ Пруссіи, а противъ насъ только рикошетомъ. При такомъ политическомъ сочетаніи, Пруссія согласилась бы, конечно, на большія уступки по восточному вопросу, даже принимая названіе «восточный вопросъ» въ чисто русскомъ смыслѣ. Она заплатила бы эту цѣну за союзъ противъ опаснаго для нея врага *). Но внѣ даннаго случая невозможно придумать обстоятельствъ, при которыхъ наша союзница предложила бы намъ свой союзъ; всего менѣе можно ждать отъ нея такого предложенія непринужденно по восточному вопросу. Даже прежняя Пруссія не могла относиться къ нему сочувственно съ нашей точки зрѣнія, какъ только оказалась связь между австрійскими и турецкими дѣлами; а надо помнить, что у прежней Пруссіи были собственные, не нѣмецкіе интересы, стоявшіе впереди ея племенныхъ сочувствій; тогда еще можно было сойдтись съ нею по турецко-славянскимъ и нераздѣльнымъ съ ними австро-славянскимъ дѣламъ за очень щедрое вознагражденіе. Теперь же Пруссія стала Германіею. Вся сила ея правительства заключается въ томъ, что оно взяло на себя поруку внѣшнихъ нѣмецкихъ интересовъ, объявило себя щитомъ и мечемъ Германіи: прусское главенство можетъ устоять только при этомъ условіи. Для Германіи же нѣмецкіе интересы въ Австріи такъ же дороги, какъ въ Пруссіи,—на верхней Эльбѣ и Савѣ въ такой же мѣрѣ, какъ на Вартѣ и Нижней Вислѣ. Въ этомъ отношеніи нѣмецкія стремленія нельзя даже назвать стремленіями, тамъ смотрятъ на нихъ, какъ на неотъемлемое право. Для

*) Эти слова уже сбылись. Пруссія заплатила намъ за нравственную поддержку упраздненіемъ трактата 1856 года о нейтрализаціи Чернаго моря; заплатила бы и большимъ, еслибъ то потребовалось.

Digitized by Google

каждаго нѣмца все, что заключается въ предѣлахъ австрійской имперіи, есть нѣмецкое достояніе,—все, что можетъ прирости къ ней, есть нѣмецкое пріобрѣтеніе. Возьмите какое угодно путешествіе не австрійскаго нѣмца въ Австрію, какое угодно разсужденіе его объ Австріи, половина книги состоитъ всегда въ охужденіи вѣнскаго правительства за неумѣніе онѣмечить въ продолженіи столькихъ вѣковъ славянъ, румынъ и даже мадьяръ,—въ предложеніи мѣръ къ ускоренію этого онѣмеченія и въ выраженіи увѣренности, что въ рукахъ другихъ, болѣе энергическихъ сыновъ Германіи, оно осуществится, причемъ Дунай станетъ исключительно нѣмецкою рѣкою. Въ глазахъ всего нѣмецкаго племени выпустить изъ рукъ даже часть, не только всѣхъ австрійскихъ славянъ, значило бы тоже, что для насъ отдать за-днѣпровскій край. Для чего искать сравненія—нашъ остзейскій вопросикъ показываетъ наглядно и буквально взглядъ Германіи на австрійскія области.

Ни одинъ нѣмецъ въ душѣ не согласится признать, на вѣчныя времена, самостоятельность даже мадьяръ, но онъ понимаетъ, что безъ мадьяръ, однимъ нѣмцамъ нельзя покуда справиться съ при-дунайскими славянами. Мадьяры съ своей стороны также хорошо понимаютъ необходимость взаимнаго союза. Недавно еще первый венгерскій министръ хвалился, что, будь онъ имперскимъ канцлеромъ, онъ мигомъ угомонилъ бы чеховъ. Въ отношеніи къ намъ Венгрія составляетъ авангардъ Германіи, гогенцолерны въ Румыніи—передовой ея постъ. Въ Европѣ и у насъ многіе наивно удивляются, какъ терпитъ Австрія прусское вліяніе на нижнемъ Дунаѣ, доказывающее коварное намѣреніе грозной соперницы обойдти ее съ тыла; Австрія, между тѣмъ, остается совершенно довольною. Для нея, въ этомъ направленіи, прусское ли, баварское или собственное руководство значитъ буквально одно и то же—вліяніе нѣмецкое. Ставъ во главѣ Германіи, Пруссія должна по необходимости обезпечивать нѣмецкому племени намѣченные имъ предѣлы, со всѣми передовыми постами. Въ этомъ заключается условіе существованія прусской династіи. Могли бы, конечно, возникнуть обстоятельства (напримѣръ, австро-французскій союзъ), при которыхъ Пруссія не только согласится, но пойдетъ сама на раздробленіе Австріи, какъ имперіи, замѣняя ее Венгріею; но она никогда не пойдетъ противъ нѣмецкаго преданія въ австрійскихъ областяхъ; воспротивится всѣми силами та-

Digitized by Google

кому исходу, развѣ ей самой будетъ грозить уже слишкомъ большая опасность. Но если Пруссія не можетъ допустить самостоятельности славянъ австрійскихъ, то не можетъ даже допустить самостоятельности славянъ турецкихъ: вторые ручаются за первыхъ. Освобожденіе южныхъ дунайскихъ племенъ повлечетъ за собою освобожденіе сѣверныхъ; уже теперь венгерскіе румыны поднимаютъ голову вслѣдствіе полу-независимости румынъ закарпатскихъ. Какъ же глубокомысленному нѣмцу не понять такой простой вещи? Разсчитывая на сочувствіе Пруссіи 1866 года въ этомъ отношеніи, мы всегда придемъ къ результату послѣдней конференціи по греческимъ дѣламъ. Прежняя Пруссія могла не быть сообщницею Австріи въ восточномъ вопросѣ, нынѣшняя Пруссія вынуждена къ этому сотовариществу. Австрійскіе интересы въ восточномъ или южно-славянскомъ вопросѣ суть интересы нѣмецкіе, обезпечивающіе историческое преобладаніе Германіи въ долинѣ Дуная и на его притокахъ; а Пруссія нравственно ручается за нѣмецкіе интересы и только вслѣдствіе такого ручательства стоитъ во главѣ Германіи *).

Послѣ этого можно находить довольно страннымъ распространенное у насъ мнѣніе о прочности прусскаго союза. Старая дружба и родственныя отношенія не помѣшали Россіи стать противъ Пруссіи въ 1851 году, даже безъ особенной надобности, ни Пруссіи противъ Россіи въ 1854 году. Этотъ послѣдній случай особенно замѣчателенъ. Прежняя Пруссія, второй членъ германскаго союза, недавно передъ тѣмъ униженная Австріею, считала себя однако же обязанною поручиться противъ Россіи за свою соперницу. Какъ же можетъ нынѣшняя Пруссія-Германія бросить ее на произволъ судьбы при борьбѣ съ чужеземцами? Кромѣ нѣкоторой взаимности по польскимъ дѣламъ, взаимности совершенно внѣшней, всѣ существенные интересы стоятъ гораздо болѣе въ разрѣзъ между Россіею и Пруссіею, чѣмъ между Россіею, напримѣръ, и Франціею. Мудрено разсчитывать на союзницу, вынужденную чув-

*) Эти страницы относятся также точно къ положенію Германіи и ея нравственной отвѣтственности передъ нѣмецкимъ племенемъ въ 1873-мъ году, какъ въ 1869-мъ. Потому мы и оставили текстъ брошюры безъ передѣлки.

Digitized by Google

ствомъ самосохраненія быть въ большой части случаевъ соперникомъ и даже врагомъ своего союзника *)

Расширеніе Пруссіи въ Германію ослабило въ отношеніи къ намъ опасность четвертаго союза Англіи, Франціи, Австріи и Италіи, постоянно грозившаго по восточному вопросу, или, скорѣе, ослабило только опасность прямаго наступленія этого союза на нашу западную границу, хотя не устранило ея совершенно: возможность нападенія на насъ съ моря осталась въ прежней силѣ. Но уменьшивъ одну опасность, расширеніе Пруссіи создало для насъ двѣ новыя: во первыхъ, обративъ политически Австрію въ Венгрію, война 1866 г. отдала ее въ руки правителей, гораздо болѣе энергическихъ, честолюбивыхъ и жадныхъ на захватъ, чѣмъ прежніе, и въ тоже время, отгородивъ ее стѣною отъ Европы, предоставила ей свободу дѣйствія только къ югу и востоку, т. е. направила всѣ силы и все честолюбіе этого государства на турецко-славянскія и румынскія области; во вторыхъ, замѣнила для Австріи отдаленную поддержку западныхъ державъ близкою поддержкою сосредоточенныхъ и родственныхъ нѣмецкихъ силъ. Если нынѣшняя венгерская Австрія чистосердечно войдетъ въ свою новую колею, что почти несомнѣнно, то Германія во всякомъ случаѣ постоитъ за нее, какъ за свое собственное добро. Въ обоихъ отношеніяхъ 1866 годъ не исправилъ, а ухудшилъ наше военно политическое положеніе **).

Мы видѣли, что смыслъ и узелъ восточнаго (для насъ славянскаго) вопроса лежитъ не въ Турціи, а въ Австріи. Мы никакъ не можемъ пройдти въ Турцію, мимо Австріи. При этомъ условіи, отнынѣ несомнѣнномъ и не подлежащемъ никакимъ случайностямъ, все что усиливаетъ Австрію, составляетъ новое препятствіе для насъ. Между тѣмъ очевидно, что оконча-

---

*) Взаимность по польскимъ дѣламъ между Германіею и Россіею уже упразднена послѣдними событіями. Самостоятельное возстаніе поляковъ стиснутыхъ какъ въ тискахъ между двумя имперіями стало немыслимымъ. Напротивъ, то что было прежде поводомъ ко взаимности, можетъ стать яблокомъ раздора.

**) Еще болѣе ухудшилъ его, во многихъ отношеніяхъ, 1870-й годъ не только въ смыслѣ будущаго. Этого ухудшенія однакожъ нельзя было избѣжать. Мы думаемъ, и сказали выше, что русская политика въ началѣ и въ продолженіи франко-прусской войны была совершенно правильна въ виду опасностей, угрожавшихъ намъ съ той или другой стороны.

Digitized by Google

ніе вѣковой распри съ Пруссіею и союзъ съ нею придадутъ Австріи гораздо болѣе устоя, чѣмъ союзъ съ несмежною и шаткою Франціею. Количество силъ, одновременность военныхъ сборовъ и удобство сосредоточивать арміи, не говоря уже о прочности связи, коренящейся въ народномъ чувствѣ,—во всемъ видно явное преимущество перваго союза надъ вторымъ. Если прежде наше положеніе въ восточномъ вопросѣ было затруднительно вслѣдствіе того, что щитомъ для Турціи служила Австрія, то оно стало еще гораздо затруднительнѣе теперь, когда щитомъ для Австріи служитъ Пруссія. Противопоставленные намъ щиты нагромоздились въ три этажа.

Несомнѣнно, что при новомъ положеніи дѣлъ, созданномъ побѣдою Пруссіи, главнымъ противникомъ нашимъ въ восточномъ вопросѣ—о самостоятельности славянскихъ племенъ хотя бы за Савою—будетъ уже не западъ, а центръ Европы, нѣмецкое племя. Къ противодѣйствію политическому присоединилось еще сопротивленіе, внушаемое народнымъ чувствомъ. Но какъ на свѣтѣ не бываетъ худа безъ добра, то объединеніе Германіи, страшно не выгодное для насъ вообще, выгодно въ одномъ отношеніи, открывая болѣе обширное поле для соглашеній, можетъ быть и для союза.

Я думаю, однако же, что намъ нечего обманывать себя въ значеніи какого бы то ни было союза съ Европою. Положительные, историческіе русскіе интересы такого свойства, что для ихъ осуществленія никто не протянетъ намъ руку охотно. Центръ сопротивленія противъ насъ, какъ мы видѣли, лежитъ въ Австріи; обойти ея нельзя *). Въ тоже время, не сдвинувши съ мѣста этотъ центръ сопротивленія, мы не только не будемъ въ состояніи устроить удовлетворительно свои внѣшнія дѣла въ какомъ бы то ни было будущемъ, но дадимъ накопиться великимъ опасностямъ даже для своихъ внутреннихъ дѣлъ. А гдѣ же найти вѣрнаго союзника противъ Австріи? Несомнѣнно что Австрія, и даже преемница ея Венгрія, гораздо дороже для Европы, чѣмъ самая Турція. Въ турецкихъ дѣлахъ важенъ только текущій день; всѣ признаютъ неизбѣж-

*) Теперь центръ этого сопротивленія лежитъ уже не въ одной Австріи, а во всемъ нѣмецкомъ племени, не только въ этнографическихъ, но и въ политическихъ предѣлахъ, захваченныхъ державами съ нѣмецкимъ правительствомъ. Все прочее, сказанное объ Австріи, осталось вѣрнымъ и теперь.

Digitized by Google

пую выморочность турецкаго наслѣдства раньше или позже: споръ идетъ лишь о наслѣдникахъ. Между тѣмъ вся Европа хоромъ повторяетъ старую присказку, что если бы Австрія (скоро будутъ говорить Венгрія) не существовала, то ее нужно было бы выдумать, что союзъ (хорошъ союзъ!) дунайскихъ народовъ подъ одною властію необходимъ Европѣ, какъ оплотъ противъ востока. Востокъ значилъ прежде: Турція и мусульманство, теперь значитъ: Россія, славянство и православіе. Въ обыкновенное время Европа, не раздираемая какимъ-либо междоусобіемъ, дружно станетъ за этотъ дунайскій союзъ *). Для западной Европы онъ значитъ—политическое равновѣсіе, для центральной Европы — неродное величіе, для клерикальной партіи—спудъ на груди православнаго востока, для толпы—огражденіе цивилизаціи отъ новаго нашествія монголовъ въ лицѣ недавно открытаго московско-туранскаго племени. При такомъ настроеніи, вошедшемъ въ плоть и кровь, всякое противорѣчащее ему соглашеніе, изъ крайности, дастся не иначе, какъ съ затаенною мыслію взять его обратно при первой возможности. Съ послѣднимъ выстрѣломъ кончится и уступка; затѣмъ вчерашній союзникъ начнетъ противодѣйствовать ея послѣдствіямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и вчерашній врагъ. Съ кѣмъ Россія не заключитъ союзъ и какъ побѣдоносно ни будетъ дѣйствовать въ этомъ союзѣ, за нею останется лишь тотъ выигрышъ, который она успѣетъ совершенно закрѣпить во время войны. Но въ великомъ вопросѣ, предстоящемъ Россіи, какъ увидимъ далѣе, нѣтъ такихъ вещей, которыя можно было бы кончать сразу; война можетъ только посѣять, миръ долженъ взростить всходы. Именно этимъ всходамъ будутъ препятствовать враги и союзники явно и тайно. Европейскій союзъ можетъ намъ дать только возможность дѣйствовать не стѣсняясь въ теченіе короткаго срока и бросить въ это время зерна будущей жатвы; но было бы мечтою полагаться на какой

*) Теперь уже можетъ быть не дружно. При хорошихъ обыденныхъ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, на послѣднюю такой союзъ уже разсчитывать не можетъ. Вотъ единственная, но весьма важная поправка въ нашемъ международномъ положеніи, принесенная 1870-мъ годомъ, ухудшившимъ его во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Но поправка эта, вмѣстѣ съ разрушеніемъ польскихъ надеждъ на чужеземную помощь превышаетъ, какъ выгода, все остальное и доказываетъ до какой степени былъ вѣренъ взглядъ русскаго правительства на событія 1870 г.

Digitized by Google

либо союзъ для систематическаго разрѣшенія хотя самыхъ насущныхъ и законныхъ международныхъ потребностей нашихъ.

Говоря мимоходомъ, единственный возможный союзникъ въ свѣтѣ, не враждебный историческимъ задачамъ Россіи,—Америка. Но американскій союзъ, безмѣрно важный для насъ, какъ противодѣйствіе морскимъ силамъ западныхъ державъ, не можетъ помочь намъ на сушѣ.

Говоря о союзѣ, надобно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что отъ Россіи ни въ какомъ случаѣ не зависитъ создать союзъ; насъ слишкомъ остерегаются, нашъ починъ возбудить недовѣріе даже тѣхъ, кому выгодно стать рядомъ съ нами. Россія можетъ только пристать къ одному изъ двухъ лагерей, на которые по временамъ дѣлится Европа. Не владѣя починомъ, трудно направлять событія. Самые жгучіе для насъ вопросы могутъ разгорѣться именно въ то время, когда въ Европѣ не существуетъ никакого прямаго повода къ раздѣленію. Изъ этого видно, между прочимъ, какъ важно для насъ быть готовыми въ военномъ отношеніи, чтобы не пропускать минутъ, не отъ насъ зависящихъ и невознаградимыхъ.

Въ сущности, какъ ни оборачивать великій вопросъ, онъ остается тѣмъ же вопросомъ, неразрѣшимымъ никакими обыкновенными средствами. Мы стоимъ одни, безъ надежды на снисхожденіе передъ разлагающеюся Турціею, куда намъ нѣтъ хода, передъ запрещеннымъ намъ Чернымъ моремъ, передъ насильно онѣмечиваемымъ и омадьяриваемымъ славянствомъ Австріи, передъ стонущими русскими Галиціи, передъ польскими галичанами съ эмиграціею, упорно ожидающими удобной минуты, чтобы снова внести смуту и, если можно, европейскую войну въ привислянскій край и западныя губерніи. Понятно, безъ дальнѣйшихъ объясненій, каково было бы наше положеніе, какихъ жертвъ, какой напряженной борьбы въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ потребовалось бы отъ насъ, если бы главные вопросы, смущающіе нынѣ Европу, созрѣли наконецъ, и разрѣшились помимо насъ и противъ насъ. Обойти ихъ нельзя, они сами о себѣ напомнятъ. Вся выгода въ этой игрѣ останется, вѣроятно, за тѣмъ, кто начнетъ ее раньше и будетъ имѣть ходъ впереди. Задача въ средствахъ. Какъ ни велики наши народныя силы (правильнѣе сказать, какъ ни велики могли бы быть наши силы), итогъ противниковъ еще сильнѣе. Безъ раздѣленія въ непріятельскомъ лагерѣ, мы не

Digitized by Google

сдвинемъ затрудняющихъ насъ препятствій и въ то же время не можемъ разсчитывать на чистосердечное соглашеніе съ какимъ бы то ни было европейскимъ союзникомъ *).

Несомнѣнное, хотя еще весьма отвлеченное сочувствіе къ намъ сорокамилліонной массы славянскихъ или православныхъ населеній, окружающихъ Россію, не имѣетъ покуда никакого практическаго значенія. Не только эти населенія въ большинствѣ не располагаютъ собою, но даже въ сочувствіи ихъ къ намъ нѣтъ еще никакого опредѣленнаго содержанія; онѣ довольны тѣмъ, что есть на свѣтѣ большой и самостоятельный народъ, близкій имъ по языку или по вѣрѣ,—вотъ и все. Только самыя затоптанныя и безсильныя изъ этихъ племенъ, русскіе галичане и болгары, желали бы прямой нашей помощи. Но все же славяне и православные близки намъ по сердцу. Между тѣтъ главная сила, сдерживающая естественныя русскія стремленія, состоитъ на двѣ трети изъ этихъ же людей, не только не непріязненныхъ, но даже сочувственныхъ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ,—явленіе во всякомъ случаѣ странное, особенно теперь, когда поднятъ вопросъ о національностяхъ. Если бы главная сила французовъ состояла изъ эльзасцевъ, говорящихъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ, хотя почти непонятнымъ для пруссака, конечно, Пруссія не упустила бы изъ вида такого обстоятельства. Все равно, кому принадлежатъ тѣла, когда души за одно. Будущее зависитъ для насъ отъ вѣрнаго примѣненія вопроса, что нужно для того, чтобы души были за одно?

Мы раскрыли сущность восточнаго вопроса. Въ немъ не славянское—только одна кайма, именно южная окраина, само собою отпадающая отъ него по немногу. Затѣмъ весь восточный вопросъ есть ничто иное, какъ южная половина славянскаго вопроса, неразрѣшимая отдѣльно, или разрѣшимая лишь въ смыслѣ прямо намъ враждебномъ. Австрійскія дѣла до такой степени сплетены съ турецкими, что тронуть одну часть дѣла—значитъ тронуть все дѣло; мы можемъ идти на разрѣшеніе великаго славянскаго вопроса въ цѣломъ его составѣ, но не въ состояніи даже подступить къ одной его половинѣ—турецкой. Дѣйствуя иначе, мы будемъ бить по неуловимому

*) Въ настоящую пору мы могли бы имѣть союзниковъ въ Европѣ. Но полоса времени, въ продолженіе которой мы можемъ ихъ имѣть, протянется вѣроятно не долго. Затѣмъ все вступитъ въ прежнюю колею.

Digitized by Google

призраку и попадемъ въ безвыходный кругъ, какъ въ 1854 г. Ничего хорошаго нельзя ждать впереди, покуда сознаніе такой постановки дѣла не укоренится въ русскихъ умахъ. Названія имѣютъ великое значеніе, онѣ замѣняютъ толпѣ обдуманное мнѣніе. Тогда лишь можно будетъ повѣрить, что восточный вопросъ понять у насъ, когда онъ окрестится своимъ настоящимъ именемъ, выражающимъ его сущность, будетъ называться «славянскимъ вопросомъ». Даже выраженіе «южно-славянскій» не годится, потому что «южно-славянскаго» вопроса въ самомъ себѣ, какъ практическаго дѣла, не существуетъ. Когда мы назовемъ дѣло правильно, тогда и славянство пойметъ скорѣе, что мы заботимся не только о себѣ, но и о немъ.

Въ извѣстномъ случаѣ, цѣлое можетъ оказаться легче половины. Какъ ни подступать къ восточному вопросу,—мы ли къ нему подступимъ, или онъ къ намъ, — на рукахъ у насъ все-таки будетъ коалиція съ Австріею въ сердцѣ, если не въ головѣ: придется отступить, какъ въ 1854 году, или считаться съ этою державою. Но въ такомъ случаѣ, что лучше: вступая въ борьбу съ Австріею изъ-за славянскаго вопроса, найти въ ней многочисленныхъ союзниковъ (взявши предварительно верхъ, конечно), или, предпринимая войну изъ-за метафизическаго восточнаго вопроса въ европейскомъ смыслѣ, встрѣтить въ ней однихъ австрійцевъ? Дунайскій союзъ, какъ выражаются въ Европѣ, окажется несостоятельнымъ передъ нами тогда лишь, когда славянскія племена будутъ знать заранѣе положительно, изъ опредѣлившаго и несомнѣннаго направленія всей русской политики, что мы за нихъ; когда они будутъ увѣрены, что Россія подымаетъ славянское знамя не на часъ, вслѣдствіе временныхъ затрудненій, а твердо и высоко держитъ его, какъ свое историческое призваніе. Національная политика Россіи еще такъ нова, что не могла созрѣть даже въ собственномъ своемъ сознаніи; заграничные родичи не видятъ еще ея и не вѣрятъ ей. Для большинства изъ нихъ Россія, по преданію, остается Россіею священнаго союза, только съ какою то новою, не совсѣмъ имъ понятною замашкою. Славяне знаютъ, что въ 1849 году галичане, говорившіе «мы русскіе, мы стонемъ подъ чуждымъ игомъ, отворите намъ двери роднаго дома»—получили въ отвѣтъ: «мы пришли сюда не затѣмъ, чтобы возмущать подданныхъ противъ ихъ законнаго государя, но съ тѣмъ, чтобъ заставить ихъ покориться ему».

Digitized by Google

Славяне знаютъ, что русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Медемъ, на замѣчаніе своего предшественника Татищева о сочувствіи славянъ къ Россіи, отвѣчалъ: «я знаю въ Австріи только австрійцевъ»,—что этотъ же самый Медемъ выгонялъ нѣсколько разъ изъ посольскаго дома бана Іеллашича, приходившаго къ нему за совѣтомъ въ 1848 году, какъ къ представителю Россіи. Славяне, бьющіеся въ ненавистныхъ имъ нѣмецкихъ тискахъ у себя дома, считаютъ нѣмецкое вліяніе всесильнымъ въ Россіи и не вѣрятъ въ искренность русскихъ дипломатическихъ агентовъ съ нѣмецкимъ именемъ. Недавніе знаки нашего сочувствія къ нимъ выказываются покуда чрезвычайно слабо; изъ 70 тысячъ, исчисленныхъ на самое необходимое пособіе для поддержанія славянскаго развитія на стипендіи и матицы, не собирается ежегодно и трети, хотя заѣзжающіе въ Петербургъ славянскіе гости видятъ, что у насъ частный человѣкъ ни почемъ бросаетъ 70 тысячъ на прихоть. Славяне знаютъ изъ русской печати, въ какой степени нынѣшніе наши консерваторы сходятся съ бывшими нигилистами въ пренебреженіи къ ихъ судьбѣ; они принимаютъ выраженія сочувствія, доходящія къ нимъ по временамъ, за заявленіе небольшой, лишенной вліянія на дѣла группы людей и по результату не могутъ судить иначе. Передовые славянскіе люди увѣрились уже теперь, конечно, что сердце Россіи пошевелилось въ пользу единокровныхъ; но, кромѣ того, что мнѣніе нѣсколькихъ личностей, хотя бы крупныхъ, не проникаетъ массу разомъ, эти передовые люди знаютъ также, до какой степени въ Россіи мнѣніе еще шатко, дѣло не соотвѣтствуетъ слову, а завтрашній день сегодняшнему начинанію; они знаютъ, что Россія не Америка, и что чувства русскихъ остаются при русскихъ людяхъ, а дѣла все-таки не видно. Удивительно еще, какъ держится въ славянахъ нынѣшнее ихъ расположеніе къ Россіи и вѣра въ нее. Эти чувства съ ихъ стороны доказываютъ одно только: сознаніе невозможности выбиться изъ тисковъ собственными усиліями, заставляющее ихъ хвататься даже за такую соломенку, какою была до сихъ поръ надежда на Россію. Но не должно смѣшивать двухъ вещей: безсиліе стать на связанныя ноги не мѣшаетъ обнаружиться громадной силѣ, когда ноги будутъ распутаны.

Все теперь зависитъ отъ насъ самихъ, принимая слово «мы» въ смыслѣ государства и общества вмѣстѣ. Славянскія насе-

Digitized by Google

ленія Австріи и Турціи сочувствуютъ намъ лишь отчасти и то скорѣе литературнымъ образомъ, даже тамъ, гдѣ онѣ располагаютъ нѣкоторою свободою дѣйствій, какъ въ Сербіи. Иначе не можетъ быть. Развѣ итальянскія населенія горячѣе сочувствовали Піемонту до 1848 г.? Западные славяне не довольно къ намъ близки по исторіи, чтобы безкорыстно питать къ Россіи чувства русскихъ галичанъ; но все же довольно близки по крови, чтобы отличить братскую руку отъ чужой, когда эта братская рука простется надъ ними, когда они увидятъ пока хотя твердое намѣреніе простереть ее. Теперь они смотрятъ еще вокругъ по всему горизонту, ожидая, не появится ли гдѣ нибудь свѣтлая точка на небѣ,—что очень понятно. Нѣкоторые изъ нашихъ западныхъ родичей, полусвободные, какъ сербы,—горды и хотѣли бы все сдѣлать сами для себя. Въ этомъ отношеніи можно указать имъ на опытъ, на вѣнскій и пештскій кабинеты въ первой линіи, на Пруссію, Англію и Францію во второй, чтобы разувѣрить ихъ окончательно и отнять у нихъ всякую надежду открыть себѣ выходъ собственными силами. Объ австрійскихъ подданныхъ нечего и говорить; они, какъ заживо зарытые люди, будутъ биться о крышку гроба, пока не задохнутся, или пока дружеская рука не приподниметъ эту крышку. Послѣ каждаго усилія и слѣдующаго за нимъ разочарованія, славяне будутъ снова обращаться къ Россіи. Но для того, чтобы разчитывать на искреннее и дѣятельное сочувствіе къ намъ обѣихъ славянскихъ группъ, на сочувствіе, стремящееся къ практической цѣли, надобно, чтобы Россія дала имъ существенный залогъ своей готовности переходить отъ словъ къ дѣлу, по мѣрѣ силъ и возможности. Всякому заинтересованному понятно, что сила, возможность, время зависятъ не отъ насъ; но для него важна увѣренность въ искренности желанія помочь ему. Всякому понятно также, что государство, населеніе котораго достигнетъ, вѣроятно, къ концу текущаго вѣка ста милліоновъ, не будетъ понапрасно слишкомъ долгое время только желать. Дать славянамъ эту увѣренность могутъ не дипломатическія депеши, а дѣло, въ которомъ есть своя доля каждому: и власти, и частнымъ средствамъ, и доброму пожеланію русскихъ сословій и корпорацій. Надобно внушить славянамъ увѣренность, что Россія не спускаетъ съ нихъ глазъ, что дѣятели ихъ имѣютъ за собою поддержку, что каждый славянинъ въ Россіи—у себя

Digitized by Google

дома. Привожу только заголовки давно сказаннаго другими. Нужно дать средства хотя не изобильныя, но достаточныя, для поддержанія умственнаго славянскаго движенія, по крайней мѣрѣ въ видѣ разсадника, тамъ, гдѣ для того нѣтъ мѣстныхъ средствъ. Нужно поощрять высокимъ вниманіемъ знаменитыхъ славянскихъ дѣятелей. Нужно, чтобы каждый подвижникъ славянскаго дѣла, гонимый за любовь къ своей народности, не оставался безпомощнымъ дома, а въ случаѣ крайности находилъ обезпеченное пристанище въ Россіи, чему болѣе всего могутъ способствовать ученыя русскія корпораціи, такъ какъ славянскіе дѣятели за границею почти всѣ принадлежатъ къ ученому сословію. Нужно, чтобы въ Россіи, по мѣрѣ надобности въ умѣлыхъ людяхъ, вызывали ихъ преимущественно изъ славянскихъ земель, гдѣ ихъ такъ много, и завели бы для того спеціальныя сношенія. Нужно всевозможными средствами распространять между заграничными славянами русскую литературу, открывая имъ матеріальные доступы къ ней: только въ этой литературѣ найдутъ они общую народную связь между собою и съ нами. Нужно въ тоже время знакомить Россію съ славянскимъ міромъ, усвоить нашимъ университетамъ и другимъ высшимъ заведеніямъ славянскіе курсы исторіи, статистики и проч., наравнѣ съ отечественными. Нужно, чтобы въ Россіи сознали, наконецъ, что славянское католическое духовенство, главный руководитель и хранитель народнаго чувства, исполнено любви въ Россіи, что оно состоитъ въ большинствѣ изъ горячихъ русскихъ патріотовъ,—и замѣняли бы ими, на сколько найдется для того желающихъ (прежде всего въ арміи) нынѣшнихъ высшихъ и низшихъ ксендзовъ. Нужно, по моему мнѣнію, открыть русскую службу, особенно военную, иностраннымъ славянамъ наравнѣ съ своими подданными, принимая служившихъ тѣмъ же чиномъ, не въ примѣръ другимъ чужеземцамъ; такое допущеніе будетъ полезно и намъ, и имъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Мѣры эти должны быть общимъ правиломъ, а не демонстраціею только на извѣстный случай; должно создать постоянное нравственное соприкосновеніе между Россіею и заграничными ея братьями. Тѣ изъ вышеприведенныхъ мѣръ, которыя не зависятъ отъ офиціальной власти, все-таки требуютъ почина сверху, безъ котораго у насъ покуда ничто не идетъ; но затѣмъ на русскомъ обществѣ лежитъ обязанность усвоить ихъ себѣ и рас-

Digitized by Google

пространить. Мало внушать эти чувства, надо создать на нихъ моду и потомъ превратить ее въ дѣло чести. Затѣмъ если эти обязанности не войдутъ въ общее сознаніе, то нечего и говорить,—значитъ, нельзя вѣрить въ Россію.

Говоря о славянахъ, я понимаю всю группу народовъ, связанныхъ съ Россіею историческою судьбою, единокровныхъ и единовѣрныхъ. Нельзя обойдти въ великомъ вопросѣ грековъ и румынъ; вторые особенно вросли въ сплошное тѣло славянщины и поневолѣ должны дѣлить ея участь. У обоихъ тѣ же враги и тоже безсиліе достигнуть законной цѣли собственными средствами. Греки понимаютъ очень хорошо, что единственный народъ, искренно желающій имъ освобожденія, готовый пролить за нихъ кровь,—все-таки русскіе и никто больше, Разница во взглядѣ на восточную имперію, на этотъ безсмысленный призракъ котораго Россія, конечно, не можетъ допустить, на этотъ плодъ археологическихъ мечтаній ученой греческой партіи,—не охладитъ къ намъ народную массу, желающую только дѣйствительности: свободы и національнаго развитія. Никто не сомнѣвается, что Россія, выступивъ впередъ, увлечетъ за собою грековъ. Сомнѣніе это существуетъ относительно румынъ: вожаки ихъ сбиты съ толку упорною внѣшнею интригою. Но никакая интрига не можетъ долго устоять противъ очевидности; въ этомъ же случаѣ очевидность полная. Единственный народъ, имѣющій разумную причину желать самостоятельности румынъ, единственный народъ, создавшій и поддерживавшій эту самостоятельность,—русскіе. Не только румынское племя не можетъ собрать собственными силами свои разсѣянныя отрасли, попранныя, какъ и славяне, чужеземнымъ гнетомъ; но оно не можетъ устоять свободнымъ народомъ иначе, какъ съ русскою помощію. Переговоры между Австріею и Франціею въ 1863 году, великодушно располагавшими судьбою Румыніи, и многое другое изъ того, что говорилось и писалось въ Европѣ о румынахъ, должно, наконецъ, открыть имъ глаза. Судьба всѣхъ дунайскихъ народовъ колеблется теперь на остріѣ иглы; или они будутъ свободны въ союзѣ съ Россіею, или станутъ, сначала провинціями, потомъ низшею расою, «словаками» венгерской Австріи. Побужденіе, не допускающее Венгрію или Австріею, а за нею Германію, согласиться на свободное существованіе турецкихъ славянъ, простирается въ той же мѣрѣ и на румынъ. Два милліона ру-

Digitized by Google

мынскихъ подданныхъ Венгріи, не говоря уже о стремленіи нѣмецкаго племени и его венгерскаго авангарда къ овладѣнію всѣмъ теченіемъ Дуная, составляютъ, кажется, достаточную угрозу для беззащитныхъ дунайскихъ княжествъ. Въ случаѣ новой борьбы за восточный вопросъ, или лучше сказать, за новый славянскій вопросъ, ставшій на мѣсто перваго, существованіе румынъ, не только какъ народа, но какъ людей, какъ гражданъ, будетъ зависѣть исключительно отъ побѣды Россіи. Гогенцоллернскій принцъ не обезпечиваетъ, а напротивъ, предвѣщаетъ румынамъ (въ дурномъ для нихъ смыслѣ) ихъ будущность. Когда людямъ предстоитъ выборъ между такими крайностями, тогда можно положиться на ихъ собственное чувство самосохраненія, не забывая, впрочемъ, по возможности неустанно раскрывать глаза всѣмъ и каждому. Греки должны быть съ нами, или долго имъ придется еще видѣть въ рабствѣ половину своего народа: румыны должны или быть съ нами или погибнуть. Ни тѣ, ни другіе не захотятъ послѣдняго исхода.

Россія нужна грекамъ и румынамъ; они не столько нужны, сколько дороги намъ, и должны быть дороги, даже румыны, не смотря на ихъ кичливость, какъ православные. Я не затрону, конечно, духовныхъ вопросовъ въ военно-политической статьѣ; но нельзя не замѣтить тутъ одной особенности. Православіе не разсѣяно по лицу земли, какъ католичество; оно освѣщаетъ сплошную массу народовъ, живущихъ рядомъ, тѣсно связанныхъ между собою съ перваго появленія въ исторіи, имѣющихъ передъ собою почти одинаковую религіозную, нравственную, вѣроятно, даже гражданскую будущность. Въ этомъ отношеніи православіе запечатлѣно особымъ, можно сказать, соціальнымъ свойствомъ. Неизмѣнное въ основаніи, оно помнитъ единство вѣры, просвѣщенія и гражданскаго общества, осѣнявшее первые дни его торжества,—преданіе, давно утратившееся въ католичествѣ. Можно удостовѣриться личнымъ опытомъ, что для каждаго священника, даже для каждаго мірянина, воспитаннаго на церковной литературѣ не только въ Румыніи, но даже въ Сиріи, даже въ Египтѣ, русскій Царь есть единый царь православный и законный, прямой наслѣдникъ Константина Великаго: прочіе только владѣтели. Въ Россіи лежитъ теперь средоточіе православнаго общества, не вѣры, конечно, но людей, исповѣдывающихъ эту вѣру, въ ней

Digitized by Google

узелъ тѣсной, мірской связи между православными людьми всего свѣта. Намъ, русскимъ, никакъ не слѣдуетъ этого забывать.

Наша историческая сила въ громадномъ сочувственномъ народонаселеніи, окружающемъ юго западные предѣлы Россіи. Наша слабость въ томъ, что мы вчера лишь сознали свое сродство съ десятками милліоновъ пограничнаго населенія и не только еще не овладѣли нравственно сочувственною стихіею, но едва начинаемъ понимать значеніе предстоящаго намъ новаго, вѣроятно, послѣдняго перелома въ русской исторіи. Не особенно трудно, однако же, исправить невольную ошибку первыхъ трехъ четвертей столѣтія. Въ нашъ быстротечный вѣкъ не только событія разыгрываются чрезвычайно скоро, но переворотъ во взглядахъ и чувствахъ людей совершается съ изумительною быстротою, коль скоро накопляются къ тому разумныя основанія; ни того, ни другаго нельзя мѣрять прежнимъ масштабомъ. Даже въ между-народной политикѣ главное дѣло въ твердомъ общественномъ сознаніи,—если есть только какая нибудь соразмѣрность въ силахъ; а соразмѣрность эта въ нашемъ дѣлѣ очевидна. Нужно только, чтобы разумное побужденіе къ единодушному усилію стало очевиднымъ въ такой же степени.

Силы сочувственныхъ намъ заграничныхъ населеній громадны, но до сихъ поръ безсвязны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что славянскія и сосѣднія имъ православныя племена другой крови, сплетенныя съ ними одною судьбою, перевернули бы разомъ весь нынѣшній порядокъ вещей въ Турціи и Австріи, если бы принялись за дѣло единодушно и не опасались остальной Европы. Но такое единодушіе, возникающее само собою, несбыточно и немыслимо, какъ немыслимо правильное движеніе планетъ безъ солнца въ средоточіи. Кромѣ того, въ этой глухой борьбѣ ни одинъ членъ великой семьи не обладаетъ достаточно явнымъ перевѣсомъ силъ и развитія, чтобы стать признаннымъ руководителемъ остальныхъ, но каждое племя отдѣльно борется противъ давящихъ его обстоятельствъ; ни одно племя не можетъ протянуть другому руку, потому, во первыхъ, что не можетъ собственными усиліями пріобрѣсти достаточной для того свободы дѣйствій, и, вторыхъ, потому, что прямыя цѣли,—цѣли текущаго дня,—для каждаго иныя. Сочувственныя намъ населенія опутаны въ безвыходномъ кругѣ,

Digitized by Google

не имѣя возможности ни достигнуть единодушія, такъ какъ имъ недостаетъ для этого самостоятельности, ни добиться самостоятельности безъ предварительнаго единодушія. Даже независимые народы Балканскаго полуострова, сербы, румыны, греки и черногорцы слишкомъ разрознены и подавлены гнетомъ Европы, чтобы серіозно думать о союзѣ. Безъ внѣшняго объединенія огромная масса славянскаго и православнаго міра безсильна: собранная вокругъ одного общаго устоя—она неодолима. Начиная съ сѣверной группы, большая половина австрійской арміи состоитъ изъ славянъ. При общемъ сзовѣ чешское племя, по обѣ стороны горъ, выставляетъ 120 тыс. первостепенныхъ солдатъ, русскіе галичане 60 тыс., словаки (смѣшанные, впрочемъ, съ другими населеніями въ венгерскихъ рядахъ) 30 т., словенцы Иллиріи и Штиріи также 30 тыс.; затѣмъ все сербское племя южно-австрійской границы составляетъ одинъ военный станъ знаменитыхъ «красныхъ плащей»; далматы, первые моряки на Средиземномъ морѣ, комвесь военный флотъ; венгерскіе румыны, стоящіе въ одинаковомъ положеніи съ славянами, ставятъ 80 тыс. солдатъ нѣмцевъ и мадьяровъ, въ которыхъ заключается весь политическій устой Австріи, наберется въ рядахъ ея арміи, даже вмѣстѣ съ поляками, не болѣе 280 тысячъ. Конечно, славянскіе и другіе чужеплеменные полки теперь еще сила австрійская и при томъ вѣрная, пока надъ ними развѣвается черно-желтое знамя; но полки эти были бы еще вѣрнѣе своему народному знамени, если бы оно поднялось надъ ними. Далѣе въ предѣлахъ Турціи, отъ Далмаціи до Румыніи, живетъ другая половина сербскаго племени, отъ природы народъ воиновъ, не задумавшійся возстать противъ всѣхъ силъ турецкой имперіи и отстоявшій свою независимость безъ чужой помощи; у Адріатическаго моря вѣтвь сербскаго племени, черногорцы, выстоявшіе въ продолженіе вѣковъ противъ страшнаго царства Солимановъ; на югѣ греки, одни въ свѣтѣ готовые умирать за родное дѣло даже безъ надежды на успѣхъ; между сербами и греками 6 милліоновъ болгаръ, покуда еще не воиновъ, но способныхъ стать воинами, какъ всѣ славяне, способныхъ, какъ мы видимъ ежедневно потрясать свое ярмо. Наконецъ, въ тылу прочихъ, 4-хъ милліонный православный румынскій народъ; его порабощенные братья вопіютъ къ нему, Европа торгуетъ имъ въ своихъ политическихъ сдѣлкахъ,—придется же ему подумать о зая-

Digitized by Google

трашнемъ днѣ. Наши прирожденные союзники выставляютъ теперь полмилліона солдатъ для закрѣпленія надъ собою ненавистнаго ига: они выставятъ всѣ вмѣстѣ милліонъ солдатъ и за ними столько же мѣстнаго ополченія для огражденія своей независимости, когда у нихъ будутъ развязаны руки. До того еще многіе изъ нихъ станутъ не колеблясь рядомъ съ нами и всѣ пошевелятся сильно, какъ только мелькнетъ имъ возможность освобожденія не на словахъ, а на дѣлѣ. Но, конечно, не манифесты въ минуту войны вызовутъ къ довѣрію нашихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ,—мы видѣли значеніе манифестовъ 1854,—а братское и дѣятельное сочувствіе, доказанное будничнымъ опытомъ, общность умственной и нравственной жизни до войны.

Такое великое дѣло не складывается разомъ; даже освобожденіе Италіи, ничтожное сравнительно по размѣрамъ, до сихъ поръ еще не закончилось *). Нужно нѣсколько роздыховъ пока нынѣшніе «австро-дунайскій» и «татарско-балканскій» союзы, говоря европейскимъ языкомъ, обратятся изъ враждебныхъ для насъ въ братскіе. Покуда мы еще не соприкасаемся прямо съ славянскимъ міромъ, не только нравственно, но даже географически; насъ отдѣляютъ отъ него на западѣ—Галиція, русская и польская, на югѣ—полоса уступленная, Румыніи въ 1856 году.

Русская Галиція ставитъ неодолимую преграду нашему сближенію съ славянствомъ: она разрушаетъ довѣріе къ намъ въ самомъ зародышѣ. Спросите объ этомъ какого угодно заграничнаго славянина, онъ скажетъ: «какую надежду могутъ возлагать на Россію двоюродные братья, когда даже братья родные, стонующіе на русскихъ границахъ, не могутъ дождаться помощи?» Именно русская Галиція болѣе всего прочаго внушаетъ славянамъ мысль, что наше отечество въ душѣ имъ чуждо, что русское сочувствіе къ славянству составляетъ не болѣе, какъ выраженіе мнѣній небольшаго литературнаго кружка. Напрасно станете вы доказывать славянамъ, что въ политикѣ дѣло не въ желаніи, а въ возможности и благопріятныхъ обстоятельствахъ: они стоятъ на томъ, что несчастные русскіе галичане могли быть освобождены безъ чрезвычайныхъ усилій

*) Писано въ 1869.

Digitized by Google

въ 1849 году, потомъ въ 1859, потомъ еще въ 1866 году. Съ западными славянами можно будетъ говорить не безплодно объ ихъ дѣлахъ тогда лишь, когда кончится шестисотъ-лѣтній планъ Червонной Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы станемъ непосредственно на предѣлахъ славянской страны.

Тоже самое чувство внушаетъ турецкимъ славянамъ видъ оторваннаго отъ Россіи Измаила. Они слышатъ отъ измаильцевъ такія слова: «въ первый годъ мы смѣялись надъ молдавскими чиновниками и дожидались только слѣдующей весны; пришла весна, мы отложили надежду до третьяго года, потомъ до четвертаго; теперь мы перестали уже считать года, и молдавскіе чиновники смѣются надъ нами». Люди надѣются на помощь того только, кто въ ихъ глазахъ умѣетъ помогать себѣ.

Тѣмъ не менѣе, кто можетъ усомниться въ неисчерпаемой жизненности и великой судьбѣ русскаго народа въ виду этого примѣра Червонной Руси. Нѣмцы становятся превосходными французами черезъ два столѣтія какъ въ Альзасѣ, французы отличными англичанами, какъ въ новомъ Орлеанѣ, поляки—ревностными пруссаками, какъ въ Силезіи. Но вотъ два клочка, оторванные отъ Россіи, одинъ вчера, другой шесть вѣковъ тому назадъ,—и нельзя сказать, въ какомъ изъ этихъ обрывковъ русское чувство сильнѣе, который изъ нихъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ срощенія съ роднымъ деревомъ.

Первый шагъ, предстоящій современной Россіи, если она пойдетъ по своему историческому склону—освобожденіе прикарпатской Руси и Измаила. До того времени можно и нужно помогать славянамъ, какъ людямъ, и сближаться съ ними, но нечего говорить о славянствѣ и тѣмъ менѣе—толковать о несуществующемъ раздѣльно, недоступнымъ для насъ и потому фантастическомъ покуда, восточномъ вопросѣ.

За исключеніемъ Червонной Руси, польская Галиція все еще остается сторожевымъ постомъ непріятеля по сю сторону Карпатовъ, т. е. можно сказать,—непріятель стоитъ въ «естественныхъ» предѣлахъ Россіи, дожидаясь благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ углу сосредоточивается главный фокусъ наступательной силы противъ насъ, какъ въ углу противоположномъ, на юго-восточномъ загибѣ Карпатскихъ горъ, лежитъ узелъ оборонительной непріятельской силы, заслоняющей отъ насъ Балканскій полуостровъ. Западная Галиція въ рукахъ

Digitized by Google

Австріи есть ежеминутная опасность польскаго вопроса и европейской войны изъ за него.

Пока не разрѣшено всеславянское дѣло, польскій вопросъ не отдѣлимъ отъ восточнаго. Онъ служитъ во враждебныхъ рукахъ остріемъ, которое можно направить въ нашу грудь, какъ только мы пошевелимся въ русскомъ смыслѣ, напримѣръ, поднимемъ восточный вопросъ. Кромѣ того, для Австріи польская будущность важна сама по себѣ—потому, что польская смута составляетъ единственное ея оружіе противъ Россіи, у которой цѣлый арсеналъ всякаго оружія противъ нея *). Понятно безъ объясненій, что тотъ день, въ который установился бы сердечный миръ между поляками и русскими, былъ бы послѣднимъ днемъ знаменитаго «дунайскаго союза». Передъ всякимъ австрійскимъ государственнымъ человѣкомъ и всякимъ венгерскимъ патріотомъ возстаетъ такая диллема: или Австрія овладѣетъ польскимъ вопросомъ и оградитъ имъ себя отъ грозной сосѣдки, или Россія овладѣетъ имъ, и Польша станетъ не стѣною, а мостомъ между двумя массами славянщины—восточною и западною.

Едва-ли Австрія можетъ опасаться въ польскомъ вопросѣ серіознаго противодѣйствія Пруссіи. Эта послѣдняя такъ хорошо закрѣпостила свои польскія области, что не рискуетъ ими даже въ сосѣдствѣ независимой Польши; черезъ нѣсколько времени эти области станутъ такими же прусскими, какъ Силезія и Померанія. Между тѣмъ все, что необходимо для обезпеченія нѣмецкаго отечества со всѣми его захватами, составляетъ нравственную обязанность Пруссіи; когда станетъ очевиднымъ, что возстановленіе Польши необходимо для огражденія Австріи, т. е. нѣмецкаго преобладанія на Дунаѣ, Пруссія будетъ вынуждена содѣйствовать освобожденію. Она не станетъ даже слишкомъ упираться; независимая Польша для нея чрезвычайно выгодна. Возстановить Польшу нѣмецкими руками значитъ отдать ее на съѣденіе Пруссіи, значитъ пустить въ полный ходъ «Drang nach Osten», сдерживаемый русскою межею **).

---

*) Замѣтимъ разъ навсегда. Послѣ 1870 года, то что говорится объ Австріи, надо распространять и на Германію, на все нѣмецкое племя въ его политическихъ предѣлахъ.

**) Относительно польскаго вопроса я не возьмусь сказать на сколько новый оборотъ мыслей и плановъ созрѣлъ уже по обѣ стороны границы, осо-

Digitized by Google

Очевидно, что по польскому, какъ и по восточному вопросу узелъ враждебнаго противодѣйствія Россіи лежитъ исключительно въ Австріи. Прочіе наши недоброжелатели въ первомъ и во второмъ отношеніи только союзники ея, болѣе или менѣе прочные, хотя безъ исключенія искренніе, пока ихъ не увлекаетъ какой нибудь большой противоположный интересъ.

На случай опасности Австрія держитъ въ западной Галиціи, если можно такъ выразиться, польскую смуту въ видѣ экстракта: стоитъ подлить въ него кипятку, и лекарство готово. Разсчетъ ясенъ. Въ случаѣ войны съ нами, Австріи нужно одно лишь, — чтобы польское возстаніе разлилось какъ можно шире, та́кже широко, по крайней мѣрѣ, какъ въ 1863 году, для отвлеченія возможно большаго количества русскихъ силъ съ поля битвы, на которомъ будетъ рѣшаться участь

бенно по ту сторону. Правительствамъ часто приписываютъ виды, которыхъ въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ; но нельзя забывать и того, что современныя правительства находятся постоянно подъ такимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, тамъ гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, что направленіе сильно распространенное въ обществѣ, особенно если оно не противорѣчитъ офиціальнымъ интересамъ, очень скоро переходитъ въ правительственные круги. Въ нѣмецкомъ же заграничномъ обществѣ (собственно говоря прусскомъ) чрезвычайно распространена мысль объ обращеніи польскаго вопроса въ новое орудіе германской политики. Успѣхъ этого дѣла, говорятъ тамъ, рѣшилъ бы въ нашу пользу также и вопросъ объ отзейскомъ краѣ. Конечно, только самые рьяные и не практическіе патріоты мечтаютъ о немедленномъ завоеваніи Польши. При нынѣшней международной обстановкѣ, между молотомъ и наковальней, между Россіей и Франціей, даже германско-австро-турецкій союзъ оказался бы слишкомъ малосильнымъ для такой затѣи. Но развѣ Польша, говорятъ тамъ, не можетъ сама броситься въ наши объятія? Она получила бы отъ насъ гораздо больше, чѣмъ можетъ надѣяться отъ Россіи (въ тихомолку прибавляютъ: на первое время). Такой оборотъ дѣла измѣнилъ бы всю постановку задачи. Развѣ Франція могла бы безъ стыда заключить союзъ съ Россіей для новаго порабощенія Польши? Да кромѣ того, нынѣшняя Франція живетъ постоянно наканунѣ анархіи и междоусобія, которыя въ 24 часа могутъ совершенно ее парализовать, вычеркнуть ее на время изъ ряда европейскихъ государствъ. Что трудно сегодня, то можетъ стать сбыточнымъ завтра. Такія рѣчи повторяются и съ нашей стороны границы, конечно не большинствомъ, но многими наивными поляками. Противъ этихъ-то людей г. Кржевицкій написалъ свою брошюру но какъ всегда бываетъ въ разгарѣ спора, пересолилъ, поставилъ передъ поляками перспективу русско-славянскаго союза, изъ котораго, на практикѣ вычеркнуто польское имя, что не можетъ имѣть въ глазахъ ихъ никакой привлекательности.

Digitized by Google

войны. Теперь польская окраина гораздо опаснѣе въ рукахъ внѣшняго врага, чѣмъ была въ 1812 году, когда она бездѣйственно ожидала побѣды великой арміи; интеллигенція додумалась до настоящаго средства, какъ дѣйствовать противъ насъ. Каждая галицко-польская рота, вступающая набѣгомъ въ русскіе предѣлы, немедленно обратится въ полкъ, хорошо вооруженный на чужой счетъ. Рухавка съ скорострѣльными ружьями и твердымъ кадромъ не станетъ еще, конечно, хорошимъ войскомъ, но будетъ совсѣмъ уже не рухавкою 1863 г. и заставитъ насъ разбросать по краю еще больше дѣйствующихъ войскъ, чѣмъ при послѣднемъ мятежѣ.

Едва ли кто-нибудь думаетъ, что польское дѣло въ самомъ дѣлѣ кончено. Всѣ составныя его части такъ же живы теперь, какъ и прежде. До сихъ поръ положеніе дѣлъ улучшено въ одномъ только отношеніи: народъ изъятъ изъ-подъ прямаго распоряженія высшихъ свѣтскихъ классовъ, склонныхъ къ мятежу. Эта мѣра составляетъ дѣйствительно значительное затрудненіе для самороднаго бунта, но не представитъ никакого препятствія бунту, поддержанному внѣшнею силою. Рѣрная область, занятая непріятелемъ, составляетъ для него все-таки обузу, требуя раздѣленія силъ для удержанія ея въ покорности. Но нашъ западный край въ нынѣшнемъ его состояніи — не только привислянскій, но даже Волынская губернія, гдѣ всего десять процентовъ католиковъ, станетъ чистою Польшею, враждебною намъ землею, какъ только внѣшній врагъ вступитъ туда; непріязненная интеллигенція, не стѣсняемая никакимъ однокачественнымъ противовѣсомъ, сейчасъ же захватитъ прежнюю власть и заставитъ мѣстное населеніе, вопреки желанію его, также ревностно трудиться въ пользу нашего врага, какъ стали бы трудиться самые чистокровные поляки. Численное преобладаніе русскаго народа не ослабитъ даже количества и качества вооруженной силы, которую эта же Волынская губернія въ подобномъ случаѣ поставитъ въ непріятельскіе ряды; десять процентовъ непріязненнаго населенія легко выставятъ полный контингентъ на всю область, если содержаніе семействъ, уходящихъ на войну будетъ возложено на остальную массу. Нечего и говорить о губерніяхъ, гдѣ большая часть народа находится подъ вліяніемъ ксендзовъ. Напрасно, кажется, повторять извѣстную истину, что пока большинство образованнаго сословія и владѣльцевъ въ западныхъ

Digitized by Google

губерніяхъ не станетъ русскимъ, къ чему мы приблизились очень мало, край этотъ будетъ подлежать всѣмъ случайностямъ войны въ такой же мѣрѣ, какъ и привислянскій. Въ Вѣнѣ, Пештѣ и Краковѣ знаютъ отлично это положеніе вещей.

Конечно, Австрія не выйдетъ на борьбу безъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Она держитъ въ своихъ рукахъ польскій вопросъ, какъ громоотводъ на случай восточнаго. Этотъ послѣдній составляетъ прямой поводъ къ европейской коалиціи противъ насъ. Налегая на него въ томъ смыслѣ, какъ онъ обыкновенно понимается, мы сами создадимъ эти благопріятныя для нея обстоятельства.

Польскій вопросъ можетъ служить орудіемъ для Австріи до тѣхъ лишь поръ, пока западный край, или хотя только шесть чисто русскихъ западныхъ губерній не станутъ вполнѣ русскими, чего такъ легко достигнуть *). Тогда польскій вопросъ предстанетъ совсѣмъ въ другомъ значеніи и для насъ, и для сосѣдей. Безсмысленность мечты о возстановленіи старой Польши, бывшей не націею, а случайною и насильственною историческою федераціею, совершенно сходною съ нынѣшними союзами «австро-дунайскимъ» и «татарско-балканскимъ», станетъ очевидною для каждаго, даже для поляка, наравнѣ съ мечтою о возстановленіи имперіи Карла V. До 1863 года нельзя было винить поляковъ за такую мечту; имъ не было случая убѣдиться въ ея призрачности; какъ имъ было не мечтать о Польшѣ 1772 года, видя, что русскій человѣкъ не можетъ получить мѣста на службѣ въ Житомирѣ за то, что онъ русскій!

---

*) Условія обрусенія опредѣлились теперь до очевидности: съ одной стороны на это нужно нѣсколько десятковъ милліоновъ, настойчивость безъ насилія, искренность въ исполненіи и нѣсколько лѣтъ времени. Съ другой—самыя широкія земскія учрежденія (конечно и судебныя) съ устраненіемъ ценса, иначе все вліяніе будетъ отдано именно въ тѣ руки, изъ которыхъ надобно его изъять; когда этотъ край выйдетъ изъ-подъ исключительнаго полицейскаго управленія на гражданскую волю, клочокъ не русскаго населенія потонетъ въ общей массѣ. Десятилѣтній опытъ управленія доказалъ достаточно, что жизнь не передѣлывается однѣми административными мѣрами. За каждый милліонъ, не положенный заблаговременно на обрусеніе заднѣпровской страны, придется издержать десятки лишнихъ милліоновъ при первой войнѣ, оставаясь все-таки въ крайне опасномъ положеніи. Жертвы на западный край составляютъ расходъ не мирнаго, а военнаго времени, а потому не могутъ ни лежать на текущемъ бюджетѣ, ни соразмѣряется съ его растяжимостію.

Digitized by Google

Эмиграція остается и теперь при этомъ убѣжденіи, но русскіе поляки, не совершенно сбитые съ толку, начинаютъ понимать дѣйствительность. Еще одинъ разумный и смѣлый шагъ, и Россіи можно будетъ взять польскій вопросъ изъ рукъ Австріи въ свои руки, обратить его въ одинъ изъ частныхъ славянскихъ вопросовъ *).

Полагая, что меня нельзя заподозрить въ недостаткѣ патріотизма, считаю себя въ правѣ сказать свое мнѣніе о польскомъ рубежѣ, насколько оно касается общаго положенія дѣлъ.

Современная исторія достаточно уяснила сущность четырехъвѣковой распри Россіи съ Польшею. Въ этой распрѣ Польша дѣйствовала не отъ своего лица, а отъ имени Литвы, т.-е. западной половины Руси, вступивши случайно въ ея права и притязанія. Притязаніемъ же было все-таки единство Россіи подъ державою западной или восточной династіи. Въ концѣ 18-го столѣтія споръ порѣшился — все древне-русское отошло опять къ Россіи. Сліяніе обѣихъ половинъ было бы теперь уже полное, если бы два первые наслѣдника Екатерины шли неуклонно по ея слѣдамъ; причины, затрудняющія его, созданы исключительно направленіемъ правительства съ 1796 по 1830 годъ. Во всякомъ случаѣ затрудненія эти чисто искусственныя, напоминающія не вѣковую рознь Англіи съ Ирландіею, а сословное противодѣйствіе высшихъ классовъ Неаполя, Ганновера или Франкфурта, хотя въ болѣе рѣзкой формѣ. Пока длится противодѣйствіе, оно составляетъ дѣйствительную опасность въ случаѣ войны; но правительственныя мѣры, давшія ему когда-то силу, также точно могутъ положить ему конецъ. Тутъ идетъ дѣло не объ историческомъ вопросѣ—

---

*) Въ настоящее время, вслѣдствіе разгрома Франціи, на которую поляки возлагали всю свою надежду, въ умахъ ихъ совершается очевидный и рѣшительный переломъ; они отрѣшаются одинъ за другимъ отъ старыхъ идеаловъ и ищутъ какой-нибудь новой точки опоры, къ которой они могли бы прилѣпить свое общественное развитіе въ будущемъ, хотя бы только въ чисто нравственномъ смыслѣ. Фантазеровъ осталось еще много, послѣднее столѣтіе слишкомъ заразило польское общество фантазіями, чтобъ оно могло вылѣчиться отъ нихъ въ одинъ день; но разумные люди между ними понимаютъ, что искать этой точки опоры гдѣ нибудь внѣ Россіи, было бы теперь пустѣйшимъ и вмѣстѣ пагубнѣйшимъ изъ мечтаній. Теперь съ искренними поляками уже можно говорить,—это надо принять къ свѣдѣнію, отрѣшаясь и съ своей стороны отъ страстныхъ національныхъ увлеченій 1863 г.

Digitized by Google

исторія сказала уже свое послѣднее слово, но о вопросѣ административномъ и общественномъ, не до такой степени важномъ, чтобы связывать руки естественной русской политикѣ. Но за предѣлами русской окраины лежитъ окраина чисто польская, доставшаяся намъ случайно, источникъ постоянной смуты для нашихъ западныхъ губерній,—и тутъ дѣло принимаетъ иной видъ; тутъ мы стоимъ на чужой почвѣ и видимъ не искусственное, а дѣйствительное непризнаваніе русской власти. Самыя мудрыя и справедливыя мѣры на этой окраинѣ, какъ надѣленіе крестьянъ землею, могутъ быть полезными политически лишь временно, при жизни поколѣнія, ими воспользовавшагося. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Привислянскомъ краѣ окажется милліонъ гражданъ вмѣсто двухъ сотъ тысячъ—вотъ, вѣроятно, окончательный результатъ надѣла. Въ настоящее время, разувѣрившись въ возможности какихъ-либо уступокъ, наше правительство вынуждено необходимостію распространять мѣры, принимаемыя въ Западномъ краѣ, и на Привислянскій край; но сила вещей беретъ свое и тѣ же самыя мѣры далеко не ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ тамъ и здѣсь. Западный край можно и должно обрусить вполнѣ и въ самое непродолжительное время; на обрусеніе царства польскаго, при нынѣшнемъ общественномъ состояніи Россіи, едва ли есть надежда; надъ нимъ можно только поставить русскую вывѣску. Можно сдѣлать еще другое, весьма разумное, что теперь и дѣлается: разсѣять правильнымъ воспитаніемъ, основанномъ на серьозномъ знакомствѣ съ русскими источниками, односторонность польскихъ идей. Можно и должно воспитать поколѣніе поляковъ не чуждыхъ Россіи—но обрусить ихъ нельзя. Не говоря уже о значительномъ устоѣ польскаго духа, рядомъ съ Привислянскимъ краемъ лежитъ Галиція—неисчерпаемый источникъ польскаго духа и польскихъ мечтаній, откуда они неудержимо переливаются въ принадлежащій намъ край. Даже завоеваніе краковской Галиціи, при настоящемъ складѣ вещей, не улучшило бы положенія; оно удвоило бы только численность сопротивляющихся. Тѣмъ не менѣе мѣры, принимаемыя къ обрусенію Привислянскаго края, хотя подающія мало надежды на успѣхъ, приносятъ ту временную пользу, что составляютъ полнѣйшее отрицаніе автономіи царства, разрѣшавшейся до сихъ поръ постоянно и неизбѣжно мятежомъ. Покуда нельзя ни уступать полякамъ, ни питать основательной

Digitized by Google

надежды переломить ихъ. Въ этомъ неутѣшительномъ положеніи вещей сказывается, можно думать, только переходный кризисъ русской исторіи, который будетъ длиться до тѣхъ лишь поръ, пока Россія, выросшая уже мѣстами изъ племенныхъ предѣловъ собственно русскаго народа, не станетъ въ дѣйствительности главою славянскаго міра. Рѣшительное поднятіе славянскаго знамени ставитъ иначе и польскій вопросъ, даетъ ему законный исходъ. Съ обрусеніемъ западныхъ губерній и съ провозглашеніемъ славянской идеи, Привислянскій край не можетъ составлять для насъ никакого внутренняго вопроса. Польскому народу одинъ выборъ: быть младшимъ братомъ русскаго народа или нѣмецкою провинціею. Онъ и теперь уже ничто иное, какъ послѣдній объѣдокъ нѣмецкаго пиршества, поглотившаго родственныя ему населенія и части собственнаго его тѣла отъ Саалы до Вислы. Можетъ ли узкая полоса земли, сжатая между Россіею и Германіею, устоять въ видѣ государства, располагающаго верховною свободою дѣйствій,—что составляетъ теперь принадлежность только великихъ державъ? До какой степени ни считать поляковъ мечтателями, невозможно, противно логикѣ, чтобы многіе изъ нихъ, особенно умнѣйшіе, не видѣли неизбѣжности выбора между племенною самостоятельностію и гибелью. Объ эмиграціи нечего говорить: она стала народомъ кочевыхъ авантюристовъ, для которыхъ смута на Вислѣ, какъ и всякая другая, предлогъ; но осѣдлые поляки, даже фанатики, поймутъ свое положеніе, какъ только увидятъ $^3/_5$ имѣній Минской или Волынской губерній въ русскихъ рукахъ, особенно, когда увидятъ себя не на окраинѣ, а посрединѣ земель, сочувственно принимающихъ главенство Россіи въ общемъ союзѣ. Теперь полякъ, какъ человѣкъ своей національности, естественно дорожащій ею, находится дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи. Его можно не допустить до бунта, но нельзя отвратить отъ ежеминутной мысли о бунтѣ. Разувѣрившись въ Наполеонѣ, онъ продолжаетъ надѣяться на львовскій сеймъ, на барона Бейста, на Венгрію, даже на Пруссію; покуда человѣкъ живетъ, долженъ же онъ на что-нибудь надѣяться. Онъ перестанетъ грезить о разрушеніи Россіи, когда передъ нимъ мелькнетъ возможность стремиться къ осуществленію сбыточной Польши, не становясь черезъ то русскимъ измѣнникомъ. До сихъ поръ существованіе русской партіи между поляками было невоз-

Digitized by Google

можно: для такой партіи не оказывалось опредѣленной цѣли. Поляки считали болѣе удобнымъ и желательнымъ возстановить старо-польское государство на счетъ Россіи, чѣмъ польскую національность въ ея ограниченныхъ предѣлахъ съ помощью Россіи. Но когда съ одной стороны исчезнетъ всякая надежда увѣрить русскихъ людей Гродненской или Минской губерній, ставшихъ на свои ноги, что они имѣютъ что-нибудь общее съ поляками, а съ другой стороны, напротивъ, воскреснетъ надежда сохранить дѣйствительную Польшу, то десять человѣкъ сомкнувшись убѣжденнымъ кружкомъ, могутъ положить основаніе преобладающей партіи. Затѣмъ, еще, конечно, останется много вздорныхъ мечтателей, но сила вездѣ въ передовой мысли, а не въ отсталой толпѣ. Создать такую партію, значитъ взять польскій вопросъ изъ австрійскихъ въ русскія руки, свалить главную нашу опасность на голову врага. Что надо сдѣлать для этого? Полагаю ничего особеннаго: настойчиво, но безъ насилія, продолжать обрусеніе западныхъ губерній, безъ исключительныхъ мѣръ, не жалѣя для того никакихъ жертвъ; считать поляковъ славянскимъ народомъ, имѣющимъ въ глазахъ Россіи такое же право на существованіе и на русскую помогу въ будущемъ для возсоединенія растерзанныхъ, но еще живыхъ его членовъ, какъ и всякій другой славянскій народъ; поставивъ такую цѣль передъ нами, отличать искреннихъ ея сторонниковъ отъ неискреннихъ, безъ чего нельзя управлять даже своимъ народомъ, не только чужимъ. Такая задача неодолима для Россіи, не сознающей своего историческаго значенія и дѣйствительнаго смысла лежащихъ передъ нею камней преткновенія, и, надо думать, не особенно трудна для сознающей. Поляки не идутъ по зову чеховъ въ австрійскій панславизмъ, чтобы не потерять поддержки правительства, въ которомъ покуда вся ихъ надежда. Другое дѣло голосъ Россіи. Если на зовъ русскаго правительства, приглашающаго поляковъ занять законное мѣсто въ славянской семьѣ, не откликнется скоро сильная партія, значитъ всѣ законы логики и вѣроятности перевернулись недавно вверхъ дномъ на бѣломъ свѣтѣ. Невозможно поднять славянское знамя, не признавая за поляками ихъ законнаго мѣста въ славянской семьѣ. Четыре милліона русскихъ поляковъ и два милліона поляковъ австрійскихъ, разжигаемые ежедневно въ ненависти къ Россіи, станутъ стѣною между нами и западнымъ славянствомъ. Съ

Digitized by Google

другой стороны, увѣковѣчиваніе нынѣшняго положенія вещей въ Польшѣ, возведенное въ принципъ, перепугаетъ все славянство, разрушитъ въ корнѣ всякое довѣріе къ намъ. Славяне, до сихъ поръ боящіеся призрака ненасытнаго русскаго честолюбія, примутъ нашъ братскій зовъ за уловку. Бунтъ поляковъ, возможный противъ Россіи, невозможенъ противъ союза, добровольно признающаго русское главенство, союза, обхватывающаго ихъ землю со всѣхъ сторонъ. Для меня эти вещи ясны, какъ дважды два четыре; не знаю, какъ для другихъ.

Если Россія возстановитъ, рано или поздно, славянскій міръ, — значитъ она призвана на это дѣло Провидѣніемъ, ей надо быть исполнителемъ судебъ, начертанныхъ для человѣчества. Но нельзя служить Провидѣнію, отказывая въ справедливости кому бы то ни было, особенно одному же изъ членовъ своего семейства.

Кромѣ раздраженія, посѣяннаго вѣковыми событіями между поляками и русскими, польскій вопросъ, какъ племенной, ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстныхъ славянскихъ вопросовъ. Всѣ славяне находятся приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ поляки; всѣмъ имъ предстоитъ, какъ и полякамъ, выборъ между двумя исходами: сжаться около Россіи для сохраненія своей народной личности, или, пожертвовать ею, дать обезличить себя. Обширная спорная полоса между предѣлами чисто-русскаго и чисто-нѣмецкаго племенъ, по большей части обхваченная уже политически послѣднимъ, будетъ совсѣмъ онѣмечена до послѣдней души,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если каждую изъ мозаичныхъ ея клѣтокъ предоставить собственнымъ силамъ. Какъ только закончится объединеніе Германіи, то славянамъ по обѣимъ сторонамъ Савы не останется уже никакой надежды. Пруссія дѣйствуетъ не такъ, какъ Австрія. Когда Фридрихъ Великій узналъ, что сельское населеніе Помераніи говоритъ еще по славянски, онъ приказалъ положить конецъ этому сраму; къ концу его царствованія «срама» уже не было. Многіе западные публицисты приглашаютъ славянъ «покориться своей участи добровольно, сгинуть безъ слѣда; значитъ, говорятъ они, непреклонная исторія не выдѣлила вамъ особаго угла; противъ законовъ природы и исторіи нечего спорить»; такъ и случится, если славяне будутъ отбиваться врознь. Чешское племя, со всѣхъ сто-

Digitized by Google

ронъ обложенное нѣмцами, исчезнетъ первое: за нимъ придетъ скорый чередъ и другимъ. Если бы Россія не возникла вдругъ на рубежѣ Европы, о славянахъ не было бы уже и помина; оживленіе славянскаго духа въ нашемъ столѣтіи не имѣло бы повода. Что начато Россіею безсознательно, то ею же одною можетъ быть кончено сознательно. Не только славяне не могутъ избѣжать своей участи—народнаго обезличенія—иначе, какъ схватившись за русскую руку, но даже поднявшись сами какимъ нибудь чудомъ, они не могли бы сохранить независимость иначе, какъ опираясь на Россію. Какая международная самостоятельность, разсчитанная на собственныя силы, возможна разрозненнымъ славянскимъ клочкамъ, стиснутымъ между нѣмцами и мадьярами, при подавляющей массѣ и высшей культурѣ первыхъ, при сильной политической организаціи вторыхъ? Въ наше время, когда Европа подѣлилась на нѣсколько огромныхъ массъ, когда лишь тотъ имѣетъ право на отдѣльное существованіе, кто выставляетъ пол-милліона солдатъ, когда даже старыя государства, какъ Голландія и Швейцарія, начинаютъ бояться за свое будущее, что значитъ международный щебень, каковы чехи, хорваты и другіе?—когда, въ добавокъ, этотъ щебень не признается, презирается могучими сосѣдями, оскорбляетъ ихъ, становится внезапно поперегъ ихъ исторіи, надеждъ и интересовъ? Славянъ много—отъ Саксоніи до Архипелага; масса ихъ дѣйствующая за одно, сильна и могла бы выдержать напоръ Германіи. Но въ чемъ найдетъ эта масса общую связь? Въ союзѣ? Славянская страна прорѣзана въ нѣсколькихъ направленіяхъ полосами чуждыхъ и враждебныхъ ей племенъ, до сихъ поръ владычествующихъ; отдѣльныя части славянщины не могутъ безъ посторонней помощи подать руку другъ другу. Кромѣ того, на какомъ же языкѣ будетъ говорить этотъ пламенной союзъ? Увѣряютъ, что на пражскомъ сеймѣ 1848 г. славяне разныхъ нарѣчій разговаривали между собою по нѣмецки. Въ этомъ отношеніи, какъ во всемъ прочемъ, имъ нужно объединеніе; сами по себѣ они его никакъ не достигнутъ. Не примутъ же болгары по собственному выбору чешскій языкъ, или чехи сербскій, за общій политическій. Кромѣ того, нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ, какъ болгарамъ, словенцамъ, словакамъ, доведеннымъ до положенія низшаго класса населенія на своей же землѣ, надобно еще сложиться въ народъ, что требуетъ времени, въ продолженіе

Digitized by Google

котораго они не могутъ прожить безъ опеки. Славянъ много, они умны, храбры, жаждутъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ національной жизни; но ни добиться, ни удержать ее сами собою не могутъ. Славянскій міръ—это космическое облако, могущее стать сложившимся міромъ только при объединяющемъ центрѣ тяготѣнія.

Славянскіе народы должны стремиться къ двумъ цѣлямъ: каждый отдѣльно—къ самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, всѣ вмѣстѣ—къ тѣснѣйшему племенному союзу съ Россіею и къ русскому главенству въ военномъ и международномъ отношеніи. Каждому племени нуженъ свой государь для домашнихъ дѣлъ и великій славянскій царь для дѣлъ общихъ. Безъ этого втораго условія самостоятельность какъ балканскихъ, такъ и дунайскихъ народовъ не сбыточна. Если ихъ освободить сегодня безъ объединенія около Россіи, завтра они очутились бы въ прежнемъ и еще худшемъ положеніи. Въ тотъ день, когда Россія подниметъ свое настоящее знамя, для каждаго славянина не будетъ истины очевиднѣе этой.

Глухая вражда къ намъ Европы и всегдашнія опасенія ея основанны именно на сознанной неизбѣжности такого оборота дѣла, какъ только будетъ данъ ему толчекъ. Австрія не допускаетъ независимости балканскихъ славянъ изъ чувства самосохраненія; но западныя державы не противились бы этой независимости, если бы могли надѣяться на полную политическую самостоятельность областей, освобожденныхъ хотя бы помощію Россіи. Англія нисколько не боялась освобожденія Италіи французскимъ оружіемъ, къ успѣху котораго она обыкновенно такъ недовѣрчива. Европа ревниво бережетъ Турцію, въ слѣдствіе увѣренности, что осколки ея не могутъ оказаться самостоятельными въ международномъ смыслѣ и, по естественному сродству, спасаясь отъ нѣмцевъ, примкнуть политически къ Россіи. Австро-славянскія населенія находятся въ такомъ же положеніи.

Но если балканскіе и дунайскіе народы не могутъ ничего безъ Россіи, то Россія также не можетъ особенно многаго безъ нихъ. Противъ насъ Европа. Мы жили съ нею дружно, пока не было помину о племенной, непроизвольной задачѣ Россіи, навлекли на себя ея подозрѣніе, какъ только задача эта мелькнула впервые въ умахъ, и возбудили вражду, когда наша ис-

Digitized by Google

торическая личность достаточно выяснилась. Такой оборотъ дѣла былъ неминуемъ. Противъ объединенія Италіи было только нѣмецкое племя; противъ объединенія Германіи, если оно пойдетъ, какъ надо ждать, по программѣ всѣхъ извѣстныхъ ненасытныхъ нѣмецкихъ притязаній, будутъ многіе; противъ историческаго развитія Россіи, грозящаго еще большею ломкою, стоитъ вся Европа; только съ другаго берега океана смотрятъ на нее дружелюбно. Два первые переворота, итальянскій и нѣмецкій, проскользнули въ исторію нечаянно; никто не ждалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они совершились, оттого только они не встрѣтили съ самаго начала рѣшительнаго противодѣйствія; второй впрочемъ еще не конченъ. Мы же никакъ не можемъ достигнуть русскихъ цѣлей ни по восточному вопросу, ни почему другому внезапно, пользуясь случаемъ: нашъ каждый шагъ давно уже стерегутъ. Конечно, Россія можетъ многое совершить въ минуту періодически повторяющагося раздора въ Европѣ; но чѣмъ болѣе совершитъ она, тѣмъ скорѣе соперники помирятся, чтобы дружно стать противъ насъ. У Россіи нѣтъ въ Европѣ сознательныхъ союзниковъ, кромѣ своей естественной семьи — славянъ и православныхъ. Когда семья эта проникнется довѣріемъ къ Россіи, надобно будетъ въ первую благопріятную минуту помочь ей приподняться, т. е. дойти до нея, что требуетъ только побѣды на первыхъ порахъ. Для продолженія затяжной, нѣсколько разъ возобновляющейся борьбы, безъ чего не обойдется, у насъ будутъ уже свои союзники.

Главныя международныя затрудненія Россіи по восточному вопросу, польскимъ дѣламъ и владѣнію Чернымъ моремъ—спутаны въ клубокъ; ни одного изъ нихъ нельзя тронуть, не затрогивая прочихъ. Восточный вопросъ неразрѣшимъ на Балканахъ, польскій вопросъ не распутывается въ Варшавѣ, вопросъ о Черномъ морѣ не кончается на Босфорѣ. Всѣ три затрудненія стянуты общимъ узломъ, лежащимъ на среднемъ Дунаѣ. Какъ въ волшебной сказкѣ ужасы очарованнаго замка разрушаются только ударомъ въ магическій щитъ, запрятанный въ его тайникѣ, такъ и наши политическія затрудненія, безвыходныя на видъ, разрѣшаются однимъ ударомъ, направленіе котораго указывалъ еще покойный князь Паскевичъ. Ни одинъ изъ осаждающихъ насъ вопросовъ не уловимъ по одиночкѣ, потому что не заключаетъ въ самомъ

Digitized by Google

себѣ сущности дѣла, а представляетъ только одну изъ ея сторонъ: сущность дѣла называется обще-славянскимъ вопросомъ. Задача не шуточная, но потому то для нея и нужны союзники, тѣ единственные союзники, которыхъ мы можемъ имѣть въ такомъ дѣлѣ.

Мы видѣли невозможность почать славянское дѣло съ южной группы: намъ нельзя пройдти къ ней, да и не зачѣмъ. Ключъ позиціи, какъ говорятъ на военномъ языкѣ, лежитъ не тамъ. Если бы дѣла сѣверной славянской семьи устроились благопріятно, то съ Турціи снялась бы крышка, подъ которою она доживаетъ свои дни. Въ такомъ положеніи никакія усилія морскихъ державъ не продлили бы ея существованія даже на годъ. Мы столкнемся, вѣроятно, съ европейскимъ союзомъ на среднемъ Дунаѣ, но, затѣмъ, едва ли уже встрѣтимъ его въ Турціи.

Очевидно, Россія не можетъ допустить, чтобы участь спорной полосы внѣшнихъ ея окраинъ порѣшилась во враждебномъ для нея смыслѣ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе это будетъ вполнѣ враждебно намъ въ той мѣрѣ, въ какомъ мы допустимъ чужое, чье бы то ни было, вмѣшательство въ эти дѣла; другими словами, мы будемъ дышать свободно тогда лишь, когда устроимъ внѣшнія окраины собственными и сочувственными, теперь еще задавленными силами, безъ спроса у Европы. Но для того надо подумать о сочувственныхъ силахъ и внушить имъ увѣренность, что у нихъ и у насъ одинъ общій интересъ.

Говоря опредѣленно, враждебное для насъ рѣшеніе текущихъ дѣлъ значитъ такое рѣшеніе, которое перенесетъ вопросъ съ нашихъ внѣшнихъ окраинъ на внутреннія окраины, что случится не минуемо, если затрогивающія насъ международныя дѣла будутъ разрѣшены не нами. Со времени восточной войны, пока мы ограничивались однимъ наблюденіемъ, всякое крупное событіе въ европейскихъ дѣлахъ складывалось положительно во вредъ Россіи *). Такъ будетъ и впредь.

*) Война 1859 года создала для насъ новаго соперника въ восточномъ вопросѣ и усилила враждебный станъ двухъ-сотъ-тысячною арміею; война датская потрясла наше положеніе на Балтійскомъ морѣ; война 1866 года сосредоточила силы и вниманіе Австріи на предметахъ, особенно намъ близкихъ, и поставила въ резервѣ за нею объединенную Германію, ручающуюся за нѣмецкіе интересы; кандійское возстаніе и греческое столкновеніе обезопасили Турцію на много лѣтъ и придали ей новую увѣренность.

Digitized by Google

При общемъ несочувствіи къ намъ, мы не можемъ полагаться на судьбу и случай и замыкаться въ самихъ себѣ. Выжиданіе не отвратитъ рѣшительной минуты, но создастъ вокругъ такую обстановку, что намъ нельзя будетъ ни покориться судьбѣ, ни бороться съ успѣхомъ. Восточный вопросъ двинется когда-нибудь самъ собою, помимо нашей воли, — вслѣдствіе ли внутреннихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ или вслѣдствіе какихъ-либо новыхъ политическихъ сочетаній въ Европѣ, — и разомъ вызоветъ наружу всѣ наши политическія затрудненія въ Польшѣ, на Черномъ морѣ, даже на Кавказѣ **). Самый обыкновенный случай — обширное возстаніе въ какой-либо части Турціи, дающее поводъ австрійцамъ, по предварительномъ соглашеніи съ кѣмъ нужно, перейти черезъ Саву «для огражденія собственной безопасности на время безпокойствъ», можетъ послужить началомъ конца. Европа не раздѣлится въ такомъ случаѣ на два лагеря для защиты ненавистныхъ ей русскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ *). Англія всегда станетъ въ сторону того, кто ограждаетъ Балканскій полуостровъ; Пруссія покроетъ Австрію своимъ ручательствомъ, какъ въ 1854 году, что равняется оборонительному союзу; Франція не пойдетъ въ такую минуту на разрывъ съ Англіею, Австріею и Пруссіею для того, чтобы очистить намъ дорогу въ Константинополь. Что придется дѣлать въ этомъ случаѣ? Идти за Дунай въ обходъ Австріи?—нельзя. Идти на Австрію?—но покуда въ случаѣ войны изъ-за восточнаго вопроса всѣ вѣроятности на сторонѣ Австріи. Кромѣ того, что ее не отдадутъ на жертву, она, а не мы, держитъ ключъ спорной окраины. Поддержанная ручательствомъ Пруссіи Англіею, Турціею и смутою на нашей западной границѣ, всегда отъ нея зависящею, Австрія, при нынѣшнемъ отношеніи силъ, трудно уязвима для насъ и сама откроетъ наступленіе. Пока наши средства воздѣйствія на австрійскихъ славянъ заключаются въ нынѣшнемъ славянскомъ комитетѣ, лишенномъ

**) Въ настоящее время къ опасности нечаянно возникающаго восточнаго вопроса, присоединится опасность другой еще худшей нечаянности — перемежеванія средней Европы, отпаденія Цислейтаніи въ Германіи; даже того хуже—возникновеніе обоихъ этихъ вопросовъ одновременно, какъ вѣроятно и случится.

*) Такъ было прежде, теперь можетъ случится иначе.

Digitized by Google

средствъ для осуществленія десятой части скромныхъ своихъ желаній, а средства воздѣйствія Австріи на русскихъ славянъ состоятъ въ львовскомъ сеймѣ и ста тысячахъ польскихъ солдатъ (подъ австрійскимъ знаменемъ всѣ галичане—поляки), пока русская партія не существуетъ не только за Карпатами, но даже на Вислѣ, между тѣмъ какъ семь милліоновъ русскихъ подданныхъ, исповѣдающихся у польскихъ ксендзовъ, принадлежатъ въ огромномъ большинствѣ, въ случаѣ войны, къ австрійской партіи, — успѣхъ для насъ мало вѣроятенъ. Австрія можетъ по сигналу возбудить организованную смуту во всей западно-русской окраинѣ и развлечь нашу армію, — мы не можемъ покуда отплатить ей ничѣмъ подобнымъ: за насъ будутъ, можетъ быть, сочувствія, но не поднимется ни одной руки. Слѣдствіе то, что австрійцы имѣютъ большія вѣроятности дать битву въ значительно превосходныхъ силахъ. А какимъ послѣдствіемъ разыгралась бы для насъ потеря большаго сраженія въ обстоятельствахъ 1863 года? По моему сужденію — отступленіемъ на Днѣпръ и провозглашеніемъ Польши въ предѣлахъ 1772 года съ эрцгерцогомъ въ головѣ; въ такой серіозной борьбѣ Австрія не поскупилась бы на Галицію. Конечно, мы можемъ быть гораздо сильнѣе нынѣшняго, дѣло въ естественныхъ силахъ Россіи, а не во временномъ ихъ устройствѣ. Но тѣмъ не менѣе, пока Россія не подниметъ надъ собою славянское знамя, пока славянскій вопросъ сосредоточивается въ рукахъ Австріи — матеріально по ту сторону границы и нравственно по сю сторону, — вѣроятность успѣха на войнѣ,—по восточному ли вопросу, какъ въ 1854 году, по польскому ли, какъ могло случиться въ 1863 году, — будетъ не на нашей сторонѣ. Мы можемъ, принявшись правильно за дѣло, вооружиться достаточно сильно, чтобы побѣдить при счастіи австрійцевъ и коалицію на среднемъ Дунаѣ; но даже при этомъ, встрѣчая въ Австріи однихъ австрійцевъ, не будемъ въ состояніи упрочить результатовъ пріобрѣтенной побѣды, безъ чего собственно восточный вопросъ всегда останется для насъ недоступнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ придется начинать дѣло и дѣйствовать въ томъ же безвыходномъ кругѣ *).

*) Мы уже сказали, что послѣ войны 1870 года, имя Австріи, по большей части можно замѣтить общимъ именемъ нѣмецкаго племени..

Digitized by Google

Но что случится, если мы не побѣдимъ, за неимѣніемъ союзниковъ ни офиціальныхъ, ни неофиціальныхъ? Восточный вопросъ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ переговоровъ 1863 г., переносившихъ австрійскую границу на Балканы и отдававшихъ Дунай до самаго устья въ нѣмецкія или венгерскія руки (что въ сущности все равно); слѣдствіемъ чего будетъ въ близкомъ времени обращеніе Чернаго моря въ нѣмецко-турецкое, пока оно не стоитъ совсѣмъ нѣмецкимъ. Война за восточный вопросъ разразится неизбѣжно (кромѣ прибрежій) на западной границѣ. Если мы не останемся побѣдителями, то одновременно разрѣшатся въ неблагопріятномъ смыслѣ для насъ дѣла какъ турецкой, такъ и польской окраины, т.-е. Россія отодвинется на сто лѣтъ назадъ.

Пока длится распря между Франціею и Пруссіею, мы располагаемъ еще нѣкоторою долею свободы дѣйствія; когда она остынетъ или порѣшится, намъ придется брать штурмомъ малѣйшее затрудненіе. Тогда, по всей вѣроятности, осуществится англо-австро-прусское соглашеніе, гораздо опаснѣйшее для насъ, чѣмъ соглашеніе западныхъ державъ. До сихъ поръ ему препятствуютъ только личныя настроенія: рыцарскій характеръ стараго короля и безвозвратныя воспоминанія австрійскаго дома *).

Главный врагъ нашъ никакъ не западная Европа, а нѣмецкое племя съ его непомѣрными притязаніями. Побѣда склонится на сторону того, кто возьметъ верхъ въ спорной землѣ— славянской по крови, нѣмецкой по политической географіи, раздѣляющей два могучіе народа. Когда закончится объединеніе германской породы въ предѣлахъ, гордо ею назначаемыхъ для себя, и она примется онѣмечивать славянъ прусскими мѣрами, будетъ уже поздно тягаться. Славянство внѣ предѣловъ Россіи станетъ ея жертвою. Съ тѣмъ вмѣстѣ покончится судьба послѣдней, великой арійской расы, съ ея зачатками для человѣчества; судьба уцѣлѣвшихъ еще политическихъ осколковъ православнаго міра внѣ Россіи и смыслъ нашей собственной исторіи, что никакому народу не проходитъ даромъ.

Выскажу откровенно свою мысль: современная Россія выросла уже изъ племенныхъ предѣловъ, дающихъ законность и

*) Мы сохраняемъ эти слова, онѣ не утратили своей современности.

Digitized by Google

устойчивость государственному бытію, и не доросла еще до другой высшей законности—стать средоточіемъ своего особаго славянскаго и православнаго міра. Россія не можетъ упрочиться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ; политическая исторія, такъ же какъ естественная, не увѣковѣчиваетъ неопредѣлившихся недоконченныхъ видовъ. Все зависитъ теперь отъ рѣшенія славянскаго вопроса: Россія распространитъ свое главенство до Адріатическаго моря или вновь отступитъ до Днѣпра. До сихъ поръ наше отечество шло вѣрнымъ шагомъ къ данной ему исторической задачѣ. Въ ту пору, когда западному славянскому міру начинало уже грозить постигшее его порабощеніе, изъ варяжскаго удѣла выросло въ Москвѣ государство и сначала собрало вокругъ себя родное великорусское племя, потомъ всѣ вѣтви русскаго народа, получило на пути своемъ запись умиравшей восточной имперіи на ея нравственное наслѣдство и, наконецъ, перешагнуло въ предѣлы чужеплеменнаго славянства. Останавливаться теперь или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Россія могла бы остаться великою державою, не выходя на западѣ изъ своихъ строго племенныхъ границъ, не принимая на себя призванія, ставшаго теперь уже долгомъ — воскресить христіанскій востокъ; но она сдѣлала это и, можно смѣло сказать, не могла не сдѣлать. Какъ глава великой расы, возстановлявшейся постепенно въ ея лицѣ, и какъ прибѣжище всѣхъ православныхъ, Россія не замыкалась строго очерченными предѣлами и должна была выйдти изъ нихъ. На русскихъ царяхъ лежала и лежитъ печать особаго рода, не допускающая ихъ со временъ Ивана III замыкаться исключительно въ предѣлахъ своего государства,— печать единственныхъ въ мірѣ истинныхъ славянскихъ и православныхъ царей, живыхъ посреди развалинъ славянскаго или православнаго востока Европы. Понятіе объ общности славянъ всегда существовало у насъ, какъ стремленіе къ общности единокровныхъ—сначала великорусскаго народа, потомъ русскаго со всѣми его переходными оттѣнками—и естественно должно было дорости до своего настоящаго значенія. Никогда подобное стремленіе не возникало къ Польшѣ: она смотрѣла на себя, какъ на государство, а не какъ на народъ и потому не имѣла никакого значенія для родственныхъ сосѣдей. Теперь Россія стоитъ уже посреди славянства нерусскаго, раздѣленнаго произвольною чертою между ея владычествомъ и нѣмецкимъ.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе одноплеменности по обѣимъ сторонамъ рубежа, пониманіе общности вещественныхъ и нравственныхъ потребностей всей восточной Европы начинаетъ быстро созрѣвать. Минута рѣшительная и невозвратная, не допускающая долгихъ колебаній. Одно изъ двухъ: или Россія признаетъ себя государствомъ въ смыслѣ старой Польши, не болѣе какъ государствомъ, чуждымъ по душѣ всему внѣ своихъ случайныхъ предѣловъ, и приступитъ рѣшительно къ искорененію всякаго самобытнаго оттѣнка, входящихъ или имѣющихъ войти въ составъ ея родственныхъ племенъ; въ то же время искренно и гласно отброситъ всякую мысль о славянствѣ и православномъ востокѣ, всякое общеніе съ ними, напрасно отравляющее наши отношенія къ Европѣ,—оттолкнетъ ихъ отъ себя, станетъ впередъ смотрѣть на нихъ глазами Пруссіи или Франціи; однимъ словомъ, запрется дома, сдерживая силою свои окраины, пока, съ теченіемъ вѣковъ, онѣ не сольются съ тѣломъ государства. Или же, оставляя за русскимъ народомъ его непоколебимое главенство въ славянскомъ мірѣ, за русскимъ языкомъ—его несомнѣнное право быть политическимъ связующимъ языкомъ этого мира,—Россія откроетъ объятія всѣмъ, кто по сердцу ближе къ ней, чѣмъ къ Европѣ на правахъ младшихъ, но самостоятельныхъ братьевъ одной великой семьи. Первое рѣшеніе идетъ въ разрѣзъ съ исторіею,—путь опасный! Но дѣло еще не въ томъ. Такое рѣшеніе, возможное при Екатеринѣ II, почти уже невозможно теперь. Мы зашли слишкомъ далеко: племенныя влеченія возбуждены, восточный вопросъ поднятъ, раздѣленная Польша стала яблокомъ раздора между нѣмецкимъ племенемъ и нами, общая связь всѣхъ этихъ затрудненій выказывается уже явно и носитъ опредѣленное имя. Искренность нашихъ отношеній къ Европѣ не возстановится больше, покуда не разразится и не уляжется гроза; намъ не повѣрятъ. Если мы не воспользуемся всѣми своими средствами, прямыми и косвенными, для рѣшенія невозвратно поднятыхъ вопросовъ въ нашу пользу, другіе порѣшатъ ихъ—во вредъ намъ. Первымъ послѣдствіемъ будетъ окончательное отнятіе у насъ Чернаго моря и враждебное владычество на немъ. Вторымъ—ненависть къ намъ, оттолкнутыхъ сорока милліоновъ славянъ и православныхъ, которые рѣшительно станутъ во вражескіе ряды, да и нельзя имъ будетъ сдѣлать иначе. Третьимъ—непомѣрное подавляющее могущество сосѣдняго нѣ-

Digitized by Google

мецкаго племени. Четвертымъ—все-таки споръ изъ-за Польши, съ возможными его послѣдствіями; объединенные нѣмцы не станутъ добровольно подставлять намъ флангъ, когда можно оградить его, не подарятъ намъ почвы, столь удобной для посажденія на ней въ будущемъ нѣмецкой разсады, не упустятъ случая держать насъ въ постоянной тревогѣ; у нихъ останутся еще счеты съ ними на балтійскомъ взморьѣ. Пятымъ — дополнительныя статьи: Финляндія, Ливонія, Бессарабія, Крымъ, Кавказъ. Отрекшись отъ своего историческаго призванія, Россія отречется вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ единыхъ союзниковъ, на которыхъ можетъ разсчитывать. Собственными силами и въ свое собственное имя мы можемъ выиграть сраженіе, но не можемъ достигнуть никакихъ цѣлей. А между тѣмъ намъ все-таки придется вести борьбу съ тѣми же препятствіями и съ тѣми же врагами—только не наступательную, а оборонительную, не за тѣмъ, чтобы кончить борьбу торжествомъ, а затѣмъ лишь, чтобъ отдалить на сколько можно дурной исходъ ея. Историческое движеніе наше съ Днѣпра на Вислу было объявленіемъ войны Европѣ, вторгнувшейся въ непринадлежащую ей половину материка. Мы стоимъ теперь посреди непріятельскихъ линій—положеніе временное: или мы собьемъ непріятеля, или отступимъ на свою позицію.

Кромѣ двухъ рѣшеній, о которыхъ шла рѣчь, можетъ быть еще третье—средняя политика, худшая изо всѣхъ: хотѣть неопредѣленно и раздражать противъ себя цѣлый свѣтъ, ничего не дѣлая въ сущности и ни къ чему не готовясь положительнымъ образомъ. Не дай Богъ напасть на такой путь.

Война за чью-либо независимость можетъ имѣть въ виду только независимость—объ этомъ нечего и говорить. Для Россіи не существуетъ никакой разумной причины, нравственной, экономической или военной, желать новыхъ присоединеній въ Европѣ: въ русскомъ умѣ нѣтъ мысли объ обращеніи родственныхъ намъ странъ въ подчиненныя области. Червонная Русь и Измаилъ наши по своей природѣ. Привислянскій край, при полномъ освобожденіи кровныхъ—не нашъ. Въ окружающихъ Россію славянскихъ и православныхъ земляхъ существуетъ шесть или восемь главныхъ центровъ тяготѣнія (это еще недостаточно выяснилось); около нихъ должны собраться народ-

Digitized by Google

ныя единицы. Даже покуда, если только Россія пойдетъ по своему историческому склону, наши мирныя усилія въ пользу своихъ близкихъ не должны быть безразличны, но строго сообразоваться съ особенными условіями и потребностями каждаго центра отдѣльно. Кромѣ этихъ естественныхъ группъ, есть еще мѣсто на землѣ, безмѣрно важное для насъ, лишенное всякой національности, но по своему исключительному положенію слишкомъ значительное, чтобъ принадлежать какому нибудь мелкому народу,—Константинополь съ его окрестностями и проливами. Самые положительные русскіе интересы заставляютъ желать, чтобы этотъ городъ, гораздо болѣе вѣчный чѣмъ Римъ, былъ вольнымъ городомъ племеннаго союза.

Если исторія имѣетъ разумность, и освобожденіе нашихъ близкихъ состоится, то взаимныя отношенія ихъ между собою и къ намъ опредѣлятся силою вещей. Самостоятельность каждаго члена освобожденной семьи въ его внутреннихъ дѣлахъ, особый государь и особыя политическія учрежденія, какія кому удобнѣе,—все это уже рѣшено исторіею. Но совсѣмъ иное дѣло—самостоятельность въ международномъ и военномъ отношеніи. Мало освободиться, нужно остаться свободнымъ. При нынѣшнемъ раздѣленіи Европы нѣтъ мѣста кучкѣ маленькихъ народцевъ, распоряжающихся своими маленькими арміями, объявляющихъ войну, заключающихъ миръ и союзы—каждый отъ своего лица. И гдѣ же?—между русскою и нѣмецкими имперіями. И кто же? непризнанныя Европою, отвергнутыя племена, на которыхъ вчерашніе владыки долго еще будутъ смотрѣть какъ на взбунтовавшихся подданныхъ, выжидая удобнаго случая для новаго порабощенія.

Создать подобный хаосъ, полный споровъ, неурядицы и междоусобій, неувѣренный въ своемъ существованіи даже на завтрашній день, обременительный для всѣхъ и болѣе всѣхъ для самихъ освободителей, — значило бы взять на себя не возстановленіе, а разрушеніе законныхъ правъ и порядка въ Европѣ, значило бы предать общему посмѣянію величайшій изъ всемірныхъ вопросовъ, и черезъ нѣсколько времени очутиться въ прежнемъ безъисходномъ положеніи. Освобожденному востоку Европы, если онъ будетъ освобожденъ, нужны: прочная объединительная связь, общій глава съ общимъ совѣтомъ, веденіе международныхъ дѣлъ и военное начальствова-

Digitized by Google

ваніе въ рукахъ этого главы, русскаго Царя, естественнаго начальника всѣхъ славянъ и православныхъ. Нужно, чтобы гражданинъ каждаго народа объединенной семьи былъ полноправнымъ гражданиномъ всей семьи. Нѣтъ надобности ставить всѣ вооруженныя силы союзныхъ народовъ подъ русское знамя, на сѣверо-германскій образецъ; достаточно, чтобы дѣйствующія войска, по мирному и военному положенію, на своей или на чужой землѣ, какъ укажетъ надобность, чтобы союзныя крѣпости, выходы въ Черное море—состояли въ полномъ распоряженіи и управленіи главы союза. Великая семья, самостоятельная въ каждой отдѣльной части, будетъ для свѣта единымъ государствомъ.

Знаю, что многіе назовутъ мои заключенія поэзіею. Но я высказалъ уже свое убѣжденіе, основанное на достаточномъ рядѣ доводовъ; если не осуществится эта поэзія, не смотря на то что тысячелѣтняя исторія неотразимо влечетъ къ ней, то Россія, какъ государство, едва ли устоитъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ. Народности пошли теперь складываться воедино, неясные рубежи стали шаткими, перевороты совершаются съ поражающею быстротою. Духъ времени, за одно съ дѣйствительнымъ смысломъ нашего положенія, допускаетъ только два рѣшенія: Россія, какъ мѣстное государство русскаго народа, далеко отодвинувшееся назадъ, или Россія, какъ средоточіе славянскаго и православнаго міра.

Въ отношеніи къ настоящей минутѣ эти два рѣшенія выражаются двумя глаголами: выжидать или дѣйствовать.

Сначала дѣйствіе Россіи можетъ быть только нравственное. Гласное признаніе своего права быть представительницею родственнаго міра, при первой возможности возвращеніе подъ отчій кровъ послѣднихъ порабощенныхъ обрывковъ русскаго народа, умственное и сердечное единеніе съ своею историческою семьею, единодушное стремленіе къ общей цѣли по обѣимъ сторонамъ рубежа, должны предшествовать единенію политическому. Затѣмъ въ благопріятныхъ случаяхъ не будетъ недостатка.

Но, каково бы ни было единодушіе, какъ бы случай ни былъ благопріятенъ, это великое дѣло можетъ рѣшиться только силою, и на первыхъ порахъ одною русскою силою. Теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, намъ нужна армія, соотвѣтствую-

Digitized by Google

щая числомъ и качествомъ величію задачи, предоставленной для Россіи.

Изъ вышеизложенной постановки вопроса не слѣдуетъ, однако же, чтобъ намъ нужно было меньше силъ, если бы этихъ цѣлей не имѣлось въ виду. Выжиданіе требуетъ отъ насъ такого же точно развитія силъ, какъ и дѣйствіе. Выжиданіемъ нельзя отвратить событій; только минута будетъ выбрана не нами и не по нашему удобству, все прочее останется неизмѣннымъ. Мы столкнемся съ тѣми же противниками, съ тѣмъ же числомъ солдатъ и пушекъ изъ-за недоступнаго восточнаго вопроса и его неизбѣжнаго дополненія—неразрѣшимаго польскаго, какъ и по поводу доступнаго и осмысленнаго вопроса всеславянскаго, съ тою лишь разницею, что въ первомъ случаѣ даже побѣда останется для насъ безплодною, какъ Новара для Австріи: она только отдалитъ опасность; во второмъ даже пораженіе будетъ плодовито, какъ та же Новара для Піемонта, скрѣпляя наши узы съ кровными, усиливая насъ нравственно къ будущему.

Многіе, вѣроятно, найдутъ мою искренность неосторожною. Я не разъ слышалъ такіе упреки; но остаюсь при убѣжденіи, что русскому слѣдуетъ говорить о дѣлахъ своего отечества такъ же ясно, какъ говорятъ о нихъ чужіе. Слово въ наше время есть оружіе, а безоружному съ вооруженнымъ нельзя бороться. Полагаю, что государства и народы, о которыхъ говорится въ моей брошюрѣ, совершенно равнодушны къ тому, что думаю я лично о восточномъ вопросѣ. Когда же мысль о всеславянствѣ станетъ государственною, она сверкнетъ въ глаза всѣмъ, какъ молнія; тутъ уже не будетъ мѣста тайнѣ. Наши дѣла пойдутъ успѣшно тогда только, когда деревенскія женщины на берегу Молдавы или на отрогахъ Балкановъ, убаюкивая своего ребенка, станутъ говорить ему: «не плачь, вотъ скоро придутъ русскіе помогать намъ и принесутъ тебѣ гостинецъ».

Я изложилъ свое мнѣніе о восточномъ вопросѣ. Это мнѣніе можно сжать въ нѣсколько словъ. Дѣла сложились такъ, что восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ, представляетъ для насъ квадратуру круга, неразрѣшимую никакими средствами въ настоящемъ, не оставляющую никакой надежды въ будущемъ; дѣло это—призракъ, стоящій надъ нашимъ изголовьемъ, и противъ котораго нельзя

Digitized by Google

ничего предпринять, именно оттого что оно призракъ, несамостоятельная половина другаго, болѣе важнаго дѣла. Восточный вопросъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. вопросъ о восточной Европѣ—дѣйствительность, не легко достижимая, потому что въ ней заключается міровая историческая задача, но все-таки дѣйствительность, живой противникъ, съ которымъ можно схватиться и одолѣть его, вѣруя въ Провидѣніе и себя самихъ.

Digitized by Google

Приложеніе къ «Мнѣнію о восточномъ вопросѣ».

Разнорѣчивыя сужденія, читанныя и слышанныя мною о руководящей мысли брошюры, вынуждаютъ меня прибавить къ ней нѣсколько объясненій. Я постараюсь освѣтить главныя недоразумѣнія насколько необходимо. Недоразумѣнія—самые опасные враги всякой новой мысли. Какъ бы она ни была вѣрна сама по себѣ, у нея всегда останутся систематическіе противники, во-первыхъ, изъ за старыхъ интересовъ, во-вторыхъ, потому, что самое основаніе, на которомъ строится личный взглядъ человѣка, бываетъ различно въ различныхъ людяхъ; такое коренное разнорѣчіе примиряется не обсужденіемъ, а жизнію, раскрывающею понемногу передъ обществомъ новые горизонты, о которыхъ прежде не думалось. Напротивъ того, недоразумѣнія разъединяютъ мнѣнія почти сочувственныя, мѣшаютъ имъ слиться во едино изъ за словъ, различно понимаемыхъ. Оставлять ихъ въ этомъ видѣ—значило бы грѣшить не противъ чужихъ, а противъ своихъ.

Называя мысль своей брошюры новою, я имѣю въ виду только ея форму. Въ «Голосѣ» было замѣчено совершенно справедливо, что новизна этой мысли заключается только въ томъ, что она высказана безъ двусмысленности, со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями. На той и на другой сторонѣ русской границы живутъ многія тысячи людей, самыхъ зрѣлыхъ и передовыхъ, давно уже додумавшихся до такого заключенія. Надобно было одинъ разъ произнести его громко, чтобы привести въ соприкосновеніе эти разъединенныя убѣжденія, вслѣдствіе чего долженъ былъ непремѣнно произойти во мнѣніи взрывъ своего рода. Не я, такъ другой, не сегодня, такъ завтра, сказалъ бы тоже самое.

Digitized by Google

Взрывъ былъ громкій, не дома, впрочемъ, а заграницею. Въ безпредѣльной Руси нѣтъ близко стѣнокъ, о которыя звукъ могъ бы ударяться, потому нѣтъ и эха; это не мѣшаетъ нашимъ мнѣніямъ зрѣть потихоньку, какъ зрѣетъ наша пшеница. Заграницею брошюра была встрѣчена рукоплесканіями славянскихъ народовъ и озадачила политическія власти, вѣрный признакъ, что руководящая ея мысль—не фантазія; никто не тревожился изъ за французскаго шовинизма, высказывавшаго желаніе подчинить своему прямому вліянію всѣ романскія племена—разстояніе между словомъ и дѣломъ тамъ было совсѣмъ иное. Прошу читателей не винить меня въ самохвальствѣ за слова одного чешскаго журнала («Квѣты»), которыя я сейчасъ приведу—я сказалъ уже, что заслуга моя состоитъ въ томъ лишь, что я заговорилъ первый. Журналъ этотъ недавно сказалъ обо мнѣ слѣдующее: «въ послѣднее время, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, онъ сталъ такъ всеобще извѣстенъ, а имя его во всѣхъ областяхъ чешско-славянскихъ стало такимъ же домашнимъ для всякаго, какъ имена вождей народныхъ. И не только у чеховъ, но во всѣхъ земляхъ славянскихъ возлюбили его имя, и т. п.».

Слова эти доказываютъ, во всякомъ случаѣ, что брошюра попала въ цѣль и не есть плодъ личныхъ соображеній; я рѣшился написать ее именно потому, что встрѣчалъ единомысліе въ большинствѣ людей, способныхъ идти въ своихъ заключеніяхъ далѣе общихъ мѣстъ. Сила руководящей мысли брошюры состоитъ въ томъ, что она указываетъ опредѣлительно единственный выходъ изъ ложнаго круга, въ которомъ бьются безплодно, не живя и не умирая, сорокъ слишкомъ милліоновъ близкихъ намъ людей, въ которомъ они не могутъ никогда жить и не могутъ уже умереть. Въ этомъ ложномъ кругѣ рѣшается не только ихъ судьба, но и наша, потому, что государство, въ исключительномъ смыслѣ государства—случайно сколоченной исторической загородки—держится до сихъ поръ благополучно только въ Азіи, въ Европѣ и Америкѣ пора его уже проходитъ, и слава Богу!

Откровенно сказанное слово бросило въ почву семя, которое теперь уже не заглохнетъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ возникъ рядъ недоразумѣній. Постараюсь разъяснить немногими словами главныя изъ нихъ.

Digitized by Google

Первое недоразумѣніе.

Нѣкоторые вывели изъ написаннаго мною такое заключеніе, что прямо національная политика повела бы насъ къ постоянному военному напряженію, даже въ мирное время. Никогда я не думалъ и не говорилъ ничего подобнаго. Въ «Вооруженныхъ силахъ» я выразился ясно: «на войнѣ бываетъ силенъ только тотъ, кто бережетъ свои средства во время мира». Въ своихъ военныхъ сочиненіяхъ я постоянно имѣлъ въ виду сокращеніе, а не увеличеніе бюджета на армію; никогда я не предлагалъ сформированія новыхъ сверхкомплектныхъ силъ и считаю ихъ ненужными. Я думаю, что полковой составъ долженъ быть увеличенъ у насъ до 4 баталіоновъ—на счетъ мертвыхъ силъ мѣстныхъ войскъ; приращенія тутъ нѣтъ. Я выставляю мысль объ ополченіи, указывая въ то же время на сокращенія для покрытія этого расхода, по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что всѣ большія войны нынѣшняго столѣтія, безъ исключенія, доказали необходимость ополченія, замѣна же его остаткомъ безсрочныхъ, при нынѣшней пропорціи набора и невозможности найти офицеровъ; есть не болѣе, какъ игра въ слова; во вторыхъ, потому, что только учрежденіемъ ополченія, мы можемъ возстановить прежнее отношеніе нашихъ силъ къ европейскимъ; послѣднія повысились въ текущее десятилѣтіе на столько же, на сколько наши понизились, вслѣдствіе принятой новой военной системы. Для наглядности это пониженіе можно показать таблицею.

Для войны въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Кавказа и другихъ дальнихъ окраинъ, у насъ было до парижскаго мира, считая для краткости только пѣхотные баталіоны:

7	дивизій	12	батал.	(съ карабинерною)	84 бат.
18	»	16	»	» »	360 »
					444 бат.

Во время войны формировались, по мѣрѣ надобности, 5 и 6 баталіоны резервные, 7 и 8 запасные, для которыхъ существовали кадры въ видѣ 5 резервнаго баталіона. Масса эта составляла . . . . . 432 »

Итого (безъ стрѣлковъ и саперъ) 876 бат.

Digitized by Google

Не смотря на такую громадную силу въ 1855 году всетаки понадобилось ополченіе.

Писавши съ памяти, я ошибаюсь, можетъ быть, нѣсколькими баталіонами, но не болѣе какъ нѣсколькими; для наглядности разница не чувствительна.

Нынѣ никакихъ резервовъ нѣтъ и не имѣется въ виду. Дѣйствующая армія въ Европейской Россіи, составляющая всю нашу силу, за исключеніемъ 6 дивизій на Кавказѣ, имѣетъ въ итогѣ, на случай европейской войны, 41 дивизій 12 баталіонныхъ 492 бат.—вмѣсто 876-ти.

Имѣлъ ли я причину говорить объ ополченіи (стоющемъ такъ дешево) и объ обращеніи мѣстныхъ, т. е. мертвыхъ для войны силъ, въ дѣйствующія?

Все прочее въ вооруженныхъ силахъ относится къ качеству, а не къ количеству войскъ.

Изъ этого, кажется, вовсе не слѣдуетъ, чтобы я желалъ соразмѣрять напряженіе русскихъ силъ и русскаго бюджета съ размѣрами славянскаго вопроса. Какова бы ни была наша политическая система, намъ нужно въ этомъ отношеніи извѣстное равновѣсіе съ Европою, какъ было прежде (равновѣсіе, котораго, по моему мнѣнію, можно достигнуть при правильной системѣ, ставящей на первое мѣсто армію, а не администрацію, не съ повышеніемъ, а съ пониженіемъ военнаго бюджета). Россія единственное европейское государство, которому ежегодное приращеніе населенія идетъ впрокъ, въ которомъ это приращеніе остается. Съ каждымъ днемъ мы дѣлаемся относительно сильнѣе. Руководясь неизмѣнною національною политикою, дѣйствующею постепенно, пользующеюся каждымъ удобнымъ временемъ, Россія имѣетъ достаточно средствъ для какой бы то ни было разумной задачи, не истощая себя безвременно. Я никогда не отступалъ отъ мысли, высказанной въ началѣ этого параграфа—«на войнѣ силенъ только тотъ, кто бережетъ свои силы въ мирное время». Но я не забывалъ также, и ни одинъ русскій не долженъ забывать, что для насъ армія имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ для кого бы то ни было. Токвиль сказалъ совершенно вѣрно: «исторія такъ поставила Россію, что ей постоянно приходилось создавать себя штыкомъ, какъ Америка создавала себя лопатою. Тѣснимая Азіею и не признаваемая Европою, Россія должна была завоевать себѣ право жить. Очевидно, это неестественное положеніе не совсѣмъ еще кончилось.

Digitized by Google

Второе недоразумѣніе.

Заказанная противъ меня безъименная чешская брошюра говоритъ, что объединеніе славянъ въ сущности такая же мысль, какъ объединеніе всей германской породы,—нѣмцевъ, скандинавовъ, англичанъ и проч. Одинъ изъ нашихъ фельетонистовъ принялъ эти слова за чистыя деньги и привелъ знаменитый доводъ уже отъ своего имени. Для многихъ читателей разъясненіе тутъ не нужно; но для нѣкоторыхъ оно можетъ пригодиться. Потому я попрошу ихъ вспомнить, что англичанинъ, шведъ, нѣмецъ и голландецъ не понимаетъ другъ друга, въ такой же степени какъ онъ не понимаетъ китайца. Вслѣдъ за этимъ, привожу въ переводѣ, на 5-ти главныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, хоть, напримѣръ, вышеприведенный лестный отзывъ обо мнѣ чешской газеты. Достаточно написать его кирилицею, чтобы читатель легко понялъ.

По русски онъ уже сообщенъ.

По чешски. (Текстъ возстановляется съ памяти и потому, можетъ быть, не буквально). Въ послѣднемъ часе наследкамъ звлашныхъ ополности сталъ се тамъ вшеобенцѣ знамымъ и его имено есть славно всвшехъ властехъ ческословенскихъ тамъ домацнымъ про каждего, ано имено вудцовъ народныхъ. А неѣкомъ у Чехувъ, але и всвшехъ земихъ слованскихъ заминовали сю имена...

По польски. Въ остатнемъ часу въ пржимайку осубныхъ околичносьцяхъ тамъ въ огульносьци вядомымъ, а имя іего ве вшысткихъ окраинахъ чешскославяньскихъ, стало такимъ же домовымъ для каждего, якъ имена воеводовъ народовыхъ. И не тылько у Чехувъ, але ве вшысткихъ земяхъ славянскихъ покохали іего имя...

По сербски. У последне време всобе но ньеговога положнея, онъ је постао тако знаменит да му се име у свим крајевима чехословенским исто тако слави, као имена досад народних вођа. Ньегово име не слави се само код чехано и код свију друге словенских народа...

Языки это или нарѣчія одного языка?

Но дѣло еще не въ этомъ. Конечно, объединеніе нѣмцевъ, шведовъ и англичанъ—глупость, не только потому, что между современными шведами, англичанами и нѣмцами нѣтъ ничего

Digitized by Google

общаго, но еще болѣе потому, что они вовсе не хотятъ общей связи, потому, что подобная мысль ни кому изъ нихъ не западала въ голову, и не могла запасть. Ну, а если бы они захотѣли? если бы по несуществующимъ теперь причинамъ, передовые люди этихъ народовъ задались мыслію объединенія или племеннаго союза и эта мысль стала бы понемногу проникать въ толпу—вѣдь она утратила бы свой первоначальный характеръ абсолютной глупости! А если бы при томъ еще развѣтвленіе племенъ германскаго корня было не такъ глубоко, какъ теперь, если бы языки ихъ были только нарѣчіями одного общаго языка, понятными безъ перевода каждому члену великой семьи? и эти языки не были бы закрѣплены, каждый, самостоятельною, богатою словесностію, а нуждались бы, даже для собственнаго своего развитія, для образовательныхъ цѣлей, въ одной главной, всѣмъ общей словесности? вѣдь тогда первоначальная глупость начала бы становиться дѣломъ довольно осмысленнымъ! А если бы, далѣе, племенное сочувствіе этихъ народовъ доросло уже до такой степени, что у нихъ сердце стало бы болѣть за каждаго члена великой семьи, какъ было между піемонтцами и венеціянами, народныя нарѣчія которыхъ гораздо далѣе отстоятъ между собою, чѣмъ русское, напримѣръ, и сербское—тогда глупость превратилась бы въ дѣло не только осмысленное, но законное, задѣвающее народную честь и естественныя чувства человѣка. Продолжаю. Если бы, кромѣ всего сказаннаго, географическое положеніе племенъ германскаго корня способствовало извѣстному объединенію; еслибъ историческое состояніе ихъ было таково, что одни изъ нихъ, стоптанныя чужеземцами, взывали бы къ свободнымъ братьямъ; свободные же видѣли бы, въ свою очередь, что съ обезличеніемъ единоправныхъ, споръ перейдетъ съ ихъ внѣшней окраины на внутреннюю окраину,—смотрѣли бы на это равнодушно племена германскаго корня, отказываясь отъ своей породы, т.-е. отъ самаго смысла своей исторіи, для того, чтобъ развиваться, каждое особнякомъ, *на обще-человѣческихъ началахъ*, какъ говорится еще иногда въ нашихъ фельетонахъ? Русско-славянское дѣло находится именно въ томъ положеніи, къ которому мы пришли послѣ этого послѣдняго запроснаго пункта. Нечего даже спрашивать, что дѣлали бы въ такомъ случаѣ народы германскаго корня, съ ихъ Чатамами, Каннингами, Монро и Бисмарками. Кажется, мы видимъ передъ гла-

Digitized by Google

зами примѣръ, что нѣмцы, забирающіе Шлезвигъ во имя національности, считаютъ также своими областями славянскія государства, вслѣдствіе того, что австрійскій эрцгерцогъ когда-то вступилъ на ихъ престолы посредствомъ брачнаго союза, что для нихъ нашъ остзейскій вопросъ составляетъ сердечное дѣло, потому что тамъ живутъ 100,000 нѣмцевъ посреди 2-хъ милліоновъ чужеземныхъ жителей.

Въ дѣйствительности же славянскій вопросъ еще важнѣе, еще настоятельнѣе для насъ, чѣмъ явствуетъ изъ всего предъидущаго. Дѣло идетъ не только о будущемъ, но о настоящемъ, самомъ неотложномъ. На нашихъ глазахъ Австрійская имперія распадается, по невозможности управлять одною силою разнородными людьми, доросшими до политическаго и племеннаго самосознанія. Чешская корона получитъ на дняхъ свою автономію; послѣ нея получатъ тоже Галиція, Иллирія, Тироль, (не желающій имѣть ничего общаго съ прочими австрійскими нѣмцами); по необходимости облечется тогда въ автономію и эрцгерцогство австрійское. Когда раздѣлъ кончится въ Цислейтаніи, онъ начнется въ Венгріи. Нѣтъ почти сомнѣнія, что немного раньше или позже, не мадьярскіе депутаты выйдутъ изъ пештскаго сейма, какъ нѣмецкіе вышли изъ вѣнскаго, и повторится та же исторія, усложненная, можетъ быть, междоусобною войною. Не будучи пророкомъ, можно сказать, что въ скоромъ времени Австрія будетъ уже не мозаикою, что предполагаетъ еще нѣкоторый цементъ, а грудою отдѣльныхъ обломковъ, связанныхъ между собою единственно личною связью, въ особѣ общаго государя. Весь вопросъ для Австріи заключается теперь въ томъ лишь: хочетъ ли она дойти до раздробленія спокойно и добровольно, или послѣ величайшихъ смутъ, не представляющихъ для императорскаго правительства никакой вѣроятности успѣшнаго исхода? Но разложеніе неминуемо, если не на картѣ, то на дѣлѣ — и что тогда произойдетъ? равновѣсіе стопудовыхъ гирь, повѣшенныхъ на паутинѣ. Австрійскіе нѣмцы потянутъ къ Германіи, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, вслѣдствіе чего разорвется паутина личной связи всей монархіи. Чехія обхваченная новою нѣмецкою имперіею, не будетъ въ состояніи дохнуть. На первыхъ порахъ ей дадутъ, конечно, всякое удовлетвореніе; но кто же повѣритъ, разъ взглянувши

Digitized by Google

на карту, чтобы Германія стала лелеять внутри себя свою язву, самобытное славянское государство? Для того только, чтобъ не задохнуться чехи будутъ вынуждены вступить въ Сѣверо-германскій Союзъ, ставить ему рекрутъ, командовать ими по нѣмецки—дальнѣйшее извѣстно. Безъ чехіи же славянское дѣло проиграно навсегда. Чехія голова, передовой постъ всего славянства, тотъ ледорѣзъ, о который разбивался до сихъ поръ нѣмецкій наплывъ на южныхъ славянъ: за неимѣніемъ такого ледорѣза, сѣверное славянство погибло невозвратно, и теперь, онѣмечившись, создаетъ Германію собственными руками. Со вступленіемъ чеховъ въ нѣмецкій союзъ, корона св. Стефана устроитъ, можетъ быть, по названію, но съ перваго же дня попадетъ въ распоряженіе нѣмецкой имперіи. Какая внутренняя связь можетъ оказаться въ восточной половинѣ Австріи, пережившей западную, но еще болѣе пестрой, чѣмъ послѣдняя. Она станетъ однакоже, драгоцѣннымъ орудіемъ въ рукахъ объединенныхъ нѣмцевъ, поддерживающихъ своихъ земляковъ габсбурговъ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ. Мечта мадьяровъ—собираніе осколковъ Турціи и перваго изъ нихъ, Румыніи, около короны св. Стефана можетъ отлично осуществляться при такомъ сочетаніи вещей; только осуществленіе это станетъ не дѣйствительностію, а театральнымъ представленіемъ для того, чтобъ забавлять мадьяръ, пока нужно. Какъ господинъ при крѣпостномъ правѣ, Германія будетъ распоряжаться по произволу всѣмъ достояніемъ Венгріи; отчего жъ ей не потѣшить своихъ вассаловъ призракомъ? не только мадьярамъ, Германія предоставитъ въ началѣ всѣмъ славянамъ, ставшимъ подъ ея тѣнь всякое удовольствіе; она возвратитъ имъ всевозможныя права, раздобритъ ихъ, какъ раздобриваютъ телятъ на убой. На первое время они ей будутъ нужны, довольные, веселые и шумные—для того, чтобъ манить своимъ призрачнымъ счастіемъ многія изъ нашихъ русскихъ окраинъ, а окраины вдаются у насъ глубоко во внутрь государства. Безъ чешскаго устоя судьба всѣхъ сторонъ сѣвернаго берега Дуная, до устья его, не составляетъ никакого вопроса; раньше или позже, онѣ станутъ сначала вассалами, потомъ областями объединенной Германіи. Но что же станется съ южнымъ берегомъ? Тутъ можно перефразировать слова лорда Чатама о Турціи, и сказать: не стоитъ раз-

Digitized by Google

суждать съ тѣмъ, кто не видитъ, что участь лѣваго берега Дуная рѣшаетъ участь праваго берега до самаго Босфора. А что окажется затѣмъ? Что станется, напримѣръ, съ Галиціею? Отданная въ наши руки въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, она будетъ значить—двойная сила польскаго мятежа противъ Россіи; оставшись самостоятельною, она обратится въ боевой складъ противъ насъ. А вѣдь великая Германія, наложивъ руку на западное славянство, а вслѣдствіе того со временемъ и на южное, упрется еще не въ предѣлы великорусскаго племени. Между нѣмецкою границею и непоколебимо вѣрными русскими областями останется еще обширная страна, далеко не непоколебимая, а при нѣкоторыхъ случайностяхъ даже чрезвычайно сомнительная. Неужели новая имперія, подчиняющая западныхъ славянъ для того, чтобы всосать ихъ въ себя, остановится покорно на русской государственной межѣ и будетъ смиренно ожидать, чтобы могучая сосѣдка опрокинула вверхъ дномъ, въ первую удобную минуту, всѣ ея замыслы, пока операція претворенія еще не довершена. Неужели она не попытается оградить себя, пользуясь тѣми шансами, какіе представляетъ противъ насъ западная полоса государства, отъ Финскаго залива до Чернаго моря, съ Отзейскимъ краемъ, Польшею, Жмудью, съ польскою интеллигенціею въ полурусскихъ губерніяхъ, съ полутора милліономъ евреевъ и съ румынскими притязаніями въ Бессарабіи?

Завершеніе нѣмецкаго владычества надъ славянами, въ смыслѣ велико-германской идеи и знаменитаго Drang nach Osten станетъ не только отрицаніемъ всякой доброй будущности для насъ, но сдѣлаетъ невозможнымъ на вѣки прочный миръ въ Восточной Европѣ. Россіи придется опять обратиться въ военный станъ, какъ было въ прошлыхъ вѣкахъ и снова напрягать свои силы не на созданіе русскаго просвѣщенія, а за право жить. И если въ такомъ случаѣ окончательная побѣда окажется не за нами, чѣмъ мы станемъ, нравственно и матеріально, какъ не Тураномъ, въ полномъ смыслѣ слова. Развѣ народъ, проигравшій разъ свою судьбу, возстановлялся когда нибудь въ исторіи? Тутъ идетъ рѣчь не о пограничныхъ столбахъ, а о томъ, кто станетъ въ близкомъ будущемъ первымъ народомъ стараго свѣта; лучше сказать, о томъ, кто успѣетъ разчистить себѣ мѣсто, чтобы вырости во весь свой

Digitized by Google

природный ростъ тѣломъ и душею (въ исторіи эти два вида возрастанія связаны неразрывно)—Русь или Германія? Кажется, что лордъ Чатамъ, по старой привычкѣ, не удостоилъ бы долгаго разговора человѣка, который этого не понимаетъ.

Конечно, веденіе такого дѣла, даже въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, только, не говоря о врагахъ, всего еще не легко. О славянскомъ мірѣ нельзя покуда сказать опредѣлительно, чего онъ хочетъ. Міръ этотъ не продолжаетъ своего историческаго дѣла,—какъ другіе,—онъ начинаетъ его вновь. Проснувшись отъ четырехъ-вѣковаго летаргическаго сна, онъ оглядывается еще кругомъ—гдѣ онъ, и что съ нимъ? Разумѣется, первымъ движеніемъ славянъ, почувствовавшихъ, что могильный камень скатился съ ихъ груди — было подышать воздухомъ, расправить члены, попользоваться мѣстною самобытностію, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ проснулся, не вглядываясь еще въ дальніе горизонты. За это чувство нельзя винить ихъ, хотя въ немъ же покуда—причина ихъ слабости. Въ нашихъ русскихъ взглядахъ господствуютъ такія же младенческія черты, хотя другаго свойства, — но объ этомъ послѣ. Однакоже, и тамъ, и здѣсь мыслящіе люди поняли уже сущность дѣла; а что сегодня понимаютъ мыслящіе люди, то завтра будутъ понимать всѣ.

Славянскій вопросъ представляетъ возможность, хотя очень слабую, еще другаго исхода—освобожденія и образованія славянскаго союза помимо Россіи. Дѣло это чрезмѣрно труднее, но исторія развязываетъ иногда неожиданно гордіевы узлы. Только такой исходъ оказался бы для насъ, русскихъ, еще хуже перваго. Рядомъ съ нами встала бы новая, великанская всеславянская Литва XIV вѣка, перенесенная въ XIX, съ магнитнымъ притяженіемъ для всего, что есть въ Россіи не великорусскаго.

Во всякомъ случаѣ, славянскій вопросъ въ наши дни уже не историческая теорія, а вопросъ о самомъ близкомъ будущемъ, въ самомъ важномъ для Россіи дѣлѣ. Въ текущій мигъ русское дѣло въ Европѣ заключается главнѣйше не въ обладаніи Чернымъ моремъ и даже не въ Польшѣ, а въ томъ, что станется съ чехами и хорватами—устоями, задерживающими покуда западный наплывъ, подъ нашъ собственный фундаментъ.

Digitized by Google

Третье недоразумѣніе.

Безъименная чешская брошюра и ея русскіе переводчики пугаютъ насъ войною со всею Европою, изъ-за славянскаго вопроса. Но вѣдь такія же брошюры пугаютъ тѣмъ же самымъ Пруссію изъ-за вопроса общегерманскаго; однако же, Пруссія, располагающая населеніемъ не свыше 30 милліоновъ, не боится угрозы и идетъ къ своей цѣли осторожно, конечно, но непреклонно. Она задумала эту цѣль, когда у нея было не болѣе 18 милліоновъ подданныхъ, а не 80, какъ въ Россіи; задумала ее, при такомъ географическомъ положеніи, что самое существованіе ея зависѣло отъ исхода одного большаго сраженія, между тѣмъ, какъ Россія можетъ дать двадцать великихъ битвъ, прежде чѣмъ возникнетъ вопросъ объ ея цѣлости; рѣшилась на дѣйствіе, зная, что разсѣянные птенцы, которыхъ она идетъ собирать, встрѣтятъ ее не сочувствіемъ, а оружіемъ—на оборотъ того, что ожидаетъ насъ. Пруссія шла наперекоръ Европѣ. Она не могла сомнѣваться, что успѣхъ ея замысловъ смертельно встревожитъ Францію и не могла не помнить, какими глазами взглянулъ императоръ Николай Павловичъ на предложеніе нѣмецкой короны Фридриху-Вильгельму IV. И все-таки она рѣшилась. На такія вѣроятности разсчитывала Пруссія? На одну только, но самую рѣшительную въ исторіи на ту вѣроятность, что она шла по теченію вѣка и духа народнаго, а не противъ него, какъ приходилось идти Австріи. Для того, чтобы закончить дѣло, Пруссія рѣшится на войну еще разъ, можетъ быть два и три раза, конечно, выбирая подходящее время. При послѣдовательной политикѣ и должной подготовкѣ мнѣнія, все зависитъ отъ удачно-выбранной минуты. Европа не конфедерація, заступающаяся обязательно за каждаго своего члена и всякое государство, за исключеніемъ Австріи и отчасти Пруссіи, имѣетъ свой интересъ, болѣе важный для него, чѣмъ образованіе славянскаго союза. Пожалуй, можно въ каждый мигъ поднять противъ себя Европу самымъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, но безвременнымъ, предпринятымъ въ такую пору, когда общее положеніе дѣлъ для него неблагопріятно. Такъ было въ 1853 году; между тѣмъ, какъ въ 1848 и 1849 годахъ можно было совершить чрезвычайно много, не возбуждая противъ себя западно-европейской коалиціи, разумѣется при извѣстныхъ пріе-

Digitized by Google

махъ. Европа больна перемежающеюся лихорадкою, у нея бываютъ дни, когда она лежитъ въ пароксизмѣ, чему Россія не подвержена. Въ такихъ вещахъ, грозное слово «Европа» есть не мысль, а пустѣйшая фраза, годная только для безъименныхъ брошюръ и фельетоновъ.

Мы подымемъ противъ себя европейскую коалицію въ такомъ лишь случаѣ, когда станемъ дѣлать то, что намъ самимъ же вредно, когда поведемъ свою политику наизнанку, не съ того конца—будемъ обращать главное вниманіе на южную задунайскую славянскую группу раньше, чѣмъ на сѣверную, отъ которой все зависитъ. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть на рукахъ Францію, стало быть европейскую коалицію, между тѣмъ, какъ дѣйствительные политическіе интересы Франціи могутъ и должны быть, если не за одно съ нами, то, въ извѣстной мѣрѣ, сочувственны намъ. Франція не можетъ никакъ устроить положеніе дѣлъ восточной Европы такъ, чтобы оно было вполнѣ для нея благопріятно; ей приходится выбирать между двумя положеніями, изъ которыхъ одно, хотя нежелательное само по себѣ, все-таки для нея гораздо удобнѣе другаго между преобладаніемъ русскимъ или нѣмецкимъ. Спасти Австрію она не можетъ, потому, что Австрія умретъ не отъ чужаго оружія, а отъ внутренней болѣзни, а со смертію Австріи возможенъ только одинъ изъ этихъ двухъ исходовъ. Что же лучше для Франціи? Нѣмецкое преобладаніе ляжетъ на нее всею тяжестью, русское ничѣмъ не опасно и не препятствуетъ ни одному изъ ея положительныхъ интересовъ. При нѣмецкомъ преобладаніи славянскія страны станутъ областями враждебной ей колоссальной державы; при русскомъ онѣ будутъ конфедераціею, устройствомъ, наименѣе для кого-либо опаснымъ. Завершеніе нѣмецкаго владычества въ восточной Европѣ будетъ именно самою трудною минутою для Франціи, тогда то и наступитъ для нее самое тревожное время; завершеніе русскаго устранитъ послѣднюю причину какого либо спора или недоумѣній между двумя государствами. Что остается затѣмъ, собственно восточный вопросъ? Но тутъ дѣло идетъ опять о вещи неизбѣжной, которой западныя державы, въ концѣ концовъ, помѣшать не могутъ. Кто бы ни сталъ на Дунаѣ взамѣнъ Австріи, южные славяне будутъ жить подъ его тѣнью. Для всѣхъ французскихъ сочувствій къ свободѣ народовъ, къ полякамъ къ мадьярамъ, формы, подъ которыми можетъ осуще-

Digitized by Google

ствиться русское преобладаніе, гораздо желательнѣе формъ преобладанія нѣмецкаго; первое оставитъ живымъ все живое, второе заберетъ живыхъ для того только, чтобы раскормить ихъ на убой, на обезличеніе. Французы, не англичане и не нѣмцы, готовые жертвовать всѣмъ на свѣтѣ своему Молоху—интересу текущаго дня; у французскаго народа есть сердце, постоянно сказывающееся даже въ политикѣ. До сихъ поръ мы были разъединены нравственно съ этимъ великимъ народомъ, однимъ препятствіемъ, казавшимся неодолимымъ—судьбою Польши. Но судьба Польши зависитъ исключительно отъ исхода славянскаго вопроса, и ни отъ чего болѣе. Польша можетъ быть возсоединена и свободна, только какъ членъ славянской семьи; внѣ славянства участь ея уже рѣшена исторіею—никто и ничто не воскреситъ ее. Раньше или позже поляки поймутъ гдѣ искать спасенія; устроить этотъ часъ, зависитъ отъ насъ самихъ—правительства и общества. Въ тотъ часъ, когда Франція пойметъ, что спасеніе Польши связано неразрывно съ торжествомъ славянской идеи, сердце ея будетъ съ нами. Во всякомъ случаѣ надобно было бы поступать слишкомъ грубо, чтобы навлечь на себя такую невѣроятную коалицію, какъ франко-прусскій союзъ. Отъ Франціи намъ не нужно ничего, кромѣ нейтралитета. Если же она захочетъ принять дѣятельное участіе въ великомъ вопросѣ, согласное съ ея прямыми и совершенно законными интересами, тѣмъ лучше будетъ для нея, для насъ и для человѣчества.

Мы можемъ разсчитывать также, и на этотъ разъ внѣ всякихъ случайностей, на сочувствіе Америки. Заатлантическій міръ чуждъ дрязгамъ личнаго европейскаго соперничества и потому сочувствуетъ только правдѣ, а правда на нашей сторонѣ. Новая политика Америки есть политика законности, предоставляющая каждой естественной силѣ развиваться во весь свой ростъ, въ противоположность политикѣ европейской, подчиняющей всякое проявленіе жизни искусственнымъ условіямъ своего statu quo. Новыя понятія о Россіи и о славянскомъ вопросѣ теперь быстро распространяются въ Америкѣ. Затруднительно говорить о нашихъ отношеніяхъ къ Америкѣ, лежащихъ еще въ возможности, а не въ дѣйствительности, съ такою же откровенностію, какъ объ отношеніяхъ, давно уже опредѣлившихся къ старому свѣту. Прочность нашей связи съ Америкою зависитъ исключительно отъ того, съ какимъ чув-

Digitized by Google

ствомъ, не показнымъ, а сердечнымъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, Россія отнесется къ ней. Разрывъ Америки съ Англіею всегда возможенъ. Въ Америкѣ существуетъ громадная партія—весь Югъ, а стало быть и демократы отчасти, которая бьетъ на войну, какъ на средство изгладить всѣ воспоминанія междоусобія. Америка желаетъ стать въ признанное положеніе великой державы, занять свое мѣсто во всемірномъ конгрессѣ, на что она имѣетъ достаточно права и силы; Россія можетъ ввести ее туда за руку и упрочить ея голосъ за себя и за правду. Объ этомъ предметѣ пришлось бы сказать много, если бы было удобно говорить о немъ прямо. Несомнѣнно одно: поступая въ смыслѣ естественнаго сердечнаго влеченія, которое всегда есть лучшее, мы можемъ имѣть съ собою искреннее сочувствіе американскаго народа—дѣятельное или страдательное, это покажетъ время; но во всякомъ случаѣ американское сочувствіе значитъ много на вѣсахъ судьбы.

Затѣмъ, что же остается и кто наши враги,—та Европа, которою насъ пугаютъ? При политикѣ неравной, несознательной, дѣйствующей внезапными скачками, какъ въ 1853 г., мы можемъ имѣть противъ себя Европу изъ-за ничего. При политикѣ, гораздо болѣе обширной, вполнѣ національной, но послѣдовательной, вѣрно выбирающей время для дѣйствія, противъ насъ станутъ,—прямо или косвенно,—Англія, скованная по рукамъ и ногамъ грознымъ американскимъ соперничествомъ, и нѣмецкое племя, съ его союзниками—турками и мадьярами; имѣть или не имѣть противъ себя поляковъ, зависитъ совершенно отъ насъ самихъ.

У насъ можетъ быть прочный миръ съ нѣмецкимъ племенемъ только послѣ разрѣшенія славянскаго вопроса въ его законномъ смыслѣ. При такомъ условіи полнѣйшее объединеніе нѣмецкаго племени совершенно справедливо и также безопасно для насъ, какъ наше для него. Но, вѣроятно, не найдется на свѣтѣ мечтателя, который въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ бы, что подобное размежеваніе можетъ совершиться полюбовно. Раньше или позже Россіи неизбѣжно придется схватиться съ нѣмецкимъ племенемъ и его подручниками, не для того, чтобы нарушать законныя его права, но чтобы оградить свои собственныя. Для такой задачи, съ своими естественными союзниками, Россія достаточно могущественна, или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть достаточно могущественна; конечно, при томъ не-

Digitized by Google

премѣнномъ условіи, чтобы связь съ этими союзниками была закрѣплена еще во время мира и чтобы наше политическое направленіе было твердо, послѣдовательно и всегда сообразовано съ текущею минутою. Въ концѣ концовъ надобно еще повторить, хотя бы въ десятый разъ: существенная, хотя по моему убѣжденію, вовсе не труднѣйшая часть задачи славянскаго вопроса заключается въ полякахъ. Безъ сочувственной Польши, славянскій міръ не двинется, и если бы даже двинулся случайно, то не пойдетъ далеко.

Возсозданіе славянскаго міра значитъ ли всемірное преобладаніе? конечно, нѣтъ; но первенство въ старомъ свѣтѣ—да! О преобладаніи не можетъ быть никакой рѣчи въ то время, когда государства собираются и складываются по взаимнымъ сочувствіямъ народовъ. Смутное состояніе Европы въ международныхъ вопросахъ происходитъ теперь исключительно изъ-за неопредѣленнаго положенія спорной восточной полосы, начинающейся Польшею и канчающейся Турціею. Всѣ чуютъ, что отъ этой полосы вѣетъ неизбѣжною грозою, неизбѣжною, потому, что въ такихъ историческихъ вопросахъ даже уговоръ правительствъ есть только минутная остановка. Пока судьба спорной полосы не порѣшится, въ Европѣ не будетъ ни прочнаго мира, на разоруженія, хотя бы многіе десятки лѣтъ, трудъ народный и развитіе знаній будутъ идти не на улучшеніе человѣческой участи, а на застрахованіе себя отъ чаемой бури. Съ рѣшеніемъ вопроса кончатся всѣ главныя недоразумѣнія, не останется слѣдовъ никакому существенному несогласію между западною и восточною Европою. Какой же смыслъ можетъ имѣть при этомъ слово—преобладаніе? Первенство же, т. е. первенствующая сила, никому неопасная, когда нѣтъ причины къ раздору, окажется непремѣнно въ чьихъ нибудь рукахъ, какъ только славянскій вопросъ будетъ порѣшенъ, дѣло въ томъ лишь, какія это будутъ руки—русскія или нѣмецкія. Въ первомъ случаѣ—вопросъ конченъ навсегда, и ясная погода воротится; во второмъ—онъ затянется на вѣки, съ ежеминутною опасностію новой грозы.

Первенство между народами рѣшается теперь не на полѣ битвы, а географическимъ ихъ положеніемъ. Сто лѣтъ тому назадъ, на свѣтѣ не было другаго живаго человѣчества, кромѣ европейскаго—оно первенствовало, и первый въ Европѣ былъ первымъ въ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ по окраинамъ Европы,—въ

Digitized by Google

Америкѣ и въ Россіи,—выросли два новыя, живыя человѣчества, не замкнутыя въ тѣсной перегородкѣ, какъ европейскія націи, но разливающіяся безъ препятствій по необозримымъ горизонтамъ, растущія безъ мѣры во всѣ стороны, на сколько станетъ у нихъ естественнаго роста. Разумѣется, первенство должно оказаться въ концѣ, за двумя новыми ростками, ни чѣмъ не стѣсняемыми, въ ущербъ старой Европѣ, запертой въ своей клѣткѣ. Несомнѣнно, придетъ время, когда знаменитые теперь европейскіе народы очутятся, сравнительно съ восточными и западными сосѣдями въ положеніи великой когда-то Голландіи, гремѣвшей когда-то Швеціи и мудрой, въ былое время, Венеціи. Тутъ дѣйствуетъ сила вещей, которой не остановить союзомъ Англіи съ Франціею, ни союзомъ Австріи съ турецкимъ султаномъ.

Четвертое недоразумѣніе.

Что мы выиграемъ нравственно, съ возстановленіемъ славянскаго міра? Мы выиграемъ то, что будемъ знать, кто мы и куда идемъ. До сихъ поръ мы одни, между всѣми народами земли, имѣющими будущность, не знали этого ясно. У нашего образованнаго сословія, дѣйствительно, потеряна почва подъ ногами. Я знаю, какъ трудно говорить объ этомъ предметѣ,—это тоже самое, что обсуждать съ юношею, по примѣтамъ его характера чѣмъ, онъ будетъ въ сорокъ лѣтъ. Многіе уже писали объ этомъ предметѣ. Г. Данилевскій помѣстилъ недавно въ «Зарѣ» замѣчательное сочиненіе, «Россія и Европа», выдѣлявшееся какъ бриллiантъ изъ груды ежегодно истребляемой у насъ бумаги, и котораго, кажется, никто не знаетъ. Очень серіозныя вещи у насъ еще не въ ходу. Я же не только не намѣренъ писать цѣлаго сочиненія, но хочу непремѣнно закончить эту статью въ слѣдующемъ столбцѣ. Но мнѣ всетаки приходится сказать нѣсколько заключительныхъ словъ, иначе статья останется безъ конца, въ которомъ вся сила, потому что конецъ именно долженъ уяснить, хоть вкратцѣ, самое коренное недоразумѣніе: изъ чего намъ хлопотать?

Недавно еще, въ первый годъ польскаго возстанія, русское общество, плодъ и результатъ полуторастолѣтняго воспитательнаго періода нашей исторіи, представляло въ своихъ понятіяхъ безъисходный и безпримѣрный на свѣтѣ хаосъ. Не было

Digitized by Google

такой простой идеи, которая являлась бы намъ просто, съ настоящимъ своимъ образомъ, какъ въ остальномъ свѣтѣ. Человѣкъ, его существенныя стремленія, Россія, религія, отношеніе дѣтей къ семейству, польскій заговоръ и приличіе въ отношеніяхъ между людьми,—все это представлялось большинству, подъ вліяніемъ модной пропоганды, какъ черезъ дурное стекло, въ образахъ, не похожихъ ни на какую дѣйствительность. Если бы пришлось разсуждать тогда съ этимъ новымъ Положеніемъ, русскимъ обществомъ 1863 года, соглашавшимся видѣть верблюда въ каждомъ облакѣ, разсужденіе продлилось бы до конца свѣта, и не привело бы ни къ чему. Но вдругъ польское возстаніе обдало наше общество какъ ушатомъ холодной воды,—раздался крикъ: «нашихъ бьютъ! православныя церкви позорятъ!» И люди, бывшіе за минуту космополитами, матеріалистами, революціонерами, людьми будущей геологической эпохи, заревѣли въ одинъ голосъ: «неправда, бей ихъ! мы русскіе, мы православные, мы вѣрноподданные». Затѣмъ русское общество, истощенное этими двумя противоположными порывами, опять погрузилось въ спячку, которой покуда конца не видать.

Что это за фантастическое явленіе и что оно значитъ? По моему разсужденію, тутъ дѣло очень простое. Это—общество, встающее со школьной скамьи, безличное, какъ всякій школьникъ и всякая юность, не жившая еще на своей волѣ, хотя съ задатками личности, очень серіозной въ будущемъ. Полтораста лѣтъ школы для цѣлаго народа—тоже самое, что десять лѣтъ для отдѣльнаго лица и послѣдствія ея тѣ же; а вспомнимъ, чѣмъ мы были всѣ, вставая со школьной скамьи. Для насъ существовали только теоріи, понятія же о дѣйствительности вещей—никакого. Намъ казалось нипочемъ созвать народный конвентъ въ Китаѣ, убѣдить пламенною рѣчью скрягу, пожертвовать тысячу рублей для бѣдной вдовы и сочинить новую религію. Чѣмъ болѣе какая нибудь теорія была рогата и замысловата, тѣмъ болѣе мы прилѣплялись къ ней и вѣрили въ ея значеніе. Но въ то же время у насъ было хорошее сердце и при первомъ естественномъ движеніи, наши любимыя теоріи также мало стѣсняли насъ, какъ вчерашніе сны. Вотъ современное состояніе русскаго общества,—не Россія, однакоже, которая вынесла изъ своей тысячелѣтней исторіи столько же личной закваски, какъ и всякій другой, развивающійся на-

Digitized by Google

родъ, но только закваска эта лежитъ еще покуда на днѣ—не въ одной народной массѣ, какъ говорили бывшіе славяно-филы,—но въ каждомъ изъ насъ, покрытая слоемъ общихъ теорій, украшающихъ память и почти не вліяющихъ на волю.

Разница между школьникомъ-человѣкомъ и школьникомъ-народомъ та, что старый школьникъ никуда не годится, между тѣмъ какъ народъ всегда юнъ и послѣ 8 вѣковъ самой трудной исторіи можетъ еще съ успѣхомъ сѣсть на скамью; но послѣдствія школы, въ первое время отзываются совершенно одинаково на человѣкѣ и на народѣ.

Мы бываемъ русскими, когда дѣйствуемъ подъ вліяніемъ какого нибудь возбужденія, не справляясь съ урокомъ, и становимся опять учениками, заговариваемъ некстати объ общечеловѣческихъ началахъ, когда хотимъ блеснуть передъ собою. Знаніе и личный взглядъ не слились еще въ насъ въ одно цѣлое, какъ всегда бываетъ на другой день послѣ выпускнаго экзамена.

Между тѣмъ мы уже отбыли экзаменъ. Воспитательный періодъ русской исторіи, начатый Петромъ Великимъ конченъ Александромъ II-мъ. Прошлое отрѣзано, какъ ножемъ. Правительство перестало быть учителемъ и народъ пересталъ быть ученикомъ, полуторастолѣтнія воспитательныя отношенія между нами замѣняются теперь естественными отношеніями правительства къ возмужалому народу. Послѣ разныхъ періодовъ нашей исторіи: удѣльнаго, монгольскаго, московскаго и воспитательнаго, мы начинаемъ теперь пятый періодъ—русскій. Насъ уже никто не будетъ учить, мы должны отвыкнуть отъ школьныхъ пріемовъ и жить самостоятельно народною личностію.

Какою?

Одинъ журналистъ увѣрялъ меня какъ-то, что мы должны быть личностію обще-человѣческою. Я и радъ бы: да какъ же сдѣлать, чтобы у меня было лице обще-человѣческое, а не какое нибудь опредѣленное? Даже американскій народъ, образовавшійся на нашихъ глазахъ изъ смѣси всѣхъ сѣверо-европейскихъ породъ, начинаетъ выдѣляться въ очень рѣзкую народную личность, и по мѣрѣ того, какъ зрѣетъ эта личность, зрѣетъ и американское государство, бывшее еще недавно не болѣе, какъ освободившеюся англійскою колоніею. Какъ же мы устроимся на обще человѣческихъ началахъ? Кажется, природная сила, производящая, безъ нашего вѣдома, какую нибудь

Digitized by Google

дѣйствительность и умозаключеніе о ней—двѣ вещи разныя; одно—фактъ, другое—отвлеченная идея.

Эти разговоры объ обще-человѣческихъ началахъ, которымъ занимаются только у насъ, составляютъ вторую, очень яркую мѣтку недавно покинутой скамьи. Каждый изъ насъ, прежде, чѣмъ выдѣлялъ свой личный взглядъ, смотрѣлъ на все глазами профессора. Обще-человѣческія начала (т.-е. арійско-христіанскія, потому что мусульманско-семитическія и туранско-шаманскія совсѣмъ иное дѣло) существуютъ у всѣхъ европейцевъ, какъ общая форма черепа, ведутъ къ заключенію только въ философіи и не мѣшаютъ никакому народу имѣть свой собственный типъ и жить по своему идеалу. Но даже въ видѣ философскаго заключенія, въ этихъ обще-человѣческихъ началахъ существуетъ рѣзкій оттѣнокъ между нами и западною Европою. Для людей, опредѣлившихъ свои понятія объ исторіи общества, и исторіи религіи, основная закваска православно-славянская (это можно сказать потому что православіе исповѣдуется $^4/_5$ славянства) и закваска католическая романо-германская совсѣмъ не одно и то же.

Покуда люди ненаучатся складывать исторію по произволу, въ чемъ они еще очень мало преуспѣли, исторія будетъ плодомъ, какъ растеніе, извѣстнаго сѣмени, упавшаго въ извѣстную почву. Такъ выросла старая Россія. Она была совершенно зрѣлою народною личностію, мало-ученою, но умнѣйшею, какъ иной волостной голова, и твердо знавшею, что ей нужно. Въ нашемъ государственномъ сознаніи (не лично-человѣческомъ, конечно), мы только тѣмъ и живемъ, что уцѣлѣло отъ старой Руси. Въ нынѣшнее царствованіе, давшее возможность ожить всему, что у насъ сохранилось живаго, мы стали гораздо ближе къ старорусскимъ взглядамъ, во внѣшней и внутренней политикѣ, чѣмъ были двадцать лѣтъ тому назадъ. А какъ смотрѣла на вещи старая Русь? Въ ней было невозможно многое, совершившееся въ послѣдніе полтораста лѣтъ и теперь снова понемногу кончающееся, ни польскій, ни остзейскій вопросы, въ ихъ настоящемъ видѣ, ни священный союзъ, жертвовавшій всѣми русскими интересами, ни рѣшеніе самыхъ насущныхъ экономическихъ вопросовъ въ теоретическомъ смыслѣ, ни множество другихъ вещей, которыхъ нечего здѣсь пересчитывать; даже ни одна война не начиналась тогда безъ ясной цѣли и не кончалась случайно, хотя правительство было всесильно,

Digitized by Google

какъ и теперь. Происходило же это оттого, что общество, какъ оно ни отставало въ другихъ отношеніяхъ, понимало себя, было твердою, сознательною народною личностію. Если бы тогдашная Россія стояла въ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, то славянскій вопросъ не встрѣтилъ бы въ ней ни минуты колебанія; общій голосъ отвѣчалъ бы: «тутъ рѣшается наше собственное дѣло»! Надо вспомнить, какъ Иванъ Грозный или Алексѣй Михайловичъ относились не къ Литвѣ, а къ католической Польшѣ, бывшей въ то время единственнымъ, доступнымъ намъ угломъ славянскаго міра. Тогдашняя Русь твердо знала кто она; не мудрено, что она также ясно сознавала своихъ ближнихъ и своихъ враговъ, никогда въ этомъ не ошибаясь. Воспитательный періодъ, давшій русскому обществу, безъ сомнѣнія, очень много, тѣмъ не менѣе сбилъ его съ толку, разрознилъ, пріучилъ искать неподходящихъ образцовъ, отвелъ глаза отъ своего прямаго дѣла,—это кажется истина общеизвѣстная. Мы вышли изъ школы, естественно, школьниками, но на бѣду въ то самое время, когда рѣшается, повидимому, окончательный поворотъ русской исторіи, когда намъ необходимо, болѣе чѣмъ когда нибудь, знать твердо, кто мы и куда идемъ? Чутье русскаго общества въ этомъ отношеніи вѣрно; но оно должно еще, кромѣ того; опредѣлиться сознательно.

Личность не сочиняется, она—природа, она только уяснется въ собственномъ сознаніи и развивается въ той мѣрѣ, на сколько сознается. Наша русская личность есть личность славянская, понимающая и примѣняющая государство, религію и взаимныя отношенія людей иначе, во многомъ, чѣмъ это понимается и примѣняется на западѣ. Но мы сильно перепутали въ послѣдній періодъ свое съ чужимъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ переварили свой обще-человѣческій урокъ, склонности у насъ свои, примѣры чужіе. Намъ будетъ трудно и долго входить въ настоящую колею, пока мы останемся глазъ на глазъ съ собою, не воротимся въ родную семью, не оживимъ старыхъ воспоминаній, не провѣримъ себя на однокачественныхъ, близко къ намъ подходящихъ, но разнообразныхъ примѣрахъ. Европейскія книги останутся при насъ, — это достояніе человѣка; но для полноты жизни народной нужно другое, разнообразіе оттѣнковъ, создавшее западную цивилизацію, и котораго у насъ нѣтъ: мы одинъ видъ своего рода, вокругъ насъ слишкомъ много пустоты. Мы не должны оста-

Digitized by Google

ваться въ такомъ отчужденномъ положеніи, когда представляется возможность изъ него выйти. Всѣ мы въ массѣ получили теоретическое образованіе, можно сказать, за границею; теперь нужно примѣнить его къ родной почвѣ, а такой урокъ могутъ дать только свои, старожилы этой почвы.

Первая современная потребность для насъ — перешагнуть скорѣе за рубежъ, отдѣляющій въ жизни даровитаго ученика отъ самостоятельнаго человѣка. Это возможно только для опредѣлившейся личности; а мы можемъ быть лишь тою личностію, какою насъ Богъ создалъ—славянскою по роду, и русскою по виду; къ этому надобно еще прибавить—грамотнымъ народомъ по званію. Третье условіе, трудно достижимо безъ двухъ первыхъ. Чужеземное вліяніе воспитательнаго періода разбило русскихъ людей на двѣ группы—на европейцевъ и неевропейцевъ. Что бы ни говорили, мы русскіе европейцы, смотримъ на остальныхъ русскихъ почти тѣми-же глазами, какъ остзейскіе нѣмцы на своихъ латышей; послѣдствіемъ выходитъ, что мы обращаемъ просвѣщеніе въ сословную монополію, и въ Россіи, вмѣсто нѣсколькихъ милліоновъ, сознательныхъ людей—въ чемъ вся сила—оказывается едва ли нѣсколько тысячъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣній чужеземной школы, мы надолго еще останемся чуждыми своему народу. Эта грань сотрется, и свѣтъ откроется русскому народу тогда лишь, когда всѣ мы, европейскіе и неевропейскіе люди, станемъ сами собою, славяно-русскими людьми.

Намъ нужно славянство не для того только, чтобы устоять въ европейской борьбѣ, но для того, чтобы съ его помощію самимъ стать опять славянами. Иначе—что же значитъ вся наша исторія и наша пятивѣковая борьба съ Польшею? Въ смутномъ, но настойчивомъ народномъ сознаніи, дѣло шло не о томъ, конечно, чтобы виленскія текущія дѣла рѣшались непремѣнно въ Москвѣ, а не въ Варшавѣ; споръ шелъ не о расширеніи круга дѣйствій русскихъ приказовъ и канцелярій. Народъ нашъ, тогда еще не разорванный по сословіямъ, чувствовалъ живо, что цѣлой половинѣ его жилось не по сердцу, не по русскимъ началамъ. Но вѣдь Польша была Европою, единственнымъ славянскимъ народомъ, совершенно отдавшимся Европѣ; и теперь она остается Европою несравненно больше, чѣмъ мы. Она поступала съ русскимъ народомъ буквально также, какъ Австрія и Пруссія поступаютъ съ ин-

Digitized by Google

гими славянскими народами, и дѣлала это во имя того, что она—Европа. Поляки могутъ цивилизовать на европейскій ладъ подчиненныя имъ племена гораздо успѣшнѣе, чѣмъ мы. Если Россія должна быть подражаніемъ Европѣ, то послѣдняя совершенно права въ своемъ приговорѣ о раздѣлѣ Польши. Въ такомъ случаѣ наша побѣда есть ни что иное какъ побѣда грубой силы надъ цивилизаціею, притѣснительной, правда, но не въ большей степени, чѣмъ была вся западная цивилизація. Поляки никогда не превосходили въ этомъ отношеніи англичанъ, по закону которыхъ, со временъ Кромвеля, каждый ирландецъ, родившійся отъ католическаго брака, считался незаконнорожденнымъ. Мы заняли просвѣщеніе съ запада, также какъ поляки. Если мы внесли его къ себѣ въ томъ же смыслѣ, какъ они, то наше первенство случайно и беззаконно, оно принадлежитъ по праву имъ; мы стоимъ къ полякамъ въ такомъ же отношеніи, какъ ученики младшаго класса къ ученикамъ старшаго. Одно изъ двухъ: или правы Духинскій и Анри-Мартэнъ съ братіею, или мы внесли къ себѣ европейскую науку не для того, чтобы стать подражаніемъ Европы, но чтобы примѣнить положительное знаніе къ своимъ особеннымъ началамъ. Въ послѣднемъ случаѣ наше призваніе дѣйствительно, и наша побѣда надъ Польшею, перебѣжчицею изъ славянства къ западу, разумна и законна. Что такое вся наша исторія? Сложить вопреки всякимъ препятствіямъ государство обнимающее шестую часть свѣта; пролить въ ежечасной борьбѣ потоки крови, своей и чужой, какихъ не проливалъ никакой народъ со временъ римлянъ; держать подъ своею властію многочисленные чуждые народы, и въ томъ числѣ одно великое славянское племя; быть надеждою многихъ другихъ народовъ и пугаломъ свѣта: пожертвовать всѣмъ и народомъ, и лицемъ, созданію государства, т. е. того именно, чего до сихъ поръ не доставало славянству, и все для того, чтобы стать, подъ конецъ, плохимъ спискомъ съ Европы, замѣнить ея прямое цивилизующее дѣйствіе на обширныя страны слабымъ его отраженіемъ? Такъ могутъ смотрѣть на вещи англійскіе журналисты, но исторія не создаетъ такихъ безобразій. Она строитъ будущее на прошедшемъ, этажъ на этажѣ все выше и выше, подымая человѣка къ небу. Но въ такомъ случаѣ—что же мы? Середины тутъ нѣтъ; или мы—славянство, съ его будущимъ, или мы—Туранъ, незаконное вторженіе прошлаго. Если же мы

Digitized by Google

не Туранъ, то на какомъ умственномъ уровнѣ надобно стоять чтобы спрашивать: «что намъ за дѣло до славянства?»

Подобные вопросы возможны у насъ, однакоже, со стороны людей даже умныхъ и достаточно образованныхъ, вслѣдствіе низкаго состоянія *общественнаго* образованія. Я слышалъ сотни разъ: славяне осуждены на безсиліе своимъ характеромъ; могъ-ли бы европейскій, а не славянскій народъ переносить 200 лѣтъ монгольское иго и 400 лѣтъ турецкое? Можетъ-ли быть, чтобы имѣющій будущность народъ не выработалъ себѣ въ теченіе вѣковъ, правильныхъ учрежденій? и т. д., безъ конца. Конечно, тутъ только полнѣйшее непониманіе исторіи. Тоже самое могли сказать римляне о германцахъ, потоптанныхъ гуннами и остававшихся тысячелѣтія въ варварствѣ—и ошиблись-бы. Одно дерево даетъ плодъ раньше, другое позже, въ этомъ состоитъ преемство породъ въ исторіи, т. е. сама исторія. Но въ такихъ заключеніяхъ наши умные люди не виноваты—и это самое худое, потому что тутъ виноватъ уровень общаго развитія. Нельзя требовать отъ каждаго человѣка, чтобъ онъ самъ додумывался до пониманія исторіи. Для этого существуетъ общественное просвѣщеніе, распространяющее между людьми *дознанныя заключенія* о всемъ томъ, что они не успѣли передумать лично. Въ количествѣ такихъ стереотипныхъ заключеній и состоитъ уровень народнаго образованія. У насъ до этого еще не дошло, и не дойдетъ, пока мы будемъ учиться съ чужихъ словъ чему попало. Но чтобы у насъ могла выработаться образовательная система, лично къ намъ примѣненная, прежде всего нужно рѣшить—кто мы? Россія доросла до той поры, что безъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не можемъ ступить шага ни въ какомъ направленіи.

Славянство или Туранъ—другаго выхода нѣтъ.

Безъ сомнѣнія, всякое великое историческое движеніе оправдывается только конечнымъ вліяніемъ своимъ на пользу человѣчества и просвѣщенія. Возсозданіе славянскаго міра оказалось бы безплоднымъ, если бы міръ этотъ твердилъ зады и не выработалъ новыхъ путей въ человѣческомъ развитіи. Говорить впередъ о такой задачѣ было бы безсмыслицею. Но для нея существуютъ всѣ необходимыя данныя — послѣдняя арійская, т. е. прогрессивная порода, выступающая на сцену свѣта; особая религіозная основа, исключительно чистая, просвѣщавшая до сихъ поръ личную совѣсть людей, но въ об-

Digitized by Google

щественномъ отношеніи, лежавшая какъ бы подъ спудомъ и свой новый театръ дѣйствій, такой старый, что онъ кажется новымъ для исторіи—весь востокъ стараго свѣта. Когда астрономія обнаруживаетъ въ какой нибудь планетѣ три условія: достаточно плотную массу, чтобъ быть твердымъ тѣломъ, атмосферу и жидкость въ видѣ облаковъ и полярнаго снѣга, мы въ правѣ утверждать à priori, что на этой планетѣ есть или будетъ жизнь.

Заключеніе вытекаетъ само собою. Если Россія нравственно можетъ быть чѣмъ нибудь только съ условіемъ, чтобы она была славянскою, и если политическій устой нашъ зависитъ отъ того, чтобъ внѣ-русскіе славяне удержали за собой свою личность и свое мѣсто на землѣ, то современная русская задача состоитъ въ томъ, чтобъ спасти славянство. Въ настоящую минуту можно сказать утвердительно, не задаваясь даже дальнѣйшимъ будущимъ: наша собственная участь зависитъ отъ того, что станется съ чехами, хорватами, поляками и русскими галичанами въ текущіе годы.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

NOV 20 1935

Digitized by Google

Digitized by Google